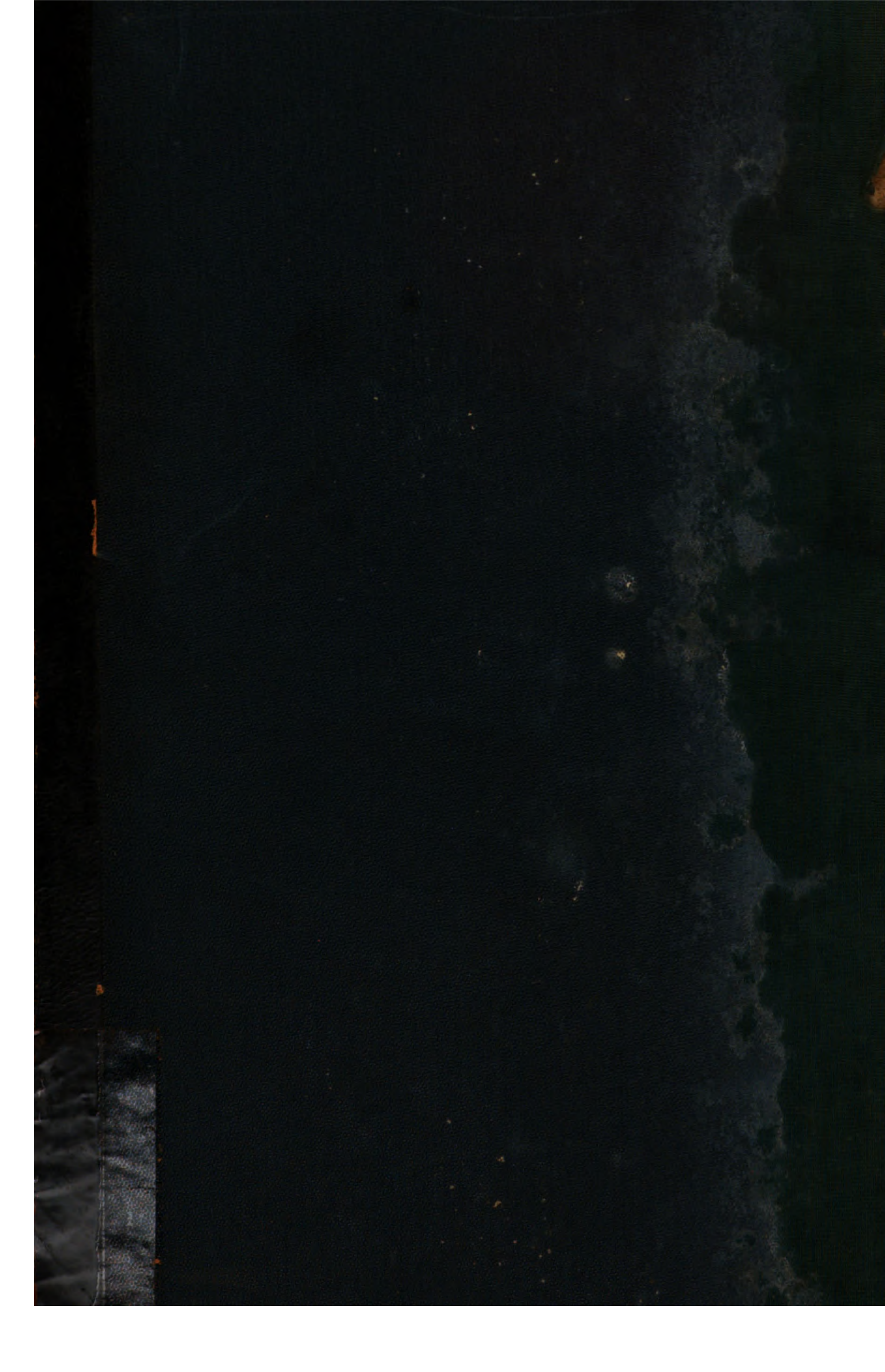
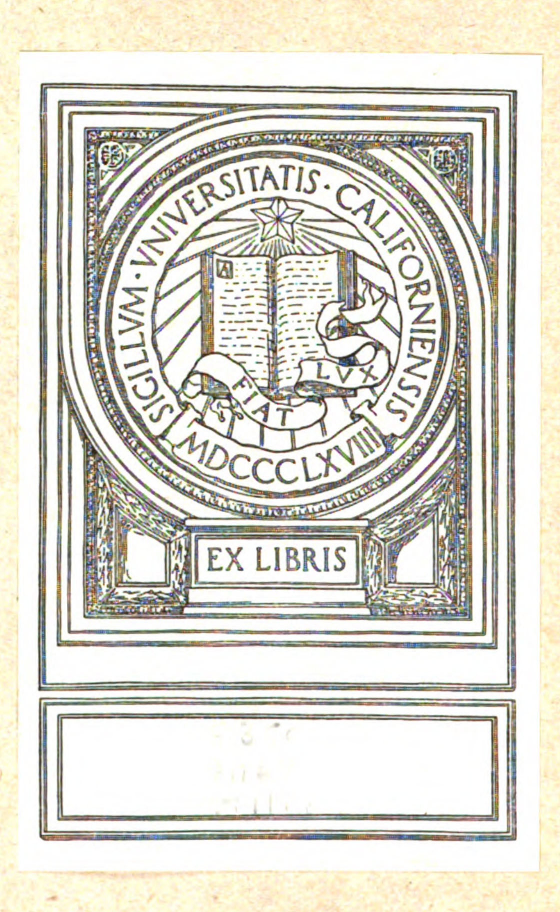



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XI-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

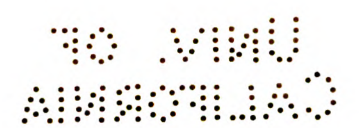
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.



СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XI-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

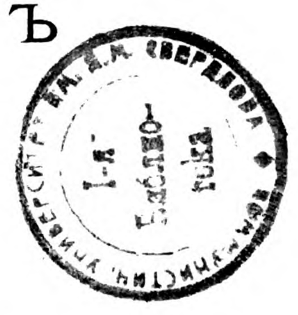
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

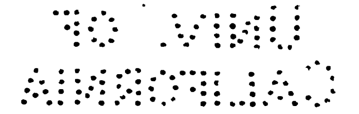
САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1902 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 00-го іюля 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

(*Продолженіе* *).

IX.

Увлеченіе Гоголя исторіей; романтическая подкладка этого увлеченія.—Пріемы его работы.—Чего онъ требовалъ отъ исторіи и историка.—Любовь Гоголя къ среднимъ вѣкамъ.—Религіозная и консервативная тенденція въ его историческомъ міровоззрѣніи.—Литературная обработка историческихъ сюжетовъ: «Ал-Мамунъ» и «Альфредъ».—«Жизнь».—Занятія Гоголя исторіей Малороссіи; его увлеченіе пѣснями.—Неоконченная повѣсть объ Остраницѣ.—«Тарасъ Бульба»; реализмъ въ деталяхъ повѣсти и романтизмъ въ замыслѣ.—Наша историческая повѣсть времени Гоголя: Пушкинъ, Нарѣжный, Марлинскій, Загоскинъ, Лажечниковъ и Полевой.—«Тарасъ Бульба», какъ лучшій образецъ исторической повѣсти романтическаго стиля.

Въ тѣ годы, когда талантъ реалиста и бытописателя сталъ все яснѣе и рѣшительнѣе сказываться въ творчествѣ Гоголя, всѣ его романтическія и сентиментальныя симпатіи сосредоточились на его историческихъ занятіяхъ и тѣхъ его литературныхъ произведеніяхъ, которыя на почвѣ такихъ занятій возникли. Влеченіе къ прошедшему никогда не покидало нашего писателя и онъ положилъ много труда на удовлетвореніе этой любви. Съ внѣшними условіями, при которыхъ Гоголю пришлось выступить въ роли истолкователя и иллюстратора старины мы уже знакомы; намъ остается только поближе присмотрѣться къ тому, какъ онъ выполнялъ свою задачу. Онъ выполнялъ ее двояко: и какъ педагогъ-историкъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и какъ художникъ, который историческое прошлое избиралъ предлогомъ и канвой для своихъ поэтическихъ созданій.

Пересмотръ историческихъ статей и повѣстей Гоголя покажетъ намъ прежде всего, какъ упорно держались въ немъ его романтическіе вкусы. Какъ настоящій романтикъ, Гоголь любилъ старину не временной и капризной страстью, а любовью ровной и постоянной. Онъ любилъ исторію еще въ нѣжинскомъ лицеѣ, и несмотря на общее лѣнивое отношеніе ко всѣмъ наукамъ, онъ этой наукѣ удѣлялъ тогда всего больше времени; и онъ продолжалъ любить ее и послѣ, даже въ послѣдніе тяжелые годы своей жизни.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1902 г.

Это была любовь достаточно самоувѣренная, какъ извѣстно. Чувствуя въ себѣ даръ дивинаціи, художникъ привыкалъ на него полагаться; фантазія часто ослѣпляла его и онъ пріучался цѣнить въ себѣ импровизатора,—почему настоящая осмотрительная ученая работа и была ему мало по вкусу. Гоголь сокращалъ эту работу иногда очень произвольно и даже не совсѣмъ корректно. Онъ пользовался чужимъ трудомъ безъ критики, компилировалъ, а иногда прямо наспѣхъ бралъ чучужіе выводы и очень откровенно просилъ своихъ друзей — ученыхъ спеціалистовъ снабжать его таковыми. Когда напр., на него «взвалили», какъ онъ говорилъ, чтеніе курса древней исторіи, ему почти совсѣмъ незнакомой, онъ, не стѣсняясь, просилъ Погодина выслать ему его лекціи, хоть въ корректурѣ. Но въ этомъ же письмѣ, гдѣ онъ такъ откровенно взывалъ о помощи, есть нѣсколько строкъ, въ которыхъ для біографа кроется важное указаніе. «Я бы отъ души радъ былъ, еслибъ намъ подавали побольше Гереновъ *),—писалъ Гоголь.—Изъ нихъ можно таскать обѣими руками... Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно писаны; не гляди также на статью «О среднихъ вѣкахъ». Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь! у меня цѣль высшая! Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мной раздвигается природа и человѣкъ?..» **).

Можно какъ угодно скептически относиться къ историческимъ знаніямъ и занятіямъ Гоголя, но читая такія признанія, невольно задаешь себѣ вопросъ, неужели же онъ лукавилъ и лгалъ? Не будемъ ли мы правы, предположивъ, что онъ, какъ настоящій поэтъ и мечтатель, былъ самъ введенъ въ заблужденіе своей фантазіей и, дѣйствительно, ощущалъ въ себѣ такой наплывъ творческой мысли—конечно очень неопредѣленной—который уполномочивалъ его думать, что онъ однимъ даромъ прозрѣнія можетъ достичь того, чего другіе достигаютъ упорнымъ трудомъ?

Не наглостью, а самообольщеніемъ должно объяснять нѣкоторыя мысли и слова Гоголя, въ которыхъ онъ съ непонятной развязностью говоритъ о наукѣ и ея работникахъ. А такихъ неосторожныхъ словъ было сказано много. «Охота тебѣ — пишетъ онъ Погодину — заниматься и возиться около Герена ***), который далѣе своего нѣ-

---

*) Нѣмецкій ученый историкъ.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 326—327.

***) У котораго онъ собирался таскать обѣими руками.

мецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудной человѣкъ: онъ воображаетъ себѣ, что политика какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ, и при томъ совершенно абсолютное существо, являющее мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, не старѣющее, не молодѣющее, ни умное, ни глупое, чортъ знаетъ что такое... Я самъ замышляю дернуть исторію среднихъ вѣковъ,—тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли...» *). «Я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера,—писалъ онъ тому же Погодину. Это точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи пріобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ и владѣніе имъ законно. Но что дѣлать? Проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время» **). При другомъ случаѣ Гоголь жалуется, что онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ нигдѣ не встрѣчаетъ ни одной новой исторической истины. «Набору словъ пропасть—говоритъ онъ—выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая» ***). Нашъ самоувѣренный историкъ былъ также совсѣмъ не доволенъ, напр., всѣми существующими общими сводами по исторіи среднихъ вѣковъ. Онъ не досчитывался въ нихъ строгаго порядка и плана, художественной отдѣлки и вообще «достоинствъ совершенно классическаго созданія» ****), а между тѣмъ, какъ видно изъ его замѣтокъ по «Библіографіи среднихъ вѣковъ», онъ былъ знакомъ съ дѣйствительно классическими трудами по интересовавшему его вопросу...

Рѣзкость сужденій Гоголя конечно, не покрывалась его знаніями, но должно замѣтить, что онъ трудился не мало. По натурѣ своей онъ былъ человѣкъ лѣнивый, это вѣрно; но кто знаетъ, какія книги у него въ рукахъ перебывали? Судить объ его чтеніи по тѣмъ указаніямъ, которыя сохранились въ его рукописяхъ—едва ли возможно; многое могло не попасть въ эти записки, наконецъ, и сами рукописи дошли до насъ, очевидно, не въ полномъ составѣ. Какъ воспользовался Гоголь прочитанными книгами—это иной вопросъ, и никто никогда не рѣшится назвать Гоголя ученымъ или признать за его работами какое-нибудь научное значеніе. Но самъ Гоголь могъ съ нѣкоторой гордостью говорить о своихъ занятіяхъ, такъ какъ лишь онъ одинъ зналъ, чего они ему стоили, и лишь онъ одинъ могъ судить о силѣ того вдохновенія—правда чисто по-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 324—325.

**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 237.

***) «Письма Н. В. Гоголя», I, 250.

****) См. его замѣтки: «Библіографія среднихъ вѣковъ». «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-ое изданіе, VI, 273.

*

этическаго—которое ощущалъ въ себѣ, когда направлялъ свою мысль на судьбы прошлаго.

Въ этихъ мысляхъ насъ поражаетъ прежде всего широта требованій, которыя Гоголь ставилъ исторіи и историку, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторая односторонность этихъ широкихъ требованій, вполнѣ понятная въ нашемъ художникѣ.

Въ статьѣ «О преподаваніи всеобщей исторіи», которая была какъ бы оффиціальной програмкой, представленной Гоголемъ въ министерство, нашъ профессоръ и историкъ говорилъ подробно о томъ, какъ онъ понимаетъ сущность своей науки и внѣшнюю форму ея преподаванія. Онъ хочетъ научить слушателей не методу историческихъ изслѣдованій, а научить ихъ понимать и чувствовать всю лѣтопись міра. Не на разборѣ отдѣльныхъ событій и эпизодовъ хочетъ онъ, какъ профессоръ, остановиться, чтобы показать ученику какъ работать; онъ хочетъ развернуть передъ нимъ сразу всю картину человѣческой жизни, не упуская ни одной изъ ея истинъ. Географическое положеніе, этнографическій составъ, племенная психологія, политика *), торговля, религія, литература и искусство—все должно войти въ одну общую картину жизни всѣхъ вѣковъ и народовъ. Картина эта должна быть «плодомъ долгихъ соображеній и опыта. Ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не должно быть брошено въ этой картинѣ для красоты и мишурнаго блеска, но должно быть порождено долговременнымъ чтеніемъ лѣтописей міра, такъ какъ составить эскизъ общій, полный исторіи всего человѣчества можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя ея нити».

Раскидывать на бумагѣ такой планъ было легко, какъ и требовать отъ историка, чтобы онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ цѣнныя качества лучшихъ представителей науки, чтобы онъ «глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединялъ съ быстрымъ огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскательной расторопной мудростью Миллера». Можно было въ своихъ требованіяхъ пойдти и еще дальше, и ко всѣмъ достоинствамъ только что перечисленныхъ историковъ добавить еще «неодолимую увлекательность», которая дышетъ въ историческихъ трудахъ Шиллера, умѣніе Вальтеръ-Скотта замѣчать самые тонкіе оттѣнки и, наконецъ, шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ **)». Мечтать о такомъ историкѣ, было, конечно, позволительно, но ожидать его появленія было невозможно, и самъ Гоголь въ своемъ стремленіи къ этому идеалу остановился лишь на самыхъ внѣшнихъ его качествахъ; онъ погнался за картинностью выраженія и за характеристиками историческихъ лицъ, дѣлая свою рѣчь все болѣе и болѣе «огненной» и напрягая

*) Нашъ авторъ умалчиваетъ только о государственныхъ устройствахъ.

**) Статья «Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ» въ «Арабескахъ».

изо всѣхъ силъ свою фантазію. Такимъ образомъ, при очень широкомъ пониманіи исторіи, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на одной лишь внѣшней сторонѣ изложенія, которая, за отсутствіемъ другихъ сторонъ обращала его лекцію въ занимательный разсказъ. Впрочемъ, онъ самъ говорилъ, что всеобщая исторія «должна быть полной величественной поэмой»; что въ изложеніи историка «все, что ни является въ исторіи: народы, событія должны быть непремѣнно живы и какъ бы находиться предъ глазами слушателей или читателей, чтобы каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ, проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена». Понимать такъ задачу преподаванія значило прежде всего требовать отъ профессора яркаго литературнаго таланта. Гоголь и имѣлъ его въ виду, когда говорилъ, что слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный, «что профессоръ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей, что разсказъ его долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ быть простъ и понятенъ для всякаго». Профессору разрѣшалось также не быть скупымъ на сравненія, такъ какъ понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ *), Самъ Гоголь такими сравненіями любилъ злоупотреблять и, какъ мы видимъ, не только по недостатку знаній, а сознательно.

Вся великая поэма міра, которую нашъ самозванный профессоръ собирался разсказать своимъ слушателямъ интересовала его самого, впрочемъ не одинаково во всѣхъ своихъ эпизодахъ. Были эпохи исторіи, которыя Гоголь не зналъ и—что для него было хуже—не любилъ. Зато былъ одинъ періодъ, вполнѣ соотвѣтствующій его романтическимъ вкусамъ.

Древней исторіей Гоголь почти не интересовался и былъ очень недоволенъ, когда ему поручили ея чтеніе. Грецію онъ какъ-то совсѣмъ обошелъ, что̀ кажется очень страннымъ при его развитомъ эстетическомъ вкусѣ. Среди сохранившихся записокъ по этому періоду всеобщей исторіи—записокъ, представляющихъ почти сплошь выписки изъ Геродота—есть только одна оригинальная замѣтка объ Александрѣ Македонскомъ, неизвѣстно когда написанная, въ которой Гоголь восторженно отозвался объ этомъ завоевателѣ и, что̀ очень характерно, отмѣтилъ, какъ дорого обошлись планы этого реформатора для греческой самобытности *). Этотъ малый интересъ Гоголя къ Греціи находитъ себѣ, быть можетъ, объясненіе въ той нелюбви къ чисто политическимъ вопросамъ, которую нашъ писатель всегда обнаруживалъ и которая должна была служить большой помѣхой въ изученіи именно греческой исторіи, ходъ которой опредѣ-

*) Статья «О преподаваніи всеобщей исторіи» въ «Арабескахъ».

**) «Александръ». Сочиненія Н. В. Гоголя. X-ое изданіе, VI, 265.

ляется главнымъ образомъ государственнымъ устройствомъ различныхъ племенъ, входившихъ въ составъ эллинской національности. Гоголь не любилъ и Рима. «Народъ, проведшій суровую воинственную жизнь, съ простыми республиканскими, грубыми и мужественными доблестями, еще не имѣвшій времени и не достигшій развитія жизни гражданственной» *)—былъ ему мало симпатиченъ. Эпоха римской республики могла ему не нравиться своимъ утилитарнымъ и ригористическимъ взглядомъ на жизнь, а эпоха имперіи казалась ему «неподвижнымъ» временемъ и сами императоры—безсильными **).

Сердце его лежало къ среднимъ вѣкамъ, къ которымъ были такъ неравнодушны всѣ европейскіе романтики.

Психика поэта не мало участвовала къ этомъ выборѣ; гдѣ было найти такое преобладаніе мечты надъ реальной жизнью, такое вторженіе чудеснаго и небеснаго въ житейское, такое самопогруженіе людей въ область религіозной и философской мысли, какъ въ эту романтическую эпоху человѣческой жизни? Христіанство съ его длинной мрачной эпохой мученій и его небесными видѣніями, разлагающійся античный міръ съ его меланхоліей и разгуломъ, стихійное движеніе варваровъ, рыцарство и монашество, папа и императоръ, плѣненный и освобожденный Іерусалимъ и, наконецъ, воскресеніе старыхъ боговъ Олимпа — какъ легко было заблудиться въ этомъ лѣсу поэзіи!..

Стоитъ прочитать лекцію Гоголя о движеніи народовъ въ концѣ V вѣка, а главное, его лекцію о среднихъ вѣкахъ, чтобы увидать, какой смыслъ для него имѣла эта эпоха.

Онъ считалъ ее самой главной эпохой въ исторіи. «Средніе вѣка составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ—говорилъ профессоръ—имъ можно назначить то самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устроеніи человѣческаго тѣла—сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живого дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположеній, такой странной яркости, какъ въ ней, и ее можно сравнить съ огромнымъ строеніемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готскія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзьба, греческій карнизъ, готическое окно—все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свой-

*) «Выдержки изъ лекцій по исторіи среднихъ вѣковъ». «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-ое изданіе VI, 278.

**) Статья «О среднихъ вѣкахъ» въ «Арабескахъ».

ственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, не встрѣчающими себѣ подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена» *). «Средніе вѣка—вѣка чудесные. Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ и властвуетъ вездѣ, во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, порывы и мечты, не думавшіе о слѣдствіяхъ, не призывавшіе на помощь холоднаго соображенія, еще не имѣвшіе прошедшаго, чтобы оглянуться. Все въ среднихъ вѣкахъ—поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Перемѣна слишкомъ ощутительна, и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно совершающія правильное теченіе».

Романтикъ, влюбленный въ идеализированное имъ прошлое, чувствуется въ каждомъ словѣ этой странной университетской лекціи, чувствуется и поэтъ, умѣющій въ двухъ трехъ словахъ набросать цѣлую картину, производящую большое впечатлѣніе, но опять-таки на фантазію слушателя, а не на его мысль. Стоитъ послушать, какъ Гоголь говорилъ о крестовыхъ походахъ, «въ которыхъ не было ни одного собственнаго желанія, ни одной личной выгоды», объ этомъ «шествіи королей и графовъ въ простыхъ власяницахъ и монаховъ, препоясанныхъ оружіемъ, епископовъ и пустынниковъ съ крестами въ рукахъ»; какъ онъ говорилъ о средневѣковой женщинѣ «розовая или голубая лента которой вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы,—женщинѣ, для которой суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъ же мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обѣты изумительные и неподражаемые по своей строгости къ себѣ, и все это для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества»; достаточно припомнить слова профессора о «страшныхъ тайныхъ судахъ, гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, судахъ неумолимыхъ, неотразимыхъ, какъ высшія предопредѣленія, являющихся уже не совѣстью передъ вѣтренымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни»; стоитъ также послушать съ какимъ прочувствованнымъ паѳосомъ ученый говорилъ о готическомъ искусствѣ, о средневѣковомъ городѣ съ его «узенькими неправильными улицами, высокими пестрыми готическими домиками, среди которыхъ стоитъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ домъ, по растреснувшимся стѣнамъ котораго лѣпится мохъ и старость, окна котораго глухо заколочены—жилище алхимика: Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы,

---

*) «О среднихъ вѣкахъ», 1834 г.

докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою, и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой и гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи...» стоитъ прослушать всѣ эти слова чтобы догадаться, что на каѳедрѣ сидитъ настоящій поэтъ, который въ прошлой жизни ищетъ преимущественно красивыхъ очертаній, таинственнаго смысла, величія явленій и, не стѣсняясь, идеализируетъ все, что ему въ этомъ прошломъ такъ нравится. А Гоголю нравилось либо непосредственное, первобытно-дикое, какъ видно изъ его колоритныхъ разсказовъ о такой скучной эпохѣ, какъ переселеніе народовъ, либо таинственно-спокойное и величественно-восторженное— что̀ онъ въ изобиліи находилъ въ эпоху расцвѣта средневѣковаго міросозерцанія. Въ обоихъ случаяхъ онъ раздѣлялъ вкусы и симпатіи всѣхъ романтиковъ своего поколѣнія.

Въ статьяхъ и лекціяхъ Гоголя можно уловить, кромѣ того, еще двѣ тенденціи, которыя въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нерѣдко проступали въ романтическомъ міросозерцаніи нашихъ писателей; эти тенденціи — религіозность и консерватизмъ. Въ оцѣнкѣ той власти, которую онѣ имѣли тогда надъ Гоголемъ, нужно, однако, принять во вниманіе, что статья «О преподаваніи всеобщей исторіи», въ которой эти тенденціи всего яснѣе выражены, была, какъ замѣтилъ Н. С. Тихонравовъ, оффиціознымъ profession de foi Гоголя при предъявленіи кандидатуры на каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ *). Политическій и общественный консерватизмъ и религіозный образъ мыслей могли быть поэтому умышленно подчеркнуты авторомъ, какъ, напр., въ программѣ его лекцій умышленно была обойдена французская революція и преподавателю предоставлено право отъ эпохи Людовика XIV перескочить сразу въ эпоху первой имперіи.

Цѣлью его преподаванія, какъ говорилъ профессоръ, было стремленіе сдѣлать сердца юныхъ слушателей твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ,—сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастьи, ни въ несчастьи не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ своей благородной чести и своей клятвѣ—быть вѣрными отечеству и государю». Эти слова могли быть вполнѣ искренно сказаны: Гоголь всю жизнь былъ правовѣрнымъ консерваторомъ и вѣрноподданнымъ, и если предположить, что онъ на профессуру смотрѣлъ какъ на «службу», а отъ службы ожидалъ великой пользы для своихъ соотечественниковъ,

*) «Сочиненія Н. В. Гоголя», X-ое изданіе, V, 566.

то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ профессору вмѣнялъ въ обязанность блюсти за тѣмъ, чтобы для слушателей слова «преданность религіи и привязанность къ отечеству и государю» не были словами ничтожными, «что влечетъ за собой нерѣдко ужасныя слѣдствія». Но если даже признать, что въ своей «оффиціозной» программѣ Гоголь нѣсколько повысилъ свой патріотизмъ и свое религіозное чувство, то все-таки обѣ эти тенденціи сказывались достаточно ясно въ его историческихъ статьяхъ и замѣткахъ. Онъ все-таки думалъ, «что не люди совершенно установляютъ правленіе, что его нечувствительно установляетъ и развиваетъ самое положеніе земли, отъ котораго зависитъ народный характеръ, что поэтому-то формы правленія и священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ»... Онъ думалъ также, что вся всеобщая исторія есть осуществленіе плановъ Провидѣнія и онъ при каждомъ удобномъ случаѣ говорилъ объ этомъ Провидѣніи: непостижимой волею Его опустился на Европу величественный хаосъ переселенія народовъ, въ Его планахъ было усиленіе власти римскаго первосвященника: безъ нея Европа разсыпалась-бы, другія государства бы развратились, другія сохранили бы дикость на гибель сосѣдямъ... Провидѣніе неусыпно бодрствовало и надъ европейскимъ рыцарствомъ и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его... «Все колоссальное величіе міра проникнуто таинственными путями Промысла, передъ которымъ невольно преклонишь колѣна», говорилъ профессоръ и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать въ этихъ словахъ одну лишь реторическую фигуру восклицанія. По крайней мѣрѣ, съ этими консервативными и религіозными идеями Гоголь сошелъ въ могилу.

Таковы были мысли нашего писателя о всеобщей исторіи, его симпатіи и его рѣчь съ каѳедры... Нѣтъ нужды ставить вопроса—что отъ этихъ плановъ и рѣчей сама исторія выиграла. Важно не то, чѣмъ Гоголь былъ для исторіи (труды его никакого научнаго значенія не имѣютъ), а то, чѣмъ исторія была для него. А она дала ему не мало минутъ высокаго наслажденія. На ея страницахъ находилъ онъ, энтузіастъ и романтикъ, отвѣтъ на многіе свои духовные запросы. Идейность, таинственность и религіозность среднихъ вѣковъ были для него историческимъ подтвержденіемъ многихъ чувствъ и мыслей, которыми онъ самъ жилъ и для которыхъ ему было очень трудно найти въ XIX вѣкѣ подходящее выраженіе. Позднѣе, подъ конецъ жизни, его собственное міросозерцаніе приняло даже нѣкоторый средневѣковой оттѣнокъ и его мистицизмъ, самобичеваніе, религіозный экстазъ, его посты и молитвы, его путешествіе ко гробу Господню, его покаяніе передъ всѣмъ свѣтомъ—были проявленіемъ тѣхъ самыхъ чувствъ и того настроенія, которыя рисовались ему столь заманчивыми въ исторической дали. Гоголь-профессоръ среднихъ вѣковъ предвѣщалъ уже

появленіе Гоголя-проповѣдника религіозной, аскетической и смиренной морали.

Быть можетъ это субъективное отношеніе къ исторіи и было причиной неуспѣха профессора у слушателей. Мы помнимъ нелестные отзывы ихъ о лекціяхъ Гоголя: почти всѣ свидѣтели его профессорской дѣятельности утверждаютъ, что у него не было достаточныхъ знаній; но судьями его знаній они быть не могли, такъ какъ у нихъ этихъ знаній было еще меньше. Мы имѣемъ право предположить, что Гоголь къ лекціямъ готовился и потому причину неуспѣха слѣдуетъ искать въ слишкомъ необычномъ для учителя, слишкомъ исключительномъ, романтическомъ отношеніи къ тому, что требовало критики и хладнокровія — отношеніи, которое далеко не всѣмъ слушателямъ было понятно и симпатично, и которое, кромѣ того, въ самомъ преподавателѣ зависѣло отъ минутнаго настроенія. Вотъ почему профессоръ на одной лекціи могъ увлечь своихъ слушателей, а на другой былъ вялъ и скученъ, вотъ почему и они могли быть недовольны, и онъ могъ негодовать на нихъ за то, что они его не понимаютъ и на его настроеніе не откликаются. Онъ все-таки оставался на каѳедрѣ капризнымъ поэтомъ и потому такъ долго не сознавалъ своей ошибки.

Лекціи Гоголя, какъ мы видѣли, бывали иной разъ, дѣйствительно, невольными поэтическими грезами. Случалось, однако, что онъ и сознательно пользовался своими историческими знаніями для чисто литературныхъ цѣлей. Такимъ литературнымъ произведеніемъ была напр. его историческая характеристика Калифа Ал-Мамуна (1834)—поэтическое произведеніе, которое онъ преподнесъ своимъ слушателямъ въ видѣ лекціи. Эта характеристика по своей художественной законченности и психологической правдѣ напоминаетъ знаменитыя въ послѣдствіи характеристики Грановскаго. Все въ ней соразмѣрно и красиво и каждая фраза либо мысль, либо художественный образъ. Среди этихъ мыслей есть два намека, которые опять-таки важны, не какъ историческая истина, а какъ правда о самомъ Гоголѣ. Это — во первыхъ мысль о томъ, какова роль великихъ поэтовъ въ государствѣ. Они— великіе жрецы—говорилъ нашъ самолюбивый художникъ. — Мудрые властители чествуютъ такихъ поэтовъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоцѣнную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца». Какъ часто въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь считалъ себя призваннымъ давать такія государственные совѣты именно въ силу того, что сознавалъ себя «вѣдателемъ глубины человѣческаго сердца»! Въ «Ал-Мамунѣ» есть и другая мысль, которая съ годами также укоренилась въ сознаніи нашего поэта; это его взглядъ на національную самобытность. Калифъ Ал-Мамунъ, великій реформаторъ и просвѣтитель, при всѣхъ своихъ необычайныхъ достоинствахъ, ускорилъ паденіе своего государства, потому что «упу-

стилъ изъ виду великую истину, что образованіе черпается изъ самаго же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій». Съ этой здѣсь впервые вскользь брошенной мыслью Гоголь уже не разставался.

Романтическая любовь къ типу идеальнаго властителя побудила нашего автора приступить и къ обработкѣ одного историческаго сюжета въ формѣ драмы. Въ 1835 году онъ набросалъ нѣсколько явленій трагедіи изъ англійской жизни, подъ заглавіемъ «Альфредъ». Въ трагедіи данъ опять-таки типъ великаго народнаго реформатора. Король Альфредъ—образецъ рыцарской честности, самаго просвѣщеннаго ума и благихъ тенденцій, типъ рыцаря-христіанина и вмѣстѣ съ тѣмъ самовластнаго повелителя, который долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію,—однимъ словомъ довольно распространенный въ тогдашней романтикѣ типъ вѣрующаго въ свою власть благодѣтеля и просвѣтителя народовъ.

«Ал-Мамунъ» и «Альфредъ»—единственные литературные памятники, обязанные своимъ происхожденіемъ увлеченію Гоголя всеобщей исторіей. Есть впрочемъ и еще одинъ набросокъ, въ которомъ нашъ историкъ далъ полную свободу своей фантазіи, стремясь сохранить однако историческую перспективу. Это — знаменитое стихотвореніе въ прозѣ «Жизнь» (1834). Оно всѣмъ извѣстно; и если мы рѣшаемся припомнить его, то лишь затѣмъ, чтобы еще разъ указать на то, какъ историческое прошлое будило въ нашемъ историкѣ его даръ поэта, какъ художникъ побѣждалъ и окончательно покорялъ въ немъ ученаго.

«Бѣдному сыну пустыни,—мечталъ Гоголь,—снился сонъ:

Стоитъ надъ неподвижномъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою: граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ: идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушимая тлѣніемъ.

«Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ babel мракѣ древесномъ: мраморъ страстный дышетъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою... И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

«Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувъ свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

«И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его

равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: «Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Науки, искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія. Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое существованіе...»

«И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность свѣтлый міръ грековъ и, казалось, вмѣсто словъ слышалось дыханіе цѣвницы:

«Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! Мчись на колесницѣ, искусно правя конями на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія».

«И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ, стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру — нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь, наконецъ, небо».

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилася къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

«Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами—пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...»

Все, чѣмъ жилъ тогда Гоголь въ минуты лирическаго подъема духа: и увлеченіе стариной, и культъ красоты, и полетъ воображенія и глубокое затаенное религіозное чувство,—все нашло себѣ выраженіе въ этой грезѣ, поэтичной и философской, патетической и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко искренней. Это одно изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ правдивыхъ «лирическихъ мѣстъ», которыми такъ часто прерывалась рѣчь Гоголя о людяхъ и мірѣ.

Труды надъ всеобщей исторіей чередовались у Гоголя съ работами по исторіи Малороссіи. Съ его планами написать исторію своей родины, своей «бѣдной Украины», мы отчасти уже знакомы. Планы были очень смѣлые и очень заманчивые: настолько заманчивые, что Гоголь, думая о нихъ, терялъ, иногда умышленно, а иногда и неумышленно способность различать между исполненнымъ и задуманнымъ. Старину своей родины онъ любилъ съ дѣтства. Воспоминанія о ней и живой интересъ къ ея остаткамъ легли въ основаніе его первыхъ повѣстей; съ мечтами объ этой старинѣ онъ не разставался и въ первый разъ, когда бѣжалъ за границу; надъ ней работалъ онъ и въ періодъ своего увлеченія наукой, и, наконецъ, когда въ 1836 году покинулъ Россію надолго, онъ увезъ съ собой все ту же любовь къ малороссійскимъ древностямъ: онъ и въ Италіи продолжалъ думать о запорожцахъ и долго носился съ планами объ исторической трагедіи изъ жизни старой Украйны, ревностно роясь въ мемуарахъ, пѣсняхъ и разныхъ ученыхъ книгахъ.

Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ эта любовь, какъ мы знаемъ, была подогрѣта надеждой получить въ Кіевѣ каѳедру, и Гоголь жилъ этой мечтой стать малороссійскимъ Ѳукидидомъ или по меньшей мѣрѣ Геродотомъ...

Въ 1837 году она кажется, особенно разыгралась. «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную — писалъ онъ Погодину; и та и другая у меня начинаетъ двигаться... Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!» *) «Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца,—сообщалъ онъ другому пріятелю Максимовичу. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ» **). Наконецъ, въ томъ же году онъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» объявленіе объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ, гдѣ говорилъ, что настоящей исторіи Малороссіи пока еще не существуетъ, что все, что по этому вопросу написано—компиляція и что онъ намѣренъ восполнить

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 277.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 275.

этотъ пробѣлъ въ наукѣ. «Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края,—утверждалъ онъ. Половина моей исторіи почти уже готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, мнѣ неизвѣстныхъ». И Гоголь просилъ сообщать ему эти матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ и дѣловыя бумаги. Обманывался ли онъ самъ, или хотѣлъ невѣрнымъ сообщеніемъ выманить у читателя кое-какія рѣдкости? Вѣроятно,—и то, и другое: онъ хитрилъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самъ обманутъ своей мечтой, какъ это въ жизни съ нимъ неоднократно случалось.

Что же, въ концѣ концовъ, осталось отъ этихъ занятій исторіей Малороссіи? Много выписокъ изъ читанныхъ книгъ, двѣ статейки, одна историческаго, другая литературнаго содержанія, много плановъ головѣ, наброски историческихъ повѣстей, одинъ фантастическій разсказъ, и, наконецъ, историческій романъ или поэма о «Тарасѣ Бульбѣ».

Какъ и слѣдовало ожидать, исторія, вернула нашего писателя къ его первой любви — къ поэзіи, и наука обогатила лишь фантазію поэта. Вчитываться въ лѣтописи Гоголь не любилъ, но зато отъ народныхъ пѣсенъ и преданій былъ въ восторгѣ. «Моя радость, жизнь моя, пѣсни!— писалъ онъ собирателю ихъ Максимовичу.—Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями! Я не могу жить безъ пѣсенъ... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь, и увы прошедшихъ людей...» *) «Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать—признавался Гоголь И. И. Срезневскому. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями (т.-е. о временахъ казачества). И потому-то каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе о протекшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила мѣсто забвенію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены... Еслибъ нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсенъ, я бы никогда не писалъ исторіи его, потому что я не постигнулъ бы и не имѣлъ понятія о прошедшемъ, или исторія моя была-бы совершенно не та, что я думаю съ нею сдѣлать теперь **).

Этимъ же пѣснямъ посвятилъ Гоголь даже цѣлую статью въ своихъ «Арабескахъ». Какъ бы настраивая свою рѣчь на ихъ ладъ, онъ го-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 263–264.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 278.

ворилъ о нихъ пѣсенными, пѣвучими словами. Статья «О малороссійскихъ пѣсняхъ»—опять лирическое изліяніе, которое, однако, въ данномъ случаѣ было на своемъ мѣстѣ. «Пѣсни для Малороссіи—все, говорилъ Гоголь,—и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи».

Великое историческое значеніе сохранено за этими пѣснями, велика также ихъ литературная стоимость. «Все въ нихъ, и образы и настроеніе, и стихосложеніе, и музыка, все—поэзія. Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли и, кажется, шалитъ, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физіономію, становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю; иногда же становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, силящіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы сильнѣе ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ». Такъ рѣзво, въ тактъ съ веселыми пѣснями, писалъ Гоголь... и еще болѣе красивыя слова нашелъ онъ, когда ему пришлось говорить о музыкѣ грустной пѣсни. «Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться,—спрашивалъ онъ, впадая въ столь ему обычное унылое патетическое настроеніе—жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу... Безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ этой пѣснѣ такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стенанія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень... По немъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о минувшихъ страданіяхъ Малороссіи, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по бриліантовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю».

Никто, конечно, не осудитъ историка за такую любовь къ пѣснямъ, къ одному изъ важнѣйшихъ памятниковъ старины, и во всѣхъ этихъ словахъ Гоголя любопытенъ не ихъ смыслъ — вполнѣ вѣрный, а сердечность восторженность, и картинность, съ какой они высказаны. Чувствуешь, что писатель, говоря о нихъ, проникнутъ ими; и

понимаешь, почему при каждомъ удобномъ случаѣ, въ любой исторической статьѣ, онъ готовъ сбиться со спокойнаго историческаго тона на лирическій и разсужденіе замѣнить образомъ и картиной. Такъ напр., въ статьѣ, которая должна была служить вступительной главой къ его «Исторіи Малороссіи» и оставленной «за штатомъ въ виду передѣлки этой исторіи *), т.-е. въ статьѣ, открывающей ученую книгу, нашъ историкъ придерживался того же самаго картинно-повѣствовательнаго тона. Вмѣсто ученаго трактата, въ которомъ должны были быть указаны географическія, этнографическія, экономическія и юридическія условія, на почвѣ которыхъ возникъ особый народъ съ оригинальной физіономіей, получился разсказъ, занимательный и колоритный, съ массою описаній внѣшнихъ сторонъ жизни и многими бытовыми картинами и пейзажами. Поэтъ чувствовался на каждой страницѣ, но историка не было видно, несмотря на то, что предметъ, о которомъ говорилъ Гоголь, былъ имъ изученъ повидимому достаточно основательно.

Нечего удивляться поэтому, если нашъ авторъ, работая надъ исторіей своей родины, въ то же время былъ занятъ историческимъ романомъ, въ которомъ малорусская запорожская старина должна была появиться передъ читателемъ во всей своей возстановленной полнотѣ и подновленной свѣжести. Этотъ романъ носилъ заглавіе — «Тарасъ Бульба».

Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ (1831—1832) Гоголь принялся за литературную обработку одного эпизода изъ исторіи казачества. Онъ успѣлъ написать лишь нѣсколько главъ, и затѣмъ работу бросилъ, вѣроятно потому, что Тарасъ Бульба вытѣснилъ изъ его сердца любовь къ гетману Остраницѣ, который долженъ былъ быть героемъ его разсказа. На эти главы изъ неоконченной повѣсти можно, дѣйствительно, смотрѣть какъ на предварительные этюды къ «Тарасу Бульбѣ». Прежде чѣмъ дать намъ такія колоритныя картины старины, которыми блещетъ «Тарасъ Бульба», авторъ въ повѣсти изъ жизни Остраницы пріучалъ свое перо къ мѣстному колориту старой казацкой жизни. Содержаніе повѣсти осталось недосказаннымъ и Остраница является передъ нами только въ роли героя любовной идилліи, которая, какъ и въ «Тарасѣ Бульбѣ», отнюдь не составляетъ лучшаго эпизода въ разсказѣ. Написана эта идиллія, конечно, со свойственнымъ Гоголю лиризмомъ, съ тѣми же тонами и красками въ описаніяхъ природы, которыя такъ поражаютъ нашъ слухъ и наше зрѣніе въ его «Вечерахъ», съ тѣмъ же описаніемъ женской красоты, которая приближаетъ женщину къ неземной грезѣ—вообще, со всѣми намъ хорошо знакомыми романтическими пріемами творчества. Страдаетъ отъ этихъ пріемовъ, конечно, не только внѣшняя, но и внутренняя психологическая правда. Чтобы вообразить

---

*) «Взглядъ на составленіе Малороссіи».

себѣ малороссійскаго казака XVII вѣка такимъ рыцаремъ и трубадуромъ, какимъ изображенъ Остраница, нужна большая живость фантазіи, а также и хорошее знаніе малороссійскихъ пѣсенъ, отзвуки которыхъ слышны во всѣхъ рѣчахъ Остраницы и его прелестной Гали, Галюночки, Галички и Галюни... Въ повѣсти есть, однако, сцены и вводные эпизоды, въ которыхъ сентиментальный любовный мотивъ уступаетъ свое мѣсто довольно реальному жанру и героическому эпосу, выдержанному, впрочемъ, опять въ чисто романтическомъ стилѣ. Сцена пасхальной ночи, съ описаніемъ толпы XVII вѣка, съ еврейскими и польскими типами, вырисованными безъ шаржа, рыцарскій образъ Остраницы, заступника за права народныя и мстителя за оскорбленіе вѣры, благороднаго въ своей мести и даже гуманнаго въ гнѣвѣ, описаніе хутора Остраницы, детальное со всевозможными археологическими подробностями, описаніе обряда христосованья поселянъ со своимъ господиномъ—всѣ эти декораціи разставлены очень искусно и всѣ онѣ исторически вѣрны: въ нихъ виденъ знатокъ, который произвелъ предварительныя розысканія, чтобы выработать вѣрный колоритъ для разсказа, по всѣмъ вѣроятіямъ сплошь измышленнаго.

Большихъ подготовительныхъ работъ потребовала отъ нашего автора и повѣсть «Тарасъ Бульба», которая въ 1833 году была имъ вчернѣ закончена. Повѣсть эта была единственнымъ цѣннымъ результатомъ всѣхъ его работъ по исторіи Малороссіи. Гоголь самъ понималъ это, и, напечатавъ «Тараса Бульбу» въ 1835 году, онъ продолжалъ работать надъ своимъ разсказомъ, стараясь довести до возможной точности его бытовыя и историческія детали. Въ позднѣйшей редакціи (сороковыхъ годовъ) «Тарасъ Бульба», дѣйствительно, приблизился къ типу тѣхъ настоящихъ историческихъ романовъ Вальтеръ Скотт'овскаго типа, которые могутъ во внѣшнихъ своихъ подробностяхъ поспорить иной разъ съ историческими памятниками, но и въ тридцатыхъ годахъ эта повѣсть выдѣлялась своимъ мѣстнымъ колоритомъ изъ всѣхъ однородныхъ ей произведеній нашей словесности.

Въ ней замѣтно сильное колебаніе въ манерѣ письма. Реализма въ обрисовкѣ характеровъ, въ рѣчахъ, въ передачѣ психическихъ движеній много; но въ общемъ этотъ разсказъ носитъ на себѣ ясную печать того романтическаго взгляда на прошлую жизнь, который Гоголь проводилъ во всѣхъ своихъ историческихъ статьяхъ и планахъ. Правда, той рѣзкой идеализаціи типовъ и того пѣсеннаго склада рѣчи, которые насъ поражали такъ въ «Вечерахъ на хуторѣ», мы въ «Бульбѣ» почти не встрѣтимъ, но предъ нами все-таки эпическая поэма, съ повышеннымъ тономъ и съ фигурами не совсѣмъ правдоподобныхъ размѣровъ.

Тотъ, кто пожелалъ бы въ «Тарасѣ Бульбѣ» отмѣтить мастерство реальнаго воспроизведенія жизни, ея обыденныхъ, но правдивыхъ мелочей, тотъ могъ бы указать на цѣлый рядъ художественныхъ страницъ.

Онъ вспомнилъ бы встрѣчу Бульбы съ сыновьями, на первый взглядъ дикую по своей грубости, но правдоподобную; онъ припомнилъ бы описаніе свѣтлицы стараго казака; предъ нимъ воскресъ бы страдальческій образъ старухи-матери въ ту безсонную ночь, когда она обрѣла дѣтей, чтобы на зарѣ потерять ихъ. Всѣ сценки, въ которыхъ фигурируютъ евреи — въ сѣчи, въ лагерѣ, въ своихъ столичныхъ канурахъ, въ городской тюрьмѣ—также образецъ очень реальнаго жанра, наконецъ, и казнь запорожцевъ — археологически-вѣрно возстановленная картина.

Но, съ другой стороны, несмотря на всѣ эти проблески яркаго реализма, повѣсть «Тарасъ Бульба» остается все-таки по существу своему однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ нашей романтики. Она имѣетъ, безспорно, всѣ достоинства эпической поэмы. Это все-таки повѣсть о герояхъ и ихъ подвигахъ; и сами герои, и ихъ дѣянія переходятъ нерѣдко за черту возможнаго и правдоподобнаго. Грандіозность размѣровъ въ очертаніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и въ описаніи событій, бросается въ глаза при первомъ же взглядѣ. Читатель не получаетъ отъ разсказа впечатлѣнія эпически спокойнаго и ровнаго. Онъ все время тревожно настроенъ: такъ подымаетъ его настроеніе самъ авторъ полетомъ собственнаго лиризма или торжественнаго паѳоса.

Припомнимъ, напр., какъ Бульба спѣшилъ на выручку взятаго въ плѣнъ Остапа. «Какъ молнія, ворочались во всѣ стороны его запорожцы. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ».

Припомнимъ также, какъ умиралъ этотъ гигантъ, когда ему «прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, когда привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ разсѣлину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ видѣнъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волоса. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхестественной своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность». Вспомнимъ, наконецъ, о послѣднемъ подвигѣ казаковъ, который они свершили на глазахъ своего умиравшаго атамана. «Казаки достигли бы пониженія берега—разсказываетъ Гоголь если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною:

однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосягаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявъ вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Казаки только одинъ мигъ остановились, подняли свои нагайки, свиснули—и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухѣ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конь оступился, но зацѣпился копытомъ и привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ...» Читая такія и съ ними сходныя страницы (а ихъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» не мало), чувствуешь себя невольнымъ участникомъ дѣяній какого-то сказочнаго міра, міра преданій или миѳа.

Самъ авторъ не историкъ, а слагатель новой былины, у которой онъ иногда даже заимствуетъ обороты рѣчи. «Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавъ ни одного слова»—поетъ Гоголь совсѣмъ старомъ эпическимъ складомъ, описывая смерть несчастнаго Андрія. Да и весь вводный эпизодъ объ Андріѣ—сентиментально романтическая повѣсть чистѣйшаго стиля начиная съ момента встрѣчи Андрія съ незнакомкой, кончая описаніемъ геройской смерти брата полячки, который погибаетъ въ схваткѣ съ казаками, какъ бы искупая своей смертью казнь несчастнаго влюбчиваго запорожца. Только необычайная картинность разсказа и драматичность всѣхъ положеній заставляютъ насъ забыть о томъ, что эта повѣсть любви, торжествующей свою побѣду надъ долгомъ и патріотическимъ чувствомъ — старая сказка, пересказанная безчисленное количество разъ. Все въ ней такъ извѣстно: и неожиданность первой встрѣчи, и робкая затаенная любовь, и ночныя свиданія, и долгая разлука и чары новой встрѣчи и забвеніе всего на свѣтѣ въ объятіяхъ земного блаженства... и все это такъ субъективно для самого Гоголя, что мы не должны удивляться, если въ мечтахъ Андрія найдемъ большое сходство съ думами самаго автора. «Андрій также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ—писалъ Гоголь, какъ бы на страничкѣ своего дневника. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную. Передъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и без-

*

честно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы». И одному ли казаку XVII вѣка было стыдно признаться въ этихъ думахъ.—можемъ спросить мы. Не приходили онѣ ли на умъ Гоголю, когда онъ слушалъ свои философскіе диспуты въ Нѣжинѣ? Не о себѣ ли думалъ онъ и тогда, когда описывалъ прощаніе казаковъ съ родимымъ хуторомъ, въ который имъ не суждено было вернуться? «День былъ сѣрый, разсказываетъ Гоголь; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Остапъ и Андрій, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика, одни только вершины деревъ,—по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни своей, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо летѣвшую черезъ него съ помощью своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла.—Прощайте и дѣтство и игры, и все, и все!»

Столько лиризма допускалъ нашъ авторъ въ своей поэмѣ, которая при всей правдоподобности въ нѣкоторыхъ деталяхъ и въ обрисовкѣ психическихъ движеній, оставалась, какъ мы замѣтили, романтической по своему замыслу, стилю и тону.

Даже въ описаніяхъ природы мы подмѣтимъ старую манеру автора — преувеличивать размѣры описываемаго и украшать описаніе богатыми метафорами. Мы, правда, не встрѣтимъ уже такого блеска метафоръ, который ослѣплялъ насъ въ «Вечерахъ на хуторѣ», но мы попрежнему будемъ далеки отъ реальной пейзажной живописи. «Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе—писалъ Гоголь... Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ—какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальной верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась нѣжными взмахами

чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крыльями и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!»

Послѣднее, нѣсколько комическое, не совсѣмъ въ тонѣ выдержанное восклицаніе позволяетъ думать, что Гоголь самъ не оставался доволенъ своимъ романтическимъ пейзажемъ и что онъ перемѣною тона хотѣлъ настроить читателя менѣе восторженно, но зато болѣе правдиво.

«Тарасъ Бульба» былъ данью той восторженной любви, которую Гоголь всегда питалъ къ старинѣ своей родины: это была пѣснь во славу малороссійской вольницы, героическій разсказъ объ ея богатыряхъ. Всѣ труды Гоголя по исторіи Малороссіи послужили ему матеріаломъ для этой сказочной картины, которую онъ разукрасилъ, однако, исторически-вѣрными деталями, хотя въ самомъ разсказѣ и не уберегъ себя отъ лиризма; но этотъ лиризмъ былъ уже потому неизбѣженъ, что мысль о Малороссіи всегда влекла за собой цѣлую вереницу личныхъ воспоминаній писателя.

Какъ художественное произведеніе «Тарасъ Бульба» не открывалъ никакого новаго литературнаго горизонта: онъ замыкалъ собою старое теченіе и былъ лишь наилучшимъ образцомъ этого стараго стиля: Гоголь слѣдовалъ извѣстной литературной традиціи, уже установившейся и очень распространенной. Нельзя, конечно, указать ни на одинъ историческій романъ того времени, вліяніе котораго можно было бы прослѣдить на повѣсти Гоголя, тѣмъ болѣе, что первое источники его повѣсти намъ извѣстны: мы знаемъ откуда онъ бралъ сырой матерьялъ для своей картины. Но тѣмъ не менѣе извѣстная зависимость «Тараса Бульбы» отъ современнаго ему литературнаго стиля не подлежитъ сомнѣнію. При всей своей оригинальсти, Гоголь не отступилъ отъ тѣхъ требованій, которыя романтика ставила историческому роману. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ имѣлъ передъ глазами образцы иного литературнаго стиля въ историческихъ повѣстяхъ Пушкина—его друга, критика и кумира. Но въ настроеніи и міросозерцаніи нашего автора «романтическое» было еще настолько сильно въ тѣ годы, что оно устояло передъ искушеніемъ красоты спокойнаго, ровнаго, величаво-простого стиля, какимъ Пушкинъ писалъ свои историческіе романы.

О какомъ бы родѣ художественнаго русскаго творчества намъ ни приходилось говорить, всегда рѣчь сведется къ Пушкину: и въ данномъ случаѣ, говоря о судьбахъ историческаго романа, необходимо вернуться къ «Арапу Петра Великаго» и къ «Капитанской дочкѣ».

Оба памятника стоятъ совершенно одиноко въ нашей литературѣ тѣхъ годовъ. Мы не найдемъ имъ предшественниковъ ни у насъ въ Россіи, ни даже на западѣ. Все, что до Пушкина писано въ этомъ

родѣ на русскомъ языкѣ—ничтожно и не возвышается надъ уровнемъ литературной посредственности; все, что писано на западѣ—при всѣхъ красотахъ выполненія—не достигаетъ той художественной простоты, той ясности въ замыслѣ и той жизненной правдивости въ рѣчахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, которая такъ поражаетъ насъ въ историческихъ романахъ Пушкина... Не сравнимъ мы съ ними ни сентиментальныхъ нѣмецкихъ романовъ Лафонтеня или Мейснера, въ которыхъ много чувствительности и мало правды, ни французскихъ романовъ типа Гюго, Виньи или Дюма—геніально колоритныхъ и патетическихъ, но всегда сбивающихся на сказку, ни, наконецъ, романовъ англійскихъ—даже такихъ, какъ романы Вальтеръ-Скотта или Бульвера, въ которыхъ воображенія неизмѣримо больше, чѣмъ въ пушкинскихъ разсказахъ, но въ которыхъ опять-таки нѣтъ психологической правды въ душевныхъ движеніяхъ и естественной простоты, настолько сильныхъ, чтобы обратить историческую личность въ нашего собесѣдника и насъ въ его современниковъ. А именно всѣми этими качествами и блещетъ повѣсть Пушкина. Какъ иногда художественно-реальная игра артиста заставляетъ насъ забыть о существованіи рампы, такъ иногда историческая повѣсть творитъ тоже чудо въ отношеніи времени: прошедшее становится для насъ дѣйствительностью и почти безъ усилія фантазіи мы начинаемъ себя чувствовать людьми иного вѣка, потому что видимъ предъ собой живыхъ людей и живую обстановку, въ которыхъ соблюдены всѣ условія реальной дѣйствительности. Пушкинъ обладалъ этимъ даромъ заставлять читателя жить прошлой жизнью и только онъ одинъ изъ всѣхъ нашихъ писателей имѣлъ эту власть надъ временемъ, пока «Война и Миръ» не указали намъ его настоящаго наслѣдника.

Отъ «Арапа Петра Великаго» до «Войны и Мира» мы не имѣли настоящаго историческаго романа: у насъ процвѣталъ романъ сентиментальный и романъ приключеній, которому авторъ иногда стремился придать колоритъ той или другой исторической эпохи. Къ числу такихъ романовъ, возросшихъ въ тридцатыхъ годахъ до угрожающаго количества, принадлежалъ и «Тарасъ Бульба»; онъ былъ среди нихъ первымъ по красотѣ, эффектности и колоритности, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться, кто пожелаетъ сравнить его съ современными ему однородными литературными памятниками.

Ихъ количество росло съ необычайной быстротой и прямо затопляло литературный рынокъ. Обозрѣть всю эту массу историческихъ повѣстей и романовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности, да и не нужно; можно остановиться лишь на самыхъ главнѣйшихъ, чтобы указаніемъ на ихъ достоинства или недостатки лучше оцѣнить то преимущество, которое надъ всѣми ними имѣетъ разсказъ Гоголя.

Наша историческая повѣсть, за исключеніемъ повѣсти Пушкина,

была, какъ мы только что замѣтили, по сюжету и стилю повѣстью сентиментальной и романтической. Тотъ и другой элементъ она заимствовала, конечно, съ запада, гдѣ, начиная съ конца XVIII столѣтія, именно такіе историческіе романы процвѣтали. Къ этому романтическому сюжету и сентиментальному настроенію наши писатели съ своей стороны стали примѣшивать элементъ мнимо народный, тотъ самый, о которомъ такъ много говорилось въ тридцатыхъ годахъ и въ пониманіи котораго, какъ мы знаемъ, царила большаяпутаница. Съ первыхъ же своихъ шаговъ наша историческая повѣсть должна была отвѣчать, помимо литературныхъ требованій, еще и на требованія этой «народности»: она должна была во всѣхъ смыслахъ быть патріотической, т.-е. убѣждать насъ въ томъ, что наша русская народность обладаетъ тѣмъ же богатымъ духовнымъ содержаніемъ и тѣми же внѣшними красотами, которымъ мы такъ привыкли удивляться въ историческихъ романахъ изъ жизни намъ чуждой. Такимъ образомъ нашъ историческій романъ тѣхъ годовъ былъ въ основѣ своей тенденціозенъ.

Дѣйствительно, если присмотрѣться хотя бы даже къ самымъ лучшимъ образцамъ этого литературнаго рода, то не трудно замѣтить, что всѣ три элемента: сентиментальный, романтическій и условно-народный входятъ въ составъ и замысла, и выполненія любого историческаго романа того времени.

Вы встрѣтите въ немъ прежде всего традиціонную любовную интригу со всевозможными препятствіями, сентиментальную, часто слезливую и трогательную. Эта интрига всегда—главная нить, на которую нанизаны всѣ эпизоды, иной разъ самые важные и интересные въ историческомъ смыслѣ. Выходитъ такъ, что въ исторической повѣсти главное не—историческое, вѣрно воспроизведенное, а общечеловѣческое, воспроизведенное при томъ довольно шаблонно.

Рядомъ съ этимъ сентиментальнымъ мотивомъ въ историческихъ повѣстяхъ того времени вы найдете всегда и всѣ романтическіе пріемы творчества. Ходъ дѣйствія всегда необычайно запутанъ, обставленъ невѣроятными происшествіями, которыя разсчитаны на повышеніе въ читателѣ его нервнаго напряженія; характеристики дѣйствующихъ лицъ и драматическія ихъ положенія почти всегда переходятъ за черту возможнаго или даже вѣроятнаго; много таинственнаго, недосказаннаго или умышленно умолченнаго; эффекты на каждомъ шагу и частая игра на контрастахъ.

Наконецъ, и условно народный элементъ проявляется въ этихъ повѣстяхъ почти всегда въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Прославленіе православія и самодержавія, перечень разныхъ добродѣтелей, свойственныхъ русскимъ, исчисленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извиненіе кое-какихъ пороковъ, археологическая реставрація обстановки, костюма и, по мѣрѣ силъ, самой рѣчи, иногда экскурсіи въ область миѳологіи и народныхъ преданій—вотъ самые распространенные мотивы и пріемы, при помощи

которыхъ авторъ стремился придать своему разсказу народный характеръ.

Само собою разумѣется, что среди нашихъ романистовъ-историковъ, несмотря на сходство пріемовъ въ ихъ работѣ можетъ быть и должна быть установлена извѣстная литературная іерархія. Она и была установлена читателемъ, который одни романы забылъ, а другіе запомнилъ. Во всякомъ случаѣ, когда Гоголь писалъ своего «Тараса Бульбу» онъ вступалъ въ состязаніе съ людьми, далеко не лишенными таланта, но только этотъ талантъ тратился на работу фальшивую уже въ самомъ своемъ замыслѣ.

Еще Нарѣжный, идя во слѣдъ Карамзину, пытался создать такую сентиментальвую и патріотическую повѣсть, отъ которой на насъ пахнуло бы родной стариной. Но въ своихъ «Славянскихъ Вечерахъ» *) онъ не пошелъ дальше ординарнаго слащаваго и псевдо-героическаго разсказа, въ которомъ даже не было намека на безспорный талантъ самого автора.

Въ двадцатыхъ годахъ историческая повѣсть нѣсколько оживилась подъ перомъ Марлинскаго. Достоинство его повѣстей—очень немногочисленныхъ и не длинныхъ **)—опредѣляется главнымъ образомъ, если не отсутствіемъ, то меньшимъ подчеркиваніемъ всевозможныхъ патріотическихъ тенденцій; Марлинскій отъ нихъ также не вполнѣ свободенъ, но главное его вниманіе обращено все-таки не на эту сторону, а на возможно бóльшую близость къ исторической правдѣ и, главное, на правдоподобность психическихъ движеній дѣйствующихъ лицъ. У него есть повѣсти изъ рыцарскихъ временъ остзейскаго края, въ которыхъ о Россіи совсѣмъ не говорится — и это лучшія повѣсти. Есть разсказы также изъ русскаго прошлаго, въ которыхъ русскаго духа совсѣмъ нѣтъ, но есть много археологически вѣрныхъ декорацій и много рѣчей и чувствъ не въ стародавнемъ, стилѣ, но зато въ хорошемъ стилѣ начала XIX вѣка и потому не фальшивыхъ. Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ виденъ даровитый ученикъ Вальтеръ-Скотта, а иногда и Мура, и Байрона, но эта зависимость отъ иностраннаго образца мало вредитъ повѣстямъ Марлинскаго, такъ какъ она не поддѣлка, а только лишь хорошо усвоенная манера. Историческая повѣсть была, впрочемъ, для Марлинскаго увлеченіемъ преходящимъ и онъ отъ старины скоро перешелъ къ описанію современной ему жизни, которую и умѣлъ освѣщать очень своеобразно.

Никто не отниметъ также таланта у Загоскина, который еще задолго до Гоголя увлекъ всѣ сердца «Юріемъ Милославскимъ» ***). Въ

*) «Славянскіе вечера», 2 части. Спб. 1826.

**) «Гедеонъ», «Замокъ Эйзенъ», «Наѣзды», «Замокъ Венденъ», «Ревельскій турниръ», «Романъ и Ольга».

***) «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году» *М. Н. Загоскина*. 3 части Москва. 1829—30.

русской литературѣ этотъ романъ былъ настоящимъ событіемъ и удостоился даже перевода на многіе иностранные языки. Но кто же теперь, читая этотъ романъ даже безъ скуки, станетъ отрицать, что онъ фальшивъ отъ первой страницы до послѣдней; что герой со своей клятвой Владиславу скорѣе смѣшонъ, чѣмъ патетиченъ; что любовь его къ Анастасіи неестественно приторна и реторична; что почти всѣ польскіе типы — шаржированы и каррикатурны, а русскіе идеализированы; что всѣ историческія «картины» скорѣе лубочныя сцены и что рѣчь, которой говорятъ и простолюдины, и дворяне, какъ мозаика, составлена изъ отдѣльныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, выисканныхъ въ словарѣ? Еще меньше литературныхъ красотъ имѣлъ и другой историческій романъ Загоскина «Аскольдова могила» *) — разсказъ изъ временъ Владиміра Святого, въ которомъ повѣствовалось о любовныхъ похожденіяхъ этого князя, о борьбѣ христіанства съ язычествомъ и гдѣ при случаѣ высказывались самыя восторженныя вѣрноподданническія чувства истинныхъ россовъ къ своему государю. Романъ былъ нечѣмъ инымъ, какъ расширенной романтической балладой со всѣмъ традиціоннымъ инвентаремъ мнимо народныхъ аксесуаровъ. «Аскольдова Могила» была бы совсѣмъ забыта, если бы музыка Верстовскаго о ней до сихъ поръ не напоминала.

Самъ Загоскинъ не отдавалъ себѣ, впрочемъ, отчета въ той дорогѣ, по которой шелъ и, не смотря, на то, что съ каждымъ новымъ его историческимъ романомъ интересъ публики падалъ, онъ продолжалъ писать ихъ одинъ за другимъ. Изъ всѣхъ этихъ повѣстей только «Басурманъ» **) поднялся выше средняго уровня литературной моды, главнымъ образомъ, въ виду интереса основной своей идеи: Загоскинъ попытался изобразить психологію культурнаго западнаго человѣка, попавшаго въ некультурную русскую среду эпохи Ивана III и этотъ мало патріотичный романъ—лучшее, что удалось создать нашему тенденціозному патріоту.

Соперникъ Загоскина — уже извѣстный намъ И. И. Лажечниковъ въ свое время былъ также очень извѣстнымъ сочинителемъ историческихъ романовъ. И если требовать отъ такихъ романовъ, прежде всего, занимательности, то романы Лажечникова для своего времени должны быть поставлены на первое мѣсто. «Послѣдняго Новика» ***) и «Ледяной домъ» ****) можно и въ наше время прочесть съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ. Умѣніе запутать и распутать интригу — самая сильная сторона таланта Лажечникова и ради всѣхъ этихъ хитро-

*) «Аскольдова могила. Повѣсть изъ временъ Владиміра Перваго» *М. Н. Загоскина*. 3 части. Москва. 1833.

**) «Басурманъ» *М. Н. Загоскина*. 4 части. Москва. 1838.

***) «Послѣдній Новикъ или завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго» *И. Лажечникова*. 4 части. Москва. 1831—33.

****) «Ледяной домъ» *И. Лажечникова*. 4 части. 1835.

сплетеній въ дѣйствіи нашъ авторъ готовъ пожертвовать и исторической правдой (которую онъ иногда искажаетъ самымъ произвольнымъ образомъ) и правдой въ психическихъ движеніяхъ. Но за вычетомъ занимательной интриги, въ романахъ Лажечникова едвали что-нибудь останется. Узнать эпоху Петра I или Анны Іоанновны въ этихъ разсказахъ почти что невозможно: передъ нами самые общіе типы людей, которые годились бы для какой угодно эпохи, если окрестить ихъ иными именами и измѣнить кое-что въ окружающей ихъ обстановкѣ. Довольно ординарны и стереотипны и тѣ эффекты, къ которымъ постоянно прибѣгаетъ авторъ: это все тѣ же обычные романтическіе ужасы или восторги, къ которымъ насъ пріучала французская и нѣмецкая романтика. Сентиментальный элементъ въ любовныхъ приключеніяхъ и въ особенности элементъ патріотическій мы найдемъ у Лажечникова также въ изобиліи, но главнымъ недостаткомъ его романовъ остается все-таки несоотвѣтствіе между психическими движеніями дѣйствующихъ лицъ нравами той эпохи, когда эти лица жили. Однѣ сцены въ романѣ умышленно грубы, другія умышленно слишкомъ тонки и между этими двумя крайностями правда жизни исчезаетъ: вмѣсто нея передъ нами остается занимательная неправдоподобная сказка, отъ которой, однако, все-таки съ трудомъ оторвешься.

Въ свое время Загоскинъ и Лажечниковъ въ области историческаго романа достойныхъ соперниковъ не имѣли: они считались первыми авторитетами. Но историкъ литературы въ правѣ нѣсколько видоизмѣнить эту іерархію. Если примѣнять къ историческому роману тѣ же требованія, которыя ему ставилъ тогдашній вкусъ публики, то рядомъ съ романами Загоскина и Лажечникова, если не выше ихъ, придется поставить одинъ романъ, который, не былъ оцѣненъ тогда по достоинству. Эта была «Клятва при гробѣ Господнемъ» *). Авторъ — Н. А. Полевой, извѣстный намъ критикъ, памфлетистъ, сатирикъ, историкъ и романистъ—еще въ двадцатыхъ годахъ попробовалъ свои силы на поприщѣ историческаго романа. Онъ написалъ тогда повѣсть «Симеонъ Кирдяпа», принятую съ большими похвалами. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Полевой задумалъ написать цѣлую хронику русской жизни временъ Василія Темнаго. Планъ былъ очень смѣлый, въ особенности если принять во вниманіе, какими скудными историческими данными пришлось располагать автору. Онъ, конечно, не избѣгъ традиціонныхъ ошибокъ. Главный герой повѣсти остался совсѣмъ въ тѣни и продолжалъ быть для читателя загадочной личностью; таинственной осталась и клятва, которую этотъ герой давалъ при гробѣ Господнемъ; въ неизмѣнную любовную фабулу авторъ опять подсыпалъ большую дозу сентиментальныхъ сладостей, и часто злоупотреблялъ эффектами. Но всѣ эти недостатки искупались шириной набросанной имъ картины.

---

*) «Клятва при гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка». 4 части. Москва. 1832.

Въ этомъ длинномъ разсказѣ объ интригахъ старыхъ удѣльныхъ князей мы имѣемъ передъ собой галлерею довольно типичныхъ лицъ. Ни одинъ историческій романъ не давалъ такого разнообразія бытовыхъ картинъ, какъ романъ Полевого. Князья, ихъ бояре, стража, крестьяне, мѣщане, купцы, воины, послушники, монахи, странники— проходятъ передъ нами, не нарушая единства дѣйствія и торопя завязку или развязку главной интриги. Насколько всѣ эти лица согласны съ исторической правдой, это, конечно, вопросъ иной; у нашего романтика было свое понятіе объ этой исторической правдѣ, но среди всѣхъ тогдашнихъ искаженій ея, романъ Полевого былъ изъ числа наиболѣе колоритныхъ.

Читатель тридцатыхъ годовъ былъ, однако, менѣе требователенъ, чѣмъ мы, и рядомъ съ именами Загоскина, Лажечникова и Полевого ставилъ еще и много другихъ именъ, теперь почти совсѣмъ или совсѣмъ забытыхъ. Охотно, напр., читались историческіе романы Булгарина—худшее, что имъ было написано. Полные мелодраматическихъ эффектовъ, скучные въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ авторъ стремился не отступать отъ исторіи и копировалъ лѣтописи и другіе источники, пропитанные насквозь патріотической тенденціей и приторной прописной гражданской моралью, съ невѣроятной сентиментальной психологіей любви, съ романтическими ужасами всевозможнаго вида—«Димитрій Самозванецъ» *) и «Мазепа» **) были для средняго читателя самой удобоусвояемой пищей и авторъ могъ одно время гордиться, что его романы не пострадали отъ сосѣдства съ «Борисомъ Годуновымъ» и «Полтавой» Пушкина. Читался также съ интересомъ и Масальскій— авторъ романовъ «Стрѣльцы» ***) и «Регентство Бирона» ****), очень сходныхъ по своему историческому колориту съ романами Лажечникова. Читателей находилъ и Вельтманъ со своими неуклюжими историко-фантастическими сказками. На смѣну этимъ писателямъ позднѣе пришелъ Зотовъ и, главнымъ образомъ, Кукольникъ, стремившіеся плодовитостью замѣнить оригинальность, но дѣятельность этихъ писателей падаетъ въ сороковые годы и потому лежитъ внѣ поля зрѣнія того изслѣдователя, который говоритъ о взаимномъ отношеніи творчества Гоголя и современныхъ ему литературныхъ вкусовъ.

Есть ли такое взаимное соотношеніе между ходячими тогда историческими романами и «Тарасомъ Бульбой»? Если имѣть въ виду выполненіе задачи, то, конечно, ни о какомъ сравненіи Гоголя съ только что поименованными авторами не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ съ огромнымъ литературнымъ талантомъ можетъ остаться вполнѣ худо-

*) «Димитрій Самозванецъ». Историческій романъ *Ѳ. Булгарина*, 4 части Спб. 1830.

**) «Мазепа» *Ѳ. Булгарина*, 2 части. Спб. 1833.

***) «Стрѣльцы». Историческій романъ *К. Масальскаго*, 4 части. Спб. 1832.

****) «Регентство Бирона». *К. Масальскаго*, 2 части. Спб. 1834.

жникомъ и на той дорогѣ, идя по которой другой писатель съ меньшей силой необходимо упрется въ шаблонъ и банальность. Въ «Тарасѣ Бульбѣ» всѣ недостатки нашей старой исторической повѣсти были, дѣйствительно, спасены талантомъ Гоголя, но они не перестаютъ быть недостатками. Отъ того художественнаго воспроизведенія старины, при которомъ она становится для насъ переживаемой дѣйствительностью Гоголь все-таки далекъ. Его разсказъ остается романтической грезой, а не живой повѣстью о быломъ, хотя всѣ погрѣшности противъ правды и прикрыты въ этой грезѣ художественнымъ ея выполненіемъ. Новыхъ путей въ созданіи историческаго романа Гоголь не указалъ, но старое довелъ до совершенства. Въ «Тарасѣ Бульбѣ» онъ избѣжалъ всѣхъ антихудожественныхъ условностей, не понижая общаго романтическаго тона всей повѣсти. Сентиментальную любовную интригу онъ не довелъ до приторности, героизмъ въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ не повысилъ до фантастическаго, не примѣшалъ къ повѣсти никакой патріотической тенденціи или морали и, кромѣ того, въ деталяхъ сумѣлъ остаться строгимъ реалистомъ. Исторически вѣрнаго общаго представленія о жизни казачества по его повѣсти мы не получимъ, но зато въ описаніяхъ частностей этого быта видимъ не компилятора или мозаиста, какими были современные ему сочинители историческихъ повѣстей, а человѣка, сжившагося со стариной, съ ея внѣшностью и только во внутреннее ея содержаніе вносящаго свой романтическій паѳосъ.

Впрочемъ, такое сочетаніе романтическаго взгляда на жизнь съ реальной вырисовкой ея деталей встрѣчается не въ одномъ только «Тарасѣ Бульбѣ», а—какъ сейчасъ увидимъ—во всѣхъ гоголевскихъ повѣстяхъ того времени, даже тѣхъ, въ которыхъ художникъ-реалистъ одержалъ верхъ надъ своимъ неотвязнымъ спутникомъ, разсуждающимъ, морализирующимъ, восторженнымъ или умиленнымъ романтикомъ.

X.

Постепенное торжество реализма въ творчествѣ Гоголя.—«Вій».—«Старосвѣтскіе помѣщики».—«Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».—«Носъ».—«Коляска».—«Петербургскія записки 1836 г.».—Выходъ въ свѣтъ «Арабесокъ» и «Миргорода».—Отзывы критики.—Значеніе повѣстей Гоголя въ исторіи развитія его творчества.

«Если бы насъ спросили—писалъ Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей—въ чемъ состоитъ существенная заслуга новой литературной школы — мы отвѣчали бы: въ томъ именно, что отъ высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни она обратилась къ такъ называемой «толпѣ», исключительно избрала ее своимъ героемъ, изучаетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и знакомитъ ее съ нею же самою. Это значило сдѣлать литературу выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ. Уничтоженіе всего фальшиваго, ложнаго, неестественнаго долженствовало быть необходи-

мымъ результатомъ этого новаго направленія нашей литературы, которое вполнѣ обнаружилось съ 1836 года, когда публика наша прочла «Миргородъ» и «Ревизора».

Гоголь, вѣроятно, никогда бы не согласился съ Бѣлинскимъ въ томъ, что онъ отошелъ отъ изображенія «высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни»—онъ, который, въ концѣ концовъ ради нихъ отрекся отъ своего творчества, но Бѣлинскій былъ правъ. «Миргородъ» и рядъ другихъ повѣстей, тогда набросанныхъ или написанныхъ Гоголемъ, отмѣчаютъ уже поворотъ его творчества отъ романтизма въ искусствѣ къ реализму.

Помимо тѣхъ историческихъ, литературныхъ и эстетическихъ статей, которыя были напечатаны Гоголемъ въ сборникѣ «Арабески» (1835), помимо повѣстей «Портретъ» «Невскій проспектъ» и «Записки сумасшедшаго», появившихся въ томъ же сборникѣ, помимо комедій, надъ которыми нашъ авторъ тогда работалъ, и «Мертвыхъ душъ», писать которыя онъ также началъ, Гоголь въ 1835 году выпустилъ въ свѣтъ продолженіе своихъ «Вечеровъ на хуторѣ» подъ заглавіемъ «Миргородъ». Въ составъ сборника вошли четыре повѣсти: уже знакомая намъ повѣсть «Тарасъ Бульба», и затѣмъ «Старосвѣтскіе помѣщики», «Вій» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Если къ этимъ повѣстямъ добавить тогда же написанные разсказы «Носъ» (1833) и «Коляска» (1835); статью «Петербургскія записки» (1835—1836) и задуманную повѣсть «Шинель» (1834) то мы будемъ имѣть полный списокъ тѣхъ созданій Гоголя, въ которыхъ романтикъ уступалъ свое мѣсто реалисту, чтобы въ «Комедіяхъ» и въ «Мертвыхъ душахъ» окончательно ему подчиниться.

Какъ памятники, на которыхъ остались слѣды этого любопытнаго спора двухъ способностей и тенденцій въ одномъ авторѣ—всѣ только что перечисленныя сочиненія Гоголя имѣютъ большое значеніе въ исторіи его творчества. Въ нихъ стала все яснѣе и яснѣе проступать наружу та его способность, которая, по собственному его признанію, не могла ничего «выдумать», которая, чтобы творить, должна была видѣть и осязать. Пушкинъ разумѣлъ именно эту способность Гоголя, когда говорилъ, что никто не умѣетъ такъ схватывать и чувствовать житейскую пошлость, какъ его добрый пріятель. Отъ этого дара самому Гоголю становилось иной разъ жутко и столкновеніе, грозное столкновеніе между бытописателемъ и теоретикомъ - идеалистомъ становилось неизбѣжно. Оно, дѣйствительно, и наступило во всей своей полнотѣ и строгости послѣ созданія «Комедій» и «Мертвыхъ душъ», но въ тридцатыхъ годахъ это столкновеніе не причиняло ему никакой боли и сказывалось только на довольно странномъ смѣшеніи противорѣчивыхъ настроеній и стилей въ нѣкоторыхъ изъ его повѣстей.

Уже при оцѣнкѣ той основной мысли, которую авторъ стремился пояснить въ своихъ разсказахъ «Портретъ» «Записки сумасшедшаго» и «Нев-

скій проспектъ» мы имѣли случай указать, какъ реальные типы и реальная обстановка сочетались въ этихъ повѣстяхъ съ романтическимъ настроеніемъ и замысломъ. Во всѣхъ этихъ трехъ разсказахъ вниманіе автора какъ бы двоилось: онъ занятъ былъ освѣщеніемъ и разработкой основной мысли о миссіи поэта или о разладѣ мечты и жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ мимоходомъ онъ рисовалъ бытовыя картины въ самомъ реальномъ, иногда даже каррикатурномъ стилѣ.

Жизнь артистической богемы, жизнь мелкихъ чиновниковъ Коломны, нѣсколько профилей великосвѣтскихъ барынь, модный художникъ въ своей мастерской—вотъ о чемъ успѣлъ мимоходомъ сказать нѣсколько самыхъ картинныхъ словъ нашъ писатель, когда въ «Портретѣ» разоблачилъ передъ нами тайныя страданія артистической души, измѣнившей своему призванію ради внѣшняго блеска или когда говорилъ о той чертѣ, которая должна отдѣлять искусство отъ жизни. Въ «Невскомъ проспектѣ» и въ «Запискахъ сумасшедшаго» передъ нами еще больше такихъ реальныхъ деталей, совершенно жизненныхъ,—которыми пояснена основная мысль о романтическихъ страданіяхъ непримиреннаго съ дѣйствитечьностью мечтателя. И военные, и художники, и нѣмецкіе ремесленники, и бульварная публика и департаментскіе чиновники—всѣ включены въ одну, повидимому, тѣсную рамку и всѣ живутъ на нашихъ глазахъ, несмотря на то, что передъ нами мелькаютъ иногда лишь только ихъ профили и силуэты.

Такъ же точно и въ другихъ повѣстяхъ, написанныхъ въ эти годы, талантъ Гоголя двоится, и въ одномъ и томъ же произведеніи мы встрѣчаемъ и самое художественное реальное изображеніе жизни, и знакомое намъ субъективно-романтическое отношеніе автора къ ней, причемъ это послѣднее идетъ замѣтно на убыль.

Повѣсть «Вій» по замыслу настоящая фантастическая сказка, очень похожая на тѣ, которыя авторъ разсказывалъ въ своихъ «Вечерахъ». А между тѣмъ рядомъ съ этимъ фантастическимъ элементомъ въ повѣсти дана цѣлая бытовая картина и не въ томъ идиллическомъ прикрашенномъ видѣ, въ какомъ писалъ Гоголь свои жанровыя сценки раньше, а въ стилѣ очень строгаго реализма. Въ тогдашней литературѣ не было памятника, въ которомъ бы жизнь бурсаковъ и бытъ дворни знатнаго помѣщика были бы очерчены такъ кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ правдиво—правдиво потому, что то самое простонародье, жизнь котораго Гоголь раньше любилъ подкрасить, выведено здѣсь во всей своей наготѣ на сцену и вмѣстѣ съ тѣмъ это вовсе не та лубочная нагота, которой иногда щеголялъ писатель тѣхъ годовъ, когда хотѣлъ изобразить наивность простонароднаго міросозерцанія.

То же смѣшеніе тоновъ замѣтно и въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики», въ этой несложной идиллической исторіи двухъ закатывающихся жизней. Романтическая идиллія, какъ извѣстно, была очень распро-

страненнымъ родомъ творчества въ нашей старой словесности. Писатели очень любили такія благодарныя темы, какъ исторія двухъ любящихъ сердецъ, поселенныхъ среди мирной природы, вдали отъ цивилизаціи, сердецъ, занятыхъ исключительно своимъ чувствомъ. «Старосвѣтскіе помѣщики» были удачной попыткой замѣнить въ этой темѣ всѣ романтическіе элементы — реальными и бытовыми. Вмѣсто прежнихъ пустынныхъ мѣстъ—малороссійская деревня, вмѣсто разочарованныхъ героевъ и томныхъ или страстныхъ героинь—старикъ и старуха; и при всей этой внѣшней простотѣ и прозаичности, повѣсть глубоко поэтична. Она—рѣшительная побѣда реализма въ искусствѣ, а между тѣмъ, какъ часто въ ней прорывается наружу романтическое настроеніе автора. Сколько субъективной грусти вложено въ этотъ спокойный разсказъ, невозмутимо однообразный тонъ котораго не совсѣмъ соотвѣтствуетъ тому понятію, какое мы имѣемъ о реальной, хотя бы самой замкнутой помѣщичьей жизни. «Старосвѣтскіе помѣщики» при всемъ реализмѣ въ деталяхъ какъ напр. въ сценкахъ крестьянской жизни, при поразительномъ своемъ безпристрастіи, все-таки производятъ впечатлѣніе какой-то грустной грезы, на которой остались слѣды любимыхъ размышленій автора о печаляхъ жизни. Онъ не уберегъ себя отъ этой романтической грусти даже въ этой повѣсти, въ которой рисовалъ жизнь мирнаго уголка, жизнь, полную счастья, любви, тишины и довольства.

То же вторженіе романтической грусти подмѣчаемъ мы и въ «Повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ». Гоголь не особенно высоко цѣнилъ эту повѣсть—она была въ его глазахъ простой шуткой: и въ ней есть этотъ шутовской элементъ, граничащій даже съ невѣроятностью. Появленіе бурой свиньи, которая утащила жалобу Ивана Никифоровича, можетъ быть оправдано только смѣшливымъ капризомъ автора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта повѣсть вполнѣ реальная картина уѣзднаго города и Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича можно встрѣтить и въ наше время. Мы смѣемся надъ ними отъ души, равно какъ и надъ всѣми типами уѣзднаго городского общества, которое фигурируетъ на знаменитомъ обѣдѣ городничаго. Когда мы потомъ читаемъ «Ревизора» и «Мертвыя души», то эта картина уѣзднаго общества всегда приходитъ намъ на память; вспоминаемъ мы и судью, который слушаетъ чтеніе безконечнаго дѣла и прерываетъ его разсужденіями о пѣніи дроздовъ, вспоминаемъ и городничаго, который при ежедневныхъ рапортахъ спрашиваетъ квартальныхъ надзирателей, нашлась ли пуговица отъ его мундира, которую онъ потерялъ два года тому назадъ; помнимъ мы и Антона Прокофьевича, который продалъ свой домъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и бричку, затѣмъ промѣнялъ этихъ лошадей на скрипку и дворовую дѣвку, чтобы эту дѣвку промѣнять въ концѣ-концовъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ... Одно только возбуждаетъ

въ насъ недоумѣніе, это—окончаніе повѣсти. Отчего этотъ веселый разсказъ кончается такими печальными словами?

«Тощія лошади,—такъ заключаетъ авторъ свою повѣсть,—извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкой, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣта небо. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Лирическая вставка, очень характерная именно въ такой веселой повѣсти, и лишній разъ указывающая на то, какъ нашему автору было трудно подавить личное грустное ощущеніе даже въ самой безобидной повѣсти, сбивающейся на смѣшную шутку.

Шутками можно назвать и «Коляску» и «Носъ»—два коротенькихъ разсказа, въ которыхъ авторъ далъ полную волю своему остроумію; въ этихъ повѣстяхъ или, вѣрнѣе, анекдотахъ, странно было бы доискиваться какой-нибудь мысли, но при всей незначительности содержанія, эти шутки въ литературномъ смыслѣ явленіе замѣчательное, именно въ виду реальной обрисовки нѣкоторыхъ типовъ и сценъ, хотя бы самыхъ незатѣйливыхъ. Цирюльникъ Иванъ Яковлевичъ и майоръ Ковалевъ, носъ котораго позволилъ себѣ такую непристойную выходку, люди живые, несмотря на всю чепуху, которая съ ними творится. Но рядомъ съ этой необъяснимой чепухой имъ приходится быть свидѣтелями и небезъинтересныхъ житейскихъ явленій. Такова, напр., сцена въ газетной экспедиціи, гдѣ печатались объявленія о томъ, «что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія, малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа и дворовая дѣвка 19-ти лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ»... Такова сцена у частнаго пристава; наконецъ, описаніе той сенсаціи, какую произвелъ сбѣжавшій и прогуливающійся носъ въ столицѣ, сенсаціи, охватившей всѣ круги общества... Такіе тонкіе сатирическіе штрихи—впрочемъ очень безобидные—попадаются и въ «Коляскѣ». Взять хотя бы типъ главнаго виновника этого смѣшного инцидента—помѣщика, который давалъ прекрасные обѣду дворянству, на которыхъ объявлялъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу, который затѣмъ употребилъ приданое жены на шестерку отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкаго...

Вообще въ этихъ шуткахъ Гоголя читатель могъ наткнуться совсѣмъ неожиданно на проблески общественной сатиры. Такой сатири-

ческій элементъ былъ въ особенности силенъ въ повѣсти «Шинель», которую Гоголь въ это же время задумалъ, но обработалъ значительно позднѣе.

Гораздо большій общественный смыслъ имѣло и удивительно яркое сравненіе Москвы и Петербурга, которое Гоголь набросалъ въ 1835 году и которое, затѣмъ, въ 1837 году была напечатана въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ «Петербургскія записки 1836 года». Эта статья, «написанная въ свѣтлыя минуты веселости великимъ меланхоликомъ»— какъ о ней говорилъ Пушкинъ—своего рода перлъ остроумія. Государственная, общественная и литературная физіономія двухъ столицъ обрисована съ неподражаемой яркостью красокъ и мѣткостью выраженія. Москва—эта старая домосѣдка, которая печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ; Петербургъ—разбитной малый, который никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ... Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный нѣмецъ, который на все глядитъ съ разсчетомъ и прежде нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва—русскій дворянинъ, который если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ... Москва, гдѣ журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч. Петербургъ—гдѣ въ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности; Москва—гдѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками и Петербургъ, гдѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время; Москва, куда тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвращается налегкѣ; Петербургъ, куда ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Москва— которая не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ, который продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ; Москва, которая нужна для Россіи, и Петербургъ, которому нужна Россія...

Въ цѣлой вереницѣ такихъ остроумныхъ сопоставленій поясняетъ Гоголь свою основную мысль о противорѣчіи коренной русской Москвы и Петербурга, похожаго на «европейско-американскую колонію». Эту мысль нужно отмѣтить, какъ первое проявленіе тѣхъ патріотическихъ взглядовъ, которые позднѣе сблизятъ Гоголя съ славянофилами.

Такъ наблюдателенъ и реаленъ въ своемъ творчествѣ сталъ за эти годы нашъ авторъ, все болѣе и болѣе изощряя свой взглядъ художника надъ всякими мелочами нашей повседневной жизни *).

*) Къ 1830—1835 годамъ относятся и нѣсколько отрывковъ изъ начатыхъ повѣстей («Сочиненія Н. В. Гоголя». X-ое изданіе V, 94—98), по содержанію своему также вполнѣ реальныхъ.

Большинство этихъ очерковъ и разсказовъ, равно какъ и серьезныхъ статей по исторіи, литературѣ и искусству, Гоголь, какъ мы уже замѣтили, собралъ и выпустилъ въ свѣтъ въ двухъ сборникахъ, напечатанныхъ почти одновременно.

Въ началѣ 1835 года вышли въ свѣтъ «Арабески» *) и вслѣдъ за ними обѣ части «Миргорода» **).

Авторъ придавалъ, кажется, особенное значеніе «Арабескамъ», гдѣ были собраны его статьи по эстетикѣ и исторіи. Хоть онъ и писалъ въ одномъ частномъ письмѣ, что этотъ сборникъ, «сумбуръ, смѣсь всего, каша—***), но эти слова были просто авторскимъ кокетствомъ. По крайней мѣрѣ въ предисловіи къ «Арабескамъ» Гоголь не только не скромничалъ, но говорилъ съ читателемъ въ достаточно горделивомъ тонѣ, который непріятно поразилъ тогдашнюю критику. «Признаюсь, писалъ молодой авторъ, нѣкоторыхъ пьесъ я бы, можетъ быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но, вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо какъ позабывать минувшіе дни своей юности. При томъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ, три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго». Такой тонъ въ предисловіи исключалъ, повидимому, всякую авторскую скромность и Гоголь, дѣйствительно, ревниво относился къ успѣху своей книги. Онъ очень жаловался, что его «Арабески» и «Миргородъ» не идутъ совершенно: «Чортъ ихъ знаетъ, что это значитъ, восклицалъ онъ. Книгопродавцы такой народъ, которыхъ безъ всякой совѣсти можно повѣсить на первомъ деревѣ» ****). Въ своихъ заботахъ объ «Арабескахъ» Гоголь готовъ былъ даже пойти на газетную рекламу. «Сдѣлай милость, писалъ онъ Погодину, напечатай въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе объ «Арабескахъ» въ такихъ словахъ: что теперь, дескать, только и говорятъ вездѣ, что объ «Арабескахъ», что сія книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный (NB. До сихъ поръ ни гроша барыша не получено) и тому подобное» **).

Если «Арабески», дѣйствительно, не шли, то въ этомъ былъ, конечно, виноватъ ихъ учено-эстетическій багажъ, для большой публики мало интересный. Эти историческія и ученыя статьи Гоголя очень не понра-

---

*) Въ «Арабески» вошли всѣ историческія, эстетическія и критическія статьи и повѣсти: «Портретъ» «Невскій Проспектъ» и «Записки Сумасшедшаго».

**) Въ «Миргородѣ» были напечатаны: «Старосвѣтскіе помѣщики», «Вій», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» и «Тарасъ Бульба».

***) «Письма Н. В. Гоголя», I. 331.

****) «Письма Н. В. Гоголя», I, 354.

вились и критикѣ, которая въ общемъ отнеслась и къ «Арабескамъ» и въ особенности къ «Миргороду» благосклонно.

Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» разругалъ Гоголя за его предисловіе, говоря, что только Гете да Гоголь могутъ съ публикой объясняться такимъ образомъ, что Гоголь, не полагаясь на разборчивость наслѣдниковъ и обожателей, начинаетъ свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои посмертныя сочиненія. Критикъ очень неодобрительно отнесся и къ ученымъ статьямъ нашего автора. «Арабески»—говорилъ онъ—это полная мистификація наукъ художествъ, смысла и русскаго языка. Въ ученыхъ статьяхъ не оберешься уродливыхъ сужденій, тяжкихъ грѣховъ противъ вкуса и логики. Въ нихъ поражаетъ читателя внутренняя пустота мысли и дисгармонія языка». Критикъ смѣялся также надъ «средними вѣками» и «готикой» Гоголя, надъ этими «любимыми куклами его воображенія». Вкусъ и логика изнасилованы во всѣхъ этихъ серьезныхъ статьяхъ Гоголя, говорилъ Сенковскій. Вообще было-бы гораздо лучше, когда бы статьи этого рода высказывались не изъ души, а изъ предварительной науки. О повѣстяхъ, напечатанныхъ въ «Арабескахъ» критикъ отозвался очень глухо, но похвалилъ слегка «Записки сумасшедшаго» и «Невскій проспектъ» **). Къ повѣстямъ въ «Миргородѣ» Сенковскій отнесся мягче, выписалъ даже цѣлую страницу изъ «Тараса Бульбы», однако замѣтилъ, что повѣсть о «ссорѣ Ивана Ивановича» очень грязна и что въ «Віѣ» нѣтъ ни конца, ни начала, ни идеи, ничего кромѣ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ ***). Во всей рецензіи, какъ видимъ, сквозило явное недоброжелательство.

Булгаринъ говорилъ объ «Арабескахъ» приблизительно то же самое: порицалъ автора за аристократическій и диктаторскій тонъ въ его предисловіи, видѣлъ во всѣхъ его серьезныхъ статьяхъ промахи противъ логики и истины, языка и вкуса. Повѣсти похвалилъ, но по поводу «Невскаго проспекта» упрекнулъ Гоголя въ неразборчивомъ вкусѣ и замѣтилъ, что каррикатуры ему лучше удаются. Вообще, по его мнѣнію, «Арабески» названы удачно: это «образы безъ лицъ» ****). Въ той же «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ была помѣщена эта рецензія, былъ разобранъ и «Миргородъ» относительно-благосклонно. Любопытны заключительныя слова критика. Въ повѣсти о «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»—говорилъ онъ—описана прозаичная жизнь двухъ сосѣдей бѣднаго уѣзднаго городка со всѣми ея незанимательными подробностями, описана съ удивительною вѣрностью и живостью красокъ. Но какая цѣль этихъ сценъ?—Сценъ, не возбуждающихъ въ душѣ читателя ничего, кромѣ жалости и отвращенія?

---

*) «Письма Н. В. Гоголя» I, 341.

**) «Библіотека для чтенія», 1835. Т. IX. «Литературная лѣтопись», 3—14.

***) «Библіотека для чтенія» 1835 т. IX. «Литературная лѣтопись» 31—34.

****) «Сѣверная Пчела», 1835, № 73.

*

Въ нихъ нѣтъ ни забавнаго, ни трогательнаго ни смѣшного. Зачѣмъ же показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли?» *)

Кромѣ этихъ рецензій, недоброжелательныхъ и насмѣшливыхъ, остальныя были всѣ въ пользу Гоголя. Критикъ «Московскаго Наблюдателя» Шевыревъ поздравилъ русскую литературу съ появленіемъ новаго, совершенно оригинальнаго таланта, въ которомъ простодушная веселость нашла себѣ художественное выраженіе. Пользуясь случаемъ, Шевыревъ написалъ цѣлый философскій трактатъ о теоріи смѣха, отводя Гоголю почетное мѣсто среди первыхъ юмористовъ міра, какъ представителю славянскаго простодушнаго юмора. Критикъ хвалилъ «Тараса Бульбу», но не вполнѣ былъ доволенъ слогомъ Гоголя. Свою рецензію онъ заканчивалъ также очень характернымъ пожеланіемъ. «Желательно—говорилъ онъ—чтобы Гоголь обратилъ свой наблюдательный взоръ на общество, насъ окружающее. Онъ водилъ насъ въ Миргородъ, въ мастерскую сапожника, въ сумасшедшій домъ. Но столица уже довольно смѣялась надъ провинціей и деревенщиной. Пусть Гоголь откроетъ безсмыслицу въ нашей собственной жизни и въ кругу, такъ называемомъ, образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраковъ и галстуховъ, подъ модными головными уборами» **).

Силу Гоголя, какъ юмориста, оттѣнилъ и критикъ «Литературныхъ Прибавленій къ «Русскому Инвалиду»», который, говоря о «Ревизорѣ», попутно коснулся и повѣстей нашего автора. «Гоголь обыкновенно описываетъ мелочныя обстоятельства и ничтожные случаи—писалъ рецензентъ—но разсказываетъ о нихъ съ важностью, какъ о необыкновенныхъ происшествіяхъ міра. Объясняясь предположеніями ложными, однако же свойственными тому человѣку, который предполагаетъ, мысля грубыми предразсудками, отпуская даже глупости въ лицѣ какого-нибудь глупца—Гоголь сохраняетъ при этомъ столько умствующую, дальновидную, убѣдительную физіогномію, что вамъ сначала покажется, не считаетъ ли самъ онъ такими важными эти бездѣлицы. Онъ никогда не подастъ вамъ подозрѣнія, что шутитъ. Простодушіе его такъ велико, что еще сомнительно, знаетъ ли самъ онъ, что онъ такъ остеръ и забавенъ» ***).

На очаровательную безцѣнную наивность повѣстей Гоголя указывалъ и критикъ «Телескопа», который шутливо замѣчалъ при этомъ. «Зазнались же вы, почтенный пасичникъ, отъ того, что въ «Библіо-

---

*) «Сѣверная Пчела», 1835, № 116. Статья подписана «П. М—скій».

**) «Московскій Наблюдатель», 1835, I, статья *Шевырева* о «Миргородѣ», 396—411.

***) «Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду»», 1836, № 59—60. *П. Серебреный*. «Русскій театръ», 479.

текѣ для Чтенія» называютъ васъ русскимъ «Поль де-Кокомъ»! *). Реализмъ въ повѣстяхъ Гоголя встрѣтилъ полное сочувствіе и еще въ одномъ анонимномъ критикѣ «Литературныхъ Прибавленій». «Въ повѣстяхъ Гоголя сюжетъ простъ, занимателенъ, величественъ, какъ природа, разсматриваемая не очами слѣпца, — говорилъ критикъ. Выполненъ сюжетъ увлекательно. Съ радостью скажемъ, что авторъ «Миргорода» уже оставляетъ свою прежнюю напыщенность: простота есть одно изъ трехъ Грацій—изящнаго! Теперь каждое слово Гоголя есть необходимая часть цѣлаго, ни одно слово не уронено на вѣтеръ» **).

Но самой полной оцѣнкой литературнаго значенія новыхъ повѣстей Гоголя былъ извѣстный историческій обзоръ русской повѣсти, данный Бѣлинскимъ въ его статьѣ «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя («Арабески» и «Миргородъ»)» ***).

Насмѣшливо относясь ко всѣмъ «ученымъ» статьямъ Гоголя, Бѣлинскій восторженно говорилъ объ его литературномъ талантѣ. Для него Гоголя прежде всего—истинный поэтъ, тотъ самый, творчество котораго «безцѣльно съ цѣлью, безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостью».

Гоголь мастеръ дѣлать все изъ ничего. Его созданія ознаменованы печатью истиннаго таланта и созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій—суть вѣрные, необманчивые признаки творчества: это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни, коротко знакомой намъ... Каждая его повѣсть—смѣшная комедія, которая начинается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнію. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины! Повѣсти Гоголя народны въ высочайшей степени: и Гоголь ни мало не думаетъ о народности, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ—одну тривіальность... Комизмъ или юморъ Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ и этотъ юморъ тѣмъ скорѣе достигаетъ своей цѣли... и въ этомъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ нравоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ

*) «Телескопъ» XXI. «Молва», 351.

**) «Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1835, № 33. Статья *А. в. м. л.* «Мои коммеражи о сочиненіи Н. Гоголя «Миргородъ», 262—3.

***) «Телескопъ», 1835, XXVI, № 8.

рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. О! Предъ такою нравственностью можно падать на колѣна!

«Арабески» и «Миргородъ», продолжалъ Бѣлинскій, носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше упоенія, лирическаго разгула, чѣмъ въ «Вечерахъ», но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, Гоголь здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой! какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Гоголь еще только началъ свое поприще, но какія надежды подаетъ его дебютъ! Эти надежды велики, ибо Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ, онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Пусть Гоголь описываетъ то, что велитъ ему описывать его вдохновеніе и пусть страшится описывать то, что велятъ ему описывать или его воля, или гг. критики *). Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то внѣшнею, не зависящею отъ него волею, или, лучше сказать, его воля есть вдохновеніе!..

Такъ говорилъ Бѣлинскій, примѣняя къ творчеству Гоголя положенія, выработанныя нѣмецкой эстетикой, и онъ былъ на этотъ разъ правъ: Гоголь, дѣйствительно, творилъ безсознательно съ сознаніемъ и никакой цѣли въ своихъ повѣстяхъ пока не преслѣдовалъ. Онъ оставался художникомъ по преимуществу, поэтомъ, который искалъ художественныхъ образовъ для выраженія всѣхъ своихъ наблюденій и всѣхъ разнообразныхъ, иногда прямо противорѣчивыхъ, настроеній, подъ властью которыхъ находился.

Подводя общій итогъ всей литературной дѣятельности Гоголя, какъ она выразилась въ «Миргородѣ» и «Арабескахъ», мы приходимъ къ выводу, что нашъ писатель постепенно выходилъ изъ круга тѣхъ романтическихъ вкусовъ въ выборѣ сюжетовъ и тѣхъ романтическихъ пріемовъ въ ихъ обработкѣ, какіе господствовали въ современной ему литературѣ.

Какъ печальникъ о разладѣ мечты и дѣйствительности, какъ мечтатель-поэтъ, которому трудно отвѣтить на вопросъ—чему служитъ его вдохновеніе, въ чемъ заключена его тайна и его земное назначеніе, наконецъ, какъ любитель старины, въ которой онъ искалъ не безпристрастной истины, а подтвержденія своихъ думъ и симпатій, Гоголь тридцатыхъ годовъ—сынъ своего романтическаго поколѣнія.

Но въ немъ одновременно созрѣвалъ творецъ иного литературнаго

*) Намекъ на вышеприведенное пожеланіе Шевырева.

направленія, отъ развитія котораго наше самосознаніе должно было такъ много выиграть впослѣдствіи. Наша дѣйствительность со всѣми ея грѣхами начинала приковывать къ себѣ вниманіе художника и онъ становился ея бытописателемъ: необычайно быстро и рѣшительно освоился онъ съ этой новой ролью, и если въ его повѣстяхъ замѣтно колебаніе въ настроеніи, стилѣ рѣчи и пріемахъ мастерства, то этого колебанія уже нѣтъ въ его комедіяхъ, надъ которыми онъ въ тѣ же годы работалъ. Въ этихъ художественныхъ созданіяхъ онъ чистокровный реалистъ, удивительный техникъ и съ виду спокойный наблюдатель дѣйствительности. Онъ истолкователь и обличитель этой дѣйствительности, о которой пока онъ говорилъ лишь мимоходомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что онъ успѣлъ сказать о ней? Въ «Вечерахъ» онъ кое-гдѣ сблизилъ насъ съ жизнью малорусской деревни и позволилъ намъ однажды заглянуть въ помѣщичью усадьбу; въ «Арабескахъ» погулялъ съ нами по Щукиному двору и по Невскому проспекту, заглянувъ мимоходомъ въ мастерскую художника, въ квартиру нѣмца-ремесленника, погибшей дѣвицы и сумасшедшаго департаментскаго чиновника; въ «Миргородѣ» опять возвратился съ нами въ Малороссію, познакомилъ насъ со старосвѣтскими помѣщиками, со странствующими бурсаками, со всей администраціей и съ обывателями уѣзднаго, мелкаго городишка. Конечно, онъ провелъ насъ по цѣлой портретной галлереѣ, и мы любовались этими разнообразными типичными лицами. Ихъ было такъ много и они были новы. Но всѣ они были случайные типы, портреты, написанные при случаѣ; въ нихъ не было объединяющаго смысла, по которому можно было бы судить не о томъ или другомъ изъ нихъ порознь, а обо всѣхъ сразу, какъ объ извѣстныхъ общественныхъ группахъ, какъ о выразителяхъ извѣстнаго историческаго момента, переживаемаго нашимъ обществомъ.

Такой осмысленный подборъ реальныхъ типовъ Гоголь далъ сначала въ своихъ комедіяхъ, а затѣмъ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Н. Котляревскій

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПУСТЫНЯ.

Сонетъ.

Пустыня мертвая пылаетъ, но не дышетъ.
Блеститъ сухой песокъ, какъ желтая парча,
И даль небесъ желта и также горяча.
Миражъ струится въ ней и сказки жизни пишетъ.
Такая тишина, что мнится, ухо слышетъ
Движенье облака, дрожаніе луча...
Верблюдъ во снѣ бредетъ, какъ будто зной влача,
И всадника въ сѣдлѣ размѣренно колышетъ.
Порою, на пути, обмытыя пескомъ,
Бѣлѣютъ путниковъ покинутыя кости
И сердцу говорятъ беззвучнымъ языкомъ:
„О, бѣдный пилигриммъ! Твой путь и намъ знакомъ:
Ты кровью истекалъ... Ты слезы лилъ тайкомъ...
Добро пожаловать къ твоимъ собратьямъ въ гости".

А. Өедоровъ.

ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

Это были два молодыхъ человѣка, совсѣмъ не похожіе другъ на друга, хотя носили одну фамилію.

Одинъ былъ высокій, тонкій и смуглый. На его худомъ продолговатомъ лицѣ главная роль принадлежала глазамъ: темнымъ, блестящимъ, умнымъ. Эти глаза никогда не скользили по предмету своего наблюденія, а пристально останавливались на немъ, какъ бы высасывая изъ него и втягивая въ себя его сущность. Волосы на головѣ его были прямые и довольно длинные. Онъ зачесывалъ ихъ кверху, но ему никогда не удавалось заставить ихъ лежать смирно. Вѣчно какой-нибудь клокъ свѣшивался на лобъ—то справа, то слѣва, и ему постоянно приходилось быстрымъ движеніемъ руки водворять его на мѣсто. Темные усы у него еще только намѣчались, какъ и бородка, а на щекахъ не росло ничего.

Во всей его фигурѣ было что-то нескладное: ноги слишкомъ длинныя, руки казались плетями, плечи для его большого роста—узкія. Но во всемъ этомъ не было ничего безобразнаго или отталкивающаго. Напротивъ, самая эта нескладность придавала ему что-то привлекательное, вызывала къ нему довѣріе.

Другой былъ также молодъ, но роста средняго, коренастый, съ лицомъ круглымъ и пухлымъ, но здоровымъ, даже нѣсколько упитаннымъ. Волосы у него были свѣтлые, бѣлесоватаго оттѣнка, остриженные по модѣ,—нѣсколько выше по краямъ и совершенно низко. такъ что проглядывала бѣлая кожа, посрединѣ. Свѣтлые усы уже порядочно отросли, такъ что онъ могъ кончики ихъ закручивать кверху. Щеки же и подбородокъ были старательно выбриты. Глаза у него были большіе сѣрые, мало подвижные и какъ-то одинаково выражавшіе самыя разнообразныя чувства и состоянія.

Они рѣзко различались и по одеждѣ. Первый былъ одѣтъ въ черный сюртукъ, сшитый кое-какъ, изрядно помятый, очевидно

служившій ему для всѣхъ случаевъ, какъ парадныхъ, такъ и простыхъ. Второй былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрую пиджачную пару—новенькую, чистенькую и держалъ ее на себѣ аккуратно и заботливо, чтобы не смять и не посадить гдѣ-нибудь пятно.

Каждую минуту онъ осторожно двумя пальцами расправлялъ случайно сложившуюся неумѣстную складку, приглаживалъ, снималъ ниточку, стиралъ пыль и, можетъ быть, боясь, чтобы его оболочка не потеряла форму, которую придалъ ей первый въ губернскомъ городѣ портной, старался держаться прямо и ради этого даже лишалъ себя удовольствія хорошенько развалиться на диванѣ.

Перваго звали Владиміромъ Ивановичемъ, а второго Петромъ Николаевичемъ, фамилія же у нихъ была общая—Любарцевы. Они были двоюродные братья и ѣхали изъ одной и той же губерніи, гдѣ испоконъ вѣку жили ихъ семьи и гдѣ они родились, выросли и воспитались.

На вагонѣ второго класса съ внѣшней стороны было обозначено, что онъ идетъ прямо въ Петербургъ, но до столицы было еще очень далеко. Молодымъ людямъ придется провести въ этомъ вагонѣ еще день и ночь, и только утро слѣдующаго дня должно открыть имъ тѣ широкіе горизонты, которые обыкновенно мерещатся молодымъ людямъ, только что кончившимъ университетъ въ провинціи и ѣдущимъ въ столицу искать счастья.

Каждому досталось въ пользованіе по цѣлому дивану. Пассажировъ, ѣдущихъ прямо въ Петербургъ, было немного и въ вагонѣ было вольготно. И уже по тому, какъ эти два пассажира устроились на своихъ диванахъ, можно было судить, насколько они разные люди.

Владиміръ Любарцевъ лежалъ на спинѣ, поставивъ обѣ ноги на диванѣ острымъ угломъ; голова его лежала на валикѣ, обѣими руками онъ держалъ передъ своимъ носомъ газету и внимательно читалъ ее своими близорукими глазами. Его лѣтнее, изрядно поношенное, пальто лежало подъ нимъ, безжалостно скомканное, черная поярковая шляпа валялась на полу, а рядомъ съ нею—одинъ ботинокъ, который онъ снялъ для облегченія болѣвшей мозоли.

На сѣтчатой перекладинѣ, надъ его головой, какъ-то виновато прижавшись къ углу, лежалъ старый сплюснутый чемоданъ, очевидно служившій уже не одному поколѣнію для путешествій.

Диванъ, находившійся въ распоряженіи Петра Любарцева, былъ застланъ мягкимъ клѣтчатымъ плэдомъ, на валикѣ лежала небольшая подушка, надъ нею на крючкѣ, спускаясь аккуратными складками, висѣло пальто; шляпа-котелокъ помѣщалась на сѣткѣ, а рядомъ съ нею лежали—новенькій удобный и уютный чемо-

данъ коричневой кожи въ парусиновомъ чехлѣ и кордонка съ цилиндромъ. Самъ Петръ Любарцевъ полулежалъ на диванѣ, осторожно свѣсивъ ноги на воздухъ, чтобы не измять и не испачкать плэдъ.

Владиміръ скомкалъ газету и быстрымъ движеніемъ, какъ дѣлалъ онъ всегда, поднялся съ дивана и сѣлъ, причемъ его длинные волосы всѣ свѣсились на лобъ и онъ нетерпѣливымъ движеніемъ отправилъ ихъ на мѣсто.

— Фу, чортъ... какъ время ползетъ медленно!..—съ досадой проговорилъ онъ, вынувъ изъ кармана толстые никелевые часы и взглянувъ на нихъ:—еще цѣлыя сутки!

Петръ медленно перевелъ на него свои спокойные стеклянные глаза, въ иныя минуты имѣвшіе видъ вставныхъ, и сказалъ:

— Удивительно, какой ты нетерпѣливый, Владиміръ! Не понимаю, почему ты такъ торопишься...

— Да вѣдь это очень скучно—двое сутокъ сидѣть и лежать па диванѣ и смотрѣть на твою физіономію!—отвѣтилъ Владиміръ и при этомъ посмотрѣлъ на него съ тѣмъ шутливымъ презрѣніемъ, которое не обижаетъ.

— Тамъ ты будешь тоже, по всей вѣроятности, сидѣть и лежать на какомъ-нибудь диванѣ и по большей части видѣть ту же самую мою физіономію...—очень спокойно замѣтилъ Петръ.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Я постараюсь отыскать что нибудь поинтереснѣе...

— Все равно. По моему, всѣ физіономіи одинаковы. На одной носъ длиннѣе, на другой короче, на одной борода свѣтлая, на другой черная, вотъ и все.

— Это твое убѣжденіе?—на этотъ разъ иронически спросилъ Владиміръ.

— Глубокое,

— Не смѣю спорить...

Онъ опять легъ на диванъ, расправилъ газету и, перевернувъ страницу, снова углубился въ чтеніе. А Петръ продолжалъ лежать аккуратно, спокойно и глядя на проходившихъ мимо кондукторовъ и пассажировъ и на весь міръ равнодушными, безстрастными глазами.

„Чортъ возьми, хорошо быть дуракомъ!“ думалъ Владиміръ, иногда взглядывая на него своими возбужденными глазами: „хорошо имѣть войлочную душу...“

Но думалъ онъ это безъ всякаго раздраженія. Нельзя сказать, чтобы онъ любилъ своего родственника. Но, встрѣчаясь съ нимъ чуть не каждый день впродолженіи всего дѣтства и всей юности, онъ до того свыкся съ нимъ, что иногда, не видя его недѣлю-другую, начиналъ скучать по немъ.

Родные братья Любарцевы—Николай и Иванъ Сергѣевичи, какъ и ихъ дѣти, родились и выросли въ той же губерніи. Происходили они изъ рода, нѣкогда владѣвшаго многими землями, и душами, но въ то время, когда они родились на свѣтъ, ихъ фамилія уже состояла въ числѣ помѣщиковъ средней руки. Сами же они не получили уже никакого наслѣдства и занялись службой—старшій, Николай, по казенной части, а младшій, Иванъ, ходилъ по разнымъ частнымъ и общественнымъ мѣстамъ.

Николай Сергѣевичъ Любарцевъ избралъ благую часть. Еще въ юные годы, пристроившись къ нѣкоей канцеляріи маленькимъ чиновникомъ, онъ, несмотря на то, что не получилъ университетскаго диплома, а ограничился гимназическимъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ службы дошелъ до дѣйствительнаго статскаго и занималъ въ городѣ выдающееся положеніе.

Иванъ же Сергѣевичъ Любарцевъ обладалъ дурнымъ вкусомъ къ разнымъ общественнымъ начинаніямъ, и такъ какъ эти начинанія большею частью кончались неудачей, то ему приходилось чуть не каждый годъ искать новаго мѣста или новаго дѣла. То его видѣли учредителемъ переплетной мастерской на артельныхъ началахъ, то онъ оказывался во главѣ издательскаго предпріятія, которое обѣщало обогатить умными и полезными книжками всю губернію, то онъ возился съ „интеллигентной сыроварней“.

Всѣ эти благородныя увлеченія постоянно повергали его въ бѣдствіе, а такъ какъ у него была семья, то онъ изобрѣталъ новыя и, наконецъ, въ послѣдніе годы усталъ и смирился. Смирившись, онъ взялъ болѣе постоянное мѣсто—секретаря городской управы, на которомъ и сидѣлъ послѣднія семь лѣтъ.

Братъ Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ, называлъ младшаго брата мечтателемъ, сильно не одобрялъ его, хотя и любилъ; а въ послѣдніе годы радовался, что, „наконецъ-то, мечтатель нашъ успокоился“.

Сами братья и ихъ семьи были между собой дружны, ходили другъ къ другу въ гости и оказывали другъ другу маленькія родственныя любезности. У каждаго было по женѣ и по нѣсколько дѣтей. Въ обѣихъ семьяхъ были дофины, родившіеся чуть ли не въ одинъ годъ и учившіеся въ одной и той же губернской гимназіи.

Но на этомъ кончалось сходство; въ существѣ же дѣла семьи ихъ были очень не похожи. Въ то время, какъ у младшаго брата—секретаря управы—жена, Антонина Григорьевна, была образцомъ энергіи и неутомимости и съ самаго перваго года замужества на равныхъ правахъ участвовала во всѣхъ неудачныхъ предпріятіяхъ мужа, какъ и въ отысканіи новыхъ пред-

пріятій и мѣстъ, и даже вошла въ мѣстную поговорку, гласившую, что если ужъ Антонина Любарцева чего-нибудь не добилась, такъ ужъ никто другой не добьется; въ то время, какъ воспитанныя ею дѣти, во главѣ съ старшимъ сыномъ Владиміромъ (кромѣ него, еще было три дѣвочки и младшій сынъ), были первыми шалунами въ школѣ, но въ то же время и лучшими учениками по успѣхамъ; жена Николая Сергѣевича—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, была женщина слабая, рыхлая, безхарактерная, рабски подчинившаяся мужу, даже нѣсколько придавленная его волей; а дѣти, балуемыя и ласкаемыя ею, потихоньку отъ мужа, который былъ сторонникомъ строгой системы воспитанія, всѣ вышли въ нее, получивъ отъ нея большіе мало выразительные глаза, лѣнивый умъ, отвращеніе къ наукамъ и всѣ учились изъ страха передъ отцомъ, съ величайшимъ усиліемъ превозмогая школьныя трудности. Зато по поведенію они приносили домой самые лучшіе баллы. И дѣйствительно, въ школѣ видѣли ихъ всегда смирно и неподвижно сидящими на мѣстахъ, отвергающими всякія рискованныя игры, отказывающимися отъ участія въ опасныхъ и неодобряемыхъ начальствомъ шалостяхъ.

Такое поведеніе помогало имъ переходить изъ класса въ классъ, и Петръ Любарцевъ, несмотря на свои скудныя знанія, кончилъ гимназію одновременно съ Владиміромъ, и оба они поѣхали въ ближайшій къ ихъ губерніи провинціальный университетъ.

Но тутъ двоюродные братья раздѣлились. Петръ, по приказанію отца поступилъ на юридическій факультетъ и съ перваго же дня сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ лекцій и читателемъ профессорскихъ тетрадокъ. Онъ также аккуратно посѣщалъ университетскую аудиторію, какъ ходилъ въ гимназію и по привычкѣ дѣтства здѣсь, также какъ и тамъ, былъ глухъ ко всему, что не относилось къ курсовымъ предметамъ и къ той отмѣткѣ, которую онъ долженъ получить на экзаменѣ. Поэтому онъ благополучно переходилъ съ курса на курсъ, не хваталъ звѣздъ съ неба, и черезъ четыре года кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ, не обнаруживъ никакого стремленія къ кандидатству и въ теченіе четырехъ лѣтъ не обременивъ свою голову ничѣмъ, не соотвѣтствовавшимъ точному смыслу профессорскихъ тетрадокъ.

Вернувшись въ губернскій городъ, онъ, не теряя золотого времени, тотчасъ поступилъ на службу въ мѣстный судъ, гдѣ, хотя и былъ зачисленъ только кандидатомъ на судебную должность, но, въ виду значительнаго положенія въ городѣ его отца, былъ вполнѣ увѣренъ, что на этой должности не засидится и совершитъ вполнѣ приличное движеніе по службѣ.

Школьная карьера Владиміра Любарцева была гораздо слож-

нѣе. Уже надо начать съ того, что въ то время, какъ Петръ получалъ отъ своего родителя аккуратно каждое первое число вполнѣ приличную сумму для того, чтобы жить, не нуждаясь, Владиміръ съ перваго же мѣсяца принужденъ былъ бѣгать по урокамъ, искать переписки и браться за все, чтобы прокормить себя.

Отецъ его, хотя и былъ уже въ это время секретаремъ управы и получалъ сносное жалованье—платилъ долги, которыхъ достаточно надѣлалъ за долгую жизнь, обучалъ другихъ дѣтей, и Владиміръ, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, не счелъ себя вправѣ брать отъ него хотя бы ничтожную сумму.

Кромѣ того, отъ матери и отъ отца онъ получилъ способность увлекаться и въ первый же годъ сдѣлалъ ошибку, поступивъ на естественный факультетъ. Естественныя науки его не удовлетворили. Его сильно потянуло куда-то въ другое мѣсто и, пока онъ это понялъ, нужно было пройти цѣлому году. На второй годъ онъ сдѣлался филологомъ и занялся исторіей, которая его интересовала.

Обладая хорошими способностями, онъ безъ особенныхъ усилій на экзаменахъ получалъ хорошія отмѣтки, но такъ какъ профессора рѣдко видѣли его на своихъ лекціяхъ, то онъ не былъ у нихъ на хорошемъ счету. Онъ же платилъ имъ тѣмъ, что съ своей стороны придавалъ мало значенія ихъ тетрадкамъ и предпочиталъ тѣ многотомные трактаты по своей наукѣ, которые находилъ въ университетской и въ публичной библіотекахъ.

Когда же онъ перешелъ на третій курсъ, случилась студенческая исторія, въ которой онъ по своему темпераменту, разумѣется, не могъ остаться на заднемъ планѣ. Его наказали: пришлось Владиміру на цѣлый годъ уѣхать въ родной губернскій городъ и хотя потомъ онъ опять былъ принятъ на третій курсъ, но все же годъ былъ уже потерянъ.

Такимъ образомъ, Владиміръ кончилъ университетъ на два года позже, чѣмъ Петръ, и когда онъ пріѣхалъ домой, его кузенъ уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи по службѣ и собирался принять настоящую должность. Но зато Владиміръ привезъ дипломъ кандидата, который, впрочемъ, достался ему безъ всякихъ хлопотъ и усилій.

И опять же, тотчасъ по прибытіи его въ губернскій городъ, обнаружилась глубокая разница между двумя братскими семьями. Еще до пріѣзда Владиміра у дѣйствительнаго статскаго совѣтника былъ разговоръ съ секретаремъ управы.

— Вотъ пріѣдетъ твой сынъ,—сказалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ секретарю управы:—онъ кандидатъ, это хорошо. Въ здѣшней гимназіи освободилось мѣсто преподавателя исторіи.

Такъ пусть онъ поторопится подать прошеніе. Я уже говорилъ объ этомъ съ директоромъ. Онъ согласенъ содѣйствовать, конечно—ради меня... Ты бы написалъ ему, Иванъ, пусть бы онъ тамъ, на мѣстѣ, сейчасъ и подалъ прошеніе, для скорости... А то вѣдь охотниковъ много найдется.

— Благодарю тебя, Николай, — отвѣтилъ на это секретарь управы.—Но я не думаю, чтобы мой Владиміръ взялъ это мѣсто.

— Почему же ему не взять? Отличное мѣсто: въ губернскомъ городѣ, въ родномъ. Отсюда его хорошо будетъ видно начальству. Онъ человѣкъ способный и скоро выдвинется. Конечно, у него есть тамъ маленькій грѣшокъ: онъ попалъ въ студенческую исторію,—ну, да что жъ, это юношеское увлеченіе, оно забудется, а онъ, надѣюсь, сталъ уже благоразумнымъ. А то вѣдь что хорошаго, если его назначатъ куда-нибудь въ уѣздный городъ?.. Тамъ онъ никогда не выдвинется...

— Нѣтъ, нѣтъ, я думаю, что онъ этого мѣста не возьметъ!—отвѣтилъ секретарь управы.—Я вѣдь все-таки немного знаю его, вотъ и говорю.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ пожалъ плечами и прекратилъ разговоръ. Но брату онъ не вѣрилъ. Онъ считалъ его не солиднымъ человѣкомъ и надѣялся, что племянникъ окажется солиднѣе. И когда Владиміръ пріѣхалъ, дядя позвалъ его къ себѣ и заговорилъ о мѣстѣ преподавателя исторіи въ губернской гимназіи.

— Нѣтъ, дядя, я и не думаю брать мѣсто!—отвѣтилъ Владиміръ.

— Что же, ты хочешь, чтобы тебя назначили куда-нибудь въ захолустье?—спросилъ дядя.

— Нѣтъ, милый дядя, я именно хочу поставить себя такъ, чтобы меня никто никуда не могъ назначить.

— Какъ же это такъ?

— А вотъ какъ, дядя: я, положимъ, возьму мѣсто въ здѣшней гимназіи: мѣсто хорошее, что и говорить. И то пріятно, что буду жить въ своемъ городѣ, съ родными, которыхъ люблю. Но вѣдь, чтобы сидѣть на этомъ мѣстѣ, надо постоянно нравиться директору, инспектору и другому начальству. А я не умѣю нравиться. Ну, вотъ, значитъ, я нисколько не гарантированъ, что меня отсюда возьмутъ и назначатъ въ другое мѣсто. Я такъ думаю, дядя, что, разъ человѣка назначили, то могутъ и переназначить. Надо поставить себя въ такое положеніе, чтобы тебя не могли ни назначить, ни переназначить.

— Вотъ ты какой!.. Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Я еще не знаю, дядя! Мнѣ вѣдь всего только двадцать три года. Я еще посмотрю, какъ живутъ люди, а потомъ и себѣ

выберу какую-нибудь форму жизни. Вѣдь чтобы выбрать, надо знать то, изъ чего выбираешь.

— Гм... Не зналъ я, что ты такой неблагоразумный. Мой Петръ благоразумнѣе... Положимъ, я не говорю!.. мой Петръ твоими способностями не обладаетъ. Онъ человѣкъ не остраго ума, но... можетъ быть, это и лучше. Если судить по тебѣ, такъ, пожалуй, придешь къ заключенію, что лучше. Но ты, по крайней мѣрѣ, посмотри на карьеру твоего отца. Вотъ онъ тоже такъ все присматривался къ жизни, пробовалъ ее со всѣхъ сторонъ и что же вышло? Онъ теперь усталъ и, вмѣсто того, чтобы пользоваться плодами прежней жизни долженъ тяжелымъ трудомъ добывать скудныя средства...

— Но развѣ, дядя, мой отецъ когда-нибудь жаловался на свою жизнь? Мнѣ всегда казалось, что онъ доволенъ своей жизнью. По крайней мѣрѣ мнѣ онъ часто съ умиленіемъ разсказывалъ о своихъ предпріятіяхъ и неудачахъ и я думаю, что это лучшія его воспоминанія...

— Онъ не жаловался и, можетъ быть, доволенъ. Но я его жизнью не доволенъ, я, его старшій и любящій его братъ... Жаль, жаль, что ты такъ же неблагоразуменъ, какъ и твой отецъ. И такой способный... жаль. Это меня искренно огорчаетъ.

Такимъ образомъ, Владиміръ Любарцевъ огорчилъ своего дядю, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николая Сергѣевича Любарцева.

II.

Мѣсяца два Владиміръ Любарцевъ присматривался къ жизни въ губернскомъ городѣ, но эта жизнь была такъ несложна и въ существѣ дѣла такъ знакома ему, что онъ скоро соскучился и рѣшилъ отыскать что-нибудь посложнѣе и позанимательнѣе. Отсюда вытекла мысль, еще больше огорчившая чиновнаго дядю. Родственники узнали, что Владиміръ Любарцевъ собирается ѣхать въ Петербургъ.

Почему? зачѣмъ? На эти вопросы никто даже и не искалъ отвѣта! Отвѣтъ заключался въ той „неосновательности", въ томъ „отсутствіи солидности", которыя лежали въ основѣ всей семьи Ивана Любарцева.

— Гм...—говорилъ чиновный дядя въ своемъ семейномъ кругу: Владиміръ ѣдетъ въ Петербургъ? Но что онъ тамъ найдетъ? Да, конечно, онъ человѣкъ способный, онъ обладаетъ острымъ умомъ и здѣсь, гдѣ выдающихся людей мало, онъ могъ бы, дѣйствительно могъ бы сдѣлать отличную карьеру. Если бы онъ взялъ мѣсто преподавателя въ гимназіи и дѣлалъ свое дѣло аккуратно,

онъ выдвинулся бы и черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ бы инспекторомъ, а тамъ директоромъ, а послѣ, можетъ быть, чѣмъ-нибудь и побольше. Но тамъ, въ столицѣ, способныхъ людей множество, тамъ его затрутъ. О, какъ я счастливъ, что моему сыну Богъ не далъ ни остраго ума, ни выдающихся способностей.

Такъ говорилъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ въ кругу своей семьи, которая привыкла выслушивать его рѣчи, какъ окончательныя рѣшенія, противъ которыхъ ни спорить, ни прекословить не полагается. Такъ говорилъ онъ въ присутствіи своего сына Петра, который вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе насчетъ остраго ума и выдающихся способностей.

И казалось, не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было броженіи въ этой низко остриженной круглой головѣ, по ту сторону этихъ большихъ, сѣрыхъ, никогда ничего не выражавшихъ глазъ.

Но вдругъ всѣ узнали, что голова Петра Любарцева прилежно работала. Однажды, когда Николай Сергѣевичъ высказывалъ сожалѣніе о своемъ видимо погибающемъ племянникѣ, Петръ, выслушавъ его разсужденія до конца, сказалъ:

— А что вы сказали бы, папа, если бы... если бы мнѣ тоже вмѣстѣ съ Владиміромъ поѣхать въ Петербургъ?

Вопросъ этотъ произвелъ за обѣденнымъ столомъ настоящую сенсацію; это можно было видѣть по лицамъ всѣхъ членовъ семьи.

А дѣйствительный статскій совѣтникъ бережно уложилъ на тарелку вилку и ножъ, которыми дѣйствовалъ, посмотрѣлъ на сына и отвѣтилъ:

— Я сказалъ бы, что ты глупъ, мой милый!

Этотъ отвѣтъ, однако, нисколько не смутилъ Петра Любарцева. По крайней мѣрѣ на его лицѣ не выразилось ни обиды, ни смущенія.

— Я, папа, не говорю, что я уменъ. Я никогда этого не говорилъ. Но то, что я сейчасъ сказалъ, вовсе не глупо.

— Чего же ты не видалъ въ Петербургѣ? Исаакіевскій соборъ смотрѣть поѣдешь, что ли.

— Исаакіевскій соборъ меня нисколько не интересуетъ,— отвѣтилъ Петръ,—но въ Петербургѣ у насъ есть родственники, вы о нихъ говорили часто. Они вамъ даже помогали въ вашей карьерѣ.

— Да, есть: троюродная сестра Анна Михайловна Коромыслова, урожденная Любарцева... Ея мужъ очень важный чиновникъ въ Петербургѣ, и она мнѣ помогала. Я это говорилъ. Но что же изъ этого?

— А изъ этого то, что, если вы попросите нашего пред-

сѣдателя, то онъ дастъ мнѣ двухмѣсячный отпускъ. А отъ себя вы дадите мнѣ рекомендательное письмо къ троюродной родственницѣ. Очень можетъ быть, что она мнѣ поможетъ устроиться тамъ, и тогда я сдѣлаю лучшую карьеру... Вѣдь я тутъ ничѣмъ не рискую. Если тамъ ничего не выйдетъ, я вернусь изъ отпуска и буду продолжать службу здѣсь.

Да, это былъ цѣлый планъ, который свидѣтельствовалъ о томъ, что въ мозгу Петра происходила серьезная работа. Обыкновенно этотъ мозгъ довольствовался уже готовыми, давно выработанными, правилами, безпрекословно принимая ихъ для руководства. Правда, въ высказанномъ Петромъ проектѣ не было ничего ни новаго, ни геніальнаго. До него такъ дѣлали многіе. Но все это свидѣтельствовало, что Петръ не такъ же ужъ безнадежно глупъ, какъ о немъ думали.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ привелъ еще нѣкоторыя возраженія, но въ нихъ уже не было той твердости, съ какой онъ раньше заявлялъ Петру, что онъ глупъ. Онъ, напримѣръ, сказалъ, что Петръ не знаетъ жизни и въ такомъ далекомъ путешествіи можетъ растеряться. На это Петръ, не отрицая своего незнанія жизни, возразилъ, что онъ вѣдь поѣдетъ съ Владиміромъ, который никогда не теряется.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ высказалъ еще мысль, что въ домѣ петербургскихъ родственниковъ, навѣрно, бываетъ петербургское высшее общество, и онъ, Петръ, не съумѣетъ тамъ повести себя, какъ слѣдуетъ. На это Петръ замѣтилъ, что правила, преподанныя ему такимъ отцемъ, каковъ онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, по его мнѣнію, совершенно достаточны, чтобы съ ними хорошо держать себя во всякомъ обществѣ, а онъ, Петръ, отлично усвоилъ себѣ эти правила. Наконецъ, со стороны дѣйствительнаго статскаго совѣтника послѣдовало еще замѣчаніе, что посѣщеніе дома петербургской родственницы потребуетъ значительныхъ расходовъ, потомучто тамъ надо одѣваться по послѣдней модѣ и что вообще въ этомъ обществѣ много тратятъ.

На это Петръ возразилъ, что, съ одной стороны, экономія ему врождена, а съ другой—что онъ отлично умѣетъ носить фракъ, а это—все, что требуется отъ свѣтскаго человѣка.

Размышляя же самъ съ собою, дѣйствительный статскій совѣтникъ нисколько не уповалъ на то, что сынъ его можетъ имѣть успѣхъ въ свѣтской гостиной петербургской родственницы; но въ то же время полагалъ, что почему же и не попробовать? Авось и повезетъ. А служить въ Петербургѣ совсѣмъ не то, что служить въ губернскомъ городѣ.

Самъ онъ никогда не бывалъ въ столицѣ, но ему приходилось имѣть дѣло съ чиновниками, пріѣзжавшими изъ Петербурга и онъ

убѣдился, что ни одинъ изъ нихъ не былъ семи пядей во лбу и ни одинъ изъ нихъ съ неба звѣздъ не хваталъ.

Главное же, что тутъ было пріятнѣе всего, это то, что неподвижный умъ Петра обнаружилъ нѣкоторую склонность къ движенію. Въ немъ явилась способность къ иниціативѣ, и это надо было поощрить.

Результатомъ всего этого было одобреніе Николая Сергѣевича. На другой день онъ поѣхалъ къ предсѣдателю суда и очень легко выхлопоталъ двухмѣсячный отпускъ для Петра. А затѣмъ, такъ какъ Владиміръ собирался уже черезъ недѣлю ѣхать, спѣшно занялись приготовленіями къ путешествію Петра въ Петербургъ.

Очень скоро узнали и въ городѣ о томъ, что Петръ Любарцевъ ѣдетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Владиміромъ. Относительно Владиміра никто не выражалъ удивленія. Всѣ знали его за человѣка съ выдающимся умомъ и полагали, что въ Петербургѣ онъ хорошо устроится.

Въ губернскомъ городѣ преобладало мнѣніе, что всѣ жители Петербурга обладаютъ выдающимися способностями и острымъ умомъ. Такъ вообще думаетъ провинція и на этомъ основано ея безпрекословное повиновеніе и преклоненіе передъ всѣмъ тѣмъ, что выходитъ изъ Петербурга.

Но относительно поѣздки Петра всѣ были другого мнѣнія и всѣ громко говорили:

— Петръ Любарцевъ—въ Петербургъ! Что же онъ тамъ будетъ дѣлать? Вѣдь онъ дуракъ, закругленный дуракъ... Непонятно, что можетъ дѣлать въ Петербургѣ такой дуракъ, какъ Петръ Любарцевъ.

— А видители,—замѣтилъ по этому поводу одинъ губернскій острякъ:—тамъ, въ Петербургѣ, всѣ умные, дураковъ тамъ вовсе нѣтъ, такъ вотъ нашъ Петруша Любарцевъ и покажется тамъ рѣдкостью. Ну, можетъ, на этомъ что-нибудь и заработаетъ!

Таково было общее мнѣніе въ губернскомъ городѣ. Но, несмотря на это, приготовленія къ отъѣзду шли своимъ чередомъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ ассигновалъ на поѣздку извѣстную сумму, правда, довольно скромную, но все же достаточную для того, чтобы порядочный молодой человѣкъ могъ прилично содержать себя два мѣсяца. А Петръ отправился къ лучшему портному города и заказалъ у него: сюртукъ, пиджачную пару изъ англійской матеріи и пальто.

— Что же касается фрака и смокинга, которые въ свѣтскомъ обществѣ совершенно необходимы—сказалъ Петръ Любарцевъ,—то я закажу ихъ себѣ въ Петербургѣ у какого-нибудь тамъ Тедески... Вѣдь фракъ и смокингъ—самыя необходимыя вещи для порядочнаго человѣка. Развѣ я неправъ папа?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Лю-

барцевъ далеко не вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, но полагалъ, что для небогатой мыслями головы его сына и такого убѣжденія достаточно, и потому ничего на это не возразилъ.

Наконецъ, сборы были кончены; былъ пріобрѣтенъ новый чемоданъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ написалъ письмо къ петербургской родственицѣ и прибавилъ къ нему множество словесныхъ наставленій, которыя Петръ Любарцевъ всѣ бережно уложилъ въ своей душѣ. Затѣмъ произошло благословеніе въ путь и торжественные проводы.

Двоюродные братья помѣстились во второмъ классѣ, въ вагонѣ прямого сообщенія и двинулись въ путь. На проводахъ дѣйствительный статскій совѣтникъ счелъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ и племяннику.

— Слушай, Владиміръ... твой кузенъ Петръ... ну, да я говорю, онъ неопытенъ въ жизни; онъ можетъ растеряться, такъ ты поддержи его. Конечно, твои правила для него не годятся; но твой умъ можетъ оказаться и ему полезнымъ. Желаю и тебѣ успѣха, хотя, при твоемъ неосновательномъ отношеніи къ жизни, при отсутствіи въ тебѣ солидности, сомнѣваюсь въ немъ.

Что касается секретаря управы и его жены, то они просто обняли сына и оба въ одинъ голосъ сказали ему:

—Береги свое здоровье! Главное—береги здоровье!

И больше ничего поучительнаго не прибавили. Они были увѣрены, что все остальное Владиміръ сбережетъ и безъ ихъ наставленій.

И вотъ уже больше сутокъ двоюродные братья ѣдутъ, занимая каждый по дивану. Петръ Любарцевъ большую часть времени спалъ. Никакія мысли, никакія чувства не тревожили его. Онъ ѣхалъ за опредѣленнымъ дѣломъ. Пріѣдетъ, станетъ ходить къ троюродной родственницѣ. Выгоритъ—останется, не выгоритъ—пріѣдетъ обратно. Дорога однообразна и скучна, но дорога кончится, она непремѣнно кончится.

И онъ лежалъ на своемъ диванѣ, а когда это ему надоѣдало, вставалъ и садился; на значительныхъ остановкахъ выходилъ и прогуливался; въ большихъ буфетахъ закусывалъ, пилъ чай и и все это дѣлалъ съ тѣми солидностью и серьезностью, которыя вообще отличали семейство дѣйствительнаго статскаго совѣтника отъ семейства секретаря управы.

Владиміръ же велъ себя нервно. Онъ вскакивалъ и выражалъ нетерпѣніе по поводу долгой, тягучей дороги и отсутствія впечатлѣній. Отъ скуки онъ читалъ газеты или нетерпѣливо перелистывалъ путеводитель.

— Послушай,—сказалъ онъ Петру,—ты знаешь, черезъ два часа мы въ Москвѣ...

— Ну, такъ что жъ изъ этого?—лѣниво откликнулся Петръ...

— Какъ? Неужели у тебя сердце не бьется усиленно?

— Чего же оно будетъ биться? Вѣдь мы ѣдемъ не въ Москву, а въ Петербургъ!

— Но ты подумай: Москва, вѣдь это вся до-петровская исторія... Тамъ каждый уголокъ, каждый камень напоминаетъ какое-нибудь событіе.. — говорилъ Владиміръ съ оживленными, горящими вдохновеннімъ глазами...

— Ахъ, ну... это было такъ давно... Я, братъ, всегда терпѣть не могъ исторіи. По исторіи у меня всегда была двойка!

Владиміръ, не найдя никакого отклика въ его душѣ на свое волненіе, оставилъ его въ покоѣ. Въ сущности, онъ и не разсчитывалъ на этотъ откликъ; но нужно же было передъ кѣмъ-нибудь высказаться. Онъ вообще не умѣлъ молчать. Когда у него въ душѣ что-нибудь закипало, онъ торопился высказать. И теперь, такъ какъ по мѣрѣ приближенія поѣзда къ Москвѣ, волненіе его возрастало, онъ сдѣлался нетерпѣливъ, вскакивалъ съ мѣста, заглядывалъ въ окна, заговаривалъ съ мимо проходившими кондукторами и, наконецъ, объявилъ своему спутнику:

— Знаешь что? Я думаю остановиться въ Москвѣ дня на два, на три.

Такъ какъ это не входило въ ихъ первоначальный планъ, то Петру Любарцеву надо было, по крайней мѣрѣ, одну минуту, чтобы принять въ свое сознаніе новую мысль.

— Да зачѣмъ же это?—спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? какъ зачѣмъ? Будучи живымъ человѣкомъ, проѣхать мимо Москвы, когда есть случай... Въ два дня можно бѣгло осмотрѣть все...

— Но это будетъ стоить лишнихъ расходовъ!—возражалъ Петръ.

— Но зато дастъ много новыхъ впечатлѣній. Впрочемъ, ты, если хочешь, можешь ѣхать дальше.

— Ну, нѣтъ, я одинъ дальше не поѣду... Если ты останешься, то и я тоже. Только ужъ извини: этихъ разныхъ осмотровъ я дѣлать не буду...

— А что же ты будешь дѣлать?

— Ничего. А развѣ непремѣнно надо что-нибудь дѣлать?

Владиміру въ сущности было все равно до того, что будетъ дѣлать Петръ. Черезъ полчаса поѣздъ прибылъ въ Москву. Они остановились неподалеку отъ Николаевскаго вокзала, съ котораго предстоялъ имъ дальнѣйшій путь. Было около двухъ часовъ дня. Владиміръ едва только успѣлъ внести свой чемаданъ въ комнату, какъ тотчасъ же выбѣжалъ на улицу и быстрыми нервными шагами направился, куда глаза глядятъ. Онъ не имѣлъ въ виду

какого-нибудь осмотра, а просто его взволнованное воображеніе перенесло его въ тѣ давнія времена, когда здѣсь, на этихъ улицахъ и площадяхъ, совершались важныя событія, результатомъ которыхъ было все то, что составляетъ современную жизнь.

Точно какимъ-то инстинктомъ онъ взялъ то направленіе, которое привело его прямо къ Кремлю и онъ, очутившись въ центрѣ его, остановился и смотрѣлъ, мысленно переживая одно за другимъ событія, отъ которыхъ отдѣляли его вѣка. Забылъ онъ и о своемъ спутникѣ, и о поѣздкѣ въ Петербургъ, и о расходахъ, которые дѣйствительно увеличивались, благодаря этой остановкѣ, что̀ для его скуднаго запаса было очень чувствительно.

Уже стемнѣло, когда онъ пришелъ домой. Онъ зажегъ лампу и увидѣлъ, что Петръ лежитъ на кровати, удивительно аккуратно сложивъ на ней ноги и руки, и спитъ.

Отъ свѣта лампы Петръ открылъ глаза.

— А, ты вернулся!—сказалъ онъ и сѣлъ на постели.— Но гдѣ же ты былъ?

— Былъ я въ Кремлѣ и еще тысячѣ другихъ мѣстъ. Видѣлъ множество старинныхъ церквей, заходилъ въ нихъ... Ну, да тебѣ это не интересно.

— Но какъ ты попалъ въ Кремль? Вѣдь ты Москвы не знаешь?

— Должно быть, инстинктомъ...

— А я вѣдь тоже ходилъ и знаешь куда попалъ?—въ знаменитый ресторанъ Тѣстова.

— Да? Ну, а ты какъ туда попалъ?.. ты тоже Москвы не знаешь!

— Ну, должно быть, тоже инстинктомъ...

И Петръ весело разсмѣялся отъ собственной остроты.

— Значитъ, ты на пути тоже видѣлъ много интереснаго!—промолвилъ Владиміръ.

— Да, много разныхъ разностей встрѣчалось. По ошибкѣ, даже около Кремля былъ...

— Ну и что же?

— Да, право, ничего особеннаго... Все церкви да церкви... Развѣ я не видалъ церквей?..

— А у Тѣстова, небось, нашелъ особенное?..

— О, да... Поросенокъ съ хрѣномъ по-московски... вотъ это такъ поросенокъ... я отъ него опьянѣлъ и даже вотъ заснулъ отъ него... Ну, что-жъ, значитъ мы можемъ ѣхать дальше?

— Ну, нѣтъ, братъ... Здѣсь еще есть множество музеевъ, ихъ надо завтра посмотрѣть...

— А что же *я* буду дѣлать?

— А ты, должно быть, опять пойдешь къ Тѣстову и будешь ѣсть поросенка съ хрѣномъ по-московски...

— Ну, нѣтъ... Я завтра пошелъ бы лучше въ Эрмитажъ... Тамъ, я слышалъ, французская кухня и готовятъ необыкновенно!.. Только дорого, ужасно все дорого!..

— Ну, зато поучительно! Вотъ ты теперь уже знаешь, что̀ такое московскій поросенокъ съ хрѣномъ!..

На другой день ра̀но Владиміръ собрался посѣщать музеи. На этотъ разъ онъ запасся путеводителемъ. Петръ еще былъ въ постели, когда Владиміръ одѣлся.

— Послушай-ка,—сказалъ Владиміръ.—Ты знаешь, что̀ такое Третьяковская галлерея?

— Знаю: картины!

— Неужели тебя это не интересуетъ?

— Нисколько! Картины такія же, должно быть, какъ и всѣ!

— А вѣдь это единственное въ Россіи собраніе картинъ!

— Ну, такъ и пусть себѣ остается единственнымъ. Я ему въ этомъ не мѣшаю!

— А вообрази, что ты сидишь въ гостиной петербургской родственницы и заходитъ разговоръ объ искусствѣ. И всѣ тебя спрашиваютъ: вотъ вы были въ Москвѣ, значитъ и въ Третьяковской галлереѣ, видѣли такую то картину?.. Какого вы мнѣнія о ней? А ты сидишь и хлопаешь глазами... а? Вѣдь скандалъ!

Петръ полежалъ нѣсколько секундъ молча, глубокомысленно пошевеливая губами и вдругъ поднялся.—А въ самомъ дѣлѣ, это можетъ выйти скандалъ!..—воскликнулъ онъ.—Такъ ты подожди меня, я тоже съ тобой пойду.

Онъ быстро одѣлся и вмѣстѣ съ Владиміромъ отправился въ галлерею. Но по мѣрѣ того, какъ они переходили отъ картины къ картинѣ, причемъ Владиміръ, знавшій не только имена художниковъ, но и ихъ мѣсто въ искусствѣ, подолгу останавливался передъ нѣкоторыми номерами, лицо Петра принимало все болѣе и болѣе скучающее и какое-то жалкое выраженіе.

— Послушай, вѣдь это все одно и то же! Не понимаю, чѣмъ тутъ восхищаться?

И все, рѣшительно все, что ни показывалъ ему въ теченіе дня Владиміръ,—картины, церкви, старинныя строенія, историческія площади или новые дома съ замѣчательной современной архитектурой,—все казалось Петру обыкновеннымъ. Ничто не поражало его воображеніе. Смотрѣлъ онъ на царь-пушку и говорилъ: большая пушка, вотъ и все. Привелъ его Владиміръ на Красную площадь и сказалъ:

— Смотри, на этой площади былъ пролитъ цѣлый океанъ человѣческой крови...

И, мысленно углубившись въ далекія и страшныя времена

Грознаго, застылъ на мѣстѣ. Воображеніе рисовало ему толпу народа, палачей, муки и стоны и онъ весь дрожалъ при мысли о тѣхъ ужасахъ, какіе должна была переживать тогда страна.

Но случайно взглянувъ на своего спутника, онъ очнулся и разсмѣялся. Петръ стоялъ рядомъ съ нимъ, лицо у него было скучное, недовольное, глаза какіе-то мертвые. „За что я мучаю этого дурака"?—подумалъ Владиміръ и сказалъ ему:

— Ну, теперь ты имѣешь право въ гостиной петербургской родственницы судить обо всемъ, чѣмъ славна Москва...

— А что-жъ,—резонно замѣтилъ Петръ,—я дѣйствительно теперь имѣю право сказать, что все это видѣлъ...

Они въ тотъ же вечеръ уѣхали въ Петербургъ.

III.

Въ Петербургѣ они застали санный путь. Морозъ былъ небольшой, только что выпалъ снѣгъ, и было все бѣло. Сѣверная столица произвела на Владиміра пріятное впечатлѣніе. Они поселились въ небольшой меблированной комнатѣ. Владиміръ, снѣдаемый любопытствомъ, тотчасъ же пустился въ изученіе того, что было для него ново, а новаго оказалось много. Онъ уходилъ изъ дому утромъ и возвращался вечеромъ, полный впечатлѣній.

Петръ же два дня не выходилъ изъ комнаты. Онъ занимался приведеніемъ себя въ порядокъ. Когда онъ раскрылъ свой чемоданъ и вынулъ оттуда свои вещи, оказалось, что онѣ были сильно измяты и совершенно непригодны для того, чтобы пуститься въ нихъ въ свѣтъ. Этого Петръ Любарцевъ никакъ не ожидалъ.

Потративъ время въ Москвѣ, онъ разсчитывалъ здѣсь тотчасъ же начать знакомство съ своей троюродной тетушкой, но теперь вдругъ увидѣлъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

И онъ посвятилъ два дня разглаживанію сюртука и приведенію въ порядокъ другихъ принадлежностей туалета, необходимыхъ для перваго визита родственницѣ. За это время онъ свелъ близкое знакомство съ хозяйкой, съ кухаркой, горничной, прачкой. На это у него оказались какія-то особенныя способности. Онѣ сразу почувствовали къ нему расположеніе и дѣятельно помогали ему при посредствѣ иголки съ ниткой и утюга. Самъ же онъ стоялъ надъ сюртукомъ и разглаживалъ каждую складку, удалялъ малѣйшее пятнышко.

Когда Владиміръ вечеромъ возвращался домой, возбужденный отъ множества впечатлѣній и начиналъ разсказывать о томъ, что видѣлъ, Петръ слушалъ его разсказы разсѣянно и равнодушно и ни въ чемъ не находилъ ничего особеннаго.

Вечеромъ второго дня Петръ отправился въ баню, потомъ

зашелъ къ парикмахеру нѣсколько освѣжить свою модную стрижку и побрить щеки и подбородокъ и рѣшилъ на слѣдующій день нанести свой первый визитъ троюродной родственницѣ.

Утромъ онъ поднялся съ постели, когда въ окнахъ едва только сталъ пробиваться тусклый свѣтъ и началъ заниматься своимъ туалетомъ. Въ комнатѣ на стѣнѣ висѣлое старое изрядно попорченное временемъ и поцарапанное зеркало. Передъ нимъ то Петръ и красовался въ тотъ моментъ, когда Владиміръ, разбуженный его возней, открылъ глаза.

— Какъ? Ты уже всталъ? Ты, такъ любящій поспать, проснулся раньше дня? Значитъ, случилось что-нибудь особенное...— сказалъ Владиміръ, стараясь еще сонными глазами разглядѣть, что̀ онъ тамъ дѣлаетъ.

— Какъ? ты не знаешь? А я же сегодня дѣлаю первый визитъ троюродной тетушкѣ!—очень важно отвѣтилъ Петръ.

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Вотъ тебѣ и на! Я думаю, это очень серьезно!

— Почему же это очень серьезно?

— Потому что я долженъ произвести хорошее впечатлѣніе. Первое впечатлѣніе, ты самъ понимаешь—самое важное.

— Но почему же ты думаешь, что если у тебя будетъ хорошо повязанъ галстухъ и гладко лежать сюртукъ и волосы, то ты непремѣнно произведешь хорошее впечатлѣніе?

— А почему же нѣтъ?

— Но почему же да?

— Да потому, что хорошо одѣтый человѣкъ всегда производитъ пріятное впечатлѣніе.

— На тебя?

— Нѣтъ, на всѣхъ.

— А вотъ у меня наоборотъ: чѣмъ изящнѣе одѣтъ человѣкъ, конечно мужчина, тѣмъ меньше онъ мнѣ нравится.

— Это потому, что ты неосновательный и не солидный человѣкъ,—замѣтилъ Петръ.

— Какъ ты сказалъ? Не солидный и неосновательный?

— Да.

— Это слова твоего папы и моего дяди...

— Что же тутъ удивительнаго? Я отъ папы многимъ заимствовался. Папа мой умный человѣкъ, и мнѣ нисколько не стыдно взять отъ него умныя слова.

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо. Положимъ, ты сдѣлаешь визитъ родственникамъ и произведешь хорошее впечатлѣніе; что же дальше?

— Какъ что дальше? Но это все, что нужно. Главное—понравиться, и тогда я навѣрно хорошо устроюсь въ Петербургѣ.

— Какимъ же образомъ? Вѣдь для этого надобно что-нибудь предпринять. У тебя есть планъ, что ли?

— Вотъ глупости! Никакого плана у меня нѣтъ и ничего не надо предпринимать. Мнѣ только надо будетъ постоянно посѣщать домъ троюродной тетушки, чтобы сдѣлаться тамъ своимъ человѣкомъ. А если меня тамъ часто будутъ видѣть, то и будутъ считать своимъ. А разъ всѣ будутъ видѣть, что я тамъ свой человѣкъ, странно было бы, если бы меня не захотѣли устроить.

— Значитъ, ты будешь просить?

— Да, тетушку. Это ужъ будетъ ея дѣло устроить меня.

— Но почему же она будетъ устраивать тебя?

— Какъ почему? Если я буду у нея въ домѣ свой человѣкъ... это понятно...

Владиміръ видѣлъ, что у его кузена есть чрезвычайно опредѣленный кругъ убѣжденій и что эти убѣжденія, заимствованныя имъ изъ разныхъ чужихъ головъ, умнѣе его собственной головы и поэтому онъ не можетъ ясно выразить ихъ. И онъ продолжалъ лежать въ постели и любоваться на то, какъ старательно и осторожно Петръ прилаживалъ къ себѣ отдѣльныя части своего туалета.

Вотъ онъ покончилъ съ галстухомъ и посвятилъ свое вниманіе жилету. Для него, для Владиміра, вставъ съ постели, одѣться—было дѣломъ двухъ минутъ. Быстро натягивалъ онъ на себя одежду, бо̀льшею частью жилетку вмѣстѣ съ сюртукомъ, наскоро застегивался, кое-какъ повязывалъ галстухъ, проводилъ нѣсколько разъ гребенкой по волосамъ и уже считалъ себя готовымъ.

Былъ ли то случай обыкновенный или торжественный—все равно, онъ ничего не могъ прибавить къ своему единственному и обычному сюртуку.

Петръ же ровно полчаса уже посвящалъ жилету. Онъ надѣвалъ его осторожно, какъ-то разставивъ руки на манеръ крыльевъ; онъ съ чувствомъ застегивалъ каждую пуговицу, гладилъ рукою сзади подъ воротникомъ, растягивалъ и стягивалъ пряжку, выпячивалъ грудь, становился передъ зеркаломъ фасомъ и профилемъ.

Послѣ жилета была столь же внимательная возня съ сюртукомъ. И только около одиннадцати часовъ Петръ кончилъ свой туалетъ и, остановившись передъ Владиміромъ, повернулся передъ нимъ всѣми своими сторонами.

— Пожалуйста посмотри, нѣтъ ли какихъ изъяновъ!—попросилъ онъ.

— Есть, братъ, огромный изъянъ,—сказалъ Владиміръ.

— Неужели? Какой?—съ видимымъ испугомъ воскликнулъ Петръ.

— Тотъ, что ты глупъ...

— Ну, это я слышалъ! — довольно равнодушно отвѣтилъ Петръ.—Всѣ говорятъ, что я глупъ. Я, конечно, высоко не забираюсь, но, однако-жъ, я скоро докажу, что я вовсе не такъ глупъ, какъ всѣ думаютъ.

— Какъ же ты это докажешь?

— А вотъ устроюсь здѣсь въ Петербургѣ на службѣ, получу хорошее мѣсто и сдѣлаю карьеру и когда пріѣду въ нашъ городъ губернаторомъ, тогда всѣ убѣдятся, что я не такъ глупъ.

— Ну, вотъ тогда-то всѣ и убѣдятся, что ты глупъ.

— Съ какой же это стати?

— А такъ: пока ты будешь служить подъ началомъ, ты будешь исполнять вещи, выдуманныя другими. Умныя или глупыя, онѣ—не твои. А какъ станешь губернаторомъ, чего я тебѣ отъ души желаю, сейчасъ начнешь самъ выдумывать распоряженія... Ну, впрочемъ, до твоего губернаторства еще очень далеко, а я, благодаря тебѣ, пролежалъ въ постели лишнихъ два часа.

— Кто же тебя заставлялъ лежать?

— Да ужъ очень ты, милый Петруша, живописенъ въ своей глупости...—сказалъ Владиміръ и, поднявшись, началъ одѣваться. А Петръ поверхъ сюртука надѣлъ новое пальто, на руки натянулъ новыя перчатки, досталъ изъ картонки цилиндръ и поѣхалъ съ визитомъ къ родственницѣ.

Троюродная родственница, Анна Михайловна Коромыслова, урожденная Любарцева, принадлежала къ той вѣтви рода Любарцевыхъ, которая не успѣла разориться и, съумѣвъ перенести всѣ испытанія, какія судьба посылала русскимъ дворянамъ и помѣщикамъ, осталась на высотѣ.

Ея мужъ занималъ одинъ изъ тѣхъ постовъ, отъ которыхъ „многое зависитъ“, а сообразно съ этимъ и квартира ихъ на Конногвардейскомъ бульварѣ помѣщалась въ небольшомъ собственномъ двухъ-этажномъ особнякѣ, въ двухъ этажахъ его, и имѣла вполнѣ барскій видъ.

Случалось, что къ этой квартирѣ подходили пѣшкомъ; но почти никогда не случалось, чтобы къ ней подъѣзжали на извозчикѣ, и потому, когда извозчичьи сани остановились у подъѣзда, вышедшій въ это время швейцаръ, по раннему часу еще не успѣвшій нарядиться въ ливрею, разсѣянно посмотрѣлъ на сани, извозчика и сѣдока и, зѣвнувъ, тотчасъ перевелъ съ нихъ свой взглядъ на другіе предметы.

Онъ былъ совершенно увѣренъ, что тутъ произошла ошибка, которая сама собою разъяснится.

Когда же сѣдокъ, расплатившись съ извозчикомъ, не совсѣмъ увѣренной поступью пошелъ по направленію къ подъѣзду, швейцаръ принялъ воинственный видъ, собираясь дать ему отпоръ.

— Вамъ кого же-съ?—непочтительно спросилъ онъ, загородивъ своей фигурой дверь.

— Вѣдь это домъ номеръ тридцать третій?—спросилъ Петръ.

— Онъ и есть.

— Здѣсь живетъ Анна Михайловна Коромыслова?

— Живутъ-съ... а вамъ зачѣмъ?

„Что это онъ такъ со мною обращается?" подумалъ Петръ, невольно оглядывая самъ себя. „Можетъ быть, я не довольно хорошо одѣтъ? Да и что это за фигура такая?"

— А вы швейцаръ?—спросилъ онъ еще довольно мягко, такъ какъ не былъ увѣренъ въ швейцарскомъ достоинствѣ этого человѣка въ пиджакѣ.

— Швейцаръ! А что угодно?

Узнавъ навѣрное, что имѣетъ дѣло съ швейцаромъ, Петръ тотчасъ же перемѣнилъ обращеніе. Въ числѣ другихъ незыблемыхъ убѣжденій, которыми онъ обыкновенно руководствовался, въ глубинѣ его души существовало убѣжденіе, что съ слугами надо обращаться повелительно! На нихъ это дѣйствуетъ.

— Такъ вотъ что, любезный...—сказалъ Петръ,—мнѣ надо быть у Анны Михайловны. Снеси ка мою карточку.

Швейцаръ, хотя и не сдался совершенно сразу, то все же, услышавъ „господскій тонъ" и привычное для его уха „ты", поколебался. Съ лица его исчезла надменность и онъ нерѣшительно отодвинулся отъ двери.

— Карточку снести можно, а только ихъ превосходительство изволятъ еще быть въ постели!—сказалъ онъ.

— Неужели?

— Такъ точно.

— Когда же они встаютъ?

— А это смотря: ежели съ вечера гдѣ на балу были или у себя гостей принимали, такъ въ два и три часа, а ежели такъ—къ полудню.

— Ну, а сегодня какъ встанутъ?

— Сегодня, надо полагать, къ полудню, потому вчерась никого не было. Стало быть, съ часу принимать начнутъ!.. не раньше...

— Ага... Ну хорошо.. вотъ тебѣ, любезный, на чай.

Швейцаръ этого совершенно не ожидалъ и, получивъ полтинникъ на чай, тотчасъ перемѣнилъ къ худшему свое мнѣніе о посѣтителѣ. Ужъ онъ началъ, было, допускать, что господинъ, можетъ быть, и настоящій. Хотя и рѣдко, но все-таки случалось

ему видѣть настоящаго господина, который ѣздитъ на извозчикѣ. Но теперь, такъ какъ эта подачка ему ни съ которой стороны не слѣдовала, онъ рѣшилъ, что это навѣрно какой-нибудь проситель.

Состоя много лѣтъ при домѣ очень вліятельнаго человѣка, онъ научился распознавать людей по внѣшнимъ пріемамъ и при помощи своей швейцарской психологіи онъ дѣлилъ все человѣчество на три категоріи: на господъ просто порядочныхъ,—это тѣ, которые были приняты въ домѣ, какъ гости, какъ равные, хотя и не всегда были равные, ибо трудно сравняться съ столь важнымъ лицомъ, каковъ былъ „генералъ" Коромысловъ.

Люди этой категоріи давали ему на чай, но своевременно, а именно: на праздникахъ во время визитовъ и иногда еще послѣ большого бала, когда уходили домой очень поздно.

Каждаго изъ нихъ онъ уважалъ сообразно съ его щедростью. Другую категорію составляли люди, приходившіе обыкновенно въ утренніе часы и при томъ въ пріемные дни, какъ къ генералу, такъ и къ генеральшѣ—Коромысловымъ. У нихъ всегда было какое-нибудь дѣло—служебное, если они приходили къ генералу, благотворительное, если они приходили къ генеральшѣ.

Швейцаръ не вникалъ въ сущность ихъ дѣлъ и всѣхъ этихъ людей, которые бо́льшею частью приходили одинъ только разъ и свои визиты рѣдко возобновляли, онъ сваливалъ въ одну кучу—просителей, хотя бы они и ни о чемъ не просили.

Многіе изъ нихъ тоже давали ему на чай и иногда очень щедро, гораздо щедрѣе, чѣмъ „настоящіе господа", но онъ за это нисколько не уважалъ ихъ.

Но была еще третья категорія посѣтителей, которыхъ швейцаръ называлъ „особами". Эти пріѣзжали обыкновенно на хорошихъ лошадяхъ, съ лакеями въ ливреяхъ и ихъ принимали въ домѣ не только съ распростертыми объятіями, но еще съ нѣкоторой обстановкой, а именно: самъ генералъ появлялся на площадкѣ верхняго этажа и встрѣчалъ ихъ.

Такіе посѣтители никогда не давали ему на чай, и тѣмъ не менѣе швейцаръ уважалъ ихъ больше даже, чѣмъ первыхъ, которые давали ему на чай своевременно. Тутъ сказывался своего рода швейцарскій идеализмъ: швейцаръ, видимо, отдавалъ предпочтеніе достоинству передъ выгодой.

Здѣсь же случилось, что робкая попытка швейцара отнести Любарцева къ категоріи „настоящихъ господъ", по причинѣ несвоевременнаго „на чая", замѣнилась безповоротнымъ отнесеніемъ его къ категоріи нисколько не уважаемыхъ имъ просителей. И Петра Любарцева чрезвычайно удивило то обстоятельство, что швейцаръ, уже начавшій было выражать къ нему почтеніе.

послѣ получки полтинника, вдругъ взялся въ боки и посмотрѣлъ на него съ тѣмъ особымъ высокомѣріемъ, которое встрѣчается только у лакеевъ, когда они разговариваютъ съ людьми, не пользующимися ихъ уваженіемъ.

— А вамъ ежели съ просьбой... такъ ея превосходительство принимаютъ по пятницамъ!—заявилъ швейцаръ, небрежно опуская полтинникъ въ карманъ.

Тогда Петръ Любарцевъ, памятуя, что съ этимъ народомъ надо какъ можно строже и пренебрежительнѣе обращаться, выпрямился и постарался сдѣлать надменное лицо, но все же ему далеко не удалось превзойти въ этомъ отношеніи швейцара.

— У тебя, любезный, я вижу, дурная привычка разсуждать! — строго сказалъ онъ.—Я тебѣ ничего не говорилъ о моей просьбѣ. Вотъ моя карточка. Какъ только встанетъ Анна Михайловна, ты сейчасъ передай ей, а я вернусь къ часу.

Онъ досталъ карточку и отдалъ ее швейцару, а затѣмъ на всякій случай прибавилъ:—Исполняй свои обязанности, болванъ!

И затѣмъ повернулся и пошелъ по панели. Опять швейцару пришлось пережить душевный переворотъ. Съ одной стороны, человѣкъ, который ни съ того ни съ сего даетъ на чай, долженъ бы принадлежать къ категоріи просителей, съ другой стороны, господинъ, который такъ гордо держитъ голову и ругается, повидимому имѣетъ право быть отнесеннымъ къ категоріи „настоящихъ господъ". Онъ спутался. Онъ долженъ былъ сознаться, что ему еще никогда не приходилось переживать такихъ колебаній.

Обыкновенно онъ угадывалъ людей легко и сразу и не дѣлалъ ошибокъ. Когда сомнительный господинъ ушелъ, швейцаръ взглянулъ на карточку и прочиталъ на ней: „Петръ Николаевичъ Любарцевъ". И у него тотчасъ сдѣлалось лицо человѣка, совершившаго важное открытіе.

Черезъ его руки нерѣдко переходили карточки самой генеральши и онъ очень хорошо разглядѣлъ, что тамъ подъ „Анной Михайловной Коромысловой" обязательно стояло: „урожденная Любарцева". Швейцаръ зналъ также, что эту прибавку никогда не дѣлаютъ зря, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда фамилія „урожденная" важнѣе фамиліи по мужу. И онъ всегда въ глубинѣ души питалъ уваженіе къ фамиліи „Любарцевой".

Петербургскіе швейцары, особенно тѣ, что состоятъ при домахъ важныхъ особъ, бываютъ люди въ высшей степени освѣдомленные, и этотъ человѣкъ съ длинными баками, которые онъ еще не успѣлъ расчесать, но расчешетъ, когда будетъ наряжаться въ ливрею, очень хорошо зналъ, что генералъ Коромысловъ случайно вышелъ въ важныя особы, а что нѣкогда онъ былъ маленькимъ и бѣднымъ человѣкомъ.

Слыхалъ онъ про своего генерала, что у него ума палата, которая помогла ему выплыть на поверхность житейскаго моря. Но однимъ умомъ особняка на Конногвардейскомъ бульварѣ не пріобрѣтешь и по этой части швейцару было извѣстно, что особнякъ-то былъ купленъ на деньги генеральши, которая была „богата отъ природы“ и принесла Коромыслову большое приданое.

Дальше этихъ познаній относительно рода Любарцевыхъ швейцаръ не углублялся, но для него было этого достаточно, чтобы питать уваженіе къ этой фамиліи. Потому когда странный посѣтитель ушелъ, швейцаръ пожалѣлъ о своей надменности и о томъ, что человѣка, носящаго „урожденную фамилію генеральши“, онъ такъ легкомысленно причислилъ къ категоріи „просителей“.

Петръ Любарцевъ, получивъ столь неожиданно два часа свободнаго времени, рѣшилъ употребить ихъ на прогулку. Петербурга онъ совсѣмъ не зналъ. Но ѣдучи со Знаменской улицы на Конногвардейскій бульваръ, онъ замѣтилъ по дорогѣ нѣкоторые оживленные пункты и пошелъ той же дорогой, по которой ѣхалъ.

Тутъ онъ очень скоро наткнулся на церковь и узналъ отъ городового, что это Исаакіевскій соборъ. Онъ обошелъ его кругомъ и основательно оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

„Ну, что-жъ,—сказалъ онъ самъ себѣ,—ничего особеннаго. Соборъ, какъ соборъ“.

Онъ еще въ губернскомъ городѣ много слышалъ про это сооруженіе, видѣлъ даже его изображеніе на тарелкахъ, которыя съ давнихъ поръ употреблялись въ семействѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Любарцева.

Онъ нашелъ, что соборъ дѣйствительно большой, что онъ, должно быть, богатый и дорогой; но, по его мнѣнію, въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, такой именно соборъ и долженъ быть. Поэтому грандіозное сооруженіе его нисколько не удивило.

Дальше онъ попалъ на улицу и прочиталъ на перекресткѣ, что это Большая Морская. О ней онъ тоже много слышалъ и потому не просто шелъ по ней, а присматривался къ домамъ и магазинамъ.

Да, тутъ были большіе дома и богатые магазины; но странно было бы, если бы на главной улицѣ столицы были маленькіе дома и бѣдные магазины. Наконецъ, онъ попалъ на Невскій и сказалъ себѣ:

„Ну, вотъ тутъ ужъ, навѣрно, увижу что-нибудь необыкновенное“.

Но пройдя половину Невскаго, онъ опять же нашелъ, что здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ большихъ домовъ и богатыхъ магазиновъ.

„Да, улица хорошая, но ничего особеннаго“.

Видѣлъ онъ, что на этой улицѣ было движеніе множества экипажей и по тротуару бѣжали и толкали другъ друга люди. Но это движеніе было ему только непріятно, потому что и его толкали и мѣшали ему переходить улицы.

„Ну, вотъ ничего же особеннаго! рѣшительно ничего особеннаго“, говорилъ онъ себѣ по поводу всего, что видѣлъ.

Вотъ онъ взялъ обратное направленіе, очутился на Дворцовой площади и смѣрилъ глазами колонну Александра I.

„Да, высокая колонна,—сказалъ онъ,—но если бы она не была высокая, то ее не слѣдовало бы и ставить на площади“.

Смотрѣлъ онъ и Зимній дворецъ и нашелъ, что онъ большой, какъ и полагается быть дворцу.

Наконецъ, онъ приблизился къ Невѣ и, остановившись на набережной, минутъ пять смотрѣлъ на рѣку своими неподвижными глазами. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ восторженно описывалъ ему эту рѣку Владиміръ вчера вечеромъ, когда вернулся домой.

„Не понимаю, что тутъ увлекаетъ Владиміра! Не понимаю!.. Городъ, какъ городъ. Онъ больше и богаче и красивѣе нашего губернскаго города, но какъ же могло быть иначе, когда онъ столица! Или вотъ эта рѣка: течетъ въ ней вода, какъ и во всякой рѣкѣ. Ничего особеннаго. А поэты почему-то воспѣваютъ ее... Даже самъ Пушкинъ воспѣвалъ... еще въ гимназіи это учили... Или вотъ этотъ шпицъ на адмиралтействѣ... Шпицъ, какъ шпицъ!.. Торчитъ себѣ къ небу и только... А вотъ и памятникъ Петру... Ну, что-жъ, хорошій памятникъ... но ничего особеннаго. Конь сталъ на дыбы, а на немъ сидитъ всадникъ... Что-жъ тутъ такого?.. Это очень просто“...

И все, что ни видѣлъ Петръ Любарцевъ, не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія... Все казалось ему обыкновеннымъ, такимъ, какое онъ видѣлъ уже въ губернскомъ городѣ и въ другихъ городахъ, но только больше размѣрами и количествомъ. Отъ его души, какъ отъ гладко отполированной мѣдной доски, впечатлѣнія отскакивали, не оставляя на ней ни малѣйшаго слѣда.

И когда онъ смотрѣлъ на часы и убѣждался, что до пріемнаго часа у родственницы еще далеко, его брала досада. Онъ скучалъ на петербургскихъ улицахъ и площадяхъ, на которыя попалъ первый разъ въ жизни.

А тутъ еще, къ его отчаянію, съ неба посыпался легкій пушистый снѣжокъ и Петръ началъ бояться за свой цилиндръ.

А погода стояла очаровательная. Петербургъ рѣдко видитъ такіе дни. Одинъ градусъ мороза; въ воздухѣ тишина; превосходный санный путь изъ свѣжаго, три дня подъ рядъ падавшаго, снѣга. Но Петръ ничего этого не замѣчалъ, ничто не радовало его и отъ всего ему было скучно.

Наконецъ, часы показали безъ четверти часъ и онъ, разспросивъ городового о кратчайшемъ направленіи, отправился пѣшкомъ на Конногвардейскій бульваръ. Когда онъ пришелъ къ подъѣзду дома номеръ тридцать третій, швейцаръ былъ уже въ ливреѣ, и на груди его красовалась цѣлая коллекція медалей.

Завидѣвъ Любарцева, онъ распахнулъ передъ нимъ дверь и сказалъ:—Пожалуйте-съ.

— Передалъ карточку?—спросилъ Петръ.

— Передалъ-съ.

— Ну, и что же?

— Приказано просить. Пожалуйте-съ.

„Ага", подумалъ Петръ Любарцевъ, „подѣйствовало-таки, что я назвалъ его болваномъ".

А въ обращеніи швейцара на этотъ разъ дѣйствительно не было уже ничего прежняго. И сказать бы, сверху были бы даны какія-нибудь опредѣленныя указанія на этотъ счетъ,—а то нѣтъ: когда швейцаръ передалъ лакею карточку Петра Любарцева, лакей ушелъ съ нею въ глубь квартиры и, вернувшись минутъ черезъ пять, сказалъ: „Приказано просить".

Такая форма была обычна для всѣхъ категорій. Нѣтъ, въ этой перемѣнѣ обращенія главную роль играла „урожденная фамилія". Но отчасти, разумѣется, свое дѣло сдѣлалъ и „болванъ".

IV.

Швейцаръ снялъ съ него пальто, бережно вытеръ рукавомъ своей ливреи цилиндръ и почтительно вручилъ ему, этимъ самымъ подтвердивъ, что инструментъ этотъ необходимо тащить съ собою; и допустилъ его ступить на мягкій коверъ лѣстницы; затѣмъ придавилъ пуговицу звонка и тотчасъ же побѣжалъ по лѣстницѣ впередъ, обогнавъ его.

Наверху отворилась дверь, и швейцаръ, сообщивъ лакею фамилію посѣтителя, тотчасъ сбѣжалъ внизъ. А Петръ Любарцевъ, достигнувъ площадки второго этажа, былъ встрѣченъ и впущенъ въ растворенную дверь степеннымъ лакеемъ съ совершенно бритой и лоснящейся физіономіей.

— Сію минуту доложу!—сказалъ лакей и, оставивъ его въ передней, скрылся.

Петръ занялся осмотромъ передней и нашелъ ее очень просторной и уютной. Тяжелый дубовый столъ, дубовая вѣшалка, высокое до потолка зеркало, нѣсколько стульевъ, а на вѣшалкѣ одинокая штатская шинель съ мѣховымъ воротникомъ.

— Ея превосходительство просятъ васъ! —заявилъ вернувшійся лакей и раздвинулъ передъ нимъ портьеру, которая таинственно

зашуршала, какъ бы желая обратить вниманіе на то, что она шелковая.

Петръ, сопровождаемый лакеемъ, вошелъ въ довольно большую комнату неопредѣленнаго назначенія. Здѣсь было очень много столиковъ, диванчиковъ, креселъ и ширмочекъ. Но все такое и такъ разставленное, что ни на одинъ изъ стульевъ, диванчиковъ и креселъ не хотѣлось сѣсть.

Отсюда онъ попалъ въ комнату меньшаго объема, которую можно было назвать гостиной. Потомъ въ длинную комнату, въ которой почти вовсе не было мебели, но зато на стѣнахъ висѣло много картинъ.

До сихъ поръ лакей шелъ впереди, раздвигая портьеры. Но тутъ онъ остановился въ дверяхъ, раздвинувъ портьеру, и дальше не пошелъ, а только пропустилъ его, тихонько сказавъ:

— Пожалуйте!

Петръ вошелъ и, остановившись на порогѣ, старался разглядѣть комнату, которая, очевидно, была послѣднимъ пунктомъ его странствованія. Она тоже была очень длинная, полъ былъ обтянутъ мягкимъ, темно-краснымъ сукномъ, такъ что шаги совсѣмъ не были слышны. Неширокая дальняя стѣна представляла собой зеркало, въ которомъ Петръ увидѣлъ свое изображеніе во весь ростъ. Причудливая мягкая мебель была обита чѣмъ-то свѣтлымъ, что придавало комнатѣ веселый видъ.

На низенькой софѣ полулежала худенькая миніатюрная женщина, вся утонувшая въ складкахъ и кружевахъ своего капота. Лицо у нея было миловидное, но до того истомленное и блѣдное, что ее можно было счесть за больную.

Возрастъ ея не было никакой возможности опредѣлить. Миніатюрная худенькая фигурка придавала ей что-то дѣтское, а глубокія темныя борозды подъ глазами и, на лету схваченныя Петромъ, морщины на лбу и около угловъ рта свидѣтельствовали о пережитыхъ годахъ.

„Неужели это моя троюродная тетушка?“ подумалъ Петръ: „такая маленькая“.

Неизвѣстно, почему—онъ давно уже, еще въ губернскомъ городѣ, безповоротно рѣшилъ, что петербургская родственница непремѣнно высокаго роста, плотная, величавая. Онъ представлялъ ее себѣ не иначе, какъ одѣтой въ тяжелое бархатное платье съ длиннымъ треномъ и глубокимъ вырѣзомъ на груди, необыкновенной прической, которую только что сдѣлалъ искусный парикмахеръ.

А здѣсь передъ нимъ было блѣдное истомленное личико, выглядывавшее изъ складокъ и буфовъ капота, съ безпорядочно взбитыми на головѣ темно-каштановыми волосами.

И такъ какъ его сюда привели, то нельзя было сомнѣваться въ томъ, что это именно и есть его троюродная родственница.

Всѣ эти размышленія въ сколько-нибудь дѣятельномъ мозгу могли бы промелькнуть въ одну секунду, но для неопытнаго въ размышленіяхъ Петра Любарцева для всего этого потребовалось добрыхъ полминуты и только послѣ этого промежутка времени онъ сообразилъ, что, во всякомъ случаѣ, нужно принимать фактъ такимъ, каковъ онъ есть и поклониться,—что онъ и сдѣлалъ.

— А, вотъ вы какой!—промолвила родственница, и такъ какъ она при этомъ протянула въ его сторону руку, то Петръ, довольно твердо знавшій правила приличія, поспѣшилъ подойти къ ней, взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Садитесь и дайте на васъ посмотрѣть!—прибавила родственница, указавъ ему на кресло вблизи себя. А когда Петръ сѣлъ, поставивъ свой цилиндръ на полу, рядомъ съ кресломъ, она слегка приподнялась и въ самомъ дѣлѣ довольно пристально вглядывалась въ него.

— Такъ вы Любарцевъ?—спрашивала она.

— Да, тетушка... Я сынъ Николая Сергѣевича Любарцева!— очень увѣренно отвѣтилъ Петръ.

— Вы сказали—тетушка? Неужели я вамъ прихожусь тетушкой?—промолвила она и въ ея большихъ, утомленныхъ, но въ то же время чрезвычайно живыхъ и постоянно мѣнявшихъ выраженіе глазахъ вдругъ мелькнуло что-то похожее на испугъ.

— Конечно... если мой отецъ имѣетъ честь быть вашимъ троюроднымъ братомъ, то значитъ...

— А, да, да... можетъ быть!.. Это очень мило съ вашей стороны, что вы зашли... Вѣдь вы изъ провинціи? Изъ города... города...

Петръ назвалъ ей свой родной городъ.

— Ахъ, да, да... Говорятъ, что въ провинціи много интересныхъ людей...

— Ну, я ихъ тамъ не видалъ... такіе же люди, какъ вездѣ...— замѣтилъ Петръ.

— Неужели? Это было бы жаль... Что-жъ, вы пріѣхали въ Петербургъ побѣситься?

Вопросъ этотъ поставилъ въ нѣкоторое недоумѣніе Петра Любарцева. Онъ собственно отлично зналъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ. У него была единственная и опредѣленная цѣль. Но онъ зналъ, что въ свѣтѣ никогда не говорятъ серьезно о дѣлахъ, а только между прочимъ. О свѣтѣ у него составилось такое мнѣніе, что тамъ постоянно болтаютъ легкій вздоръ. Поэтому онъ не рѣшился сейчасъ же открыть передъ тетушкой свои карты.

*

Съ другой стороны, хотя по всему своему складу онъ былъ очень далекъ отъ способности бѣситься, но разъ свѣтская родственница предлагаетъ такой вопросъ, то надо думать, что въ свѣтскомъ обществѣ это считается дѣломъ обыкновеннымъ и почтеннымъ. И онъ рѣшился приписать себѣ совершенно несвойственное качество.

— Отчасти и за этимъ,—отвѣтилъ онъ,—но, кромѣ того, и вообще такъ... Все-таки Петербургъ не то, что губернскій городъ. Петербургъ—столица!

Анна Михайловна Коромыслова, урожденная Любарцева, по совершенно непонятной для Петра причинѣ, очень внимательно посмотрѣла на пріѣзжаго родственника и подумала: „онъ, кажется, не уменъ... У него бараньи глаза“.

Потомъ она сказала вслухъ:

— Ну, вы, конечно, въ восторгѣ отъ Петербурга; онъ вамъ уже вскружилъ голову?.. но это съ непривычки! А поживете въ немъ мѣсяцъ-другой и вамъ будетъ такъ же скучно, какъ и вездѣ.

— Нѣтъ, нисколько,—отвѣтилъ Петръ.—Я чувствую себя такъ, какъ будто жилъ въ Петербургѣ всегда... только улицъ не знаю, но всюду есть полицейскіе, которые объясняютъ.

— Да? Неужели? Васъ ничто не поражаетъ?

— Нѣтъ. Я не нашелъ ничего особеннаго... Все только побольше, чѣмъ у насъ... жителей больше, дома выше... вотъ и все...

— Вотъ какъ!.. Какой вы, однако... уравновѣшенный?

— Да, что-жъ... я такой... Я всегда былъ такой, тетушка! Меня никогда ничто не поражаетъ.

— А вы-таки настаиваете на томъ, что я вамъ прихожусь тетушкой?—съ чуть-чуть обозначившейся усмѣшкой промолвила Анна Михайловна.

— Да, такъ выходитъ...—необыкновенно увѣренно отвѣтилъ Петръ, не почуявшій нѣкотораго тонкаго оттѣнка въ ея вопросѣ, въ которомъ всякій другой на его мѣстѣ сейчасъ же уловилъ бы явное нежеланіе, чтобы онъ называлъ ее тетушкой.

— А я увѣрена, что вы перепутали генеалогію и я скорѣе прихожусь вамъ троюродной кузиной...

— Но нѣтъ, право же тетушкой...—настаивалъ на своемъ Петръ и былъ чрезвычайно удивленъ, когда со стороны родственницы послышался вздохъ нетерпѣнія и досады и она сдѣлала соотвѣтственный жестъ. Онъ опѣшилъ и задумался, и лицо его приняло такое тупое выраженіе, что Анна Михайловна, взглянувъ на него, безповоротно рѣшила, что провинціальный родственникъ глупъ.

Однако, у Петра Любацева, хотя умъ дѣйствительно отсутствовалъ, но было какое-то особое практическое чутье: онъ быстро,

даже не понимая, схватывалъ то, что могло быть ему полезно. И онъ не сообразилъ, а этимъ самымъ чутьемъ своимъ постигъ, въ чемъ тутъ дѣло: просто-на-просто родственница не любитъ, чтобы ее называли тетушкой, и потому, несмотря на великую твердость, съ которой онъ только что утверждалъ противное, онъ, послѣ размышленія, вдругъ заявилъ:

— А это въ самомъ дѣлѣ такъ и есть!

— Не правда ли!—воскликнула Анна Михайловна.

— Да, это такъ... троюродная сестра!.. значитъ, кузина!—подтвердилъ Петръ.

Анна Михайловна опять приподнялась и чуть-чуть придвинулась ближе въ его сторону.

— И такъ, кузенъ, разскажите мнѣ что-нибудь про моихъ родственниковъ. Вашъ папа вѣдь служитъ по вѣдомству... вотъ и забыла!..

Петръ назвалъ вѣдомство, въ которомъ служилъ его отецъ.

— А есть вѣдь еще и другой Любарцевъ?.. Кажется, братъ вашего папы,—спросила Анна Михайловна.

— Да, есть, но онъ... онъ не на службѣ!—отвѣтилъ Петръ и даже какъ бы слегка сконфузился за своего родственника, который не на службѣ.

— Да? А какъ же? У него есть свои средства?

— Нѣтъ... То-есть онъ на службѣ, но... онъ въ городской управѣ секретаремъ... Мой дядя, Иванъ Сергѣевичъ—неудачникъ.

— Развѣ это не хорошо—секретаремъ?

— Что-жъ тутъ хорошаго? Онъ получаетъ жалованья всего сто рублей въ мѣсяцъ...

— Да, это очень немного. А вы служите уже?

— Да, служу... но... конечно, службу въ провинціи я не могу считать настоящей службой...

— Вы хотѣли бы служить въ Петербургѣ?

— Еще бы! Это моя мечта—устроиться здѣсь... Здѣсь настоящая служба...

— Такъ что-жъ, и устраивайтесь!.. Отчего же вамъ не устроиться?

Это былъ такой счастливый случай, что разговоръ такъ удачно подошелъ къ главному предмету, о которомъ Петръ все время думалъ. Лучшаго момента нельзя было дождаться для того, чтобы показать родственницѣ письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

И Петръ безъ дальнѣйшихъ околичностей запустилъ руку въ боковой карманъ сюртука и вынулъ оттуда письмо.

— А вотъ кстати и письмо вамъ отъ моего папы!

— Ахъ, у васъ есть письмо?

— Да, вотъ оно... Тутъ папа мой проситъ васъ...

— Ахъ, да... Ну, да... Онъ проситъ, чтобы я помогла вамъ устроиться въ Петербургѣ... Но, милый кузенъ, клянусь вамъ, я въ этомъ ничего не понимаю... Я передамъ васъ моему мужу... А вотъ, кстати, и онъ! — прибавила она, повернувъ голову по направленію къ портьерѣ, изъ которой вынырнулъ и направился къ ней высокій господинъ крѣпкаго сложенія, плечистый съ очень красивой львиной головой и со строгими чертами лица.

Взглянувъ на него, Петръ почему-то вдругъ ощутилъ нѣкоторую робость. Въ особенности его подавляли глаза этого господина: строгіе и умные. Ихъ взглядъ только скользнулъ по лицу Петра и уже точно оставилъ на немъ холодный слѣдъ.

— А я не зналъ, что ты уже встала и принимаешь!... сказалъ онъ глубокимъ басистымъ, но въ то же пріятнымъ голосомъ и, низко нагнувшись, поцѣловалъ ея маленькую ручку.

„Какой онъ большой! А она такая маленькая!“ мысленно констатировалъ Петръ и поднялся. А Коромысловъ выпрямился и смотрѣлъ на него вопросительно.

— Это мой мужъ,—сказала Анна Михайловна.—А это мой кузенъ изъ провинціи... Помнишь, мнѣ какъ-то давно писалъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ?... Такъ это его сынъ.

— Ахъ, Любарцевъ! Очень пріятно!—сказалъ Коромысловъ, очевидно желавшій показать уваженіе „урожденной фамиліи“ своей жены, но въ тонѣ его и въ томъ движеніи, съ которымъ онъ подалъ руку Петру, было замѣтно пренебреженіе.

— Вашъ отецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ?—спросилъ онъ.

— Да, у него такой чинъ! отвѣтилъ Петръ, и руки его почему-то опустились по швамъ. Эта властная фигура съ сочнымъ басистымъ голосомъ и съ орлинымъ взглядомъ подавляла его и онъ чувствовалъ себя передъ нимъ глупымъ мальчишкой.

— У вашего отца вѣдь есть еще братъ?—промолвилъ Коромысловъ.

— Да, мой дядя Иванъ...

— Но онъ никогда ни о чемъ тебя не просилъ, Анна...

— Нѣтъ, никогда!—отвѣтила Анна Михайловна.

Въ этомъ вопросѣ и отвѣтѣ былъ какой-то оттѣнокъ, смыслъ котораго оказался недоступнымъ Петру. Что-то было, но онъ не могъ понять; одобреніе или порицаніе. Но на всякій случай онъ счелъ своимъ долгомъ сказать:

— Мой дядя—странный человѣкъ!

— Чѣмъ же?—спросилъ Коромысловъ.

— Онъ никогда не хотѣлъ служить... занимался частными дѣлами, которыя были неудачны... А теперь онъ секретаремъ управы...

— Ну, въ этомъ пока еще нѣтъ ничего страннаго.

— А вы, кажется, сегодня не въ духѣ, ваше превосходительство?—промолвила Анна Михайловна, съ скучной улыбкой взглянувъ на мужа.

— Да, и, если вамъ угодно, по вашей винѣ...

— Неужели?

— Представьте, это такъ!—сказалъ Коромысловъ, садясь въ въ отдаленіи, послѣ чего и Петръ счелъ себя въ правѣ сѣсть.— Меня разстроилъ Валежневъ,—ваша креатура... Онъ просто никуда не годится...

— Валежневъ? Но вы сами находили, что онъ очень уменъ...

— О, да, да... И вотъ поэтому-то онъ и не годится...

— Странно! А онъ вамъ нравился...

— Онъ мнѣ нравился, пока я встрѣчалъ его у васъ въ гостиной. Онъ очень образованъ, остроуменъ, находчивъ, у него оргинальный умъ... Въ гостиной это цѣнится.. Но для чиновника это совсѣмъ не годится...

— О, я никогда въ этомъ ничего не понимала... А что же нужно для чиновника?

— Для чиновника нужно одно: способность точно выполнять предначертанія начальника.

— Предначертанія!.. Это, должно быть, что-нибудь страшное!. смѣясь замѣтила Анна Михайловна.

— Да, это глупое слово, которое хорошо звучитъ въ канцеляріи и очень дико въ будуарѣ..

— Ну, да... Но неужели у Валежнева, котораго вы сами признали умнымъ, нѣтъ способности? Кажется, это не такъ трудно: исполнять предначертанія?

— Для него очень трудно, мой другъ... Всякій разъ, когда я даю ему порученіе написать докладъ и провести въ немъ такую-то мысль, онъ непремѣнно мою мысль видоизмѣнитъ по своему... И онъ иначе не можетъ, потому что у него есть свой оригинальный умъ.

— Но тѣмъ лучше!..

— Нисколько не лучше. То-есть, пожалуй, оно, можетъ быть, и лучше, но мнѣ вовсе на надо, чтобы было лучше. Мнѣ надо, чтобы было такъ, какъ я хочу.

— Однимъ словомъ, для чиновника умъ—излишнее бремя...

— Когда онъ на службѣ—да. Дома онъ можетъ снимать звѣзды съ неба, но въ канцеляріи звѣздъ не бываетъ, а значитъ и снимать нечего. Въ канцеляріи надо умственное подчиненіе руководящему началу, которое исходитъ сверху. Развѣ я не правъ?

Этотъ вопросъ Коромысловъ предложилъ скорѣе женѣ, чѣмъ Петру Любарцеву, а вѣрнѣе всего, что это у него была при-

вычка, которую онъ всегда вставлялъ въ концѣ своей рѣчи. Но Петръ отнесъ это къ себѣ и отвѣтилъ.

— Я совершенно такъ думаю!

— Да?—и Коромысловъ вскинулъ на него пренебрежительный взглядъ и продолжалъ:—канцелярія должна быть хорошей машиной, а въ машинѣ умный долженъ быть только машинистъ. Если бы всѣ колеса и винты были такъ же умны, какъ онъ, то каждый изъ нихъ вертѣлся бы въ ту сторону, въ какую самъ находилъ бы болѣе умнымъ, и машина каждую минуту ломалась бы. Развѣ я не правъ?

— Я совершенно такого же мнѣнія!—сказалъ и на этотъ разъ Петръ Любарцевъ.

— Однимъ словомъ, ваше превосходительство,—иронически замѣтила Анна Михайловна,—вы не довольны умнымъ секретеремъ и хотѣли бы имѣть глупаго.

— Не глупаго, мой другъ, а... не обремененнаго излишнимъ умственнымъ баластомъ... Ну, однако, мнѣ пора ѣхать въ департаментъ!—прибавилъ Коромысловъ и поднялся.

Петръ Любарцевъ тоже вдругъ вскочилъ съ мѣста. Ему пришла въ голову мысль, что лучше будетъ, если онъ уйдетъ раньше. Тогда, можетъ быть, родственница скажетъ о немъ что-нибудь мужу.

— Вы уходите, кузенъ?—спросила его Анна Михайловна.

— Да, я.... Меня дожидается мой двоюродный братъ, сказалъ Петръ, чтобы какъ-нибудь мотивировать свой уходъ.

— А вы съ братомъ пріѣхали?

— Да... Это сынъ моего дяди Ивана...

— Страннаго человѣка, который не служитъ... какъ бы въ сторону замѣтилъ Коромысловъ.

— Да, его...

— А онъ, вашъ кузенъ, тоже не служитъ?

— Онъ еще не знаетъ, что съ собой сдѣлать... Мой кузенъ неосновательный...—отрекомендовалъ Петръ своего родственника.

— Неужели неосновательный?—съ необыкновенной живостью спросила Анна Михайловна. Такъ вы пожалуйста привезите его ко мнѣ... Я обожаю неосновательность.

— Благодарю васъ, но... Но только онъ не придетъ.

— Почему же? Онъ что-нибудь противъ меня имѣетъ?

— Ахъ, нѣтъ... Но онъ... онъ вообще странный человѣкъ.

— Боже мой!—съ какой-то непонятной нервозностью воскликнула Анна Михайловна.—Если онъ странный, то привезите его насильно!. Я ужъ такъ давно не видѣла ничего страннаго! Привезете! а?

Петръ въ это время уже поцѣловалъ ея руку и пожалъ руку Коромыслова.

— Я приложу всѣ старанія, отвѣтилъ онъ и, величественно поклонившись обоимъ, вышелъ.

Пока слышались его удаляющіеся шаги, въ будуарѣ не было высказано никакого замѣчанія. Коромысловъ медленно ходилъ по комнатѣ, а Анна Михайловна попрежнему сидѣла на софѣ. играя кружевами своего капота. Прошла минута.

— Кажется, мой новый кузенъ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ твоимъ требованіямъ отъ чиновника!—замѣтила Анна Михайловна.

— Да, кажется... Но боюсь, что онъ ударяется въ другую крайность...—отвѣтилъ Коромысловъ.

— Но это ужъ не такъ опасно?..

— Да... Съ этимъ, пожалуй, еще можно сладитъ...

— Ну, такъ вотъ: возми это письмо и на свободѣ прочитай его... это отъ его отца.

— А, хорошо...

Коромысловъ взялъ письмо и положилъ въ карманъ.

— Я уѣзжаю на службу... обѣдаю дома.

Онъ поцѣловалъ руку жены и ушелъ. Она протянула ноги и прилегла на софѣ, и на ея блѣдномъ лицѣ вдругъ выразилась мертвенная скука.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НОВЫЯ ЗВѢЗДЫ.

(Очеркъ).

11-го ноября 1572 года Тихо Браге по обыкновенію только вечеромъ покинулъ свою лабораторію, чтобы отправиться домой поужинать. По привычкѣ взглянулъ онъ и на небо, съ любовью осматривая хорошо ему извѣстныя созвѣздіе за созвѣздіемъ. И вдругъ онъ остановился пораженный... Почти прямо надъ головой въ созвѣздіи Кассіопеи блестѣла яркая, какъ красавица Венера, звѣзда. Ея не было раньше, это зналъ Тихо навѣрно. Знаменитый наблюдатель не смѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Онъ зоветъ изъ лабораторіи слугъ, останавливаетъ проѣзжихъ и спрашиваетъ, видятъ ли они также ту чудную звѣзду, которая блеститъ передъ его глазами, не обманъ ли это какой зрѣнія, не навожденіе ли... Но когда и всѣ свидѣтели подтвердили, что на небѣ въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно горитъ красивая, яркая звѣзда, тогда Тихо, забывъ и объ ужинѣ, спѣшитъ прямо къ своимъ астрономическимъ инструментамъ, чтобы скорѣе опредѣлить положеніе новаго свѣтила. Какъ разъ была только что закончена постройка новаго секстанта, отъ котораго можно было ждать большой точности. Тихо измѣрилъ разстоянія новой звѣзды отъ девяти главнѣйшихъ звѣздъ Кассіопеи и рѣшилъ повторить эти измѣренія на слѣдующій день. Съ большимъ нетерпѣніемъ онъ дожидается этого второго вечера, неотвязный вопросъ все время стоитъ передъ нимъ: видна ли будетъ эта новая чудесная звѣзда, или она уже исчезла такъ же быстро, внезапно, какъ появилась. На слѣдующій день вечеръ опять было ясный и Тихо могъ убѣдиться, что звѣзда не пропала и осталась точно на своемъ мѣстѣ; она оставалась здѣсь и послѣ, цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ! Эта не была, слѣдовательно, комета, которая къ тому же должна бы имѣть и туманную оболочку и болѣе или менѣе длинный хвостъ, это что-то новое на небѣ, небывалое, невиданное, это какъ будто бы звѣзда, но *новая*, не наблюдавшаяся раньше звѣзда, еще лучше назвать ее временной, потому что она возгорѣвшись, не осталась на небѣ, скоро начала ослабѣвать въ своей яркости, а черезъ $1^1/_2$ года и совсѣмъ скрылась для глазъ наблюдателя. Тихо Браге слѣдилъ

за звѣздой все время и оставилъ намъ обстоятельное описаніе того, что пришлось ему наблюдать.

Въ тотъ моментъ, когда увидѣлъ Тихо Новую звѣзду, послѣдняя равнялась по блеску Венерѣ во время ея наибольшей яркости, она оставалась такою въ теченіе всей второй половины ноября. Люди съ острымъ зрѣніемъ легко находили ее на свѣтломъ небѣ днемъ, а вечеромъ она могла быть видима и черезъ довольно густыя облака. Но въ декабрѣ яркость Новой падаетъ до яркости Юпитера, въ январѣ 1573 года звѣзда все таки ярче звѣзды первой величивы, въ апрѣлѣ она достигаетъ яркости звѣзды второй величины, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ является звѣздой третьей величины, въ октябрѣ спускается до четвертой величины, въ январѣ 1574 до пятой и въ концѣ марта совсѣмъ перестаетъ быть видима. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и цвѣтъ звѣзды: въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ она бѣлаго цвѣта, потомъ становится желтой, затѣмъ красноватой. Зимой 1573 года Тихо сравнивалъ цвѣтъ ея съ цвѣтомъ Марса, потомъ съ цвѣтомъ Альдебарана, въ маѣ звѣзда вновь становится бѣловатой и остается такою до конца наблюденій.

Интересенъ вопросъ, пропала ли звѣзда совсѣмъ или, ослабѣвъ въ яркости, осталась на небѣ до нашихъ дней. Аргеландеръ перевычислилъ наблюденія Тихо Браге и два раза пытался найти эту звѣзду, но безуспѣшно. Позднѣе D'Arre съ большей трубой указалъ звѣздочку $10^1/_2$ величины, которая по положенію на 49 секундъ дуги отличается отъ Новой Тихо Браге. Возможно, что это она и есть. Уже самъ Тихо Браге приводитъ справку изъ Плинія о звѣздѣ Гиппарха, принимавшейся многими за комету, которую по китайскимъ источникамъ нужно отнести къ 134 г. до Рожд. Христ. Это свидѣтельствуетъ, что внезапно появившаяся въ 1572 году звѣзда представляетъ рѣдкое, но не единственное явленіе. По китайскимъ извѣстіямъ такая же звѣзда наблюдалась еще въ 123 г. послѣ Рожд. Хр. между *альфой* Геркулеса и *альфой* Змѣеносца, въ 173 году еще между *альфой* и *бетой* Центавра была звѣзда положеніе которой не указано, въ 386 году еще между *ламбдой* и *фи* Стрѣльца, въ 389 году близъ *альфы* Орла, въ 393 году въ хвостѣ Скорпіона, въ 827 или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ IX вѣка еще одна въ Скорпіона, въ 945 году между Цефеемъ и Кассіопеей, въ 1006 году въ Скорпіонѣ, въ 1203 г. опять въ Скорпіонѣ, въ 1217 г. въ Сѣверномъ Вѣнцѣ, 1230 г. въ Змѣеносцѣ, въ 1264 г. между Цефеемъ и Кассіопеей—но всѣ эти указанія ненадежны, не имѣютъ характера достовѣрности, равно какъ и свидѣтельства о появленіи звѣздъ въ 1578 и 1584 гг.

Въ 1600 году увидѣли звѣздочку третьей величины, которой не замѣчали раньше, но эта оказалась послѣ перемѣнной звѣздой, которая ослабѣваетъ въ яркости и вновь увеличивается черезъ нѣсколько лѣтъ—интересная звѣзда, имѣющая большое значеніе въ исторіи

изслѣдованія Новыхъ звѣздъ. Въ 1604 году отмѣчено второе несомнѣнное блестящее возгораніе звѣзды, которая немногимъ уступала Новой Тихо Браге. Ее наблюдалъ и описалъ *Кеплеръ*, именемъ котораго она и зовется, хотя она замѣчена была впервые ученикомъ Кеплера Бруновскимъ (1604 года, 10-го октября). Кеплеръ принялъ ее сначала за комету, несмотря на то, что она не имѣла хвоста и блестѣла ярче Марса, Сатурна и Юпитера, находившихся неподалеку. Подобно звѣздѣ Тихо Браге, она, постепенно ослабѣвая въ яркости, оставалась видимой невооруженнымъ глазомъ цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ, но измѣненія цвѣта при этомъ не было. Звѣзда все время казалась бѣлой.

Кромѣ этой Новой, въ XVII столѣтіи было еще двѣ: въ 1609 году, согласно китайскимъ извѣстіямъ, которыя не указываютъ мѣста звѣзды, и въ 1670 г. Послѣднюю замѣтилъ патеръ Anthelme 20-го іюня въ головѣ Лисицы близъ *беты* Лебедя. Она была третьей величины, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ исчезла, но въ мартѣ и апрѣлѣ 1671 года опять наблюдалась Кассини, какъ звѣзда четвертой величины, затѣмъ еще разъ марта 29-го въ 1672 году, а съ тѣхъ поръ ее не видѣли больше никогда.

Въ XVIII вѣкѣ не замѣчено ни одной Новой, но зато въ XIX ихъ открыто тринадцать, большею частью не особенно яркихъ. Открыто отчасти даже заднимъ числомъ на фотографическихъ пластинкахъ.

Въ 1848 году, 27-го апрѣля, Hind увидѣлъ въ созвѣздіи Змѣеносца звѣзду 4-5 величины красновато-желтаго цвѣта, которая быстро уменьшалась въ яркости. Въ 1850 году она была 10-11 величины, съ 1876 года остается все время $12^1/_2$.

Слѣдующая Новая открыта Ауверсомъ 21-го мая 1860 года въ созвѣздіи Скорпіона. Она проэктировалась на туманное звѣздное скопленіе Мессье № 80, причемъ за три дня, навѣрное, не было и слѣда ея. Звѣзда имѣла яркость 7-ой величины и очень скоро ослабѣла, уже 10-го іюня она совершенно исчезла, хотя, впрочемъ, Шенфельдъ думаетъ, что 1-го іюня 1869 года онъ видѣлъ слабый слѣдъ ея.

Въ 1866 году горѣла яркая звѣзда въ созвѣздіи Сѣверной Короны. Она замѣчена 4-го мая Barker'омъ въ Канадѣ, когда явилась звѣздой 4-ой величины. Къ 10-му мая яркость ея увеличилась до 3-й величины, но затѣмъ опять быстро упала. 16-го числа звѣзда опять только 4-ой величины, а 30-го мая всего 9-ой. Съ тѣхъ поръ она остается неизмѣнной въ яркости и, несомнѣнно, тожественна съ звѣздочкой, занесенной въ Боннскій каталогъ подъ № 2765 зоны 26°, гдѣ указана величина ея $9^1/_2$.

Это обстоятельство еще болѣе рѣзко, чѣмъ вышеприведенные случаи, могло навести на предположеніе, что Новыя звѣзды не представляютъ собой собственно новыхъ образованій, что онѣ и раньше были

на небѣ, но оставались незамѣченными вслѣдствіе слабости своего блеска, который подъ дѣйствіемъ какихъ-то процессовъ временно усиливался значительно, что эти звѣзды въ общемъ случаѣ просто перемѣнныя звѣзды съ неправильными или неизвѣстными періодами. Интересно, что еще въ то время, какъ горѣла на небѣ Новая Тихо Браге, явилось подозрѣніе, что она тожественна съ упомянутыми выше звѣздами 945 и 1264 гг., такъ что выяснялся какъ будто періодъ приблизительно въ 300 лѣтъ, который позволялъ ждать новой вспышки около 1870 года. Piggott особенно увлекался этой идеей и составилъ подробную карту той области неба, гдѣ сіяла новая Тихо Браге, чтобы по ней удобнѣе было слѣдить время отъ времени за небомъ. Онъ и звѣзду Кеплера отожествлялъ съ звѣздами 123 и 1230 гг., допуская періодъ въ 370 лѣтъ, и также для нея составилъ соотвѣтствующую карту.

Новая звѣда въ Сѣверномъ Вѣнцѣ замѣчательна и въ другомъ отношеніи. При наблюденіяхъ ея впервые могъ быть примѣненъ спектроскопъ, показаніе котораго вносило новыя данныя для уясненія загадочнаго явленія—возгоранія Новыхъ звѣздъ.

По наблюденіямъ Гёггинса и Миллера, спектръ звѣзды оказался сложнымъ, это были два, налегающихъ одинъ на другой спектры,—одинъ непрерывный съ темными линіями, какъ въ спектрѣ солнца и другихъ звѣздъ, другой представлялъ собой рядъ свѣтлыхъ водородныхъ линій — какъ будто бы на далекомъ свѣтилѣ имѣло мѣсто грандіозное изверженіе массы накаленнаго газа изъ глубины, которое и обусловливало значительное повышеніе яркости. По мѣрѣ излученія тепла въ міровое пространство, яркость звѣзды постепенно падала, звѣзда возвратилась къ своему прежнему состоянію, и спектръ ея, по новымъ изслѣдованіямъ Фогеля, является обыкновеннымъ, какъ вообще и у другихъ звѣздъ.

Черезъ десять лѣтъ въ 1876 году наблюдалась опять Новая звѣзда. Она замѣчена была Шмидтомъ въ Аѳинахъ, близъ звѣзды *ро* Лебедя 24-го ноября и оказалась по яркости 3-й величины, и также какъ прежнія Новыя звѣзды, быстро ослабѣла, такъ что уже 2-го декабря была не болѣе 5-й величины, а въ началѣ 1877 года уже приблизительно 8-й, въ 1878 году 10—11-й и теперь видима только въ очень сильныя трубы. Въ Боннскомъ каталогѣ ея совсѣмъ нѣтъ, такъ что, во всякомъ случаѣ, во время составленія каталога она была слабѣе $9^1/_2$ величины. Цвѣтъ новой вначалѣ былъ интенсивно-оранжевый, почти красный. Спектроскопическія изслѣдованія обнаружили тѣ же явленія, какъ и въ Новой 1866 года, только съ бо̀льшими подробностями. Было, впрочемъ, и нѣкоторое отличіе. Непрерывный спектръ имѣлъ рѣзкія темныя полосы. Кромѣ трехъ свѣтлыхъ водородныхъ линій, видны линіи натрія и магнія, въ то время какъ непрерывный спектръ быстро ослабѣвалъ, свѣтлыя линіи оставались хорошо види-

мыми до весны 1877 года, послѣдней наблюдалась зеленая линія, совпадающая съ линіей туманностей, и французскій астрономъ Вольфъ писалъ по этому случаю: «Звѣзда въ Лебедѣ даетъ только зеленую линію туманностей—вотъ единственный примѣръ превращенія звѣзды въ планетарную туманность». Прибавимъ, что, по наблюденіямъ Лозе, въ Берлинѣ и Потсдамѣ осенью 1877 года, Новая звѣзда отличалась отъ окружающихъ матовымъ, туманоподобнымъ свѣтомъ.

Въ 1885 году новое интересное явленіе, въ которомъ обнаруживаются новыя особенности. Въ концѣ августа этого года Гартвигъ усмотрѣлъ звѣзду ниже 6-й величины близъ самаго ядра въ знаменитой туманности Андромеды. Ея яркость быстро падала. По наблюденіямъ Миллера, 2-го сентября звѣзда была уже 8-й величины, 9-го сентября — 8,5, 17-го сентября — 9,0 и 29-го сентября — 9,5 величины. Спектръ ея былъ очень слабъ съ едва замѣтными свѣтлыми линіями въ желтомъ цвѣтѣ, такъ что рѣзко отличался отъ спектровъ Новыхъ въ 1866 и 1876 гг.

Въ спектрѣ второй Новой 1885 года, открытой Gore декабря 13-го близъ *хи* Оріона, также не было видно свѣтлыхъ линій. Этой красной звѣзды, ослабѣвшей къ серединѣ 1886 года съ 6-й величины до 12-й, а потомъ опять увеличившейся въ яркости, нѣтъ въ Боннскомъ каталогѣ, но она, повидимому, просто перемѣнная длиннаго періода на подобіе *омикронъ* Кита (Mira), съ которой у ней есть и сходство большое въ спектрѣ.

1892 годъ составляетъ новую эпоху въ исторіи Новыхъ звѣздъ. Вспыхиваетъ звѣздочка въ созвѣздіи Возничаго. Ея яркость сравнительно невелика, даже при максимумѣ блеска звѣзда является только 4,4 величины, но въ это время уже спетроскопическія наблюденія достаточно усовершенствовались. Астрономы научились фотографировать спектры, а фотографія — могучее орудіе, она обнаружила удивительныя явленія.

Новая Возничаго открыта астрономомъ-любителемъ Андерсономъ 23-го января, но, по богатой коллекціи фотографическихъ снимковъ неба на гарвадской обсерваторіи, удалось выяснить, что еще за два мѣсяца она горѣла и была даже доступна невооруженному глазу, оставаясь никѣмъ не замѣченной. Ноября 2-го 1891 года она является слабѣе 11-й величины, 1-го декабря уже—6-й, а 20-го декабря достигаетъ своей максимальной яркости 4,4 величины, послѣ чего медленно ослабѣваетъ и 20-го января является 5-й величины и т. д. Послѣ, въ февралѣ яркость Новой опять увеличивается, происходитъ новая вспышка, затѣмъ новое паденіе, новое маленькое увеличеніе яркости и быстрое уменьшеніе въ мартѣ. Въ серединѣ апрѣля звѣзда оказывается 14-й величины, а въ августѣ опять колебанія, яркость увеличивается до 9,5 величины и, что чрезвычайно замѣчательно, остается такою съ небольшими колебаніями до середины 1894 года, послѣ чего

она дѣлается значительно слабѣе и остается неизмѣнной до сихъ поръ. Спектрограммы Новой обнаруживаютъ смѣщеніе линій какъ темныхъ, такъ и свѣтлыхъ въ разныя стороны, какъ будто бы спектръ звѣзды сложный, отъ двухъ тѣлъ, изъ которыхъ одно даетъ въ спектрѣ темныя линія, другое—свѣтлыя. Гёггинсъ отожествилъ свѣтлую линію въ зеленомъ цвѣтѣ съ подобной, наблюдавшейся въ спектрѣ Новой 1876 года и утверждалъ, что она отлична отъ линіи спектра свѣтлыхъ туманностей. Масса свѣтлыхъ линій выступаетъ въ ультрафіолетовой области спектра такихъ, которыя въ спектрахъ бѣлыхъ звѣздъ являются темными и всѣ онѣ сопровождаются темными со стороны фіолетоваго конца спектра.

Въ концѣ спектръ новой Возничаго становится газовымъ; изъ 17-ти линій пять Campbell съ опредѣленностью отожествляетъ съ линіями туманностей. Звѣзда превращается въ туманность. То, что для Новой 1876 г. является намекомъ, здѣсь очевидно. Барнардъ 19-го августа и непосредственно видитъ въ 36-тидюймовый рефракторъ Ликской обсерваторіи Новую въ видѣ маленькаго свѣтлаго тумана съ звѣздоподобнымъ ядромъ. Діаметръ туманности былъ 3 секунды дуги, а вокругъ еще замѣтенъ былъ ореолъ діаметромъ въ 30″.

Точно также и Ренцъ въ Пулковѣ съ помощью 15-тидюймоваго рефрактора 7-го сентября видѣлъ Новую въ видѣ размытой звѣздочки, окруженной туманностью. Эти наблюденія вызвали, правда, возраженія въ томъ смыслѣ, что размытый видъ звѣзды и ореолы не считали реальными и видѣли причину ихъ въ хроматической аберраціи большихъ рефракторовъ, но свидѣтельство спетроскопа оставалось несомнѣнно. Ясно, что звѣзда превратилась въ туманность.

Директоръ потсдамской обсерваторіи Фогель обратилъ также вниманіе на то, что водородныя линіи, изслѣдованіемъ которыхъ приходилось ограничиться вслѣдствіе необычайной сложности спектра, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ являлись свѣтлыми, обнаруживали два или нѣсколько максимумовъ интенсивности, а темныя линіи, сопровождавшія ихъ со стороны фіолетоваго конца, имѣли каждая близъ середины еще тонкую свѣтлую линію. Все это заставляло искать новыхъ объясненій возгаранія новыхъ звѣздъ, рисовало картину особыхъ процессовъ на далекихъ загадочныхъ мірахъ.

Еще не закончилась обработка наблюденій Новой Возничаго, какъ г-жа Флеммингъ на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа открываетъ Новую въ южномъ созвѣздіи Норма. Открытіе сдѣлано на этотъ разъ съ помощью фотографіи 26-го октября 1893 года. Изучая звѣдные спектры, сфотографированные на перуанскомъ отдѣленіи обсерваторіи, г-жа Флеммингъ замѣтила на снимкѣ 10-го іюля спектръ звѣзды, которой не было раньше. Ни на одной изъ 23 фотографій, полученныхъ съ іюня 6-го 1889 года по 21-е іюня 1893 г. не было и намека, никакого слѣда ея, только 10-го іюля является она, какъ звѣзда 7-й ве-

личины. Впрочемъ, на снимкахъ обсерваторіи мыса Доброй Надежды на мѣстѣ Новой 29-го апрѣля и 2-го мая 1890 года видна звѣзда 9,2 величины, но на снимкахъ 1887 года также ничего не видно.

Спектръ Новой въ Нормѣ до мелочей подобенъ спектру Новой Возничаго. И въ томъ, и другомъ свѣтлыя линіи сопровождаются темными со стороны фіолетоваго конца.

При уменьшеніи яркости, которая, замѣтимъ, падала медленно и постепенно, безъ вспышекъ, спектръ все больше и больше приближался къ типичному спектру туманностей.

Такимъ же образомъ по снимкамъ спектровъ г-жа Флеммингъ обнаружила, что въ 1895 году горѣла Новая въ южномъ созвѣздіи Килв корабля Арго. На 62 пластинкахъ, снятыхъ за время между 17-мъ мая 1889 г. и 5-го марта 1895 г., ея совсѣмъ нѣтъ, хотя вышли всѣ звѣзды до 14 величины. На 9 пластинкахъ между 8-мъ апрѣля и 9-мъ іюля 1895 года фотографическая яркость звѣзды постепенно падаетъ съ 8-ой до 11-ой величины. И этой Новой спектръ въ главныхъ чертахъ оказался такимъ же, какъ у Новой Возничаго и Новой въ Нормѣ. На снимкѣ 14-го апрѣля рѣзко выступаютъ свѣтлыя водородныя линіи, изъ которыхъ только одна не имѣла рядомъ, со стороны фіолетоваго конца, темной линіи. Спектръ нѣсколько измѣнялся. 15-го іюня три водородныя линіи еще были достаточно свѣтлы, но непрерывный спектръ, на которомъ онѣ выдѣлялись, оказался очень слабъ. Линія съ длиной волны 4.700 микрокрона явилась такой же свѣтлой, какъ водородная, тогда какъ 14-го апрѣля она едва была видна.

Такимъ образомъ выяснялся какъ будто удивительный, чрезвычайно интересный фактъ сходства въ физическомъ отношеніи Новыхъ звѣздъ между собой. Спектръ Новой Возничаго, наиболѣе тщательно изученный, можно принять типичнымъ, нормальнымъ и объясненія загадочному возгоранію на небѣ свѣтилъ искать въ его строеніи, его особенностяхъ.

Но вотъ въ томъ же 1895 году, 12-го декабря, г-жа Флеммингъ открываетъ Новую въ созвѣдіи Центавра, которая по своему спектру уже рѣзко отличается отъ трехъ предыдущихъ. Ея спектръ напоминаетъ спектръ туманности около 30 Дорада или звѣзды, стоящей въ каталогѣ южнаго неба подъ № 20,937. Онъ отличается и отъ обыкновеннаго спектра туманностей.

Новая оказалась близъ туманности № 5.253 По предположенію Campbell'я, она можетъ быть перемѣнной длиннаго періода съ крайне неправильнымъ измѣненіемъ блеска.

Звѣзда обратила на себя вниманіе своимъ спектромъ, сфотографированнымъ 18-го іюля 1895 года. На 35-ти пластинкахъ между 21-мъ мая 1889 года и 14-мъ іюня 1895 года ея нѣтъ, она появляется на пластинкѣ 8-го іюля 1895 года, какъ звѣзда 7,2 величины. Декабря 16-го она уже 11 величины, іюня 11-го 1896 года, по наблюденіямъ Лик-

ской обсерваторіи, 14½-ой, января 4-го 1897 года она уже совсѣмъ не видна, такъ что оказывается ниже 16-ой величины. Хотя эта звѣзда открыта на нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, чѣмъ появилась она на небѣ, всетаки еще оказались возможными и непосредственныя наблюденія ея, правда, уже только съ большой трубою, но съ помощью фотографіи были сдѣланы и такія открытія, которыя относились къ явленію, имѣвшему мѣсто много лѣтъ назадъ. Въ томъ же циркулярѣ, въ которомъ Пикерингъ извѣщаетъ объ открытіи новой въ Центаврѣ, онъ говоритъ также о Новой Персея, горѣвшей въ 1887 году. Ея открыла г-жа Флеммингъ въ 1895 году по спектру, въ которомъ выступали свѣтлыя линіи. Звѣзда была слаба, всего 9-ой величины, съ теченіемъ времени яркость ея падала все болѣе. На снимкахъ 3-го ноября 1885 г. и 21-го декабря 1886 года и многихъ позднѣйшихъ нѣтъ никакого слѣда звѣзды. Въ спектрѣ видны три свѣтлыя водородныя линіи и еще одна съ длиной волны 4.060 микромикрона. Однако, вслѣдствіе общей слабости спектра, нельзя рѣшить, имѣемъ ли мы въ этомъ случаѣ дѣло со звѣздой, подобной Новой Возничаго или перемѣнной въ родѣ *омикронъ* Кита, такъ какъ спектры и той и другой содержатъ водородныя линіи. При систематическомъ изученіи звѣздныхъ спектровъ по фотографическимъ снимкамъ Гарвардской обсерваторіи и ея перуанскаго отдѣленія, г-жей Флеммингъ были открыты и еще двѣ Новыя звѣзды.

Въ началѣ 1898 года или въ концѣ 1897 года появилась Новая звѣзда въ Стрѣльцѣ. Ея нѣтъ на 87 пластинкахъ за время между 5-мъ сентября 1888 года и 23-мъ октября 1897 года, хотя онѣ содержатъ звѣзды до 15-ой величины. Впервые показывается она на пластинкѣ 8-го марта 1898 года, когда она имѣетъ 4.7 величину. Ея яркость измѣнялась такимъ образомъ:

1898	г.	марта	8	4,7	велич.
»	»	»	14	5,0	»
»	»	апрѣля	3	8,2	»
»	»	»	19	8,2	»
»	»	»	21	8,4	»
»	»	»	26	8,2	»
»	»	»	29	8,4	»

Открытіе запоздало болѣе чѣмъ на годъ. Оно было сдѣлано 9-го марта 1899 года и тогда фотографическая яркость звѣзды была около 10 величины, а 13-го марта, по наблюденію глазомъ, она оцѣнена 11,4 велич.

Въ спектрѣ выступаютъ свѣтлыя водородныя линіи, широкая полоса съ средней длиной волны 4.613 микромикрона и нѣсколько еще свѣтлыхъ линій, которыя, повидимому, тожественны со свѣтлыми линіями Новой Возничаго, и всѣ эти свѣтлыя линіи также имѣютъ рядомъ по темной со стороны фіолетоваго конца, видна еще темная линія съ длиной волны 4.060, но послѣдняя пропадаетъ на снимкѣ 21-го апрѣля,

когда вмѣсто нея появляется свѣтлая съ длиной волны 5,005 и водородныя линіи дѣлаются нѣсколько уже и интенсивнѣе. Съ уменьшеніемъ яркости новая обращается, какъ указываетъ Пикерингъ, въ газовую туманность.

Вслѣдъ за Новой въ Стрѣльцѣ г-жа Флеммингъ открываетъ Новую въ созвѣздіи Орла.

На 96 пластинкахъ, снятыхъ за время отъ 21-го августа 1886 года по 1-е ноября 1898 года и содержащихъ всѣ звѣзды до 13-ой величины, ея не оказалось. Но она видна на 18 пластинкахъ между 21-мъ апрѣля и 27-мъ октября 1899 года. Вначалѣ яркость ея измѣряется 7-ой величиной, въ концѣ 10-ой; на снимкахъ 7-го и 9-го іюля она падаетъ до 11,5 величины. Эта звѣзда есть и на двухъ снимкахъ, полученныхъ С. Н. Блажко въ Москвѣ, именно 3-го и 4-го августа 1899 года.

9-го іюля 1900 года она наблюдалась непосредственно глазомъ въ 15-дюймовый рефракторъ Wendell'емъ, который оцѣнилъ ея оптическую яркость при этомъ 11,5—12-ой величиной.

Спектръ Новой для 3-го іюля 1899 года напоминаетъ спектръ Новой Возничаго и слѣдующихъ, 27-го октября онъ газовый.

Вотъ весь матеріалъ, имѣвшійся въ рукахъ астрономовъ передъ тѣмъ, какъ засвѣтилась на небѣ въ прошломъ году знаменитая звѣзда въ Персеѣ, которая по яркости своей непосредственно слѣдуетъ за звѣздами Тихо Браге и Кеплера и по своему значенію въ раскрытіи природы Новыхъ звѣздъ, конечно, должна сыграть видную роль, такъ какъ для наблюденія ея могли воспользоваться уже весьма совершенными средствами.

Интересно сопоставить, какія толкованія находили себѣ эти данныя, какія гипотезы предлагались для объясненія возгаранія временныхъ, такъ называемыхъ Новыхъ звѣздъ, на какія трудности онѣ натыкались.

Взглядъ на Новыя звѣзды, какъ на новыя въ буквальномъ смыслѣ, образующіяся непосредственно на глазахъ наблюдателя, конечно, давно устарѣлъ, давно оставленъ. Звѣзды эти, несомнѣнно, находились на нашемъ небѣ всегда, хотя и оставались недоступными нашимъ взорамъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ, какъ отмѣчено выше, мы имѣемъ явное только повышеніе яркости и ранѣе отмѣченныхъ на картахъ звѣздъ, въ другихъ, особенно прежнихъ, неточность опредѣленія положенія звѣздъ позволяетъ допустить, что возгораніе Новой представляетъ собой вспышку той небольшой звѣздочки, которая теперь видна близъ указаннаго наблюдателями положенія Новой.

Если даже мы имѣемъ случаи какъ бы полнаго исчезновенія Новыхъ, ослабленія ихъ яркости настолько, что онѣ становятся недоступными для наблюденія въ современныя могучія трубы, все же можно было, какъ казалось, дѣлать гипотезу о вспышкѣ въ тѣлахъ, давнымъ давно стоящихъ на данномъ мѣстѣ тверди небесной, тѣлахъ,

можетъ быть, отживающихъ, сравнительно темныхъ, въ которыхъ возможно только временное свѣченіе, объ особаго рода перемѣнныхъ звѣздахъ.

Есть и факты, установляющіе довольно наглядно возможную связь новыхъ звѣздъ съ перемѣнными.

Въ южномъ полушаріи свѣтитъ, напримѣръ, звѣзда η Argus. Въ прежнее время она наблюдалась только случайно тѣми астрономами, которые попадали въ южное полушаріе. Галилей въ 1677 году оцѣниваетъ ея яркость 4-ой величиной, патеръ Ноель между 1685 и 1689 гг., наоборотъ, 2-ой, точно также и Локайлль въ 1751 году, Вурхейль въ 1827 году даже считаетъ не ниже 1-ой величины, отмѣчая, что звѣзда перемѣнная. По наблюденіямъ Дж. Гершеля, яркость звѣзды три года, съ 1834 по 1837 оставалось между 1-ой и 2-ой величинами, потомъ она быстро возросла, въ началѣ января 1838 достигла своего максимума, сравнявшись съ яркостью знаменитой *альфы* Центавра, а далѣе начала постепенно падать. Въ апрѣлѣ 1838 года прерываются наблюденія Дж. Гершеля. Онъ приравниваетъ въ это время η Argus Альдебарану.

Звѣзда остается съ такой яркостью до начала 1843 года, почти цѣлыхъ пять лѣтъ, а затѣмъ снова необычайно быстро разгорается и въ апрѣлѣ сверкаетъ, какъ Сиріусъ.

Съ 1843 года η Argus вновь постепенно ослабѣваетъ. Еще въ 1867 году звѣзду можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ, теперь она доступна наблюденіямъ только въ трубу.

Что это за свѣтило? Отчего оно такъ вспыхиваетъ иногда, горитъ нѣкоторое время и вновь потухаетъ. Какъ много похожаго въ этихъ неправильныхъ колебаніяхъ яркости съ вспышками Новыхъ звѣздъ! Интересно, что звѣзда стоитъ среди туманности, но имѣетъ ли она физическую связь съ послѣдней, это также неизвѣстно.

Еще до примѣненія спектроскопа, отъ котораго, какъ видѣли, также были свидѣтельства въ сходствѣ природы Новыхъ звѣздъ съ природой нѣкоторыхъ перемѣнныхъ, Цельнеръ развилъ теорію, связывающую эти свѣтила.

Онъ думалъ, что Новыя звѣзды представляютъ собой тѣла, значительно охладившіяся, покрытыя темной корой, но, вслѣдствіе какихъ-либо процессовъ, кора эта можетъ разрываться, раскаленная масса вытекаетъ изнутри, разливается по поверхности, тогда начинается процессъ горѣнія съ большимъ или меньшимъ развитіемъ тепла и свѣта, мы наблюдаемъ вспышку звѣзды, которой не видѣли раньше.

Масса вылившейся жидкости можетъ быть и невелика, процессы горѣнія прекращаются скоро, появившаяся звѣзда ослабѣваетъ въ яркости и вновь скрывается отъ взоровъ наблюдателя, чтобы послѣ, быть можетъ, опять когда-нибудь засвѣтиться.

То же самое и для собственно перемѣнныхъ звѣздъ неправильнаго длиннаго періода съ той лишь только разницею, что эти звѣзды

*

должны находиться въ нѣсколько болѣе ранней фазѣ, когда кора еще не такъ остыла, не такъ тверда, когда разрывы и вспышки происходятъ чаще, но менѣе значительны, колебанія свѣта меньше.

Такое объясненіе новыхъ звѣздъ находитъ подтвержденіе въ данныхъ спектроскопа. Сплошной спектръ, очевидно, можетъ производиться вылившейся раскаленной жидкой массой, спектръ поглощенія — атмосферой звѣзды и освободившимися при химическомъ разложеніи газами.

Свѣтлыя линіи могутъ обусловливаться этими газами, а также и тѣми, которые вырвались изнутри.

Если поверхность этихъ газовъ больше поверхности жидкой массы, то линейчатый спектръ окажется налегающимъ на сплошной.

Фогель въ попыткѣ согласовать гипотезу Цельнера съ спектральными наблюденіями 1866 и 1876 гг. замѣтилъ, что очень свѣтлый сплошной спектръ, напряженность котораго вначалѣ лишь очень мало отличается отъ напряженности свѣтлыхъ линій, не можетъ быть объясненъ однимъ увеличеніемъ яркости поверхности вслѣдствіе изверженія изнутри, а скорѣе именно процессомъ горѣнія. Если послѣдній длится недолго, то сплошной спектръ, какъ это и наблюдалось, долженъ быстро ослабнуть до нѣкоторой границы, между тѣмъ какъ свѣтлыя линіи раскаленныхъ газовъ, выброшенныхъ изнутри въ большихъ количествахъ, дольше удержатся въ спектрѣ.

Но отчего собственно происходитъ самое изверженіе изнутри потухающаго свѣтила? Для объясненія этого было предложено нѣсколько гипотезъ, между прочимъ, Клинкерфюсъ высказалъ предположеніе, что каждая Новая звѣзда представляетъ собой систему двухъ звѣздъ съ очень вытянутой орбитой спутника и очень малымъ разстояніемъ въ моментъ наибольшаго сближенія. При прохожденіи одного тѣла вблизи другого должна въ послѣднемъ, вслѣдствіе притяженія первымъ, подняться высокая волна прилива, которая и можетъ быть причиной разрыва коры и изверженія раскаленной массы изнутри.

Вильсингъ освѣжилъ гипотезу Клинкерфюса, указывая, что приливъ въ атмосферѣ звѣзды долженъ повліять на яркость ея спектра.

При приближеніи спутника часть поверхности главной звѣзды можетъ совсѣмъ освободиться отъ атмосферы, а это увеличитъ яркость сплошного спектра. При удаленіи спутника поверхность въ данномъ мѣстѣ вновь покрывается атмосферой, поглощеніе лучей растетъ, сплошной спектръ ослабѣваетъ. Въ такомъ предположеніи находило себѣ объясненіе и явленіе Новой Андромеды (1885 г.), въ спектрѣ которой, какъ упомянуто, не было, въ противоположность Новымъ 1866 и 1876 гг., очень свѣтлыхъ линій. Надо было допустить, что произошла деформаціи атмосферы, но безъ изверженія раскаленныхъ газовъ изнутри, явилось временное усиленіе сплошного спектра, источника для свѣтлыхъ линій не оказалось.

Можетъ быть, изверженія, обусловливающія возгораніе Новой, пред-

ставляютъ собой явленія, аналогичныя протуберансамъ на солнцѣ, и обусловливаются неизвѣстными намъ внутренними процессами.

Пытались Новыя звѣзды объяснять и столкновеніемъ міровъ, движущихся въ пространствѣ, слѣдствіемъ чего, конечно, должно было быть развитіе громаднаго количества тепла. Но, въ такомъ случаѣ, нельзя было бы ждать быстраго охлажденія, скораго, всего въ нѣсколько мѣсяцевъ, потемнѣнія звѣзды, какъ обыкновенно наблюдается. Возвышеніе температуры, очевидно, можетъ быть только на поверхности тѣла, оно можетъ обусловливаться встрѣчей остывающей звѣзды лишь съ очень небольшимъ тѣломъ или потокомъ метеоровъ.

Локайеръ высказалъ гипотезу, что перемѣнныя звѣзды, подобныя Міra и *хи* Лебедя, могутъ представлять собой систему двухъ роевъ метеоровъ, которые кружатся одинъ вокругъ другого по вытянутой орбитѣ.

Когда малый рой вступаетъ въ большой, происходитъ столкновеніе большого числа маленькихъ тѣлецъ и значительное вслѣдствіе этого увеличеніе общей яркости. По мѣрѣ удаленія роя-спутника столкновенія становятся все меньше и меньше. Звѣзда возвращается къ своему нормальному блеску.

Нѣчто подобное, быть можетъ, можно вообразить и для объясненія Новыхъ звѣздъ.

Но вотъ появляется Новая въ созвѣздіи Возничаго. Спектрограммы ея, какъ упомянуто, обнаруживаютъ несомнѣнное смѣщеніе линій и даже въ разныя стороны.

Руководствуясь принципомъ Допплера-Физо, въ силу котораго смѣщеніе линій въ спектрѣ свѣтила къ фіолетовому краю свидѣтельствуетъ о движеніи тѣла къ намъ, отклоненіе къ красному концу—объ удаленіи его, приходилось допустить, что возгораніе звѣзды обусловливалось встрѣчей двухъ или даже болѣе тѣлъ, несущихся въ пространствѣ съ громадной скоростью.

По смѣщенію темныхъ водородныхъ линій эта скорость оказалась болѣе 700 километровъ въ секунду въ направленіи къ намъ, а по смѣщенію свѣтлыхъ водородныхъ линій болѣе 400 километровъ отъ насъ, причемъ, какъ отмѣтилъ Бѣлопольскій, движенія эти остаются неизмѣнными въ теченіе всего времени наблюденія.

Фогель, имѣя прекрасныя спектрограммы и разобравъ критически результаты другихъ наблюдателей, рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что возгоранія Новыхъ звѣздъ не могутъ объясняться процессами на одномъ тѣлѣ. Если въ предыдущихъ случаяхъ и удавалось болѣе или менѣе удовлетворительно согласовать подобныя гипотезы съ наблюденіями, то это происходило съ одной стороны отъ несовершенства самыхъ наблюденій, съ другой—оттого, что характерныя явленія были менѣе ясно выражены, можетъ быть вслѣдствіе менѣе благопріятнаго для насъ сочетанія условій, въ которыхъ они происходили.

Въ Новой Возничаго по счастливой случайности движенія тѣлъ направлены по лучу зрѣнія, по крайней мѣрѣ, слагающія движенія по этому направленію оказываются громадными, такъ что легко обнаруживаются спектрографомъ. Сразу видно, что мы имѣемъ дѣло не съ однимъ тѣломъ, а двумя или болѣе.

Локайеръ и къ Новой Возничаго хотѣлъ примѣнить свою гипотезу метеорныхъ роевъ. Одинъ болѣе густой рой, по его мнѣнію, приближаясь съ большей скоростью къ землѣ, встрѣчаетъ другой рой, менѣе плотный, несущійся отъ насъ. Почему всѣ или большинство частицъ въ первомъ роѣ даютъ спектры съ темными линіями, а всѣ частицы второго съ свѣтлыми, этого не объясняетъ Локьеръ, неяснымъ остается и то обстоятельство, что и послѣ встрѣчи роевъ, во время которой произошла масса столкновеній частицъ, необходимо съ измѣненіемъ скоростей и развитіемъ большого количества тепла, относительная скорость остается все-же громадной.

Гёггинсъ допускаетъ, что возгораніе Новой произошло отъ встрѣчи двухъ тѣлъ газообразныхъ или окруженныхъ газовыми атмосферами, движущихся по параболическимъ или гиперболическимъ орбитамъ, оси которыхъ направлены приблизительно къ нашему солнцу. Большая относительная скорость заставляетъ думать, что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло не съ одной изъ періодически повторяющихся встрѣчъ, какъ въ перемѣнныхъ длиннаго періода, а съ встрѣчей случайной двухъ тѣлъ, не составляющихъ одной системы. Конечно, нельзя думать, что при этомъ имѣло мѣсто столкновеніе тѣлъ, едва-ли даже пришли въ соприкосновеніе атмосферы ихъ, вѣроятнѣе процессы, подобные тѣмъ, которые рисуетъ гипотеза Клинкерфюса-Вильзинга, т.-е. приливы и изверженія огромныхъ массъ изъ нѣдръ одного тѣла подъ протяженіемъ другого. То тѣло, которое даетъ непрерывный спектръ съ темными линіями, отклоненными къ фіолетовому краю, окруженное плотнымъ, довольно холоднымъ газомъ, несется навстрѣчу къ намъ. Второе съ свѣтлыми линіями въ спектрѣ удаляется отъ насъ. Разница въ спектрахъ тѣлъ должна обусловливаться тѣмъ обстоятельствомъ, что тѣла находятся въ различной степени развитія, имѣютъ неодинаковую плотность и температуру.

Гёггинсъ останавливается на колебаніяхъ яркости Новой, замѣченныхъ наблюдателями вначалѣ, послѣдующемъ быстромъ паденіи ея блеска и постоянствѣ относительной яркости главныхъ линій въ спектрѣ. Онъ находитъ и въ этомъ подтвержденіе вышеприведеннымъ соображеніямъ. Вслѣдъ за колебаніями приливовъ наступаетъ покой, тѣла опять окутываются внѣшними, болѣе холодными газами, прозрачность ихъ атмосферъ уменьшается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ отдаленія тѣлъ другъ отъ друга.

Весьма загадочнымъ является обращеніе темныхъ линій въ спектрѣ Новой (по серединѣ темныхъ водородныхъ линій, какъ упомянуто, были видны слабыя свѣтлыя линіи)—еще болѣе усиленіе яркости свѣтлыхъ,

которыя, по мнѣнію Фогеля и другихъ астрономовъ, не могутъ быть приняты за явленія, аналогичныя обращенію спектра, вслѣдствіе несимметричности относительно линій.

Бѣлопольскій писалъ, что для объясненія тѣхъ подробностей, которыя наблюдались въ спектрѣ Новой Возничаго, необходимо допустить, что мы имѣли въ этомъ случаѣ дѣло съ двумя тѣлами, изъ которыхъ одно съ плотной атмосферой изъ водорода при значительно низкой температурѣ движется съ громадной скоростью къ намъ, другое—съ свѣтлыми водородными линіями въ спектрѣ, имѣетъ высокую температуру и перемѣщается съ перемѣнной скоростью то къ намъ, то отъ насъ. Это послѣднее можетъ состоять изъ нѣсколькихъ маленькихъ тѣлецъ, направленія движенія которыхъ составляютъ различные углы съ лучомъ зрѣнія. Постоянство и громадная величина скорости перваго тѣла заставляетъ думать, что оно есть главное тѣло системы, что наблюдаемая скорость его обусловливается его собственнымъ движеніемъ въ пространствѣ, а не вызывается притяженіемъ другого тѣла. Второе тѣло (или рядъ тѣлецъ), имѣющее значительно меньшую массу, попало въ атмосферу перваго, воспламенилось и обратилось въ накаленный газъ, подобно тому, какъ вспыхиваютъ въ земной атмосферѣ метеоры, которые горятъ, не накаляя земли. Это тѣло, вѣроятно, описало около перваго гиперболическую орбиту, и когда вышло изъ его атмосферы, быстро потеряло свой блескъ, потухло, хотя и со вторичными вспышками, какъ наблюдается иногда и въ болидахъ. Въ объясненіи Бѣлопольскаго существеннымъ пунктомъ является перемѣнное движеніе второго тѣла по направленію къ намъ и отъ насъ. У другихъ наблюдателей направленіе движенія оказывается постояннымъ. Ясно, что несимметричная форма свѣтлыхъ линій весьма затрудняла опредѣленіе точнаго положенія ихъ въ спектрѣ.

Въ послѣднее время съ помощью фотографіи ясно показано, что въ міровомъ пространствѣ и здѣсь, и тамъ, во всѣхъ направленіяхъ разлита масса тонкой газовой матеріи, являющейся на снимкахъ нѣжными широкими туманностями. Весьма возможно, что звѣзда, компактное космическое тѣло, попадаетъ при своемъ движеніи въ такое громадное облако. Подобное прохожденіе является даже болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ встрѣча на очень близкомъ разстояніи двухъ звѣздъ, его можно также допустить для объясненія новыхъ звѣздъ, что и дѣлаетъ Зеелигеръ. Какъ только вступило тѣло въ космическое облако, поверхность его должна накалиться даже при незначительной плотности среды. Вслѣдствіе нагрѣванія, поднимаются вокругъ него газы, которые частью отдѣляются отъ него и принимаютъ скорость ближайшихъ частей облака. Спектроскопъ показалъ бы въ этомъ случаѣ два спектра: одинъ непрерывный съ темными полосами отъ накалившейся поверхности, окутанной газообразной оболочкой, другой изъ ряда свѣтлыхъ линій отъ отдѣлившихся накаленныхъ паровъ. Оба спектра окажутся смѣщенными относительно другъ друга, вслѣдствіе

различнаго движенія источниковъ по лучу зрѣнія. Совершенно то же мы наблюдаемъ въ спектѣ Новой Возничаго. Зеелигеръ думаетъ поэтому, что въ началѣ декабря 1891 года звѣзда вступила въ облако космической матеріи, а въ концѣ февраля 1892 года уже вышла изъ него. Для объясненія, почему за это время относительная скорость не уменьшилась, онъ допускаетъ аналогію движенія метеора въ верхнихъ слояхъ атмосферы, въ которыхъ, по его разсчетамъ, не должно происходить замедленія. Что касается второй вспышки, то и она по мнѣнію Зеелигера, обусловливалась подобной же причиной, т.-е. вступленіемъ звѣзды въ туманность, что само по себѣ не должно казаться невѣроятнымъ, такъ какъ космическія облака, клочки космической матеріи весьма возможно встрѣчаются въ опредѣленныхъ частяхъ пространства чаще, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Возможно, что и въ одномъ облакѣ встрѣтилось второе сгущеніе.

Въ окончательной формулировкѣ гипотезы о возгораніи Новой Возничаго Фогель допускаетъ встрѣчу звѣзды съ планетной системой, въ которой центральное тѣло такое же, какъ наше солнце, уже достаточно остыло, потемнѣло. При встрѣчѣ вслѣдствіе возмущеній, а можетъ быть и непосредственныхъ столкновеній съ отдѣльными членами системы вступившая въ нее звѣзда сразу накалилась и засіяла. Въ то время, когда возможны были спектроскопическія наблюденія, звѣзда находилась въ той части системы, которая была богаче маленькими тѣлами, поддерживающими своимъ притяженіемъ накаленное состояніе поверхности и атмосферы блуждающаго тѣла и т. д.

Весьма многія детали наблюденій объясняетъ эта гипотеза, но и она не свободна отъ возраженій. Странно, что яркость возгорѣвшагося свѣтила такъ быстро падаетъ. При тѣхъ процессахъ, которые допускаетъ Фогель въ своей гипотезѣ, вѣроятнѣе было бы ждать весьма медленнаго, постепеннаго охлажденія, многое и другое неясно, но всего больше, какъ и во всѣхъ другихъ гипотезахъ—это огромная *постоянная* скорость Новой по лучу зрѣнія. Если допустить, что возгораніе ея обусловливается встрѣчей двухъ какихъ-либо тѣлъ, то относительная скорость этихъ тѣлъ оказывается около 1.200 километровъ въ секунду. Это огромное число и само по себѣ невѣроятно, то же обстоятельство что оно остается постояннымъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ требуетъ, чтобы массы, приведенныя въ накаленное состояніе, были необычайно велики, а это вводитъ новыя осложненія и противорѣчія.

А между тѣмъ и спектры цѣлаго ряда слѣдующихъ Новыхъ звѣздъ обнаруживаютъ тѣ же подробности, что имѣемъ въ спектрѣ Новой Возничаго. Приведенныя объясненія возгаранія послѣдней кажутся все менѣе и менѣе правдоподобными, чувствуется все болѣе и болѣе ихъ непригодность, зарождается сомнѣніе и въ примѣнимости въ этомъ случаѣ того принципа, который былъ положенъ въ основу всѣхъ соображеній, принципа Допплера-Физо, требующаго, на основаніи смѣщенія линій въ спектрѣ, допущенія, что въ Новой Возничаго мы на-

блюдаемъ массы, движущіяся по лучу зрѣнія къ намъ навстрѣчу и отъ насъ. Астрономовъ интригуетъ Новая и долго послѣ того, какъ она ослабѣла, вновь и вновь пересматриваются снимки ея спектровъ, полученные въ то время, когда она была ярка, производятся и разные спеціальные опыты, изъ которыхъ можно было бы выяснить хоть что-нибудь новое, годное для объясненія загадочнаго явленія. И еще два года назадъ, значитъ черезъ 8 почти лѣтъ послѣ того, какъ наблюдалась Новая Возничаго, Вильсингъ публикуетъ новыя соображенія о ней на основаніи опытовъ, совершенно измѣняющихъ наши представленія, обнаруживающихъ, что мы слишкомъ еще далеки отъ истиннаго пониманія физической природы тѣхъ явленій, которыя разыгрываются на далекихъ отъ насъ мірахъ, не знаемъ, и что такое эти самые міры.

Вильсингу и нѣкоторымъ другимъ физикамъ удалось лабораторными опытами показать, что смѣщеніе линій въ спектрѣ нѣкотораго источника можетъ обусловливаться и не только движеніемъ этого источника по лучу зрѣнія, какъ учитъ принципъ Допплера-Физо. Оказывается, что и при увеличенномъ давленіи въ спектрѣ металловъ появляются пары линій по одной свѣтлой и одной темной, подобныя тѣмъ, которыя наблюдались въ спектрѣ Новой Возничаго, такъ что возможно, что дѣйствительно въ этомъ случаѣ нѣтъ вовсе двухъ тѣлъ, движущихся относительно другъ друга съ большею скоростью, что на далекомъ свѣтилѣ появляются особыя условія, при которыхъ развиваются громадныя давленія. Съ другой стороны обнаружено также, что двойныя линіи могутъ появиться въ спектрѣ при свѣченіи съ низкой температурой, т.-е. при явленіяхъ фосфоресценціи и флуоресценціи, для которыхъ уже не имѣетъ мѣста законъ Кирхгофа: лучи, испускаемые тѣломъ, при этомъ, не совпадаютъ съ тѣми, которые оно поглощаетъ. Первые оказываются менѣе преломляемыми, вслѣдствіе чего спектръ поглощенія будетъ нѣсколько смѣщенъ къ фіолетовому краю, является двойственность линій.

Что происходитъ на самомъ дѣлѣ, сказать нельзя и тѣ представленія о Новыхъ звѣздахъ, которыя начали было вырабатываться съ помощью спектральныхъ наблюденій, рушатся сами собой вслѣдствіе фактовъ обнаруженныхъ спектрографомъ и новыхъ данныхъ опыта.

Полное разочарованіе, полное недоумѣніе охватило изслѣдователей по отношенію къ загадочному возгоранію временныхъ звѣздъ на небѣ...— вдругъ судьба посылаетъ новый объектъ для наблюденія, объектъ чрезвычайно благодатный, совершенно исключительный по яркости, подобнаго которому не видѣли 300 лѣтъ. Въ февралѣ прошлаго года засвѣтилась въ созвѣздіи Персея звѣзда ярче, чѣмъ первой величины. Она вспыхнула внезапно, даже на фотографической пластинкѣ, снятой за сутки до открытія Новой, нѣтъ никакого намека на нее. Въ первый день своего появленія, 21-го февраля новаго стиля, она горитъ, какъ звѣзда $2^1/_2$ величины, но ея яркость растетъ прямо на глазахъ

наблюдателя. 22-го февраля это уже звѣзда первой величины, въ 6 ч. 58 мин. по Гринв. времени она на 0,3 величины ярче Альдебарана, а въ 8 час. 10 мин. равна Проціону, къ которому подходитъ и по цвѣту, 23-го февраля Новая на 0,2 величины ярче блестящей Капеллы, а потомъ начинаетъ ослабѣвать. 26-го числа Новая имѣетъ яркость 1,5 величины, какъ разъ среднюю между яркостью Кастора и Поллукса, 27-го—второй величины, нѣсколько дней сохраняетъ приблизительно постоянную яркость, 6-го марта оказывается 2,5 величины, 8-го—почти третьей, 16-го—четвертой.

Новая погасаетъ, но не сразу. 17-го марта она опять нѣсколько свѣтлѣе, 19-го едва видна невооруженнымъ глазомъ, всего $5^1/_2$ величины, 20-го вновь увеличивается почти до третьей величины, 22-го опять $5^1/_2$ величины а 23-го болѣ чѣмъ четвертой. Звѣзда обращается какъ бы въ перемѣнную съ правильнымъ короткимъ періодомъ, въ мартѣ трехдневнымъ, въ апрѣлѣ приблизительно пятидневнымъ. Колебанія яркости, какъ было упомянуто замѣчались и въ прежнихъ звѣздахъ, но они никогда не достигали такихъ размѣровъ и никогда такъ правильно не шли въ теченіе длиннаго промежутка времени.

Вмѣстѣ съ измѣненіями блеска измѣнялся всякій разъ цвѣтъ Новой. Во время максимума онъ являлся желтоватымъ, самое большее желтымъ, во время минимума, наоборотъ, краснымъ. Если ввести для оцѣнки цвѣта цифры, подобно величинамъ яркости, то мы получаемъ также рядъ совершенно правильныхъ разностей, параллельный ряду разностей яркости. Весьма удивительный интересный фактъ! Въ теченіе лѣта яркость Новой въ общемъ ослабѣла на одну величину, осенью звѣзда является 6 или $6^1/_2$ величины, въ мартѣ 1902 года $8^1/_2$-ой.

Конечно, главнѣйшее вниманіе изслѣдователей будетъ сосредоточено на спектральныхъ наблюденіяхъ Новой Персея.

Необычайная яркость ея дала возможность полученія прекрасныхъ спектрограммъ и на этотъ разъ въ довольно большомъ числѣ, хотя въ то же время нельзя не пожалѣть, что въ первые дни послѣ открытія во многихъ пунктахъ оказалась облачная погода и многихъ наблюдателей появленіе Новой застало врасплохъ, совершенно неподготовленными къ наблюденіямъ.

Первая телеграмма Пикеринга изъ Америки извѣщала, что спектръ Новой 22-го февраля былъ сплошной, яркій, съ темными линіями, а черезъ два дня онъ совершенно измѣнился, сдѣлался похожимъ на спектръ Новой Возничаго. Измѣненіе произошло, повидимому, совершенно внезапно. По извѣстію Фогеля изъ Потсдама, 23-го числа въ спектрѣ замѣтны широкія матовыя полосы, спектръ принадлежалъ къ первому типу и былъ особенно ярокъ въ области синихъ и фіолетовыхъ лучей.

Кромѣ матовыхъ полосъ, рѣзко выдѣлялись также узкія темныя линіи, соотвѣтствующія лучамъ кальція *H* и *K*. По ихъ смѣщенію, на основаніи принципа Допплера-Физо, нужно было бы допустить движенія

источника по лучу зрѣнія по направленію отъ насъ 18 километровъ въ секунду.

Другія линіи оказались широки и размыты, онѣ всѣ смѣщены къ фіолетовому концу спектра и указываютъ какъ бы на движеніе источника по направленію къ намъ со скоростью 717 километровъ.

24-го и 25-го февраля небо въ Потсдамѣ было закрыто. 26-го спектръ Новой Персея оказался совершенно измѣненнымъ.

Появились широкія свѣтлыя линіи, рядомъ съ которыми со стороны фіолетоваго конца находилось по темной,—типичный спектръ Новыхъ звѣздъ. Такимъ же онъ остался и 27-го, 2-го, 3-го и 4-го марта звѣзда уже значительно ослабѣла въ яркости, въ ея спектрѣ выдѣлялись еще рѣзче свѣтлыя линіи.

Какъ ни удивительны въ спектрахъ Новыхъ звѣздъ пары свѣтлыхъ и темныхъ линій, къ нимъ уже привыкли, старались найти имъ и объясненія, какъ было упомянуто. А Новая въ Персеѣ задаетъ новыя загадки. Констатировано было, что спектръ періодически измѣняется, являясь то сплошнымъ, то газовымъ, состоящимъ изъ свѣтлыхъ линій, на совершенно ослабѣвшемъ фонѣ. Такъ, по наблюденіямъ 31-го марта, Gothard'а 8-го, 18-го и 27-го апрѣля это былъ довольно свѣтлый непрерывный спектръ; 6-го, 11-го, 21-го, 22-го, 28-го и 29-го апрѣля—газовый.

Sidgreaves опубликовалъ таблицу на которой эти измѣненія представлены наглядно. Она обнаруживаетъ, что періодъ измѣненія приблизительно трехдневный и находится повидимому, въ согласіи съ періодомъ колебанія блеска въ мартѣ: 12-го, 16-го, 21-го и 27-го въ моменты, близкіе къ максимумамъ спектръ непрерывный, 25-го, 28-го—газовый.

То же подтверждается и другими сопоставленіями.

Въ іюнѣ спектръ Новой Персея мало-по-малу переходитъ, какъ и у другихъ Новыхъ, въ спектръ туманностей и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются колебанія его. И поздней осенью спектръ остается такимъ же съ характерными линіями туманностей, безъ измѣненія. Очевидно, въ іюнѣ звѣзда вступила въ новую фазу своей жизни, она обращается въ туманность.

Какъ бы въ подтвержденіе этому открытію, Фламмаріонъ и Антоніади телеграфируютъ 21-го августа, что на фотографическихъ снимкахъ вокругъ Новой видѣнъ ореолъ. Послѣднее извѣстіе находитъ отповѣдь со стороны Вольфа, Костинскаго и Готарда, которые спеціальными опытами при фотографированіи показали, что ореолъ около Новой получается вслѣдствіе того, что нѣкоторые лучи, изъ тѣхъ которые посылаетъ намъ звѣзда, не попадаютъ въ фокусъ трубы вмѣстѣ съ другими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вольфъ открываетъ на пластинкѣ вблизи Новой нѣсколько къ югу и востоку отъ нея, слабую и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сложную по построенію туманность. Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, 11-го ноября, телеграмма Пикеринга извѣстила, что Перрине на Ликской обсерваторіи по фотографіямъ полученнымъ съ особенно свѣтосильнымъ рефлекторомъ, уста-

новилъ, что въ туманности Вольфа четыре главныя уплотненія за 6 недѣль перемѣстились на цѣлую минуту дуги. Это обстоятельство является новымъ, непонятнымъ, загадочнымъ сюрпризомъ. Смѣщеніе на небѣ въ одну минуту за 6 недѣль поистинѣ удивительно: оно громадно. Мы не знаемъ точно, какъ далеко находится отъ насъ Новая Персея. Но ничто не обнаруживаетъ ея близости. Если принять, что она отстоитъ даже не дальше, чѣмъ звѣзды третьей величины, то замѣченное смѣщеніе равносильно въ линейной мѣрѣ движенію до 50.000 верстъ въ секунду. Какъ понять, какъ принять эти числа? Какъ объяснить эти движенія вблизи загадочнаго свѣтила?

Приходится сознаться, что мы далеки еще отъ пониманія его природы, мы не можемъ отвѣтить на вопросъ, что такое представляютъ собой Новыя звѣзды.

Прекрасныя фотографіи Ritchey на обсерваторіи Іеркса, опубликованныя въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ журнала «Astrophysikal Journal», представляютъ отличную иллюстрацію явленію, отмѣченному Perrine. На снимкѣ 20-го сентября мы видимъ рядъ концентрическихъ, овальныхъ, хотя и не совсѣмъ правильныхъ оболочекъ, охватывающихъ Новую, среди нихъ выступаютъ нѣсколько сгущеній, одно изъ нихъ, на юго-востокъ отъ звѣзды, и было усмотрѣно Вольфомъ 23-го августа.

На снимкѣ 13-го ноября эти сгущенія занимаютъ уже другія положенія, смѣщенія происходятъ не по радіусу, а спиралью, и составляютъ въ среднемъ приблизительно одну минуту дуги, какъ указалъ и Perrine, въ годъ 11 минутъ, тогда какъ наибольшее движеніе для звѣздъ оказывается только 9 секундъ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ движеніемъ тѣла въ пространствѣ, а съ явленіемъ, находящимся въ тѣсномъ отношеніи къ возгоранію Новой. Произошла какая-то міровая катастрофа! Но какого рода: взрывъ ли газовъ изнутри уже охладившагося тѣла или столкновеніе двухъ тѣлъ. Перрине склоняется къ второму предположенію, не предрѣшая вопроса, произошло ли собственно столкновеніе или прохожденіе тѣла черезъ туманность или встрѣча метеорныхъ потоковъ и пр.

По снимку 4-го декабря Perrine констатировалъ новую подробность. Два (изъ четырехъ) сгущенія продолжаютъ свое движеніе, третье также, но нѣсколько измѣнившись въ формѣ, четвертое остается неизмѣннымъ.

Телеграмма проф. Вольфа отъ 7-го марта 1902 г. сообщаетъ, что прежнія сгущенія въ туманности Новой Персея ослабѣли, а вмѣсто нихъ къ юго-западу отъ звѣзды выступилъ длинный поясъ малыхъ свѣтлыхъ туманностей, которыя раньше были много слабѣе. Интересно, что они теперь даже гораздо свѣтлѣе, чѣмъ узлы въ августѣ.

Трудно разобраться въ этихъ явленіяхъ. При прямомъ толкованіи они оказываются слишкомъ грандіозными, необычными, совершенно невѣроятными. Невольно является желаніе подыскать въ предположе-

ніяхъ такія условія, при которыхъ они мыслимы, не какъ реальныя, а только лишь какъ кажущіяся, оптическія явленія. Такъ, извѣстный астрономъ Каптейнъ предлагаетъ гипотезу, которая разсматриваетъ туманность вокругъ Новой Персея, лишенною собственнаго сіянія, и изображеніе ея на фотографической пластинкѣ приписываетъ дѣйствію отраженнаго свѣта, исходящаго изъ новой и отражающагося отъ частицъ туманности. Этотъ отраженный свѣтъ запаздываетъ относительно того, который идетъ къ намъ прямо отъ звѣзды, и съ теченіемъ времени до насъ будутъ доходить лучи все отъ дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ частицъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ освѣщаются лучами звѣзды. Непрерывное наблюденіе этого свѣченія позволитъ выяснить форму и строеніе всего образованія.

Остается впрочемъ вопросомъ, можно ли въ этомъ случаѣ приписать отраженному свѣту такую интенсивность, при которой будетъ замѣтное дѣйствіе на фотографическую пластинку. Гдѣ искать отвѣта на это?

Не знаемъ, какъ не знаемъ и того, къ чему приведетъ насъ дальнѣйшее изслѣдованіе новой Персея. Не потребуетъ ли она отъ насъ измѣненія нѣкоторыхъ изъ основъ настоящаго міровоззрѣнія, не вызоветъ ли открытія новыхъ законовъ? Можно пожелать только, чтобы эти изслѣдованія шли возможно дольше безпрепятственно, чтобы собранъ былъ возможно бо̀льшій матеріалъ.и для обработки его были призваны всѣ современныя силы, всѣ средства, строгая критика и смѣлый бодрый духъ, озаряющій и связующій общей идеей противорѣчивыя непонятныя явленія.

Въ стремленіи найти объясненіе быстро распространяющейся вокругъ Новой Персея туманности большого вниманія заслуживаетъ послѣдняя догадка Вильсинга, который думаетъ, что туманность представляетъ собой матерію изверженную изъ нѣдръ звѣзды и чѣмъ далѣе отъ поверхности, тѣмъ болѣе и болѣе разрѣженную. Когда разрѣженіе достигаетъ извѣстнаго предѣла, тогда на частицѣ матеріи начинаетъ дѣйствовать атталкивательная сила звѣзды подобно тому, что имѣемъ мы при образованіи хвоста кометы, который, по современнымъ возрѣніямъ, состоитъ изъ частицъ легчайщей матеріи, несущихся въ міровое пространство подъ дѣйствіемъ отталкивательной силы солнца. Съ числами главнаго изслѣдователя кометныхъ явленій нашего академика О. А. Бредихина Вальсингъ дѣлаетъ приближенные разсчеты скоростей распространенія матеріи и находитъ, что наблюдаемыя смѣщенія въ туманности Новой Персея аналогичны тѣмъ, которыя возможны въ кометныхъ хвостахъ. Туманность вокругъ Новой представляетъ такимъ образомъ подобіе короны вокругъ солнца, для которой Бредихинъ развилъ теорію образованія, пользуясь своими изслѣдованіями кометныхъ хвостовъ.

К. Покровскій.

ЭВОЛЮЦІОННЫЙ И КРИТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

Проф. Г. Челпанова.

(*Окончаніе* *).

Наша главная задача въ этой статьѣ будетъ заключаться въ разрѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли Спенсеръ опровергнулъ кантовскую теорію, или нѣтъ, потому что существуетъ мнѣніе, что Спенсеръ, показавъ, что всѣ виды познанія и въ томъ числѣ «формы» сознанія возникаютъ изъ опыта въ концѣ концовъ, тѣмъ самымъ опровергъ ученіе Канта, по которому эти «формы» сознанія получаютъ начало независимо отъ чувственнаго опыта **).

Этотъ взглядъ совершенно невѣренъ. Если мы сравнимъ эволюціонно-генетическую точку зрѣнія съ «критической», то мы увидимъ, что въ дѣйствительности это двѣ разныхъ точки зрѣнія, не исключающихъ одна другой. Кромѣ того, изъ сравненія этихъ двухъ точекъ зрѣнія легко придти къ тому выводу, что нельзя при помощи эволюціонной гипотезы доказывать того, что желалъ доказать Кантъ.

Самое существенное различіе между эволюціонизмомъ и критицизмомъ заключается въ томъ, что эволюціонизмъ при изслѣдованіи вопроса о познаніи или формахъ познанія стоитъ на точкѣ зрѣнія *психологіи*, между тѣмъ какъ критицизмъ по самому существу своему имѣетъ дѣло съ *гносеологической* проблемой.

Эволюціонная теорія имѣетъ цѣлью опредѣлить исторію или генезисъ того или другого понятія, между тѣмъ какъ кантовская теорія познанія, считая постановку этого вопроса для себя второстепенной, имѣетъ цѣлью опредѣлить, какія логическія предпосылки необходимы для того, чтобы могло создаться научное познаніе, или опытъ, какъ его еще иначе называетъ Кантъ.

Задачу кантовской теоріи познанія можно еще выразить такимъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль, 1902 г.

**) О теоріи познанія Канта см. мою статью: «Философія Канта». «Міръ Божій» 1901 г., №№ 3 и 4.

образомъ. Какимъ образомъ происходитъ, что то или другое *субъективное* построеніе, то или другое понятіе (пространства, времени, причинности и т. п.) мыслится нами объективнымъ, вещественнымъ. Кантъ именно показалъ объективность этихъ понятій, въ противоположность Юму, который признавалъ за ними исключительно субъективный характеръ.

Такъ какъ Юмъ, признавая субъективность указанныхъ понятій, въ то же время стоялъ на точкѣ зрѣнія наивнаго реализма, т.-е. думалъ, что объективный міръ именно такой, какой воспринимается нашими чувствами, находится *внѣ* субъективнаго, то онъ никакъ не могъ рѣшить вопроса, *какимъ образомъ субъективныя построенія могутъ сдѣлаться объективными*, т.-е. вещественными; это показалъ Кантъ и именно тѣмъ, что онъ отступилъ отъ точки зрѣнія наивнаго реализма и призналъ, что то, что мы называемъ объективнымъ, вещественнымъ міромъ, есть продуктъ нашего сознанія; онъ созидается при помощи формы сознанія, благодаря тому, что мы субъективныя формы нашего сознанія считаемъ объективными. Если признать, что задача Канта заключалась въ томъ, чтобы показать, благодаря какимъ предпосылкамъ создается опытъ или научное познаніе, то уже изъ этого можно видѣть, что его задача не была психологической.

Различіе между психологіей и теоріей познанія можно иллюстрировать при помощи слѣдующаго примѣра.

Если, напримѣръ, у меня есть идея причинности, то изслѣдуя ее съ психологической точки зрѣнія, я спрашиваю, какимъ образомъ она возникаетъ. Для этого я стараюсь прослѣдить зачатки этого понятія у животныхъ, у дѣтей на ранней стадіи ихъ развитія. Занимаясь гносеологическими изслѣдованіями, я поступаю совсѣмъ иначе. Я просто беру то понятіе причинности, которое существуетъ въ наукѣ и спрашиваю, по какому праву это понятіе, по которому въ природѣ царитъ однообразіе, примѣняется къ дѣйствительности, почему мы думаемъ, что событія слѣдуютъ другъ за другомъ всегда по опредѣленному закону. Какъ извѣстно, Юмъ сомнѣвался въ правѣ примѣнять законъ причинности къ явленіямъ.

Такимъ образомъ ясно, что въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о *происхожденіи* понятія причинности, въ другомъ случаѣ объ *объективности* его.

Нельзя отрицать, конечно, что задачи психологіи иногда соприкасаются съ задачами теоріи познанія. Это обстоятельство было причиной того, что Спенсеръ понималъ кантовскіе аргументы апріорности пространства психологически и даже не подозрѣвалъ о существованіи гносеологической точки зрѣнія.

Въ этомъ мы можемъ легко убѣдиться, если разсмотримъ его возраженія противъ кантовскаго ученія о пространствѣ. Кантъ утверждалъ, что въ процессѣ представленія вещей и событій внѣшняго

міра понятіе пространства никоимъ образомъ не можетъ быть удалено изъ сознанія, что оно неизмѣнно сопровождаетъ всякое воспріятіе вещей внѣшняго міра и это обстоятельство въ его глазахъ является доказательствомъ того, что понятіе пространства получается не изъ внѣшняго опыта, а что оно составляетъ форму самого сознанія, что оно привносится самимъ разсудкомъ въ познаніе внѣшняго міра. Спенсеръ соглашается съ тѣмъ, что понятіе пространства не можетъ быть удалено изъ нашего сознанія, изъ сознанія взрослыхъ индивидуумовъ, но думаетъ, что вполнѣ мыслимо такое сознаніе, по отношенію къ которому это утвержденіе не будетъ справедливо.

Если бы Кантъ изслѣдовалъ зачаточное сознаніе, то онъ, навѣрное, пришелъ бы къ убѣжденію, что возможно мышленіе вещей, которое не сопровождается представленіемъ пространства, а это ясно показываетъ, что представленіе пространства во взросломъ сознаніи есть продуктъ позднѣйшаго развитія.

Но это возраженіе уже ясно показываетъ, что Спенсеръ понимаетъ Кантовскую аргументацію психологически. Спенсеръ думаетъ, что стоитъ только разсмотрѣть, въ какомъ положеніи понятіе пространства находится въ зачаточномъ сознаніи для того, чтобы придти къ убѣжденію, что это понятіе имѣетъ производный характеръ, что оно получается путемъ постепеннаго развитія. Для Канта то обстоятельство, что понятіе пространства складывается изъ различныхъ элементовъ путемъ постепеннаго развитія, никакого значенія не имѣетъ. Кантъ не занимался вопросомъ о томъ, какъ именно получается пространство изъ соединенія разнородныхъ ощущеній, какъ это думаетъ Г. Спенсеръ. Его интересовалъ вопросъ о томъ, получается ли понятіе пространства съ его признаками (однородности, непрерывности и т. п.) изъ чувственнаго опыта, или нѣтъ. Этотъ вопросъ онъ думаетъ рѣшить не путемъ прослѣживанія психологическаго происхожденія того или другого понятія, а именно путемъ разсмотрѣнія, существуетъ ли *соотвѣтствіе* между понятіемъ пространства и тѣмъ, что доставляетъ намъ чувственный опытъ, т.-е. наши ощущенія. Такъ какъ во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы понятіе пространства съ его признаками однородности, непрерывности и т. п. могло быть создано, то Канту оставалось допустить, что это понятіе не можетъ быть получено изъ внѣшняго опыта. Само-собою разумѣется, что дѣло идетъ о томъ понятіи пространства, которое существуетъ во взросломъ сознаніи и которое употребляется также въ математикѣ. Между тѣмъ Спенсеръ говоритъ собственно о томъ представленіи пространства, какое можетъ быть также и въ зачаточномъ сознаніи.

Поэтому легко понять, что если бы Спенсеру дѣйствительно удалось доказать, что существуетъ такое зачаточное сознаніе, въ которомъ ощущенія звука, цвѣта и т. п. воспринимаются безъ пространства, то едва ли Кантъ счелъ бы это серьезнымъ возраженіемъ противъ своей

теоріи, потому что онъ не интересовался такимъ сознаніемъ. Для него представляетъ интересъ только взрослое сознаніе, которое является носителемъ научнаго познанія, или познанія въ собственномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ Спенсеръ ставитъ Канту въ упрекъ то, что составляетъ характерную особенность его метода: задача теоріи познанія Канта состояла въ изслѣдованіи научнаго познанія, а не *сознанія* просто.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что попытка Спенсера доказать, что воспріятіе внѣшняго міра можетъ осуществляться безъ понятія пространства, должна быть признана неудачной. Въ дѣйствительности во взросломъ сознаніи (а о такомъ сознаніи и можетъ идти рѣчь) познаніе внѣшняго міра всегда является въ сопровожденіи понятія пространства. Мы не можемъ мыслить о какой бы то ни было вещи безъ того, что бы его не сопровождало понятіе пространства съ вышеуказанными признаками. Спенсеръ ошибался, поэтому, если думалъ, что можно доказать, что мышленіе о явленіяхъ и предметахъ внѣшняго міра можетъ осуществляться безъ этого понятія.

Въ связи съ этимъ находится также и то, что Спенсеръ неправильно истолковываетъ то, что у Канта называется «формой». Мы видѣли, что Кантъ называетъ пространство формой сознанія потому, что изъ объективно существующаго мы ничего не можемъ воспринимать безъ того, что бы оно не представлялось намъ существующимъ въ пространствѣ. Понятіе пространства необходимо сопровождаетъ всякое внѣшнее воспріятіе. Въ этомъ смыслѣ Кантъ называетъ понятіе пространства формой воспріятія. Только подъ этой «формой» мы и можемъ воспринимать все существующее и все совершающееся во внѣшнемъ мірѣ.

Спенсеръ думаетъ, что Кантъ совершенно неправильно называетъ понятіе пространства формой. Онъ находитъ, что если бы пространство дѣйствительно въ нашемъ сознаніи играло роль *неизмѣнной* формы, то оно не могло бы подвергаться никакимъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ пространственныя отношенія вещей становятся для насъ очень отчетливыми, когда вещи къ намъ приближаются и, наоборотъ, становятся мало отчетливыми, когда они отъ насъ удаляются. Въ ненормальныхъ состояніяхъ пространство кажется намъ какъ бы увеличеннымъ или уменьшеннымъ. Словомъ форма пространства подвергается значительнымъ измѣненіямъ въ нашемъ воспріятіи.

Это замѣчаніе Спенсера можно было бы считать правильнымъ, если бы Кантъ подъ формой пространства понималъ то, что подъ нимъ понимаетъ Спенсеръ

Кантъ понималъ подъ «формой» то понятіе пространства, которое является необходимымъ условіемъ воспріятія и которое дѣйствительно нами «*мыслится*» всегда одинаково, между тѣмъ какъ Спенсеръ подъ «формой» понимаетъ просто пространственныя вещи, а эти послѣднія,

разумѣется, могутъ нами восприниматься различно. Наше воспріятіе этихъ послѣднихъ можетъ сильно видоизмѣняться. Что касается воспріятія пространственныхъ вещей, то и по Канту воспріятіе ихъ можетъ видоизмѣняться, т.-е. данная пространственная вещь можетъ при извѣстныхъ условіяхъ казаться большей или меньшей; данныя пространственныя отношенія могутъ казаться болѣе или менѣе отчетливыми. Но, вопреки Спенсеру, слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ же самомъ воспріятіи, въ которомъ по описанію Спенсера пространственныя отношенія измѣняются, само пространство не кажется намъ видоизмѣненнымъ. Оно и въ этомъ случаѣ кажется намъ такимъ же непрерывнымъ, однороднымъ и т. п., какъ и во всякомъ другомъ воспріятіи. Такимъ образомъ ясно, что свойства пространства въ мышленіи всегда и при всѣхъ условіяхъ остаются неизмѣнными. Ясно также и то, что Кантъ могъ бы согласиться со Спенсеромъ въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ пространственныя вещи могутъ намъ казаться бо́льшими или меньшими и т. п., т.-е. именно то, что утверждаетъ Спенсеръ; но изъ этого не слѣдуетъ, что форма просранства, какъ ее понимаетъ Кантъ, можетъ видоизмѣняться.

Легко видѣть, что Спенсеръ не можетъ должнымъ образомъ возразить Канту, потому что онъ игнорируетъ сущность его теоріи. Спенсеру кажется, что онъ въ кантовской теоріи имѣетъ дѣло съ теоріей *врожденныхъ идей*, какъ эта послѣдняя существовала въ прежней философіи. Онъ хочетъ примирить эмпирическую теорію съ кантовской, но при этомъ думаетъ, что Кантъ признавалъ какія-то готовыя врожденныя идеи, чего Кантъ въ дѣйствительности совсѣмъ не признавалъ. Кантъ не признавалъ готовыхъ, уже при рожденіи существующихъ идей. Для него всѣ понятія: пространства, времени, причинности и т. п., имѣютъ свою опредѣленную исторію, но только эта исторія не представляетъ для него интереса.

Игнорированіе различія, существующаго между врожденными понятіями въ обычномъ пониманіи и кантовскими апріорными понятіями, и были причиной полемическаго отношенія Спенсера къ Канту. Врожденность, какъ ее понималъ Спенсеръ, есть понятіе психофизіологическое (потому что, какъ мы видѣли, подъ нею понимали врожденность извѣстной физіологической организаціи). Врожденность по Спенсеру— это есть предрасположеніе къ пріобрѣтенію извѣстныхъ понятій. Если предрасположеніе считать психологическимъ понятіемъ, то врожденность будетъ также понятіемъ психологическимъ и, во всякомъ случаѣ, не гносеологическимъ. Игнорированіе этого различія и было причиной того, что Спенсеръ старался примирить эволюціонную гипотезу съ «трансцендентальнымъ» методомъ.

Есть огромное различіе между просто врожденными понятіями, которыя, по общераспространенному мнѣнію, суть готовыя умственныя построенія, и апріорными понятіями, какъ извѣстными логическими условіями познанія.

Различіе между этими двумя понятіями обнаруживается въ томъ, что если бы даже какое-нибудь представленіе и было врожденнымъ, то изъ этого не слѣдовало бы, чтобы оно было и апріорнымъ. Если бы мы предположили, что какое-нибудь представленіе или, вѣрнѣе сказать, предрасположеніе къ извѣстному представленію передавалось, изъ поколѣнія въ поколѣніе, то у послѣдняго представителя этого поколѣнія оно уже было бы въ извѣстномъ смыслѣ врожденнымъ; т.-е. индивидуумъ въ силу наслѣдственной передачи предрасположенія къ пріобрѣтенію извѣстнаго представленія уже при рожденіи какъ бы имѣлъ соотвѣтствующее представленіе. Въ этомъ смыслѣ можно было бы сказать, что это представленіе для даннаго индивидуума является врожденнымъ, но отсюда совсѣмъ не слѣдовало бы, что бы оно было также и апріорнымъ. Такое представленіе было бы только врожденнымъ, но не было бы апріорнымъ, потому что понятіе апріорности совсѣмъ не предполагаетъ, что соотвѣтствующее понятіе должно быть врожденнымъ или являться въ сознаніи даннаго индивидуума, какъ нѣчто готовое.

Апріорные элементы познанія въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи должны получаться сызнова. Такія понятія, какъ, напр., понятіе причинности, времени, пространства, должны пріобрѣтаться каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ снова, а не получать ихъ откуда-то и какъ-то готовыми. Логическія условія познанія, какъ и всякое познаніе, есть результатъ пріобрѣтенія, между тѣмъ какъ врожденность есть наличность извѣстныхъ «предрасположеній» къ пріобрѣтенію представленій. Такимъ образомъ, врожденность и апріорность это два совершенно отличныхъ другъ отъ друга понятія, и отожествлять ихъ нѣтъ никакой возможности. Поэтому Спенсеръ напрасно старался примирить апріоризмъ съ эмпиризмомъ, понимая подъ апріоризмомъ ученіе, которое признаетъ врожденныя познанія *).

Защитники эволюціонной психологіи, критикуя кантовскую теорію, и игнорируя различіе между психологіей и теоріей познанія, не замѣчаютъ разницы между процессомъ мышленія съ точки зрѣнія *логической* и процессомъ мышленія съ точки зрѣнія *психологической*. Мышленіе, какъ просто психологическій процессъ, имѣется у животныхъ, у дѣтей, вообще въ неразвитомъ сознаніи, что же касается логическаго процесса мышленія, то это есть то мышленіе, которое имѣется только въ научномъ сознаніи человѣка. Это различіе комментаторы Канта обозначаютъ обыкновенно различіемъ между мышленіемъ «индивидуальнымъ» и «надъиндивидуальнымъ», между мышленіемъ человѣка просто и между мышленіемъ человѣка въ соціальной средѣ. «Кромѣ психологическаго самосознанія,—говоритъ Риль,—у человѣка есть еще

*) См. *Riehl*. «D. Philosophische Kriticismus». B. II. Гл. «Дарвинизмъ и трансцендентальная философія».

*

самосознаніе логическое, потому что онъ можетъ свою индивидуальную мысль связать съ общей или коллективной, и подчинить ее нормамъ этой послѣдней» *). Это надъиндивидуальное мышленіе и является причиной созиданія научнаго познанія, имѣющаго всеобщее значеніе, и являющагося предметомъ теоріи познанія.

Объяснимъ ближе, что нужно понимать подъ коллективнымъ мышленіемъ и индивидуальнымъ мышленіемъ. Если у насъ есть два цвѣтовыхъ ощущенія А и В, которыя слѣдуютъ другъ за другомъ, то о нихъ можно сказать, что они представляютъ просто ассоціацію ощущеній. Но эта ассоціація можетъ превратиться въ познаніе причинной связи, т.-е. мы въ этой связи будемъ мыслить не только то, что В слѣдуетъ за А, но также и то, что А *создаетъ*, производитъ В. Тогда въ этомъ соединеніи между А и В будетъ нѣчто большее, чѣмъ просто ассоціативная связь. Но что же въ такомъ случаѣ присоединяется къ тѣмъ двумъ элементамъ ощущенія, которые уже у насъ имѣются? Если мы анализируемъ какое-нибудь сужденіе, высказывающее причинную связь между какими-нибудь явленіями, т.-е., если мы разсмотримъ тѣ элементы, которые содержатся въ представленіи причинной связи, то мы увидимъ, что въ немъ, кромѣ различнаго рода ощущеній, окажется еще и *мысль* о причинности или *понятіе* причинности.

Но какая разница будетъ между двумя соединеніями представленій, именно когда въ немъ имѣется понятіе причинности, и когда понятія причинности нѣтъ? По мнѣнію Канта, разница сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть просто ассоціативную связь, ни для кого не обязательную, а во второмъ случаѣ мы будемъ имѣть сужденіе, имѣющее притязаніе на общеобязательность. Связь ощущеній А и В въ обоихъ случаяхъ мыслится нами различно. Именно во второмъ случаѣ эти представленія или ощущенія мыслятся такимъ образомъ, что связь между ними кажется намъ *необходимой*, мы мыслимъ А и В такимъ образомъ, что за А слѣдуетъ В необходимо. Элементъ необходимости опытомъ не дается и не можетъ быть данъ (какъ это признаютъ сами эмпирики), а привносится самимъ разсудкомъ.

Такимъ образомъ, понятіе о причинности производитъ то, что данное соединеніе дѣлается сужденіемъ общеобязательнымъ. Сначала это соединеніе имѣло только характеръ субъективный, т.-е. имѣло значеніе только для меня, а теперь оно должно имѣть значеніе общеобязательное, и это произошло благодаря тому понятію причинности, которое въ данномъ случаѣ присоединилось и которое у Канта называется *категоріей* или формой сознанія. Сказать, что извѣстное содер-

---

*) *Riehl*. «D. philosophische Kriticismus». B. II. 74 и 75. *Риль*. «Теорія науки и метафизика». 1887, стр. 89.

жаніе мыслится подъ формой причинности, значитъ другими словами сказать, что извѣстная связь представленій подчиняется извѣстному правилу или *нормѣ*; тогда можетъ получиться общеобязательное сужденіе, потому что всѣ люди причинную связь между вещами мыслятъ такимъ образомъ, что за причиной слѣдуетъ необходимо дѣйствіе. Между тѣмъ, если мы возьмемъ простую ассоціативную связь представленій, напр., сахаръ сладокъ, то это соединеніе имѣетъ совершенно субъективный характеръ, причемъ эта связь одинъ разъ будетъ казаться одной, въ другой разъ другой даже для одного и того же индивидуума. Слѣдовательно, простое соединеніе представленій имѣетъ характеръ случайный; оно имѣетъ значеніе только для меня и то только въ настоящій моментъ, между тѣмъ какъ если я высказываю какое-либо сужденіе причинности, то оно имѣетъ общеобязательный характеръ, потому что всѣ люди мыслятъ причинность одинаково, какъ необходимую связь между двумя представленіями.

Такимъ образомъ созидается коллективное мышленіе, которое подчиняется общимъ нормамъ, общимъ правиламъ. Вслѣдствіе этого то, что было субъективнымъ, т.-е. обязательнымъ для меня одного, дѣлается общеобязательнымъ, объективнымъ.

Но что значитъ, что подчиненіе той или другой нормѣ дѣлаетъ ассоціацію представленій объективной? Если какая-нибудь связь представленій имѣетъ субъективный характеръ, то это значитъ, что оно имѣетъ значеніе только для меня, но если извѣстная связь представленій дѣлается обязательной не только для меня, но и для всякаго другого, не только сегодня, но и всегда, то это значитъ, что во всякое время и всякій другой будетъ находить ту же связь. Каждый въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время будетъ мыслить одну и ту же связь представленій. Это собственно и значитъ, что та или другая связь представленій пріобрѣтаетъ *объективный* характеръ.

Извѣстная связь представленій дѣлается предметомъ «общаго сознанія»; тогда изъ ощущеній просто получается то, что мы называемъ *вещи* или *міръ объективный* *).

Такимъ образомъ для того, чтобы могло получиться познаніе вещей, необходимы три элемента. Прежде всего ощущенія просто, затѣмъ формы пространства и времени, благодаря которымъ эти ощущенія кажутся намъ временными или пространственными. Но кромѣ того необходимо, чтобы это соединеніе происходило и по особеннымъ формамъ, которыя называются категоріями, и которыя представляютъ собою извѣстныя формы *синтеза* или связи представленій. Представленія могутъ связываться только лишь благодаря сознанію. Синтезъ можетъ производиться только лишь благодаря этому послѣднему. Синтеза въ вещахъ самихъ по себѣ нѣтъ. Но синтезъ можетъ быть разнообразный;

---

*) См. Кантъ. «Пролегомены». §§ 14—20 а также «Міръ Божій» 1901 г. № 4-й.

онъ можетъ совершаться различнымъ образомъ, смотря по тому, какому понятію мы подчинимъ данную связь представленій, или подъ какой категоріей мы будемъ мыслить ее. Когда говорятъ, что категоріи присоединяются къ представленіямъ и такимъ образомъ созидаютъ объективныя сужденія, то это нужно понимать не такимъ образомъ, что она присоединяется какъ что либо матеріальное, а такимъ образомъ, что мы извѣстную связь представленій можемъ мыслить въ извѣстномъ отношеніи. Такъ какъ сужденіе всегда представляетъ собою извѣстный синтезъ или связь, то Кантъ и говоритъ, что категоріи суть извѣстныя формы синтеза, что собственно значитъ, что мы мыслимъ извѣстныя представленія въ извѣстномъ отношеніи. Это Кантъ еще иначе называетъ синтезомъ по извѣстному правилу.

Такое мышленіе, которое подчиняется извѣстнымъ логическимъ нормамъ, мы назовемъ логическимъ мышленіемъ, въ отличіе отъ мышленія психологическаго, которое не подчиняется такимъ нормамъ и которое присуще дѣтямъ на ранней стадіи ихъ развитія, животнымъ и т. п. Это различіе между двумя родами мышленія весьма часто игнорируется. Вслѣдствіе этого нѣкоторые склонны утверждать, что животныя въ своемъ мышленіи тоже обнаруживаютъ примѣненіе закона причинности. Если животное напр. слышетъ шорохъ и ищетъ «причины» этого явленія, то въ этомъ многіе склонны видѣть доказательство того, что оно имѣетъ врожденное понятіе причинности. Животное, какъ только восприметъ какое либо дѣйствіе, тотчасъ же начинаетъ искать причины этого дѣйствія. Это, по ихъ мнѣнію происходитъ оттого, что животное имѣетъ врожденное понятіе причинности. Но едва ли въ этомъ случаѣ можетъ быть рѣчь о примѣненіи закона причинности въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о законѣ причинности въ наукѣ. Скорѣе можно сказать, что животное стремится просто дополнить свое воспріятіе, т.-е. оно стремится дополнить то, что оно воспринимаетъ въ настоящій моментъ. Процессъ, который имѣетъ мѣсто въ сознаніи животнаго въ этомъ случаѣ, имѣетъ характеръ не логическій, а психологическій. Логическій процессъ, который имѣетъ интересъ для гносеолога, возникаетъ только при условіяхъ, о которыхъ мы говорили выше.

Теперь понятно, почему защитники эволюціонной психологіи, желая разрѣшить вопросъ объ апріорности, ссылаются на сознаніе животныхъ, дѣтей и вообще зачаточное сознаніе. Это происходитъ оттого, что они игнорируютъ различіе между мышленіемъ въ психологическомъ смыслѣ и мышленіемъ въ логическомъ смыслѣ. Мышленіе въ психологическомъ смыслѣ есть не больше, какъ ассоціація представленій, между тѣмъ какъ въ кантовской теоріи познанія рѣчь идетъ о мышленіи, которое совершается, подчиняясь извѣстнымъ общеобязательнымъ, логическимъ нормамъ, о мышленіи, которое созидаетъ опытъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. У животныхъ, дѣтей нѣтъ опыта въ

смыслѣ общеобязательнаго познанія, а потому Кантъ и не говоритъ о ихъ мышленіи. Только въ логическомъ мышленіи можетъ быть рѣчь объ общеобязательномъ познаніи, а также и объ апріорныхъ формахъ.

Слѣдовательно, сторонники эволюціонной психологіи и Кантъ говорятъ о различныхъ вещахъ, а вслѣдствіе этого и возраженіе ихъ утрачиваетъ всякую цѣну. Вотъ отчего, напр., когда эволюціонисты говорятъ, что у животныхъ есть понятіе причинности и при этомъ утверждаютъ, что понятіе причинности съ тѣми признаками, съ которыми оно является въ научномъ сознаніи, происходитъ отъ того понятія причинности, которое имѣется въ сознаніи животныхъ, то Риль совершенно справедливо на это замѣчаетъ: «если бы это понятіе съ признаками необходимости являлось продуктомъ опыта, постепеннаго приспособленія и наслѣдственной передачи, то оно у всѣхъ оказывалось бы съ одинаковымъ содержаніемъ. Однако это нельзя утверждать. Въ ненаучномъ сознаніи отсутствуетъ сознаніе необходимости причинной связи». Т.-е. для ненаучнаго сознанія вполнѣ допустима мысль, что дѣйствія могутъ совершаться безъ причины.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ эволюціонисты показываютъ происхожденіе тѣхъ или другихъ понятій изъ опыта. Мы видѣли, что по эмпирической теоріи тѣ или другія понятія являются копіей того, что есть или совершается въ дѣйствительности. Поэтому происхожденіе формъ познанія по этой теоріи легко показать. Формы познанія суть просто отраженія внѣшнихъ отношеній. По Спенсеру, должно установиться извѣстное соотвѣтствіе между формами мысли и внѣшнимъ міромъ. Разумѣется, въ сферѣ идей происходитъ такое же *приспособленіе*, какое можетъ происходить и въ другихъ областяхъ. Подобно тому, напр., какъ организмы могутъ совершенствоваться, такъ могутъ совершенствоваться и идеи. Такимъ образомъ понятія совершенныя въ логическомъ отношеніи являются продуктомъ естественнаго подбора. Тѣ или иныя понятія получаютъ свой абсолютный характеръ, какъ напр. необходимость въ причинности или понятіе математическаго пространства съ его абсолютно совершенными признаками изъ постепеннаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ.

Но едва ли съ эволюціонистами можно согласиться. Логическія и математическія понятія не могли возникнуть путемъ приспособленія и естественнаго подбора. Это могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы у насъ то или другое понятіе возникло, *постепенно* совершенствуясь, а это едва ли имѣется въ настоящемъ случаѣ. Можно быть увѣреннымъ, что какъ бы ни совершенствовалось то понятіе причинности, которое мы имѣемъ въ нашемъ научномъ познаніи, эта послѣдняя не могла бы быть получена изъ постепеннаго приспособленія. Мы предполагаемъ, что причина абсолютно постоянно связана съ дѣйствіемъ. Въ опытѣ мы никогда этого не имѣемъ. Какъ бы ни совершенствовалось то представленіе связи между событіями, которое намъ

доставляетъ опытъ, сколько бы разъ оно ни повторялось, въ концѣ концовъ оно абсолютнаго характера пріобрѣсти не можетъ. Тотъ абсолютный характеръ, который присущъ этому понятію, показываетъ, что онъ не можетъ быть полученъ изъ опыта. Въ опытѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы дать начало этому понятію.

Эволюціонистъ долженъ утверждать, что понятіе абсолютно совершенной прямой линіи у насъ возникаетъ вслѣдствіе постепеннаго приспособленія. По мнѣнію эволюціониста, сначала у насъ получается понятіе несовершенной прямой, которая затѣмъ, постепенно совершенствуясь, дѣлается абсолютно прямой. Мы первоначально воспринимаемъ множество несовершенныхъ прямыхъ, такъ или иначе приближающихся къ кривымъ, но впослѣдствіи, въ процессѣ развитія нашихъ понятій мы игнорируемъ эти несовершенства, мы отбрасываемъ отъ представленія прямой то, что мѣшаетъ совершенству. и оставляемъ только то, что дѣйствительно даетъ намъ идею совершенной прямой.

Это разсужденіе эмпириковъ содержитъ въ себѣ кругъ. Для того, чтобы по этой теоріи мы могли производить отвлеченіе, отбрасывать то, что мѣшаетъ совершенству той или другой идеи, мы уже должны имѣть идею совершенной прямой, а это ясно показываетъ, что разсужденіе эмпириковъ и въ томъ числѣ эволюціонистовъ неосновательно. Понятіе математической прямой не только не можетъ быть получено изъ воспріятія реальныхъ прямыхъ, но даже когда мы вообще говоримъ о прямизнѣ или обсуждаемъ прямизну чего-либо, то мы беремъ за норму именно понятіе математической прямой. Нельзя сказать, что понятіе прямой получаетъ начало изъ созерцанія прямизны въ природѣ, напр., ребра кристалла, потому что какъ бы ни была совершенна прямизна кристалла, она не можетъ достигнуть абсолютной прямизны математической прямой и даже, наоборотъ, когда мы мыслимъ о прямизнѣ ребра кристалла, то мы беремъ за образецъ или норму именно математическую прямую *).

Такимъ образомъ нельзя сказать, что понятіе прямой, какъ оно употребляется въ математикѣ, создалось постепенно изъ несовершенной прямой. «Между понятіемъ о прямой, какъ ее предписываетъ мыслить геометрія, и представленіемъ о линіи, хоть съ самой незначительной кривизной, нѣтъ посредствующихъ ступеней, которыя можно было бы устранить посредствомъ подбора въ борьбѣ за существованіе» **).

То объясненіе происхожденія понятія прямой линіи, которое даетъ Спенсеръ, тоже нужно считать неосновательнымъ, такъ какъ оно раздѣляетъ всѣ недостатки обыкновеннаго эмпирическаго объясненія, которое предполагаетъ, что наши понятія суть просто *копіи* внѣшнихъ

*) Объ этомъ см. мою статью «Объ апріорныхъ элементахъ познанія». «Вопр. филос. и псих.» № 60.

**) *Riehl* Ук. соч. В. II. Гл. «Дарвинизмъ и трансценд. философія».

вещей. По его мнѣнію, понятіе прямой линіи, какъ кратчайшаго разстоянія между двумя точками, получается вслѣдствіе того, что количество возбужденія, которое доставляетъ изображеніе дуги на сѣтчаткѣ, будетъ значительно больше, чѣмъ то количество возбужденія, которое доставляетъ изображеніе хорды. Если количество возбужденія больше, то слѣдовательно, большимъ будетъ казаться и разстояніе. Оцѣнка величины находится въ зависимости отъ количества ощущеній. Если психическое состояніе передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, то, въ концѣ концовъ, устанавливается математическое понятіе прямой, какъ о кратчайшемъ разстояніи между двумя точками.

Я не стану разбирать недостатковъ этого объясненія, а только укажу на то, что оно исходитъ изъ предположенія, что понятіе прямой линіи есть просто копія реально существующихъ прямыхъ. Разумѣется, этотъ же принципъ прилагается Спенсеромъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ понятіямъ (пространства, времени причинности и т. п.), но этотъ принципъ весьма спорный.

Попытка Спенсера выводить всѣ понятія и въ томъ числѣ понятія пространства, времени, причинности изъ простого воздѣйствія внѣшняго міра представляетъ большое неудобство съ точки зрѣнія теоріи познанія. Желая доказать это положеніе, Спенсеръ по необхомости приходитъ къ «наивному реализму». Какъ извѣстно, подъ наивнымъ реализмомъ понимается та точка зрѣнія, по которой вещи, существующія въ дѣйствительности, обладаютъ какъ разъ тѣми свойствами, съ какими мы ихъ воспринимаемъ. Въ вещахъ существуютъ цвѣта, звуки, въ вещахъ находятся также пространственныя свойства. Наше сознаніе только *отражаетъ* то, что существуетъ въ дѣйствительности. Наши понятія пространства, времени, причинности суть копіи реально существующихъ явленій, вещей и событій. Спенсеръ не могъ иначе разсуждать, разъ онъ хотѣлъ вывести понятіе пространства, времени и т. п. изъ постепеннаго приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Въ этомъ отношеніи есть коренное различіе между Спенсеромъ и Кантомъ. Они совершенно различно понимаютъ, что такое чувственный міръ или опытъ. Если Спенсеръ говоритъ, что понятіе однообразія природы есть продуктъ воздѣйствія внѣшняго опыта или вещей, то это означаетъ, что онъ принимаетъ реальное существованіе вещей, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ воспринимаемъ. По его мнѣнію, если у насъ есть вообще понятіе однообразія, то только потому, что «дѣйствительно существуетъ реальное однообразіе, и наши понятія только вылѣпились сообразно внѣшнимъ отношеніямъ». Это и есть собственно точка зрѣнія «наивнаго реализма».

Кантъ въ этомъ случаѣ разсуждаетъ совершенно иначе. По его мнѣнію, нельзя говорить о вещахъ, какъ если бы они объективно существовали въ томъ видѣ, какъ мы ихъ дѣйствительно воспринимаемъ: вещи суть продуктъ нашего сознанія. Вещи не даны намъ просто,

они нами созданы, именно благодаря тому, что мы наши понятія пространства, времени и причинности вносимъ въ объективный міръ, что мы вещей самихъ по себѣ и не познаемъ.

Если бы мы пожелали познать вещи такъ, какъ они суть сами по себѣ, то мы не могли бы найти въ нихъ причинности съ тѣмъ характеромъ необходимости, который присущъ этому понятію. Какъ мы уже видѣли выше, понятіе причинности обладаетъ необходимымъ характеромъ потому, что необходимость самимъ нашимъ познаніемъ вносится въ воспріятіе внѣшняго міра совершенно такимъ же образомъ, какъ, напр., понятіе пространства и времени съ ихъ свойствами непрерывности, однородности и т. п. вносятся въ воспріятіе внѣшняго міра.

Исходя изъ точки зрѣнія наивнаго реализма, Спенсеръ долженъ былъ утверждать, что и понятіе пространства и времени въ извѣстномъ смыслѣ являются только лишь *копіей* того, что существуетъ въ дѣйствительности. По его теоріи, въ природѣ объективно существуетъ «одновременность», «послѣдовательность», воспринимая которыя, мы вырабатываемъ понятія пространства и времени. *) Между тѣмъ, дѣло обстоитъ далеко не такъ просто. Пространство и время не есть простое отраженіе объективно существующаго пространства въ нашемъ *пассивно* воспринимающемъ сознаніи. Наше сознаніе для того, чтобы воспринимать даже самое элементарное временное отношеніе, напр., послѣдовательность трехъ элементовъ A, B и C, должно обнаружить совершенно своеобразную *активность*. Сознаніе должно, воспринимая моментъ C, возвращаться къ моменту A и оба эти момента относить къ моменту B. Для того, чтобы осуществить этотъ процессъ, сознаніе такъ или иначе должно *синтезировать* впечатлѣнія. То же самое необходимо для воспріятія одновременности. Такимъ образомъ, слѣдуетъ сказать, что для воспріятія послѣдовательности и одновременности необходимо синтезирующее сознаніе. Другими словами, если бы не было сознанія, которое обладаетъ способностью такъ или иначе соединять, синтезировать опредѣленныя представленія, то у насъ того понятія пространства и времени, которое мы имѣемъ, въ дѣйствительности не могло бы быть. Для того, чтобы объяснить возникновеніе понятія пространства и времени, необходимо признать синтетическую способность ума, что Кантъ и дѣлаетъ.

Такимъ образомъ, Кантъ признавалъ способность синтезированія, которой Спенсеръ не признавалъ прямо. Не признавая же этого, онъ могъ утверждать полную зависимость формъ сознанія отъ внѣшняго міра, въ то время какъ для Канта въ признаніи синтетической способности есть опора для утвержденія, что чувственный міръ въ томъ видѣ, какъ мы его познаемъ, создается при помощи сознанія, и именно его синтетической дѣятельности.

---

*) См., напр., «Основныя начала», § 47.

Вотъ почему намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на различіе между Кантомъ и Спенсеромъ въ отношеніи къ вопросу о *синтетической дѣятельности сознанія*. Благодаря различію въ этомъ пунктѣ, у Спенсера умъ является чѣмъ-то совершенно пассивнымъ, въ то время какъ по Канту онъ обладаетъ активнымъ характеромъ.

Пояснимъ ближе, что̀ значитъ синтетическая дѣятельность ума и какова ея роль въ процессѣ познанія. Философы давно уже признавали, что сознаніе обладаетъ способностью связывать представленія, которыя въ дѣйствительности не связаны другъ съ другомъ. Для того, чтобы могла осуществляться синтетическая дѣятельность, необходимо также, чтобы сознаніе сознавало свое тожество. Сознаніе, обладающее синтезирующею способностью и сознающее свое тожество, есть необходимое условіе познанія, и въ то же время необходимое условіе существованія «вещей» въ нашемъ познаніи. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что намъ дана извѣстная сумма чувственныхъ впечатлѣній, которыя мы воспринимаемъ послѣдовательно. Если бы между ними не установилось опредѣленной связи, то у насъ не могло бы получиться понятія вещи. Но связи въ самихъ вещахъ нѣтъ. Самосознаніе придаетъ эту связь вещамъ. Положимъ, что я хочу воспринять какую-либо линію, состоящую изъ элементовъ *a*, *b*, *c*, *d*. Если бы сознаніе не обладало синтетической дѣятельностью, то я могъ бы воспринять только элементъ *a* или только элементъ *b* и т. д., но мое сознаніе обладаетъ способностью не только послѣдовательно пройти рядъ *a*, *b*, *c*, *d*, но также и *соединить* ихъ въ одно цѣлое, линію. Только благодаря этому, изъ простой суммы элементовъ получается «вещь», «предметъ». Легко понять также, что если бы одно сознаніе воспринимало *a*, другое сознаніе воспринимало *b*, а третье *c* и т. д., то представленія «предмета» при такихъ условіяхъ не могло бы быть; нужно, чтобы сознаніе, кото̀рое воспринимаетъ *c*, помнило бы, что оно то же самое, которое раньше воспринимало *b*, *a* и т. д. Это то, что мы называемъ «тожествомъ сознанія».

Такимъ образомъ мы должны допустить въ качествѣ необходимаго предположенія познанія такое сознаніе, которое обладаетъ синтетической, объединяющей способностью и сознаетъ свое тожество. Только при такомъ предположеніи возможно предметное познаніе.

Въ этомъ пунктѣ между Спенсеромъ и Кантомъ имѣется огромное различіе. Кантъ предполагаетъ такое сознаніе, Спенсеръ же пытается его вывести. Онъ и въ этомъ вопросѣ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія и потому для него не было бы непонятно допущеніе сознанія обладающаго синтетическими функціями. Онъ долженъ вывести сознаніе съ такими свойствами изъ какихъ-нибудь элементарныхъ психическихъ процессовъ. По его мнѣнію, самымъ основнымъ и самымъ элементарнымъ процессомъ является «воспріятіе сходства и несходства». Изъ этихъ-то процессовъ Спенсеръ и пытается вывести процессъ ассоціаціи.

а равнымъ образомъ и сознаніе. Сознаніе для него есть только лишь болѣе сложная форма тѣхъ первоначальныхъ процессовъ. По смыслу теоріи Спенсера, всѣ явленія сознанія первоначально могутъ быть разложены на сумму внутреннихъ состояній. То, что мы называемъ «сознаніемъ», не предшествуетъ этимъ состояніямъ, какъ это нужно было бы ожидать, а наоборотъ, изъ смѣны различныхъ состояній, изъ соединенія различныхъ внутреннихъ состояній роздается сознаніе. Но едва ли можно согласиться со Спенсеромъ, что сознаніе, понимаемое, какъ синтетическая функція, можетъ создаться изъ простого соединенія разнородныхъ элементовъ.

Нельзя считать удовлетворительнымъ также и біологическое объясненіе единства сознанія, или объединяющей функціи сознанія. По Спенсеру то обстоятельство, что между отдѣльными частями мозга есть анатомическая связь, показываетъ, что установилась связь между духовными элементами. По этому объясненію, централизація нервной системы есть условіе единства сознанія.

Но едва ли и такое объясненіе единства сознанія можно было бы считать основательнымъ. Можно, конечно, согласиться со Спенсеромъ, что связь между отдѣльными частями мозга является показателемъ установившейся связи между отдѣльными психическими состояніями, но, очевидно, что какъ бы рядъ психическихъ состояній другъ съ другомъ ни связывался, единства сознанія изъ этого не получится. *Рядъ* психическихъ состояній останется только рядомъ.

Спенсеру, такимъ образомъ, не удается найти удовлетворительнаго объясненія единства сознанія.

Я, конечно, не ставлю въ упрекъ Спенсеру его попытку вывести сознаніе изъ какихъ-нибудь элементарныхъ процессовъ, но дѣло въ томъ, что постановка такой проблеммы приводитъ его къ необходимости признавать сознаніе чѣмъ-то исключительно *пассивнымъ*; не признавать за нимъ никакой активности, а такое признаніе привело его къ тому взгляду, что *сознаніе пассивно отражаетъ свойства внѣшняго міра*, между тѣмъ какъ, если бы онъ сталъ на точку зрѣнія Канта и призналъ *активность* сознанія, то онъ отказался бы отъ мысли доказывать, что сознаніе только пассивно отражаетъ свойства внѣшняго міра; онъ долженъ былъ бы признать, что сознаніе очень многое отъ себя привноситъ въ познаніе внѣшняго міра.

Такимъ образомъ, эволюціонная психологическая точка зрѣнія повела Спенсера по ложному пути. И здѣсь причиной ложныхъ выводовъ является смѣшеніе психологической точки зрѣнія, съ гносеологической. Онъ примѣняетъ психологическую точку зрѣнія тамъ, гдѣ должна была быть принята въ соображеніе точка зрѣнія гносеологическая.

Смѣшеніе психологіи съ гносеологіей обнаруживается также и въ слѣдующемъ пунктѣ.

Мы видѣли, что по теоріи Спенсера существуютъ связи между представленіями, которыя кажутся неразрывными и въ этомъ смыслѣ необходимыми. Чувство необходимости, сопровождающее нѣкоторыя связи нашихъ представленій, Спенсеръ объясняетъ тѣмъ, что эти послѣднія весьма часто связывались не только въ нашей индивидуальной опытности, но также и въ опытности предшествующихъ поколѣній. На первый взглядъ, кажется, что Спенсеръ говоритъ о той самой «необходимости», о которой говоритъ и Кантъ, но на самомъ дѣлѣ между ними есть огромное различіе.

Та необходимость, о которой говоритъ Спенсеръ, есть необходимость *субъективная, психологическая,* между тѣмъ какъ та необходимость, о которой говоритъ Кантъ, есть необходимость *объективная, логическая.* Различіе между этими двумя родами необходимости сводится къ слѣдующему.

Если я постоянно воспринимаю вмѣстѣ два представленія А и В, то въ концѣ концовъ у меня вырабатывается привычка мыслить ихъ вмѣстѣ. Я не могу мыслить одно представленіе безъ другого. Я чувствую, что одно представленіе не мыслимо безъ другого. Поэтому я и утверждаю, что связь между ними необходима. Но эта необходимость основывается на *чувствѣ,* а потому она и называется субъективной, психологической необходимостью; она есть результатъ ассоціаціи; такая необходимость можетъ быть и въ сознаніи животныхъ.

У Канта необходимость иная. Она имѣетъ характеръ объективный. Связь между представленіями мыслится нами необходимой не потому, что она часто встрѣчалась въ опытѣ, а потому, что сама наша мысль вноситъ эту необходимость въ вещи. Это внесеніе необходимой связи, напр., въ причинности, является условіемъ познанія.

По Спенсеру, причинная связь кажется необходимой потому, что во внѣшнемъ мірѣ извѣстная связь между представленіями встрѣчается настолько часто, что связь дѣлается неразрывной, и мы чувствуемъ, что эта связь не можетъ быть нами разорвана. У Канта связь необходимости имѣетъ не характеръ субъективнаго принужденія, а, наоборотъ, есть нѣчто объективное. Это происходитъ оттого, что та связь, которую созидаетъ наше сознаніе само по себѣ, мы считаемъ вещественной, предметной. Эта связь создается разсудкомъ и вносится въ познаніе объективнаго міра. Субъективно необходимой мы можемъ назвать, напр., галлюцинацію, потому что мы не можемъ отрѣшиться отъ нея, мы не можемъ мыслить иначе, что же касается объективной необходимости, то она принадлежитъ только объекту.

Нельзя думать, что та необходимость, которую мы приписываемъ объектамъ, есть только лишь результатъ извѣстнаго чувства, извѣстнаго предрасположенія мыслить такъ или иначе, какъ это думалъ Юмъ. Если бы это было такъ, то, напр., понятіе причины, которое утверждаетъ необходимость какого-либо дѣйствія при предположенномъ

условіи, было бы просто ложнымъ. Если бы допустить, что необходимость есть только извѣстное чувство, то я не имѣлъ бы права сказать, что «дѣйствіе связано съ причиной необходимо», я могъ бы только сказать, что «я такъ устроенъ, что я это представленіе *не могу мыслить иначе*, какъ только связаннымъ такимъ образомъ». Я не могъ бы сказать, что въ вещахъ дѣйствительно существуетъ объективная связь, а могъ бы только сказать, что мнѣ *кажется*, что въ вещахъ существуетъ опредѣленная связь.

Различіе между субъективной необходимостью и объективной такимъ образомъ вполнѣ ясно. Спенсеръ хочетъ оправдать необходимый характеръ апріорныхъ понятій тѣмъ, что онъ психологически объясняетъ происхожденіе этихъ понятій, но это ошибочно. Если бы даже Спенсеръ и доказалъ психологически, что у насъ есть предрасположеніе мыслить связь между дѣйствіемъ и причиной необходимой, то это все-таки не избавляло бы насъ отъ постановки вопроса, отвѣчаетъ ли это предрасположеніе дѣйствительности или нѣтъ, *объективна ли та связь, которую я мыслю необходимой*, т.-е., другими словами, психологическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи чувства необходимости не избавляетъ насъ отъ задачи изслѣдовать гносеологическій вопросъ о томъ, имѣетъ ли эта субъективная связь объективный характеръ *).

Защиту эволюціонизма противъ апріоризма взялъ на себя *Паульсенъ* **), взгляды котораго въ этомъ вопросѣ имѣютъ для насъ особую цѣну потому, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ писателей, которые способствовали разъясненію взглядовъ Канта.

По мнѣнію Паульсена, апріорныя функціи, конечно, существуютъ, но ихъ нельзя понимать въ такомъ *абсолютномъ* смыслѣ, какъ это дѣлаютъ обыкновено кантіанцы. Ихъ можно считать абсолютно истинными только при извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ. «Апріорныя функціи могутъ быть истинны только при предположеніи, что формы мысли остаются постоянными и что среда, въ которой мы находимся, также остается постоянной».

При обратномъ предположеніи и апріорныя понятія утрачиваютъ свой абсолютный характеръ. Кантіанцы утверждаютъ, что формы пространства и времени отличаются совершенной неизмѣнностью. Паульсенъ думаетъ, что этого нельзя утверждать безъотносительно, потому что «если бы мы попали въ другое пространство, то само наше пространство и формы пространства у насъ сдѣлались бы другими», а отсюда ясно, что наши представленія о пространствѣ и времени имѣютъ совершенно относительный характеръ, находящійся въ зависимости

---

*) *Riehl*. Der philos. Kriticismus. B. I. 296—9. *Vaihinger*. Commentar zu Kant's. Krit. d. r. V. B, I стр. 359—361. *Koenig*. Entwickeluug des Causalproplems. B. II. стр. 312 и д.

**) Введеніе въ философію. Кн. 2-я. Гл. 2-я. 4. Его же. I. Kant. 1898. стр. 202—3.

отъ природы нашего объективнаго пространства. Поэтому нужно считать современныхъ кантіанцевъ неправыми, если они признаютъ пространство и время неизмѣнными.

Кантъ, по мнѣнію Паульсена, признавалъ неизмѣнныя формы мысли вслѣдствіе того, что онъ «исходилъ изъ біологическихъ представленій его времени, по которымъ природа живыхъ существъ неизмѣнна. Поэтому для него и форма созерцанія и мышленія суть принадлежность устойчивой организаціи ума». Но этотъ взглядъ совершенно несправедливъ. Если, напр., взять законъ причинности или понятіе закономѣрности, то можно легко показать, что оно является продуктомъ постепеннаго развитія, а отсюда, по мнѣнію Паульсена, можно сдѣлать выводъ, что съ точки зрѣнія развитія не можетъ быть рѣчи объ абсолютной апріорности извѣстной функціи. «Если стать на точку зрѣнія развитія, то весь вопросъ о характерѣ апріорности пріобрѣтаетъ совершенно особенный смыслъ. Вмѣстѣ съ мозгомъ и чувствующимъ аппаратомъ развивается также созерцаніе пространства. Отсюда слѣдуетъ, что дальнѣйшее развитіе формъ созерцанія не только мыслимо, но и возможно».

Слѣдовательно, по мнѣнію Паульсена, можно показать, что «формы» сознанія могутъ видоизмѣняться въ зависимости отъ окружающихъ условій, что онѣ не представляютъ чего-либо абсолютно неизмѣннаго, какъ это, повидимому, признаютъ современные кантіанцы.

Съ Паульсеномъ можно согласиться, когда онъ утверждаетъ, что апріорныя функціи не имѣютъ абсолютнаго характера, но мнѣ кажется, что въ ученіи объ апріорности это утвержденіе не представляется важнымъ. Паульсену можно было бы такъ возразить: «пусть измѣнятся условія воспріятія, пусть мы очутимся въ совсѣмъ другомъ мірѣ, но изъ этого вѣдь вовсе не слѣдуетъ, что тогда у насъ не будетъ апріорныхъ элементовъ познанія. Это, можетъ быть, будутъ другіе элементы. Дѣло не въ томъ, мыслимы ли другіе апріорные элементы и мыслимо ли ихъ видоизмѣненіе, а въ томъ, существуютъ ли элементы, которые не получаются изъ опыта, но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ рѣшающее значеніе при созиданіи научнаго познанія».

Мнѣ кажется далѣе, что постоянное утвержденіе эволюціонистовъ, что возможно *измѣненіе* формъ сознанія при измѣненія условій воспріятія, едва ли можно безусловно доказать. Какъ разъ наоборотъ, можно думать, что современная біологія совсѣмъ не сдѣлала яснымъ вопросъ о возможности измѣненія *формъ* пространства и времени. На основаніи современныхъ біологическихъ данныхъ можно было бы утверждать, что *воспріятіе* пространства и времени можетъ измѣняться въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ физіологическихъ условій или вообще измѣнившихся органическихъ условій. Мы можемъ, напр., легко допустить, что при измѣненіи въ извѣстномъ направленіи условій жизни живыя существа будутъ воспринимать смѣну впечатлѣній быстрѣе

или медленѣе, время для нихъ будетъ течь скорѣе или медленнѣе, но очевидно, что для нихъ время, какъ извѣстная *форма послѣдовательности*, останется неизмѣнной. Вполнѣ мыслимо, что для нихъ время тоже будетъ представляться непрерывнымъ, однороднымъ; отдѣльные моменты времени будутъ слѣдовать одинъ за другимъ и т. п. Также легко мы можемъ допустить, что существа, перенесенныя въ псевдосферическое пространство или въ какое-нибудь иное пространство, будутъ иначе представлять пространственныя отношенія, но въ то же время мы должны будемъ признать, что *форма* пространства останется и для нихъ неизмѣнной ,т.-е. и они будутъ представлять себѣ, что элементы пространства находятся *внѣ* другъ друга, что они внѣположны, что они сосуществуютъ и т. п. Поэтому мнѣ кажется, что обыкновенно проводимая аналогія между измѣненіемъ организмовъ и возможнымъ измѣненіемъ «формъ» сознанія просто несостоятельна.

Если уже проводить аналогію между измѣненіями организмовъ и, измѣненіемъ формъ сознанія, то слѣдовало бы брать не тѣ случайныя *внѣшнія формы*, въ которыя выливаются организмы, но тѣ общіе *законы*, которымъ слѣдуютъ организмы въ своемъ развитіи. Тогда сдѣлалось бы яснымъ, что проводить вышеуказанную аналогію нѣтъ возможности. Въ этомъ сравненіи соблазняетъ сопоставленіе «формъ» познанія съ «формой» организмовъ. На самомъ же дѣлѣ между тѣми и другими «формами» есть огромная разница. Когда мы говоримъ о возможности измѣненія формы организмовъ, то мы имѣемъ въ виду случайный внѣшній видъ, который могутъ пріобрѣтать организмы; когда же мы говоримъ о «формахъ» сознанія, то мы имѣемъ въ виду тѣ общіе законы, которымъ подчиняется человѣческое сознаніе. Если уже сравнивать измѣненіе организмовъ съ измѣненіемъ сознанія, то слѣдовало бы сравнивать измѣненіе способовъ воспріятія съ измѣненіемъ формы организмовъ. Тогда можно было бы сказать, что способъ воспріятія можетъ измѣняться. Что же касается законовъ, которымъ слѣдуетъ человѣческое мышленіе, то о нихъ едва ли можно сказать, что они такъ же легко подвержены измѣненіямъ, какъ и формы организмовъ. А что же такое формы сознанія (пространство, время, причинность), какъ не законы, которымъ слѣдуетъ наше мышленіе. Поэтому эволюціонисты, которые говорятъ о возможности измѣненія формъ сознанія, должны были бы именно показать, что возможно измѣненіе *закономѣрности* сознанія, а не только измѣненіе способности воспріятія, а между тѣмъ, едва ли можно найти аргументы, которые дѣлали бы понятнымъ возможность такого измѣненія. Скорѣе можно сказать, наоборотъ, что имѣются доводы въ пользу обратнаго предположенія, именно, что при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ организмовъ, закономѣрность сознанія болѣе или менѣе неизмѣнна. Въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы сопоставлять формы пространства и времени съ общими законами природы. Не можемъ ли мы, напр., сказать, что въ

эволюціи природы ея общіе законы (притяженія, инерціи и т. п.) измѣняются? Конечно, нѣтъ. Точно такимъ же образомъ обстоитъ дѣло съ общими законами мысли. При всемъ измѣненіи содержанія мысли, они, по всей вѣроятности, не подвержены измѣненіямъ.

Тѣ, которые говорятъ о возможности измѣненія формъ сознанія, ссылаются обыкновенно на то, что для тѣхъ или другихъ формъ сознанія существуютъ опредѣленныя *физіологическія условія*, которыя, конечно, подвержены измѣненію, а съ ними вмѣстѣ подвержены параллельному измѣненію и формы сознанія.

Я нахожу такой взглядъ на возможность измѣненія формъ сознанія неправильнымъ. Можно, конечно, сказать, что для «формъ» сознанія существуютъ опредѣленныя физіологическія условія, но такъ какъ объ истинной связи между физіологическими процессами и формами сознанія мы ничего не знаемъ, то мы и не можемъ дѣлать никакихъ выводовъ относительно измѣняемости формъ сознанія. Да и самъ Паульсенъ согласенъ, что, «въ концѣ концовъ, нельзя даже указать и признаковъ того, чтобы формы интуиціи пространства и времени измѣнялись».

Способъ воспріятія пространства и времени измѣняется, но то, что мы считаемъ формой пространства и времени, не измѣняется. Мы можемъ допустить, что воспріятіе пространства и времени у животныхъ иное, чѣмъ у насъ. Мы можемъ допустить, что для животныхъ время протекаетъ быстрѣе, чѣмъ для насъ, что для нихъ пространственныя вещи могутъ казаться бо́льшими или меньшими, чѣмъ для насъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ допустить, чтобы какое-нибудь живое существо мыслило части пространства, не какъ внѣположныя и сосуществующія, а какъ послѣдовательныя. Если бы оказалось какое-либо живое существо, которое воспринимало бы часть пространства какъ нѣчто *послѣдовательное*, то относительно такого существа мы сказали бы, что оно не имѣетъ представленія пространства, а имѣетъ только представленіе времени.

Такимъ образомъ, утвержденіе эволюціонистовъ, что будто бы формы сознанія могутъ измѣняться, нужно считать недоказаннымъ.

Чтобы закончить нашъ обзоръ различія между точкой зрѣнія эволюціонной психологіи и кантовской теоріей познанія, мы разсмотримъ еще одинъ пунктъ, который очень ясно показываетъ, что это суть двѣ совершенно отличныхъ другъ отъ друга точки зрѣнія. Я имѣю въ виду тотъ *телеологическій* моментъ, который выдѣляютъ современные кантіанцы и который, по ихъ мнѣнію, необходимо содержится въ кантовской теоріи познанія.

Почему мы утверждаемъ, что положеніе «нѣтъ дѣйствія безъ причины» должно считаться аподиктически достовѣрнымъ, почему математическія положенія должны обладать всеобщностью и необходимостью?

Можемъ ли мы эти положенія *доказать* въ собственномъ смыслѣ этого слова, можемъ ли мы доказать такъ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что эти положенія дѣйствительно обладаютъ всеобщностью и необходимостью? Кто нибудь, пожалуй, скажетъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эти положенія обладаютъ всеобщностью и необходимостью, что это фактически такъ, что это непосредственно очевидно, что это не подвергается сомнѣнію ни съ чьей стороны. Нѣкоторые апріористы думали, что доказательствомъ ихъ аподиктичности является то обстоятельство, что для насъ немыслимо противорѣчащее имъ положеніе. Эмпирики, какъ мы видѣли, думаютъ, что немыслимость отрицанія отнюдь не является достаточнымъ доказательствомъ, и поэтому достовѣрность апріорныхъ положеній такова же, какъ и эмпирическая. Мы знаемъ, что въ исторіи науки было очень много такихъ положеній, которыя казались необходимыми, но призрачность которыхъ впослѣдствіи была доказана. Нельзя, поэтому, опираться на непосредственную очевидность. Нѣкоторые кантіанцы и думаютъ, что нѣтъ надобности искать доказательствъ этихъ положеній. Указанныя положенія дѣйствительно обладаютъ всеобщностью, но только лишь съ телеологической точки зрѣнія. Это нужно понимать слѣдующимъ образомъ.

У человѣка есть стремленіе къ идеально совершенному знанію, но идеально совершеннымъ знаніемъ можетъ быть только такое знаніе, которое обладаетъ признаками всеобщности. Только такое знаніе можетъ быть названо истинно научнымъ. Мы убѣждены въ томъ, что такое познаніе осуществимо. Такое познаніе мы ставимъ *цѣлью*. Для достиженія этой цѣли необходимо выполненіе извѣстныхъ условій. Этими условіями именно и являются апріорныя понятія, или аксіомы, всеобщность и необходимость которыхъ и вносится нами въ познаніе. Сторонники этого направленія думаютъ, что аксіомы, которыя лежатъ въ основаніи наукъ, не суть сужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, а это суть «постулаты нашего влеченія къ совершенному познанію». Они какъ бы показываютъ, чтó мы должны выполнить для того, чтобы достигнуть совершеннаго познанія *).

Объяснимъ на примѣрѣ, какимъ образомъ познанію сообщается необходимый характеръ, благодаря тому, что въ основу его полагаются аксіомы.

Въ нашемъ научномъ познаніи всегда есть такіе элементы или понятія, которыя мы можемъ назвать аксіомами, значеніе которыхъ заключается въ томъ, что они изъ опыта никакъ доказаны быть не могутъ, но безъ признанія которыхъ въ то же время не можетъ быть

*) Объ этомъ см. мою статью «Объ апріорныхъ элементахъ познанія». «Вопр. филос. и психол.», № 60.

научнаго познанія, или того, что Кантъ называетъ опытомъ. Напр., мы дѣлаемъ тѣ или другія умозаключенія индуктивнаго характера, но вѣдь извѣстно, что ихъ нельзя было бы дѣлать, если бы мы безмолвно не предполагали дѣйствительность закона причинности, т.-е. если бы мы не предполагали, что утверждаемое нами сегодня будетъ имѣть значеніе и завтра, если бы мы, другими словами, не предполагали дѣйствительности закона однообразія природы. Намъ нѣтъ надобности открыто выражать его, но мы его предполагаемъ. Безъ предположенія такого закона было невозможно строить индуктивнаго умозаключенія. Въ этомъ пунктѣ тотчасъ же обнаруживается различіе между точкой зрѣнія эмпирической и критической.

Эмпирикъ утверждаетъ, что понятіе причинности, или законъ причинности получается изъ опыта; изъ многочисленныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же событій получается убѣжденіе, что въ природѣ царитъ однобразіе, и этимъ объясняется необходимый характеръ закона причинности. Критическая точка зрѣнія признаетъ, что доказать изъ опыта необходимость закона причинности не представляется никакой возможности, но, между тѣмъ, очевидность этого закона вполнѣ несомнѣнна. Потому-то нѣкоторые критицисты и говорятъ, что закона причинности доказать нельзя, да онъ и не есть научное положеніе въ обыкновенномъ смыслѣ слова; онъ есть только «постулатъ нашего стремленія къ совершенному познанію» *).

Такимъ образомъ, уже изъ этого ясно, что мы должны называть телеологической точкой зрѣнія. Мы ставимъ извѣстную *цѣль*, именно совершенное познаніе. Для достиженія этой цѣли необходимо выполненіе извѣстныхъ условій, на этотъ разъ такимъ условіемъ является именно всеобщность и необходимость извѣстныхъ положеній или аксіомъ.

«Можно показать,—говоритъ Виндельбандъ,—что аксіомамъ присуща необходимость телеологическая, по которой дѣйствительность аксіомъ признается, но только подъ условіемъ, что должны быть осуществлены извѣстныя цѣли. Съ критической точки зрѣнія, эти аксіомы необходимы, но только лишь потому, что онѣ *необходимы для извѣстной цѣли*» **).

Въ этомъ заключается различіе между генетическимъ и критическимъ методомъ. «Для критичоскаго метода эти аксіомы, какъ бы ни было далеко ихъ фактическое признаніе, суть нормы, которыя дѣйствительны при томъ предположеніи, что мышленіе имѣетъ цѣлью быть истиннымъ». Мы вѣримъ въ то, что существуетъ общедѣйствительное познаніе. Это нашъ исходный пунктъ. Для того, чтобы эта

*) *Sigwart*. «Logik». B. II, стр. 23.

**) *Windelband*. «Präludien». 1884, стр. 247 и д.

цѣль осуществилась, необходимы тѣ принципы, которые нами дѣйствительно признаются. Вслѣдствіе этого критическая точка зрѣнія является въ то же время телеологической. Именно она какъ бы хочетъ сказать: «намъ нѣтъ никакой надобности доказывать, дѣйствительно ли законъ причинности имѣетъ необходимый характеръ, но зато мы можемъ сказать, что безъ признанія необходимости этого закона не можетъ быть научнаго познанія».

Такимъ образомъ можно видѣть, что критическій методъ тожественен съ телеологической точкой зрѣнія. Эту точку зрѣнія весьма хорошо Виндельбандъ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Какимъ бы образомъ ни приходило къ сознанію признаніе той или другой аксіомы, критическій методъ созидается изъ убѣжденія, что существуютъ общія цѣнности и для того, чтобы онѣ могли быть достигнуты, эмпирическій процессъ представленія, хотѣнія и чувствованія долженъ подчиняться тѣмъ или инымъ *нормамъ*, безъ которыхъ выполненіе этихъ цѣлей немыслимо. Эти общія цѣнности суть: истина въ мышленіи, доброта въ волѣ и дѣйствіи, красота въ чувствованіи, и всѣ эти три идеала представляютъ каждый въ своей области стремленіе къ тому, что достойно всеобщаго признанія». Просто фактическое существованіе тѣхъ или другихъ апріорныхъ элементовъ еще не является доказательствомъ объективности ихъ.

Это соображеніе я привелъ для того, чтобы показать, насколько критическая точка зрѣнія отличается отъ просто генетической. По этой послѣдней, повидимому, вполнѣ достаточно прослѣдить происхожденіе, генезисъ того или другого понятія, чтобы судить о его характерѣ. Критицизмъ, становясь на телеологическую точку зрѣнія для доказательства всеобщности и необходимости апріорныхъ положеній, ведетъ свое доказательство такимъ образомъ, что оно ничего общаго съ психологіей не имѣетъ.

Подведемъ итоги. Мы видѣли, что различіе между генетической и критической точкой зрѣнія заключается въ томъ, что онѣ преслѣдуютъ различныя задачи. Генетическая точка зрѣнія поставляетъ задачу изслѣдовать происхожденіе тѣхъ или другихъ формъ познанія, а критическая имѣетъ цѣлью опредѣлить объективное значеніе тѣхъ или другихъ понятій, которыя мы и называемъ апріорными. Эти послѣднія изъ опыта не получаются, а между тѣмъ, познаніе безъ нихъ осуществиться не можетъ. Когда мы говоримъ объ объективномъ значеніи апріорныхъ понятій, то мы въ сущности желаемъ опредѣлить, почему апріорное понятіе, которое мы изъ опыта не получаемъ, имѣетъ, однако, объективный характеръ. Въ изслѣдованіи этого вопроса заключается сущность критицизма.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, опровергъ ли Спенсеръ Канта или же нѣтъ? Можно сказать, что нѣтъ, потому что въ

дѣйствительности точки зрѣнія эволюціонная и критическая другъ друга не исключаютъ. Нельзя эволюціонной гипотезой опровергать теорію Канта, потому что Кантъ ставитъ совсѣмъ не тѣ задачи, которыя интересуютъ эволюціониста: нельзя путемъ доказательства происхожденія понятій доказывать гносеологическія проблемы.

Спенсеръ прошелъ мимо кантовской теоріи. Можно прямо сказать, что онъ не понялъ истиннаго смысла послѣдней *).

Взгляды Спенсера на происхожденіе понятій имѣютъ значеніе только лишь для психологіи, но не имѣютъ рѣшающаго значенія для теоріи познанія. Взгляды Канта и взгляды Спенсера могутъ жить совмѣстно другъ съ другомъ. А отсюда видно, какъ неправы тѣ, которые продолжаютъ утверждать, что теорія Канта устраняется дарвинизмомъ или эволюціонной гипотезой. Такое желаніе устранить кантовскую теорію объясняется только лишь тѣмъ, что неправильно понимается апріоризмъ; въ этомъ понятіи все еще склонны видѣть нѣчто мистическое, чего въ немъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ.

---

*) Такъ какъ можетъ показаться страннымъ упрекъ, что такой выдающійся философъ, какъ Гербертъ Спенсеръ, не понималъ Канта, то я спѣшу замѣтить, что это, очевидно, произошло отъ того, что Спенсеръ, подобно другимъ англійскимъ писателямъ, просто игнорировалъ Канта. Вотъ, напр., его собственное заявленіе о томъ, какъ онъ изучалъ «Критику чистаго разума». «Въ 1844 году мнѣ попался въ руки переводъ «Критики чистаго разума» и я прочелъ тѣ первыя страницы, на которыхъ излагается теорія пространства и времени, но такъ какъ я рѣшительно отвергаю ее, то я закрылъ ее. Съ тѣхъ поръ мнѣ такъ приходилось дѣлать еще два раза, такъ какъ, будучи мало терпѣливымъ читателемъ, я совершенно не способенъ читать сочиненія, съ основными взглядами котораго я не согласенъ». (Цит. въ статьѣ И. И. Лапшина въ введеніи къ 1-му изд. «Психологіи» Джемса, стр. 19 прим.).

КАРА-МЕДЖИДЪ.

(Изъ жизни Закавказья).

Кара-Меджидъ, высоко задравъ рубашонку, несется вдоль кочевья. По серединѣ головы у него пробрита широкая дорога въ рай *), и клоки волосъ на вискахъ развѣваются отъ вѣтра во всѣ стороны. Толстыя голыя ножки быстро мелькаютъ. Для красоты и крѣпости мать заботливо накрасила ему пятки хной **), и онъ въ большомъ удовольствіи. Правда, той же хной вымазанъ хвостъ у ишака старшины, но ею же выкрашена и широкая борода сосѣдняго муллы, и потому пятки Кара-Меджида—предметъ зависти для всѣхъ ребятишекъ кочевья.

Кара-Меджидъ замѣтилъ, что подходитъ баранта, а значитъ и Аи близко. Меджида еще не было на свѣтѣ, когда отецъ привезъ изъ Кара-Джюджей маленькаго круглаго щенка, вымѣнявъ его на лучшаго барана. Щенокъ выросъ въ громаднаго, угрюмаго пса. „Точно медвѣдь“—говорилъ отецъ любуясь, и назвалъ его Аи. Сначала собака была вся сѣдая, только морда черная, да по спинѣ тянулась узкая черная полоска. Къ старости и морда посѣдѣла. Аи одинъ загоняетъ отару овецъ, рветъ въ одиночку волка и разъ прыгнулъ на взбѣсившагося верблюда, но Кара-Меджида онъ боится. По крайней мѣрѣ, когда маленькій Кара еще на четвереньвахъ подползалъ къ нему, Аи ложился на спину и задиралъ всѣ четыре лапы кверху, что въ общемъ составляло массу, много превосходившую величину ребенка.

Кара-Меджидъ не ошибся; дѣйствительно, за отарой идетъ отецъ, а рядомъ Аи. Но вотъ переднія овцы замѣтили бѣгущаго Меджида и, на мгновеніе окаменѣвъ, вдругъ рванулись въ сторону, и вся отара ринулась и, толкаясь, кучей понеслась. въ ущелье. „А-ррры-ы!“ кричитъ отецъ, бросаясь за ней. Аи даетъ большой

---

*) Туземцы мусульмане брѣютъ или всю голову, или пробриваютъ широкую полосу по темени черезъ затылокъ до шеи. „Дорога въ рай“, какъ называетъ простонародье.

**) Хно—красная растительная краска.

кругъ и, забѣжавъ впередъ, разомъ врѣзывается въ кучу. Баранта тотчасъ же мгновенно поворачивается и летитъ къ кочевью. Аи забѣгаетъ то съ одного бока, то съ другого, хватаетъ за ноги отстающихъ, толкаетъ ихъ грудью и сбиваетъ всѣхъ въ кучу. „А, кёпай оглы!"—бормочетъ отецъ, ища глазами Меджида, но того уже нѣтъ. Онъ сообразилъ, что сейчасъ попадаться отцу нельзя... послѣ—ничего, а теперь—опасно.

Сегодня кочевье будетъ сниматься и тронется на югъ. Въ горахъ уже холодно. Кара-Меджиду вспоминается необозримая степь, изъ которой они ушли весной, такая просторная, точно налитая желтымъ паромъ. Какъ теперь тамъ тепло, зелено, а главное... просторно. Вотъ уже нѣсколько дней у него точно падаетъ что-то въ груди, какъ только онъ вспомнитъ степь. Кажется, если бы нельзя было уйти туда, онъ бы умеръ, легъ бы вотъ тутъ, между этихъ суровыхъ горъ и умеръ. И Кара-Меджидъ смотритъ кругомъ и не можетъ понять, отчего это у него въ степи весной точно также падало въ груди, когда онъ вспоминалъ эти сѣрые камни, эти строгія горы и вѣгеръ, который поетъ и гудитъ въ ущельи. Тогда, казалось, онъ тоже бы умеръ, если бы не ушелъ изъ степи. „Жарко тамъ было и очень ужъ просторно"—соображаетъ Меджидъ, но это его не удовлетворяетъ. Теперь, вѣдь, тамъ тоже жарко и просторно, а у него становится сладко въ груди, какъ только подумаетъ о степи.

„Курлы—курлы"... несется откуда-то сверху, тихо такъ, точно музыка.

„Журавли", думаетъ Кара-Меджидъ, и его зоркіе глаза быстро отыскиваютъ черныя точки въ небѣ, тянущіяся на югъ. А вонъ надъ горой мелькаетъ сѣрая тучка—это стрепета,—тоже собираются въ путь. И Кара-Меджидъ ложится на спину и, заложивъ руки подъ голову, весь отдается думамъ о степи.

„А вѣдь Аи теперь у коневки!" быстро проносится у него въ головѣ, и онъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ своей кибиткѣ. Аи тамъ и что-то хлебаетъ изъ чашки, вздрагивая животомъ. Старый песъ косится на мальчика и борется между двумя желаніями: убѣжать и докончить чашку. Послѣднее беретъ верхъ. Ночью было холодно, и Аи не сомкнулъ глазъ, зорко вглядываясь въ темноту и напряженно ища ухомъ голосъ волка въ завываніи вѣтра. И старый Аи намучился и жадно дохлебываетъ теперь чашку, поджимая хвостъ. Кара-Меджидъ знаетъ, что получитъ сейчасъ большое удовольствіе: когда Аи кончитъ, онъ ухватитъ собаку за хвостъ, та рванется, и Меджидъ упадетъ и поѣдетъ на брюхѣ по гладкому солончаку. На этотъ разъ дѣло выходитъ не совсѣмъ такъ: Меджидъ стукается головой о какую-то кочку и набиваетъ шишку. Происходитъ замѣшательство, которымъ

пользуется Аи и убѣгаетъ. Кара-Меджидъ нѣкоторое время кривитъ ротъ, собираясь заревѣть, но соображаетъ, что отецъ въ кибиткѣ и можетъ какъ-нибудь по своему отнестись къ его горю. Да и солнце такое веселое, а потомъ вѣдь сегодня въ степь!

Вотъ уже съ крайней кочевки снимаютъ кошмы и увязываютъ шерстяными арканами. Скоро и мать его начнетъ собираться, звонко перекликаясь съ сосѣдками. Мало-по-малу все кочевье приходитъ въ движеніе: вездѣ мелькаютъ старыя прокопченныя кошмы, оголяются остовы кибитокъ, вытаскиваются ковры, паласы, тюшеки, разбираются самые остовы, и весь незатѣйливый скарбъ вьючится на верблюдовъ, ишаковъ и мелкихъ горныхъ быковъ. Кара-Меджидъ поспѣваетъ вездѣ. Вотъ онъ заглянулъ въ бурдюкъ съ сыромъ, попалъ ногой въ чашку съ рисомъ... Какъ весело!.. Выскочивъ изъ кибитки, онъ носится въ припрыжку съ десяткомъ другихъ ребятишекъ по всему кочевью. Всѣ они орутъ, визжатъ, мѣшаютъ и получаютъ шлепки и окрики. Рыжій Гасанъ опять нашелъ скорпіоновъ,—цѣлую семью подъ большимъ камнемъ. Нѣкоторое время Меджидъ увлекается ихъ избіеніемъ, но затѣмъ его крашеныя пятки опять мелькаютъ повсюду. Имъ овладѣваетъ какой-то азартъ. Маленькая Эргень плетется ему навстрѣчу. Это его невѣста (Кара-Меджидъ уже сосватанъ!..). Онъ даетъ ей туза, и невѣста летитъ кубаремъ и реветъ благимъ матомъ.

Кочевье вытягивается по тропинкѣ. Баранта давно уже ушла, и ее не видно. Длинный, долгій путь!.. Они будутъ идти день, другой, третій... будутъ идти недѣлю, больше недѣли. Женщины понесутъ дѣтей на спинахъ. Тѣ изъ ребятъ, кто побольше, пойдутъ сами, изрѣдка садясь па вьюки. День потянется за днемъ, съ холма въ ущелье, изъ ущелья на гору. Плохой отдыхъ, коекакъ ѣда. Дѣти устанутъ скоро, Кара-Меджидъ позднѣе другихъ. Онъ крѣпокъ, да и скота въ его кочевкѣ больше другихъ, и онъ чаще сидитъ то на быкѣ, то на верблюдѣ. Идутъ среди чужихъ пашенъ, около чужихъ посѣвовъ, по старымъ пастбищамъ. Отовсюду выходятъ люди стеречь поля отъ потравы. Люди вооружены. Ихъ кочевье считается самымъ буйнымъ и смѣлымъ, и Кара-Меджиду нравится, что ихъ боятся. Мужчины кочевья спокойно оглядываютъ караульныхъ и ночью запускаютъ скотъ прямо въ посѣвы. Происходятъ драки, бываютъ раненые, бываютъ убитые, и Кара-Меджидъ, слушая дикіе крики, вскакиваетъ и, топоча ножками, визжитъ, пока шлепки матери не успокаиваютъ его. Вотъ и молоканскія поля. Здѣсь ихъ скотъ голодаетъ.

„Урусъ-ларъ“.—шепчетъ Кара-Меджидъ,—„русскіе“, и глядитъ на этихъ бѣлокурыхъ людей съ сѣрыми и голубыми глазами.

Онъ не можетъ понять, какъ это люди съ такими добрыми лицами могутъ такъ хорошо драться, что съ ними рѣдко связываются даже мужчины ихъ кочевья.

Случается подъѣзжаютъ какіе-то вооруженные люди и поговоривъ съ мужчинами, мирно отъѣзжаютъ. „Качагѝ“ *), слышитъ Кара-Меджидъ почтительный шопотъ, и Меджиду хочется быть качагомъ.

Мало-по-малу кочевье устаетъ страшно. Дѣти почти всѣ ослабѣли, нѣкоторые больны; сдался и Меджидъ. Онъ уже едва плетется, глаза потускнѣли, и губы сухи и потрескались. Среди большихъ чаще ссоры и драки. Скотъ отощалъ.

Но вотъ горы кончаются. Съ одного хребта разомъ открывается степь, и у Меджида захолонуло въ душѣ. Кажется весь міръ Божій глянулъ на него безчисленными глазами и прямо, и сверху, и съ боковъ. Конца степи не видно, онъ сливается въ нѣжномъ молочномъ туманѣ съ небомъ. Свѣтъ заливаетъ все. И Меджиду кажется, что за спиной у него стала громадная черная стѣна и выдвинула его впередъ.

Долго идутъ и по степи, но это уже не то. Тепло, всюду бархатная зелень, кормъ скоту вездѣ. Ихъ кочевье споконъ вѣку стоитъ у большой рѣки въ низкой, густо заросшей травой мѣстности. Кибитки разбиты и нѣсколько дней въ кочевьи мертвая тишина. Спятъ, лежатъ или сидятъ, тихо, въ глубокомъ молчаніи. Кое-кто умираетъ, и Меджидъ слышетъ, какъ старики собираются въ сотый разъ просить, чтобы имъ отвели другое мѣсто для пастбищъ. Здѣсь кыздырмà и безѐкь **), и люди мрутъ, какъ мухи: въ горахъ одинъ, а въ степи—десять. Особенно горячится старый Алекперъ; ему чуть не сто лѣтъ, онъ высохъ, какъ тростникъ, и никакая кыздырма его не беретъ.

— Такъ ли было у насъ въ мою молодость?—хрипло шамкаетъ онъ, брызгая слюною:—вѣдь когда мы трогались въ путь, то саранчой покрывали все по дорогѣ. Никто не смѣлъ и показаться у своихъ полей. Цѣлыми аулами выходили на насъ, и мы били ихъ. А теперь что? Попались молоканскія поля — мимо, и дотронуться не смѣй! Годъ отъ году все меньше народу; какъ придутъ въ степь, такъ и мрутъ! Проклятая кыздырмà всѣхъ переѣстъ. Гдѣ Сурхàй, Талы̀бъ, Юсу̀пъ...—и онъ пересчитываетъ лучшихъ людей кочевья, самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ.

Старикамъ больно, что нѣтъ Сурхая, Талыба и другихъ,—это ихъ гордость; молодымъ больно, что молокане уберегли поля отъ потравы,—это ихъ позоръ. Рѣчь Алекпера достигаетъ двой-

*) Качàгъ—разбойникъ, бѣглый.

**) Кыздырмà — болотная лихорадка съ жаромъ, корчами, рвотой; безѐкь — тоже съ ознобомъ. Туземцы раздѣляютъ эти двѣ разновидности.

ной цѣли: осенью будетъ послана бумага съ просьбой новыхъ мѣстъ, а весной будутъ страшныя драки съ молоканами.

Отецъ никогда не бьетъ Кара-Меджида, но отца онъ все-таки боится, а мать часто шлепаетъ его, и онъ ее нисколько не боится. Это она сгоряча, а вообще балуетъ и нѣжитъ его. Онъ одинъ; другихъ и маленькую Джейранъ унесла кыздырма. Ночью онъ спитъ съ матерью и во снѣ все вертится. Часто онъ упирается матери въ животъ ножонками, и она отодвигается, давая ему какъ можно больше мѣста и улыбаясь этимъ маленькимъ теплымъ ножкамъ. Она не такъ, какъ другія, любитъ чистоту и каждый вечеръ моетъ ему ножки и, прижавъ къ груди, крѣпко цѣлуетъ ихъ украдкой: стыдно матери цѣловать ноги у сына.

Вечеръ. Кара-Меджидъ начинаетъ засыпать. Вдругъ собаки кочевья рванулись и несутся въ степь. Кара-Меджидъ насторожился, да и всѣ прислушиваются. Лай не на волка, а на человѣка, да и то какой-то особенный. „Иты ко̀йма!“ слышенъ сильный голосъ издали, и ему вторятъ другіе. „Держи собакъ, и̂ты ко̀йма!“ — гнѣвно повторяетъ тотъ же голосъ. Мужчины давно уже выскочили и бѣгутъ, отсвистывая собакъ назадъ, но вѣтеръ относитъ свистъ. Слышенъ уже не лай, а какой-то ревъ. Вдругъ въ темнотѣ мелькнулъ свѣтъ, и спустя нѣкоторое время что-то бухаетъ. „Выстрѣлъ“ — думаетъ Кара-Меджидъ и напряженно вслушивается. На мигъ лай разомъ умолкаетъ, но затѣмъ загорается съ новой силой. Но вотъ мужчины добѣжали, слышенъ виноватый визгъ собакъ и крѣпкая русская и татарская ругань на кочевниковъ. „Пыристо̀въ-ды“... шепчутъ женщины, пугливо мечась по кочевью. Но это не приставъ, а его переводчикъ съ казаками.

Въ кочевьи шумъ. Завтра утромъ пріѣдетъ самъ приставъ, — надо приготовиться. Очищаютъ большую кибитку, несутъ ковры, подушки, посуду. Вездѣ разговоръ, суетня. Только въ кибиткѣ Меджида тихо: всѣ собаки вернулись, Аи—нѣтъ. Отецъ хмурясь и шепча проклятія уходитъ его искать. У Кара-Меджида сбѣгаетъ краска съ лица: „Что-жъ это, Аи убили?“ недоумѣваетъ онъ. Еслибъ убили лошадь, барана... если бы убили человѣка... онъ бы понялъ, но Аи!.. Какъ можно убить Аи!.. Мать тоже недоумѣло и растерянно смотритъ. Забѣжала сосѣдка и у той на лицѣ гнѣвъ и недоумѣніе... Кочевникъ не бьетъ собакъ, а только окрикиваетъ. Кочевникъ проститъ ударъ себѣ и не проститъ удара его собакѣ. Безъ собаки—онъ безъ рукъ, безъ собаки—онъ нищій. Отары разбѣгутся, ихъ разнесутъ волки, разворуютъ люди, и убить собаку грѣшно, зло и глупо...

Отецъ возвращается и молча, угрюмо ложится: онъ не нашелъ Аи. Должно быть, тотъ забѣжалъ куда-нибудь. Въ кибиткѣ стихаетъ. Кара-Меджидъ даже не можетъ плакать. Онъ широко

открытыми глазами смотритъ въ темноту, и въ головѣ его тупо стучитъ одно и то же: „Аи нѣтъ, Аи больше нѣтъ“. „Какой онъ былъ смѣлый въ степи и робкій и неуклюжій въ кочевьи...“ — думаетъ Кара-Меджидъ и вспоминаетъ, какъ собака, продрогши съ отарой цѣлую зимнюю ночь, приходила къ кибиткѣ и сидѣла, робко косясь большими черными глазами и ожидая чего-нибудь. Аи было много лѣтъ, и ребра его выдавались, и то, что онъ былъ такой старый, худой и робкій, пронизываетъ Меджида чѣмъ-то жгучимъ, и онъ плачетъ навзрыдъ. „Инэ варъ“ *), сурово окрикиваетъ отецъ, и по твердому сильному голосу слышно, что онъ не спалъ. Кара-Меджидъ умолкаетъ... Вотъ ему кажется, кто-то стонетъ снаружи. Потихоньку онъ отстраняется отъ матери, сползаетъ съ теплой постели и выбирается на воздухъ. Никого,—это ему показалось. Только шакалы гдѣ-то перекликаются, то плача, то смѣясь. Кара-Меджидъ стоитъ и ждетъ, ждетъ напряженно, ждетъ до тѣхъ поръ, пока рубашонка его вся смокаетъ отъ росы и онъ начинаетъ непрерывно дрожать. „Не придетъ Аи“, съ тоской думаетъ Меджидъ, и на лбу у него ложится первая морщинка.

Чуть свѣтъ отецъ опять уходитъ искать. Онъ скоро возвращается и такъ швыряетъ объ землю свою длинную пастушью палку, что та подпрыгиваетъ вверхъ и гудитъ, какъ струна. „Застрѣлили...“ говоритъ онъ матери и глядитъ на коневку переводчика такими глазами, что мать хватаетъ его за руки и шепчетъ про Сибирь, про веревку, про Меджида... Да, если бы не страшное слово: „приставъ“—быть бѣдѣ!..

У Меджида болитъ голова, у Меджида жаръ, у Меджида кыздырма̀. Потрясеніе и ночная прогулка не прошли даромъ. Онъ мечется и корчится отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ, дрожитъ и плачетъ. Мать разомъ теряется. Всѣ ея дѣти умерли отъ кыздырмы, и заболѣлъ послѣдній и самый любимый. Отецъ посылаетъ ее къ хакиму **). „Чагыръ, кой гельсунъ!“ ***) говоритъ онъ сурово, и когда мать исчезаетъ, подходитъ къ сыну и долго глядитъ ему въ лицо своими горячими и смѣлыми глазами. „Аллахъ...“ шепчутъ его побѣлѣвшія губы, и по лицу пробѣгаетъ судорога. Но когда возвращается мать, онъ уже отошелъ въ сторону и стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, спокойный на видъ и только суровѣй обыкновеннаго.

Приходитъ важный хакимъ въ высокой папахѣ. Ладони рукъ у него крѣпко накрашены хной, ногти тоже, борода тоже, даже волосы на головѣ кое-гдѣ ярко-красны. Это самый глупый изъ хакимовъ, но другого нѣтъ и приходится мириться съ этимъ.

*) Что такое?
**) Хакимъ—туземный знахарь.
***) Зови, пусть придетъ!.

Онъ усаживается на корточки и кладетъ Кара-Меджида передъ собой.

„Бисъ миллй...“ говоритъ хакимъ и плюетъ предварительно на брюшко ребенка. Потомъ онъ долго мнетъ Кара-Меджида, потомъ важно сидитъ молча, пока мать робко и тревожно, отецъ пытливо и сурово смотрятъ на него. Наконецъ, онъ подымаетъ голову и говоритъ: „кыздырмà“. Но тѣ и сами знаютъ, что кыздырма.

— Что дѣлать? говоритъ отецъ.

— Умретъ онъ?..—спрашиваетъ мать.

— Аллахъ биллйръ...—Богъ знаетъ!—отвѣчаетъ хакимъ матери и молчитъ отцу.

„Что дѣлать“, думаетъ хакимъ, „шайтанъ его знаетъ, что дѣлать! Развѣ съ кыздырмой что сдѣлаешь—все равно умретъ...“ но не говоритъ этого, а начинаетъ врать. „Герѐкъ...—съ разстановкой начинаетъ хакимъ,—надо...“ и медленно, цѣдя слово за словомъ, онъ излагаетъ курсъ леченія. Оказывается, что надо поднять полы кибитки, чтобы свободно проходилъ воздухъ, закрыть Меджида всего, кромѣ ногъ—тѣ оголить и дать ему арбузнаго соку. Ребенокъ лежитъ подъ одѣяломъ, мокрый отъ пота, съ оголенными ножками и дрожитъ отъ свѣжаго утренника. Мать сидитъ напротивъ, она подурнѣла и стала почти черной.

Солнце уже стоитъ высоко, когда пріѣзжаетъ приставъ. У его кочевки цѣлая толпа. Начинается разборъ жалобъ и претензій и многочисленныя взысканія. Кого-то порютъ, кому-то вяжутъ руки. Это обычный результатъ кочевыхъ передвиженій и повторяется неизмѣнно два раза въ годъ, весной и осенью. Весной дерутъ въ горахъ, осенью въ степи.

Вмѣстѣ съ приставомъ пріѣзжаетъ и тотъ веселый землемѣръ, который былъ здѣсь и въ прошломъ году. Онъ опять будетъ разбирать ихъ вѣковѣчную ссору съ сосѣднимъ кочевьемъ изъ-за пастбищъ, опять будетъ уговаривать ихъ помириться. Изъ этого, конечно, ничего не выйдетъ, какъ и въ прошломъ году, но все кочевье съ благословеніями будетъ провожать его, какъ и тогда, и лучшіе всадники вихремъ будутъ мчаться по степи, джигитуя съ безуміемъ молодости. Дѣло въ томъ, что онъ, вѣроятно, опять привезъ съ собой тотъ горькій, бѣлый порошокъ, отъ котораго гудитъ въ ушахъ, у иныхъ горятъ и чешутся ладони и надуваются жилы на лбу, но отъ котораго проходитъ кыздырма, страшная кыздырма, убивающая иной разъ человѣка въ одну недѣлю.

Первая узнаѐтъ пріѣхавшаго ахметкина мать. Ахметъ долженъ былъ умереть, но ему дали того бѣлаго порошка и онъ остался живъ. Понемногу по кочевью расходится извѣстіе, что пріѣхалъ прошлогодній „чиновнйкъ“. Къ этому чиновнику и подходить-то не страшно—онъ такой простой и веселый. Но какъ только до него добраться? Съ нимъ опять толсторожій Ѳе-

доръ, его переводчикъ и разсыльный. Этотъ Өедоръ никого не пускаетъ. „Пѐдыръ!—умоляютъ его женщины,—Пѐдыръ-бекъ!". Но „Өедоръ-бекъ" неумолимъ. Сначала приставка „бекъ" къ его имени была магической: Өедоръ тотчасъ пускалъ; но мало-по-малу онъ привыкъ и уже обижается, если его назвать просто „Пѐдыръ", а не „Пѐдыръ-бекъ". Этотъ „бекъ" теперь стоялъ у кочевки своего барина и, покуривая, благодушно игралъ плетью.

Мать Кара-Меджида долго не могла понять, когда сосѣдка трещала ей, что пріѣхалъ прошлогодній „чиновникъ". Какое ей дѣло до всѣхъ чиновниковъ міра? Кара-Меджидъ боленъ, Кара-Меджидъ умретъ. Она тупо глядитъ на сосѣдку и снова переводитъ взглядъ на сына. Но едва та произноситъ „бѣлый порошокъ", какъ мать догадывается и, кое-какъ накинувъ чадру, бѣгомъ бѣжитъ по кочевью. Только у кибитки землемѣра она умѣряетъ шагъ: широкая фигура „бека" Өедора дѣйствуетъ на нее угнетающе. Какъ-то спотыкаясь и захлебываясь отъ слезъ, она подходитъ и почтительно садится на землю. Онъ такой важный, этотъ „Пѐдыръ-бекъ" и такъ много значитъ теперь для нея, что она не смѣетъ при немъ стоять. Сначала со страху губы матери только шепчутъ: „Кара-Меджидъ... кыздырма... весь горитъ.." „Бекъ", поджавъ губы, небрежно глядитъ въ сторону и молчитъ; его широкая харя сіяетъ самодовольствомъ и величіемъ. Но лишь только мать собирается съ силами и начинаетъ громко: „Мэнымъ оглы...", какъ Өедоръ зеленѣетъ отъ злости и показываетъ ей плеть. Женщина, согнувшись, умолкаетъ и только безсмысленно шевелитъ губами. „Өедоръ-бекъ" продолжаетъ стоять; къ барину онъ не пуститъ: во-первыхъ, тотъ съ дороги усталъ и спитъ, а если бы и не спалъ... изъ-за чего?.. Мрутъ! Велика важность!.. „Орда чертова!.." думаетъ Өедоръ, презрительно глядя на закопченныя кибитки, голыхъ ребятишекъ и худую убогую фигуру женщины. Онъ входитъ въ кибитку и опять появляется, а женщина все сидитъ и шепчетъ. Проходитъ часъ, другой... „Сейчасъ баринъ проснется и увидитъ эту чертову куклу..." думаетъ Өедоръ и направляется прогнать ее. Но женщина скорѣе позволитъ убить себя, чѣмъ уйдетъ, и Өедоръ уже собирается отхлестать ее. Но „баринъ" въ самомъ дѣлѣ проснулся. „Өедоръ, умываться!" слышитъ женщина молодой сильный голосъ и, не удержавшись, начинаетъ громко плакать. На порогѣ появляется самъ землемѣръ.

— Агà, агà... *)—бросается къ нему женщина и уже кричитъ про Кара-Меджида, кыздырму, смерть...

—Переводи... понявъ только слово „кыздырма", отрывисто говоритъ „ага" Өедору.

---

*) «Агà»—«большой господинъ», обычное обращеніе къ важнымъ лицамъ.

— Да такъ это она, Григорій Михалычъ... мальчонка боленъ у ней...

— Переводи, говорятъ тебѣ, все!..—кричитъ, вспыливъ, землемѣръ.

Ѳедоръ переводитъ.

—Дай ей хины...—говоритъ „ага", морщась и отвертываясь отъ изступленныхъ глазъ матери.—Экое ты животное, погляжу я на тебя...—невольно говоритъ онъ Ѳедору.

—Да, вѣдь, у насъ у самихъ мало, не дай Богъ заболѣемъ здѣсь...—начинаетъ тянуть „бекъ", но землемѣръ пристально смотритъ на него, и осѣкшись Ѳедоръ, неохотно уходитъ въ кибитку.

—Постой, можетъ, у него жаръ... тогда нельзя... Скажи ей, я самъ пойду дамъ... Пусть подождетъ...

Тѣмъ временемъ отецъ Меджида опять привелъ хакима. Этотъ хакимъ (какъ и всѣ впрочемъ) въ серьезныхъ случаяхъ, первымъ дѣломъ, отчего бы то ни было, старается пустить кровь, изъ руки, изъ груди, изъ бока — чаще всего изъ бока. Хакимъ съ важностью усаживается и начинаетъ править небольшой ножъ-бичагъ. Тамъ что будетъ, а сейчасъ онъ откроетъ бочокъ ребенка и сдѣлаетъ на немъ нѣсколько нарѣзовъ, побѣжитъ кровь, и... отецъ Меджида будетъ глядѣть съ уваженіемъ и ожиданіемъ.

Войдя въ кочевку, Ѳедоръ разомъ догадывается въ чемъ дѣло. „У, эшекъ-оглы!" — говоритъ онъ и даетъ хакиму такую затрещину, что высокая папаха летитъ въ одну сторону, а бичагъ въ другую. Кара-Меджидъ глотаетъ горькій бѣлый порошокъ морщится и плачетъ.

И многимъ даютъ въ этотъ разъ порошку. Землемѣръ нарочно привезъ большую банку, и когда онъ уѣзжаетъ, ничего-таки не сдѣлавъ въ пограничномъ спорѣ, кочевье шумно и благодарно провожаетъ его. Мужчины жмутъ руки, говорятъ ласковыя слова и тихо и довѣрчиво треплютъ его по плечу. Мать Кара-Меджида плачетъ.

А самъ Меджидъ, заплетаясь еще слабыми ножками, бродитъ около кибитки. Онъ очень блѣденъ, но глазенки уже плутовски бѣгаютъ, и только порой облачко печали затуманиваетъ ихъ: стараго Аи убили, и Меджидъ смотритъ нехорошими глазами на провожатыхъ чиновника. Кара-Меджидъ не раздѣляетъ восторговъ матери; всѣ чиновники дѣлаютъ больно: одинъ убилъ Аи, другой мучилъ его, Меджида, горькимъ порошкомъ. А сколькихъ связали и увезли, сколькихъ били...

Мало-по-малу всадники скрываются въ горячихъ волнахъ степного воздуха, и Меджиду не видать ихъ, и Меджиду веселѣй.

Николай Лялинъ.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Первая любовь.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако—и вдругъ
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокругъ:
Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладою дыша...

Вотъ дождь! Ужъ это не впервые:
Прольется и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!
Едва лишь добѣжимъ до чащи—
Все стихло!.. О, зеленый кустъ!
О, взоръ счастливый и блестящій
И холодокъ покорныхъ устъ!

Въ морѣ.

Когда вдоль корабля, качаясь, вьется пѣна
И небо межъ снастей синѣетъ въ вышинѣ,
Люблю твой блѣдный ликъ, безмолвная Силена,
Твой безнадежный взоръ, сопутствующій мнѣ.
Люблю подъ шорохъ волнъ рыбацкіе напѣвы
И свѣжесть отъ воды—ночные вздохи волнъ,
И созданный мечтой, манящій образъ дѣвы,
И мой бездѣльный путь, мой одинокій челнъ.

* * *

Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?
Каждый слышетъ въ ней только свое.
Пусть скорѣе душа съ одиночествомъ свыкнется,—
Все равно не воротишь ее!
Еслибъ вы и сошлись, еслибъ вы и смирилися,
Ужъ не той она будетъ, не той...
Кто вернетъ тотъ закатъ, какъ навѣкъ вы простилися,—
Темный взоръ, засіявшій слезой?
Дни идутъ, и теперь отъ былого осталися
Только думы о томъ, чего нѣтъ,
Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣнчалися,
Да поблекшій портретъ!

Смерть.

Спокойно на погостѣ подъ луною.
Крестовъ объятья, камни и сирень...
Но вотъ нашъ склепъ: подъ мраморной стѣною,
Какъ темный призракъ, вытянулась тѣнь.
И жутко мнѣ. И мой двойникъ могильный
Какъ будто ждетъ чего-то при лунѣ...
Но я иду,—и тѣнь, какъ рабъ безсильный,
Опять ползетъ, опять покорна мнѣ!

* * *

Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали.
Тихо выпивъ вино, я въ смертельной истомѣ поникъ.
И сказала безстрастно, съ холодной улыбкой богиня:
„Сладокъ ядъ мой хмѣльной. Это лозы съ могилы любви!“

Ив. Бунинъ.

ПЕРЕВОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Пѣвецъ изъ Кумы *).

(Фантазія).

Анатоля Франса.

Онъ шелъ по тропинкѣ, извивающейся берегомъ моря вдоль холмовъ. Его непокрытое чело, изрытое глубокими морщинами, было охвачено повязкой изъ алой шерсти. Морской вѣтеръ разметалъ на вискахъ бѣлыя кудри волосъ. Пушистая бѣлоснѣжная борода обрамляла лицо. Его хитонъ и босыя ноги были подобны цвѣту тѣхъ дорогъ, по которымъ онъ странствовалъ уже столько лѣтъ. Съ боку у него висѣла самодѣльная лира. Его звали Старцемъ, иногда также называли Пѣвцомъ. Дѣти, которыхъ онъ обучалъ поэзіи и музыкѣ, дали ему и прозвище, и многіе звали его Слѣпцомъ, ибо зрачки его померкшихъ глазъ были закрыты вѣками, опухшими и покраснѣвшими отъ дыма очаговъ, около которыхъ было обычное мѣсто пѣвца. Однако, онъ не былъ погруженъ въ вѣчный сумракъ и, говорятъ, его взору было доступно то, чего не могли видѣть другіе смертныя. Онъ пережилъ три поколѣнія и все бродилъ непрерывно изъ города въ городъ. И вотъ, послѣ того, какъ онъ пѣлъ цѣлый день у одного изъ царей Эгеи, онъ возвращался въ свой домъ, дымящуюся кровлю котораго можно было различить уже издали. Пройдя не останавливаясь всю ночь, чтобы не быть настигнутымъ въ пути полуденнымъ зноемъ, онъ теперь въ сіяніи зари увидѣлъ свою родину, бѣлоснѣжную Кимэ. Въ сопровожденіи пса, онъ медленно подвигался впередъ, опираясь на изогнутый посохъ и, собравъ остатокъ старческихъ силъ, бодро выпрямился и высоко откинулъ голову, чтобы не споткнуться на тропинкѣ, круто спускавшейся въ узкую долину. Солнце поднималось надъ горами Азіи и обливало розовымъ свѣтомъ скалистые, разсѣянные на морѣ, острова и на небѣ легкія тучки. Берегъ блисталъ. Но холмы, увѣнчанные терпентинными и мастиковыми деревьями, тянувшіеся на

*) Кума или гр. форма Κύμη—въ Эоліи, легендарная родина Гомера.

востокъ, были окутаны тѣнью и сохраняли еще ласковую свѣжесть ночи.

Старецъ отсчиталъ на этомъ склонѣ двѣнадцать разъ длину двѣнадцати копій и нашелъ налѣво отъ себя въ ущельи, между двумя скалами-близнецами, узкій входъ въ священную дубраву. Тамъ на берегу ручья возвышался жертвенникъ, сложенный изъ грубыхъ камней.

Олеандръ на половину скрывалъ его своими гибкими вѣтьями, усѣянными яркими цвѣтами. На вытоптанной площадкѣ передъ нимъ бѣлѣли кости жертвенныхъ животныхъ. Всюду кругомъ висѣли дары на вѣткахъ оливковыхъ деревьевъ. Дальше въ зловѣщей тѣни ущелья высились два древнихъ дуба; къ ихъ стволамъ были прибиты черепа быковъ. Зная, что это алтарь, посвященный Фебу, Старецъ углубился въ лѣсъ и, снявъ съ пояса висѣвшую на немъ небольшую чашу, наклонился къ ручью, который по ложу изъ сельдерея и кресса устремлялся къ лугамъ.

Онъ наполнилъ чашу свѣжей водой и набожно выплеснулъ нѣсколько капель передъ жертвенникомъ, прежде чѣмъ сталъ пить. Онъ молился безсмертнымъ богамъ, не вѣдающимъ ни страданій, ни смерти, между тѣмъ какъ на землѣ смѣняютъ другъ друга жалкія поколѣнія людей. Вдругъ ужасъ объялъ его и онъ устрашился стрѣлъ сына Латоны. Изнуренный болѣзнями и обремененный лѣтами, онъ любилъ дневной свѣтъ и боялся смерти и оттого у него явилась благая мысль. Онъ наклонилъ гибкій стволъ молодого вяза и, притянувъ его къ себѣ, повѣсилъ глиняную чашу на вершину деревца, и оно, выпрямившись, вознесло къ широкому небу приношеніе Старца.

На морскомъ побережьи высилась Кимэ, опоясанная своими бѣлыми стѣнами. Горная дорога, выложенная плоскими камнями, вела къ воротамъ города. Эти ворота были выстроены еще въ тѣ времена, о которыхъ исчезло уже всякое воспоминаніе; по сказанію, это было дѣломъ боговъ. Надъ воротами въ камнѣ были высѣчены какіе то знаки, смысла которыхъ никто не могъ объяснить, но всѣ считали ихъ приносящими счастье. Недалеко отъ этихъ воротъ тянулась площадь, а на ней подъ деревьями бѣлѣли скамьи старѣйшинъ. Близъ этой то площади, со стороны противоположной морю остановился Старецъ. Тамъ былъ его домъ. Тѣсный и низкій, онъ не могъ сравниться красотой съ сосѣднимъ домомъ, въ которомъ жилъ съ дѣтьми славный прорицатель. Входъ былъ наполовину скрытъ кучей навоза и въ ней рылся кабанъ. Она была невелика, не такая объемистая, какъ передъ жилищами богатыхъ людей. Но за домомъ тянулся садъ и стоялъ хлѣвъ; Старецъ сложилъ его своими руками изъ неотесанныхъ камней. Солнце взошло до средины залитого свѣтомъ неба; вѣтеръ съ моря упалъ. Все проникающій зной наполнялъ воздухъ и палилъ грудь людей и животныхъ. Старецъ пріостановился на порогѣ своего дома,

чтобы стереть рукой потъ со лба. Его песъ, внимательно уставясь на него, стоялъ съ высунутымъ языкомъ, порывисто дыша.

Старая Меланто появилась на порогѣ изъ глубины жилища и ласково привѣтствовала его. Она опоздала, ибо нѣкій богъ вселилъ въ ея ноги злого духа, раздувшаго ихъ и сдѣлавшаго ихъ тяжелѣй двухъ мѣховъ вина. Это была каріенская рабыня; одинъ царь еще въ юности подарилъ ее пѣвцу, бывшему тогда молодымъ и полнымъ силъ. И на ложѣ своего новаго повелителя она зачала большое количество дѣтей. Но ни одного изъ нихъ не осталось въ домѣ. Одни умерли, другіе ушли далеко, чтобы въ городахъ ахейцевъ зарабатывать хлѣбъ свой въ качествѣ пѣвцовъ или колесниковъ, такъ какъ всѣ они были хитроумны. А Меланто жила въ домѣ лишь со своей невѣсткой Аретэей и двумя дѣтьми Аретэи.

Она проводила господина въ большой покой съ закопченными балками, посреди котораго, передъ домашнимъ алтаремъ, лежалъ покрытый раскаленными угольями и облитый растопленнымъ жиромъ камень очага. Въ этотъ покой выходили въ два яруса небольшія комнаты, принадлежавшія женщинамъ. На столбахъ, поддерживающихъ крышу покоилось теперь то бронзовое оружіе, которое старецъ нашивалъ въ молодости, когда слѣдовалъ за царями въ тѣ города, куда они являлись на своихъ колесницахъ выручать кимэйскихъ дѣвушекъ, похищенныхъ героями. На одномъ изъ брусьевъ висѣло бедро быка.

Старѣйшины города наканунѣ прислали его пѣвцу, чтобы почтить его. Онъ порадовался при видѣ этого. Стоя, вздохнувъ до глубины своей изсушенной годами груди, онъ досталъ изъ складокъ хитона вмѣстѣ съ головками лука, остатками своего грубаго ужина, подарокъ эгейскаго царя—камень, упавшій съ неба и драгоцѣнный, такъ какъ онъ былъ изъ желѣза, хотя и слишкомъ малъ, чтобы сдѣлать изъ него наконечникъ копья. Онъ принесъ также голышъ, найденный имъ по дорогѣ. Камешекъ этотъ, если взглянуть на него съ одного бока, являлъ изображеніе человѣческаго лица. И Старецъ, показывая его Меланто, говорилъ:

— Жена, взгляни, какъ этотъ голышъ похожъ на кузнеца Пакора; простой камень не могъ бы такъ походить на Пакора, если бы Боги не попустили этого.

И когда старая Меланто омыла ему водой ноги и руки отъ покрывающей ихъ пыли, онъ взялъ обѣими руками бедро быка, отнесъ на жертвенникъ и сталъ его разрѣзать. Будучи мудрымъ и осторожнымъ, онъ не довѣрялъ приготовленія пищи ни женщинамъ, ни дѣтямъ и, по примѣру царей, самъ варилъ мясо животныхъ.

Тѣмъ временемъ Меланто старалась развести огонь въ очагѣ. Она раздувала сухія древесныя вѣтки до тѣхъ поръ, пока божество не воспламенило ихъ. Хотя забота объ огнѣ была также священнымъ дѣломъ, Старецъ терпѣлъ, чтобы оно было совершаемо женщиной, такъ какъ самъ

*

былъ удрученъ годами и усталостью. Когда вспыхнуло пламя, онъ бросилъ въ него куски мяса и перевертывалъ ихъ бронзовыми вилами. Присѣвъ на корточки, онъ вдыхалъ ѣдкій дымъ, наполнявшій комнату и вызывавшій ему на глаза слезы. Но, въ силу привычки, это не тяготило его, да и дымъ этотъ былъ знакомъ изобилія... По мѣрѣ того, какъ грубость мяса уступала непобѣдимой силѣ огня, онъ подносилъ куски ко рту и молча ѣлъ, медленно пережевывая ихъ старческими зубами. Стоя рядомъ, старая Меланто наливала ему чернаго вина въ глиняную чашу, подобную той, которую онъ принесъ въ даръ божеству.

Когда онъ утолилъ голодъ и жажду, онъ спросилъ, все ли благополучно въ домѣ и въ хлѣву, много ли шерсти наткано въ его отсутствіи, сколько сыровъ приготовлено и созрѣли ли маслины. И помысливъ о скудости своего имущества, онъ сказалъ:

— Герои пасутъ на лугахъ цѣлыя стада быковъ и телицъ, имѣютъ многочисленныхъ, красивыхъ и сильныхъ рабовъ; изъ слоновой кости и мѣди двери ихъ домовъ, и столы ихъ украшены золотыми чашами. Твердость ихъ духа обезпечиваетъ имъ богатства, которыя они сохраняютъ иногда до старости. Правда, въ молодости и я былъ равенъ имъ по отвагѣ, но у меня не было ни лошадей, ни колесницъ, ни слугъ, ни даже брони, достаточно крѣпкой, чтобы соперничать съ ними въ бояхъ и добывать себѣ золотые треножники и прекрасныхъ женщинъ. Кто сражается пѣшій съ ничтожнымъ оружіемъ, тотъ не можетъ уничтожить многочисленныхъ враговъ, ибо самъ боится смерти. Такъ и я, сражаясь подъ городскими стѣнами въ безвѣстной толпѣ слугъ, никогда не возвращался домой съ богатой добычей.

Старая Меланто отвѣчала:

— Война даетъ людямъ богатства, но она и отнимаетъ ихъ. Отецъ мой Кифъ владѣлъ въ Милатѣ дворцомъ и безчисленными стадами. Но вооруженные люди все отняли у него, а его самого убили. Меня же увели въ рабство, но со мной не обходились жестоко, такъ какъ я была молода. Вожди раздѣляли со мной ложе, и я никогда не нуждалась въ пищѣ. Ты былъ моимъ послѣднимъ и также наименѣе богатымъ властелиномъ.

И въ словахъ ея не звучало ни радости, ни грусти.

Старецъ отвѣчалъ ей:

— Меланто, ты не можешь на меня жаловаться,—я всегда обращался съ тобой ласково. Не упрекай меня въ томъ, что я не стяжалъ большихъ богатствъ. Кузнецы и оружейники богаты. Люди, искусные въ постройкѣ колесницъ, извлекаютъ выгоды изъ своей работы. Гадатели получаютъ большіе подарки. Но жизнь пѣвцовъ сурова.

Старая Меланто сказала:

— Жизнь многихъ людей полна лишеній.

И тяжелою походкою она вышла изъ дому, чтобы вмѣстѣ съ не-

вѣсткой наносить дровъ. Былъ тотъ часъ, когда непобѣдимый солнечный зной угнетаетъ и людей, и животныхъ и даже заставляетъ смолкнуть щебетанье птицъ въ неподвижной листвѣ. Старецъ прилегъ на цыновку и, покрывъ себѣ лицо, заснулъ.

Нѣсколько сновидѣній посѣтили его покой, но они не были ни прекраснѣй, ни замѣчательнѣй тѣхъ, что бывали ежедневно. Въ этихъ снахъ возникали передъ нимъ человѣческіе и звѣриныя образы. И такъ какъ онъ замѣчалъ между ними людей, которыхъ зналъ во время ихъ жизни на цвѣтущей землѣ и которыя, лишившись дневного свѣта, лежали подъ могильной насыпью, то онъ убѣждался, что души мертвыхъ носятся въ воздухѣ, но что онѣ безсильны и подобны пустымъ тѣнямъ. Ему было открыто сновидѣніемъ, что существуютъ также души животныхъ и растеній, которыя бываютъ видимы во время сна. Онъ былъ увѣренъ, что мертвецы, блуждая по Гадесу, сами создаютъ себѣ видимую внѣшность, ибо никто другой не могъ бы этого сдѣлать,— развѣ только кто-нибудь изъ тѣхъ боговъ, которые тѣшатся, обманывая слабый людской умъ. Но онъ не былъ прорицателемъ и не умѣлъ различать лживыхъ сновидѣній отъ сновъ правдивыхъ; ему наскучило ждать указаній отъ смутныхъ образовъ ночи, и мимо сомкнутыхъ вѣждъ своихъ онъ сталъ пропускать ихъ равнодушно.

Проснувшись, онъ увидалъ почтительно стоявшихъ передъ нимъ дѣтей кимэйскихъ, которыхъ онъ обучалъ поэзіи и музыкѣ такъ же, какъ и его самого училъ нѣкогда отецъ. Между ними были оба сына его невѣстки. Нѣкоторые были слѣпы, такъ какъ пѣвцами по преимуществу должны были стать тѣ, которые, лишенные зрѣнія, не могли ни работать въ полѣ, ни слѣдовать за героями на войну.

Въ рукахъ они держали дары, которыми платили за уроки пѣвца: плоды, сыръ, медовый сотъ, овечью шкуру и ждали одобренія учителя, прежде чѣмъ возложить ихъ на домашній алтарь.

Старецъ поднялся, взялъ лиру, висѣвшую на одномъ изъ столбовъ, и ласково промолвилъ:

— Дѣти, справедливо, чтобы богатые приносили бо̀льшій даръ, а бѣдняки давали бы меньшій. Зевсъ, отецъ нашъ, неравно распредѣлилъ богатства между людьми. Но онъ наказалъ бы ребенка, который бы утаилъ дань, должную божественно̀му пѣвцу.

Бдительная Меланто пришла, дабы унести дары съ жертвенника. Старецъ, настроивъ лиру, принялся обучать пѣснѣ дѣтей, сидѣвшихъ кругомъ него на землѣ, скрестивъ ноги.

— Внимайте,—сказалъ онъ имъ,—битвѣ Патрокла съ Сарпедономъ. Эта пѣснь прекрасна.

И онъ запѣлъ. Громко и сильно переходили звуки изъ тона въ тонъ, равномѣрно и однообразно слѣдовалъ стихъ одинъ за другимъ. Изрѣдка, чтобы голосъ его не слабѣлъ, пѣвецъ извлекалъ одиночный звукъ изъ своей трехструнной лиры и, прежде чѣмъ перевести духъ,

испускалъ рѣзкій крикъ, сопровождаемый пронзительнымъ звономъ струнъ.

Пропѣвъ число стиховъ, равное дважды числу пальцевъ на обѣихъ рукахъ, онъ заставлялъ дѣтей повторить ихъ, и они выкрикивали стихи звонкими голосами всѣ разомъ, дотрогиваясь, по примѣру учителя, до своихъ маленькихъ лиръ, ими самими сдѣланныхъ изъ дерева и вовсе не звучавшихъ. Старецъ терпѣливо повторялъ одни и тѣ же стихи до тѣхъ поръ, пока маленькіе пѣвцы не запоминали ихъ совершенно точно, Онъ хвалилъ внимательныхъ дѣтей, но тѣхъ, которымъ не хватало памяти или сообразительности, онъ ударялъ своей деревянной лирой, и они плакали, прислонясь къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ кровлю.

Примѣромъ своимъ училъ онъ ихъ пѣть, но онъ не прибавлялъ наставленій, ибо считалъ законы поэзіи установленными отъ вѣка и выше суда людского. Единственные совѣты, которые онъ давалъ имъ, касались благоприличія.

Онъ говорилъ имъ:

— Чтите царей и героевъ, которые возвышены надъ остальными людьми. Величайте героевъ по имени и по именамъ ихъ отцовъ, чтобы эти имена не забылись. Когда вы будете садиться въ собраніяхъ, оправляйте складки вашего хитона и старайтесь, чтобы ваша осанка была исполнена привлекательности и благопристойности.

И еще говорилъ онъ имъ:

— Не плюйте въ рѣки, такъ какъ онѣ священны. Въ пѣсняхъ, которымъ я васъ обучаю, не измѣняйте ничего, ни по своенравію, ни по недостатку памяти; и когда, быть можетъ, царь скажетъ вамъ: «Эти пѣсни прекрасны. Кто имъ тебя научилъ?»—вы отвѣтите: «Я выучился имъ у Старца изъ Кимэ, слышавшаго ихъ отъ своего отца, которому, безъ сомнѣнія, внушило ихъ нѣкое божество».

Отъ бычьяго бедра у него оставалось нѣсколько отличныхъ кусковъ. Съѣвъ одинъ изъ нихъ передъ очагомъ и раздробивъ кости бронзовымъ молоткомъ, чтобы достать оттуда мозгъ, которымъ лишь онъ одинъ во всемъ домѣ былъ достоинъ питаться, онъ надѣлилъ остатками мяса женщинъ и дѣтей на два дня.

Тогда онъ увидѣлъ, что скоро ужъ не останется хорошей пищи, и подумалъ:

«Богачи любимы Зевсомъ, бѣдняки же нѣтъ. Я, безъ сомнѣнія, оскорбилъ, самъ того не зная, кого-нибудь изъ боговъ, скрывающихся въ лѣсахъ и горахъ, или, пожалуй, ребенка одного изъ безсмертныхъ; и вотъ въ искупленіе моего невольнаго грѣха, я долженъ влачить старость свою въ нищетѣ. Часто мы и безъ дурного намѣренія совершаемъ поступки, достойные кары, ибо боги не вполнѣ открыли людямъ, что можно и чего нельзя совершать. И воля ихъ темна».

Онъ долго размышлялъ надъ этимъ и, опасаясь, что ему придется

снова испытать мученія голода, онъ рѣшилъ, не оставаясь въ жилищѣ своемъ празднымъ, въ эту ночь направиться на этотъ разъ въ страны, гдѣ между скалъ протекаетъ Гермосъ и откуда видно, какъ на горѣ, вдающейся въ море, подобно носу финикійскаго корабля, покоятся Орпэя, Смирна и прекрасная Гиссія. И вотъ почему въ часъ, когда первыя звѣзды мерцаютъ на блѣдномъ небѣ, онъ опоясался ремнемъ своей лиры и пошелъ вдоль берега къ жилищамъ богатыхъ людей, любящихъ слушать во время долгихъ пировъ похвалы героямъ и генеалогію боговъ.

Онъ шелъ по своему обычаю всю ночь и въ розовомъ сіяніи утренней зари ему открылся городъ, вѣнчающій высокій мысъ, и онъ узналъ богатую, голубями любимую Гиссію, съ вершины своей скалы смотрящую, какъ бѣлые островки рѣзвятся, подобно нимфамъ, въ сверкающемъ морѣ. Вблизи города, у источника, онъ присѣлъ отдохнуть и утолить свой голодъ лукомъ, принесеннымъ изъ дому въ складкахъ хитона.

Онъ еще не кончилъ свою трапезу, какъ увидѣлъ молодую дѣвушку; она съ корзиной на головѣ шла къ источнику мыть бѣлье. Сначала она поглядѣла на него съ недовѣріемъ, но увидѣвъ на немъ изорванный хитонъ и деревянную лиру и замѣтивъ, какъ онъ старъ, измученъ и утомленъ, она приблизилась безъ страха и внезапно, взволнованная жалостью и благоговѣніемъ, она зачерпнула обѣими горстями воды и освѣжила уста пѣвца.

И онъ назвалъ ее царской дочерью и обѣщалъ ей долгую жизнь, и сказалъ ей.

— Юная дѣва, рой желаній вьется вокругъ тебя. И я почту счастливымъ того, кто введетъ тебя на свое ложе. А я, старикъ, восхвалю твою красоту подобно ночной птицѣ, оглашающей съ кровли супруговъ воздухъ своимъ презираемымъ крикомъ. Я странствующій пѣвецъ. Юная дѣва, скажи мнѣ ласковыя слова.

И молодая дѣвушка отвѣчала:

— Если, какъ ты говоришь и какъ мнѣ кажется, ты дѣйствительно играешь на лирѣ, то не злой рокъ приводитъ тебя въ этотъ городъ. Богатый Мегесъ сегодня принимаетъ дорогого ему гостя и задаетъ старѣйшимъ жителямъ города большой пиръ въ честь своего гостя. Онъ, безъ сомнѣнія, пожелаетъ усладить ихъ слухъ пѣснями хорошаго пѣвца. Поди къ нему; его домъ видѣнъ отсюда. Въ него невозможно проникнуть со стороны моря, потому что онъ расположенъ на этомъ высокомъ мысѣ, врѣзывающемся въ средину волнъ и доступномъ однимъ буревѣстникамъ. Но если ты поднимешься къ городу по лѣстницѣ, высѣченной въ скалѣ, со стороны суши, близъ холмовъ, покрытыхъ виноградниками, ты, между всѣми, легко узнаешь домъ Мегеса. Онъ свѣжѣе побѣленъ известью и просторнѣй другихъ.

И Старецъ, съ усиліемъ поднявшись на ноги взошелъ по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ людьми прежнихъ дней, достигнулъ возвы-

шенной площади, на которой расположена Гиссія, и безъ труда узналъ домъ богатаго Мегеса.

Онъ пришелъ въ добрый часъ, ибо кровь только что закланныхъ быковъ струилась наружу, и запахъ горячаго жира распространялся далеко.

Онъ переступилъ порогъ, проникъ въ обширный покой для пировъ и, прикоснувшись рукой къ жертвеннику, приблизился къ Мегесу, который раздавалъ приказанія слугамъ и разрѣзалъ мясо. Гости сидѣли уже вокругъ очага и радовались въ надеждѣ на обильную пищу. Среди нихъ было много царей и героевъ. Гость же, котораго Мегесъ хотѣлъ чествовать этимъ обѣдомъ, былъ хіосскій царь, который въ поискахъ за богатствомъ долго плавалъ по морямъ и много претерпѣлъ. Его звали Ойнэй. Всѣ гости смотрѣли на него съ восхищеніемъ, ибо онъ, какъ нѣкогда божественный Улиссъ, спасся отъ безчисленныхъ крушеній, на дальнихъ островахъ позналъ ласки волшебницъ и привезъ много сокровищъ. Онъ повѣствовалъ о своихъ трудахъ и странствіяхъ и, одаренный тонкимъ умомъ, прибавлялъ къ были и вымыслы.

Увидѣвъ на старцѣ лиру, висѣвшую сбоку, и угадывая въ немъ пѣвца, богатый Мегесъ сказалъ ему:

— Да будетъ благословенъ твой приходъ. Какія пѣсни умѣешь ты слагать?

Старецъ отвѣчалъ:

— Мнѣ вѣдома «Ссора царей», причина столь великихъ страданій ахейцевъ; я знаю «Нападеніе на стѣну». И пѣснь эта прекрасна. Я знаю также «Сказанія объ обманутомъ Зевсѣ», о «Посольствѣ» и о «Погребеніи мертвыхъ». И эти пѣсни прекрасны. Я знаю еще шесть разъ шестьдесятъ чудныхъ пѣснопѣній.

Онъ такимъ образомъ хотѣлъ внушить имъ, что онъ знаетъ много пѣсенъ, но числа ихъ не помнитъ.

Богатый Мегесъ отвѣтилъ насмѣшливо:

— Бродячіе пѣвцы всегда говорятъ, въ надеждѣ на хорошій обѣдъ и богатый подарокъ, что они знаютъ много пѣсенъ; на повѣрку же выходитъ, что они запомнили лишь небольшое число стиховъ, и постоянно повторяя ихъ, они утомляютъ слухъ героевъ и царей.

Старецъ отвѣтилъ мѣтко:

— Мегесъ, — сказалъ онъ, — ты славишься своими богатствами. Знай же, что число пѣсенъ, вѣдомыхъ мнѣ, равняется числу быковъ и телицъ, которыхъ твои пастухи водятъ на горныя пастбища.

Мегесъ, восхищенный мудростью старца, привѣтливо сказалъ ему:

— Нужно имѣть не мало ума, чтобы запомнить столько пѣсенъ. Но скажи мнѣ: то, что ты знаешь объ Ахилессѣ и Улиссѣ, истина ли это? Ибо о герояхъ этихъ распространяютъ неисчислимыя выдумки.

И Пѣвецъ отвѣтилъ:

— То, что я знаю объ этихъ герояхъ, я слышалъ отъ моего отца, а онъ узналъ это отъ самихъ музъ, ибо нѣкогда безсмертныя музы посѣщали въ пещерахъ и лѣсахъ божественныхъ пѣвцовъ. Я не буду примѣшивать вымысла къ древнимъ сказаніямъ.

Такъ говорилъ онъ съ осторожностью. Но къ пѣснямъ, которыя онъ выучилъ съ младенчества, онъ привыкъ прибавлять стихи, взятые изъ другихъ пѣсенъ или созданные его воображеніемъ. Онъ и самъ слагалъ пѣсни почти цѣликомъ. Но онъ не сознавался въ этомъ изъ боязни, что въ его пѣсняхъ станутъ находить что-либо достойное хулы. Герои слушали охотнѣй сказанія о древнихъ временахъ, вѣря, что они были внушены богами, и съ недовѣріемъ относились къ пѣснямъ новымъ. Такъ что, когда ему случалось сказывать стихи, родившіеся въ умѣ его, онъ тщательно скрывалъ ихъ происхожденіе. Но онъ былъ чуднымъ поэтомъ и точно соблюдалъ всѣ установленныя обычаемъ правила, и оттого его стихи не отличались ничѣмъ отъ стиховъ предковъ; они были подобны имъ и по формѣ, и по красотѣ и достойны отъ самаго возникновенія своего безсмертной славы.

Богатый Мегесъ былъ умомъ не обиженъ. Догадываясь, что Старецъ былъ вѣщимъ пѣвцомъ, онъ отвелъ ему почетное мѣсто у очага и сказалъ ему:

— Старикъ, когда мы утолимъ нашъ голодъ, ты намъ споешь, что знаешь про Ахиллеса и Улисса. Постарайся очаровать слухъ Ойнэя, моего гостя, ибо герой этотъ исполненъ мудрости.

И Ойнэй, долго пространствовавшій по морю, спросилъ Пѣвца, вѣдомы ли ему скитанія Улисса. Но возвращеніе героевъ, сражавшихся подъ Троей, было еще покрыто мракомъ, и никто не зналъ, что выстрадалъ Улиссъ, блуждая по пустынному морю.

Старецъ отвѣчалъ:

— Я знаю, что божественный Улиссъ раздѣлялъ ложе Цирцеи и обманулъ Циклопа хитроумной выдумкой. Женщины объ этомъ разсказываютъ другъ другу сказки. Но возвращеніе героя въ Итаку скрыто отъ пѣвцовъ. Одни говорятъ, что онъ снова овладѣлъ и женою своею, и богатствами; другіе, что онъ изгналъ Пенелопу, такъ какъ она допустила жениховъ къ своему ложу; и что самъ онъ, караемый богами и лишенный покоя, блуждалъ среди народовъ съ весломъ на плечѣ.

Ойнэй отвѣчалъ:

— Я слышалъ во время моихъ странствованій, что Улиссъ умеръ, убитый рукой собственнаго сына.

Тѣмъ временемъ Мегесъ раздавалъ приглашеннымъ мясо быковъ. И каждому онъ подавалъ надлежащій кусокъ. Ойнэй громко хвалилъ его.

— Мегесъ, — сказалъ онъ ему, — видно, что ты привыкъ задавать пиры.

Быки Мегеса были вскормлены благовонными травами, росшими по склонамъ горъ, такъ что и мясо ихъ стало отъ нихъ душистымъ, и

герои ѣли и все не могли вдоволь насытиться имъ. И такъ какъ Мегесъ безпрерывно наполнялъ виномъ глубокую чашу и передавалъ ее гостямъ, то пиршество затянулось далеко за полночь. Ни у кого на памяти не было пира столь роскошнаго.

Солнце готовилось опуститься въ волны, когда пастухи, охранявшіе въ горахъ стада Мегеса, пришли получить свою долю мяса и винъ. Мегесъ чествовалъ ихъ, потому что они пасли стада не беззаботно, какъ пастухи долинъ, но вооруженные мѣдными копьями и одѣтые въ броню, дабы защищать быковъ отъ нападеній азіатскихъ племенъ. И они были подобны героямъ и царямъ, съ которыми равнялись отвагой. Ихъ привели Пейръ и Той, которыхъ хозяинъ поставилъ надъ ними, какъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ умныхъ. Поистинѣ трудно было бы найти мужей прекраснѣй этихъ двухъ. Мегесъ принялъ ихъ у своего очага, какъ знатныхъ защитниковъ своихъ богатствъ. Онъ далъ имъ вдосталь мяса и вина.

Ойнэй, любуясь на нихъ, сказалъ своему хозяину:

— Я не встрѣчалъ въ своихъ странствованіяхъ столь прекрасно сложенныхъ и сильныхъ мужей, какъ эти два вождя пастырей.

Но тутъ Мегесъ молвилъ неосторожное слово. Онъ сказалъ:

— Пейръ сильнѣй въ борьбѣ, но Той превосходитъ его въ бѣгѣ.

Услыша это, оба пастуха злобно переглянулись, и Той сказалъ Пейру:

— Должно быть, ты поднесъ хозяину одурманивающаго напитка, если онъ рѣшается сказать нынѣ, что ты сильнѣй меня въ борьбѣ.

И разгнѣванный Пейръ отвѣчалъ Тою:

— Я горжусь тѣмъ, что побѣждаю тебя въ борьбѣ, что же касается бѣга, я уступаю первенство, которое присудилъ тебѣ хозяинъ. Коль у тебя сердце трусливой лани, то не удивительно, что ты обладаешь и ея быстрыми ногами.

Но мудрый Ойнэй укротилъ ссору пастуховъ. Онъ сталъ разсказывать остроумныя басни, гдѣ описывались опасности раздоровъ на пирахъ. И такъ какъ онъ хорошо говорилъ, то стяжалъ себѣ хвалу. Когда возстановилась тишина, Мегесъ сказалъ Старцу:

— Воспой намъ, друже, гнѣвъ Ахиллесса и собраніе царей.

Старецъ настроилъ свою лиру и въ душномъ покоѣ раздались звучные разскаты его голоса. Могучее дыханіе вырывалось изъ его груди, и всѣ гости въ молчаніи слушали мѣрные звуки, воскрешавшіе времена достойныя воспоминанія. И многіе думали:

«Не чудно ли, что человѣкъ старый, какъ изсохшая лоза, уже не приносящая болѣе ни листьевъ, ни плодовъ, можетъ извлекать изъ своей груди столь мощные звуки»? Ибо они не знали, что пары вина и привычка пѣть давали пѣвцу тѣ силы, въ которыхъ отказывали ему его ослабѣвшія жилы и нервы.

Ропотъ похвалъ поднимался порой надъ собраніемъ, подобно дуно-

венію бурнаго зефира въ лѣсахъ. Но вдругъ ссора обоихъ пастуховъ, на мгновеніе затихшая, разразилась съ новой яростью. Разгоряченные виномъ, они вызывали другъ друга на состязаніе въ борьбѣ и въ бѣгѣ. Ихъ дикіе крики заглушали голосъ пѣвца, тщетно старавшагося покрыть ихъ гармоничными звуками своей лиры и своего голоса.

Пастухи, приведенные Пейромъ и Тоемъ, возбужденные и опьяненные, ударяли дланями и ворчали, какъ кабаны. Они давно уже образовали двѣ соперничавшихъ шайки и враждовали, какъ и ихъ вожди.

— Собака! — крикнулъ Той.

И онъ ударилъ Пейра кулакомъ въ лицо такъ, что кровь хлынула у него изо рта и изъ ноздрей. Ослѣпленный Пейросъ толкнулъ лбомъ въ грудь Тоя и тотъ упалъ навзничъ съ перебитыми ребрами. И вотъ пастухи-соперники бросаются другъ на друга, обмѣниваясь ругательствами и ударами.

Мегесъ и цари напрасно пытаются разнять освирѣпѣвшихъ. И самъ мудрый Ойнэй оттолкнутъ пастухами, которыхъ боги лишили разсудка. Мѣдныя чаши летятъ со всѣхъ сторовъ. Большія бычьи кости, пылающіе факелы, бронзовые треножники взлетаютъ въ воздухѣ и тяжело опускаются на дерущихся. Бойцы, сбившись въ кучу, опрокидываютъ очагъ, гаснущій въ винѣ, пролившемся изъ разорванныхъ мѣховъ.

Густой мракъ окутываетъ трапезную, откуда подымаются къ богамъ проклятія и вопли раненыхъ.

Разъяренныя руки мечутъ впотьмахъ пылающими полѣньями. Горящая головня попадаетъ въ Пѣвца, стоящаго неподвижно, и молча и ударяетъ его въ голову.

И тогда голосомъ, покрывающимъ шумъ битвы, онъ проклинаетъ домъ, оскорбившій его, и этихъ нечестивцевъ. И прижавъ лиру къ груди, онъ оставилъ жилище и пошелъ къ морю вдоль высокаго мыса.

Гнѣвъ его смѣнился глубокой усталостью и горькимъ отвращеніемъ къ людямъ и къ жизни.

Желаніе соединиться съ богами наполняло его грудь. Все кругомъ покоилось въ мягкомъ и безмолвномъ сумракѣ ночи.

На западѣ близъ тѣхъ странъ, гдѣ, говорятъ, носятся тѣни умершихъ, божественная луна, повисшая въ ясномъ небѣ, роняла серебристые цвѣты въ улыбающееся море. А старый Гомеръ продолжалъ подвигаться по высокой скалѣ до тѣхъ поръ, пока земля, носившая его такъ долго, не выскользнула у него изъ подъ ногъ.

Пер. съ франц. X.

Джесси.

(Изъ книги Anatole France «Le livre de mon ami.»).

Въ Лондонѣ, въ царствованіе Елизаветы, жилъ ученый, назывался онъ Богъ и былъ извѣстенъ подъ именемъ Богуса, какъ авторъ знаменитаго сочиненія объ ошибкахъ человѣчества, которое никто не видалъ.

Богусъ работалъ уже надъ нимъ двадцать пять лѣтъ, но не издалъ еще ни строки; рукопись, переписанная набѣло, составляла десять фоліантовъ, установленныхъ на полкѣ у окна. Первый томъ заключалъ въ себѣ разсужденіе объ ошибкѣ рожденія, основѣ всѣхъ ошибокъ. Въ слѣдующихъ томахъ говорилось объ ошибкахъ мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей, зрѣлыхъ мужей и старцевъ, людей всякихъ званій и занятій, какъ-то: государственныхъ мужей, купцовъ, солдатъ, поваровъ, писателей и т. д. Послѣдніе тома, еще не обработанные окончательно, говорили объ ошибкахъ государствъ, которыя вытекаютъ изъ ошибокъ частныхъ лицъ.

Связь отдѣльныхъ положеній книги была такова, что нельзя было выкинуть ни одной страницы, не тронувъ цѣлаго; заключенія такъ и вытекали одно изъ другого и послѣднее неопровержимо доказывало, что зло—суть жизни, и что если жизнь опредѣленная величина, то можно математически точно показать, что зла на землѣ ровно столько-же, сколько и жизни.

Богусъ не сдѣлалъ ошибки: онъ не женился. Онъ жилъ одинъ въ своемъ домикѣ, съ старой служанкой Кэтъ, т.-е. Катериной, которую онъ называлъ Клаузентина, потому что она была родомъ изъ Соутгэмптона.

Сестра философа была ума менѣе трансцендентнаго, чѣмъ ея братъ, и потому шла отъ ошибки къ ошибкѣ: она полюбила суконщика изъ Сити, вышла за него замужъ и произвела на свѣтъ дѣвочку—Джесси.

Послѣдней ея ошибкой была смерть послѣ десяти лѣтъ замужества. Слѣдствіемъ этой ошибки была смерть суконщика, не перенесшаго потери жены. Богусъ пріютилъ у себя сиротку, прежде всего изъ состраданія, а потомъ въ надеждѣ, что она доставитъ ему хорошій образчикъ дѣтскихъ ошибокъ.

Ей было шесть лѣтъ. Первую недѣлю она проплакала и все молчала. На восьмой день она сказала Богусу:

— Я видѣла маму, всю въ бѣломъ, съ цвѣтами въ складкахъ платья. Она высыпала цвѣты ко мнѣ на кровать, но я не нашла ихъ сегодня утромъ. Дай же мнѣ ихъ, мамины цвѣты.

Богусъ отмѣтилъ себѣ эту ошибку, но въ примѣчаніи поставилъ: «ошибка невинная и въ нѣкоторомъ родѣ изящная».

Нѣсколько времени спустя Джесси сказала:

— Дядя Богусъ, ты старъ и уродливъ, но я крѣпко люблю тебя и ты долженъ любить меня.

Богусъ взялся за перо, но, признавъ послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, что онъ дѣйствительно не былъ уже болѣе молодъ и что никогда не былъ особенно красивъ, онъ не отмѣтилъ словъ ребенка и только спросилъ:

— Отчего надо любить тебя, Джесси?

— Потому что я маленькая!

«А развѣ дѣйствительно надо любить маленькихъ?» спросилъ себя Богусъ. «Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ сильно нуждаются въ томъ, чтобы ихъ любили. Этимъ можно бы извинить обычную ошибку матерей, которыя даютъ своимъ младенцамъ молоко и любовь. Это глава моей работы, которую придется передѣлать».

Утромъ, въ день своихъ именинъ докторъ Богусъ вошелъ въ комнату, гдѣ были его книги и бумаги и которую онъ называлъ своей библіотекой. Онъ почувствовалъ пріятный запахъ и увидѣлъ на подоконникѣ горшокъ съ гвоздикой. Ихъ было всего три цвѣтка, но три пунцовыхъ цвѣтка, которые весело ласкало солнце. И все смѣялось въ ученомъ покоѣ: и старое кресло съ вышитымъ сидѣньемъ, и орѣховый столъ, смѣялись корешки старыхъ книгъ, изъ темной кожи, пергамента и свиной кожи. И Богусъ, высохшій, какъ они, началъ улыбаться. Джесси обняла его и сказала:

— Посмотри, дядя Богусъ, посмотри: здѣсь—небо,—и она показала при этомъ черезъ оправленныя въ олово стекла на синеватую прозрачную даль,—тутъ ниже земля, земля въ цвѣтахъ,—она показала на горшокъ съ гвоздикой,—а внизу черныя толстыя книги, это—адъ.

А эти толстыя черныя книги и были какъ разъ десять томовъ разсужденія объ «Ошибкахъ человѣчества». Ошибка Джесси напомнила Богусу объ его трудѣ, о которомъ онъ нѣсколько забылъ въ послѣднее время, гуляя по улицамъ и садамъ съ племянницей. Дѣвочка находила всюду тысячи прелестныхъ вещей и открывала ихъ доктору Богусу, который раньше никогда не гулялъ. Богусъ развернулъ свою рукопись, но потерялся въ собственномъ трудѣ, гдѣ не было ни цвѣтовъ, ни Джесси.

Къ счастью, на помощь ему пришла философія, которая внушила Богусу мысль о томъ, что Джесси собственно ни на что не годна. Онъ тѣмъ крѣпче ухватился за ту мысль, что она была необходима для всего построенія его труда.

Однажды онъ размышлялъ объ этомъ предметѣ, когда увидѣлъ Джесси, которая вдѣвала нитку въ иголку въ библіотекѣ у того самаго окна, гдѣ стояла гвоздика.

Онъ спросилъ ее, что она собирается шить.

Джесси отвѣтила:

— Развѣ ты не знаешь, дядя Богусъ, что ласточки улетѣли?

Богусъ ничего этого не зналъ: объ этомъ предметѣ не говорили ни Плиній, ни Авиценна. Джесси продолжала:

— Кэтъ сказала мнѣ вчера...

— Кэтъ?—вскричалъ Богусъ.—Дитя, очевидно, говоритъ о почтенной Клаузентинѣ?

— Кэтъ сказала мнѣ вчера: «ласточки улетѣли въ этомъ году раньше обыкновеннаго, будетъ, значитъ, ранняя и суровая зима». Вотъ что мнѣ сказала Кэтъ. Потомъ я увидѣла маму въ бѣломъ платьѣ и съ сіяніемъ въ волосахъ, но цвѣтовъ у ней не было, какъ тогда. Она сказала: «Джесси, надо взять изъ сундука мѣховой халатъ дяди Богуса и зашить его, если онъ пораспоролся». Я проснулась и какъ только встала, вытащила халатъ изъ сундука, кое-гдѣ онъ расшился, и я его зашью.

Пришла зима и оказалась такой, какой ее предсказали ласточки. Богусъ въ халатѣ, грѣя ноги у огня, старался переработать нѣкоторыя главы своего разсужденія. Но всякій разъ, какъ ему удавалось согласовать свои новыя наблюденія съ теоріей всемірнаго зла, Джесси путала его мысли, появляясь съ кружкой хорошаго пива или просто глядя на него и улыбаясь.

Когда вернулось лѣто, дядя и племянница стали гулять по полямъ. Джесси собирала растенія, дядя называлъ ихъ ей, а она вечеромъ раскладывала ихъ соотвѣтственно ихъ свойствамъ. На этихъ прогулкахъ Джесси часто проявляла свой прямой умъ и прелестную душу.

Однажды вечеромъ она разложила на столѣ сорванныя днемъ растенія и сказала Богусу:

— Теперь, дядя Богусъ, я знаю по именамъ всѣ растенія, которыя ты мнѣ указалъ. Вотъ тѣ, что лечатъ, и тѣ, что утѣшаютъ. Я хочу сохранить ихъ, чтобы всегда ихъ узнавать и указывать на нихъ другимъ. Мнѣ бы нужно толстую книгу, чтобы ихъ высушить.

— Вотъ возьми эту,—сказалъ Богусъ.

И онъ указалъ на первый томъ разсужденія объ «Ошибкахъ человѣчества».

Когда на каждой страницѣ оказалось по растенію, взяли слѣдующій томъ, и въ три лѣта все произведеніе ученаго обратилось въ сушилку цвѣтовъ.

Съ французскаго перевелъ Сергѣй Ольденбургъ.

О ВРАЧАХЪ.

(По поводу «Записокъ врача» *В. Вересаева*).

Памяти «истиннаго учителя и врача» Вячеслава Авксентьевича Манассеина.

(*Продолженіе* *).

VII.

Отношеніямъ медицины и врачей къ женщинамъ и обратно В. Вересаевъ, какъ и слѣдовало ожидать, удѣляетъ довольно много мѣста въ своей статьѣ и не разъ возвращается къ этому вопросу по разнымъ поводамъ. Это вполнѣ понятно: до послѣдняго времени вся медицина была въ рукахъ мужчинъ, у которыхъ и приходилось лечиться всѣмъ женщинамъ, и потому въ этихъ отношеніяхъ, какъ и во всей остальной жизни, должно было сказываться половое различіе въ той или другой степени, въ той или другой формѣ; эти отношенія были не только отношенія врача къ больному, но и мужчины къ женщинѣ, и по всей сложности требовали подробнаго анализа. Что эти отношенія не безразличны, достаточно указать на общеизвѣстные факты; есть дѣвушки и молодыя женщины, которыя избѣгаютъ лечиться до послѣдней крайности только потому, что приходится обращаться къ мужчинамъ-врачамъ, и, наоборотъ, есть женщины, которыя и теперь лечатся только у мужчинъ, хотя около нихъ есть пользующіяся извѣстностью женщины-врачи. Точно также есть мужчины-врачи, которые избѣгаютъ лечить женщинъ, особенно съ женскими болѣзнями; другіе же, наоборотъ, предпочитаютъ паціентокъ и дѣлаются гинекологами и акушерами. Нѣтъ безразличія во всѣхъ остальныхъ людскихъ отношеніяхъ, не могло его быть и въ области врачебной.

В. Вересаевъ и дѣлаетъ анализъ этихъ отношеній, хотя и не полный, такъ какъ онъ говоритъ, главнымъ образомъ, только о себѣ, о своихъ отношеніяхъ, впечатлѣніяхъ и случаяхъ и почти вовсе не касается другихъ, можетъ быть, еще менѣе устойчивыхъ въ этомъ отношеніи. Прежде всего занятія анатоміей вывели автора изъ

*) См. «М. Б.» іюль. 1902 г.,

того состоянія, которое такъ нравилось нашему легкомысленному поэту, находившему, что «тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ»: всѣ люди и особенно дорогая дѣвушка лишается своего ореола и начинаетъ казаться не имѣющей ничего привлекательнаго и поэтическаго. Можно ли объ этомъ сожалѣть? Конечно, нѣтъ; не дѣлаетъ этого и авторъ: вѣдь не одна наука разрушаетъ наши иллюзіи и мечты, но и первыя столкновенія съ жизнью и болѣе близкія сношенія съ женщинами приводятъ къ тѣмъ же результатамъ и, пожалуй, еще болѣе плачевнаго характера. Не даромъ Надсонъ со скорбью восклицаетъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи о возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи любви: «Только утро любви хорошо!» Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ дѣло съ наукой; она, правда, обнажаетъ человѣка и разоблачаетъ его всецѣло, но она же даетъ намъ знанія и законы, представляющіе нравственное удовлетвореніе и наслажденіе взамѣнъ разрушенной иллюзіи. Путемъ науки мы узнаемъ все и вся про человѣка, узнаемъ, что всѣ люди одно и то же, нѣтъ ничего неизвѣстнаго и особеннаго въ комъ-либо, и это уравненіе всѣхъ можетъ давать также извѣстное удовлетвореніе. Правда, иллюзія и мечты прекрасны, составляютъ украшеніе и прелесть жизни, но вѣдь онѣ все-равно будутъ разрушены и безъ науки, пошлымъ и неосмысленнымъ житейскимъ опытомъ; все-равно и безъ науки, какъ справедливо говоритъ въ томъ же стихотвореніи Надсонъ,—

«Томительно тянутся долгіе дни
«Пошлой прозы, тоски и обмана».

Пойдемъ далѣе за авторомъ. На первыхъ порахъ студенчества сладострастное чувство *или страхъ его* вызвало у него обнаженіе передъ аудиторіей молодой больной женщины; студенты *часто* приходили выслушивать сердце у сердечной больной, красивой дѣвушки, лежавшей въ клиникѣ. Воспоминаніе дома о первомъ случаѣ «приняло тонко-сладострастный оттѣнокъ, и я съ тайнымъ удовольствіемъ думалъ о томъ, что впереди предстоитъ еще много подобныхъ случаевъ».

Эта откровенная исповѣдь автора чуть ли не больше всего вызвала нападокъ и возраженій со стороны врачей, дошедшихъ даже до констатированія у автора половой неврастеніи.

Мнѣ думается, что возражающіе В. Вересаеву или забыли свое прошлое, или неискренни, или даже прямо лицемѣрятъ. Я позволю себѣ утверждать, что половое чувство въ той или другой степени, въ видѣ наслажденія красотой или даже съ болѣе сладострастнымъ оттѣнкомъ, испытываютъ въ началѣ очень многіе студенты (не всѣ ли?), и что это является весьма естественнымъ, хотя бы и нежелательнымъ. Вѣдь при осмотрѣ студенты играютъ пассивную роль, и прежде чѣмъ ихъ вниманіе будетъ увлечено всецѣло наукой—объясненіями профессора, они свободны отдаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и изъ нихъ въ данное время является наиболѣе сильнымъ—обнаженная женщина, красивое

тѣло которой еще не привычно, не надоѣло непресыщенному юношѣ, иногда очень чистому.

Это отношеніе является продолженіемъ только въ болѣе сильной степени нашихъ обычныхъ отношеній одного пола къ другому: кромѣ исключительныхъ случаевъ, ни одинъ мужчина не забудетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ женщиной, и ни одна женщина не преминетъ принять соотвѣтственный видъ при мужчинѣ. Какъ это замѣтно на различныхъ собраніяхъ, отъ студенческихъ сходокъ до ученыхъ засѣданій включительно, при появленіи лицъ другого пола, всѣ подтягиваются, разговоры оживляются, споры становятся ожесточеннѣе, словомъ передъ нами все тотъ же «средневѣковой турниръ во славу дамъ», но только не оружіемъ, а словами, жестами и пр. То же самое, но въ болѣе рѣзкой формѣ при обнаженіи женщины (для той же цѣли маменьки вывозятъ своихъ обнаженныхъ дочекъ на балы!).

Такъ вотъ какъ они учатся! не наука, а тѣло привлекаетъ ихъ! скажутъ иные. Въ сторону лицемѣріе и ложь, берите факты, каковы они есть. Когда начинаются объясненія, изслѣдованіе, наука побѣждаетъ вліяніе тѣла; во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ, когда помощь нужна сейчасъ же, когда форма болѣзни не обычная, а съ значительнымъ научнымъ интересомъ, тамъ постороннія чувства не являются вовсе, и все вниманіе студентовъ обращено на науку, и пола больного не существуетъ. Это обычное явленіе, но бываютъ уклоненія въ ту и другую сторону. Есть студенты и врачи, которыхъ природа во всей ея наготѣ, со всей ея подчасъ грязью, такъ отталкиваетъ, что они особенно сторонятся всѣхъ областей медицины, соприкасающихся съ женскимъ организмомъ, и изъ этихъ лицъ никогда не будетъ гинекологъ и акушеръ. Но зато есть другіе, которыхъ особенно привлекаетъ эта область, и они дѣлаются врачами половой сферы вообще и женской въ частности. У нѣкоторыхъ гинекологовъ и сифилидологовъ и замѣчается особый отпечатокъ плотоядности, особый развязный способъ обращенія съ больными и извѣстное отношеніе къ другому полу и вообще къ половой жизни, такъ рѣзко отличающія ихъ отъ другихъ спеціалистовъ: повторяемъ, всякая спеціальность налагаетъ свой отпечатокъ. Какъ не безразлично проходитъ для гинекологовъ ихъ занятіе, достаточно привести слова одного изъ нихъ своему брату не-врачу: «Вы счастливѣе насъ, васъ во всякомъ возрастѣ будетъ возбуждать обнаженное тѣло, а мы уже привыкли къ обнаженію женщинъ, и оно на насъ не производитъ возбуждающаго впечатлѣнія». Эти слова врача среднихъ лѣтъ указываютъ, между прочимъ, и на послѣдующія отношенія врачей къ другому полу: чувство *не безразличнаго* отношенія все болѣе и болѣе ослабѣваетъ или совсѣмъ прекращается, и врачу, много практиковавшему, все равно, больной ли передъ нимъ мужчина или женщина, онъ видитъ только страдающаго и стремится ему помочь.

Переходимъ теперь къ другой сторонѣ—къ *больнымъ женщинамъ*. В. Вересаевъ безусловно правъ, что для большинства женщинъ, особенно молодыхъ и дѣвушекъ, осмотры ихъ врачами и притомъ въ присутствіи студентовъ и передъ цѣлой аудиторіей доставляютъ массу мученій и непріятностей, и чувство стыдливости играетъ здѣсь главную роль. Но авторъ и здѣсь сгущаетъ краски: почти всѣ, за небольшими печальными исключеніями, стараются щадить больныхъ, и потому слова, что одну больную на пріемѣ профессора-сифилидолога «осматривали долго, осматривали мерзко, гнусно...» являются излишнимъ увлеченіемъ, бьющимъ на чувство. Конечно, осмотръ былъ подробный, какой необходимъ при сифилисѣ, при чемъ же тутъ «мерзко, гнусно», вѣдь эти слова предполагаютъ какое-то насиліе ради удовольствія изслѣдующихъ или преднамѣренное доставленіе непріятности больной.

Помимо оскорбленія стыдливости, леченіе женщинъ у мужчинъ-врачей имѣетъ и другую очень невыгодную сторону для врачей и больныхъ: изъ-за того же чувства стыда больныя очень многое скрываютъ изъ своего анамнеза или просто врутъ и не только при студентахъ, но даже и съ глазу на глазъ съ однимъ врачомъ (впрочемъ, нерѣдко изъ-за стыда продѣлываютъ то же и мужчины больные, особенно относительно половой жизни, пьянства). Отсюда затруднительность распознаванія болѣзни и правильнаго леченія. Больныя, особенно изъ такъ называемаго общества, часто отрицаютъ бывшій у нихъ сифилисъ, и при отсутствіи ясныхъ объективныхъ данныхъ, приходится дѣйствовать ощупью. Леченіе женскихъ болѣзней и нейрастеніи иногда ведется долго и безъ всякаго успѣха только потому, что женщина ни за что не хочетъ сознаться и оставить пользованіе различными способами противъ беременности. Иногда наблюдаются признаки хроническаго алкоголизма, и на всѣ вопросы получается обидчивый отрицательный отвѣтъ, а потомъ оказывается, что барыня усиленно накачиваетъ себя, если не виномъ, то различными суррогатами—валеріановыми, гофманскими каплями, одеколономъ и пр. Продѣлки морфинистокъ извѣстны всѣмъ. У крестьянокъ и мѣщанокъ обманъ и запирательство имѣютъ нерѣдко и преступную цѣль—вызвать выкидышъ, такъ какъ, по общераспространенному повѣрью, во время беременности нельзя принимать никакихъ лекарствъ, иначе произойдетъ выкидышъ. Помню одну дѣвушку, которая явилась ко мнѣ въ амбулаторію съ жалобой на отсутствіе мѣсячныхъ; раньше она пользовалась у другого врача, вѣрившаго ей на слова и лечившаго безъ надлежащаго осмотра. Конечно, полное отрицаніе половыхъ сношеній. Однако она легко согласилась на осмотръ, и оказалась беременной. И послѣ этого она все-таки упорно отрицала сношенія. Больная вовсе не была глупа, и было ли это наглое запирательство, или, дѣйствительно, полное наивное непониманіе дѣла—для меня осталось невыясненнымъ.

Такъ или иначе, но стыдливость женщинъ, заставляющая ихъ лгать завѣдомо, а иногда, можетъ быть, и безсознательно, мѣшаетъ распознаванію и леченію, особенно у молодыхъ, начинающихъ врачей, которые нерѣдко стыдятся не меньше самой больной и стѣсняются разспрашивать объ интимной жизни и настоять на полномъ осмотрѣ, когда больная колеблется или отказывается подвергнуться таковому,— отсюда сифилисъ можетъ сойти на первыхъ порахъ за жабу, беременность въ первые мѣсяцы за простое отсутствіе мѣсячныхъ.

Но есть и другія больныя, которыя, напротивъ, пользуются посѣщеніемъ врачей и даже университетскихъ амбулаторій для удовлетворенія своего полового чувства. Это хорошо извѣстно врачамъ, и потому ограничимся немногими примѣрами. Прежде всего нужно отмѣтить, что нѣкоторыя женщины прямо заявляютъ, что онѣ никогда не будутъ лечиться у женщинъ-врачей; причины этого, конечно, разнообразны: вѣковыя традиціи, недовѣріе ко всякому новому дѣлу, оскорбленное самолюбіе лечиться у лицъ своего пола (вѣдь женщинамъ-врачамъ многія остальныя женщины завидуютъ) и наконецъ... не послѣднюю роль играетъ влеченіе къ другому полу. Красивые врачи, caeteris paribus, преуспѣваютъ больше остальныхъ въ частной практикѣ, и карьеру ихъ устраиваютъ обыкновенно женщины. Одинъ изъ подобныхъ врачей жаловался мнѣ, что въ первые же годы его дѣятельности его развратили женщины, и приводилъ факты назойливой навязчивости своихъ soi-disant паціентокъ; впрочемъ, нужно добавить, что онъ самъ избралъ своей спеціальностью женскія болѣзни. Другой врачъ-терапевтъ недавно передавалъ мнѣ, что къ нему являлась подъ видомъ паціентки дѣвушка, желавшая испытать все... безъ всякаго обязательства для врача. А какую массу всякихъ и очень дорогихъ *сувенировъ* получаютъ врачи, и эти подарки далеко не всегда вызываются благодарностью паціентокъ, а желаніемъ обратить на себя бо̀льшее вниманіе нравящагося врача. Во многихъ случаяхъ играетъ, вѣроятно, главную роль не одно чисто животное чувство, но и нѣкоторая склонность, хотя бы и не высокаго качества, развивающаяся къ врачу на почвѣ близкаго соприкосновенія съ нимъ, сообщенія всѣхъ своихъ тайнъ. Кстати, курьезный, но достовѣрный фактъ: на одно мѣсто, по настоянію маменекъ, приглашали на службу только холостого врача, и надо было видѣть, какъ семьи съ взрослыми дочерьми спѣшили познакомиться съ пріѣхавшимъ врачомъ, приглашая его для практики. Стало быть, нечего обвинять однихъ врачей въ развращенности, а какова окружающая ихъ обстановка!

Пойдемъ дальше: есть и другія паціентки, которыя, для удовлетворенія своей страсти, не стѣсняются ничѣмъ и, можетъ быть, даже находятъ бо̀льшее удовлетвореніе при неподходящихъ условіяхъ и ненормальнымъ путемъ. Среди больныхъ, бывающихъ въ гинекологической амбулаторіи, можно всегда замѣтить совершенно различное отношеніе

къ пріему: однѣ очень стѣсняются и краснѣютъ даже при одномъ появленіи профессора и студентовъ, другія совершенно безучастны въ силу своего страданія или привычки, у третьихъ—на лицѣ написанъ страхъ, и, наконецъ, нѣкоторыя чувствуютъ себя совершенно свободно. Припоминаю одну среднихъ лѣтъ полную женщину, которая упорно и долго ходила въ клиническую амбулаторію съ совершенно пустой болѣзнью; она очень охотно переносила изслѣдованіе многихъ студентовъ (обыкновенно другихъ изслѣдовали только двое-трое), и никогда не протестовала, какъ другія. Не отказывать же ей было, благо такой удобный матеріалъ былъ для изслѣдованія и ученья. И мало ли другихъ случаевъ *не безразличнаго* отношенія женщинъ къ изслѣдованію и другимъ лечебнымъ манипуляціямъ. А гинекологическій массажъ, кстати сказать, введенный въ моду даже не врачомъ,—какая удобная почва для искусственнаго удовлетворенія страсти! Развѣ не того же типа описанная В. Вересаевымъ барыня, которая незнакомому студенту-медику разсказала всю подноготную своей жизни и своего гинекологическаго леченія?

Но, во всякомъ случаѣ, число женщинъ, такъ сказать, *выигрывающихъ* отъ леченія у мужчинъ, несравненно меньше, чѣмъ *проигрывающихъ*, т.-е. испытывающихъ стыдъ и непріятность отъ обнаженія своего тѣла и обнаруженія своихъ тайнъ передъ мужчиной-врачомъ и особенно въ присутствіи студентовъ. Доходитъ иногда эта стыдливость до такихъ размѣровъ, что приходилось не разъ отказывать въ леченіи женщинамъ, не соглающимся на изслѣдованіе, или дѣвушкамъ, отказывающимся дать выслушать грудь. Желательно избавить женщинъ отъ этой болѣе или менѣе серьезной непріятности, но, съ другой стороны, гдѣ же и на комъ мы будемъ учиться? Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? спрашиваетъ В. Вересаевъ и не даетъ отвѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть выходъ изъ этого заколдованнаго круга? Мы теперь отчасти уже приближаемся къ разрѣшенію этого вопроса созданіемъ института женщинъ-врачей, у которыхъ со временемъ и будетъ лечиться главная масса женщинъ, а потому заботы всего общества и особенно страдающихъ отъ настоящаго ненормальнаго положенія женщинъ и должны быть направлены къ тому, чтобы скорѣе было больше женщинъ-врачей, что возможно только при допущеніи женщинъ въ университеты. И если бы вопросъ шелъ только о леченіи отдѣльныхъ лицъ, то онъ и разрѣшился бы, можетъ быть, окончательно такимъ путемъ: при достаточномъ врачебномъ персоналѣ изъ обоихъ половъ, всѣ лечатся у врачей своего пола. Но на сцену являются наука и образованіе врачей,—возможно ли безъ ущерба для нихъ исключительное сосредоточеніе леченія лицъ одного пола въ рукахъ врачей того же пола? Состояніе науки въ настоящее время заставляетъ насъ отвѣтить на этотъ вопросъ безусловно отрицательно: женскій и мужской организмы существенно различны, и въ своихъ

отношеніяхъ и зависимостяхъ они такъ переплетаются между собой (особенно всѣ зависятъ отъ материнскаго организма), что мы не можемъ представить себѣ правильное развитіе науки и научно-образованнаго врача, который не былъ бы знакомъ съ анатоміей, отправленіями и болѣзнями особей обоего пола. Достаточно привести одинъ примѣръ: можетъ ли врачъ лечить правильно ребенка-мальчика, не зная кормящей его матери? Итакъ, стало быть, въ интересахъ науки и того же леченія не можетъ и не должно быть строгаго обособленія по леченію больныхъ только у врачей своего пола. А какъ же тогда избѣжать всѣхъ тѣхъ непріятностей и побочныхъ осложненій, о которыхъ говорено выше?

Стыдливость—чувство весьма сложное и, особенно подчеркиваемъ, чрезвычайно *условное*, т.-е. проявленіе его зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій—возраста, пола, времени, мѣстности, степени развитія и пр. Мы не можемъ останавливаться подробно на анализѣ этого чувства, но должны привести нѣсколько примѣровъ, необходимыхъ для подтвержденія этой мысли и разрѣшенія предложеннаго вопроса. Всѣмъ извѣстно, что люди мало развитые, напр., наши крестьяне, очень мало стѣсняются при отправленіи своихъ естественныхъ потребностей; русскіе горожане и культурные классы, напротивъ, всячески стараются замаскировать отправленіе своихъ нуждъ; наконецъ, на Западѣ, особенно въ Парижѣ, масса извѣстныхъ мѣстъ и особенно писсуаровъ, публика совсѣмъ не стѣсняется пользоваться ими, и приходилось наблюдать такіе факты, что шедшая подъ ручку парочка входитъ одновременно въ извѣстное мѣсто и, расположившись въ сосѣднихъ кабинетахъ, продолжаетъ начатый разговоръ (въ этихъ обыкновенно платныхъ мѣстахъ прислуга женская и часто очень молодая).

Итакъ, деревня и Парижъ, природа и культура сошлись въ этомъ отношеніи, а насъ, непривычныхъ русскихъ, и деревня, и Парижъ очень смущаютъ, но можемъ ли мы ихъ назвать безстыдными, и составляютъ ли ихъ дѣйствія оскорбленіе стыдливости? Думаемъ, что нѣтъ.

Пойдемъ дальше. В. Вересаевъ приводитъ примѣръ курсистокъ, изъ которыхъ одна свободно разговариваетъ о материнствѣ и зачатіи, но даже руки ея не касались мужскіе поцѣлуи, а другая, не стѣсняясь, поднимаетъ рубашку для осмотра ея живота врачомъ, но не позволитъ сказать себѣ какой-либо сальности. То же мы видимъ и на другомъ полюсѣ: наши крестьянскія женщины, даже самыя молодыя, обыкновенно не стѣсняются кормить грудью своихъ дѣтей въ присутствіи не только своихъ домашнихъ, но даже и постороннихъ; затѣмъ за всю мою долголѣтнюю практику среди крестьянскаго населенія я со стороны крестьянскихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ встрѣчалъ только единичные случаи отказа произвести самый подробный осмотръ и изслѣдованіе, а среди полукультурныхъ горожанокъ это наблюдалось чаще. Между тѣмъ, тѣ же полуразвитыя наши дѣвицы и даже 40-лѣтнія

дамы не находятъ ничего неприличнаго являться на балы съ полуобнаженной грудью, что дѣлается съ ясной цѣлью вызвать половое чувство у мужчинъ и такимъ образомъ пріобрѣсти себѣ жениха или поклонника.

Прежде чѣмъ перейти къ выводамъ изъ этихъ примѣровъ, остановимся на случаѣ В. Вересаева, гдѣ крестьянская дѣвушка Таня $1^1/_2$ мѣсяца не обращалась изъ-за стыда къ врачу и до-нельзя запустила свою болѣзнь. Такіе случаи, конечно, могутъ быть, но уклоненіе крестьянскихъ дѣвушекъ отъ леченія отъ всякой болѣзни, не требующей вовсе никакого обнаженія, объясняется, чаще всего не стыдомъ, а совсѣмъ другой причиной: про нее будутъ говорить, что она больна, ее удутъ обѣгать женихи, которымъ, по экономическимъ соображеніямъ, нужны здоровыя, а не болѣющія жены. Что не стыдъ, а именно боязнь «дурной славы» удерживаетъ дѣвушекъ отъ леченія, подтверждается тѣмъ, что онѣ особенно избѣгаютъ лечиться на глазахъ однодеревенцевъ и своихъ знакомыхъ, а также въ больницахъ въ амбулаторіяхъ, гдѣ ихъ также могутъ встрѣтить знакомые, и наоборотъ очень охотно лечатся тайкомъ, являясь на квартиру врача или даже уѣзжая не въ свой, а въ отдаленный врачебный участокъ, гдѣ опасность встрѣчи со знакомыми гораздо меньше; я не разъ слышалъ подобный мотивъ отъ родителей, привезшихъ издалека свою дочь, которая при этихъ условіяхъ лечится безъ всякаго стѣсненія. Бывали часто и такіе случаи: пріѣдешь въ деревню къ какому-нибудь больному, тебя зовутъ и въ другую избу посмотрѣть больного парнишку; въ дѣйствительности парнишка только предлогъ, а нужно посмотрѣть больную дочь-невѣсту, причемъ тебя слезно просятъ не говорить другимъ, что звали лечить дѣвушку. Точно также не стыдъ заставляетъ крестьянъ скрывать отъ всѣхъ, что въ ихъ домѣ собирается родить женщина, а предразсудокъ, будто чѣмъ меньше объ этомъ будутъ знать, тѣмъ легче будутъ роды; если приходится прибѣгнуть къ помощи врача или акушерки, то ѣдущій за ними, скрываетъ цѣль своей поѣздки отъ сосѣдей и съ врачомъ старается переговорить наединѣ.

Бытовыя и экономическія условія и особенно близость къ природѣ пріучили деревенское населеніе относиться просто и правильно ко всѣмъ проявленіямъ этой природы какъ среди людей, такъ и животныхъ; все это хорошо извѣстно всѣмъ, жившимъ въ деревнѣ и сталкивавшимся съ крестьянами. Не могу не привести здѣсь рѣзко врѣзавшійся въ мою память случай изъ деревенской жизни: однажды ранней весной встрѣтилъ я шедшихъ изъ той деревни, гдѣ я жилъ, двухъ крестьянокъ—довольно молодую женщину съ взрослой дѣвушкой дочерью; онѣ вели корову къ сосѣдней барской усадьбѣ. Я удивился, зачѣмъ онѣ, въ виду наступающей весны продаютъ свою корову, но мать отвѣтила мнѣ просто, безъ всякаго смущенія, что онѣ ведутъ корову не на продажу, а на ставку съ племеннымъ быкомъ у сосѣдняго помѣщика.

Какъ это просто и естетественно! Но это было въ началѣ моего знакомства съ деревней, и каюсь, я пожалѣлъ, что крестьянской дѣвушкѣ приходится знакомиться со всѣми тайнами не только животной, но и человѣческой жизни.

Въ данномъ случаѣ я, подобно большинству изъ насъ, являлся человѣкомъ, ушедшимъ отъ природы, но не достигшимъ высшаго развитія, которое такъ же, какъ и близость къ природѣ, заставляетъ просто и естественно относиться ко всѣмъ жизненнымъ потребностямъ и отправленіямъ. Только среднія ступени развитія и культуры представляютъ массу ложнаго стыда и въ то же время и безстыдства, а люди природы и люди высшаго развитія сходятся между собой въ этомъ отношеніи и относятся къ нашимъ отправленіямъ и нашему тѣлу во всемъ его цѣломъ просто и естественно: какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, курсистки и крестьянки—эти два полюса по развитію—стоятъ на правильной точкѣ зрѣнія, исключающей массу ненужныхъ и вредныхъ стѣсненій и условностей, хотя онѣ несравненно нравственнѣе, цѣломудреннѣе и ближе къ природѣ, чѣмъ наши барыни и барышни, являющіяся полуобнаженными на балъ, посѣщающія безнравственныя оперетки и въ то же время находящія неприличнымъ для дѣвушки заниматься анатоміей.

Вотъ мы и думаемъ, что въ высшемъ развитіи и въ близости къ природѣ есть отвѣтъ на вышепредложенный вопросъ, и В. Вересаевъ вполнѣ правъ, говоря: «безполезно гадать, гдѣ и на чемъ установятся въ будущемъ предѣлы стыдливости; но въ одномъ нельзя сомнѣваться, что люди все съ большею серьезностью и уваженіемъ станутъ относиться къ природѣ и ея законамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестанутъ краснѣть за то, что у нихъ есть тѣло, и что это тѣло живетъ по законамъ, указаннымъ природою». Достигается это, конечно, правильнымъ развитіемъ и воспитаніемъ; уже Руссо требовалъ, чтобы родители и воспитатели сами объясняли дѣтямъ все, а не предоставляли дѣлать это грязнымъ языкамъ прислуги и товарищей.

Это требованіе такъ ясно и резонно, но В. Вересаевъ и тутъ впадаетъ въ противорѣчіе и преувеличенія; «разницы тутъ нѣтъ рѣшительно никакой: воспитаніе ребенка ведется такъ, что не можетъ онъ, какъ «чисто» ни излагай ему дѣла, не увидѣть въ немъ самой ужасной и безстыдной грязи». Игры словомъ «грязь» и сравненія безстыднаго нашептыванія прислуги съ разумными объясненіями родителей мы уже безусловно понять не можемъ, и для чего автору нужно постоянно запутываться въ выдуманныхъ противорѣчіяхъ, когда и безъ того много дѣйствительно неразрѣшимыхъ загадокъ?

VIII.

Главы XIV и XV В. Вересаевъ посвящаетъ важному вопросу объ *однобокости медицины* и ряду проклятыхъ вопросовъ о будущемъ развитіи и судьбахъ человѣка, какъ homo sapiens.

Остановимся на первомъ вопросѣ. Нѣкоторые ученые обвиняютъ медицину въ *однобокости* и ея сомнительной пользѣ для человѣчества: медицина, помогая и спасая *недѣлимаго человѣка*, тѣмъ самымъ прекращаетъ дѣйствіе естественнаго отбора и вредитъ всему виду—человѣчеству. Спасая чахоточнаго, сифилитика, роженицу съ узкимъ тазомъ и пр., мы позволяемъ имъ производить потомство болѣзненное, слабое, съ пороками и такимъ образомъ ухудшаемъ будущее всего человѣчества, которое будетъ дѣлаться все менѣе выносливымъ, менѣе способнымъ къ борьбѣ съ болѣзнями и вредными вліяніями природы. Конечно, весь вопросъ о наслѣдственности, передачѣ пороковъ, преступности и болѣзней и вообще о *модномъ вырожденіи* всего лучше разрѣшается спартанскимъ способомъ—убійствомъ всѣхъ слабыхъ новорожденныхъ, или еще радикальнѣе—предложеніемъ нѣмецкаго ученаго покончить со всѣми преступниками и страдающими всѣми пороками и болѣзнями, передающимися по наслѣдству. Но при первомъ способѣ мы не имѣли бы Ньютона, Ренана, Шиллера, Гюго, Беранже и многихъ другихъ, а при исполненіи второго предположенія является серьезное опасеніе, что въ концѣ концовъ останутся только два человѣка, и имъ уже придется рѣшать путемъ жребія, кого изъ нихъ слѣдуетъ повѣсить перваго, какъ страдающаго большими передающимися по наслѣдству недугами,—оставшемуся послѣднимъ тоже придется повѣситься, ибо не оставаться же ему одному на свѣтѣ... и тогда весь міръ засіяетъ здоровьемъ и силой, но только безъ человѣка. А пока это радикальное предложеніе еще далеко до осуществленія, посмотримъ, такъ ли виновата медицина въ *однобокости?*

Начнемъ съ дѣтей. В. Вересаевъ говоритъ: «Чѣмъ сильнѣе дѣтская смертность, съ которой такъ энергично борется медицина, тѣмъ вѣрнѣе очищается поколѣніе отъ всѣхъ слабыхъ и болѣзненныхъ организмовъ». Это положеніе *справедливо только отчасти*. Наша русская язва — громадная дѣтская смертность у крестьянъ вовсе не есть результатъ естественнаго отбора, а слѣдствіе нашей *бѣдноты* и *темноты*, ибо масса совершенно здоровыхъ и крѣпкихъ крестьянскихъ дѣтей умираетъ отъ случайныхъ причинъ, отъ которыхъ умеръ бы и младенецъ-геркулесъ: тонутъ, горятъ, отравляются, обкармливаются, убиваются, задушаются вмѣстѣ спящими матерьми (по народному выраженію, «заспанныя дѣти») и наконецъ... съѣдаются свиньями. Думаю, что отъ всѣхъ этихъ смертей человѣчество не выигрываетъ для своего оздоровленія, а напротивъ, проигрываетъ хотя бы въ томъ

отношеніи, что послѣ смерти грудныхъ дѣтей получается новая беременность, и эта безпрерывная и преждевременная половая дѣятельность вмѣстѣ съ непомѣрной работой истощаетъ крестьянскихъ женщинъ.

Сомнѣваюсь я также въ еще болѣе превосходящей деревню *оздоровительной* дѣятельности—всѣхъ нашихъ столичныхъ и земскихъ воспитательныхъ домовъ, этихъ фабрикъ ангеловъ «на законномъ основаніи», гдѣ процентъ смертности дѣтей колеблется *) между 60—90%. Вѣдь нельзя же думать, что всѣ эти несчастныя дѣти, погибшія въ этихъ домахъ, были неприспособлены къ жизни,—напротивъ,—мы ихъ *приспособили*, чтобы они скорѣе очистили свѣтъ для другихъ подобныхъ.

Наконецъ, кто рѣшится утверждать, что данный ребенокъ, дѣйствительно, слабый, и міръ только выигрываетъ отъ его смерти? Ньютонъ и Ренанъ родились недоношенными, Гюго, Шиллеръ, Беранже и др. родились хилыми, мизерными и однако всѣ, кромѣ Шиллера (45 л.), дожили до глубокой старости: отъ 69 до 85 лѣтъ, значечитъ, ихъ организмъ сдѣлался крѣпкимъ, и въ то же время для человѣчества они сдѣлали такъ много, какъ немногіе родившіеся геркулесами. Ясно, что уходъ вмѣстѣ съ медициной и гигіеной, спасая этихъ *недѣлимыхъ*, сдѣлали громадную пользу и для всего *вида*—человѣчества.

Далѣе, *вопросъ о наслѣдственности* вовсе еще не рѣшенъ окончательно, и мы до сихъ поръ не имѣемъ математической формулы, которая намъ позволила бы опредѣлить оба неизвѣстныя ея: наслѣдственность и вліяніе обстановки въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы видимъ геніальныхъ людей, производящихъ безызвѣстное потомство, среднихъ людей съ геніальными дѣтьми, добродѣтельныхъ людей съ порочными дѣтьми и, наоборотъ, у сифилитиковъ и чахоточныхъ здоровыхъ дѣтей, а у здоровыхъ родителей болѣзненное потомство и пр. Гдѣ же границы наслѣдственности и начало вліянія обстановки? На этотъ вопросъ до сихъ поръ отвѣта не найдено, и, можетъ быть при громадномъ значеніи наслѣдственности, сооотвѣтственная, противоположная наслѣдственности, обстановка имѣетъ еще бо́льшее, такъ сказать, рѣшающее значеніе для жизнеспособности, здоровья и развитія человѣка. Мало того, и въ наслѣдственности нужно имѣть въ виду, двухъ производителей; является неизбѣжная борьба, чье вліяніе побѣдитъ, здороваго или больнаго производителя.

Разъ эти основные вопросы не разрѣшены, мы не имѣемъ права относиться отрицательно къ больнымъ людямъ и ихъ возможности имѣть потомство, а напротивъ, наша наука должна особенно напрячь свои усилія для улучшенія обстановки и первыхъ, и втораго.

---

*) Эта смертность превышаетъ обычную дѣтскую смертность въ Россіи въ 1½—2½ раза. См. «Докладъ правленія пироговскаго общества русскихъ врачей VIII съѣзду».

Пойдемъ дальше: несомнѣнно, есть такіе больные, которые, несмотря на всякое леченіе и подходящую обстановку, всю жизнь будутъ только «скрипѣть» и произведутъ такихъ же скрипящихъ дѣтей, но все-таки имѣетъ ли медицина право, съ точки зрѣнія интересовъ вида, отвернуться отъ этихъ людей? Можетъ ли фактически это осуществить? О фактической неосуществимости этого нечего и говорить,—едва ли создадутся когда-либо въ человѣчествѣ такія условія, которыя позволятъ примѣнить единственно подходящій сюда радикальный способъ упомянутаго выше нѣмецкаго ученаго, и даже смѣлые американцы не рѣшатся привести въ исполненіе предположенія своихъ непрошенныхъ реформаторовъ-врачей—оскопить или обезплодить (см. выше) всѣхъ болѣзненныхъ производителей. Но мы сомнѣваемся и въ правѣ, съ точки зрѣнія счастья того же *вида*—человѣчества. Исторія дѣйствительно великихъ людей—нашихъ учителей—представляетъ намъ цѣлый рядъ больныхъ и болѣзненныхъ людей—Бѣлинскій, Добролюбовъ, Помяловскій, Бокль, Гоголь, Достоевскій, Гейне; какъ много сдѣлано ими для счастья человѣчества и нѣкоторыми именно въ той области, которая насъ особенно занимаетъ теперь, для улучшенія обстановки, создающей болѣзни и пороки. Можетъ ли медицина отвертываться отъ такихъ людей и не повредитъ ли этимъ она еще больше *виду?* Позволяю себѣ высказать тоже и относительно маленькихъ незамѣтныхъ людей: многіе изъ молодыхъ чахоточныхъ являются такими идеально-чистыми, обаятельными и безконечно-добрыми, что за свой вредъ для вида съ излишкомъ платятъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ на окружающихъ (напр., Станкевичъ). Этихъ людей называютъ «не отъ міра сего», они и насъ поднимаютъ изъ міра грязи и своекорыстія. Да, наконецъ, на вопросъ, можно ли игнорировать для «счастья человѣчества» отдѣльными лицами, можно отвѣтить словами самого Вересаева: «Но вѣдь въ жизни-то, пожалуй, ничего, въ концѣ концовъ, и не существуетъ, кромѣ сознающаго себя существа, и каждое изъ этихъ существъ есть центръ всего и вся». Несмотря на это, авторъ все-таки заключаетъ: «И тѣмъ не менѣе фактъ все-таки остается фактомъ: естественный отборъ все больше прекращаетъ свое дѣйствіе, медицина все больше способствуетъ этому, а взамѣнъ не даетъ ничего, хоть сколько-нибудь замѣняющаго его». Мы же никакъ не можемъ признать это за фактъ, а только за болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, на которое мы можемъ отвѣтить другимъ, также вѣроятнымъ предположеніемъ: представители науки признаютъ, что медицина едва ли кого-либо спасаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова (кромѣ извѣстныхъ хирургическихъ случаевъ), а только помогаетъ данному организму справиться съ болѣзнетворными началами и самой болѣзнью. Разъ дѣло обстоитъ такъ, и медицина — только вспомогательное средство, которое вырываетъ у смерти одного и не спасаетъ другого съ той же болѣзнью (при одинаковыхъ условіяхъ и въ одной и той же клиникѣ), то естественный

отборъ сохраняется здѣсь въ полной силѣ: первый организмъ, въ силу отбора и при помощи медицины, осилилъ болѣзнь, а второй, болѣе слабый, отмѣченный отборомъ, не справился съ ней.

Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ области сифилиса. Въ глухихъ деревняхъ и до сихъ поръ встрѣчаются сифилитики, которые или лечатся у знахарей, или вовсе не лечатся и въ силу отбора справляются съ этой ужасной болѣзнью, остаются жить часто съ провалившимся носомъ, разрушеннымъ нёбомъ и все-таки производятъ часто здоровое потомство *). Такъ развѣ было бы вредно для *вида*, если бы медицина своевременно пришла имъ на помощь, помогла ихъ крѣпкой натурѣ, выдержавшей *отборъ*, и предохранила ихъ отъ ужасныхъ обезображиваній и разрушеній? Итакъ, принимая во вниманіе, что никто и никогда не согласится на коренную мѣру—на полное уничтоженіе всего слабаго и больного, или хотя бы на *обезпложиваніе* его, мы думаемъ, что медицина не врагъ, а другъ естественнаго отбора, тѣмъ болѣе, что ея главная задача бороться съ вредными и создавать нормальныя условія для жизни человѣка.

Далѣе, В. Вересаевъ вдается еще болѣе въ область предположеній и полагаетъ, что медицина не только не дѣлаетъ слабыхъ сильными, но даже и сильныхъ обращаетъ въ слабыхъ, такъ какъ оберегаетъ ихъ отъ вредныхъ условій (обеззараживаніе каждой раны, убіеніе зародышей заразныхъ болѣзней и пр.), а не пріучаетъ самый организмъ бороться съ этими условіями, пороками и ядами.

Въ подтвержденіе своей мысли авторъ говоритъ, что всякая заразная болѣзнь, обычная въ данной мѣстности, менѣе губительна, а въ борьбѣ съ чуждыми болѣзнями организмъ оказывается менѣе стойкимъ, такъ, напр., скарлатина и другія заразныя формы убиваютъ среди дикарей половину населенія. Дѣйствительно, акклиматизація и привычка къ данной заразной формѣ значатъ не мало, но для заразныхъ болѣзней еще болѣе значатъ условія этой мѣстности, гдѣ она появляется. Авторъ сдѣлалъ крупную ошибкую, не доведши своего сравненія до конца.

Въ самомъ дѣлѣ, наши заразныя болѣзни губительны для дикихъ, а то ли мы видимъ обратно? Далеко не то: вторгаются къ намъ чуждыя намъ болѣзни—холера и чума, и губятъ насъ вовсе не такъ сильно, какъ скарлатина и оспа дикарей. Прежде, когда мы мало отличались отъ дикарей, чума и холера производили въ Европѣ страшныя опустошенія, а теперь онѣ для насъ далеко не такъ опасны. Холера въ главныя холерныя пандеміи дала такія числа заболѣвшихъ и умершихъ (въ круглыхъ цифрахъ):

---

*) Обыкновенно сифилидологи, по своимъ наблюденіямъ надъ городскимъ населеніемъ, склонны утверждать, что сифилитики даютъ много выкидышей и безплодныхъ браковъ. Мои же наблюденія надъ крестьянскими женщинами въ Солигаличскомъ уѣздѣ даютъ обратное: гораздо большій % сифилитическихъ женщинъ родитъ доношенныхъ дѣтей, нерѣдко совершенно здоровыхъ. «Врачъ» 1889, № 13.

въ 1830—31 гг.	заболѣло	534.000,	умерло	234.000
1847—48	»	1.932.000	»	767.000
1853—55	»	609.000	»	245.000
1866—67	»	215.000	»	74.000
1871—72	»	632.000	»	238.000
1892—93	»	528.000	»	254.000

Такимъ образомъ, мы видимъ, что прежнія холерныя эпидеміи (притомъ и записи велись прежде очень плохо; вѣроятно, и больныхъ и умершихъ было еще больше) у насъ въ Россіи были гораздо страшнѣе, а съ улучшеніемъ условій и борьбы значительно ослабѣли; на Западѣ дѣло стоитъ еще несравненно лучше: кромѣ особенно загрязненныхъ и бѣдныхъ мѣстностей, тамъ холеры теперь не боятся. Чума еще болѣе доказательна: въ старые годы она опустошала чуть не на половину большіе города и цѣлыя государства, она была бичомъ и Россіи, и Запада, а теперь, несмотря на частые заносы, она ограничивается отдѣльными случаями. На родинѣ чумы и холеры, въ Индіи, эти болѣзни опять-таки болѣе поражаютъ привычныхъ къ нимъ туземцевъ, а не европейцевъ, хотя и непривычныхъ, но живущихъ при лучшихъ условіяхъ. Наконецъ, Англія, съ ея малой заразной заболѣваемостью (чума отскакиваетъ отъ Англіи, несмотря на постоянные заносы) и смертностью является лучшимъ доказательствомъ, что санитарныя условія дѣлаютъ людей болѣе стойкими въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, какъ разъ обратно предположенію В. Вересаева.

Далѣе онъ совершенно погружается въ область предположеній по очень важнымъ вопросамъ о несовершенствѣ настоящей ступени развитія человѣческаго организма (слѣпая кишка съ ея отросткомъ, противорѣчія въ области полового чувства и др.), о неприспособленности организма къ настоящей культурѣ и о вредномъ вліяніи культуры; въ заключеніе приводятся размышленія разныхъ авторовъ, по мнѣнію которыхъ мозгъ со временемъ поглотитъ все, освободитъ человѣка отъ безпокойныхъ внѣшнихъ воспріятій и даже оба пола совмѣстятся въ третьемъ полѣ, мозгъ котораго замѣнитъ мужскіе и женскіе половые органы. Останавливаться на всемъ этомъ мы не будемъ, такъ какъ это завлекло бы насъ далеко въ сторону, и только скажемъ нѣсколько словъ о нашей культурѣ, поскольку она имѣетъ отношеніе къ врачебному дѣлу. Если Руссо, можетъ быть, не совсѣмъ правъ въ своемъ утвержденіи, что «все совершенно, выходя изъ рукъ природы», то онъ совершенно правъ въ томъ, что наша цивилизація несетъ съ собой много вреднаго и нездороваго; для насъ особенно важно отмѣтить два условія, какъ результатъ неравномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ благъ,—все болѣе прогрессирующее удаленіе высшихъ и состоятельныхъ классовъ отъ природы и ухудшеніе условій жизни и работы рабочихъ классовъ. Какъ-то давно я видѣлъ каррикатуру идеальнаго рабочаго: маленькіе голова и животъ и громадныя руки

и ноги, обратная каррикатура могла бы быть идеаломъ состоятельныхъ людей. Неизбѣжное стремленіе къ этимъ идеаламъ составляетъ основную ложь нашей жизни, громадное зло, ведущее къ массѣ страданій и болѣзней обоихъ классовъ; на борьбу съ этимъ зломъ и должны быть направлены всѣ силы медицины и врачей,—но медицина пока обращаетъ на это мало вниманія. Впрочемъ, рекомендуются игры, гимнастика, спортъ, гулянья, но все это не серьезно, напоминаетъ переливанье изъ пустого въ порожнее, не можетъ быть выполняемо взрослыми людьми, для которыхъ нужна настоящая *полезная физическая работа*. Одинъ примѣръ: шведская королева страдала нервной формой, всѣ способы леченія были испробованы безрезультатно; тогда врачъ предписалъ паціенткѣ не пользоваться услугами прислуги, а всѣ работы около себя производить самой, и королева поправилась. Всякій, кому приходилось работать физически, хорошо знаетъ то особое пріятное чувство удовлетворенности организма и наслажденіе, которыхъ не испытываемъ мы часто отъ нашихъ культурныхъ развлеченій. В. Вересаевъ довольно картинно описываетъ вліяніе этой работы и отсутствія ея на организмъ и самочувствіе человѣка. Но ложный стыдъ, недосугъ и ненормальныя городскія условія лишаютъ насъ этого не только удовольствія, но и необходимаго условія для здоровья.

Закончимъ удачнымъ пожеланіемъ В. Вересаева: «Пусть все больше развивается мозгъ, но пусть же при этомъ у насъ будутъ крѣпкія мышцы, изощренные органы чувства, ловкое и закаленное тѣло, дающее возможность дѣйствительно жить съ природою одною жизнью, а не только отдыхать на ея лонѣ въ качествѣ изнѣженнаго дачника».

IX.

Но вотъ *врачъ кончилъ курсъ*. Отношеніе его къ медицинѣ рѣзко мѣнялось: поступая на факультетъ, онъ думалъ получить все; столкнувшись съ фактами безсилія медицины, онъ, какъ всѣ полузнайки, дѣлается нигилистомъ и издѣвается надъ медициной, наконецъ, лучше познакомившись съ наукой, онъ убѣждается, что медицина все-таки можетъ дѣлать многое, и съ такимъ спасительнымъ и довольно близкимъ къ истинѣ убѣжденіемъ выходитъ молодой врачъ. Эти переходы отъ вѣры къ невѣрію и отъ невѣрія къ сознательному отношенію къ наукѣ знакомы, вѣроятно, громадному большинству врачей; впрочемъ, бываютъ и такіе врачи, которые мало знаютъ и въ то же время особенно самоувѣренны и дерзаютъ на все, третьи, можетъ быть, менѣе отзывчивые и сострадательные, берутъ отъ медицины всю ея силу, довольствуются ею для оказанія помощи тамъ, гдѣ возможно, а безсиліе медицины и всѣ не поддающіеся излеченію больные ихъ мало безпокоятъ, сомнѣнія и проклятые вопросы ихъ не мучатъ; наконецъ,

четвертые—таковыхъ меньшинство—смотрятъ на медицину, какъ на ремесло, дающее «великія и богатыя милости», и внѣ этого для нихъ нѣтъ сомнѣній и терзаній. Дипломъ полученъ, и молодой врачъ убѣждается, что хотя онъ работалъ не меньше другихъ и по знаніямъ не ниже товарищей, а даже «выше большинства», но что онъ знаетъ очень мало, къ практической дѣятельности и совсѣмъ не подготовленъ: въ университетахъ намъ только все показываютъ, а не даютъ ничего дѣлать,—видѣть же не значитъ умѣть сдѣлать. Началась практика; молодой врачъ очень желалъ ея, — надо на что-нибудь жить,—но еще больше боялся, было меньше радостей и больше горя. Рядомъ удачно подобранныхъ примѣровъ и фактовъ авторъ указываетъ на ошибки и мытарства молодого врача и приходитъ къ такому заключенію: «Я лично не обращусь за помощью къ только что окончившему врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцію, не позволю дать своему ребенку новаго, мало испытаннаго средства».

Это—очень удачныя и производящія впечатлѣніе страницы «Записокъ», но онѣ-то и послужили одной изъ главныхъ причинъ нападокъ на автора за его «разоблаченія». Но мы считаемъ эти нападки несправедливыми и неискренними, желающими скрыть дѣйствительное положеніе дѣла. Я знаю одного врача, кончившаго курсъ однимъ изъ первыхъ, не только cumeximia laude, но даже съ преміей, и онъ, поступая сейчасъ же со скамейки на земскую службу, не бралъ ни разу ножа въ руки, не примѣнялъ акушерскихъ щипцовъ, не видалъ многихъ самыхъ обыденныхъ болѣзней, не умѣлъ наложить гипсовой повязки и даже не видалъ, какъ дѣлается оспопрививаніе. Можетъ быть, многіе были лучше и практичнѣе этого премированнаго врача; еще болѣе несомнѣнно, что многіе были еще менѣе знающіе и неопытнѣе его. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ разрѣшается очень просто: пускай всякій изъ противниковъ В. Вересаева отвѣтитъ искренно самому себѣ, былъ ли онъ такъ же опытенъ, самоувѣренъ и безошибоченъ въ діагнозахъ и леченіи въ самомъ началѣ своей практики, и вообще чувствовалъ ли себя такимъ же сильнымъ, какъ черезъ 2—3 года работы въ какой-либо больницѣ *) подъ руководствомъ опытныхъ товарищей? Мы не думаемъ, чтобы кто-либо былъ такъ самоувѣренъ и рѣшился дать утвердительный отвѣтъ. Мало того, наши лучшіе учителя давно признаютъ необходимость практической подготовки для начинающихъ врачей.

---

*) Счастливы тѣ молодые товарищи, которые, подобно вышеуказанному премированному, сразу попадаютъ на самостоятельную дѣятельность при больницѣ гдѣ они могутъ дольше учиться, провѣряя на коечныхъ больныхъ свои назначенія, теченіе болѣзни, распознаванія и пр.; положеніе же врачей, начавшихъ свою дѣятельность въ амбулаторіи или съ частной практики, несравненно хуже: возможность наблюденія и провѣрки у нихъ сводится до minimum'а.

Гдѣ же выходъ? Всякій кончившій врачъ долженъ пройти еще *практическую школу—подготовку* въ теченіе 2—3 лѣтъ въ больницахъ или клиникахъ подъ руководствомъ опытныхъ товарищей. Объ этой подготовкѣ и нужно сказать нѣсколько словъ. Медицинскіе факультеты при настоящемъ ихъ положеніи къ знаніямъ студентовъ и именно въ практическомъ отношеніи не могутъ прибавить многаго, такъ какъ для этого существуетъ слишкомъ много препятствій. Медикамъ преподается такъ много естественныхъ и спеціальныхъ наукъ, изъ которыхъ трудно что-либо сократить, что имъ приходится тратить почти все время на слушаніе лекцій и чтеніе учебниковъ; нерѣдко въ одинъ и тотъ же часъ происходятъ чтеніе лекцій, практическія занятія, пріемы, и студенту приходится выбирать что-либо одно и бросать все остальное. Большая масса студентовъ-медиковъ и сравнительно малое число клиническихъ больныхъ также сильно мѣшаетъ не только что-либо сдѣлать, но даже и посмотрѣть: каждому студенту приходится бывать кураторомъ въ теченіе года только у одного больного въ каждой клиникѣ и въ теченіе всего курса видѣть не болѣе 2—3 родовъ. Наконецъ, преподавательскій персоналъ, за весьма рѣдкими исключеніями, является неудовлетворительнымъ, но не по *качеству*,—есть разные,—а по *количеству* отдаваемаго ими времени на преподаваніе: почти всѣ они усиленно занимаются добываніемъ денегъ, отсюда всевозможное совмѣстительство должностей включительно до службы младшимъ ординаторомъ въ больницѣ (про одного профессора шутники говорили, что у него было такъ много должностей, что иногда онъ забывалъ, гдѣ ему еще нужно получить жалованье), болѣе или менѣе активное участіе въ частныхъ лечебницахъ, большіе пріемы на дому и разъѣзды по больнымъ, промышленныя экскурсіи. Все это отнимаетъ такъ много времени и такъ утомляетъ профессоровъ и ихъ помощниковъ, что клиникѣ и преподаванію удѣляется слишкомъ мало времени, и затѣмъ утомленный профессоръ очень долго отдыхаетъ лѣтомъ, поздно начинаетъ и рано кончаетъ свои занятія въ университетѣ. Всѣмъ извѣстная московская «Захараніада» ясно указала, до чего могутъ доходить медики въ погонѣ за наживой, впрочемъ, къ этому мы еще вернемся ниже. Бѣдность многихъ студентовъ, заставляющая ихъ бѣгать по урокамъ и пр., также не мало мѣшаетъ пріобрѣтанію ими болѣе солидныхъ знаній.

Нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ причинъ, препятствующихъ лучшей практической подготовкѣ студентовъ, могутъ быть болѣе или менѣе устранены, но все-таки студентъ, при существующихъ условіяхъ, *не можетъ кончить курса основательно подготовленнымъ практическимъ врачомъ*, и, слѣдовательно, свою подготовку онъ долженъ продолжать по окончаніи курса. Гдѣ же и какъ она должна происходить? Нѣкоторая часть можетъ продолжать свое спеціальное образованіе при университетахъ въ качествѣ ассистентовъ, ординаторовъ въ клиникахъ, но

бо̀льшая часть должна поступать въ больницы, столичныя, городскія и земскія. Больницы столичныя и большихъ городовъ имѣютъ свои преимущества въ видѣ лучшей обстановки и болѣе опытныхъ завѣдующихъ спеціалистовъ, затѣмъ жизнь въ этихъ городахъ имѣетъ такъ много обаятельныхъ прелестей, и въ нихъ легче сдѣлать лучшую карьеру, почему въ эти города и набирается такая масса врачей. Преимущества мелкихъ и земскихъ больницъ еще больше: въ нихъ много работы и мало помощниковъ, и молодымъ врачамъ придется во всю работать практически, до чего въ большихъ больницахъ изъ-за массы помощниковъ ихъ допускаютъ не легко; кромѣ того, деревня и маленькій городъ не представляютъ развращающаго вліянія—погони за практикой, которая постепенно обращается въ погоню за наживой. Изъ молодыхъ врачей, начавшихъ свою дѣятельность въ большихъ больницахъ, хотя бы и земскихъ губернскихъ, рѣдкіе идутъ потомъ на земскую службу и то не надолго; у нихъ атрофируются общественные интересы, прививаются личные вкусы врача-практика и ремесленника, а земскія и особенно участковыя именно прививаютъ вкусъ къ этимъ общественно-земскимъ интересамъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ нашей гуманной науки.

Какъ обставить въ матеріальномъ отношеніи молодого врача, продолжающаго при больницахъ свою практическую подготовку? Всѣ большія больницы и особенно столичныя этимъ практикантамъ ничего не платятъ, что неизбѣжно заставляетъ ихъ бѣгать за практикой; въ земскихъ очень немногихъ существуютъ должности ассистентовъ, получающихъ сравнительно небольшое вознагражденіе, но при дешевизнѣ деревенской жизни достаточное для одинокаго.

Есть способъ, довольно удачно разрѣшающій это затрудненіе: при всѣхъ земскихъ больницахъ есть по 2—3 лица фельдшерскаго персонала, одна изъ этихъ должностей и должна замѣщаться молодымъ врачомъ, который, неся часть фельдшерскихъ обязанностей, главнымъ образомъ будетъ работать, какъ врачъ подъ руководствомъ опытнаго товарища, и въ теченіе 1—2 лѣтъ пріобрѣтетъ достаточно познаній и навыка для самостоятельной дѣятельности. Я знаю напередъ, что такое предложеніе встрѣтитъ массу упрековъ и возраженій, но въ интересахъ населенія и самихъ молодыхъ врачей я считаю необходимымъ его отстаивать. Выигрышъ населенія отъ этого несомнѣнный, присутствіе второго врача позволитъ и маленькимъ больницамъ удовлетворять насущныя нужды населенія въ хирургической помощи. Молодой врачъ также будетъ въ большомъ выигрышѣ: онъ именно научится всѣмъ практическимъ пріемамъ, набьетъ руку въ томъ, чего ему не можетъ дать университетъ; мало того, въ качествѣ фельдшера онъ столкнется ближе съ населеніемъ и лучше узнаетъ его нужды и запросы. Что касается матеріальной обезпеченности, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что настоящее фельдшерское жалованье въ 240—400 руб. земства

охотно согласятся увеличить до 500—600 руб. для фельдшера-врача, а при такомъ вознагражденіи молодой врачъ проживетъ, конечно, не хуже тѣхъ столичныхъ экстерновъ и интерновъ, которые ничего не получаютъ и принуждены гоняться за практикой. Наконецъ, было бы ложнымъ самолюбіемъ со стороны молодого врача считать унизительнымъ для себя пробыть 1—2 года на положеніи фельдшера, тѣмъ болѣе, что всякій земскій врачъ будетъ обращаться съ нимъ по-товарищески, а не какъ съ подчиненнымъ, что позволяютъ себѣ продѣлывать больничные столичные воротилы.

Итакъ, *практическая подготовка для молодыхъ врачей необходима и неизбѣжна*, такъ какъ въ болѣе или менѣе скоромъ времени ни земства, ни другія учрежденія не будутъ приглашать только что кончившихъ курсъ на самостоятельныя мѣста; эта подготовка желательна въ такихъ больницахъ, преимущественно земскихъ, гдѣ начинающіе врачи проникались бы общественными интересами, а не личными аппетитами.

X.

Не мало достается отъ врачей автору «Записокъ» и за то, что онъ якобы разоблачилъ передъ публикой *все безсиліе медицины*, указалъ, что больные слишкомъ много ждутъ отъ медицины и врачей, и повторилъ то, что говорятъ наши учителя: «наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ», такъ какъ новыя операціи, опыты съ новыми средствами даютъ вначалѣ не мало неудачъ и жертвъ; такъ, напр., оваріотомія вначалѣ у лучшихъ хирурговъ давала печальные исходы, а теперь даже въ рукахъ среднихъ врачей она спасаетъ массу жизней.

Что же въ этомъ невѣрнаго и не то ли же говорятъ Пироговъ, Боткинъ, Бильротъ и многіе другіе наиболѣе выдающіеся учителя? И развѣ въ настоящее время лечебная часть медицины не является меньше наукой и больше искусствомъ, для котораго нужны таланты? Если и можно упрекнуть автора, то только въ свойственномъ ему преувеличеніи, когда онъ какъ бы отвергаетъ всякую преемственность и значеніе опыта другихъ и говоритъ: «Учись безъ предвзятости наблюдать живую жизнь, и *каждый начинай все сначала*». Но дальше авторъ самъ приводитъ, какъ много значатъ для насъ опыты прошлаго и прочныя пріобрѣтенія науки.

Нельзя не согласиться съ В. Вересаевымъ и въ томъ, что наши профессора мало насъ знакомятъ съ будущей дѣятельностью, вѣрнѣе сказать, съ границами нашей науки, т.-е. что дѣйствительно медицина можетъ дѣлать для больныхъ. Въ этомъ отношеніи можно сравнить двухъ моихъ учителей Боткина и Эйхвальда по тому вліянію, которое они оказывали на меня и нѣкоторыхъ моихъ товарищей. Боткинъ всегда ставилъ на первомъ планѣ все, что есть научнаго въ медицинѣ—

опыты, объективное изслѣдованіе, результаты вскрытій, а леченію, какъ искусству, имѣющему въ себѣ мало научнаго и дѣйствительнаго, отводилось не много мѣста и на лекціяхъ и пріемахъ. Напротивъ, Эйхвальдъ, какъ практикъ и восторженный терапевтъ, слишкомъ уже много мѣста отводилъ леченію и прославлялъ всемогущество лечащей медицины, но больные его клиники представляли блестящее опроверженіе и доказывали безсиліе самой разносторонней и энергичной терапіи. Въ результатѣ, съ лекціей и пріемовъ практика-Эйхвальда съ ихъ арсеналомъ лечебныхъ средствъ я уходилъ часто подавленнымъ, съ полнымъ невѣріемъ въ медицину, а лекціи ученаго теоретика-Боткина съ его десяткомъ излюбленныхъ средствъ успокаивали меня и заставляли вѣрить въ медицину и ея будущее. Московская захарьинская школа во главѣ со своимъ учителемъ пошла еще дальше Эйхвальда и готовила исключительно практиковъ, какъ професоровъ, такъ и врачей, и по своему *практическому* направленію московскіе врачи въ свое время рѣзко отличались отъ петербургскихъ врачей-академиковъ. Мы считаемъ такое направленіе безусловно вреднымъ для науки и больныхъ и поддерживающимъ шарлатанство и недовѣріе общества къ врачамъ и медицинѣ. Это неправильное исключительно лечебное направленіе врачей является одной изъ главныхъ причинъ, что даже великіе люди относятся нехорошо къ врачебному сословію. Отношеніе Л. Н. Толстого хорошо всѣмъ извѣстно, а вотъ какъ смотрѣлъ на врачей и Гумбольдтъ: *) «Въ Гренландіи,—сказалъ ему одинъ знакомый,—можно часто встрѣтить столѣтнихъ стариковъ, а между тѣмъ тамъ вовсе нѣтъ врачей; не правда ли, это просто изумительно?»—«У насъ въ Берлинѣ,—отвѣтилъ Гумбольдтъ,—есть нѣсколько сотенъ докторовъ; и тѣмъ не менѣе, иные люди доживаютъ до 100 лѣтъ; не изумительнѣе ли это въ еще бóльшей степени?» Въ этихъ отношеніяхъ Л. Толстого и Гумбольдта, конечно, много невѣрнаго и односторонняго, но не мало и справедливаго, вызваннаго тѣмъ, что врачи выдаютъ себя за творящихъ чудеса, тогда какъ они только болѣе или менѣе вѣрные и понимающіе слуги природы.

Научно образованный врачъ долженъ твердо знать границы нашей мощи, такъ какъ, за исключеніемъ хирургическихъ пріемовъ и гигіеническихъ мѣръ, всѣ наши лечебныя средства, кромѣ очень немногихъ, гадательны и польза отъ нихъ сомнительна. Доброй половинѣ всѣхъ нашихъ больныхъ назначаемыя нами средства, по меньшей мѣрѣ, безполезны, если даже не вредны, и эти больные прекрасно поправились бы только при нашемъ наблюденіи и выполненіи указанныхъ имъ гигіеническихъ мѣръ. Но врачъ-практикъ не можетъ такъ поступать, ибо у него перестанутъ лечиться, и онъ останется безъ куска хлѣба.

Вторая насущная задача врачей не скрывать отъ общества силы

*) «Врачъ», 1890, № 31.

и безсилія медицины, а опредѣленно и откровенно указывать, что наука можетъ, и что внѣ нашихъ силъ и знаній. Такое знакомство выгодно для обѣихъ сторонъ и значительно упростило бы отношенія: публика будетъ требовать отъ медицины и врача только то, что они могутъ дать, будетъ больше разсчитывать не на леченіе, а на предупрежденіе и правильный гигіеническій образъ жизни, и не станетъ, въ надеждѣ на чудодѣйственное значеніе лекарствъ, бросаться отъ врачей къ шарлатанамъ и отъ послѣднихъ къ первымъ. А теперь врачи, напротивъ, поддерживаютъ *вѣру въ чудодѣйственное*, противное всякимъ законамъ природы: развѣ не къ этой области чудеснаго и вреднаго должны быть отнесены, напр., пресловутыя браунъ-секаровскія впрыскиванія, которыми врачи сулили старикамъ вернуть ослабѣвшую или совершенно угасшую половую способность? Вѣдь противно всѣмъ законамъ природы и всякому здравому смыслу, чтобы совершенно износившаяся клѣточка снова начала дѣйствовать,—тогда не было бы ни старости, ни смерти. Можетъ быть, эти впрыскиванія подъ вліяніемъ самовнушенія и оказывали иногда нѣкоторое дѣйствіе, но, во всякомъ случаѣ, во вредъ больному, а между тѣмъ, на этомъ безумномъ желаніи старика «вернуть невозможное» возникло много врачебныхъ лавочекъ, и сдѣлана карьера не одного врача.

Къ сожалѣнію, эта вторая задача недостижима до тѣхъ поръ, пока всѣ врачи не будутъ общественными, въ прямыхъ интересахъ которыхъ будетъ имѣть меньше больныхъ, больше здоровыхъ; теперь же большинство врачей живетъ и богатѣетъ на счетъ больныхъ, благополучіе врача пропорціонально количеству больныхъ и ихъ вѣрѣ въ лекарственное леченіе и чудодѣйственную силу медицины, а потому борьба такихъ врачей съ антисанитарными условіями и болѣзнетворными причинами не можетъ быть энергична и плодотворна. Настоящій порядокъ, при которомъ врачи живутъ непосредственно на счетъ платы, получаемой отъ больныхъ, заставляетъ и врачей, и больныхъ особенно держаться лекарственнаго леченія всѣхъ болѣзней, и такимъ образомъ поддерживаетъ преувеличенную вѣру въ медицину и влечетъ за собой шарлатанство, въ которомъ не даромъ упрекаютъ врачей. Развѣ не шарлатанство масса новыхъ лекарствъ, выбрасываемыхъ ежедневно на рынокъ, и часто появляющихся только для того, чтобы завтра быть выброшенными за бортъ и уступить мѣсто другимъ, не болѣе долговѣчнымъ? Развѣ не ради «пусканія пыли» въ глаза больнымъ устроены многіе лечебные кабинеты и учрежденія со всѣми ихъ злоухищреніями? Неужели можно серьезно вѣрить, что назначеніемъ всевозможныхъ экстрактовъ и различныхъ патентованныхъ пищевыхъ средствъ можно лучше поднять питаніе, чѣмъ свѣжими пищевыми продуктами? Конечно, многое изъ этого продѣлывается для того, чтобы убѣдить публику, какой массой цѣлебныхъ средствъ обладаетъ медицина. Является къ врачу неврастеникъ, и врачъ, указавъ ему мель-

*

комъ на самое главное: нормальный образъ жизни и необходимость физической работы, чего въ сущности и было бы довольно для большинства такихъ больныхъ,—назначаетъ ему рядъ нервныхъ средствъ со строгимъ приказаніемъ принимать тогда-то, такъ и пр. Больному легче и удобнѣе возиться съ лекарствами и, видя строгій наказъ и самоувѣренность врача при назначеніи этихъ средствъ, больной больше полагается на лекарства, и измѣненіе образа жизни откладываетъ въ долгій ящикъ. Пользы отъ средствъ, конечно, мало, и больной мѣняетъ врачей, а часто переходитъ и къ шарлатанамъ. Другой примѣръ: обращается къ врачу новомальтузіанка, онъ назначаетъ ей рядъ всякихъ лекарствъ, тогда какъ долженъ былъ бы сказать опредѣленно, что пока не будутъ прекращены неправильныя половыя сношенія, ни о какомъ леченіи и выздоровленіи не можетъ быть и рѣчи.

Итакъ, мы и здѣсь сталкиваемся съ ложью нашей жизни. Эта ложь заставляетъ врача преувеличивать значеніе лечащей медицины, а больного безъ всякой пользы глотать массу всякихъ лекарствъ, и только общественная медицина можетъ начать правильную борьбу съ этимъ зломъ, а наши учителя, повторяемъ, должны быть дѣйствительными учеными, а не практиками, пріучающими своихъ слушателей «вѣрить въ неизвѣстное», т.-е. назначенію безконечнаго числа ненужныхъ и безполезныхъ, если не вредныхъ, лекарствъ. «Практику оставимъ практикамъ», наука же и ея представители не должны сами бродить и другихъ водить въ потемкахъ и играть на больномъ самочувствіи больныхъ людей, хватающихся за всякую соломенку и требующихъ отъ врача назначенія лекарствъ: вѣдь это тоже шарлатанство и игра въ «авгуры». Всякій прогрессъ и настоящая борьба возможны только тогда, когда зло названо своимъ именемъ и не замаскировано самообманомъ и лживыми надеждами, такъ и въ данномъ случаѣ: наука должна заявить прямо, что *надежды на лечащую медицину чрезмѣрно преувеличены*, ибо она только помогаетъ, но не вылечиваетъ,—только тогда начнется настоящая борьба со всѣми условіями, калѣчащими людей.

Мы не скрываемъ отъ себя трудности такого переворота—кореннаго измѣненія взглядовъ публики на медицину, но когда-нибудь начинать надо и должно уничтожить эту ложь.

XI.

Два молодыхъ и бѣдныхъ врача, только что кончившихъ курсъ, поселились въ одной квартирѣ въ Петербургѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія, а ради добыванія необходимыхъ средствъ, рѣшили заняться частной практикой. Долго имъ пришлось ждать больныхъ, но, наконецъ, явилась какая-то больная съ незначительной болѣзнью; обрадованный товарищъ проявилъ все свое участіе къ ней и изслѣдовалъ

ее по всѣмъ правиламъ науки чуть ли не цѣлый часъ, пока, наконецъ, не взмолилась эта больная: «Да отпустите вы меня, я вовсе ничѣмъ не больна». Этотъ врачъ плакалъ и не спалъ ночь, когда умеръ его первый больной отъ чахотки; въ земской пріемной среди стона больныхъ и плача дѣтей онъ буквально метался, стараясь скорѣе успокоить страданія и утишить слезы. Черезъ 5 лѣтъ больные, собравшіеся у того же врача въ земской амбулаторіи по 100 и болѣе человѣкъ, жаловались уже на обратное, что онъ очень скоро отпускаетъ, мало разспрашиваетъ и не проявляетъ должной жалости,—больные, особенно крестьяне, не такъ цѣнятъ изслѣдованіе и осмотръ, какъ разспросы и соболѣзнованія.

Знавалъ я и такую мать, которая не могла равнодушно слышать плача своего перваго ребенка, не спала по ночамъ, когда онъ былъ боленъ, а черезъ 10 лѣтъ, когда у нея было уже 5 дѣтей, она нерѣдко говаривала, что очень любитъ, когда дѣти кричатъ и плачутъ, потому что... ихъ тогда уносятъ или уводятъ въ отдаленную дѣтскую, и она ихъ не слышитъ и не видитъ.

Помню волненіе и слезы молодого адвоката, когда одного изъ его первыхъ кліентовъ приговорили къ тюремному заключенію; потомъ его кліентовъ, иногда, дѣйствительно, невинныхъ, приговаривали къ каторгѣ, ужасному тѣлесному наказанію, и онъ довольно спокойно переходилъ къ защитѣ другого.

Всѣ эти явленія одного и того же порядка—*изнашиваемости и приспособляемости человѣка*. Вызываемое возрастомъ притупленіе впечатлительности и развивающаяся привычка къ повторнымъ впечатлѣніямъ неизбѣжны, и послѣдняя *приспособляемость* даже необходима для многихъ и для врача въ особенности. Если бы врачъ къ крови и стонамъ относился такъ же, какъ и въ самомъ началѣ, то его хватило бы очень не надолго и, главное, онъ не могъ бы изъ-за своей чувствительности и волненій оказывать необходимую помощь; время наступленія этой нечувствительности и степень ея, конечно, очень разнообразны въ зависимости отъ индивидуальности и обстановки каждаго врача. Поэтому жалобы В. Вересаева на «очерствѣніе» врачей по меньмѣрѣ, безплодны, онъ самъ признаетъ, что оно не только необходимо, но и желательно. Конечно, правъ и больной, ждущій отъ врача не только знанія, но и «души»—*особеннаго* сочувствія или участія, но у врача, дѣлающаго десятки визитовъ въ день или имѣющаго въ пріемной сотню больныхъ, не хватитъ на это ни времени, ни силъ, или онъ долженъ пожертвовать массой больныхъ для нѣсколькихъ, на что общественный врачъ не имѣетъ права.

Врачъ долженъ *одинаково гуманно* относиться ко всѣмъ больнымъ, но не долженъ же онъ выслушивать по цѣлымъ часамъ розсказни иныхъ нервныхъ больныхъ, когда его ждутъ болѣе серьезные больные. Больной еще болѣе эгоистъ, чѣмъ здоровый, и ему непремѣнно

хочется, чтобы врачъ выдѣлилъ его, отдалъ ему особенное сочувствіе противъ другихъ, такъ какъ ему кажется, что его болѣзнь больнѣе другихъ; онъ даже находитъ оскорбленіе въ томъ, что его болѣзнь могутъ сравнивать съ другими, какъ въ описанномъ авторомъ случаѣ съ его сестрой, которая сочла свое горе опошленнымъ сравненіемъ профессора, что такихъ больныхъ тысячи. Тактъ врача, конечно, долженъ рѣшить, какіе случаи требуютъ особаго обращенія, но что въ этомъ отношеніи трудно угодить на больныхъ, сошлюсь на В. Вересаева и себя. В. Вересаевъ обращается съ больными гуманно, но онъ заранѣе ужасается, если къ нему, больному, другіе врачи будутъ относиться такъ, какъ онъ относится къ своимъ больнымъ. О гуманности и задушевной отзывчивости В. А. Манасеина говорено и писано не мало; я самъ на себѣ постоянно испытывалъ эту сердечность и такое вниманіе, какого можно ожидать только отъ самаго близкаго родного человѣка, и все-таки мнѣ, больному, показалось, что онъ недостаточно участливо отнесся къ моей болѣзни, тогда какъ теперь, здоровый, я сознаю, что *болѣе необычно сердечнаго отношенія и быть не можетъ!*

Успокоившись на мысли, что медицина можетъ *кое-что* дѣлать, авторъ наталкивается на препятствія, которыя и это кое-что сводитъ часто къ нулю; это—условія, при которыхъ живетъ большинство людей. Въ самомъ дѣлѣ, какой толкъ отъ прописыванія желѣза человѣку, которому нечего ѣсть, отъ назначенія лекарствъ легочному больному, живущему въ такой коморкѣ, въ которой воздухъ содержитъ все и очень мало кислорода? Оказалось, что медицина—«наука о леченіи однихъ лишь богатыхъ и свободныхъ людей». По существу это совершенно вѣрно, и въ настоящее время всѣми благами медицины могутъ пользоваться богатые и свободные, для большинства бѣдныхъ перепадаютъ только крохи; но въ этомъ слѣдуетъ сдѣлать поправки и въ ту, и въ другую сторону. Большое число лечащихся въ больницахъ и клиникахъ,—бѣдняковъ же среди нихъ большинство,—пользуются благами медицины почти въ такой же степени, какъ и состоятельные. Съ другой стороны, не нужно забывать о *мести природы* и богатымъ, если бы эта месть могла утѣшить бѣдныхъ и удовлетворить справедливость. И богатство не спасаетъ отъ своихъ спеціальныхъ болѣзней; всевозможныя излишества, пресыщенія, ожирѣнія и неврастеніи составляютъ преимущественно болѣзни богатыхъ, изнѣженный организмъ послѣднихъ труднѣе справляется съ нѣкоторыми болѣзнями, и, наконецъ, продуктъ бѣдноты—масса заразныхъ бозѣзней вторгается тогда и въ богатыя хоромы. Можно, конечно, пожалѣть, что эта месть мало даетъ себя знать; дѣйствуй она сильнѣе, богатые давно взялись бы за умъ и поняли бы, что *ихъ* здоровье и счастье зависитъ столько же отъ здоровья и счастья *всѣхъ*: всѣ убѣжденія и доводы дѣйствуютъ куда слабѣе шкурныхъ интересовъ, и частыя эпидеміи тифовъ въ богатыхъ домахъ заставили бы серьезно подумать и о лачугахъ.

Въ заключеніе В. Вересаевъ высказывается за санитарное направленіе медицины, что давно проповѣдуетъ земская медицина, и за то, что «врачъ долженъ, прежде всего, бороться за устраненіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ его дѣятельность безсмысленною и безплодною; онъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, онъ долженъ не только указывать, онъ долженъ бороться и искать путей, какъ провести свои указанія въ жизнь». (Къ сожалѣнію, этого одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ авторъ коснулся только вскользь, и ему слѣдовало бы освѣтить этотъ вопросъ и фактами, и данными, благо ихъ такъ много). Но этого никогда не будетъ, пока врачи занимаются и живутъ частной практикой; врачъ-практикъ не призванъ и не способенъ къ такому дѣлу: его умъ спеціализировался и направленъ на измышленіе способовъ леченія и на борьбу за существованіе—добываніе паціентовъ и куска хлѣба, онъ отвыкъ отъ обобщеній и общественной дѣятельности. Да врачу-практику и некогда, и нельзя заниматься такимъ дѣломъ, такъ какъ борьба съ санитарными безпорядками требуетъ много времени и борьбы съ лицами, а это оттолкнетъ многихъ паціентовъ.

Къ этому вопросу мы и переходимъ сейчасъ, а здѣсь замѣтимъ, что врачи-практики прибѣгаютъ только къ одной санитарной, вѣрнѣе, при настоящихъ способахъ выполненія, безразличной и безполезной мѣрѣ—дезинфекціи, благо она удовлетворяетъ обѣ стороны: врачъ далъ совѣтъ, паціентъ пригласилъ фельдшера для выполненія, и хлопотъ немного, и жизнь измѣнять не надо, и авторитетъ врача сохраненъ. Дезинфекція, какъ она производится въ настоящее время, является вреднымъ самообманомъ, успокаивающимъ обѣ стороны и замаскировывающимъ настоящее невозможное положеніе санитарнаго дѣла. Въ прошлую холерную эпидемію многія сотни тысячъ издержаны на дезинфекціонныя средства и успокоеніе общества, а наши города остались попрежнему авгіевыми конюшнями; эта холерная компанія еще разъ доказала, какъ вреденъ всякій успокаивающій обманъ, и какую несоотвѣтственную роль играли въ эту компанію законодатели санитарнаго дѣла—врачи.

Врачъ Д. Жбанковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПО ДОРОГѢ.

(Изъ замѣтокъ земскаго землемѣра).

Макарычъ.

«Не вся ты, Русь, обмѣряна землицей — попадаются углы благословенные, гдѣ ладно обошлось...»

Къ такимъ «угламъ» можно причислить и зарѣчную сторону М—скаго уѣзда, Вятской губерніи. Уѣздъ этотъ относится къ числу многоземельныхъ. На каждую «душу» тамъ нарѣзано по 15-ти десятинъ земли, которая достаточно хорошо родитъ и безъ удобренія. Огромные дремучіе лѣса, нѣсколько сплавныхъ рѣчекъ съ прекрасными поемными лугами дѣлаютъ жизнь въ этомъ углу легкой и привольной.

Конечно, она и тутъ не безъ пятенъ, не безъ тѣневой стороны; конечно, и тутъ иныя деревни ухитряются, несмотря на все богатство окружающей природы, нуждаться и даже бѣдствовать; но большинство деревень положительно благоденствуютъ, и жизнь ихъ принимаетъ иногда прямо идиллическій характеръ.

Въ такихъ счастливыхъ мѣстечкахъ нѣтъ бѣдняковъ, нѣтъ безхозяйственныхъ бобылей, а съ другой стороны, нѣтъ и кулаковъ, сколотившихъ свое богатство на окружающей бѣднотѣ. Тутъ всѣ живутъ «ровно»—сыто, привольно, безъ долговъ и недоимокъ...

По осенней, закатанной до блеска, дорожкѣ подъѣхалъ я къ такому-то зажиточному и привольному селу Порѣчному. Оно только недавно было образовано изъ деревни Порѣчной, крестьяне которой хлопотали объ учрежденіи новаго прихода потому, что старое село, куда они были приписаны, находилось отъ нихъ въ двадцати верстахъ. Добившись разрѣшенія на постройку церкви, они разсыпали по всей Россіи своихъ сборщиковъ «на построеніе храма Божія», въ одинъ годъ набрали нужную сумму, а на другой годъ уже построили веселую и красивую деревянную церковку, которая теперь привѣтливо поблескивала своей серебряной главой.

Привольное житье чуялось здѣсь во всемъ. Просторныя и высокія пятистѣнныя избы смотрѣли на улицу большими окнами, украшенными рѣзьбой или росписными обоконниками. Тесовыя ворота съ навѣсами

были красиво убиты гвоздями съ кусочками бѣлой жести. Около каждой избы стоялъ обширный крытый дворъ. Кругомъ же деревни то рядами, то группами высились большія клади хлѣба. Многія изъ нихъ были нынѣшней кладки, — свѣжія, желтыя; другія уже посѣрѣли и даже почернѣли.

Подъ горой стальной широкой полосой блестѣла рѣчка, а за ней, какъ обритые, разстилались обкошенные луга, на которыхъ величественно и грузно стояли огромные стоги сѣна...

Въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ серебряными нитями носилась паутина. Съ блѣдно-голубого неба мягко свѣтило солнце, придавая всей картинѣ мирный, веселый видъ...

Къ довершенію всего, былъ какой-то праздникъ. Улица пестрѣла, какъ махровымъ макомъ, яркими сарафанами и платками. Въ одномъ мѣстѣ водили хороводъ, и звонкіе дѣвичьи голоса такъ и разливались въ бодромъ и крѣпкомъ воздухѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около «пожарной», собралась большая толпа мужиковъ. Все это былъ рослый, крупный народъ, съ могучими, широкими плечами. Вездѣ слышался зычный говоръ, горластые окрики, раскатистый смѣхъ... Мнѣ пришлось помѣститься въ новомъ, только что отстроенномъ училищѣ. Свѣтлая, высокая комната была полна запаха смолы, которая янтарными капельками выступала изъ желтыхъ стѣнъ.

Скоро комната стала наполняться мужиками. Застучали здоровые мужичьи сапоги, зашуршали новыя ситцевыя рубахи, которыя стояли коломъ отъ крахмала. Меня окружили широкія бородатыя лица, которыя такъ радушно и весело смотрѣли на меня, что почему-то и мнѣ стало тоже легко и весело.

— Хорошо, должно быть, живется вамъ здѣсь?—спросилъ я.

— Ничего, слава Богу! Хорошо живемъ!—дружно отвѣтила толпа.— Нечего Бога гнѣвить!.. Чего еще намъ?..

Ни одной жалобы, никакихъ причитаній на нужду, на безпомощность, о чемъ начинаютъ ныть съ первыхъ же словъ худосочные мужичонки изъ захудалыхъ деревнюшекъ. Бодрые голоса; ясные глаза съ лукавымъ веселымъ огонькомъ; довольныя лица, которыя не вѣсились безсильно къ землѣ, а держались прямо, увѣренно, встряхивая иногда копной нависшихъ на лобъ волосъ...

— Чего еще намъ нужно?—смѣялись мужики, скаля бѣлые, какъ сахаръ, зубы. — Живемъ—нужды не знаемъ... Хлѣбушко есть... Подати заплачены... Чего еще мужику надо? Чисты!..

— Дѣйствительно, хлѣба у васъ много, — замѣтилъ я. — Кругомъ кабанами обставились...

— А вѣрно такъ—обставились!.. Ха-ха-ха!..— весело загудѣла толпа.— Есть, слава Богу, достатошно!..

— Продаете?

— Хлѣбъ ту?.. Нѣтъ! Зачѣмъ продавать? Намъ самимъ нуженъ:

скотинки поболѣ держимъ... На расходъ, али на подати—въ лѣсу заробимъ... Работы бываетъ завсегда... А хлѣбъ зачѣмъ мотать?.. Хлѣбецъ мы бережемъ!.. Мало ли какой случай: неурождай али што... Какъ можно безъ хлѣбца?..

— Ну, а, вотъ, въ этотъ-то, въ неурожайный-то годъ, вѣроятно, хорошіе барыши взяли?

— Какіе барыши?

— Да вѣдь теперь какія цѣны на хлѣбъ-то стоятъ?..

— А што изъ тово? Мы вѣдь не торгаши. На насъ тоже крестъ есть... У людей бѣда неминучая, а будемъ хлѣбную торговлю заводить, чужой нуждой пользоваться!..

— Но вѣдь цѣну не вы ставите...

— Что изъ того... Все-равно—грѣхъ!.. Нѣтъ, мы по совѣсти... Зачѣмъ продавать? Какая нужда? Всѣхъ денегъ не выберешь... И безъ этого проживемъ, слава Богу!.. Такъ, значитъ,—давали... помогали... маломочнымъ, ежели кого нужда застигла...

— И много роздали?

— А кто его знаетъ! Не считали... Порядошно давали... Почему не дать, коли есть?.. Будетъ хлѣбушко—отдадутъ...

— На какихъ же условіяхъ давали?

— Какія условья? Безо всякихъ условьевъ... Взялъ, примѣрно, мѣшокъ—столь и отдай... Чего еще?.. Пущай поправляется, на добро здоровье!.. У насъ нужды нѣтъ... время терпитъ...

«Экая идиллія!» подумалъ я, вспоминая, какъ богатые мужички одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ я былъ въ голодный 1892 г., безпощадно драли шкуру со своихъ же братьевъ-однодеревенцевъ... «Настоящіе «дяди Миняи» Златовратскаго!» подумалось мнѣ; и хотя внутри меня дребезжала, не переставая, привычная скептическая нотка, тѣмъ не менѣе, мое лицо, какъ я чувствовалъ, само собой расплывалось такой же широкой, безпричинной улыбкой, какая сіяла на всѣхъ окружающихъ лицахъ.

— А вы зачѣмъ тутъ, пострѣлята?.. Вотъ я васъ!.. Ужо землемѣръ-то задастъ вамъ!..—съ шутливой строгостью прикрикнулъ одинъ изъ мужиковъ на вертѣвшихся тутъ же бойкихъ ребятишекъ.

— Н-ну, не пужай! Чего ихъ пужать-то?—добродушно замѣтилъ кто-то.—Дай срокъ и безъ насъ ихъ напужаютъ... дай подрости только!..

— Ха-ха-ха!.. Напужаютъ, вѣрно!—подхватила со смѣхомъ толпа.— Небось, насъ мужиковъ, здорово пужаютъ... И начальство пужаетъ... извините, ваше скородіе, къ слову пришлось... и правленіе пужаетъ, и даже батюшки нонѣ пужать начали... Ха-ха-ха!..

— Какіе батюшки? Какимъ образомъ?

— А о. Василій... села Троицкаго... Отъ котораго мы, значитъ, отдѣлились-то... Больно серчалъ отецъ-ту Василій: вы что, батъ, какое-

такое село выдумали? Да не бывать, бать, вашему селу, покамъ я живъ!.. Я васъ, бать, смутьяновъ, туда упеку, куда Макаръ телятъ не гонялъ...

— Хо-хо-хо!—грохотала добродушно и заразительно весело толпа.— Ужъ онъ, батюшко-то, пуж-жалъ! Бяда, какъ пужалъ!..

— Запужаешь, небось, какъ половину приходу-то отобрали!..

— Вѣрно!.. Ха-ха-ха!.. Небось, начнешь пужать!..

— А нашего Макарыча прямо въ Сибирь хотѣлъ законопатить...

— Прямехонько хотѣлъ!.. Хо-хо-хо!.. Зачинщикъ, бать, ты... Ровно бунтъ какой мы затѣяли!..

— Это кто же такой Макарычъ?—спросилъ я.

— Али не знаешь?! Макарыча-то?!—возопилъ какой-то старичокъ съ блаженнѣйшей улыбкой. — Нашего-то Макарыча не знаешь? Да неужто взаправду?.. Да его всѣ знаютъ. Всѣ какъ есть!.. Спроси кого хошь въ округѣ—всякъ тебѣ Макарыча обскажетъ... Его и въ городу-то знаютъ... Да! Вотъ, онъ какой, нашъ Макарычъ-то!..

— Кабы не онъ, не бывать бы и селу-то у насъ! Онъ все дѣло оборудовалъ, въ лучшемъ видѣ!—замѣтили въ толпѣ.—Потому онъ какой хошь законъ тебѣ вычитаетъ и такъ подведетъ одно къ другому, что слово въ слово!..

— Нашъ-то, новый-то, значитъ, батюшко министромъ его зоветъ... Министръ, бать, ты у насъ... Да вотъ и онъ самъ шагаетъ... Макарычъ-то... Легокъ на поминѣ!.. Эй, Макарычъ!.. Шагай скорѣе, Макарычъ!.. Заворачивай оглобли-то, милый человѣкъ!..

Русыя и сѣдыя бороды высовывались въ окно, кричали и махали руками при видѣ скрюченной въ дугу мужской фигуры, которая была одѣта не то въ длинный черный кафтанъ, не то въ длинный сюртукъ, какіе носятъ мѣщане. Подъ мышкой у шедшаго былъ какой-то длинный свертокъ, — очевидно планъ. Бойко вскинувъ головой, въ смѣшномъ картузѣ съ большимъ козырькомъ, Макарычъ весело засмѣялся,— потрясъ бороденкой и зашагалъ еще бодрѣе, высоко поднимая согнутыя колѣни и удальски размахивая свободной рукой...

— А иду!.. иду!..—Постойте... Дайте хоть отдышаться-то...—бойко заговорилъ онъ, вступивъ въ комнату.—Ну здрайствуйте! Здравствуйте, старички почтенные!.. Вотъ и я самъ!.. Чего больно загорѣлось?.. На што Макарычъ понадобился?..

— Вотъ, онъ, ваше благородіе, Макарычъ-то...—пропуская его впередъ, оживленно заговорили мужики.—Вотъ онъ—министръ-то нашъ...

— А что? Министръ — такъ министръ!.. Что такое!.. Будь по вашему!—шутливо отвѣчалъ Макарычъ, подходя къ столу.

Безъ шапки онъ оказался совсѣмъ лысымъ, только сзади торчали рѣдкія прядки сѣдовато-рыжихъ волосъ. Желтая, рѣдкая бороденка его была тоже полусѣдая и тряслась при каждомъ словѣ. Вся фигура Макарыча была буквально скрючена въ дугу, такъ что онъ долженъ

былъ закидывать голову, чтобы смотрѣть на собесѣдника. Тѣмъ не менѣе, его сухощавое, морщинистое лицо было озарено самой свѣтлой и беззаботной улыбкой; маленькіе же сѣрые глазки такъ и искрились сдержаннымъ, насмѣшливымъ юморомъ...

— Вотъ, ваше благородіе, это довѣренный нашъ... по всѣмъ дѣламъ ему довѣряемъ, пусть и съ вами тоже... заявили мужики.

— По всѣмъ! точно!.. Да! Что дѣлать?.. Довѣряютъ!.. Ладно! Я не отказываюсь... — здороваясь со мной, смѣялся Макарычъ. — Гдѣ что могу... и на счетъ земли тоже... Я вотъ и планчикъ съ собой захватилъ... Слышу — господинъ землемѣръ пріѣхалъ,— я и захватилъ... на всякій случай... Какъ, дозвольте узнать, величать васъ прикажете? Алексанъ Миколаичъ?.. Имя хорошее, легкое имя... Алексанъ Миколаичъ... запомнить нетрудно... А дозвольте всежъ-таки, на всякій случай, записать... далл памяти... Потому когда дѣльце какое будетъ или что-нибудь иное тому подобное—мы уже къ вамъ тогда и толкнемся.

Длинныя, мохнатыя и корявыя, какъ вѣтки стараго дерева, руки Макарыча полѣзли въ карманъ и вытащили замасляную тетрадку, сшитую изъ простой сѣрой бумаги.

— Ну, вотъ, и готово...—нацарапавъ мой адресъ, произнесъ онъ.— На всякій случай... Ежели посовѣтоваться когда—не откажите... Между прочимъ, у насъ и теперь идетъ маленькое сумлѣніе на счетъ землицы... Муждоусобіе, то-ись, происходитъ съ нашимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ, г. Петровымъ... Да вотъ лучше всего я вамъ всё по планчику выясню... Дозвольте удѣлить минутучку времени... вотъ-съ, извольте видѣть... вотъ это владѣніе г-на Петрова, а эта линія—наша грань, значитъ... вотъ она какъ прошла... извольте видѣть?.. А въ натурѣ-то онъ владѣетъ—вотъ какъ... Вонъ куда забрался!.. Вотъ, этотъ кусочекъ то и отхваченъ, а, между прочимъ, онъ намъ приверженъ изстари...

Мужики примолкли и, разинувъ бородатые рты, какъ малыя ребята, лѣзли одинъ на плечи другого, стараясь тоже заглянуть въ планъ.

— Наше мѣсто, наше! Старики помнятъ!..—горячо загалдѣли они.

— Тише, тише! Не шумите!—остановилъ ихъ Макарычъ. —Зана прасно кричать нечего... Это дѣло отъ господина землемѣра не зависящее и на то есть надлежащія инстанціи...

— С-стой, робята! Экіе какіе!.. Онъ, небось, и самъ всё раскумекаетъ...

— Да!.. такъ вотъ... и въ виду того,—весь сіяя отъ удовольствія, продолжалъ какимъ-то особеннымъ тягучимъ говоркомъ Макарычъ,— что господинъ Петровъ владѣетъ нашей землей менѣе десяти лѣтъ, то, согласно статьи пятьсотъ шестьдесятъ пятой свода законовъ томъ десятый, часть первая, земской давности еще не минуло, поэтому право иска, значитъ, вполнѣ даже обезпечено!..

Окончивъ эту тираду, Макарычъ побѣдоносно взглянулъ на меня

и сталъ утирать вспотѣвшую лысину краснымъ платкомъ, вытащеннымъ изъ картуза.

— Вотъ намъ и желательно бы,—продолжалъ онъ, — сдѣлать провѣрочку въ натурѣ... съ цѣпью бы обойти. Поэтому нельзя ли будетъ покорнѣйше просить васъ помогчи нашему горю — обмѣрять это мѣстечко... Оно же тутъ, вотъ, какъ разъ недалечко... Сдѣлайте такую Божецкую милость, не откажитесь. Какая стоимость этого будетъ—мы не постоимъ и... хоть сейчасъ со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

Не имѣя свободнаго времени, я не могъ, къ сожалѣнію, исполнить этой просьбы и посовѣтовалъ Макарычу обратиться къ одному моему знакомому землемѣру, который занимался частными работами.

— Да-а... вотъ они... дѣла-то!...—вздохнулъ Макарычъ, записавъ его адресъ и свертывая планъ.—Тутъ, братцы, зря нельзя... Тутъ, милые мои, мозгами-то вотъ какъ шевелить надо... На все надо законъ указать, статью подходящую выудить... Законовъ-то—эво! гора! Съ ними тоже обращаться-то надо умѣючи... Ты, къ примѣру, подведешь подъ одну статью, а тебя хлопъ по башкѣ другой!.. Ты ткнешь ему въ зубы то третью, а онъ тебя оглушитъ четвертой... Да!.. Потому кажный законъ всяко толковать можно... Ты, по своему-то, думаешь такъ вонъ онъ гласитъ, законъ-то, анъ врешь—по сенатскому рѣшенію такого-то года за такимъ-то нумеромъ—совсѣмъ наоборотъ выходитъ. Главное дѣло въ томъ и есть, что на каждый случай можно два закона отыскать: по одному твое дѣло будетъ правое, а по другому совсѣмъ пропащее—наплюй на него!.. Вонъ, на судахъ-то посмотришь, сцѣпятся эти самые аблокаты... Какъ собаки другъ друга рвутъ! Такъ и лаютъ законами да рѣшеніями!.. Хе-хе-хе!..

— Хо-хо-хо!—хохотала толпа.—И ты туда же, Макарычъ?

— А мнѣ-то чего смотрѣть? Чего зѣвать-то? Онъ свое троститъ, а я свое бубню!.. Главное дѣло, сбиваться не надо. Пущай онъ тамъ лопочетъ, наплевалъ бы я,—знай свое твержу, свои резонты... А ежели его, аблоката-то, слушать станешь, онъ тебя совсѣмъ завершитъ. Обалдѣешь!.. Онъ, языкомъ-то какъ мельница хорошая треплетъ—ихъ этому нарошно въ Казани много лѣтъ обучаютъ. Такъ гдѣ же нашему брату за нимъ угнаться?..

— Ахъ-ха-ха!—заливаются слушатели.—Вотъ братцы, посмотрѣть бы на эку потѣху!.. Онъ, значитъ, свое мелетъ, ты опять свое долбишь!

— А какъ же? Тѣмъ только и берешь! Взять хоть дѣло о мельницѣ... Мельницу это мы, Алексанъ Миколаичъ, у купца Рукавишникова отбирали... самымъ безсовѣстнымъ манеромъ, почитай, за одну водку онъ оболталъ старичковъ-то нашихъ... держалъ лѣтъ этакъ десятокъ... Ну, опомнились мы, взялись за разумъ: по какому-такому праву онъ наживается? Досадно намъ стало, что старички мельницу проворонили, рѣшили, значитъ, ее опять отобрать... Вызвали меня на судъ. Аблокатъ и такъ, и этакъ, вертитъ хвостомъ-то, языкомъ играетъ... такъ

законами и поливаетъ, какъ изъ лейки... Я молчалъ-молчалъ, да и говорю: «А развѣ за водку мельницу отдавать полагается? И, между прочимъ по фальшивому приговору?.. «Какъ по фальшивому?..» «Такъ и по фальшивому! Гдѣ на емъ печать?»—Какая печать?—«Старосты печать, вотъ какая!..» Стали смотрѣть—взаправду печати-то нѣту. Приговоръ какъ есть всѣмъ правильный, даже въ волостномъ правленіи записанъ, а печати нѣту, и подписи старосты нѣту... Аблокатъ-то верть-верть... Приговоръ, говоритъ, законный вполнѣ, даже явленъ, а печать просто приложить забыли... подписи же, какія слѣдуетъ, тутъ всѣ имѣются, документъ настоящій... А я одно твержу: гдѣ печать? Главное дѣло, печати нѣтъ, значитъ, приговоръ фальшивый, ежели безъ печати. Печать подавай—болѣ ничего!.. А безъ печати мы несогласны! Ну, судъ въ нашу пользу и вырѣшилъ. Аблокатъ-то даже шары свои выпучилъ—обалдѣлъ.

— Ловко ты его кокнулъ!.. Хо-хо-хо!

— Да, маленькое оглушеніе произвелъ... Хе-хе-хе!... Онъ и не думалъ, что такъ обернется, потому что дѣло было прямое, правое, и приговоръ, по правдѣ сказать, былъ самый настоящій... А только, когда его въ судѣ-то показывали, я и заприметилъ случайно, что печати-то нѣтъ... Забыли ее, што ли, приложить-то, когда писали, шутъ ихъ знаетъ, у насъ, вѣдь, попросту все это дѣлается... Дай-ка, думаю, на этомъ выѣду! Авось, кривая вывезетъ... Вывезла, вѣдь!.. Теперь мельничка-то куда какъ хорошо постукиваетъ въ нашу пользу. Хе-хе-хе!

— Какъ же такъ? Вѣдь, суды-то по правдѣ должны судить?—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ парней.

— Хм... По правдѣ!—усмѣхнулся лукаво Макарычъ.—По правдѣ-то Богъ только судитъ... А людской судъ не Божій. Сунься-ка туда съ одной-то правдой, такъ тебя тамъ такъ раздѣлаютъ подъ орѣхъ! Ежели зубастый аблакатъ попадется, такъ онъ тебя вмѣстѣ со всей твоей правдой такъ роспишетъ, что самъ себя не узнаешь!.. Да! Правда-то правдой, а, между прочимъ, на что нибудь и законы пишутся. Вонъ ихъ сколько: всю жизнь читай не прочитаешь! Правду-то доказать еще надо, вотъ оно что. Документикъ еще на правду-то надобно. Хе-хе-хе!

— Да какже...—опять воскликнулъ наивный парень,—этакъ, значитъ, ловкій который человѣкъ, тотъ завсегда оправдается, а котораго и невиннаго засудить могутъ?

— А ты какъ думалъ? Не бываетъ? Молодъ еще ты, вотъ что, поживи сначала тогда узнаешь.

— Не ученъ еще! Вѣрно!—подтвердили и мужики. — Не бывалъ еще въ передѣлкахъ-то!..

— Нонче хошь искать-то... правду-ту матушку можно...—продребезжалъ одинъ древній старичокъ, постукивая бадожкомъ. — Да... правду-ту... матушку... А въ старо-то время совсѣмъ ее не было...

правды-те... вотъ что!.. Да!.. Коли ты мужикъ—значитъ виноватъ, а баринъ завсегда правъ... Вотъ,—какъ было... Суды-те каки были!..

— Нонче что говорить!—подхватила толпа.—Нонѣ грызись съ кѣмъ хошь... кто зубастѣе, тотъ и правъ!.. Хо-хо-хо!..

— Да! А меня, вотъ, къ примѣру за что о. Василій въ Сибирь сослать хотѣлъ? Какая моя вина была?—проговорилъ Макарычъ притворно серьезнымъ тономъ, причемъ лукавыя искорки еще сильнѣе забѣгали въ его глазкахъ.

— Вѣрно, хотѣлъ!.. Ха-ха-ха!..—засмѣялись опять мужики.—Окончательно хотѣлъ!..

— Да! Ежели, говоритъ, ты не перестанешь народъ мутить, я, говоритъ, на тебя донесу, и тебя въ казаматъ засадятъ, а потомъ въ Сибирь вышлютъ... Я, говорю, батюшко, на что серчаете? Не одинъ вѣдь я о семъ-то хлопочу,—пятнадцать деревень цѣлыхъ... Я только довѣренный ихній... Куд-да! Въ Сибирь, кричитъ, больше ничего! А селу вашему, кричитъ, не бывать, покамъ я живъ... Ну, я думаю себѣ, это, батюшко, какъ еще Господь Богъ сподобитъ... А между прочимъ, свою линію веду. Махнулъ приговоръ прямехонько губернатору!.. Слѣдствіе назначили,—все какъ быть должно... Посмотрѣли мѣсто—мѣсто чудесное! Уютное мѣстечко для храма Божія!.. Отцу Василію прихожанъ остается еще довольно... хватитъ ему собирать и яицъ, и курицъ... Нѣтъ ли какихъ препятствіевъ? Никакихъ не оказывается! Планчикъ намъ земскій архитектуръ, Иванъ Иванычъ, составилъ... Все по формѣ! Чего еще?.. Ну, на основаніи статьи двѣсти тридцать шестой строительнаго устава, и съ приложеніемъ плана, согласно статьи двѣсти тридцатой того же устава, просимъ разрѣшить... А о. Василій все-таки не сдается, уперся: не надо новаго села, и слышать ничего не хочетъ!.. Вижу, дѣло плохо: такъ да сякъ заминать ужъ его стали, дѣло-то, затягивать... Вотъ, я, Господи благослови, взялъ да и бухнулъ прошенія: въ консисторію—разъ, къ архіерею—два, въ святѣйшій синодъ—три и господину оберъ-прокурору синода—четыре!..

— Сразу?!.

— А чего думать-то? За одинъ махъ! Я завсегда такъ дѣлаю: ежели по духовному вѣдомству—такъ въ консисторію, архіерею, въ синодъ и прочія мѣста, а ежели по гражданскому—такъ губернатору, въ губернское присутствіе, господину министру внутреннихъ дѣлъ и въ правительствующій сенодъ *). Гдѣ-нибудь да заберетъ!..

— И что же? Хорошо выходитъ?

— Хо-орошо клюетъ! Не тутъ, такъ тамъ, а ужъ безпремѣнно клюнетъ... И сейчасъ отвѣтъ откуда-нибудь получаешь: такъ и такъ... Къ примѣру, хоть о лѣсной прирѣзкѣ мы хлопотали... Господинъ лѣс-

---

*) Крестьяне часто называютъ тотъ сенатъ.

ничинъ отказалъ: все равно, говоритъ ничего не подѣлаете... откажутъ, значитъ... Ну, я сейчасъ лѣсной уставъ за бока... Наудилъ какихъ мнѣ статеекъ надобно, да и запалилъ господину лѣсному левизору, въ управленіе государственныхъ имуществъ, да въ лѣсной департаментъ... Хе-хе-хе! Разбирай тамъ, какъ хошь!..

— Хо-хо-хо...—грохотала публика.

— Да-а!... А опосля того еще господину министру земледѣлія кокнулъ... Михаилъ Михалычъ, аграмонтъ, надоумилъ... да!.. Хе-хе-хе!.. Ну, и тово... Рощицу-то намъ и прирѣзали опять-таки... Наша рощица то стала, голубушка!.. Хе-хе-хе!..

— Я вамъ, Алексанъ Миколаичъ, прямо скажу,—обратился ко мнѣ воодушевившійся Макарычъ,—кажное дѣло надо изморомъ брать... да! Сыпнулъ вотъ этакъ вездѣ прошенія и жди... Выйдетъ—отказъ. Другой сейчасъ и броситъ дѣло... Нѣ-этъ! Тутъ-то и начинать надо!.. Тебѣ отказъ, а ты опять!.. Да туда, да сюда! Катай, жарь, не жалѣй бумаги!.. Марки понадобились—на!.. Возьми! Вездѣ отказъ—а ты опять въ сенатъ. Тамъ отказъ, а ты дальше... все выше да выше залѣзай!.. Повѣрите ли, разъ я въ государственный совѣтъ одну бумажечку загвоздистую запустилъ. Да! Ну, только вернули: неподлежательно, дескать... пригрозили даже... А мнѣ что? Сади меня куда хошь—ничего!.. Я человѣкъ одинокій... А, между тѣмъ, на дѣло-то вниманіе обратили—въ нашу пользу опять-таки вырѣшили... да! А намъ чего только и надобно!..

Макарычъ торжествующе оглянулъ всѣхъ и просто сіялъ самымъ беззавѣтнымъ весельемъ.

— Такъ изморомъ? А? Макарычъ?.. Ха-ха-ха!—повторяла публика.

— Обязательно изморомъ!—откликался Макарычъ.—У насъ если плохо просить, такъ и ухомъ не поведутъ... Ладно, дескать подождетъ,—не больно, видно, нуждается... Такъ подъ сукномъ твое прошеніе и проваляется... Ну, а какъ бухнешь во всѣ то колокола... Хе-хе-хе-хе!..

— Хо-хо-хо!..—ликуетъ толпа.

— Да! Кэ-экъ затрезвонишь во вся-то. Хе-хе-хе!..

— Хо-хо-хо!..

— Ну, тамъ маненечко и заворочаются... да чтобы отвязаться—на! будь по твоему! Только убирайся, не безпокой, пожалуйста! Потому господа начальники спокой оченно уважаютъ... Они нашихъ кляузовъ мужицкихъ оченно не любятъ... Хе-хе-хе!..

— Н-не любятъ?.. Хо-хо-хо!..

— Оченно не уважаютъ!.. Хо-хо-хо!.. Потому дѣловъ у нихъ и безъ того много, служба чижолая... А наши, мужицкія-то, жалобы и поймешь-то не скоро!.. Да!.. А, между прочимъ, вонъ, у Петра Иваныча, предсѣтеля съѣзда, печонка распухла... Гдѣ же ему дѣлами заниматься? Ему бы только жалованье-то какъ ни на есть получить... Хе-хе-хе!.. И то слава Богу!..

— Вѣрно?.. Ха-ха-ха!.. Гдѣ же ему, старичку, дѣлами займоваться!..— весело вторила толпа.

— Да!.. А вотъ, Алексанъ Миколаичъ, не знаешь ли, гдѣ бы закончиковъ достать хорошенькихъ о винныхъ лавкахъ да о монополіи?.. — обратился ко мнѣ Макарычъ. — Оченно намъ въ текущее время эти закончики нужны бы были... Большую въ нихъ нужду чувствуемъ!..

— На что вамъ они?

— Да вотъ, ту, вонъ, лавочку выкурить бы намъ надобно... казенную-то... Что это такое, въ самомъ дѣлѣ? Одно безобразіе! Въ прежнее время пьяницы-то хоть въ кабакѣ сидѣли, а нынче все на виду... Настоящій содомъ! А, между прочимъ, мы вотъ школу себѣ охлопотали—лѣсу пожертвовали и содержаніе, кромѣ учителя... Библіотечку намъ тоже обѣщали приспособить; фонарь смекаемъ завести, съ картинами... Поэтому намъ такое безобразіе пьяное не подходяще терпѣть... Раньше, молодой-то, я вѣдь и самъ такъ-то ли завихоривалъ—пьянствовалъ... Да! Чего скрывать-то? Что было, то было!.. И совсѣмъ бы сгибъ, да вотъ этими дѣлами-то занялся... Старики довѣряютъ — отчего не послужить?.. Ну, и затянуло... и бросилъ глупости-то... Да! Вотъ намъ и желательно бы эту самую лавочку зловредную выкурить... Не надо намъ ее—больше ничего! Не желаемъ!.. Я ужъ говорилъ объ этомъ господину земскому начальнику—ну, они отозвались тѣмъ, что нельзя... то-есть ее прекратить, потому что дѣло казенное. А по моему разсужденію выходитъ, что можно!.. Есть у меня, подысканъ ужъ одинъ закончикъ, очень забористый закончикъ—н-ну, только не совсѣмъ чтобы вполнѣ благонадежный... Да! Оченно уютная статеечка — ну, настоящаго вѣсу она не имѣетъ... Н-да! Нужно еще порыться, поискать — нѣтъ ли какого «рѣшеньица» подходящаго или какого-нибудь «циркулярчика» хорошенькаго... А? Какъ вы думаете, Алексанъ Миколаичъ? А намъ-то это больно бы сполитично было...

— Отчего же, попробуйте!—невольно смѣясь, отвѣтилъ я.

— А ей—право! Махнуть развѣ?— еще веселѣе вскрикнулъ Макарычъ.

— А чего думать-то?—также весело подхватила толпа.

— А, ей, право!—топнулъ ногой Макарычъ.—Въ уѣздный съѣздъ, въ губернское правленіе и въ акцизное управленіе... Хе-хе-хе!..

— Махай! Жарръ, Макарычъ, въ нашу голову! Не жалѣй бумаги!.. Хо-хо-хо!..

— А вотъ и махну!.. Хе-хе-хе!..—крикнулъ еще разъ Макарычъ, прощаясь, и—скрюченный, по-дѣтски смѣясь,—бойко зашагалъ по улицѣ, залихватски размахивая свободной лѣвой рукой и высоко вскидывая ноги, согнутыя отъ старости и болѣзни...

Мужики ушли. Я остался одинъ, прислушиваясь къ звонкой пѣснѣ, которая доносилась до меня...

Хорошіе моменты переживаетъ иногда деревня! Сѣрые будни крестьянской жизни, полные нужды и заботъ о кускѣ, полные грубости и дикаго невѣжества, въ это время куда-то прячутся, какъ будто исчезаютъ... Остается одна красота: остается эта дивная природа, съ которой гармонично сливается наивное, жизнерадостное веселье простодушныхъ людей, сплоченныхъ между собой, какъ одна огромная семья; остается глубокая доброта «золотыхъ сердецъ», которыя освободились на мигъ отъ грязи житейскихъ разсчетовъ... Эти-то свѣтлые моменты, невольно очаровывая, и заставляли нашихъ писателей-народниковъ такъ часто идеализировать деревню...

Слабый вѣтерокъ пахнулъ съ луговъ ароматомъ сѣна. Слѣва зеленѣла густая озимь. За полемъ чернѣлся нарядный лѣсокъ. И на этомъ зеленомъ фонѣ яркой змѣей извивался большой хороводъ, всё приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ стояло училище. Всё громче и громче звучитъ пѣсня... Можно уже различить молодыя, веселыя лица дѣвушекъ и парней... Волна звуковъ всё растетъ, ширится, заполняетъ воздухъ, заливаетъ всю комнату... Но вотъ она прокатилась мимо... Хороводъ, медленно разливаясь, миновалъ училище... Пѣсня стала удаляться... стихать... пока, наконецъ, не замерла гдѣ-то далеко...

А я сидѣлъ и думалъ, зачѣмъ такъ скоро проходятъ эти хорошіе моменты? Зачѣмъ нельзя сдѣлать такъ, чтобы эта красота освѣщала бы деревенскую жизнь всегда?..

Въ «сборной».

Я возвращался вмѣстѣ съ женой изъ своей поѣздки по уѣзду. Порядочный морозецъ, стоявшій въ предыдущіе дни, смѣнился ночью теплымъ вѣтромъ, который нанесъ сильнаго дождя. Снѣгъ сдѣлался рыхлымъ. Неокрѣпшій ледъ на рѣчкахъ сталъ тоже совсѣмъ слабымъ, и когда мы переѣзжали черезъ одну изъ нихъ, то онъ трещалъ подъ копытами лошадей и колебался, такъ что поверхъ его выступала вода.

Розыгралась форменная оттепель... Хмурое небо, назойливый вѣтеръ, хлеставшій фартукомъ повозки и сыпавшій дождемъ, усталость отъ дальней поѣздки по плохимъ дорогамъ, раздраженіе и утомленіе отъ тяжелыхъ впечатлѣній, которыя приходились выносить почти изъ каждаго столкновенія съ деревенскимъ бытомъ, — все это заставило меня, несмотря на близость города, остановиться въ волостномъ правленіи, чтобы немного отдохнуть и напиться чайку. Кстати, я долженъ былъ получить нѣкоторыя бумаги, забытыя мною на предыдущей станціи.

Когда мы вылѣзли изъ промокшей повозки и пробрались, наконецъ, въ своихъ валенкахъ черезъ лужи, мимо хлеставшихъ съ крыши водяныхъ потоковъ, въ правленскую «комнату для гг. проѣзжающихъ»

то нами овладѣло то чувство нѣги и довольства отъ теплаго угла, которое извѣстно только людямъ, принужденнымъ много скитаться по скверныкмъ дорогамъ и во всякое время.

Здоровенный дѣтина, оказавшійся сторожемъ, услужливо подалъ намъ ведерный самоваръ и сбѣгалъ въ лавочку за кренделями.

— Что это у васъ сегодня?—спросилъ я писаря, замѣтивъ много народа, который толпился въ «сборной». — Судъ, что ли?

— Нѣтъ, сегодня у насъ порка, — отвѣтилъ онъ, — пороть одного молодца будутъ... присуждено двадцать ударовъ...

— Какъ порка? Развѣ она у васъ въ ходу?—даже привскочилъ я со стула. Въ Слободской уѣздъ мнѣ пришлось переѣхать изъ южнаго конца губерніи, гдѣ порка, насколько мнѣ было извѣстно, не практикуется.

— Да, знаете... которые очень ужъ надоѣдятъ—ну, тѣмъ и всыплютъ,—объяснилъ писарь.

«Вотъ тебѣ разъ—на какую исторію попали!—подумалъ я.—Первый разъ въ жизни... Не уѣхать-ли?..»

Но самоваръ такъ пріятно пыхтѣлъ на столѣ, выпуская клубы горячаго пара; въ уставшемъ тѣлѣ чувствовалась такая нѣжная истома отъ отдыха въ теплой комнатѣ, что не хотѣлось даже двинуться...

Между тѣмъ, по черному и сорному полу корридора, громыхая чисто мамонтовскими сапожищами и шлепая лаптишками, то и дѣло ходили взадъ и впередъ мужики. Скверный, по обыкновенію, воздухъ становился все тяжелѣе отъ прѣющей «лопоти», намокшей на дождѣ, отъ грязныхъ лаптей, и отъ «горлодерной» махорки. Хотя я и притворилъ дверь въ нашу комнату, тѣмъ не менѣе скверный воздухъ пробрался и къ намъ.

— Ушли за Тимошкой-то?—крикнулъ чей-то голосъ, выдѣляясь изъ общаго угла.

— Сейчасъ ушли...

— Все-ли готово?

— Все готово!..

Опять движеніе, топотъ ногъ, хлопанье дверей.

— Ну, что? Привели?..

— Точно такъ... вотъ онъ...

— Гдѣ старшина?..—доносились до насъ отрывочныя фразы.—Эй, старшина! Иди сюда... Тутъ ли бумага-то?.. Надо читать рѣшеніе... Ну, становитесь такъ... Готовься... Тише, вы! Не галдите!..

— Что же это?.. Неужели нельзя ничего сдѣлать?.. Нужно крикнуть имъ, что ли... запретить имъ...—растерянно бормотала моя жена.

— Ничего... не подѣлаешь... рѣшеніе суда... — процѣдилъ я, чувствуя, какъ у меня начинаютъ колотиться зубы...

Въ «сборной» вдругъ стихло. Раздавался только одинъ жиденькій, монотонный голосъ, что-то читавшій.

*

Я подошелъ къ двери, не имѣя силы идти дальше. До моихъ ушей доносились лишь безсвязные обрывки: «будучи въ нетрезвомъ видѣ... встрѣтился на улицѣ... обругалъ его скверно матерными словами... Когда-же ему на это заявили... онъ отвѣчалъ... причемъ буйство его выразилось... Принимая все это во вниманіе, волостной судъ постановилъ... двадцать ударовъ... По жалобѣ же Шутова... не находя достаточныхъ основаній для отмѣны... приговоръ суда утвердилъ...»

Дребезжащій голосъ смолкъ.

Наступила жуткая мертвая тишина... Кто-то еще пробормоталъ что-то... глухо... скоро... Послышалась короткая возня... Опять напряженная тишина...,

И вдругъ какой-то короткій подлый звукъ, щелкнувшій, какъ аплодисментъ...

Я откинулъ голову и поблѣднѣлъ...

— Разъ!—громко произнесъ кто-то.

«Что это?.. Вѣдь это ударъ?..» пронеслось у меня въ головѣ.

Да, это уже ударили по живому тѣлу!

Опять тотъ же короткій подлый звукъ... Я опять откинулъ голову, какъ будто ударили меня самого...

— Два!—опять сосчиталъ прежній голосъ.

«О, какая гадость!.. Какая гадость!.. Вотъ опять... Что это?..» Вслѣдъ за ударомъ послышался подавленный стонъ...

— Четыре... пять... шесть...—мѣрно раздавалось щелканье, и за каждымъ ударомъ кто-то глухо, словно ему заткнули ротъ или онъ закусилъ губу, отрывисто взвывалъ...

— Десять... одиннадцать... двѣнадцать...

Меня била дрожь... Вѣроятно, я былъ блѣденъ, какъ полотно... Я не зналъ, что дѣлать: бѣжать ли куда отъ этихъ подлыхъ звуковъ, хлеставшихъ меня... Закричать ли отъ жгучаго стыда, отъ возмущенія... Не помня себя, я метался лишь изъ угла въ уголъ, стуча зубами и тиская свои руки...

— Какая гадость... какая гадость... О, какая гадость!—безсмысленно твердилъ я одно.

— Тринадцать... четырнадцать... пятнадцать...—зловѣще отчеканивалъ счетчикъ послѣ каждаго подлаго звука.

Человѣческій вой становился все громче и походилъ теперь на отрывистое гамканье собаки.

— Шосвадцать... семнадцать... восемнадцать...

— У-ой-ой!..—вырвался, наконецъ, уже продолжительный, чисто животный ревъ...

У меня помутилось въ глазахъ.

. . . .

Когда я нѣсколько успокоился, то увидѣлъ, что моя жена сидитъ

совершенно неподвижно, какъ будто окаменѣлая, съ выраженіемъ ужаса на побѣлѣвшемъ, какъ мѣлъ, лицѣ...

Въ «сборной» уже задвигались и заговорили. Слышались захлебывающіяся восхлипыванія... Кто-то предлагалъ пить...

Въ неплотно притворенную дверь я увидѣлъ, какъ изъ «сборной» вышелъ вспотѣвшій старшина, пряча за пазуху «знакъ». Здоровенный сторожъ съ другимъ такимъ же верзилой,—оба съ красными, какъ у мясниковъ, лицами и съ налитыми кровью глазами, прогромыхали своими сапожищами по корридору.,.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ правленіи все приняло обычный видъ, словно тутъ ничего особеннаго и не происходило: помощники писаря опять усердно щелкали на «щетахъ» и скрипѣли перьями... Какой-то мужичокъ самаго дикообразнаго вида уже излагалъ писарю заплетающимся, «суконнымъ» языкомъ какую-то непонятную не то жалобу, не то просьбу... Въ «сборной», сидя на корточкахъ, попрежнему апатично сосали трубки и «вертуны» какіе-то нескладные невзрачные мужики, дымя зловонной «махрой» и громко отхаркиваясь и сплевывая на черный, загаженый полъ... Замызганное, неказистое правленіе, съ печатью подозрительнаго чернильнаго кляузничества, казалось послѣ происшедшаго еще болѣе отталкивающимъ...

Я не могъ болѣе оставаться тутъ и торопливо сталъ одѣваться все еще дрожащими руками.

— Какая гадость...—сказалъ я старшинѣ, когда онъ вошелъ въ комнату.

Но онъ, очевидно, не понялъ и удивленно взглянулъ на меня.

— Кого это у васъ... тамъ...—спросилъ я.

— А тутъ есть одинъ... Шутовъ по фамиліи... здѣшній онъ, Ильинскій... Можетъ замѣтили, ѣхали мимо-то домъ съ чердачкомъ? Ихній это... Станцію еще они прежде содержали... лѣтъ двадцать ему всего, не болѣ...

— За что же его?

— Значитъ, было за что! Ругался, значитъ, ну и дрался... Грубеянъ, одно слово, надоѣлъ, ну, его и тово... хе-хе-хе!.. поучили!..

Я ничего не говорилъ, стараясь поскорѣе уйти изъ правленія, которое стало мнѣ прямо ненавистно, какъ и всѣ эти тупые, апатичные люди съ дубовой безчувственностью.

Оглянувшись при выходѣ, я замѣтилъ въ углу «сборной» чью-то сжавшуюся въ комокъ спину, плечи которой судорожно вздрагивали...

А. Барановъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

(*Продолженіе* *).

Статистика книгоиздательства XVIII в., какъ симптомъ роста читающей публики.—Характеръ популярнаго чтенія: романъ, какъ средство культурной пропаганды среди провинціи и мѣщанства.—Главныя теченія въ высшемъ культурномъ слоѣ.—Вольтеріанство; пониманіе его Екатериной; ея отношеніе къ религіи.—Вольтеріанство въ высшемъ общественномъ слоѣ. Критическое отношеніе къ *этому* вольтеріанству передовой интеллигенціи.—Отношеніе ея къ подлинному вольтеріанству: увлеченіе и раскаяніе.—Значеніе масонства, идейное и общественное.—Тайныя ученія масонства.—Безъидейный и клубный характеръ первоначальнаго масонства.—Подъемъ масонства со вступленіемъ въ него воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ гг.).—Новое охлажденіе.—Отношеніе Новикова къ масонству.—Его идея о книгоиздательствѣ и книжной торговлѣ, какъ важнѣйшей просвѣтительной миссіи интеллигенціи. — Отношеніе Екатерины къ инціативѣ Новикова.—Переѣздъ его въ Москву; настроеніе Москвы и направленіе «Московскаго изданія».—Роль Шварца въ масонствѣ.—Его просвѣтительный планъ, профессорская и кружковая дѣятельность.—Постепенное усвоеніе новаго міровоззрѣнія въ журналахъ Новикова.—Источникъ этого міровоззрѣнія—въ популярной нѣмецкой философіи.—Высшая точка—въ трактатѣ Шварца.—Новый фазисъ дѣятельности кружка по смерти Шварца.—Книгопродавческія и издательскія предпріятія Новикова.—Помощь голодающимъ.—Отношенія Екатерины къ масонству въ трехъ фазисахъ его.—Литературная полемика ея противъ масонства. — Административныя мѣры.

Семидесятые и восьмидесятые годы XVIII-го столѣтія были тѣмъ моментомъ, съ котораго начинается непрерывная исторія интеллигентнаго общественнаго мнѣнія въ Россіи. Этотъ моментъ, какъ мы видѣли, былъ подготовленъ двумя предыдущими десятилѣтіями—пятидесятыми и шестидесятыми годами. Но тогдашнее поколѣніе—первое поколѣніе русской интеллигенціи—мы можемъ пересчитать по пальцамъ: это была, какъ мы знаемъ, учащаяся молодежь высшихъ учебныхъ заведеній обѣихъ столицъ. Она писала и печатала для самой себя,—авторы хвалили и критиковали другъ друга, сами себя утѣшали своими возвышенными чувствами и тонкими ощущеніями. Теперь впервые появляется среда, могущая служить объектомъ культурнаго воздѣйствія: читающая, болѣе

*) См. «Міръ Божій», іюль 1902 г.

или менѣе интеллигентная публика въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ.

Чрезвычайно наглядно покажетъ намъ это *особое* положеніе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ—простая справка съ цифрами,—съ количествомъ печатавшихся въ это время книгъ. Всего за XVIII-е столѣтіе библіографамъ извѣстно около девяти съ половиной тысячъ печатныхъ изданій (не считая церковно-служебныхъ книгъ, газетъ и журналовъ). По четвертямъ вѣка эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1698—1724:	561 (6%)
1725—1750:	357 (4%)
1751—1775:	2.010 (21%)
1776—1800:	6.585 (69%)
Всего. . .	9.513 *).

Какъ видимъ, послѣ нѣкоторой задержки во второй четверти вѣка число изданныхъ книгъ быстро растетъ, составляя за вторую половину вѣка 90% всей суммы. Еще ярче выступитъ значеніе интересующаго насъ теперь момента, если мы распредѣлимъ изданія по десятилѣтіямъ (и, гдѣ нужно, по пятилѣтіямъ):

1698—1710	149		въ годъ по	12	книгъ.
1711—1720	248		»	25	»
1721—1725	215	182	»	36	»
1726—1730		33	»	7	»
1731—1740	140		»	14	»
1741—1750	149		»	15	»
1751—1760	233		»	23	»
1761—1770	1.050		»	105	»
1771—1775	1.466	633	»	126	»
1776—1780		833	»	166	»
1781—1785	2.685	986	»	197	»
1786—1790		1.699	»	366	»
1791—1795	2.660	1.494	»	299	»
1796—1800		1.166	»	233	»

Книгоиздательство оказывается очень чувствительнымъ барометромъ общественныхъ настроеній и культурныхъ вѣяній.. Таблица начинается энергично прогрессирующими цифрами петровскаго книгоиздательства; но мы знаемъ, что это были за книги и какъ мало они повліяли на созданіе читающей публики (см. выше). Затѣмъ издательство сразу падаетъ до ничтожной цифры (7), которая медленно возра-

*) Въ эту цифру я включилъ 553 книги, точная дата которыхъ неизвѣстна, распредѣливъ ихъ, пропорціонально количеству датированныхъ книгъ, между послѣдними тремя четвертями вѣка.

стаетъ къ воцаренію Екатерины II *). Тотчасъ послѣ вступленія Екатерины на престолъ цифра дѣлаетъ рѣзкій скачокъ вверхъ (почти въ пять разъ). Далѣе начинается быстрый и постоянный ростъ книгоиздательства, достигающій кульминаціоннаго пункта въ пятилѣтіе 1786—1790 (въ $3^1/_2$ раза больше сравнительно съ началомъ царствованія). Скоро увидимъ, что эта высшая точка достигнута исключительно дѣятельностью *частныхъ* типографій,—точнѣе, вмѣшательствомъ энергической общественной инищіативы (предпріятія новиковскаго кружка). Съ устраненіемъ этой инициіативы падаетъ и издательская дѣятельность, особенно послѣ воцаренія имп. Павла. Но главное дѣло уже сдѣлано; читающая публика создана, и въ самые мрачные годы цифры все же не падаютъ до стараго уровня.

На какую публику разсчитывалъ весь этотъ печатный матеріалъ и какого рода почву онъ могъ создать для дѣятельности интеллигентныхъ кружковъ? Большая часть печатавшихся книгъ удовлетворяла, конечно, исключительно, дѣловымъ потребностямъ (правительственныя распоряженія), нуждамъ школы (учебники) или стариннымъ вкусамъ къ духовно-нравственному чтенію (поученія, житія и т. п.). Но цѣлые 40% книгъ обращались прямо къ новому, быстро возраставшему въ числѣ классу любителей свѣтскаго занимательнаго чтенія. Это были романы, повѣсти, стихотворенія, драматическія пьесы и т. п. Въ продажѣ этотъ беллетристическій матеріалъ преобладалъ, такъ какъ на него былъ наибольшій спросъ. Это видно уже изъ того, что именно беллетристическія произведенія чаще всего доживали до новыхъ изданій. Изъ 839 переводныхъ романовъ XVIII в. 336 были переизданы; изъ 104 оригинальныхъ русскихъ романовъ еще большій процентъ: цѣлыхъ 55. Противъ увлеченія романами уже и въ то время горячо протестовали представители верхняго слоя интеллигенціи. Они утверждали, что романы развиваютъ чувственность и создаютъ міръ воображаемыхъ чувствъ, заслоняющихъ дѣйствительную жизнь. Эти упреки не были лишены основанія; но они нисколько не мѣшали многочисленнымъ читателямъ и читательницамъ беллетристики приносить «жертвы благодарности и любви» на алтарь романистовъ, открывавшихъ для нихъ неотразимо-обаятельный міръ «нѣжныхъ» и «сладостныхъ» ощущеній,—міръ «тайностей человѣческаго сердца». О культурномъ значеніи этого открытія мы уже говорили (см. выше). Прибавимъ теперь, что культурная роль романа не кончилась завоеваніемъ столичнаго дворянина-интеллигента. Сдѣлавъ въ серединѣ вѣка свое дѣло въ столицѣ, романъ продолжалъ создавать новаго читателя въ провинціи. Пріучивъ благородное шляхетство «къ нѣкоторой изящности нравовъ, къ нѣкото-

*) Надо, однако, замѣтить, что тутъ мы не имѣемъ такого тщательнаго библіографическаго изслѣдованія, какое сдѣлано Пекарскимъ относительно книгъ Петровскаго времени; слѣдовательно, въ дѣйствительности надо предположить цифры послѣ Петра нѣсколько выше.

рой нѣжности чувствованій», онъ и для «подлаго» мѣщанства долженъ былъ сдѣлаться источникомъ «изрядныхъ и благородныхъ» чувствъ. Вотъ почему гораздо правѣе интеллигентныхъ противниковъ беллетристики былъ Карамзинъ, принявъ на себя защиту романа. По его справедливому замѣчанію, тотъ, «кто плѣняется «Никанoромъ злосчастнымъ дворяниномъ»,—тотъ на лѣстницѣ умственнаго образованія стоитъ еще ниже его автора, — и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему-нибудь научается».

Разумѣется, для высшаго слоя русской интеллигенціи въ семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годахъ уже прошло время, когда мы могли бы характеризовать ихъ положеніе «на лѣстницѣ умственнаго образованія» однимъ только чтеніемъ романовъ. Для *этого* слоя—болѣе обширный кругъ читателей романовъ представлялъ только почву, на которую должны были падать ихъ сѣмена. Наоборотъ, для обширнаго круга обыкновенныхъ читателей представители передовой интеллигенціи были «вольтерьянцами» и «фармазонами». Въ этихъ двухъ терминахъ характернымъ образомъ закрѣпилось воспоминаніе о двухъ важнѣйшихъ умственныхъ теченіяхъ среди тогдашней высшей интеллигенціи. Оба теченія были діаметрально противоположны и враждебны другъ другу. Тѣмъ характернѣе, что въ представленіи широкихъ круговъ оба термина сливались, какъ что-то родственное, что-то одинаково крайнее и, стало быть, одинаково опасное для обывателя, еретическое передъ судомъ его рутины. Одной этой популярной терминологіи достаточно, чтобы показать намъ, что передовая русская мысль текла еще очень узкой и тонкой струей, углубляя свое русло среди едва разрыхленной поверхности культурной пустыни. Даже сама Екатерина, помогавшая прокладывать это русло, настолько могла запутаться среди передовыхъ теченій, что смѣшала впослѣдствіи «мартинизмъ» съ направленіемъ Радищева.

Дѣло въ томъ, что время слишкомъ уже шибко шло впередъ, обостряя вопросы, радикализируя настроеніе и отодвигая на задній планъ воззрѣнія, только что казавшіяся передовыми. Екатерина называла себя «вольтеріанкой»; но ея вольтеріанство скорѣе отзывало фривольной эпохой регентства, чѣмъ эпохой Людовика XVI-го. Самъ Вольтеръ долженъ былъ къ концу жизни сдѣлать надъ собой усиліе, чтобъ остаться «вольтеріанцемъ». Вольтеріанство—это былъ теперь боевой кличъ, означавшій борьбу и торжество свободной мысли противъ государственной церкви, противъ догмы, защищаемой силами инквизиціи и іезуитизма. Рядомъ съ вольтеріанствомъ стояли и опережали его радикальныя, философскія и политическія ученія. Не только эти ученія остались внѣ кругозора Екатерины, но и «вольтеріянство» она продолжала понимать въ болѣе узкомъ и низменномъ смыслѣ эпохи своего дѣтства: въ смыслѣ побѣды «здраваго смысла» надъ «суевѣріемъ»,— въ смыслѣ легкой чистки человѣческихъ мозговъ, а не упорной борьбы

за реформу человѣческихъ учрежденій и вѣрованій. Это была, какъ мы говорили раньше, полная свобода отъ какой-бы то ни было доктрины, отожествляемой съ «педантствомъ»,—а вовсе не подчиненіе какой-нибудь передовой доктринѣ. Такое пониманіе ни къ чему не обязывало и даже могло повести къ довольно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же болѣе іезуитовъ былъ свободенъ отъ «суевѣрій»? И развѣ не торжествовали они побѣду «здраваго смысла» надъ богословской метафизикой янсенистовъ? Сознаніе умственной близости съ этими сторонниками «здраваго смысла» слишкомъ сильно чувствуется въ добродушныхъ насмѣшкахъ Екатерины надъ mes chers coquins de jésuites. Вотъ почему, когда Европа XVIII вѣка изгнала іезуитовъ,—Екатерина ихъ пріютила; и вотъ почему впослѣдствіи, когда французское дворянство отказалось въ ночь на 4 августа 1789 г. отъ своихъ привилегій, Екатерина увидала въ этомъ только послѣдствія «дурнаго воспитанія», какое стали получать дворяне послѣ закрытія іезуитскихъ школъ.

Въ началѣ царствованія (см. выше) Екатерина, впрочемъ, поняла было серьезно свою роль вольтеріанки по отношенію къ русскому духовенству. Въ 1767 г. Мелиссино представилъ синоду, въ качествѣ оберъ-прокурора, «пункты», долженствовавшіе служить руководствомъ при составленіи депутатскаго наказа отъ синода. Въ пунктахъ указывалось, что синодальные члены могли бы предложить въ Наказѣ: разрѣшить раскольникамъ публично совершать богослуженіе, ослабить и сократить православные посты, очистить церковь отъ «суевѣрія» и всѣхъ «притворныхъ чудесъ», не носить по домамъ иконы, отмѣнить лишніе праздники и убавить что-нибудь изъ «продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ»; установить чтеніе краткихъ молитвъ съ поученіемъ — вмѣсто всенощныхъ и вечеренъ, дозволить епископамъ жениться, а всѣмъ вообще духовнымъ—носить болѣе приличное платье: смягчить правила о разводѣ, о запрещеніи браковъ между родственниками и о бракахъ съ иновѣрцами; отмѣнить обычай поминовенія усопшихъ. Синодъ предпочелъ отмолчаться отъ этихъ странныхъ предложеній, и Екатерина не настаивала. Ея modus vivendi съ русскимъ духовенствомъ скоро выработался. Въ перепискѣ съ оффиціальными вольнодумцами, въ родѣ Гримма, она позволяла себѣ шутить надъ saintes huiles fricassées en ma présence, qui sont devenues puantes et que... Potemkine a fait jeter dans la rivière. Но когда Вольтеръ намекалъ ей, что недурно бы было вывести изъ употребленія цѣлованіе руки духовнымъ лицамъ, она съ насмѣшливой ироніей предлагала ему предоставить это дѣло времени. Таинство можно было сдѣлать предметомъ интимной шутки, но никакъ нельзя было касаться церковнаго обычая. «Il faut profiter des opinions populaires»—таково было политическое правило, передъ которымъ умолкало «вольтеріанство» Екатерины.

Дворъ и высшее общество пошли по тому же пути и такъ

же не далеко ушли по нему. Мы знаемъ (см. выше), до какой степени условія дворянскаго воспитанія и «свѣтскаго житія» не благопріятствовали выработкѣ какихъ бы то ни было, въ томъ числѣ и религіозныхъ убѣжденій. Новыя идеи, при этихъ условіяхъ, не встрѣтили въ высшей дворянской средѣ никакого противодѣйствія, но и никакой серьезной подготовки къ ихъ дѣйствительному усвоенію. Это была просто—новая мода, новый дополнительный элементъ для отличія «благороднаго» состоянія отъ «подлаго», наравнѣ съ покроемъ платья и французской рѣчью. Новыя идеи служили доказательствомъ утонченнаго образованія въ высшихъ кругахъ свѣтскаго общества. Какой-нибудь князь X. или графъ У. сообщалъ въ кружкѣ гостей самую послѣднюю парижскую новость, привезенную съ только что полученной почтой или лично услышанную за границей. Бога, оказывалось, вовсе нѣтъ, а попы и монахи—простые шарлатаны. Эти самоновѣйшія открытія «философовъ» разносились сливками петербургскаго общества съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ они привыкли разносить городскіе сплетни и слухи. Князь X., залучивъ въ свою компанію «вольтеріанцевъ» новичка изъ Москвы (въ данномъ случаѣ Фонвизина), спѣшитъ свозить его къ графу У., единомышленнику или, можетъ быть, первоисточнику моды. И графъ У. тотчасъ же, при первомъ визитѣ, принимается за обращеніе новичка въ свою вѣру. Самъ оберъ-прокуроръ синода, встрѣтившись въ гостиномъ дворѣ съ мало знакомымъ ему молодымъ дворяниномъ, въ чинѣ простого унтеръ-офицера гвардіи, забываетъ свое званіе и рангъ своего собесѣдника и не можетъ удержаться, чтобы не внушить ему тутъ же, на улицѣ, здравыя понятія о бытіи Божіемъ.

Немудрено, что, вмѣстѣ съ другими признаками дворянской моды, *такого рода* «вольтеріанство» сдѣлалось скоро мишенью сатирическихъ нападеній со стороны настоящей интеллигенціи. Для этого даже не понадобилось особенно много прибавлять къ тому старому клише, которое уже съ полвѣка служило русской сатирѣ для изображенія свѣтскаго модника. Нѣсколько штриховъ, взятыхъ изъ области ходячей теоріи; нѣсколько жизненныхъ чертъ для болѣе реальной, сознательной характеристики соціальнаго положенія модника,—и «петиметръ» Елизаветинской сатиры легко превратился подъ перомъ сатириковъ въ Екатерининскаго «вольтеріанца».

Не бывши просвѣщенъ нравоученьемъ моднымъ,
Не можешь въ публикѣ казаться благороднымъ...
По модѣ ты чешись, по модѣ одѣвайся...
Приборной, щегольской имѣй ты экипажъ...
Гони, дави людей, и тѣмъ превозносися;
Французскимъ языкомъ и въ русскомъ щеголяй...
Всѣ знанія и всѣ науки отметай...
Люби лишь оперы, комедіи, романы...
Изъ философскихъ книгъ ты развѣ тѣ имѣй,

Что душу съ вѣчностью глотаютъ у людей...
Въ военную одну ты службу лишь вступай...
Будь вѣчно холостымъ, женись лишь на богатствѣ;
Съ женою разведись, какъ водится въ дворянствѣ...
Крестьянъ ты разоривъ, продай иль заложи,
И деньги взявъ за нихъ, на карту положи...
И, словомъ, ты во всемъ по модному живи.
Еще-жъ знать всякому потребно офицеру
Оспорить въ полчаса и опорочить вѣру...
Все дѣлай тлѣннымъ, все ты дѣлай безконечнымъ,
Сей міръ ты признавай то временнымъ, то вѣчнымъ;
То тѣломъ иногда ты душу называй,
То духа имя ей изъ милости давай...
Въ послѣдокъ истреби совсѣмъ ты свой разсудокъ,
Скажи: произвела натура весь сей свѣтъ;
Превыше умудрись,—скажи, что Бога нѣтъ,
Что вѣра есть обманъ, лукавое притворство.
Вотъ въ семъ-то состоитъ прямое благородство...
Похвально, если ты обиды не прощаешь,
Безчестенъ будучи, честь шпагой защищаешь.
Ты смѣло безъ вины соперника рази,
За грубыя слова и друга жизнь пронзи...

Вотъ въ какой обстановкѣ, вотъ съ какими ассоціаціями — бреттера, кутилы и юнкера—представляетъ себѣ русскій сатирикъ («Вечерняя Заря», 1782) современное ему *русское* вольтеріанство. Разумѣется, не слѣдуетъ думать, что эта критика распространяется *и на оригиналъ* русской каррикатуры. Когда изъ другого реакціоннаго лагеря слышатся проклятія противъ Вольтера, тотъ же интеллигентный журналистъ спѣшитъ взять Вольтера подъ свою защиту и произноситъ диеирамбъ XVIII-му вѣку. «О вѣкъ просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью человѣческаго рода»; благодаря тебѣ, «явилось человѣколюбіе ко всѣмъ»; «твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которому величайшею препоною было пустосвятство». И, «кто бы ни былъ Вольтеръ,—хотя, впрочемъ, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ,—при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятовъ».

Во всякомъ случаѣ, и по отношенію къ подлинному вольтеріанству *) передовая русская интеллигенція заняла совершенно иную позицію, чѣмъ высшее дворянское общество. На людей, менѣе затронутыхъ придворной культурой, проповѣдь новыхъ идей производила совсѣмъ не то впечатлѣніе. Конечно, и въ этомъ общественномъ слоѣ многіе

*) Къ направленіямъ болѣе лѣвымъ, чѣмъ собственно «вольтеріанство», мы еще вернемся впослѣдствіи. Здѣсь мы пока не различаемъ рѣзко этихъ теченій, какъ не различались они и въ русскомъ обществѣ.

изъ юныхъ адептовъ новой философіи принимали ее на вѣру и спѣшили даже превзойти учителей смѣлостью сужденій. Молодымъ дворянамъ изъ провинціи, пріѣхавшимъ въ Петербургъ на службу, не могла не импонировать пропаганда великосвѣтскихъ атеистовъ. Но зато большинство изъ нихъ въ одинъ прекрасный день безъ церемоніи и безъ компромиссовъ возвращались къ вѣрѣ или къ идейному индифферентизму отцовъ, полагая, очевидно, какъ московскій главнокомандующій Брюсъ, что «въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься», и смѣясь надъ своими старыми сужденіями, какъ надъ проказами молодости. Совершенно другое значеніе получали новыя идеи для болѣе глубокихъ и болѣе подготовленныхъ натуръ изъ этой же дворянской молодежи. Первое впечатлѣніе было обыкновенно ошеломляющее. Подъ этимъ впечатлѣніемъ и наиболѣе вдумчивые принимали часто цѣликомъ новую вѣру. Но переходъ отъ старой вѣры совершался слишкомъ быстро, чтобы быть прочнымъ и окончательнымъ. Скоро заговаривала совѣсть, и при добросовѣстномъ анализѣ своихъ мыслей и чувствъ молодое поколѣніе приходило къ тяжелому сознанію полнаго внутренняго разлада. Послѣ болѣе или менѣе усерднаго изученія самыхъ сочиненій новыхъ философовъ, оно оказывалось не въ состояніи ни принять ихъ міровоззрѣнія, ни вернуться всецѣло къ простодушному міровоззрѣнію дней своей юности.

Для петровскаго поколѣнія этого внутренняго противорѣчія не существовало. Тѣ люди (ихъ образчикъ мы видѣли въ Татищевѣ) еще твердо вѣрили въ возможность согласить дѣдовскіе взгляды съ духомъ просвѣщенія. Отсюда происходитъ та своеобразная цѣльность, эпическое спокойствіе и ясность души, которыя отличаютъ выдающихся русскихъ людей первой половины XVIII-го вѣка. Поколѣніе 50-хъ—60-хъ годовъ, какъ мы видѣли, уже должно было вступать въ болѣе или менѣе сознательные компромиссы между теоріей и жизнью. Но теорія въ то время еще не приняла такого остраго, вызывающаго оттѣнка по отношенію къ жизни, который могъ бы затруднить компромиссъ и отравить душу сознаніемъ его внутренней несостоятельности. Совсѣмъ другое положеніе занимало поколѣніе 70-хъ—80-хъ годовъ. Вопросы здѣсь стояли ребромъ, обостренные французскимъ умственнымъ движеніемъ послѣ 1750 года. Дремлющія русскія души были окончательно разбужены этимъ толчкомъ, рѣзко поставившимъ другъ противъ друга два противоположныя міровоззрѣнія. Такимъ образомъ, молодежь интересующаго насъ поколѣнія впервые очутилась на распутьѣ между старой и новой вѣрой, принужденная выбирать между той и другой. Она впервые почувствовала, что критическая мысль можетъ поколебать самыя коренныя основы старой вѣры. Можно себѣ представить то душевное смятеніе, ту панику, которая овладѣвала серьезнымъ и добросовѣстнымъ юношей, когда ему приходилось дѣлать рѣшительный выборъ и когда при этомъ выборѣ онъ чувствовалъ себя предоставлен-

нымъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ. Что-нибудь подобное должны были чувствовать тѣ средневѣковые студенты медицины, которые въ полночный часъ отправлялись на кладбище отрывать мертвецовъ, чтобы изучить на трупахъ человѣка тайны жизни. Немногіе могли преодолѣть въ себѣ священный ужасъ и рѣшались переступить черезъ порогъ святилища, въ школу послѣдовательнаго философскаго мышленія. Менѣе рѣшительные спѣшили уцѣпиться за обломки, уцѣлѣвшіе отъ стараго багажа, и принимались усердно идеализировать старину,—только бы можно было вернуться подъ ея защиту. Даже и наиболѣе смѣлые,—все-таки кончили компромиссомъ, стараясь скрыть отъ самихъ себя, какъ велики уступки, уже сдѣланныя ими новому міровоззрѣнію. Фонвизинъ, одинъ изъ такихъ юношей, затронутыхъ новой модой, въ Петербургѣ поддался было общему настроенію и принялся, въ тонъ веселой компаніи, вышучивать старую вѣру. Но достаточно было ему побывать въ патріархальной Москвѣ, чтобы съ него вольтеріанское настроеніе какъ рукой сняло. Встревоженная совѣсть требовала, однако же, публичнаго покаянія, и Фонвизинъ обратился за духовнымъ утѣшеніемъ къ одному изъ людей стараго поколѣнія. Г. Н. Тепловъ укрѣпилъ его въ истинахъ вѣры и посовѣтовалъ перевести изъ книги Кларка отрывки о «доказательствахъ бытія Божія и истинѣ христіанской вѣры». Покаяніе передъ свѣтскимъ духовникомъ, литературная эпитимія и отпущеніе грѣховъ потомствомъ—это, какъ видимъ, совсѣмъ уже не тѣ средства, къ которымъ прибѣгли бы люди предыдущихъ поколѣній, если бы они могли очутиться въ подобномъ положеніи. Разница не менѣе велика, чѣмъ тотъ контрастъ, который существовалъ между неприкрашенной московской стариной и той идеализаціей ея, въ какую ударился Фонвизинъ послѣ своего душевнаго кризиса.

Совершенно тотъ же внутренній процессъ, но съ инымъ, болѣе положительнымъ результатомъ, мы можемъ наблюдать у другого представителя тогдашней интеллигентной молодежи, Лопухина. Лопухинъ пошелъ дальше, чѣмъ Фонвизинъ, и въ отрицательномъ, и въ положительномъ фазисѣ своихъ убѣжденій. Онъ не удовлетворился «вольтеровыми насмѣшками надъ религіей» въ благородной компаніи. Онъ засѣлъ за самое евангеліе французскаго матеріализма, «Système de la Nature» барона Гольбаха, перевелъ ея заключительное резюме («Côde de la Nature»), «любовался своимъ переводомъ» и даже «расположился разсѣевать его въ рукописяхъ». «Но только что дописали первую (копію) красивымъ письмомъ», разсказываетъ намъ самъ онъ, «какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью прежде, нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія О злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями». Однако же, и литературной эпидеміей на этотъ разъ дѣло не

ограничилось. Противъ «злоупотребленія разумомъ» Лопухинъ искалъ спасенія въ вѣрѣ; но это не была уже патріархальная вѣра отцовъ. Идейная молодежь стремилась къ очищенному, одухотворенному пониманію вѣры. Отвергнувъ знамя «вольтеріанства», она не переходила, какъ Фонвизинъ, въ ряды «стародумовъ», а становилась подъ знамя *франкъ - масонства.*

Для нашего времени масонство кажется обыкновенно чѣмъ-то далекимъ, чуждымъ, немножко страннымъ и смѣшнымъ. Мы вспоминаемъ о немъ развѣ по поводу архаической формулы присяги—о непринадлежности къ масонскимъ ложамъ. Намъ трудно представить себѣ, какую огромную роль сыграло это теченіе въ исторіи нашего общественнаго развитія и какимъ путемъ оно попало въ эту присягу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда масонство, уже слишкомъ очевидно, является въ связи съ общественнымъ движеніемъ, какъ, напр., у Новикова,— изслѣдователи часто стараются умалить значеніе масонскаго элемента въ развитіи дѣятельнаго идеализма передовой ителлигенціи. Это совершенно неправильно. Вліяніе масонства слѣдовало бы признать весьма значительнымъ, даже если бы оно ограничивалось чисто теоретическимъ ученіемъ масоновъ. Въ смыслѣ теоріи или, лучше сказать, въ смыслѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, масонство было какъ разъ самымъ подходящимъ выходомъ для всего того молодого поколѣнія которое остановилось въ колебаніи между старой и новой вѣрой. Когда молодой писатель того времени рисуетъ себѣ полный контрастъ съ выше изображенной сатирой на вольтеріанца, когда онъ стремится надѣлить свой идеалъ всѣми возможными «достоинствами», у него самъ собой выходитъ изъ-подъ пера житейскій кодексъ масона (см. ту же «Вечернюю Зарю»). Вотъ почему далеко не одинъ Новиковъ «попалъ въ общество (масоновъ) потому, что находился на распутьи между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе». Это былъ общій и типическій случай для болѣе глубокихъ и отзывчивыхъ натуръ его поколѣнія. Масонство являлось для нихъ желаннымъ исходомъ, прежде всего, потому, что оно представлялось имъ вполнѣ совмѣстнымъ съ самыми строгими требованіями православія. На запросъ нѣмецкихъ масоновъ московскіе братья одинъ разъ заявили формально, что «обряды греко-россійской церкви такъ сходны съ масонскими, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что они имѣютъ одинъ источникъ». И митрополитъ Платонъ нисколько не кривилъ душой, когда далъ свой извѣстный отзывъ (см. ниже) о православіи Новикова,— дѣйствительно искренно вѣровавшаго и не менѣе искренняго масона. Католическое пониманіе масонства, какъ церкви антихриста (раздѣлявшееся еще покойнымъ Влад. Соловьевымъ) было нашей интеллигенціи XVIII вѣка совершенно чуждо и приходило на умъ развѣ только такимъ богобоязненнымъ старушкамъ, какъ тетка Державина, — да

авторамъ лубочнаго пасквиля на масонство 1765 года. Интеллигенція же видѣла въ масонствѣ *вѣру*, но только вѣру просвѣтленную разумомъ. Масонство было для нея своего рода *духовнымъ* христіанствомъ,—и это было другой причиной, почему переходъ въ масонство являлся такимъ желаннымъ исходомъ изъ тяжелой борьбы двухъ крайнихъ міровоззрѣній. Центральная идея масоновъ, какъ и духовнаго христіанства, есть «моральное перерожденіе», въ противоположность идеямъ французскихъ «философовъ» о перерожденіи людей путемъ раціональнаго законодательства. Вмѣсто борьбы за реформу масонство ставило человѣку задачу внутренняго самопознанія и работы надъ самимъ собой. Изъ этой основной идеи выводилось все соціальное ученіе масонства. Нельзя сказать, чтобы оно было, однако, слишкомъ узко или индивидуалистично, чтобы оно ставило человѣку однѣ только личныя цѣли. По нѣсколько болѣе позднему опредѣленію одного опытнаго масона, «масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгонять между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей, уничтожить фанатизмъ и суевѣріе, искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда» *).

Словомъ, масонство — это своего рода толстовство своего времени. Не даромъ Толстой сдѣлалъ масономъ (въ «Войнѣ и мирѣ») родоначальника любимаго типа своихъ романовъ. Онъ заразъ былъ вѣренъ и исторіи, и собственному настроенію. Отмѣтимъ особенно—демократическую тенденцію масонской идеи. Въ самый разгаръ увлеченія русскихъ аристократовъ вольтеріанствомъ масонство провозглашаетъ уничтоженіе «предразсудковъ кастъ и условныхъ различій происхожденія». Конечно, этотъ принципъ не проводится на практикѣ, и Елагину, напр., очень не нравится, когда его братьями по ложѣ оказываются два повара-француза. Но не надо забывать, что скоро духовными вождями русскаго масонства сдѣлались, вмѣсто этого вельможи,

*) Конечно, не всѣ масоны вполнѣ усвоили такое возвышенное пониманіе масонства, но по частямъ эта характеристика повторяется во множествѣ масонскихъ произведеній. Мало того, среди этихъ произведеній мы укажемъ ниже одно, которое представляетъ еще болѣе глубокое пониманіе, потому что обосновываетъ приведенную въ текстѣ формулировку—философской аргументаціей.

такой защитникъ «подлости» и мѣщанства, какъ Новиковъ, и такой выходецъ безъ соціальнаго положенія, годившійся по обычному представленію развѣ въ «гофмейстеры», какъ Шварцъ.

Однимъ теоретическимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ, далеко еще не исчерпывается значеніе масонства для русской общественной исторіи XVIII вѣка. Въ моментъ, когда русская интеллигенція вырастала изъ рамокъ частныхъ дружескихъ кружковъ, масонство дало ей готовую форму для болѣе широкой группировки на основаніи общей идейной связи. Въ масонствѣ, какъ средствѣ организаціи, всегда заключалась огромная соціальная сила. Чтобы понять это, стоитъ познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ масонства на Западѣ, особенно во Франціи. Какъ использована была эта черта масонства интеллигенціей екатерининскаго времени, мы скоро увидимъ.

Итакъ, какъ извѣстное морализирующее міровоззрѣніе, какъ средство объединенія интеллигентныхъ силъ, массонство имѣло очень важное значеніе въ исторіи общественнаго развитія Россіи. Изслѣдователи, отрицающіе это значеніе, представляютъ иногда себѣ масонство съ третьей стороны, которая, дѣйствительно, не играла почти никакой роли въ русскомъ интеллигентномъ масонствѣ. Рѣчь идетъ о тайныхъ ученіяхъ масонства, открывавшихся только тѣмъ, кто доходилъ до высшихъ степеней масонской іерархіи. На этихъ высшихъ степеняхъ масонство расходится въ своихъ ученіяхъ и дѣлится на нѣсколько системъ. Французское масонство чрезвычайно увеличило количество ступеней и ввело множество обрядовъ и церемоній. Нѣмецкое масонство увлеклось натурфилософіей и погрузилось въ изученіе секретовъ природы, надѣясь этимъ путемъ дойти до познанія Божества въ природѣ (см. ниже). Наконецъ, одна отрасль масонства задумала воспользоваться масонской организаціей, какъ средствомъ для политическихъ цѣлей. Первой изъ названныхъ трехъ системъ, съ ея развѣтвленіями, лучшіе изъ русскихъ масоновъ не сочувствовали: она имѣла сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди «знатныхъ господъ», привыкшихъ къ іерархіи, чинамъ и знакамъ отличія *). Послѣдней системы, т.-е. политической, такъ называемыхъ «иллюминатовъ», въ Россіи вовсе не существовало: подозрѣнія Екатерины въ этомъ отношеніи были совершенно неосновательны. Только вторая, мистическая, система («розенкрейцеры и мартинисты») получила одно время значеніе въ русскомъ идейномъ масонствѣ. Но мы сейчасъ увидимъ, что это значеніе свелось на практикѣ къ усиленію тѣхъ же двухъ элементовъ, важность которыхъ мы только что подчеркнули: идейнаго одушевленія и идейныхъ связей.

---

*) Наблюденіе это приведено самими русскими масонами, въ ихъ донесеніи заграничному съѣзду, какъ доказательство пользы внѣшнихъ знаковъ и церемоній для успѣха масонской пропаганды.

Масонство занесено было въ Россію иностранцами еще при Аннѣ, одновременно съ распространеніемъ его въ Германіи. Но первыя извѣстія о *русскихъ* адептахъ масонства мы имѣемъ лишь отъ пятидесятыхъ, самое большое—отъ конца сороковыхъ годовъ. Эти извѣстія рисуютъ намъ масоновъ елизаветинскаго времени въ такихъ чертахъ, которыя мало соотвѣтствуютъ только-что сдѣланной характеристикѣ. При Елизаветѣ масонство распространялось въ томъ же самомъ знатномъ кругу, который потомъ, при Екатеринѣ, смѣнилъ его на новую моду, вольтеріанство. Для этого круга масонство было простой забавой, дѣломъ моды, суетности и тщеславія. Въ это именно время, въ 50-хъ годахъ, вступилъ въ орденъ И. П. Елагинъ, первый «возстановитель на твердую степень» масонства въ Россіи. По его собственному признанію, этотъ оффиціальный глава позднѣйшаго масонства руководился тогда, главнымъ образомъ, побужденіями «любопытства и тщеславія»: любопытства—узнать сокровенныя тайны масонства и тщеславіемъ—побыть «хотя минуту въ равенствѣ съ такими людьми, кои въ обществѣ знамениты,—и чинами, и достоинствами, и знаками отъ меня удалены суть». «Содѣйствовала тому и лестная надежда, не могу ли чрезъ братство достать въ вельможахъ покровителей и друзей, могущихъ споспѣшествовать счастію моему». Но скоро Елагинъ убѣдился, что «вельможи» вовсе не смотрятъ серьезно на «братскій» союзъ. И самъ Елагинъ «работы» въ масонскихъ собраніяхъ «почиталъ совершенно игрушкою, для препровожденія празднаго времени вымышленною». Дѣйствительно, собранія масоновъ приняли въ этотъ періодъ характеръ клуба, съ обычными клубными занятіями: билліардомъ, карточной игрой и веселыми ужинами. О масонствѣ напоминали развѣ только торжественные пріемы новичковъ и посвященія изъ степени въ степень, обставленные церемоніями и символической обстановкой, предназначенной дѣйствовать на воображеніе, но скорѣе возбуждавшей смѣшливость. Естественно, что такое масонство не давало пищи ни уму, ни сердцу. «Не пріобрѣлъ я изъ тогдашнихъ работъ нашихъ», признается Елагинъ, «ни тѣни какого-либо ученія, ниже преподаяній нравственныхъ, а видѣлъ токмо одни предметы неудобь достижимые, обряды странные, дѣйствія почти безразсудныя; и слышалъ символы неразсудительные, объясненія религіи здравому разсудку противныя. Въ такомъ безплодномъ упражненіи открылась мнѣ только та истина, что ни я, ни начальники масоновъ иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при торжественной вечери за трапезой неистовымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни, и насчетъ ближняго хорошимъ упиваться виномъ, да начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Вакху».

Такъ стояло дѣло, когда въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ начали примыкать къ масонству представители учащейся молодежи въ Петербургѣ и Москвѣ, воспитанники шляхетскаго

корпуса и университета. Прямыхъ извѣстій объ этомъ моментѣ въ исторіи масонства мы почти не имѣемъ, такъ какъ принадлежность къ масонству хранилась тогда въ глубокой тайнѣ; масонскія собранія ютились на чердакахъ, и «братья» скрывали свою принадлежность къ ордену, боясь правительственнаго преслѣдованія. Только гораздо позже, въ рядахъ екатерининскихъ масоновъ 80-хъ годовъ мы встрѣчаемъ представителей этого поколѣнія молодежи. О времени ихъ вступленія въ орденъ обыкновенно не имѣется никакихъ свѣдѣній, но среди «братьевъ» они часто считаются старыми и опытными масонами и занимаютъ иногда видное мѣсто въ іерархіи ордена. Здѣсь встрѣчаемъ самыхъ видныхъ участниковъ журналистики начала 60-хъ гг. (Херасковъ, Ржевскій, Нартовъ) и ихъ менѣе видныхъ друзей, державшихся плотной группой *) въ Комиссіи уложенія (Всеволожскій, графъ А. Строгоновъ), наконецъ, сыновей или родственниковъ этой депутатской группы (Лодыженскій А. Ѳ., Загряжскій Б. А., Трубецкіе, можетъ быть Лопухинъ). Это, конечно, только остатки интеллигентныхъ кружковъ и группъ 60-хъ годовъ; но ихъ совершенно достаточно, чтобы поднять нить интеллигентнаго развитія, ускользающую отъ нашего прямого наблюденія. Къ тому же, намъ хорошо извѣстно настроеніе и складъ убѣжденій молодыхъ литераторовъ начала 60-хъ годовъ. Ихъ взгляды совершенно совпадаютъ съ приведенной только что характеристикой масонской идеи: мы принуждены были назвать эти взгляды масонскими по существу, по самому содержанію ихъ, прежде чѣмъ заговорили о внѣшней исторіи русскаго масонства (см. выше).

Несомнѣнно, присоединеніе къ масонству интеллигентной молодежи обѣихъ столицъ сразу подняло тонъ движенія и дало ему серьезное содержаніе. И однако же, мы ничего не знали бы объ этомъ подъемѣ, если бы не знали о немъ изъ юношескихъ журнальныхъ произведеній этого поколѣнія молодежи. Почему же, спрашивается, эта масонская традиція 60-хъ годовъ, столь сходная по существу съ идеями 80-хъ годовъ, оказалась такъ слаба, что самое существованіе ея намъ приходится доказывать косвенными соображеніями и сопоставленіями мелкихъ фактовъ, совершенно ускользнувшихъ отъ вниманія изслѣдователей? Оскудѣніе традиціи есть тоже историческій фактъ, весьма любопытный для исторіи нашего общественнаго развитія. Фактъ этотъ подтверждаетъ наши предыдущія наблюденія надъ первымъ поколѣніемъ интеллигентовъ и находитъ себѣ въ нихъ полное объясненіе. Юношеское одушевленіе, очевидно, не пережило юныхъ годовъ. Мы знаемъ, какъ охладѣло поколѣніе 60-хъ годовъ къ идейнымъ основамъ своей общественной дѣятельности (см. выше). Необходимо только прибавить, что увлеченіе *масонствомъ*, даже независимо отъ возраста и опытности,

*) Дружныя дѣйствія этой группы въ Комиссіи (см. выше) не должны-ли быть тоже объясняемы отчасти масонскими связями?

*

должно было подвергнуться серьезному *идейному* испытанію. Тѣхъ, кого не охладилъ жизненный опытъ, могло отвлечь отъ масонства новое увлеченіе французскими философами. Показанія Елагина и въ этомъ случаѣ оказываются драгоцѣнными. Совершенно разочаровавшись, какъ мы видѣли, въ масонствѣ, онъ «спознался съ аѳеистами и деистами» и «сталъ искать просвѣщенія разума» въ книгахъ «такъ называемыхъ новыхъ философовъ и ансиклопедистовъ... въ славѣ тогда находившихся». Но и для Елагина, какъ для другихъ интеллигентовъ екатерининскаго времени, это увлеченіе «вольтеріанствомъ» послужило только переходной ступенью къ составленію собственнаго міровоззрѣнія, болѣе подходившаго къ старымъ привычкамъ мысли и чувства. И онъ, какъ другіе, проникся сердечнымъ трепетомъ при сознаніи того, что «дерзнулъ забыть вѣру, въ которой родился и страхъ Божій, и ученіе, которое при воспитаніи въ училищахъ преподаваемо было». И онъ искалъ успокоенія встревоженной совѣсти въ бесѣдахъ съ «просвѣщенными и учеными» руководителями. Къ его величайшему удивленію, эти руководители оказались масонами. Масонами были, какъ онъ зналъ, и самъ Вольтеръ и «ему сообразные». По необходимости Елагину пришлось заключить, что въ масонствѣ есть что-то такое, что осталось ему неизвѣстнымъ. Онъ набросился тогда на изученіе масонской литературы, «за безумно истраченныя деньги собралъ громады писаній», искалъ высшихъ степеней масонства, чтобы проникнуть въ его сокровенныя тайны, входилъ въ сношенія съ заграничными масонами. Но во всемъ этомъ онъ не могъ «удовлетворительнаго ничего почерпнуть, а единственно увидѣлъ токмо разныя человѣческія умствованія, иныя острыя и разумныя, другія нелѣпыя и весьма глупыя»,—и сверхъ всего этого очень много шарлатанства, эксплуатировавшаго простодушіе и любопытство искателей масонскихъ тайнъ для простого выманиванія денегъ. Истинная тайна масонства, которой съ такимъ трудомъ и расходами добивался Елагинъ, оказалась гораздо ближе и гораздо доступнѣе.

Простому человѣку, какъ Новиковъ, богатому только своимъ здравымъ смысломъ, эта тайна видна была сразу. Новиковъ съ самаго начала отнесся враждебно къ китайскимъ церемоніямъ французскаго «храмоваго» масонства, а къ чернокнижническимъ тайнамъ розенкрейцеровъ остался довольно равнодушнымъ. Но онъ быстро понялъ значеніе масонства, какъ нравственной теоріи, и оцѣнилъ вліяніе масонства, какъ общественной силы. Для того, чтобы заниматься нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и чтобы воспользоваться организаціонными средствами масонства для цѣлей общественной дѣятельности, — для этого не нужно было гоняться ни за какими тайнами, нечего было разыскивать ключей къ масонству въ Швеціи, Англіи или Германіи. Ключъ этотъ,—«ключъ дружелюбія и братства», какъ опредѣлялъ его одинъ доносъ на масоновъ, найденъ былъ въ собственномъ сердцѣ и

собственной волѣ. Въ этой находкѣ и заключается все значеніе Новикова для русскаго масонства. Этимъ же объясняется и то, какимъ образомъ человѣкъ, «безъ воспитанія, безъ ученія», не посвященный въ секреты ни «герметической философіи» розенкрейцеровъ, ни «храмовыхъ» церемоній, «шотландскихъ» и «рыцарскихъ» степеней системы «строгаго соблюденія» и родственныхъ съ нею,—какимъ образомъ такой человѣкъ могъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ реформаторовъ русскаго масонства.

Зерно той идеи, которая толкнула Новикова въ масонство и которая покорила масонство Новикову,—зрѣло въ умѣ Новикова исподволь и давно. Еще въ «Живописцѣ» онъ говоритъ о только что учрежденномъ императрицею «Обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ», какъ о «наипохвальнѣйшемъ и наиполезнѣйшемъ учрежденіи, о какомъ только *частнымъ* людямъ помышлять дозволяется». Но мало *издать* книгу; надо *дать ее въ руки читателю*. Только при такомъ расширеніи дѣло книгоиздательства явится дѣйствительно живымъ дѣломъ, способнымъ принести неисчислимыя культурныя послѣдствія. Мало и этого: надо пустить книгу *въ провинцію*, гдѣ ея ждетъ, не дождется самый главный читатель и покупатель *русскихъ* книгъ, алчущій духовной пищи и не имѣющій чѣмъ удовлетворить ее. «Петербургъ и Москва имѣютъ способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только бы была у покупающихъ охота. Но позвольте сказать, петербургскіе и московскіе жители много имѣютъ увеселеній. Есть у нихъ различныя зрѣлища, забавы и собранія; слѣдовательно весьма не у великаго числа людей остается время для чтенія книгъ. А сверхъ того и просвѣщеніе наше, или, такъ сказать, слѣпое пристрастіе къ французскимъ книгамъ, не позволяетъ покупать россійскихъ. Въ россійской типографіи напечатанное рѣдко молодыми нашими *господчиками* пріемлется за посредственное, а за хорошее—почти никогда. Напротивъ того, живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ *дворяне и купцы* лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трои или четверо руки дойдетъ, напримѣръ, въ Малую Россію; всякой накладываетъ неумѣренный барышъ, для того, что производитъ сію торговлю весьма малымъ числомъ денегъ; и такъ книга, продающаяся въ Петербургѣ по рублю, приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Чрезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются книгъ расходится меньше, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто терпятъ убытокъ. *Вотъ* государь мой, *куда должно стремиться намѣреніе сего общества..; но не у пріиде часъ*».

Часъ этотъ пришелъ, какъ увидимъ, двѣнадцать лѣтъ спустя: Новиковъ осуществилъ въ грандіозныхъ размѣрахъ свою идею и своимъ «Обществомъ» дѣйствительно «привелъ торговлю книжную въ цвѣтущее состояніе». Но, какъ это ни важно само по себѣ, для насъ въ данную

минуту дѣло Новикова имѣетъ совсѣмъ особый интересъ и значенie. Это было первое широкое практическое предпріятіе, осуществленное коллективно русской интеллигенціей, обществомъ частныхъ людей, по собственной иниціативѣ. И главный иниціаторъ, выносившій эту идею въ своемъ умѣ, шелъ къ ея осуществленію цѣлый рядъ лѣтъ, медленно и упорно, соединяя идейное увлеченіе съ практической смѣтливостью, заражая своей энергіей цѣлую группу близкихъ людей, вербуя по всей Россіи цѣлую сѣть единомышленниковъ, связывая ихъ идейными узами братства и сообщая такимъ образомъ отвлеченнымъ филантропическимъ стремленіямъ масонства самое реальное, самое жизненное содержаніе.

Начало этого изумительнаго для того времени предпріятія было очень скромно. Но это начало уже показало, что для Новикова, при всей его практической дѣловитости, дѣло будетъ идти объ *общественномъ* интересѣ, а не объ одной только коммерческой выгодѣ. Точнѣе говоря, выгода должна была служить расширенію того же общественнаго интереса.

На очереди для «частныхъ людей» стоялъ вопросъ просвѣщенія. Новиковъ затѣваетъ для начала два параллельныхъ просвѣтительныхъ предпріятія, изъ которыхъ одно должно было питать другое. Онъ подбираетъ небольшую компанію молодежи и открываетъ (1777) въ Петербургѣ двѣ школы для мѣщанства. Эти школы будутъ содержаться доходами съ журнала, который компанія начинаетъ издавать одновременно съ открытіемъ школъ («Утренній Свѣтъ»). Типъ журнала Новиковъ взялъ готовый—тотъ самый, который созданъ былъ въ началѣ 60-хъ годовъ учащейся молодежью и меньше всего вызывалъ цензурныхъ опасеній. Матеріалъ журнала остался по преимуществу переводнымъ, направленіе—моралистическимъ (см. ниже). Но журналъ велся гораздо живѣе и серьезнѣе журналовъ Хераскова. Въ первый же годъ онъ имѣлъ 800 подписчиковъ. Кромѣ Москвы и Петербурга онъ расходился въ 26 теперешнихъ губернскихъ городахъ, 24 уѣздныхъ и 7 мѣстечкахъ. Такимъ образомъ завязались у Новикова связи съ провинціей.

Вся эта дѣятельность уже совершалась отчасти на почвѣ масонскихъ отношеній. Въ серединѣ 1770-хъ годовъ въ Петербургѣ сложился кружокъ, тяготившійся обрядовой и мистической стороной масонства. Настроеніе Новикова совпадало съ настроеніемъ кружка. Онъ сдѣлался масономъ (1775) съ спеціальнымъ условіемъ—не считать себя связаннымъ содержаніемъ тайнъ масонства. Тогда же кружокъ добился открытія собственной ложи въ Петербургѣ, работавшей по особой программѣ. «Тутъ все было обращено на нравственность и самопознаніе; говоренныя же (въ собраніяхъ) рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность». Такъ характеризуетъ цѣли и средства новаго масонскаго кружка самъ Новиковъ.

Однако же Петербургъ оказался неудобнымъ мѣстомъ для свобод-

наго и широкаго развитія идейно-филантропической дѣятельности новиковскаго кружка. Екатерина отнеслась съ самаго начала болѣе чѣмъ холодно къ новому почину своего литературнаго антагониста, грозившаго опередить его уже на второмъ поприщѣ общественной дѣятельности,—и опять на такомъ, которое она считала *своимъ* по преимуществу. Конечно, ея энтузіазмъ къ созданію «новой расы людей» очень значительно остылъ къ этому времени; но вопросъ о народномъ просвѣщеніи и народной школѣ стоялъ на ближайшей очереди, поставленный еще разъ Учрежденіемъ о губерніяхъ. Однако когда первыя дворянскія собранія, думая откликнуться на призывъ императрицы, начали дѣлать постановленія объ открытіи школъ, Екатерина поспѣшила охладить ихъ рвеніе. Калужскій и тверской губернаторы получили (1779) внушенія, что усердіе дворянства «преждевременно» и что слѣдуетъ ожидать отъ императрицы общихъ правилъ и инструкцій объ открытіи школъ. «Никогда не принудятъ меня бояться образованнаго народа,—писала Екатерина къ Гримму въ слѣдующемъ году (1780); *но когда-то еще онъ сдѣлается такимъ* и когда между образованными людьми переведутся негодяи (des gredins) съ ложнымъ направленіемъ и кривыми взглядами, люди способные скорѣе все испортить, чѣмъ принести пользу?» Болѣе чѣмъ вѣроятно, что во второй половинѣ этой любопытной тирады Екатерина имѣла въ виду иниціативу Новикова. Какъ бы то ни было, эта иниціатива заставила ее, наконецъ, поторопиться съ распространеніемъ образованія сверху. Въ томъ же году заведены были переговоры съ австрійскими педагогами, и въ 1782 г. началась дѣятельность коммиссіи народныхъ училищъ (см. «Оч.» II, 321 и слѣд.).

Въ 1777 г. Екатерина демонстративно устранилась отъ участія въ школахъ, созданныхъ Новиковымъ, и такъ же демонстративно не подписалась на его журналъ, несмотря на его обычные авансы. Очевидно перспектива для дальнѣйшей дѣятельности, при этихъ условіяхъ, складывалась неблагопріятно. Тогда Новиковъ рѣшился перенести все дѣло въ Москву, гдѣ атмосфера, какъ мы отчасти уже знаемъ, была совершенно иная. Здѣсь, прежде всего, такое направленіе, какъ масонство, могло развиваться гораздо свободнѣе, не оттѣсняемое модной «философіей» придворнаго круга. Для патріархальной Москвы эта «философія» и по существу своему была черезчуръ уже крайней: здѣсь настроеніе интеллигентныхъ круговъ скорѣе походило на нѣмецкое стародумство, чѣмъ на французское свободомысліе. Какъ сейчасъ увидимъ, въ Москвѣ нѣмецкое культурное вліяніе тотчасъ и побѣдило французское. Затѣмъ, отсутствіе двора имѣло еще и другія послѣдствія. Въ Москвѣ не было ни высшаго чиновничества, обязаннаго сообразоваться со взглядами власти, ни той житейской сутолоки, которая неизбѣжно связана съ повседневнымъ ходомъ громаднаго государственнаго механизма. Петербургъ суетился, поглощенный злобой дня и ме-

лочами жизни. Москва утопала въ роскоши и въ праздности. Петербургъ дѣйствовалъ, Москва критиковала. Петербургъ создавалъ баловней счастья; въ немъ дѣлали карьеру. Въ Москвѣ доживали свои дни всѣ падшія звѣзды и угасшія свѣтила сѣверной столицы. Здѣсь они по-барски прожигали шальныя состоянія, нажитыя въ болѣе счастливые дни; сюда уносили горечь и раздраженіе, копившіяся годами невольной или добровольной ссылки и находившія себѣ единственный исходъ въ томъ, что на языкѣ Екатерины называлось «враньемъ».

Въ этой атмосферѣ сановнаго брюжжанья,—мало, конечно, походившаго на политическую оппозицію,—жилось спокойнѣе и независимѣе и представителямъ интеллигентнаго русскаго общественнаго мнѣнія. За спиной главнокомандующаго, графа Захара Чернышева, не забывшаго еще, что и самъ онъ когда-то, въ дни Елизаветы, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ масоновъ, родовитые и богатые представители молодого масонства чувствовали себя въ сравнительной безопасности,—внѣ непосредственнаго дѣйствія петербургской власти. У нихъ было довольно вліянія и денежныхъ средствъ; талантъ и энергію вложили въ движеніе приглашенные ими идейные руководители.

Съ помощью дружескихъ масонскихъ связей (черезъ Хераскова) Новиковъ уже въ 1779 году перебрался окончательно въ Москву изъ Петербурга. Тогда же онъ взялъ въ аренду московскую университетскую типографію и принялся за осуществленіе любимой своей мысли, идейнаго издательства. Какъ отразилось переселеніе въ Москву на настроеніи Новикова, видно всего лучше изъ его «Московскаго изданія», замѣнившаго въ 1781 году «Утренній Свѣтъ». Въ самомъ предисловіи къ новому журналу публицистъ поднимаетъ забрало и рѣшительно объявляетъ, что прямая цѣль журнала есть борьба съ людьми, «отъ природы великими способностями одаренными, въ воспитаніи ученостью украшенными, и между людьми почтенными», которые, однако, «хулятъ съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный» (такъ опредѣлялась, между прочимъ, и основная тайна масонства), и готовы уже думать, что искоренили «всѣ народные предразсудки и низкое суевѣріе». Слова эти прямо мѣтили на Екатерину и ея придворный кругъ: ихъ можно только сопоставить съ отвѣтомъ Платона, когда ему пришлось выбирать между «христіанствомъ» масоновъ и «философіей» императрицы (см. ниже). Не даромъ архіереи явились усердными подписчиками журнала, на который не подписалась Екатерина. Но Новиковъ пошелъ еще дальше этихъ общихъ намековъ. Въ немъ просыпается издатель «Трутня» и «Живописца»; и въ журналъ, предназначенный для благотворительности и моральнаго назиданія, скоро врывается бурной струей негодованіе публициста и обличительный смѣхъ сатирика. Въ промежутокъ между двумя пароксизмами націоналистической и завоевательной политики Екатерины.—«Московское изданіе» поднимаетъ

голосъ противъ наступательныхъ войнъ. Не честолюбіе и любовь къ славѣ, а только любовь къ общественному благу и отечеству должна побуждать къ войнѣ. Война—если она не оборонительная—есть просто кровопролитіе и должна вызывать одинъ ужасъ. Безсмертіе государь можетъ заслужить скорѣе правосудіемъ и справедливостью, чѣмъ «завоеваніемъ многихъ государствъ, разореніемъ ста городовъ и истребленіемъ ста тысячъ человѣкъ». Всякій, «утверждающій власть свою на неправосудіи, скрываетъ пропасть, которою онъ или его преемники поглощены будутъ. Самыя великія и жесточайшія возмущенія не отъ чего иного произошли, какъ отъ своенравія и жестокостей государей». Государь долженъ остерегаться страстей. «Всякое государство лучше управляемо быть можетъ празднымъ государемъ, нежели страстнымъ. Ежели первый будетъ имѣть искуснаго министра, тогда праздность его можетъ обратиться въ пользу народа; страстный же... повинуется волѣ любовницы... Какъ скоро государь отдается любви, то... временщики, министры, придворные... показываютъ нѣжное сердце... Любовницы государя, министровъ и временщиковъ, сдѣлавъ союзъ, станутъ раздавать чины и всѣ дѣла расположатъ по своимъ прихотямъ». И какъ бы боясь, что всѣ эти прозрачные намеки не будутъ поняты, авторъ прибавляетъ: «Такое правленіе бывало при государяхъ, которые великую надежду подавали въ началѣ своего владѣнія».

Горячій публицистъ, превосходный практикъ и организаторъ, трезвая, дѣловая натура,--Новиковъ не годился, однако, въ вожди чисто идейнаго движенія, какимъ было въ основѣ своей масонство, хотя и могъ лучше всякаго другого использовать движеніе для общественныхъ цѣлей. Идейнымъ руководителемъ, душой движенія съ его теоретической стороны явился другой человѣкъ, глубокій энтузіастъ, готовый самого себя цѣликомъ отдать на служеніе своему идеалу. Въ 1776 году пріѣхалъ въ Россію—и одновременно съ Новиковымъ поселился въ Москвѣ нѣкто Шварцъ, нѣмецъ изъ Трансильваніи. Вліяніе этого человѣка въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ тогда же сдѣлался профессоромъ (1779), сравнивали съ вліяніемъ Грановскаго. Но еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе Шварца на университетскую аудиторію, было дѣйствіе его дружескихъ бесѣдъ, если, впрочемъ, забыть, что онъ владѣлъ несомнѣннымъ даромъ—дружескую бесѣду превращать въ профессорскую лекцію, а изъ лекціи дѣлать дружескую бесѣду. И въ этомъ-то тѣсномъ кружкѣ друзей, который постепенно расширялся въ болѣе широкій кругъ поклонниковъ и послѣдователей, скорѣе можно бы было сравнить вліяніе Шварца съ вліяніемъ другого знаменитаго представителя тридцатыхъ годовъ, Станкевича. Столь же тонко организованная и благородная, но несомнѣнно болѣе пылкая натура, чѣмъ Станкевичъ, Шварцъ былъ такимъ же идейнымъ и нравственнымъ оракуломъ своего кружка, среди котораго гораздо рѣзче выдавался своими знаніями и образованіемъ. Обоихъ рано подкосила смерть, но оба оставили неизгладимый

слѣдъ въ сердцахъ и умахъ своихъ почитателей. Шварцу дано только было еще то, чего не дано было Станкевичу,—натурѣ болѣе созерцательной, чѣмъ дѣятельной. Шварцу суждено было самому осуществить въ жизни то «идеальное царство Платона», которое наполняло душу молодого энтузіаста «райскими ощущеніями». «Колумбъ, впервые завидѣвшій землю», выражался самъ Шварцъ, «не могъ радоваться болѣе меня, когда въ рукахъ моихъ очутился значительный капиталъ для осуществленія моей платоновской идеи». Но что же это была за утопія, за «новая Атлантида», которая заставляла Шварца и его друзей вспоминать о Колумбѣ и Платонѣ при одной мысли о возможности ея осуществленія? Въ пониманіи *ближайшей цѣли* для достиженія своей мечты Шварцъ очень близко сошелся съ Новиковымъ: именно, онъ мечталъ составить въ Россіи общество для распространенія истиннаго просвѣщенія. Для этого нужно было, по его мнѣнію: 1) популяризировать правила хорошаго воспитанія, 2) издавать полезныя книги, поддерживая тѣмъ и предпріятіе Новикова, и 3) выписать способныхъ педагоговъ изъ-за границы, а еще лучше—приготовить своихъ русскихъ преподавателей къ роли распространителей просвѣщенія. Для какой *дальнѣйшей,* можно сказать, міровой задачи все это было нужно, можно понять только тогда, когда познакомимся ближе съ философскимъ міровоззрѣніемъ Шварца. Мы увидимъ, что, по широтѣ размаха, его «утопія»—первая утопія русскаго общественнаго дѣятеля, ничуть не уступаетъ утопіямъ нашего времени.

Чтобы осуществить свою идею,—которую Шварцъ повсюду пропагандировалъ со всѣмъ жаромъ убѣжденія, не останавливаясь передъ скептицизмомъ своихъ болѣе практическихъ собесѣдниковъ, онъ не дожидался, пока счастливый случай дастъ ему въ руки «значительный капиталъ». Бывшій домашній учитель, только-что ставшій профессоромъ, бѣднякъ, оставившій послѣ своей смерти безъ копѣйки денегъ свою семью, Шварцъ пожертвовалъ въ университетъ 5.000 рублей (не меньше 25.000 на наши деньги), чтобы положить первый камень въ основу будущаго своего зданія. На эти деньги должны были подготовляться при университетѣ по особой системѣ будущіе учителя. Чтобы подобрать составъ воспитанниковъ этой «педагогической семинаріи», кружокъ друзей вошелъ немедленно въ сношенія съ начальствомъ единственныхъ тогда сколько-нибудь сносно поставленныхъ среднеучебныхъ заведеній,—именно духовныхъ семинарій и академій. Количество стипендіатовъ дружескаго кружка, присланныхъ изъ этихъ заведеній, доходило въ послѣдующіе годы до 30-ти слишкомъ; расходъ на стипендіи превышалъ 3.000 ежегодно; для помѣщенія стипендіатовъ кружокъ купилъ собственный домъ на имя Шварца.

Но учрежденіемъ «педагогической семинаріи» намѣренія Шварца, разумѣется, не ограничивались. За первымъ шагомъ послѣдовали два другіе, логически вытекавшіе изъ перваго. Свои отношенія къ собран-

нымъ отовсюду семинаристамъ Шварцъ не ограничилъ инспекторскимъ надзоромъ и профессорскими лекціями. Онъ вступилъ съ ними въ личныя и непосредственныя отношенія, старался развить въ нихъ нравственную и умственную самодѣятельность. Для этого черезъ два года послѣ открытія «педагогической семинаріи» онъ основалъ студенческое общество подъ названіемъ «собранія университетскихъ питомцевъ» (1781). Цѣлью общества было образованіе ума и вкуса членовъ, собиравшихся для совмѣстнаго обсужденія своихъ литературныхъ опытовъ. Въ началѣ засѣданій члены по очереди читали рѣчи моральнаго содержанія. Предполагалось пріучать членовъ и къ прямой филантропической дѣятельности, для которой средства добывались, по принципу уже намѣченному Новиковымъ, самими членами посредствомъ изданія ихъ сочиненій. Какъ велико было вліяніе Шварца на «университетскихъ питомцевъ», видно уже изъ того, что долго послѣ смерти учителя среди нихъ сохранялся настоящій культъ его памяти.

Наконецъ, третій шагъ на томъ же пути сдѣланъ былъ Шварцемъ въ слѣдующемъ 1782 году. Прошедшіе указанную школу питомцы, а также и вызванные вновь изъ семинарій студенты получили возможность приложить свои знанія и вмѣстѣ добыть средства къ существованію во вновь устроенной «переводческой семинаріи»—путемъ переводовъ лучшихъ авторовъ и моральныхъ сочиненій. Такимъ образомъ, цѣль, которую намѣтилъ себѣ Шварцъ, мало-по-малу осуществлялась. Его энергичными усиліями созданъ былъ цѣлый кружокъ молодыхъ интеллигентовъ, педагоговъ и переводчиковъ, оставившихъ по себѣ очень замѣтный слѣдъ въ дѣятельности русской школы и печати конца XVIII вѣка. Какія же идеи они проводили въ своей дѣятельности?

Прежде чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, намъ надо познакомиться съ дѣятельностью Шварца въ ближайшемъ дружескомъ кружкѣ. Здѣсь онъ взялъ на себя, какъ Новиковъ, роль чернорабочаго для «знатныхъ господъ» и увлекъ за собой кружокъ своей неутомимой дѣятельностью. Самое сплоченіе кружка, одушевленіе его одной просвѣтительной идеей—есть въ очень значительной степени дѣло Шварца. Началось это сплоченіе на почвѣ теоретическаго согласія во взглядахъ, на почвѣ извѣстнаго пониманія масонства. Закрѣпилось же оно окончательно на почвѣ активной общественной дѣятельности. Мы знаемъ, какія идеи одушевляли массоновъ до появленія среди нихъ Шварца. Шварцъ, со своими поисками масонскихъ тайнъ, съ своимъ знаніемъ масонскихъ формъ—казался подозрительнымъ русскимъ реформаторамъ масонства. Въ первый годъ знакомства со Шварцемъ Новиковъ тщательно избѣгалъ заводить съ нимъ разговоръ о масонствѣ. Но потомъ дѣло объяснилось, и московскіе представители масонства согласились, отложивъ въ сторону все таинственное и формальное, соединиться въ одной нейтральной ложѣ съ цѣлями нравственнаго самосовершенствованія. Какъ мы говорили раньше, Новиковъ былъ главнымъ сторонникомъ этого про-

стого, исключительно моральнаго пониманія масонства, и онъ перетянулъ на свою сторону другихъ. Но передъ знаніями и убѣжденностью Шварца самъ Новиковъ пасовалъ, и въ концѣ концовъ весь кружокъ подчинился вліянію молодого профессора. Шварцъ былъ мистикомъ; онъ вѣрилъ, что масонство можетъ открыть тайну сліянія Божества съ природой путемъ изученія секретовъ природы въ ея сокровеннѣйшей сущности. Хотя методы и цѣли масонства противорѣчили наукѣ, но не надо забывать, что сама наука въ то время какъ разъ нападала на путь, который, казалось, велъ туда же, куда стремилась проникнуть и натурфилософія. Ученой новинкой, поразившей воображеніе тогдашней публики, были первыя открытія химіи. Вещества, повидимому, простыя, какъ воздухъ, вода, оказались сложными. Являлась надежда открыть еще болѣе первичные элементы, въ которыхъ и ожидали найти начало всѣхъ началъ и ключъ къ превращенію однихъ веществъ въ другія. Этихъ-то тайнъ природы, въ которыя обѣщала проникнуть нарождавшаяся химія, доискивался и Шварцъ. Но это была только одна сторона его взглядовъ, которая притомъ играла подчиненную, служебную роль въ общемъ міросозерцаніи Шварца (см. ниже).

Посланный друзьями за границу для отысканія истиннаго масонства, Шварцъ вернулся оттуда послѣдователемъ системы «розенкрейцеровъ», занимавшихся изслѣдованіемъ «Божества въ натурѣ». Съ своимъ вліяніемъ онъ легко превратилъ въ розенкрейцеровъ и своихъ ближайшихъ друзей. Они остались, правда, совершенно чуждыми его «практическимъ работамъ». Однако, общая мистическая идея Шварца объ «истинномъ просвѣщеніи» должна была повліять и на нихъ. Изъ этой идеи вытекала вся дѣятельность Шварца; *она* придавала этой дѣятельности цѣльность и внутреннюю силу. Не будучи въ состояніи вполнѣ понять своего руководителя и послѣдовать за нимъ до конца, друзья-масоны вѣрили, однако, что существуетъ дѣйствительно какая-то таинственная цѣль познанія, какая-то высшая задача дѣятельности, которыя все объясняютъ и объединяютъ. Стремленіе къ этой цѣли выдѣляло кружокъ изъ остального общества; званіе «розенкрейцера» сближало ихъ въ своего рода конспиративный союзъ внутри самого масонства. При такой завлекательной обстановкѣ ставились и выполнялись общія задачи дѣятельности кружка. Примѣръ Шварца (см. выше) увлекъ нѣсколькихъ членовъ кружка къ значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ. Собравъ такимъ образомъ нѣкоторыя средства, кружокъ друзей рѣшился выступить формально и открыто подъ названіемъ «Дружескаго ученаго общества», преслѣдующаго филантропическія и ученыя цѣли. «Дружеское ученое общество» было торжественно открыто въ ноябрѣ 1782 года, въ присутствіи приглашенныхъ властей. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ Шварцъ, послѣ многочисленныхъ непріятностей и столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1783 году

онъ продолжалъ еще читать свой приватный курсъ исторіи философіи въ мистическомъ духѣ, руководилъ филантропической дѣятельностью «Дружескаго общества». Но слабый организмъ, надломленный непосильнымъ трудомъ и душевными огорченіями, наконецъ, не выдержалъ. Осенью 1783 года Шварцъ заболѣлъ и въ февралѣ 1784 года умеръ.

Чтобы оцѣнить значеніе профессорской дѣятельности Шварца, надо сравнить содержаніе новиковскихъ журналовъ, издававшихся для поддержанія двухъ петербургскихъ училищъ (см. выше) *до* и *послѣ* того, какъ приняли въ нихъ участіе «университетскіе питомцы», вышедшіе изъ педагогической семинаріи Шварца. Кружокъ, начавшій издавать въ 1777 году «Утренній Свѣтъ», стоялъ почти на уровнѣ сотрудниковъ журналовъ 1759—61 гг. Какъ тамъ, такъ и здѣсь идеи «естественнаго закона» сохраняются рядомъ съ новыми идеями самосовершенствованія, безъ всякой попытки согласить то и другое, хотя оба ряда идей въ сущности были плодомъ двухъ противоположныхъ и боровшихся между собой міровоззрѣній, философско-раціоналистическаго и религіозно-сентиментальнаго. Стремленіе къ счастью и наслажденію, эпикурейская и утилитарная система морали мирно уживаются въ журналѣ съ моралью «самопознанія», которая скоро будетъ развита Шварцемъ въ цѣлую систему теософіи и теургіи. Переводы изъ древнихъ авторовъ по вопросамъ любви, морали, безсмертія души наполняютъ первые томы «Утренняго Свѣта». Во второмъ году изданія начинается въ журналѣ «бореніе между вѣрой и разумомъ», въ лицѣ классическаго героя этой борьбы, Паскаля, «Мысли» котораго переводятся въ «Утреннемъ Свѣтѣ». Результатъ борьбы предрѣшенъ, кромѣ этого выбора, напечатаніемъ тутъ же другого произведенія, нашумѣвшаго въ Европѣ въ 70-хъ годахъ и бывшаго тамъ предвѣстникомъ торжества «чувствительности» надъ раціонализмомъ. Это былъ «Плачъ или ночныя думы» Юнга, воспѣвавшаго смерть «по ночамъ, при тускломъ свѣтѣ лампады, теплившейся въ человѣческомъ черепѣ» и патетически призывавшаго къ жалости, къ состраданію, къ заботѣ о душѣ и о будущей жизни. Третій годъ изданія (1780) представляетъ еще шагъ дальше, на пути къ усвоенію новаго міровоззрѣнія. Вмѣсто переводовъ изъ древнихъ являются статьи по философіи и психологіи; въ научныхъ статьяхъ проводятся новыя мысли (напр., что миѳы-не басни, а аллегоріи, скрывавшія высокія истины). Въ концѣ редакція помѣщаетъ статью Гисмана, въ которой отрицается аксіома всего XVIII-го столѣтія, существованіе естественнаго права и теорія естественнаго состоянія людей до образованія государства. Въ противоположность Руссо (и Юнгу), здѣсь доказывается что «попавшись въ состояніе сходное съ природою», люди сдѣлались бы не счастливыми и блаженными, а «плутами и негодяями». Въ связи съ этимъ, журналъ рѣшительно отрицаетъ и другую мысль Руссо, получившую

широкое употребленіе у насъ, особенно въ рукахъ противниковъ раціонализма изъ *реакціоннаго*, «стародумческаго» лагеря,—мысль, что просвѣщеніе вредитъ нравственности. Скоро мы увидимъ, почему эти идеи о вредѣ культуры и блаженствѣ «естественнаго состоянія» оказались несовмѣстимыми съ новымъ міровоззрѣніемъ редакціоннаго кружка.

«Московское изданіе» еще не обнаруживаетъ рѣзкаго шага впередъ въ смыслѣ развитія общаго міровоззрѣнія: его особенность, какъ мы видѣли, заключается въ той публицистической и сатирической струѣ, которую внесъ въ него переселившійся въ Москву Новиковъ. На новомъ мѣстѣ старый кружокъ сотрудниковъ, повидимому, порѣдѣлъ, а новый еще не подобрался въ этомъ году (1781),—и этимъ, можетъ быть, объясняется болѣе близкое участіе самого Новикова въ этомъ журналѣ. Зато въ слѣдующемъ году (1782) подоспѣлъ первый выпускъ «питомцевъ» Шварца, составившихъ въ томъ же году «переводческую семинарію» (см. выше). Въ руки этого-то молодого кружка*) и передалъ теперь Новиковъ веденіе своего ежемѣсячнаго изданія (выходившаго въ этомъ году подъ названіемъ «Вечерней Зари», мистическій смыслъ котораго Новиковъ подчеркнулъ въ своемъ «предувѣдомленіи»).

Главный интересъ «Вечерней Зари» заключается въ рядѣ философскихъ статей, которыя на этотъ разъ уже совершенно сознательно формулируютъ общее міровоззрѣніе, какое вырабатывалось въ московскомъ интеллигентномъ кружкѣ подъ вліяніемъ лекцій Шварца. Не нужно, конечно, ожидать отъ этого міровоззрѣнія чего-нибудь очень крупнаго и оригинальнаго. Содержаніе философскихъ статей «Вечерней Зари» довольно точно соотвѣтствуетъ среднему уровню тогдашней нѣмецкой популярной философіи. Богъ, міръ и душа—таковы основные вопросы міровоззрѣнія, около которыхъ сосредоточилась философская борьба XVIII вѣка. Въ описываемое время Кантъ уже сдѣлалъ всѣ эти вопросы предметомъ разрушительной гносеологической критики. Но «Критика чистаго разума» только что появилась тогда (1781); ея роль была еще вся въ будущемъ. Другія, болѣе раннія *цѣльныя* міровоззрѣнія, монизмъ Спинозы и монизмъ французскихъ матеріалистовъ казались слишкомъ подозрительными и были не по плечу тогдашнему среднему интеллигенту. Шварцъ разбиралъ Спинозу, Гельвеція, Ламеттри на лекціяхъ; и, естественно, профессорская критика не могла внушить слушателямъ желанія познакомиться со всѣми этими системами ближе. Нѣмецкая университетская философія, правда, тоже ставила цѣлью борьбу противъ теологіи и схоластики. Но здѣсь борьба эта шла на совсѣмъ другой почвѣ, гораздо болѣе умѣренной, чѣмъ философскія системы пантеизма и матеріализма. Это была система Вольфа,—очень передовая

---

*) Имена «трудившихся въ изданіи журнала студентовъ» перечислены Новиковымъ въ количествѣ 18 лицъ: здѣсь видимъ дѣтей иностранцевъ и духовныхъ и ни одного аристократическаго имени.

и даже преслѣдовавшаяся въ первой трети XVIII вѣка, но заключавшая въ себѣ еще достаточно теологическихъ и схоластическихъ элементовъ, чтобы сдѣлаться во второй трети вѣка общепризнанной университетской системой. Дальнѣйшій прогрессъ философіи въ Германіи, послѣ Вольфа, заключался въ усвоеніи идей англійскихъ философовъ и моралистовъ,—хотя и «свободомыслящихъ», но все еще не рѣшавшихся сойти съ почвы самаго благонамѣреннаго деизма. Такъ какъ при этомъ усвоеніи англійскихъ идей преслѣдовались болѣе моральныя, чѣмъ методологическія задачи, то естественно, что въ результатѣ заимствованій получился рядъ эклектическихъ философскихъ системъ, имѣвшихъ въ лучшемъ случаѣ лишь временное культурное значеніе. Это и была та стихія, въ которую ввелъ Шварцъ своихъ «питомцевъ». То, что было достаточно для средняго интеллигента въ Германіи, конечно, оказалось болѣе чѣмъ достаточно для Россіи, гдѣ философское преподаваніе (въ академіяхъ) стояло еще на уровнѣ Аристотеля и Ѳомы Аквинскаго, гдѣ даже Декартъ и Лейбницъ были еще контрабандой и только въ 1777 г. окончательно введенъ учебникъ философіи ученика Вольфа, Баумейстера. При такомъ уровнѣ философскихъ знаній, направленіе философскихъ статей «Вечерней Зари» было несомнѣннымъ и значительнымъ шагомъ впередъ, но при этомъ все же настолько скромнымъ, чтобы привлечь интересъ и симпатіи посланныхъ Шварцу академистовъ и семинаристовъ, не испугавъ ихъ начальства.

Каждая книжка «Вечерней Зари» начиналась одной или нѣсколькими статьями по философіи. Не трудно замѣтить, что статьи первыхъ восьми книжекъ составляютъ цѣлый философскій трактатъ, переведенный съ нѣмецкаго, причемъ, переводчикъ не понималъ основныхъ идей системы и потому часто путалъ термины («разумъ» и «разсудокъ»; «духъ» и «душа»). Мы предполагаемъ, что эти статьи принадлежатъ Шварцу; какъ бы то ни было, стоитъ остановиться подробнѣе на ихъ содержаніи, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ міровоззрѣніемъ, на которомъ могъ успокоиться русскій интеллигентъ, послѣ того, какъ старое міровоззрѣніе «естественнаго закона» (см. выше, систему Татищева) устарѣло въ его глазахъ. Авторъ статей начинаетъ съ доказательствъ безсмертія души, характернымъ образомъ обходя первую по порядку тогдашнюю тему, о существованіи Бога (двѣ статьи объ этомъ, одна компилятивная, другая изъ Локка — помѣщены въ журналѣ по окончаніи трактата). *Человѣкъ*, его психика и мораль—таковъ центральный пунктъ философіи автора. Въ доказательствахъ безсмертія нѣтъ ничего новаго; ихъ выборъ напоминаетъ Мозеса Мендельсона; добавлено только въ концѣ любопытное соображеніе, что *выгоднѣе* вѣрить въ безсмертіе, даже если его нѣтъ, чѣмъ не вѣрить, если оно есть. Далѣе слѣдуютъ общія замѣчанія «о душѣ», въ которыхъ намѣчается точка зрѣнія и темы послѣдующаго изложенія. Эта точка зрѣнія окончательно выясняется въ двухъ дальнѣйшихъ статьяхъ.

Въ первой душа трактуется, какъ своего рода химическій, продуктъ, явившійся результатомъ соединенія «духа» и «тѣла». Продуктъ соединенія есть нѣчто третье, новое: такъ: «сѣра и ртуть, будучи смѣшаны, производятъ нѣчто третье, а именно киноварь, имѣющую такія свойства, которыя не принадлежатъ ни къ одной киновари, ни къ одной ртути». Это «нѣчто новое» есть «натуральная жизнь» души со всѣми ея свойствами, какихъ не находилось ни въ «матеріи тѣлесной», ни въ «духѣ». Смотря по свойству матеріи, вошедшей въ составъ («огненной», «водяной» или «соляной») варьируется и «естественный» характеръ души или «темпераментъ» (ср. «Оч.» II, стр. , изд. 3). По смерти человѣка «духъ» и «персть» возвращаются къ первобытной чистотѣ и отдѣльности; гибнетъ при этомъ только ихъ смѣсь—«тѣ свойства, которыя духъ заимствовалъ отъ матеріальной части», «подобно какъ ртуть по разрушеніи киноваря дѣлается опять чистою и настоящею ртутью». Однако, сдѣлать отсюда выводъ о гибели «души», т. е. противъ *личнаго* безсмертія авторъ, не рѣшается. Вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи «души» по смерти онъ прямо признаетъ открытымъ.

Итакъ, «человѣкъ состоитъ не изъ двухъ токмо существенныхъ частей, а изъ трехъ: тѣла, души и духа» *). Авторъ напрасно, конечно, считаетъ эту свою точку зрѣнія оригинальной. Таковъ былъ взглядъ Аристотеля и нѣкоторыхъ схоластиковъ. Сходны съ ними и дальнѣйшія доказательства автора. Первое изъ нихъ «можно назвать аналогическимъ или почерпнутымъ изъ сходства вещей» въ разныхъ царствахъ природы. «Восходя по степенямъ тварей снизу кверху», мы найдемъ, что Творецъ «даровалъ каждому послѣдующему царству тварей не токмо матерію и основное вещество предыдущаго, но и всегда еще въ прибавленіе новую часть, собственно и существенно ему принадлежащую». Такъ, въ царствѣ растеній является сравнительно съ минералами новый элементъ «жизнь», а въ царствѣ животныхъ «*душа*» или «самопроизвольное движеніе». Впрочемъ, «вообще царство животныхъ въ толь тѣсномъ находится союзѣ съ царствомъ растеній, что испытатели естества спорятъ, гдѣ одно царство кончится, а другое начинается». Напримѣръ, «нельзя почти распознать» относительно полипа, «животное ли то, или растеніе». Человѣкъ «*долженъ* стоять на высшей степени: ему надлежитъ составлять совсѣмъ новый классъ и совсѣмъ новое царство тварей». Слѣдовательно, въ немъ должно заключаться и новое начало: *духъ* разумный и безсмертный. «Итакъ, человѣкъ принадлежитъ къ царству духовъ». «Какъ въ царствѣ животныхъ полипъ соединяетъ между собой царства животныхъ и растеній, такъ и человѣкъ соединяетъ царства животныхъ и духовъ. Въ царствѣ животныхъ находятся гораздо совершеннѣйшія животныя

*) Принадлежность Шварцу этой основной мысли всего трактата доказывается его собственными записями.

нежели полипы; а въ царствѣ духовъ гораздо совершеннѣйшіе духи, нежели человѣкъ». Такимъ образомъ, «религія посредствомъ сего положенія не только не приходитъ въ упадокъ, но паче въ большую силу и уваженіе». Другое доказательство троичности началъ въ человѣкѣ почерпывается изъ «Божественнаго откровенія», именно изъ сотворенія человѣка по образу и подобію Божію (т.-е. Св. Троицы).

Опредѣливъ такимъ образомъ душу, какъ смѣсь духа и вещества, временнаго и вѣчнаго, какъ «одушевленную матерію» (конечно, не въ смыслѣ матеріализма), авторъ пріобрѣтаетъ чрезвычайно удобную позицію для своего эклектизма. «Душа» является для него эмпирической сферой, къ которой онъ примѣняетъ генетическую точку зрѣнія новыхъ философовъ, а «духъ»—сферой транцендентальной, своего рода «интеллигибельнымъ характеромъ». Все условное, измѣняющееся, развивающееся принадлежитъ болѣе узкой сферѣ «души». Въ этой сферѣ «духъ дѣйствуетъ *только* черезъ посредство чувственнаго опыта»; безъ него онъ «вовсе не показываетъ своего дѣйствія въ человѣкѣ». Опытъ, слѣдовательно, необходимъ, чтобы «духъ» могъ проявить себя въ «душѣ». Такимъ образомъ, авторъ можетъ цѣликомъ принять возраженія Локка противъ схоластическаго и картезіанскаго ученія о врожденныхъ идеяхъ. Содержимое «души» пусто, пока не наполнитъ ее опытъ и наблюденіе. Вслѣдъ за Локкомъ и сенсуалистами авторъ посредствомъ наблюденій надъ глухонѣмыми и надъ «людьми, кои взросли между животными», доказываетъ, что «размышленіе не необходимо сопряжено съ духомъ».

Болѣе широкая и *безусловная* сфера «духа» въ человѣкѣ есть «разумъ». Болѣе узкая *эмпирическая* сфера «души» есть «разсудокъ». «При разлученіи души съ тѣломъ и разсудокъ, какъ вещь происходящая изъ соединенія оныхъ, исчезаетъ; разумъ же съ душою (надо бы: «съ духомъ», такъ какъ вопросъ о безсмертіи «души» раньше оставленъ открытымъ) навсегда пребудетъ». Такимъ образомъ, разсудокъ подчиненъ законамъ естественной жизни» и имѣетъ свою «естественную исторію», которую и изслѣдуетъ авторъ. Разсудокъ «не можетъ далѣе проникнуть, какъ только куда поведутъ чувства тѣлесныя». «Будучи оставленъ чувствами», онъ «странствуетъ одинъ въ весьма глубокой темнотѣ и доходитъ до границъ духовныхъ вещей, а пришедъ туда, либо совсѣмъ останавливается, или когда далѣе отваживается подходить, то заходитъ въ опасный лабиринтъ, гдѣ не имѣя ничего, что бы могло его остановить, нисладаетъ въ пропасть, изъ которой выйти и попасть на истинный путь уже не можетъ, если не просвѣтится и не исправится чрезъестественнымъ свѣтомъ духа премудрости и откровенія».

Здѣсь, какъ видимъ, авторъ довольно близко подходитъ къ Канту, но только для того, чтобы тотчасъ же уйти отъ него очень далеко. Доказать несовершенство эмпирической сферы «души», постепенно эволюціонирующей въ своемъ развитіи, ему нужно только для того, чтобы

сдѣлать отсюда *моральные* выводы, приводящіе читателя постепенно къ практической философіи масонства. Первое звено этихъ выводовъ состоитъ въ признаніи *необходимости несовершенства* и въ примиреніи его съ идеей божественнаго всемогущества. Такъ какъ естественная исторія души доказала, что «никакое конечное существо безъ достаточнаго времени не можетъ пріобрѣсти твердыхъ и сколько-нибудь обширныхъ познаній», и такъ какъ «совершенное блаженство предполагаетъ весьма пространныя знанія и великій навыкъ къ размышленію», то, «слѣдовательно, невозможно было Богу создать разумныхъ конечныхъ тварей, одаренныхъ всѣми познаніями, нужными къ совершенному блаженству». Этимъ же объясняется необходимость зла и страданій на землѣ, такъ какъ конечное существо не можетъ *сразу* согласить своихъ желаній съ законами вселенной и потому должно быть жертвой этого несоотвѣтствія. «Чѣмъ болѣе разумное существо успѣваетъ въ познаніи міра, тѣмъ менѣе оно подвергается обману въ ожиданіи того, что должно случаться, и менѣе желаетъ невозможныхъ вещей. Неудовольствія должны уменьшаться съ той же соразмѣрностью». Отсюда прямо вытекаетъ сократовскій выводъ, который авторъ противопоставляетъ Руссо и русскимъ «стародумамъ». Не только просвѣщеніе не вредитъ нравственности, но нравственность и состоитъ въ «истинномъ» просвѣщеніи. Достаточно *знать* пользу нравственности, чтобы практиковать ее и понять необходимость нравственнаго самосовершенствованія. Этотъ выводъ открываетъ человѣчеству тѣ безконечныя перспективы, которыя и составляли «утопію» Шварца. «Ежели міръ сей не безконеченъ, то возможно конечному существу дойти до такого совершенства, чтобы имѣть подробное понятіе о цѣломъ мірѣ (о «законахъ нравственнаго порядка, честности и доброты»), и тогда неудовольствія его должны совершенно исчезнуть». «Восхитительное зрѣлище, внушающее всякому мыслящему существу желаніе безсмертія!»

Мы понимаемъ теперь, почему уже «Московское изданіе» протестовало противъ того перенесенія золотого вѣка въ самое начало историческаго процесса, которое вытекало изъ понятія Руссо о «естественномъ состояніи». Золотой вѣкъ есть не начало, а цѣль и конечный пунктъ человѣческаго прогресса. Понятно также, какое огромное значеніе должна была имѣть въ глазахъ Шварца идея о постепенномъ воспитаніи человѣчества, уже пущенная въ литературный оборотъ Лессингомъ. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Шварцъ и обращается къ изученію *дѣйственныхъ* началъ въ человѣкѣ: воли и совѣсти, какъ главныхъ пружинъ самосовершенствованія и прогресса. Онъ и тутъ подчеркиваетъ, что велѣнія воли и совѣсти вовсе не категоричны и не ясны сами собой: та и другая могутъ и должны быть развиваемы и воспитываемы. «*Воля* сама по себѣ есть слѣпая сила», не могущая дѣйствовать цѣлесообразно безъ вмѣшательства «разсудка». *Совѣсть*, какъ «способность *судить* о нравственности дѣйствій», также не составляетъ чего-либо врожден-

наго, а пріобрѣтается «опытомъ и размышленіемъ»; какъ способность *дѣлать* добро, она есть продуктъ усилія, т.-е воспитанія воли, безъ котораго не было бы ни заслуги, ни награды. Самое понятіе *добра* есть результатъ воспитанія воли и мысли. Только «физическое благо, общее человѣку съ животными, не требуетъ разсужденія»; «нравственнаго же добра хотимъ мы не по необходимости, но по свободному выбору». Какъ видимъ, идея свободы, въ противоположность Канту и Шопенгауэру, торжествуетъ у нашего автора *не* въ мірѣ умопостигаемомъ, а, наоборотъ, именно въ самой сферѣ явленій эмпирическаго сознанія, т.-е. тамъ, гдѣ она имѣетъ непосредственное практическое значеніе для религіи и морали. При этомъ условіи, ясно, какое значеніе имѣло для автора «познаніе самого себя». Разсужденіемъ объ этомъ основномъ догматѣ масонства онъ и заканчиваетъ свой замѣчательный трактатъ. Понятно также значеніе воспитанія юношества, о которомъ Шварцъ такъ заботился во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и которому посвятилъ особый трактатъ, напечатанный Новиковымъ уже послѣ его смерти (1783).

Мы не будемъ далѣе слѣдить за московской журналистикой. Только въ ближайшіе два года по смерти Шварца она еще держалась на высотѣ, достигнутой «Вечерней Зарей». «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» живутъ матеріалами Шварца. «Покоящійся Трудолюбецъ», послѣднее въ серіи этихъ изданій (1784), прибѣгаетъ къ усиленію сатирическаго элемента. Затѣмъ, Новиковъ бросаетъ изданіе журналовъ, а въ рукахъ однихъ «питомцевъ» они сразу падаютъ, вызывая со стороны пріученныхъ уже къ нимъ читателей горькія жалобы на отсутствіе серьезныхъ статей.

Покойнаго энтузіаста замѣнить было некому. Послѣ его кончины, если не душой, то правой рукой кружка остался Новиковъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ вся дѣятельность кружка принимаетъ совершенно иное направленіе. Новиковъ былъ полной противоположностью Шварцу по всему умственному складу. Соединенные не только единствомъ стремленій, но и тѣсной дружбой, оба эти вожака московской интеллигенціи не могли, однако, смотрѣть одними глазами на вещи и часто сталкивались во взглядахъ. Горячій и увлекающійся Шварцъ упрекалъ Новикова въ недостаткѣ энтузіазма. Практическій Новиковъ отвѣчалъ на это упреками въ излишней горячности. «Онъ подозрѣвалъ меня въ холодности къ масонству и ордену, потому что я, бывъ совершенно занятъ типографскими дѣлами, упражнялся въ томъ урывками; а я, вѣдая пылкость его характера и скорость, удерживалъ его, опасаясь, чтобы въ чемъ не проступиться, и съ великою осторожностью смотрѣлъ на все, что онъ дѣлалъ». Такъ говоритъ самъ Новиковъ. Въ результатѣ, между друзьями, по словамъ того же Новикова, «произошла нѣкоторая холодность и недовѣрчивость», продолжавшаяся до самой смерти Шварца. Легко было предвидѣть, какія перемѣны произойдутъ въ кружкѣ, когда

первая роль снова перейдетъ къ Новикову. Мистическія и химическія занятія, и прежде недоступныя друзьямъ, теперь были совершенно брошены. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отошли на второй планъ и совмѣстныя практическія упражненія въ филантропіи, съ цѣлью нравственнаго самоусовершенствованія. Сношенія съ иностранными масонами, на которыя и при Шварцѣ кружокъ смотрѣлъ косо и соглашался неохотно, стали еще рѣже, а вскорѣ и вовсе прекратились. Подобно Новикову, друзья очень недовѣрчиво относились къ высшимъ степенямъ масонства и сильно опасались, нѣтъ ли въ орденѣ чего-нибудь противнаго христіанскому ученію и государственной власти. Опасенія эти особенно усилились, когда въ 1785 году баварское правительство оффиціально закрыло тайное общество иллюминатовъ, преслѣдовавшее, въ формахъ масонства, политическія цѣли. Московскіе масоны давно были предупреждены заграничными братьями о существованіи иллюминатовъ и получили совѣтъ избѣгать сношеній съ ними. Теперь «по причинѣ великаго распространенія и пронырствъ иллюминатовъ», на все масонство наложено было (съ 1787) «молчаніе» или «бездѣйствіе». Надо сказать, что уже въ 1783 году масонскія собранія въ кружкѣ фактически прекратились, а лично Новиковъ «по типографскимъ дѣламъ и заботамъ» давно уже не собиралъ порученныхъ его наблюденію братьевъ. Съ 1786 года дѣятельность масонства была и формально пріостановлена. Въ этомъ году масонскія ложи въ Москвѣ были «разорены», по приказанію императрицы. Все это, вмѣстѣ взятое, совершенно остановило собственно масонскую дѣятельность кружка. Зато Новиковъ направилъ «работы» кружка на новую и гораздо болѣе плодотворную дорогу.

За мѣсяцъ до смерти Шварца (15-го января 1782 г.) появился знаменитый указъ, разрѣшавшій всякому желающему заводить частныя типографіи. Теперь ,наконецъ, «пришелъ часъ» для Новикова—пустить полнымъ ходомъ задуманное еще въ «Живописцѣ» (см. выше) предпріятіе. Для выполненія своей идеи, какъ мы знаемъ, онъ уже не мало сдѣлалъ. Число подписчиковъ «Московскихъ Вѣдомостей» поднялось за время его завѣдованія университетской типографіей съ 800 до 4.000. Масса книгъ была уже напечатана, завязаны сношенія съ книгопродавцами, заведены комиссіонеры и въ провинціи. Расширеніе всѣхъ этихъ предпріятій съ помощью вольныхъ типографій обѣщало, не говоря уже объ идейномъ значеніи дѣла, вѣрный коммерческій разсчетъ. Новиковъ убѣдилъ друзей широко воспользоваться правительственнымъ указомъ. Такимъ образомъ, кружокъ московскихъ розенкрейцеровъ перешелъ къ издательской дѣятельности въ широкихъ, до тѣхъ поръ небывалыхъ размѣрахъ. Каждый изъ членовъ кружка внесъ болѣе или менѣе значительный пай, и «Дружеское ученое общество» превратилось въ 1784 г. въ акціонерную «Типографскую ком-

панію». Капиталъ компаніи считался теперь уже не десятками, а сотнями тысячъ; компанія пріобрѣла нѣсколько домовъ, имѣла свою аптеку. Масонскій характеръ кружка сохранился въ выборѣ для изданія книгъ преимущественно нравоучительнаго содержанія. Но собственно масонскія, мистическія книги издавались компаніей въ очень ограниченномъ количествѣ и предназначались не для продажи, а для тѣснаго круга посвященныхъ. Зато уже изъ чисто коммерческихъ соображеній типографіи Новикова и компаніи печатали также и книги, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія ни къ масонству, ни къ нравственному просвѣщенію въ масонскомъ смыслѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше предпріятіе компаніи принимало общій просвѣтительный характеръ. Общее количество книгъ, выпущенныхъ Новиковымъ на книжный рынокъ, достигло цифры около 440. Чтобы понять значеніе этой цифры, надо припомнить, что въ единственной московской книжной лавкѣ 1768 г. (при университетѣ) продавалось (по каталогу) всего 168 названій книгъ; въ книжной лавкѣ Миллера передъ переходомъ университетской типографіи въ аренду къ Новикову (1776 г.), 438 названій, а передъ началомъ дѣятельности «типографической компаніи» (1782 г.) въ университетской лавкѣ—576 книгъ. Такимъ образомъ, Новиковъ болѣе чѣмъ удвоилъ количество находившихся до него въ продажѣ книгъ, не говоря уже о лучшемъ качествѣ книжнаго товара пущеннаго имъ въ оборотъ. Организаторомъ же книжной торговли въ провинціи онъ явился первый. Въ основу для книжнаго комиссіонерства въ провинціи были положены связи съ провинціальными масонскими ложами, какъ совершенно вѣрно замѣтила Екатерина—говоря, что «братья» развозятъ новиковскія книги по Россіи. Но Новиковъ и помимо масонскихъ связей не упускалъ случая завести себѣ новаго комиссіонера, какъ это испыталъ на себѣ Болотовъ. Въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородицкѣ, Глуховѣ, Кіевѣ можно было получить книги новиковскаго изданія; а, «если кому угодно будетъ продажу сихъ книгъ учредить и въ другихъ городахъ Россійской имперіи», объявлялъ онъ, «таковые могутъ адресоваться письменно или самолично въ книжную лавку, гдѣ всевозможное къ тому вспомоществованіе оказано будетъ, ибо въ оной принято намѣреніе доставить почтеннымъ любителямъ россійской литературы всевозможную способность въ сообщеніи и всевозможныя выгоды въ цѣнахъ книгъ».

Наиболѣе эффектный актъ общественной дѣятельности московскаго кружка былъ, однако, еще впереди. Это было въ голодный 1787 г. Нарисованная Новиковымъ картина народнаго бѣдствія вызвала щедрую помощь друзей (въ томъ числѣ около 50.000 тогдашнихъ рублей со стороны одного московскаго богача, Походяшина). Новиковъ на эти деньги организовалъ въ широкихъ размѣрахъ раздачу хлѣба въ Москвѣ

и въ окрестностяхъ своей подмосковной деревни. Помощью воспользовалось тамъ до 100 казенныхъ и помѣщичьихъ селеній. Возвращаемый крестьянами хлѣбъ и деньги рѣшено было употребить на устройство постояннаго хлѣбнаго магазина, къ чему и приступилъ немедленно Новиковъ. Этотъ случай показалъ, что можетъ сдѣлать нравственное вліяніе Новикова, въ связи съ дѣловой организаціей, какую принялъ кружокъ по смерти Шварца. Помощь голодающимъ въ 1787 г. уже не походила на тѣ добровольные сборы въ кружку, какіе дѣлались на засѣданіяхъ «Дружескаго общества» въ началѣ 1780-хъ гг., и организація помощи не походила на тѣ розыски отдѣльныхъ бѣдняковъ, которые предпринимались друзьями для упражненія въ филантропіи и для цѣлей личнаго совершенствованія. На частномъ примѣрѣ теперь стало ясно для всѣхъ, какое значеніе имѣла въ Москвѣ «шайка» Новикова.

Голодъ 1787 г. былъ высшей точкой дѣятельности московскихъ мартинистовъ; но онъ же сдѣлался и началомъ ихъ бѣдствій. Масонство было терпимо, пока высокопоставленныя лица занимались имъ для собственнаго развлеченія и забавлялись имъ, «какъ игрушкой». На масонство не обращали особеннаго вниманія и тогда, когда оно обратилось къ работѣ внутренняго самоусовершенствованія и къ таинственнымъ алхимическимъ занятіямъ. Но масонство, какъ частное общество съ задачами общественнаго характера, какъ организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая черезъ своихъ членовъ «сокровенныя книги отъ Риги до донскихъ станицъ», сильная своимъ вліяніемъ на общество и крѣпкая внутренними убѣжденіями,—это масонство было явленіемъ неслыханнымъ въ русской жизни. Оно занимало слишкомъ видную позицію, чтобы можно было дольше его игнорировать.

Императрица попыталась сперва бороться съ новымъ общественнымъ движеніемъ старыми средствами. Въ 1780 г. поступила въ продажу анонимная брошюрка, осмѣивавшая масоновъ («Тайна противонелѣпаго общества»). Авторомъ брошюры, вѣроятно, была императрица. Согласно рецепту, данному еще во «Всякой Всячинѣ», Екатерина пробуетъ здѣсь побѣдить общественное мнѣніе смѣхомъ. Масонство для нея просто «болтанье и дѣтскія игрушки»; противъ него, какъ противъ дѣтскихъ шалостей, нужна лишь розга. Возможно, что Екатерина въ этотъ моментъ добросовѣстно заблуждалась, видя въ масонствѣ одно шарлатанство, игру въ обряды и не замѣчая его моралистическаго міросозерцанія. Масонскаго мистицизма она просто не могла понять: для ученицы Вольтера это было оскорбленіемъ философіи и здраваго смысла. Часто справляясь съ «Энциклопедіей», она нашла тамъ мѣсто, гдѣ говорилось, что «теософамъ удалось бы потушить духъ изслѣдованія и открытій и снова погрузить насъ въ варварство, если бы пра-

вительство ихъ поддерживало, какъ они того желаютъ». Отсюда, конечно, далеко еще было до преслѣдованія масонства, какъ и намекалъ Екатеринѣ философъ Циммерманъ, одинъ изъ ея корреспондентовъ. Однако, когда организовалась «Типографическая компанія» и когда на Западѣ иллюминаты были оффиціально признаны вредной политической организаціей, Екатерина рѣшилась выступить открыто противъ масонства. Въ это время были, какъ мы видѣли, «разорены» по ея приказанію московскія ложи. Но въ то же время Екатерина не теряла еще надежды настроить противъ масонства само общественное мнѣніе. Въ январѣ, февралѣ и іюлѣ 1786 г. на эрмитажномъ театрѣ были поставлены три комедіи императрицы, грубовато осмѣивавшія «мартышекъ» и извѣстнаго шарлатана Каліостро («Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій»). Двѣнадцать лѣтъ Екатерина не писала комедій; и три комедіи заразъ, послѣ такого долгаго промежутка, свидѣтельствуютъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Екатерину дѣятельностью московскихъ мартинистовъ. «Надо было помять бока ясновидцамъ, которые очень ужъ стали задирать носъ», признается она въ письмѣ къ Гримму. Разсчетъ императрицы, однако, оказался ошибочнымъ. Побѣда въ литературномъ состязаніи, какъ мы знаемъ, и въ 60-хъ гг. осталась не за ней. Теперь конечно, на оффиціальную сатиру уже нельзя было отвѣчать неоффиціальной. Но скоро Екатерина должна была убѣдиться, что съ «политическими вѣтряными мельницами» бороться не такъ легко и что она не только въ Россіи, но и въ Европѣ идетъ противъ теченія. Безполезно было стараться остановить время и ссылаться на то, что когда-то, въ 1740 году, въ годы ея воспитанія, даже «наименѣе философскія головы считали нужнымъ притворяться философами» и что ея пьесы построены на статьѣ «Энциклопедіи» (резюме которой, приведенное выше, она дѣйствительно выписала въ своихъ наброскахъ для «Шамана Сибирскаго»). Дворъ, конечно, рукоплескалъ автору комедій, и Екатерина въ своихъ письмахъ трубила о ихъ огромномъ успѣхѣ. Петербургская пресса по данному сигналу принялась осыпать мартинистовъ насмѣшками и порицаніями. Но въ Москвѣ печать угрюмо отмалчивалась. Можетъ быть, не безъ вліянія этой пассивной оппозиціи нервныя нотки прорываются все чаще и рѣзче въ пьесахъ Екатерины. Она начинаетъ наконецъ признавать, что шарлатанство и мода не исчерпываютъ всего смысла движенія; что масонская литература оказываетъ сильное умственное вліяніе, которое Екатерина не можетъ не считать вреднымъ. Но и нападками на это умственное вліяніе, на тарабарщину мистическихъ книгъ, ея сатира не ограничивается. У ней прорывается въ концѣ концовъ, настоящій и главный мотивъ: раздраженіе противъ общественной дѣятельности московскаго кружка. «Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы,

больницы и т. п., и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ...; дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіемъ удобства?»

Вотъ гдѣ основная причина недовольства Екатерины. Масонство есть независимая отъ ея контроля и вліянія просвѣтительная сила. Такая сила есть врагъ, съ которымъ необходимо бороться серьезно. Циммерманъ спѣшилъ напередъ похвалить Екатерину за то, что въ этой борьбѣ она останется исключительно на почвѣ литературной, что «вмѣсто всякаго законодательства она противопоставитъ заблуждающимся хорошую труппу комедіантовъ». Очевидно, при чтеніи посланныхъ ему пьесъ онъ уже замѣтилъ, что этимъ дѣло можетъ не ограничиться. Въ послѣдней изъ нихъ, отъ безсильнаго смѣха и выпучиванія Екатерина прямо перешла къ угрозамъ. «Какъ свѣдаютъ доподлинно, колико его ученіе не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ, то достанется и тому, кто привезъ лжеучителя»... «совѣтую тебѣ дружески: поѣзжай, братъ, въ деревню... хотя на время».

Послѣ разоренія московскихъ ложъ, кружокъ друзей буквально послѣдовалъ совѣту Екатерины. По донесенію московскаго главнокомандующаго, съ этихъ поръ «партія Новикова собирается приватно, чего и запретить невозможно, въ видѣ пріятельскаго посѣщенія, внѣ Москвы, у кн. Н. Н. Трубецкого въ деревнѣ, называемой Очакова». Запретить это, дѣйствительно, было трудно. *Лицъ* Екатерина пока оставила въ покоѣ, но на ихъ *дѣло* уже въ 1787 года она наложила свою руку. Старый покровитель масоновъ, гр. Зах. Чернышевъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ (1784); его замѣнилъ нарочно выбранный Екатериной суровый, надменный графъ Брюсъ. Екатерина, очевидно хотѣла смирить строптивую Москву. Идя ей навстрѣчу, такіе видные масоны, какъ Тургеневъ, Гамалѣя, Лопухинъ оставили государственную службу. Вслѣдъ затѣмъ Брюсу предписано было обревизовать московскія школы и обратить особое вниманіе на направленіе, въ какомъ преподается Законъ Божій. Черезъ два съ половиной мѣсяца Брюсъ долженъ былъ составить описи «странныхъ» книгъ, печатавшихся у Новикова, и отправить ихъ для разсмотрѣнія Платону, который долженъ былъ также испытать Новикова въ Законѣ Божіемъ. Извѣстно, что и здѣсь Екатерина не встрѣтила поддержки. Отвѣтъ Платона былъ прямо тенденціозенъ. Онъ отвѣчалъ императрицѣ, какъ отвѣтилъ бы и самъ Новиковъ, что онъ знаетъ только однѣ книги, развращающія нравы и подрывающія религіозныя чувствованія—это «гнусныя и юродивыя порожденія энциклопедистовъ», которыя, дѣйствительно, «слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевела». Еще разъ императрица должна была убѣдиться, что она имѣетъ противъ себя серьезную, тѣсно сплоченную и независимую группу

людей. Между тѣмъ, обстоятельства складывались такъ, что все, что было враждебнаго Екатеринѣ въ Россіи и за границей,—все это принимало печать масонства. Съ началомъ второй турецкой войны (1787) испортились наши отношенія къ Пруссіи и Швеціи. Но государи обѣихъ странъ сильно покровительствовали масонамъ, и съ масонами прусскими и шведскими у русскихъ масоновъ въ разное время существовали прямыя сношенія. Внутри самой страны имя наслѣдника Павла постоянно связывалось съ оппозиціонными толками; между тѣмъ, у масоновъ съ наслѣдникомъ тоже завязались сношенія, положимъ довольно невинныя. Какъ бы то ни было, Потемкинъ, по словамъ Лопухина, воспользовался слухами объ этихъ сношеніяхъ, чтобы окончательно погубить масоновъ, а себя представить въ роли спасителя престола. По вѣрному замѣчанію Лопухина, держать постоянно въ страхѣ императрицу прямо входило въ интересы Потемкина, для поддержанія личнаго положенія. На этотъ разъ, впрочемъ, явилось и объективное основаніе для всевозможныхъ опасеній. Этимъ основаніемъ послужила конспиративная дѣятельность иллюминатовъ, съ которыми смѣшивали намѣренно или ненамѣренно русскихъ масоновъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы подготовить императрицу къ самымъ крайнимъ мѣрамъ противъ масонства. Остальное додѣлали слухи, одинъ другого нелѣпѣе. Благотворительная дѣятельность мартинистовъ во время голода 1787 какъ разъ совпала съ блестящей поѣздкой Екатерины въ Крымъ, долженствовавшей служить выставкой всеобщаго благополучія въ имперіи. Контрастъ былъ слишкомъ разителенъ. Недоброжелателямъ мартинистовъ легко было установить мнѣніе, что Новиковъ дѣйствуетъ съ намѣреніемъ и, очевидно, хочетъ привлечь на свою сторону низшіе классы народа. Павла сдѣлаютъ главой русскаго масонства и помогутъ ему, опираясь на общее недовольство, взойти на престолъ. Екатерину устранятъ, какъ устранила она Петра III. Откуда возьмутъ средства для всего этого? И тутъ отвѣтъ былъ готовый. Очевидно, масоны дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи.

Какъ видимъ, тучи сгустились надъ кружкомъ, и гроза готова была разразиться. Запрещеніемъ печатать духовныя книги и наблюденіемъ за продажей книгъ по городамъ на ярмаркахъ дѣло не могло ограничиться. Таково было общее положеніе, когда началась французская революція. Ея послѣдствія по отношенію къ общественному движенію въ Россіи мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Статистическія данныя о книгоиздательствѣ XVIII вѣка см. въ книгѣ *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, Спб. 1862, и въ брошюрѣ *В. В. Сиповскаго.* Изъ исторіи русской литературы XVIII вѣка, I—II, Спб. 1901 (изъ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ, т. VI, кн. 1). О

докладѣ Мелиссино см. *Ѳ. В. Благовидова*, Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVII в., Казань, 1900. Важнѣйшія сочиненія о масонствѣ: *М. Н. Лонгиновъ*, Новиковъ и московскіе мартинисты, Мск. 1867. *С. В. Ешевскій*, «Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ» и «Московскіе масоны» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1857 и 1864—1865; въ Собраніи сочиненій, изд. 1870, т. III и въ «Сочиненіяхъ по русской исторіи». Мск. 1900. *Н. С. Тихонравовъ*, біографіи Новикова и Шварца и «Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ» въ Сочиненіяхъ, т. III, ч. 1 и 2, Мск. 1898. *А. Н. Пыпинъ*, Русское масонство, «Вѣстн. Евр.», 1867, т. II—IV; Русское масонство до Новикова, «В. Е.». 1868, іюнь и іюль; Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ, «В. Е.» 1872, январь. *П. Пекарскій*, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ Сбор. рус. отд. Ак. Наукъ, т. VII, № 4, Спб. 1869. (Здѣсь также хронологическій перечень фактовъ и библіографія). «Повѣсть о самомъ себѣ» Елагина напечатана въ «Русск. Архивѣ». 1864. Записки И. В. Лопухина въ Чтеніяхъ О. И. и Др. Росс. 1860 и въ Русскомъ Архивѣ, 1884. О журналахъ Новикова см. *А. Незеленова*, Н. И. Новиковъ, Спб. 1875: книга, интересная выписками, но почти всегда неудачная по выводамъ. О философскомъ преподаваніи въ академіяхъ см. *С. Смирнова*, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, Мск. 1855, и Біографія А. И. Кошелева (Колюпанова), т. 1, кн. 1, Мск. 1889. О параллельныхъ явленіяхъ западной литературы см. *Геттнера*, Исторія литературы XVIII столѣтія, т. III и *М. Н. Розанова*. Поэтъ періода бурныхъ стремленій Яковъ Ленцъ, Мск. 1901. Объ отношеніи Екатерины къ мартинистамъ, см. брошюру *А. В. Семеки*: русскіе розенкрейцеры и сочиненія имп. Е. противъ масонства, Спб. 1902. (Здѣсь также свѣдѣнія о рукописяхъ Шварца, подтверждающія нашъ выводъ о принадлежности ему статей въ «Вечерней Зарѣ»). Тексты пьесъ Екатерины см. въ Сочиненіяхъ имп. Екатерины II съ примѣчаніями А. Н. Пыпина, академическое изданіе, т. I, Спб. 1901.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

(*Продолженіе*) *).

V.

Когда сэръ Уильфридъ вышелъ отъ Монтрезора, ночь была такъ хороша и вѣтерокъ такой теплый, что онъ отослалъ экипажъ и пошелъ домой пѣшкомъ. Онъ былъ просто влюбленъ въ улицы, въ грохотъ омнибусовъ, въ блескъ фонарей; послѣ долгаго отсутствія, каждый шагъ въ Лондонѣ былъ для него наслажденіемъ. Дойдя до Гросвенорской площади, онъ остановился, только для того, чтобы вдохнуть въ себя теплый влажный воздухъ, полюбоваться блескомъ лужъ, оставшихся на мостовой послѣ полдневнаго ливня, и легкой завѣсой тумана, смыкавшейся надъ Пиккадилли.

«И есть же глупые люди, которые ропщутъ на туманъ!» презрительно думалъ онъ, отдаваясь всѣмъ сердцемъ и чувствами чарамъ своего возлюбленнаго Лондона. Самъ онъ долгіе годы изнывавшій отъ зноя подъ безоблачнымъ небомъ, съ какой-то страстью упивался сыростью и туманомъ, огнями и шумомъ. И когда онъ пошелъ дальше, въ головѣ у него вертѣлся вопросъ: «да ужъ полно, возвращаться ли ему обратно въ изгнаніе въ Тегеранъ, или куда-нибудь поближе къ дому, на еще болѣе важный и отвѣтственный постъ? Денегъ у меня куча—на кой чортъ дольше тянуть эту лямку? Брошу все и буду жить дома, припѣваючи. Вѣдь, въ сущности, ужъ немного осталось... почему не провести эти послѣдніе годы на родинѣ, въ своемъ кругу, среди родныхъ и друзей».

Въ немъ говорила усталость англійскаго администратора. И тотчасъ же, въ отвѣтъ ей заговорилъ другой инстинктъ, частью физическій, частью моральный, заставляющій дѣлового человѣка не первой молодости держаться своего дѣла. Праздность — нѣтъ! Это начало конца. Для человѣка его склада убавить шагъ, замедлить стремленіе жизни, значитъ призывать смерть — тайную преслѣдовательницу, ко-

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль.

торая у каждаго изъ насъ за плечами. Нѣтъ, нѣтъ! надо продолжать борьбу! Вѣдь въ сущности только тяжелый, неблагодарный трудъ подъ знойнымъ солнцемъ чужой страны, вмѣстѣ съ желѣзной увѣренностью въ томъ, что и впереди такой же тяжкій трудъ, такъ подымали его настроеніе и взвинчивали нервы, что всѣ струны звучали особенно ясно.

— Что, сэръ Уильфридъ, домой? почивать? — сказалъ голосъ надъ его ухомъ, когда онъ свернулъ въ улицу Сентъ-Джемсъ.

— Делафильдъ! — Старикъ съ живостью юноши обернулся. — Откуда вы?

Делафильдъ объяснилъ, что онъ обѣдалъ у герцогини и шелъ теперь въ клубъ, узнать, прошелъ ли одинъ его пріятель, или же провалился на выборахъ.

— Ну, это подождетъ!—рѣшилъ сэръ Уильфридъ.—Зайдите ко мнѣ на полчасика. Я живу тамъ же, гдѣ и прежде.

— Х-хорошо.—Сэръ Уильфриду показалось, что молодой человѣкъ поколебался, прежде чѣмъ согласиться.

— И часто вы такъ пріѣзжаете въ городъ? — спрашивалъ сэръ Уильфридъ.—Хорошая профессія—управлять имѣніемъ. Много свободнаго времени...

— Приходится бывать въ Лондонѣ и по дѣламъ. У насъ здѣсь большіе склады молочныхъ продуктовъ; время отъ времени я ихъ ревизую...

Молодой человѣкъ немного торопился дать объясненіе; старикъ съ улыбкой наблюдалъ за нимъ.

— И ничто другое васъ не привлекаетъ сюда?

— Сколько мнѣ извѣстно... Кстати сэръ Уильфридъ, я и не спросилъ васъ, какъ поживаетъ Дикъ Мэзонъ.

— Дикъ Мэзонъ! Развѣ вы съ нимъ друзья?

— Мы... мы были вмѣстѣ въ Итонѣ и Оксфордѣ.

— Развѣ? Я никогда не слышалъ отъ него вашего имени.

Делафильдъ засмѣялся.

— Я не хочу сказать этимъ, что онъ жить безъ меня не можетъ. Вѣдь вы его оставили на службѣ въ Тегеранѣ?

— Къ несчастью, да. Такъ вы очень интересуетесь Дикомъ Мэзономъ?

— Что же... онъ мнѣ очень нравился.

— Гмъ... ну, а мнѣ не особенно... Не вѣрится мнѣ какъ-то, чтобъ и вы его очень любили.

Делафильдъ покраснѣлъ.

— Я полагаю, вполнѣ прилично спросить, какъ поживаетъ старый школьный товарищъ.

— Образцово, но... есть болѣе занимательныя темы разговора.

Молодой человѣкъ промолчалъ. Бѣлокурые усы сэръ Уильфрида почти коснулись его уха.

— Я бесѣдовалъ съ mademoiselle Жюли.

— Я такъ и думалъ. Надѣюсь, этотъ разговоръ имѣлъ благіе результаты.

— Сомнѣваюсь. Джэкобъ! между нами, маленькая герцогиня вела себя не очень-то умно.

— Пожалуй,—неохотно согласился Делафильдъ.

— Я полагаю, ей извѣстно, что онѣ въ родствѣ между собой?

— Конечно. Не очень близкомъ родствѣ. Братъ леди Розы былъ женатъ на теткѣ Эвелины—на сестрѣ ея матери.

— Да—именно. Она и mademoiselle Жюли могли бы звать одного и того же человѣка дядей, но, за несоблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, этого нѣтъ. Кстати, что сталось съ младшей сестрой леди Розы?

— Съ леди Бланшъ? О, она вышла замужъ за сэръ Джона Моффата и уже нѣсколько лѣтъ вдовѣетъ. Онъ оставилъ ей помѣстье въ Вестморландѣ; тамъ она по бóльшей части и живетъ со своей дочерью.

— Mademoiselle Жюли когда-нибудь встрѣчалась съ ними?

— Нѣтъ.

— Но говоритъ о нихъ?

— Да. Впрочемъ, мы не многое могли сообщить ей, кромѣ того, что ея кузина въ прошломъ году была представлена ко двору и танцовала на нѣсколькихъ балахъ. Ни мать, ни дочь не любятъ Лондона.

— Леди Бланшъ Моффатъ, леди Бланшъ Моффатъ? — повторялъ сэръ Уильфридъ, что-то соображая.—Не были онѣ въ Индіи этой зимой?

— Были. Онѣ, если не ошибаюсь, поѣхали туда въ ноябрѣ, а вернулись въ апрѣлѣ.

— Кто-то мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ ихъ въ Пешаверѣ, а потомъ въ Симлѣ, — припоминалъ сэръ Уильфридъ. Дѣвушка — богатая наслѣдница и прехорошенькая. Ага! теперь помню!—мнѣ говорили, что за ней ухаживаетъ этотъ вашъ Уорквортъ.

— Уорквортъ?—Делафильдъ вдругъ остановился, и сэръ Уильфридъ замѣтилъ, какъ у него сдвинулись брови.—Ну, это, само собой, просто индійскія сплетни.

— Не думаю,—сухо сказалъ сэръ Уильфридъ.—Мнѣ говорили это два офицера пограничной стражи, недавно ѣздившихъ въ Пешаверъ—мы вмѣстѣ ѣхали отъ Египта; оба славные малые,—совсѣмъ не изъ тѣхъ, которые зря болтаютъ о женщинахъ.

Делафильдъ промолчалъ. Они уже вошли въ домъ и поднимались по широкой, плохо освѣщенной лѣстницѣ, въ номеръ сэръ Уильфрида.

Здѣсь было свѣтло и уютно. Лакей сэръ Уильфрида, такой же старикъ, какъ и самъ онъ, любовно ухаживалъ за своимъ господиномъ, принесъ ему домашній смокингъ, предложилъ Делафильду сигаръ, а сэръ Уильфриду—странно сказать—подалъ большую чашку чаю.

— Я иду по стопамъ Гладстона,—сказалъ сэръ Уильфридъ со вздохомъ облегченія, опускаясь въ покойное кресло и кладя на рѣшетку камина небольшія красивыя ноги.—Послѣ чашки чаю въ полночь никакіе министерскіе кризисы не мѣшали ему спать сномъ праведника. Я пытаюсь жить по его рецепту.

— И увлекаетесь политикой?

— Ну знаете, Джэкобъ, если вы хотите изловить меня, совѣтую вамъ выбирать знакомые пути. Я просто завидую физической бодрости м-ра Гладстона и стараюсь слѣдовать его примѣру. Кстати Джэкобъ, что вы знаете объ Уорквортѣ?

— Объ Уорквортѣ?—Делафильдъ положилъ сигару и, видимо, обдумывалъ свой отвѣтъ.—Да то же, что и всѣ.

— Гмъ... вы только что были, повидимому, твердо увѣрены, что онъ не женится на миссъ Моффатъ.

— Увѣренъ? Я ни въ чемъ не увѣренъ, — медленно выговорилъ молодой человѣкъ.

— Видите ли, мнѣ хотѣлось бы знать, почему mademoiselle Жюли такъ интересуется этимъ юнымъ воиномъ.

Делафильдъ смотрѣлъ въ огонь.

— Развѣ она имъ интересуется?

— Да вѣдь она, говорятъ, готова перевернуть небо и землю, чтобы добыть ему то, что ему надо. Кстати, что собственно ему надо?

Делафильдъ отвѣтилъ не сразу.

— Насколько я понимаю, онъ добивается быть посланнымъ во главѣ особаго посольства въ Мокембе. Но этого добиваются и другіе.

— Само собой! — Сэръ Уильфридъ задумчиво кивнулъ головой. — Значитъ посольство все таки будетъ отправлено. Ну что-жъ, пора. Изъ другихъ европейскихъ странъ туда ужъ засылали гонцовъ... Джэкобъ! а все-таки ваша mademoiselle немножко интриганка.

Делафильдъ нетерпѣливо двигался на стулѣ.

— Почему вы это говорите?

— Во всякомъ случаѣ, искренность не принадлежитъ къ числу ея характерныхъ чертъ. Я попробовалъ было разспросить ее объ этомъ человѣкѣ. Я видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ паркѣ; они разговаривали, какъ близкіе друзья. Такъ что, когда у насъ съ ней тоже пошла дружеская бесѣда, я закинулъ удочку, разъ-другой только чтобы посмотрѣть, что она за человѣкъ. Но!—Онъ подергалъ себя за усы и усмѣхнулся.

— Но?!

— Она провела меня, Джэкобъ. Но только она перестаралась. Для такой умной женщины, какъ она, увѣряю васъ, Джекобъ, она перешла мѣру.

— Я не вижу, почему она обязана разсказывать всѣмъ и каждому, съ кѣмъ она дружна и съ кѣмъ нѣтъ,—съ внезапной горячностью воскликнулъ Делафильдъ.

— А! такъ вы признаете, что они дружны между собою.

Делафильдъ не отвѣтилъ. Онъ бросилъ сигару и, положивъ руки на колѣни, пристально смотрѣлъ въ огонь, но не въ мечтательной позѣ, а скорѣе, какъ человѣкъ, напряженно прислушивающійся.

— Какъ же это надо понимать, Джэкобъ, когда молодая женщина принимаетъ такое живое участіе въ судьбѣ молодого офицера—между нами, я слышалъ, что она употребляетъ всѣ усилія, чтобы помочь ему добиться своего—и въ то же время скрываетъ это.

— А развѣ ей нужно, чтобы всѣ говорили о ея добротѣ? Мнѣ кажется, она была совершенно въ правѣ уклониться отъ отвѣта на вашъ вопросъ, сэръ Уильфридъ. Одна изъ тайнъ ея вліянія именно въ томъ, что она можетъ оказать услугу и держать это въ секретѣ.

Сэръ Уильфридъ покачалъ головой.

— Все-таки она перестаралась!.. А какого мнѣнія объ этомъ господинѣ вы сами, Джэкобъ?

— Какъ сказать, я не особенно ему симпатизирую,—неохотно отозвался Делафильдъ.—Онъ не въ моемъ духѣ.

— А mademoiselle Жюли? О ней вы самаго лучшаго мнѣнія? Въ ней вы не находите никакихъ недостатковъ?.. Я не люблю пересудовъ о женщинахъ, но вы видите, когда приходится имѣть дѣло съ леди Генри, надо чувствовать подъ ногами твердую почву.

Сэръ Уильфридъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника и придвинулъ ноги поближе къ огню. Свѣтъ лампы падалъ прямо на его шелковистыя рѣсницы и бороду, на красивый проборъ, игралъ на брилліантѣ украшавшемъ изящную лѣвую руку. Поза молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, была далеко не такъ непринужденна; онъ все время нервно ёрзалъ на мѣстѣ.

— Я думаю, сэръ Уильфридъ,—съ жаромъ началъ онъ,—что ей живется очень тяжело, что ея требованія вполнѣ благоразумны, и если она сбила васъ со слѣду относительно Уоркворта, то она была въ своемъ правѣ. Вы, по всей вѣроятности, заслужили это!

Онъ вызывающе вскинулъ голову. Сэръ Уильфридъ пожалъ плечами.

— Даю вамъ слово, что нѣтъ. Впрочемъ, все равно! Разскажите лучше о себѣ, Джэкобъ. Что вы дѣлаете въ Эссексѣ?

Выраженіе лица и поза молодого человѣка сразу измѣнились. Онъ съ невольнымъ вздохомъ облегченія откинулся на спинку кресла.

— Что-жъ, имѣніе большое. Дѣла достаточно.

— Вы живете совсѣмъ одни?

— Да. Въ маленькомъ домикѣ управляющаго—въ одной изъ деревень.

— Какъ же вы развлекаетесь? Тамъ, должно быть, хорошая охота?

— Слишкомъ хорошая. Мнѣ одному всего не перестрѣлять.

— Играете въ мячъ?

— О да. Тамъ есть хорошіе партнеры,—отвѣтъ звучалъ довольно равнодушно.

— Поди, и филантропіей занимаетесь?

Делафильдъ засмѣялся.

— Надо же что-нибудь дѣлать... Это льститъ тщеславію.

— Что же—клубъ, общества трезвости и все такое. Вы дѣйствительно способны интересоваться народомъ?

Делафильдъ медлилъ отвѣтомъ, какъ будто ему непріятно было сознаться.

— Что вы хотите? Больше вѣдь и нечѣмъ интересоваться, не правда ли? Однако,—онъ вдругъ вскочилъ на ноги, мнѣ пора пожелать вамъ спокойной ночи. Завтра мнѣ надо подняться чуть свѣтъ; я долженъ ѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

— Въ чемъ дѣло?

— О, ничего особеннаго. Тамъ есть одинъ бѣднякъ,—больной старикъ, котораго двѣ негодяйки упрятали въ богадѣльню при рабочемъ домѣ противъ его воли. Я узналъ объ этомъ только сегодня. Надо ѣхать выручать его.—Онъ искалъ глазами свои перчатки и палку.

— Почему же ему и не быть въ богадѣльнѣ?

— Потому что это прямо постыдно. Это старикъ-крестьянинъ, скопившій маленькій капиталецъ. Онъ держалъ деньги при себѣ, въ своемъ коттэджѣ, и какой-то бродяга обокралъ его. Эти двѣ женщины, его невѣстка и дочь ея, жили съ нимъ много лѣтъ. Пока у него были деньги, онѣ баловали его напропалую. А теперь, когда онъ сразу обѣднѣлъ и вдобавокъ чуть не умеръ отъ испуга, онѣ и слышать не хотятъ о томъ, чтобы кормить его и смотрѣть за нимъ. Онъ меня какъ-то увѣрялъ, что онѣ хотятъ упрятать его въ богадѣльню,—я не вѣрилъ. А пока я былъ въ отъѣздѣ, онѣ взяли и сдѣлали это.

— Что же вы сдѣлаете?

— Возьму его оттуда.

— А затѣмъ?

Делафильдъ колебался.

— А затѣмъ, я полагаю, онъ можетъ жить у меня, пока я не найду какой-нибудь доброй женщины, которая бы согласилась ходить за нимъ.

Сэръ Уильфридъ всталъ.

— Надо будетъ какъ-нибудь заѣхать навѣстить васъ. Надѣюсь, у васъ тамъ нищіе не во всѣхъ спальняхъ?

Делафильдъ усмѣхнулся.

— У меня превосходный поваръ и прехорошенькая усадьба, смѣю васъ увѣрить. Пожалуйста, пріѣзжайте. Но я и такъ скоро васъ увижу. Я буду здѣсь на будущей недѣлѣ и очень возможно, что буду у леди Генри въ пятницу.

— Отлично. Я увижу её въ воскресенье, такъ что...

— Только въ воскресенье!—Делафильдъ опустилъ глаза; онъ былъ, видимо, недоволенъ сэръ Уильфридомъ.

— Раньше невозможно. Завтра и въ субботу у меня куча обязательныхъ визитовъ. Еще одно слово, Джэкобъ, сдерживайте вы герцогиню. Ей, пожалуй, придется отказаться отъ участія mademoiselle Жюли въ ея базарѣ.

— Я скажу ей.

— Кстати, что эта маленькая женщина счастлива? — спросилъ сэръ Уильфридъ, отворяя дверь уходящему гостю.—Когда я уѣзжалъ изъ Англіи, она только что вышла замужъ.

— О, да! довольно счастлива, хотя Кроуборо все-таки оселъ.

— Почему собственно?

Делафильдъ улыбнулся.

— Да такъ вообще. Несносный онъ человѣкъ. Онъ воображаетъ, что герцоги всѣ необычайно интересны уже потому, что они герцоги, оттого съ нимъ и скучно.

— Берегитесь, Джэкобъ! Кто знаетъ, не будете ли вы сами когда-нибудь герцогомъ.

— Что вы хотите сказать?—Молодой человѣкъ гнѣвно сверкнулъ глазами.

— Я слышалъ, что сынъ Чэдлея жалкое созданіе,—серьезно выговорилъ сэръ Уильфридъ.—Леди Генри не надѣется, чтобы онъ выжилъ.

— Ну, вотъ еще! такіе-то и живутъ! А леди Генри готова всякаго похоронить! Она воображаетъ, что всѣ умерли или умираютъ, кромѣ нея самой. Мервинъ за этотъ годъ очень окрѣпъ въ сравненіи съ прошлымъ годомъ. Нѣтъ, право, леди Генри...

Онъ даже не могъ докончить фразы; его голосъ перешелъ въ гнѣвный хрипъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—усмѣхался сэръ Уильфридъ...—Человѣкъ, произведенный въ герцоги противъ его воли etc., etc. Спокойной ночи, милый мой Джэкобъ. Добраго здоровья вашему старику нищему.

Делафильдъ, уже спускавшійся съ лѣстницы, вдругъ остановился.

— Слушайте,—началъ онъ неувѣренно,—а вы не забудете переговорить съ леди Генри?

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ воскресенье, навѣрное, честное слово. О! я увѣренъ, что мы это уладимъ.

Делафильдъ сбѣжалъ съ лѣстницы, а сэръ Уильфридъ вернулся въ теплую комнату, къ своей чашкѣ чая.

Спрашивается, влюбленъ онъ въ нее и колеблется, боясь скомпрометировать себя въ глазахъ свѣта? Или онъ ревнуетъ къ этому Уоркворту. Или же она его прогнала, и оба скрываютъ это? Нѣтъ, это едва ли! Передъ нимъ открываются такіе горизонты... А ей, на-

вѣрное, хочется урегулировать свое положеніе. Или онъ вовсе не влюбленъ въ нее?

Нѣсколько колоколовъ заразъ загудѣли, возвѣщая полночь, а сэръ Уильфридъ все еще не нашелъ отвѣта на эти вопросы. У него осталось только одно положительное впечатлѣніе, что Джэкобъ Делафильдъ какъ-то выросъ, неуловимо и въ то же время необычайно, за тѣ годы, что Бери провелъ въ Персіи. Сэръ Уильфридъ былъ близкимъ другомъ его покойнаго отца, лорда Губерта, и очень хорошъ съ его матерью, женщиной флегматической и добродушной. Кстати, она еще жива и живетъ въ Лондонѣ съ дочерью. Надо будетъ съѣздить—повидаться.

Что касается Джэкоба, сэръ Уильфридъ питалъ къ нему большую слабость, когда онъ учился въ Итонѣ, особенно, когда мальчикъ, постаравшись, попалъ въ первый десятокъ. Въ Оксфордѣ онъ, по мнѣнію сэръ Уильфрида, какъ-то стушевался, сталъ тяжеловѣснымъ, соннымъ, инертнымъ, какъ мать, безъ ея добродушія, слишкомъ увальнемъ для того, чтобы отличаться въ крикетѣ, слишкомъ лѣнивымъ для того, чтобы добиваться школьныхъ наградъ. Друзья у него, положимъ, всегда водились, но для большинства изъ нихъ онъ былъ загадкой и какъ будто немножко въ тягость себѣ самому.

И вотъ теперь изъ этого неуклюжаго юноши вышелъ мужчина, въ которомъ сэръ Уильфридъ, хорошо знающій весь его родъ, находилъ много яркихъ наслѣдственныхъ чертъ, еще безформенныхъ, но ищущихъ выраженія.

«Какъ онъ на меня поглядѣлъ, когда я заговорилъ о герцогствѣ, точь-въ-точь его покойный отецъ!..»

Его отецъ? Губертъ Делафильдъ былъ упрямой, жаждущей опасности, героической натурой, онъ и погибъ-то, спасая жизнь мальчику, упавшему въ рѣку. Его много ненавидѣли и много любили; онъ былъ способенъ на самыя противоположныя вещи. Онъ женился изъ-за приданаго, часто хвасталъ этимъ и въ то же время способенъ былъ отдать, не задумываясь, послѣдній фартингъ тому, кто съумѣлъ затронуть его чувства. Даровитъ онъ былъ несомнѣнно, но не въ такой степени, какъ покойный герцогъ, его отецъ.

«Насколько я припоминаю, Губертъ Делафильдъ никогда не былъ счастливъ», думалъ сэръ Уильфридъ, глядя въ огонь, «и у мальчика въ лицѣ то же выраженіе. Эта женщина въ Брутонъ-стритѣ совсѣмъ не подходитъ къ нему, не говоря уже о другихъ неудобствахъ. Ему надо тихую, кроткую дѣвушку. А впрочемъ, кто его знаетъ. Эти Делафильды никогда ничѣмъ не довольны. Если вы ихъ станете мучить, они, пожалуй, полюбятъ васъ. Имъ нужно что-нибудь твердое, во что можно было бы вцѣпиться зубами. Какъ старый герцогъ обожалъ свою злюку жену».

Въ воскресенье сэръ Уильфриду удалось попасть къ леди Генри

только подъ вечеръ; когда онъ вошелъ въ гостиную, она была уже полна, и ему пришлось ждать очереди.

Леди Генри встрѣтила его рѣзкимъ: «Наконецъ», чѣмъ онъ, однако, ни мало не былъ смущенъ. Онъ вовсе не опоздалъ. Въ четвергъ, прощаясь съ нею, онъ просилъ разрѣшенія придти попозже.

— Дайте мнѣ сначала немножко изучить положеніе и, ради Бога, не относитесь ко всему этому трагически!

Въ первыя минуты онъ не могъ рѣшить, какъ настроена леди Генри—трагически или нѣтъ. Она уже не пряталась въ задней гостиной. Ея кресло поставили въ большой комнатѣ, и она являлась центромъ группы, оживленно обсуждавшей послѣднія событія въ парламентѣ, смакуя каждую подробность, какъ люди, хорошо знакомые съ личностями, о которыхъ шла рѣчь. Она, повидимому, чувствовала себя недурно, во всякомъ случаѣ, болѣе въ своей тарелкѣ и ей было веселѣе, чѣмъ въ прошлую пятницу. Всѣ характерныя черты, выдвигавшія ее въ обществѣ на первый планъ, были на лицо: прямота и свобода, даже нѣкоторая рѣзкость сужденій, благодаря чему ея собесѣдники-мужчины смотрѣли на нее, какъ на товарища, трезвый мужской умъ, находчивость, остроуміе и въ то же время подчасъ чисто женскія выходки и капризы.

Кромѣ нея, женщинъ было мало. Леди Генри не любила, чтобы у нея по воскресеньямъ бывали дамы и не давала себѣ труда скрывать это. Но mademoiselle Жюли сидѣла за чайнымъ столикомъ и съ нею сѣдовласый генералъ, въ которомъ сэръ Уильфридъ призналъ счастливца, недавно назначеннаго на очень высокій постъ въ военномъ министерствѣ. Чай былъ уже разлитъ, и mademoiselle Ле-Бретонъ показывала генералу папку съ фотографіями, которыми старикъ былъ, повидимому, очень заинтересованъ.

— Я пришелъ слишкомъ поздно для того, чтобы получить чашку чая?—спросилъ сэръ Уильфридъ, когда она привѣтливо поздоровалась съ нимъ. А это что за картинки?

— Это фотографическіе снимки Кхалбара и Тираха,—объяснила mademoisell Ле-Бретонъ.—Капитанъ Уорквортъ принесъ показать ихъ леди Генри.

Сэръ Уильфридъ взглянулъ.

— А! арена его подвиговъ! Молодой человѣкъ, говорятъ, отличался здѣсь.

— И даже очень!—съ жаромъ подтвердилъ генералъ.—Онъ малый съ головой, ну и везетъ ему тоже.

— Вотъ везетъ, говорятъ, ему очень,—сказалъ сэръ Уильфридъ принимая чашку изъ рукъ mademoiselle.—Я увѣренъ, что онъ добьется своего. Какъ вы думаете?

— Трудно сказать. Впрочемъ на дѣльныхъ людей вездѣ спросъ,—улыбнулся генералъ.

*

— Кстати, я слышалъ его имя вчера вечеромъ въ связи съ разговорами объ этомъ посольствѣ въ Мокембе,—продолжалъ сэръ Уильфридъ, накладывая себѣ пирога.

— О, это еще не рѣшено,—сухо сказалъ генералъ.—Торопиться некуда; недѣльку-другую еще можно подождать. Само собой нужно туда отправить вполнѣ надежнаго человѣка.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ сэръ Уильфридъ.

Его забавляло наблюдать за mademoiselle Ле-Бретонъ. Она уже не была блѣдна; при первомъ же словѣ генерала яркая краска прилила къ ея щекамъ. Сэръ Уильфриду казалось, что она нарочно наклонилась надъ фотографіями, чтобы скрыть это.

Генералъ всталъ. Онъ былъ высокій, худой, съ военной осанкой, съ сѣдыми волосами, свѣсившимися на лобъ, съ двумя яркими пятнами румянца на впалыхъ щекахъ.

Теперь онъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ въ разговорѣ съ mademoiselle Ле-Бретонъ—немного хмурый, натянутый, снова важный чиновникъ и великій человѣкъ.

— Спокойной ночи, сэръ Уильфридъ, мнѣ пора.

— Какъ поживаютъ ваши сыновья? сказалъ сэръ Уильфридъ, вставая.

— Старшій въ Канадѣ съ своимъ полкомъ.

— А младшій?

— Младшій вступилъ въ духовное званіе.

— И надрывается на работѣ въ Истъ-Эндѣ, какъ, кажется, всѣ наши молодые священники?

— Именно такъ оно и было. Но теперь ему благодаря Бога предложили деревенскій приходъ, и мы съ матерью убѣдили его принять предложеніе.

— Деревенскій приходъ,—гдѣ?

— Въ Шропшайрѣ, въ одномъ изъ помѣстій герцога Кроуборо.— Генералъ чуть-чуть замедлилъ отвѣтомъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ отошла и укладывала фотографіи въ ящикъ шифоньерки, стоявшей поодаль.

— А! У Кроуборо? Что-жъ, надѣюсь, въ этомъ приходѣ есть и доходы?

— Ничего, по нынѣшнимъ временамъ жить можно,—улыбаясь, сказалъ генералъ.—У насъ съ женой точно камень съ души свалился. У него грудь слабовата, появились кое-какіе подозрительные симптомы—мать встревожилась... Герцогиня была чрезвычайно добра, она такъ заинтересовалась нашимъ мальчикомъ и...

— Если женщина захочетъ, такъ всегда добьется своего. Ну что-жъ, надѣюсь, вашъ сынъ останется доволенъ. Спокойной ночи, генералъ. Вы мнѣ позволите какъ-нибудь утромъ заглянуть къ вамъ въ военное министерство?

— Непремѣнно заходите.

И старый солдатъ, загорѣлое лицо котораго вдругъ смягчилось, когда онъ заговорилъ о сынѣ, простился и вышелъ. Сэръ Уильфридъ задумался, разсѣянно слѣдя глазами за граціозной фигурой mademoiselle Ле-Бретонъ, которая, закрывъ ящикъ, вернулась къ нему.

— Вы знаете сыновей генерала?—спросилъ онъ ее, когда она налила ему вторую чашку чая.

— Я видѣла младшаго.

Она подняла на него свои дивные глаза. Сэръ Уильфриду показалось, что въ нихъ промелькнула тревога и вызовъ, какъ будто она вся подтянулась и приготовилась къ нападенію. Но самообладаніе ни на минуту не измѣнило ей.

— Леди Генри какъ будто лучше настроена,—сказалъ онъ, наклонившись къ ней.

Жюли не сразу отвѣтила. Она опустила глаза, затѣмъ опять подняла ихъ и, не говоря ни слова, тихонько покачала головой. Въ выраженіи ея лица было столько грустной энергіи, что у него дрогнуло сердце.

— Значитъ, дѣло такъ же плохо, какъ и прежде?—спросилъ онъ шопотомъ...

— Нехорошо. Я пыталась умилостивить ее. Я сказала ей про базаръ. Она говоритъ, что она не можетъ обойтись безъ меня. Конечно, я уступила, но вчера герцогиня... тсс!

— Mademoiselle!—донесся съ другого конца гостиной властный голосъ леди Генри.

— Здѣсь, леди Генри.

Mademoiselle Ле-Бретонъ поднялась съ мѣста

— Найдите мнѣ пожалуйста книжку «Revue des deux mondes»—ту, что принесли вчера. Я вамъ докажу это въ двѣ минуты,—продолжала она, торжествующе поворачиваясь къ Монтрезору, сидѣвшему направо отъ нея.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ сэръ Уильфридъ, присоединяясь къ кружку леди Генри, между тѣмъ какъ mademoiselle Ле-Бретонъ скрылась въ сосѣдней гостиной.

— О пустяки,—спокойно сказалъ Монтрезоръ.—Леди Генри думаетъ, что она поймала меня на ошибкѣ—относительно Фавра и переговоровъ въ Версалѣ. Пожалуй, что такъ, я по этой части страшный невѣжда.

— Что же тогда намъ-то, бѣднымъ, говорить?—улыбнулся сэръ Уильфридъ, садясь возлѣ хозяйки. Монтрезоръ, обладавшій поразительно разносторонними свѣдѣніями чуть не по всѣмъ предметамъ, усмѣхнулся и поправилъ стеклышко въ глазу. Эти словесныя битвы между нимъ и леди Генри изъ-за числа или какой-нибудь детали были дѣломъ обычнымъ. Леди Генри рѣдко выходила изъ нихъ побѣдительницей. На этотъ разъ, однако, она была увѣрена въ своей правотѣ и сидѣла нахмурившись, нетерпѣливо дожидаясь книги, которая не являлась.

Mademoiselle Ле-Бретонъ вернулась изъ сосѣдней гостиной съ пустыми руками, пошла еще куда-то и опять вернулась безъ книги.

— Въ этомъ домѣ всегда все вверхъ дномъ,—сердито сказала леди Генри.—Ни порядка, ни методы!

Mademoiselle Жюли ничего не сказала. Она отошла отъ группы разговаривающихъ, но Монтрезоръ вскочилъ и предложилъ ей свой стулъ, любезно говоря:

— Я желалъ бы имѣть васъ секретаремъ, mademoiselle. Мнѣ еще не случалось слышать, чтобы леди Генри спрашивала у васъ что-нибудь, чего вы не могли бы найти.

Леди Генри вспыхнула и, круто повернувшись къ Бёри, заговорила о другомъ. Жюли спокойно отказалась отъ предложеннаго ей стула и пошла къ оттоманкѣ, стоявшей въ глубинѣ комнаты, когда дверь распахнулась и лакей доложилъ:

— Капитанъ Уорквортъ.

Глава VI.

Глаза всѣхъ обратились на новаго гостя. Монтрезоръ надѣлъ очки и нѣсколько мгновеній испытующе смотрѣлъ на него, причемъ лицо министра,—это суровое лицо съ рѣзкими, крупными чертами,—приняло выжидающее боевое выраженіе, хорошо знакомое его подчиненнымъ и палатѣ общинъ.

Что касается сэръ Уильфрида Бёри, онъ былъ пораженъ красотою молодаго человѣка. «Генрихъ въ молодости и въ бобровой шапкѣ», подумалъ онъ, любуясь противъ воли высокимъ стройнымъ офицеромъ, который низко склонился передъ леди Генри, поздоровался съ остальными, каждому сказавъ два-три слова и занялъ мѣсто рядомъ съ хозяйкой.

— Что, пришли за вашими письмами?—сказала леди Генри, глядя на него съ угрюмой лаской.

— Мнѣ кажется, я пришелъ просто побесѣдовать,—смѣясь, отвѣтилъ Уорквортъ и въ первый разъ посмотрѣлъ на леди Генри, а затѣмъ и на остальныхъ.

— Въ такомъ случаѣ боюсь, что вы не найдете того, чего ищете,—сказала леди Генри, откидываясь на спинку кресла.—Мистеръ Монтрезоръ способенъ только спорить и противорѣчить.

Монтрезоръ въ изумленіи поднялъ руки.

— Будь я Эзопомъ,—сказалъ онъ, лукаво улыбаясь,—я бы прибавилъ еще кусочекъ къ знаменитой баснѣ. Прошу замѣтить! Даже и послѣ того, какъ ягненокъ былъ съѣденъ, волкъ все еще клевещетъ на него! Ну ладно, ладно! Mademoiselle придите утѣшить меня, разскажите мнѣ, какія еще новыя безумства затѣваетъ герцогиня.

Говоря это, старикъ все отодвигалъ и отодвигалъ свое кресло, пока

не очутился рядомъ съ Жюли Ле-Бретонъ, и тотчасъ же между ними завязался оживленный разговоръ.

Сэръ Уильфридъ, капитанъ Уорквортъ и нѣсколько другихъ habitués прилагали всѣ старанія чтобы развлечь леди Генри. Но это было не легко. Брови ея хмурились, голосъ звучалъ принужденно. Сэръ Уильфридъ замѣтилъ, что она все время съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ разговору на другомъ концѣ комнаты. Она не могла ни видѣть, ни слышать бесѣдующихъ, но въ то же время ревниво сознавала ихъ близость. Что касается Монтрезора, въ его теперешнемъ ухаживаніи за mademoiselle Жюли, несомнѣнно, была примѣсь лукавства. Леди Генри все утро была колка и насмѣшлива; даже по отношенію къ своему старому другу она перешла границы, и быть можетъ, онъ хотѣлъ дать ей понять это.

Mademoiselle Жюли въ первый моментъ угнетенная и сдержанная, скоро забылась и увлеклась разговоромъ. Отдаваясь собственнымъ инстинктамъ, власти собственныхъ дарованій, она вела разговоръ, переходя съ одной темы на другую, блистая остроуміемъ и увлекая за собой своего собесѣдника. Знаменитый министръ пришелъ поболтать съ леди Генри, какъ онъ уже много лѣтъ подъ рядъ приходилъ по воскресеньямъ, но его вниманіе было отдано не леди Генри, а ея компаньонкѣ; въ *ея* бесѣдѣ онъ нашелъ наслажденіе и ради нея придетъ сюда снова. Безъ сомнѣнія, леди Генри сама виновата; но сэръ Уильфридъ Бёри, съ непріятнымъ чувствомъ сознавая, акая буря кипитъ въ груди надменнаго существа, сидящаго съ нимъ рядомъ, былъ склоненъ больше жалѣть старуху, чѣмъ восхищаться молодой. Наконецъ, леди Генри почувствовала, что не въ силахъ выносить этого дольше.

— Mademoiselle, будьте такъ добры вернуть капитану Уоркворту письма его отца,—сказала она рѣзко и сухо, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ Монтрезоръ закинулъ назадъ голову и скрестивъ ноги, собирался излить по секрету на ухо своей собесѣдницѣ всю исторію своего назначенія министромъ три года тому назадъ. Жюли Ле-Бретонъ моментально поднялась съ мѣста и перешла на другой конецъ гостиной; капитанъ Уорквортъ послѣдовалъ за ней. Монтрезоръ, быть можетъ, немножко раскаяваясь, вернулся къ леди Генри, и хотя она встрѣтила его очень холодно, кругъ возлѣ нея, къ которому теперь примкнули еще Мередитъ и два, три новыхъ гостя, былъ возстановленъ. Съ усиліемъ, замѣтнымъ только Бёри, она приложила всѣ старанія, чтобъ овладѣть разговоромъ, заинтересовавъ собесѣдниковъ, и это ей удалось.

Бёри только что далъ своимъ слушателямъ очень удачный очеркъ общественной дѣятельности и особенностей характера шаха; среди одобрительнаго смѣха слушателей, доказывавшаго, что его эпиграммы были оцѣнены по достоинству, онъ случайно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ на низенькомъ диванчикѣ сидѣла Жюли Ле-Бретонъ.

Улыбка застыла у него на губахъ. Словно ледяной волной обдало его—такъ трагично было это мимолетное впечатлѣніе. Онъ отвернулся, ему стало стыдно, что онъ случайно видѣлъ то, чего ему не слѣдовало видѣть, и онъ съ облегченіемъ прислушивался къ веселымъ шуткамъ, вызваннымъ его же разсказомъ. Что же онъ собственно видѣлъ? Только или главнымъ образомъ женское лицо. Уорквортъ стоялъ возлѣ диванчика, на которомъ сидѣла компаньонка леди Генри, заложивъ руки въ карманы и наклонивъ къ ней свою красивую голову. Они говорили съ увлеченіемъ, совершенно позабывъ объ остальныхъ и, повидимому, позабытые ими. Онъ былъ какъ будто нѣсколько смущенъ, не находилъ словъ, не подымалъ глазъ отъ пола. Жюли Ле-Бретонъ, наоборотъ, смотрѣла на него, вкладывая всю душу въ этотъ взглядъ всю свою пылкую, несчастную душу—и забывъ обо всемъ на свѣтѣ.

«Господи Боже! да она влюблена въ него!» было первой мыслью сэра Уильфрида. «Бѣдная! бѣдная!»

Къ семи часамъ всѣ гости разошлись; остался только сэръ Уильфридъ. Mademoiselle Ле-Бретонъ ушла въ свою комнату. Они были одни съ леди Генри.

— Затворите двери!—сказала она повелительно, оглядываясь вокругъ, какъ только скрылся послѣдній гость.—Мнѣ надо переговорить съ вами наединѣ. Я слышала, что вы давеча возвращались домой отъ Кроуборо съ... съ этой женщиной!

Тонъ ея не поддавался описанію. Она круто повернулась къ сэръ Уильфриду и такъ порывисто расправила рукой складки своего толстаго шелковаго платья, словно хотѣла не разгладить, а разорвать его, чтобы дать исходъ бурѣ, бушевавшей въ ея груди.

Сэръ Уильфридъ сидѣлъ возлѣ нея, заложивъ ногу на ногу, сблизивъ кончики пальцевъ, полуопустивъ бѣлокурыя рѣсницы—спокойствіе рядомъ съ бурей.

— Мнѣ больно слышать отъ васъ такія рѣчи,—выговорилъ онъ серьезно, помолчавъ.—Да, я говорилъ съ ней. Она была со мной въ общемъ очень откровенна. Мнѣ кажется, она вполнѣ сознаетъ, что ея поведеніе не всегда было такимъ, какимъ бы ему слѣдовало быть, и искренно жаждетъ поправить дѣло. Я старался, какъ могъ, примирить ее съ вами. Что она съ тѣхъ поръ ничѣмъ не показала вамъ, что раскаивается, не дѣлала вамъ никакихъ авансовъ

Леди Генри презрительно махнула рукой.

— Она призналась мнѣ, что обѣщала посвятить большую часть времени, за которое я плачу ей, базару Эвелины Кроуборо, и спросила, какъ ей быть, можетъ ли она продавать. Я, разумѣется, сказала ей, что не допущу ничего подобнаго.

— Такъ что ея исповѣдь скорѣе досадила вамъ, чѣмъ умилостивила васъ?—Сэръ Уильфридъ повелъ плечами.

— Еще бы! Я сразу догадалась, что она это сдѣлала не по собственному побужденію, что это вы ее заставили.

— Чего же вы отъ меня ждали другого? Дѣйствительно я, кажется, даромъ потратилъ время.

— О, нѣтъ! Вы были очень добры. И вы, пожалуй, могли бы помочь. Я уже начинала нѣсколько раскаиваться, когда на сценѣ появилась герцогиня...

«Ахъ, глупышка!» воскликнулъ мысленно сэръ Уильфридъ.

— Само собой, она просила и возмущалась, и предлагала мнѣ свои безцѣнныя услуги въ разныхъ пустякахъ, которыхъ мнѣ совсѣмъ не нужно, лишь бы я только отпустила ей Жюли на этотъ нелѣпый базаръ. Само собой, я опять на дыбы и высказала ей въ лицо нѣсколько горькихъ истинъ, въ родѣ того, что она сама во многомъ виновата и поставила Жюли въ совершенно ложное положеніе. Она вспылила, разгорячилась и наговорила мнѣ разныхъ глупостей о Жюли, между прочимъ показавшихъ мнѣ, что Жюли нарушила свое торжественное обѣщаніе и разсказала свою семейную исторію и Эвелинѣ, и Джэкобу Делафильду. Этого одного достаточно, чтобы оправдать меня, если я отошлю ее. N'est ce pas?

— О, да!—пробормоталъ сэръ Уильфридъ,—если только вы хотите съ ней разстаться.

— Мы сейчасъ дойдемъ до этого. Представьте себѣ пожалуйста, въ какое положеніе эти ея признанія, если они пойдутъ дальше,—а кто знаетъ, не пошли ли они уже дальше!—могутъ поставить меня! Въ одинъ прекрасный вечеръ старый лордъ Лэдъ, онъ велъ себя поскотски въ отношеніи своей старшей дочери, пока она была жива, но онъ poseur съ головы до пятъ! — въ одинъ прекрасный вечеръ онъ способенъ войти сюда и громогласно потребовать свою внучку, да еще, пожалуй, станетъ вездѣ разсказывать небылицы, будто я дурно обращалась съ ней! Кто можетъ сказать, до какихъ нелѣпостей можетъ дойти, если всѣ узнаютъ, что она дочь леди Розы? Я могу назвать вамъ съ полдюжины людей,—постоянно бывающихъ у меня—которые сочли бы себя оскорбленными, еслибъ знали то, что знаемъ вы и я...

— Оскорбленными?.. потому что ея мать...

— Потому что ея мать согрѣшила противъ седьмой заповѣди? О, Боже мой, нѣтъ! На это въ наше время не очень-то обращаютъ вниманіе. Оскорбленными тѣмъ, что ихъ держали въ невѣдѣніи,—вотъ и все. Тщеславіе!—вовсе не нравственность.

— Насколько я могу судить,—раздумчиво выговорилъ сэръ Уильфридъ,—въ тайну посвящены только герцогиня, Делафильдъ, Монтрезоръ и вашъ покорный слуга.

— Монтрезоръ!—внѣ себя воскликнула леди Генри.—Монтрезоръ!

Это для меня ново. О! пусть она уходитъ сейчасъ же, сейчасъ же!—она тяжело дышала.

— Погодите немного. Вы говорили съ Джэкобомъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Эвелина, конечно, приплетаетъ его на каждомъ шагу—Джэкобъ то, Джэкобъ это. Онъ, кажется, пришитъ къ ея юбкѣ. И всѣ трое съ утра до ночи интригуютъ противъ меня. Какъ только Жюли находитъ для этого время, не представляю себѣ: мнѣ казалось, что у нея весь день наполненъ—такъ я стараюсь занять ее.

Сэръ Уильфридъ все съ тѣмъ же спокойствіемъ наблюдалъ за своей разгнѣванной собесѣдницей.

— Такъ вамъ неизвѣстно, что думаетъ Джэкобъ.

— А зачѣмъ мнѣ это знать? Мальчишка, котораго я на свой счетъ содержала въ Итонѣ и Оксфордѣ, когда его отцу нечѣмъ было платить за ученье,—не все равно мнѣ, что онъ думаетъ.

«Женщины странный народъ!» подумалъ сэръ Уильфридъ.—«Мужчина ни за что не сказалъ бы этого». И вслухъ онъ прибавилъ:

— Я думалъ, вы больше всего боитесь, какъ бы онъ не женился на ней.

— О! пусть себѣ ломаетъ шею, если ему такъ ужъ этого хочется!—воскликнула леди Генри, съ непослѣдовательностью гнѣва. Развѣ мнѣ не все равно? Мнѣ какое дѣло?

— Кстати,—разъ уже зашла рѣчь объ этомъ,—онъ какъ будто зондировалъ почву. У васъ никогда не было подозрѣній въ другомъ отношеніи?

— Что вы подразумѣваете?

— Да такъ... Я слышалъ изъ разныхъ источниковъ, что mademoiselle Жюли усиленно хлопочетъ за этого юнаго воина, который только недавно вошелъ сюда, Гарри Уоркворта.

Леди Генри нетерпѣливо засмѣялась. Очень возможно. Она жить не можетъ безъ того, чтобы не испытывать на комъ-нибудь своего вліянія. Она прирожденная интриганка. Еслибъ вы знали ее такъ же хорошо, какъ я ее знаю, вы бы не сомнѣвались въ этомъ. Ей нуженъ Джэкобъ, и очень возможно, что она добьется своего. Развѣ я могу помѣшать ей? Что можетъ сдѣлать жалкая слѣпая старуха, какъ я?

— А если она станетъ женой Джэкоба—женой, быть можетъ, главы семьи вы все-таки намѣрены быть съ ней въ ссорѣ?

— Да, я намѣрена быть съ ней въ ссорѣ!—Леди Генри приподнялась въ своемъ креслѣ, блѣдная, дрожащая. Герцогиня или не герцогиня—мнѣ все равно! Вы замѣтили, какъ она дерзко вела себя сегодня? Какъ она захватываетъ моихъ гостей! Какъ она поощряетъ и подстрекаетъ такого человѣка, какъ Монтрезоръ, забываться, издѣваться надо мной въ моей же собственной гостиной!

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы положительно неправы, сказалъ сэръ Уильфридъ, ласково дотрогиваясь до ея руки.—Это была не ея вина.

— Ея вина—что она то, что она есть!—что она вынуждаетъ дѣлать сравненіе между нами—между ею и мною! Что она нестерпимо выдвигаетъ себя впередъ, принимая въ разсчетъ, кто она и что она. Что она выставляетъ меня въ самомъ гнусномъ свѣтѣ передъ моими старыми друзьями. Нѣтъ, нѣтъ! Уильфридъ,—ваше первое впечатлѣніе было вѣрное. Я должна заставить себя это сдѣлать, чего бы мнѣ это ни стоило. Она должна уйти, иначе эта борьба окончательно разобьетъ меня физически и нравственно. Такъ волноваться, такъ сердиться въ мои годы—вы сами знаете, это сокращаетъ жизнь.

— А вы не можете справиться съ собою, подавить свой гнѣвъ?—спросилъ онъ съ странной усмѣшкой.

— Нѣтъ, не могу. Это ясно. Она дѣйствуетъ мнѣ на нервы, и я становлюсь просто-на-просто невмѣняемой. C'est fini!

— Все это хорошо, выговорилъ онъ медленно,—но надѣюсь, вы понимаете, что это означаетъ?

— О! я знаю, что у нея куча друзей!—вызывающе кинула леди Генри. Но ея старыя руки дрогнули на колѣняхъ.

— Къ несчастью, эти люди въ то же время и ваши друзья. По крайней мѣрѣ, не ссорьтесь со всѣми, кто можетъ выразить ей сочувствіе. Пусть они думаютъ, какъ имъ угодно. Игнорируйте это—будьте великодушны, какъ только можете!

— Напротивъ!—У нея даже губы поблѣднѣли отъ волненія.—Кто пойдетъ съ нею, тотъ противъ меня. Они должны выбрать разъ навсегда!

— Другъ мой, послушайте, будьте же благоразумны.

И, придвинувшись къ ней совсѣмъ близко, онъ съ полчаса уговаривалъ и убѣждалъ ее. За это время ея волненіе болѣе или менѣе улеглось, гнѣвъ утихъ; ей было немножко стыдно и, какъ ему казалось, она готова была заплакать.

«Когда я уйду, она вспомнитъ мои слова и подумаетъ надъ ними», рѣшилъ онъ и, поднявшись, началъ прощаться. У нея былъ такой измученный видъ, что ему стало жалко ея; несмотря на всю ея неправоту, онъ ей сочувствовалъ всей душой, и самъ дивился этому! Должно быть, это старость говорила въ обоихъ—старость, возстающая противъ грабящей ее и непокорной молодости. Можетъ быть, именно сознаніе, что и въ немъ говоритъ то же чувство, въ концѣ концовъ, нѣсколько успокоило ее.

— Хорошо, я попробую еще—я постараюсьсдерживаться,—угрюмо пообѣщала она.—Но поймите—она не должна продавать на этомъ базарѣ.

— Очень жаль,—былъ наивный отвѣтъ.—Еслибъ вы позволили ей, это выставило бы васъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

— Ничего подобнаго не сдѣлаю! Прощайте, Уильфридъ, спокойной ночи! Вы очень хорошій человѣкъ, и если я смогу послушаться васъ, я послушаюсь.

Нѣсколько времени леди Генри сидѣла одна въ своей ярко освѣщенной гостиной. Она не могла ни читать, ни писать, ни шить по причинѣ своей слѣпоты, и теперь, когда въ ней послѣ возбужденія наступила реакція, она чувствовала себя очень усталой и старой.

Наконецъ, дверь отворилась, и послышались легкіе шаги Жюли Ле-Бретонъ.

— Почитать вамъ?—спросила она мягко.

Леди Генри холодно потребовала «Obzerver» и свое вязаніе. Но лишь только она начала вязать, какъ ея необычайно тонкое осязаніе подсказало ей, что шерсть какъ будто не та, къ какой она привыкла.

— Это не та шерсть, какую я велѣла купить,—сказала она, тщательно ощупывая пальцами мотокъ.—Помните я вамъ дала порученіе докупить мнѣ шерсти въ четвергъ? Что вамъ сказали у Винтона?

Жюли положила газету и въ смущеніи смотрѣла на мотокъ шерсти.

— Я помню, что вы мнѣ дали порученіе, — едва слышно выговорила она.

— Ну и что же? Что вамъ сказали?

— Должно быть, это все, что у нихъ было.

Чуткій слухъ леди Генри уловилъ въ звукѣ ея голоса что-то странное. Она подняла на дѣвушку подозрительное лицо.

— Да вы были ли у Винтона?

— Мнѣ такъ жаль! Туда шла горничная герцогини и она исполнила порученіе за меня. Мнѣ казалось, что я очень тщательно передала ей ваше порученіе.

— Гмъ... такъ вы не были у Винтона. Могу я знать, были ли вы у Шоузе или у Бэтеона или въ рядахъ, или вообще гдѣ бы то ни было, куда я посылала васъ съ порученіями?—Каждое слово ея рѣзало, какъ ножомъ.

Жюли колебалась. Она сильно поблѣднѣла. Вдругъ лицо ея словно застыло и выразило рѣшимость.

— Нѣтъ,—сказала она спокойно,—я намѣревалась исполнить всѣ ваши порученія. Но Эвелина убѣдила меня посидѣть у нея, пока это сдѣлаетъ ея горничная, и я согласилась.

Леди Генри густо покраснѣла.

— Итакъ, mademoiselle, безъ моего вѣдома вы провели два часа времени, принадлежащаго мнѣ, развлекаясь въ Кроуборо-гоузѣ. Могу я узнать, что вы тамъ дѣлали?

— Я помогала герцогинѣ въ устройствѣ базара.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же, тамъ былъ еще кто-нибудь? Отвѣчайте мнѣ, mademoiselle!

Жюли снова помедлила отвѣтомъ и снова отвѣтила съ какимъ-то гнѣвнымъ спокойствіемъ:

— Да, тамъ былъ мистеръ Делафильдъ.

— Такъ я и думала! Позвольте мнѣ завѣрить васъ, mademoiselle,— леди Генри встала съ кресла, опираясь на палку, ея лицо дышало гнѣвомъ и грозой,—позвольте васъ завѣрить, что, какіе бы честолюбивые замыслы вы ни питали, Джэкобъ Делафильдъ вовсе не такъ простъ, какъ вы воображаете. Я знаю его лучше васъ. Онъ еще подумаетъ, да и подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится взять въ жены женщину съ вашими наклонностями и съ вашимъ прошлымъ!

Жюли Ле-Бретонъ также встала.

— Боюсь, леди Генри, что вы и относительно этого заблуждаетесь, —сказала она спокойнымъ голосомъ, хотя ея худенькая рука, лежавшая на платьѣ, судорожно вздрагивала.—Я не буду женой мистера Делафильда, но не буду потому, что я дважды отказала ему!

У леди Генри захватило духъ отъ удивленія. Она откинулась на спинку кресла, уставившись на свою компаньонку.

— Вы отказали ему?

— Мѣсяцъ тому назадъ и въ прошломъ году. Это ужасно съ моей стороны разсказывать объ этомъ, но вы вынудили меня.—Жюли оперлась, чтобы не упасть, на спинку стариннаго золоченаго стула. Отъ пережитыхъ волненій она была такъ же блѣдна, какъ и леди Генри; но ея красивая голова и хрупкій станъ дышали такою гордою волею, такимъ пылкимъ достоинствомъ, что леди Генри почувствовала себя сраженной.

— Почему вы отказали ему?

Жюли пожала плечами.

— Это, я полагаю, мое дѣло. Но если бы я любила его, я не стала бы справляться съ вашими желаніями, леди Генри.

— Это откровенно и нравится мнѣ больше всего прежняго. Извѣстно ли вамъ, что онъ можетъ сдѣлаться наслѣдникомъ герцогскаго титула?

— Я не разъ слышала это отъ васъ,—холодно отвѣчала Жюли.

Леди Генри долго и зорько смотрѣла на нее. Ей вспоминались слова Уильфида Бери, то, что онъ говорилъ объ Уорквортѣ. Она подумала и вдругъ протянула руку.

— Вы по всей вѣроятности не захотите взять ее, mademoiselle, я должно быть обидѣла васъ. Но вы водили меня за носъ. Во многомъ мы квиты. И все же, признаюсь, я удивляюсь вамъ. Какъ бы тамъ ни было, я протягиваю вамъ руку. Я извиняюсь и беру назадъ свои слова. Не попробовать ли намъ положить оружіе и жить, какъ раньше?

Жюли Ле Бретонъ медленно повернулась и взяла протянутую ей руку, не выказавъ особенной радости.

— Я сердила васъ,—сказала она и голосъ ея дрогнулъ,—часто сама не знаю, какъ и почему.

Леди Генри втянула въ себя воздухъ.

— О, это, можетъ быть, и не пройдетъ--сказала она, уронивъ руки на колѣни. Но все же, отчего намъ не попробовать? И, mademoiselle, я буду въ восторгѣ, если вы поможете герцогинѣ устроить базаръ.

Жюли покачала головою.

— Врядъ ли у меня хватитъ духу,—сказала она печально и, видя, что леди Генри молчитъ, подошла къ ней ближе.

— У васъ очень усталый видъ. Прислать вамъ горничную?

Этотъ мягкій грустный голосъ произвелъ странное впечатлѣніе на леди Генри. Ея компаньонка предстала передъ ней на мигъ въ новомъ свѣтѣ—героини драмы или романа. Но она стряхнула съ себя чары.

— Пожалуйста, пришлите. Еще одинъ такой день и придетъ мой конецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Марксъ.

(*Продолженіе* *).

Установивъ понятіе хозяйства, мы можемъ приступить къ критической оцѣнкѣ соціальнаго матеріализма. У Энгельса мы часто встрѣчаемъ очень простой аргументъ въ пользу матеріалистическаго пониманія исторіи, сводящійся къ извѣстному изреченію: primum vivere, deinde philosophare (раньше, чѣмъ философствовать, нужно жить). Такъ, въ своей біографіи Маркса Энгельсъ говоритъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи, которое онъ называетъ великимъ открытіемъ Маркса, доказывается тѣмъ очевиднымъ фактомъ, «что раньше, чѣмъ бороться изъ-за власти, заниматься политикой, религіей, философіей, люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду» (цитировано у L. Woltmann. «Der historische Materialismus». 1900. S. 219).

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ Энгельсъ повторяетъ этотъ аргументъ и въ рѣчи надъ могилой Маркса: «Какъ Дарвинъ открылъ законъ развитія органической природы, такъ Марксъ открылъ законъ развитія человѣческаго общества: до сихъ поръ скрываемый подъ идеологическими прикрашиваніями простой фактъ, что люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду, раньше, чѣмъ заниматься политикой, наукой, искусствомъ, религіей, что, слѣдовательно, производство непосредственныхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни, а значитъ, и данная ступень экономическаго развитія народа образуетъ основаніе, изъ котораго развились государственныя учрежденія, правовыя воззрѣнія, искусство и даже религіозныя представленія» (F. Mehring. «Lessing-Legende». S. 434).

Въ предисловіи къ своей книгѣ «Der Ursprung der Familie» Энгельсъ приводитъ критическія замѣчанія Маркса, въ которыхъ утверждается, что матеріалистическое пониманіе исторіи признаетъ господствующимъ моментомъ исторіи «производство средствъ къ жизни, пищи, одежды, жилыхъ помѣщеній и потребныхъ для этого орудій

---

*) См. «Міръ Божій», № 7, іюль, 1902 г.

труда». Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ Энгельса, опубликованныхъ послѣ его смерти, находимъ слѣдующее опредѣленіе «экономическихъ отношеній»: «подъ экономическими отношеніями, которыя мы признаемъ основой исторіи общества, мы понимаемъ родъ и способъ, которымъ люди даннаго общества производятъ свои средства къ жизни и обмѣниваютъ ихъ между собой» (Woltmann, S. 248).

Все это вмѣстѣ дѣлаетъ яснымъ, что Энгельсъ (какъ и Марксъ) отожествляетъ хозяйство съ производствомъ и обмѣномъ лишь части продуктовъ труда, а именно продуктовъ, служащихъ для поддержанія нашей жизни, для удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ, связанныхъ съ самымъ нашимъ существованіемъ, физіологическихъ потребностей, какъ, напр., потребности въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ, жилыхъ помѣщеніяхъ. Мы уже указывали на полную несостоятельность такого пониманія хозяйства.

Творцы соціальнаго матеріализма, понимая хозяйство слишкомъ узко, лишили этимъ самымъ свою доктрину прочной основы. Совершенно неправильно дѣлить общественныя потребности на двѣ группы, изъ которыхъ одна группа (потребности въ «средствахъ къ жизни») требуетъ для своего удовлетворенія хозяйственной дѣятельности, а другая группа (такъ называемыя «высшія», духовныя потребности—эстетическія, религіозныя, научныя и пр.) можетъ быть удовлетворяема безъ посредства хозяйства. Нѣтъ, *не существуетъ общественной потребности, отъ самой низшей до самой высшей, въ удовлетвореніи которой хозяйство не играло бы никакой роли.*

Возьмемъ любую изъ такъ называемыхъ высшихъ потребностей—напр., потребность религіозную, научную или эстетическую. Ради удовлетворенія религіозной потребности люди строятъ храмы, являющіеся до настоящаго времени самыми совершенными образчиками архитектурнаго искусства; разнаго рода священные предметы и изображенія точно также суть результаты хозяйственной дѣятельности человѣка, содѣйствующіе удовлетворенію нашей религіозной потребности. Наука еще болѣе опирается на хозяйство. Безъ матеріальнаго базиса, непрерывно создаваемаго для науки хозяйствомъ, безъ книгъ, инструментовъ, всевозможныхъ техническихъ приспособленій, которыхъ требуетъ изученіе природы, научное познаніе не только не могло бы развиваться, но не могло бы и возникнуть. Мыслима ли современная астрономія безъ телескопа, химія безъ вѣсовъ, біологія безъ микроскопа, всѣ науки вообще безъ книгъ? А вѣдь телескопъ, вѣсы, книги—суть продукты хозяйственной дѣятельности человѣка. Успѣхи промышленной техники непосредственно вліяютъ на успѣхи науки. Достаточно указать на колоссальный переворотъ не только въ распространеніи, но и въ развитіи научнаго знанія, который былъ произведенъ промышленнымъ техническимъ изобрѣтеніемъ—книгопечатанія.

Это изобрѣтеніе не даромъ ставятъ на ряду съ величайшими со-

бытіями міровой исторіи. На чемъ же основывается его значеніе? На томъ, что оно чрезвычайно удешевило главное матеріальное орудіе распространенія научнаго и всякаго иного познанія—книгу. Книгопечатаніе увеличило производительность хозяйственнаго труда въ той отрасли промышленности, которая создаетъ важнѣйшую матеріальную основу успѣховъ знанія — книгу — и слѣдствія этого измѣненія матеріальной, хозяйственной основы познанія были неисчислимы. Научное познаніе точно такъ же требуетъ орудій труда, какъ и любая отрасль производства. И если согласиться съ Марксомъ, что по орудіямъ производства каждой исторической эпохи можно съ полною увѣренностью судить о характерѣ хозяйства этой эпохи, то почти то же нужно сказать и о наукѣ. Изъ свойствъ научныхъ инструментовъ можно смѣло заключить о состояніи научнаго познанія въ ту или иную историческую эпоху. И такъ какъ, повторяемъ, созданіе научныхъ инструментовъ, какъ и всѣхъ другихъ орудій труда, есть нераздѣльная часть хозяйства, то, слѣдовательно, хозяйство является реальнымъ базисомъ, въ числѣ прочаго, также и науки.

И въ области искусства нельзя не видѣть связи съ хозяйствомъ. Въ архитектурѣ она всего очевиднѣе. Но даже такое воздушное, такое далекое отъ матеріальныхъ потребностей жизни искусство, какъ музыка, не лишено связи съ прозаическимъ хозяйствомъ. Рояль или органъ есть очень сложная машина, устройство которой требуетъ высокаго уровня промышленной техники. Наслажденіе, доставляемое намъ симфоніей Бетховена или оперой Вагнера, конечно, ничего экономическаго въ себѣ не заключаетъ. Но для возможности этого наслажденія требуется матеріальная основа, создаваемая хозяйствомъ: производство музыкальныхъ инструментовъ и постройка театра есть такая же хозяйственная дѣятельность, какъ и всякая другая.

Было бы безполезно увеличивать примѣры зависимости различныхъ сферъ соціальной жизни отъ матеріальной основы, непрерывно воссоздаваемой хозяйственнымъ трудомъ. Полотно служитъ не только для одежды, но и для картинъ; мѣдь нужна не только для кастрюль, но и для телескоповъ; глыба мрамора можетъ пойти на постройку обыкновеннаго дома, но изъ мрамора же высѣченъ и Моисей Микель Анжело. Какъ ни возвышенна наука, и какъ ни прекрасно искусство, но безъ предварительной хозяйственной дѣятельности были бы невозможны ни наука, ни искусство.

И это вѣрно относительно всякой области соціальной жизни, какова бы она ни была. Возьмемъ, напр., войну. Война не есть хозяйство, во всякомъ случаѣ, не всегда есть хозяйство. Но чтобы вести войну, нужно раньше заняться хозяйствомъ — для войны нужны, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и въ-третьихъ деньги. Цѣлые промышленные округа живутъ исключительно приготовленіемъ оружія и военнаго матеріала. Каждый выстрѣлъ изъ пушки крупнаго

калибра равняется по своей цѣнности годовому доходу достаточной крестьянской семьи. Во главѣ промышленныхъ капиталистовъ современной Германіи стоитъ пушечный король—великій Круппъ, подъ высокимъ руководительствомъ котораго десятки тысячъ рабочихъ льютъ пушки для всего міра. Если подсчитать безчисленные милліоны, которые европейскія націи тратятъ на войну или на подготовленіе къ войнѣ, то удивишься близорукости экономистовъ, для которыхъ хозяйственная дѣятельность исчерпывается «производствомъ и обмѣномъ средствъ къ жизни». Изготовленіе средствъ къ смерти, къ умерщвленію людей, есть одна изъ важныхъ отраслей промышленности нашего времени, и всеобщій миръ, о которомъ мечтаютъ разные наивные люди, былъ бы тяжелымъ ударомъ для благосостоянія сотенъ тысячъ рабочихъ, занятыхъ производствомъ смертоносныхъ орудій войны.

Отсюда ясно, какъ глубоко неправы Марксъ и Энгельсъ, ограничивая задачи хозяйства узкимъ кругомъ потребностей въ средствахъ къ жизни. Нѣтъ, понятіе хозяйства гораздо шире — оно служитъ далеко не однимъ потребностямъ низшаго порядка. Приматъ хозяйства основывается не только на томъ, что «раньше, чѣмъ философствовать, нужно жить», но и на томъ, что самое философствованіе требуетъ матеріальнаго базиса, создаваемаго хозяйствомъ. Если мы возьмемъ разнообразныя сферы соціальнаго труда, то увидимъ, что во всѣхъ нихъ первымъ шагомъ соотвѣтствующей дѣятельности является приспособленіе матеріальныхъ условій къ даннымъ особыхъ задачамъ—иначе говоря, хозяйство.

На этомъ основывается центральное положеніе хозяйства въ соціальной жизни.

Во всѣ стороны отъ хозяйственнаго центра идутъ по радіусамъ линіи приложенія всевозможныхъ видовъ соціальнаго труда. Конечно, было бы грубымъ заблужденіемъ отожествлять всю соціальную жизнь съ хозяйствомъ: радіусы совпадаютъ съ центромъ только въ своемъ отправномъ пунктѣ, а затѣмъ могутъ чрезвычайно далеко удаляться отъ него. Но отправнымъ пунктомъ всѣхъ ихъ все же остается общій центръ.

Отсюда вытекаетъ чрезвычайно важная особенность хозяйственнаго момента въ ряду другихъ соціальныхъ моментовъ. Какъ центръ есть общая связь всѣхъ радіусовъ, соприкасающихся другъ съ другомъ только черезъ центръ, такъ и хозяйство связывается со всѣми видами соціальнаго труда, соприкасающимися другъ съ другомъ чрезъ посредство хозяйства. Все, что происходитъ въ центрѣ, должно отражаться и въ радіусахъ; но то, что происходитъ въ одномъ радіусѣ, можетъ не оказывать никакого вліянія на другіе радіусы, если общій центръ не испыталъ перемѣны. Всякая значительная перемѣна соціальнаго хозяйства неминуемо должна вызвать перемѣны по всѣмъ линіямъ приложенія соціальнаго труда; но перемѣна того или иного неэконо-

мическаго соціальнаго момента, если соціальное хозяйство осталось незатронутымъ ею, можетъ совершенно не отражаться на другихъ соціальныхъ моментахъ. Такъ, напр., предположимъ, что производительность хозяйственнаго труда, по тѣмъ или инымъ причинамъ, испытала общее паденіе. Можно ли сомнѣваться, что это паденіе должно повести къ общему соціальному регрессу? Даже частичный хозяйственный регрессъ можетъ вызывать регрессъ въ тѣхъ областяхъ соціальной жизни, которыя далеко возвышаются надъ хозяйствомъ. Пусть, напр., писчая бумага значительно вздорожала, благодаря чему значительно вздорожала и книга. Не трудно понять, какой тяжелый ударъ это должно нанести успѣхамъ знанія

Наоборотъ, удешевленіе книги есть одинъ изъ могущественныхъ факторовъ народнаго просвѣщенія, а слѣдовательно, и измѣненія народныхъ нравовъ, вѣрованій, народнаго характера, міросозерцанія и пр., и пр. Такимъ образомъ, чисто хозяйственныя перемѣны влекутъ за собой перемѣны въ такихъ сферахъ народной жизни, которыя сами по себѣ глубоко различны отъ хозяйства.

Хозяйство, какъ мы сказали, находится въ непосредственной связи со всѣми родами соціальнаго труда. Напротивъ, относительно нехозяйственныхъ родовъ труда отнюдь нельзя утверждать того же самаго, т.-е. чтобы каждый изъ нихъ былъ въ непосредственной связи со всѣми остальными. Даже близкіе по своему общему характеру роды дѣятельности могутъ мало зависѣть другъ отъ друга; возьмемъ, напр., изящныя искусства—ихъ общая близость между собой не подлежитъ сомнѣнію—однако трудно указать связь между музыкой и архитектурой. Съ хозяйствомъ же и музыка и архитектура находятся въ непосредственной связи, такъ какъ хозяйственный трудъ даетъ музыкѣ музыкальные инструменты, а архитектурѣ—строительный матеріалъ.

Эти соображенія даютъ, повидимому, сильную поддержку соціальному матеріализму. Хозяйственный моментъ кажется, дѣйствительно, господствующимъ моментомъ въ соціальной жизни. Но такое заключеніе было бы преждевременнымъ. Правда, первымъ шагомъ всякаго соціальнаго труда является хозяйство. Однако, первый шагъ не значитъ послѣдній, за первымъ шагомъ слѣдуютъ другіе, которые могутъ увести насъ чрезвычайно далеко отъ хозяйства. Созданіе матеріальнаго базиса есть первая, необходимая ступень искусства или науки, но искусство или наука есть нѣчто несравненно высшее и бо́льшее, чѣмъ хозяйство. Литература требуетъ орудій труда, создаваемыхъ хозяйствомъ: нельзя писать безъ бумаги, перьевъ и чернилъ. Однако, достоинство литературнаго произведенія нисколько не зависитъ отъ качества бумаги. Художественное творчество вовсе не есть хозяйственная дѣятельность, а между тѣмъ, все значеніе произведеній искусства опредѣляется именно ихъ художественными достоинствами, отнюдь не свойствами матеріальныхъ продуктовъ хозяйства, которые необходимы для

*

созданія произведенія искусства. Для картины нужны полотно, кисть и краски, но цѣнность картины можетъ въ тысячи разъ превосходить стоимость хозяйственныхъ матеріаловъ, затраченныхъ при писаніи картины. Отсюда ясно, что хотя хозяйственный трудъ есть необходимое условіе созданія произведеній искусства, все же эти произведенія лишь въ ничтожной мѣрѣ суть продукты хозяйственнаго труда. Нехозяйственный, творческій трудъ играетъ несравненно большую роль въ созданіи предметовъ искусства. То же нужно сказать и о наукѣ. Научныя открытія были бы невозможны безъ научныхъ инструментовъ; однако, не труду шлифовальщика стеколъ для телескопа Гершеля обязаны мы великимъ открытіемъ планеты Урана, а наблюдательности самого Гершеля.

Отсюда видно, что роль хозяйственнаго труда въ удовлетвореніи соціальныхъ потребностей разнаго рода весьма различна. На почвѣ физіологическихъ потребностей поддержанія жизни возникаютъ соціальныя потребности въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ; хозяйственный трудъ создаетъ матеріальныя средства для удовлетворенія этихъ потребностей и затѣмъ слѣдуетъ пользованіе этими средствами, потребленіе ихъ, безъ всякаго дальнѣйшаго приложенія общественнаго труда. Вся дѣятельность общества по отношенію къ удовлетворенію этихъ потребностей исчерпывается хозяйственнымъ трудомъ. Напротивъ, при удовлетвореніи духовныхъ потребностей человѣка, включая сюда многообразныя потребности, вытекающія изъ общежитія людей, хозяйственный трудъ составляетъ лишь наименѣе важную часть всего соціальнаго труда, который общество должно затратить для удовлетворенія соотвѣтствующей потребности. Трудъ художника въ созданіи картины или трудъ ученаго въ научномъ открытіи неизмѣримо значительнѣе и важнѣе, по своимъ результатамъ, подготовительнаго хозяйственнаго труда, безъ котораго ни картина, ни научное открытіе не могли бы возникнуть. Поэтому, ничего не могло бы быть нелѣпѣе попытки объяснить, напр., исторію живописи усовершенствованіемъ техническихъ пріемовъ приготовленія красокъ или измѣненіемъ матеріала, на которомъ пишутся картины. Точно также, развитіе науки въ гораздо большей степени есть причина, чѣмъ результатъ измѣненія научныхъ инструментовъ.

Признавая значеніе матеріальнаго базиса, на которомъ воздвигается чудное зданіе науки и искусства, мы должны избѣгать ошибки — отождествлять съ его грубымъ фундаментомъ это волшебное и невещественное зданіе, — прекраснѣйшій продуктъ человѣческаго генія, то для чего живутъ и умираютъ люди. Удивительная гармонія этого зданія, его красота и величественный видъ не составляютъ собой продукта матеріальнаго основанія. Отношеніе хозяйства къ другимъ моментамъ соціальной жизни нельзя разсматривать какъ простое отношеніе причины къ слѣдствію. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ несом-

нѣнное взаимодѣйствіе, въ которомъ причина становится слѣдствіемъ, а слѣдствіе причиной. Въ частности же, наука и искусство, находясь одной своей стороной въ тѣснѣйшей связи съ хозяйствомъ, заключаетъ въ себѣ элементы, ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣющіе.

Мы можемъ представить себѣ разнообразныя общественныя потребности, изъ удовлетворенія которыхъ слагается соціальная жизнь, въ видѣ длинной лѣстницы, на низшихъ ступеняхъ которой помѣщаются физіологическія потребности въ средствахъ жизни, удовлетворяемыя всецѣло хозяйственнымъ трудомъ, а на высшихъ ступеняхъ находятъ мѣсто духовныя потребности, требующія для своего удовлетворенія, кромѣ хозяйственнаго, другихъ родовъ труда,—причемъ чѣмъ потребность выше, тѣмъ болѣе подчиненную роль играетъ хозяйство. Эти высшіе роды труда имѣютъ свое самостоятельное значеніе, ихъ нельзя разсматривать, какъ порожденіе или даже простой рефлексъ, отраженіе хозяйственнаго труда. Роль хозяйства падаетъ по мѣрѣ восхожденія отъ низшихъ, матеріальныхъ, къ высшимъ, духовнымъ, потребностямъ. А такъ какъ соціальный прогрессъ выражается именно въ ростѣ духовныхъ потребностей человѣка, то слѣдуетъ, повидимому, заключить, что и значеніе хозяйственнаго момента въ соціальной жизни по мѣрѣ общественнаго прогресса должно падать Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, расходящемуся въ самомъ своемъ корнѣ съ основной идеей матеріалистическаго пониманія исторіи.

Но всякіе окончательные выводы объ этой теоріи были бы пока преждевременны. Въ ея пользу можно еще сказать очень и очень многое. Мы указывали, что непосредственное поддержаніе жизни падаетъ всецѣло на долю хозяйственнаго труда. Но поддержаніе жизни есть, безспорно, наиболѣе безотлагательная потребность человѣка. Если эта потребность сталкивается съ какой-либо иной, то побѣждать должна, какъ общее правило, наиболѣе настоятельная потребность въ средствахъ къ жизни,—экономическая потребность по преимуществу. «Когда промышленность, постепенно совершенствуясь, находитъ новое средство для удовлетворенія одного изъ нашихъ экономическихъ желаній, то можетъ случиться, что это нововведеніе окажется противорѣчащимъ какому-нибудь неэкономическому установленію. Въ такомъ случаѣ, въ виду предшествія экономической потребности (потребности въ средствахъ къ жизни. *М. Т.-Б.*), если не всегда, то почти всегда произойдетъ слѣдующее: человѣкъ не откажется отъ экономическаго изобрѣтенія, но видоизмѣнитъ неэкономическое установленіе, т.-е. примиреніе совершится на счетъ послѣдняго... И наоборотъ, предположимъ, что въ какомъ-нибудь неэкономическомъ установленіи появляется новая форма и что эта форма несовмѣстима съ экономическими нравами эпохи; это новшество будетъ принято лишь съ такими ограниченіями, при которыхъ его можно будетъ согласовать съ экономическими установленіями»(Лакомбъ. «Соціологическія основы исторіи». Спб. 1895 г. Стр. 55).

Между тѣмъ, конфликтъ между потребностью въ средствахъ къ жизни и прочими потребностями человѣка заложенъ въ самомъ существѣ современнаго соціальнаго строя: для огромнаго большинства современнаго человѣчества жизнь есть лишь тяжелая и упорная, поглощающая всѣ силы человѣка, борьба за существованіе, причемъ не только высшія, духовныя и культурныя потребности, но и болѣе настоятельныя физіологическія потребности удовлетворяются крайне скудно. При такомъ положеніи вещей забота о средствахъ къ жизни должна преобладать надъ всѣми остальными. «Раньше, чѣмъ бороться изъ-за власти, заниматься политикой, религій, философіей, люди должны ѣсть, пить, имѣть помѣщеніе и одежду» (Энгельсъ).

Современное общество слагается изъ классовъ — общественныхъ группъ, глубоко различающихся по своимъ экономическимъ интересамъ и по своему экономическому благосостоянію. Вершину общественной пирамиды занимаютъ богатые классы (крупные землевладѣльцы и капиталисты), а внизу помѣщаются круглые бѣдняки, не только не имѣющіе никакого имущества, но даже и не находящіе себѣ заработка. При восхожденіи по соціальной лѣстницѣ, мы встрѣтимъ всѣ степени бѣдности и богатства, начиная отъ хроническаго голоданія нищаго до безумно роскошной жизни какого-нибудь милліонера. Если экономическая обстановка и экономическое благосостояніе играютъ рѣшающую роль въ жизни человѣка, то эти экономическія различія должны сопровождаться соотвѣтствующими различіями образованія, мнѣній, нравовъ, вѣрованій, вообще всего соціальнаго облика даннаго класса. И дѣйствительно, приблизительно такую картину представляетъ собой современное общество. Принадлежность къ тому или иному экономическому классу оказываетъ глубочайшее вліяніе на всѣ стороны жизни человѣка. Бѣдные классы являются вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми некультурными и невѣжественными; крайняя степень бѣдности сопровождается крайне низкимъ уровнемъ культуры, доходящимъ иногда до полнѣйшаго одичанія. Одно время въ Западной Европѣ было въ модѣ пугать общественное мнѣніе предстоящимъ разрушеніемъ европейской культуры благодаря нашествію варваровъ, обитающихъ не въ какихъ-либо дикихъ странахъ, а въ самыхъ нѣдрахъ современнаго общества. И дѣйствительно, такіе дикари и варвары, несомнѣнно, имѣются во всякой цивилизованной странѣ. По извѣстнымъ разсчетамъ Чарльза Бутса, около 8% лондонскаго населенія лишено опредѣленныхъ заработковъ и живетъ нищенствомъ, случайной работой и преступленіемъ. По грубости нравовъ и совершенному одичанію люди эти окончательно неспособны къ культурному существованію: они неисправимы и правильность цивилизованной жизни кажется имъ нестерпимой скукой.

По своимъ привычкамъ, нравамъ, образу жизни они представляютъ собой такой глубокій контрастъ съ условіями жизни достаточныхъ классовъ, какой только можно себѣ представить.

Все то, что мы называемъ цивилизаціей, есть преимущественно достояніе имущихъ классовъ. И если мы спросимъ, отчего бѣдные классы невѣжественны, то не затруднимся отвѣтомъ. Конечно, бѣдные не потому бѣдны, что они невѣжественны, а потому невѣжественны, что они бѣдны. Образованіе не причина богатства богатыхъ классовъ, а слѣдствіе его. Лондонскій «хулиганъ» кажется фигурой другого міра рядомъ съ изящнымъ джентльменомъ великосвѣтскаго салона. Однако, если бы этотъ джентльменъ родился въ вонючей и тѣсной улицѣ бѣднаго лондонскаго квартала и выросъ въ обществѣ бродягъ, нищихъ и преступниковъ, среди хроническаго недоѣданія и пьянства, то и онъ превратился бы въ такого же грубаго дикаря, оскорбляющаго наше нравственное и эстетическое чувство, какъ и непріятный представитель послѣднихъ 8 процентовъ лондонскаго населенія. Извѣстная степень экономическаго благосостоянія есть необходимое условіе культуры. Человѣкъ, живущій впроголодь, не можетъ интересоваться наукой и искусствомъ. Точно также человѣкъ, принужденный физически работать болѣе 12-ти часовъ въ сутки, не можетъ тратить остающееся время на благородныя развлеченія, укрѣпляющія умъ и возвышающія душу. Онъ *долженъ* быть грубымъ, невѣжественнымъ, долженъ пьянствовать, бить свою жену, предпочитать кабакъ театру или библіотекѣ. Если бы игра судьбы одарила его удивительнымъ художественнымъ талантомъ, талантъ этотъ имѣлъ бы всѣ шансы заглохнуть за отсутствіемъ упражненія. Чрезмѣрно продолжительный рабочій день есть желѣзная стѣна, отрѣзывающая рабочаго отъ цивилизаціи.

Отсюда ясна великая сила экономической обстановки въ жизни человѣка. Если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что повышеніе производительности хозяйственнаго труда есть необходимое условіе соціальнаго прогресса. Пока хозяйственный трудъ едва обезпечивалъ самое существованіе человѣка, до тѣхъ поръ было невозможно возникновеніе въ обществѣ классовъ, незанятыхъ хозяйственнымъ трудомъ, а слѣдовательно было невозможно и возникновеніе науки и искусства. Всякій новый шагъ впередъ экономической техники освобождаетъ новую долю общественнаго труда отъ непосредственнаго поддержанія жизни человѣка и даетъ возможность употребить этотъ трудъ на достиженіе нехозяйственныхъ цѣлей. Поэтому, ростъ экономическаго богатства сопровождается ростомъ какъ матеріальной, такъ и духовной культуры. Богатство равносильно освобожденію человѣка отъ унизительной и притупляющей душу борьбы за существованіе.

Послѣдовательныя ступени поднятія производительности хозяйственнаго труда суть вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательныя ступени цивилизаціи. Хозяйственное развитіе вызываетъ смѣну рабства крѣпостнымъ хозяйствомъ и смѣну крѣпостного хозяйства капитализмомъ. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и классовое сложеніе общества, измѣняются политическія учрежденія, вѣрованія, нравы, религіозныя воззрѣнія, фило-

софія, наука, искусство. Такимъ образомъ, благодаря наибольшей настоятельности потребности въ средствахъ къ жизни, хозяйственный моментъ выступаетъ на первый планъ соціальной жизни и соціальнаго развитія.

Въ общественномъ сознаніи господство хозяйственнаго момента выражается господствомъ экономическихъ интересовъ, какъ руководящихъ мотивовъ классовой борьбы, особенно обостряющейся при капиталистическомъ способѣ производства. Капитализмъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя условія, чрезвычайно усиливающіе значеніе хозяйственнаго момента въ жизни человѣка. На первыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія экономическое благосостояніе массы населенія рѣзко падаетъ; затѣмъ благосостояніе рабочаго класса хотя и повышается, но борьба за все же скудный заработокъ продолжаетъ поглощать умственныя и физическія силы рабочаго. Положеніе рабочаго пролетарія остается крайне необезпеченнымъ и подверженнымъ постоянной опасности. Малѣйшее ослабленіе работоспособности ведетъ къ паденію рабочаго на самый низъ общества, переводитъ его въ разрядъ пауперовъ и нищихъ. Правда, при докапиталистическомъ устройствѣ общества эксплуатація трудящихся массъ имущими классами выражалась въ болѣе грубыхъ и унизительныхъ для человѣческаго достоинства формахъ, рабочій былъ болѣе придавленъ своимъ господиномъ. Но съ тѣхъ поръ какъ рабочій получилъ свободу, на него пало и тяжелое бремя пріисканія заработка. Страхъ очутиться на мостовой сталъ неизмѣннымъ спутникомъ существованія рабочаго, не увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ и всегда рискующаго потерять мѣсто, завоеванное съ такимъ трудомъ и усиліемъ.

Въ то же время и среди имущихъ классовъ экономическая борьба обострилась до послѣдней степени. Свободная конкуренція сдѣлала эту борьбу условіемъ существованія капиталистическаго предпринимателя. Періодическіе кризисы, когда сотни и тысячи предпріятій лопаются, и вчерашніе милліонеры попадаютъ на скамью подсудимыхъ, только выставляютъ въ наиболѣе наглядномъ видѣ ту неустойчивость, которая характеризуетъ положеніе капиталистическаго предпріятія и въ нормальное время. Сохранить позицію можно лишь при упорной борьбѣ съ конкурентами, при напряженномъ вниманіи къ условіямъ рынка, при тщательномъ использованіи всѣхъ выгодныхъ обстоятельствъ. Незначительная оплошность—и предпріятіе на краю гибели. Все капиталистическое общество, снизу до верху, находится въ колеблющемся, тревожномъ, неустойчивомъ состояніи; оно живетъ подъ крайне высокимъ давленіемъ, въ немъ идетъ непрерывная толкотня и давка, одни, счастливцы, подымаются вверхъ, другіе падаютъ, раздавленные и уничтоженные этой борьбой.

Жажда золота, богатства принимаетъ въ капиталистическомъ обществѣ такіе размѣры, какъ ни въ какомъ другомъ. Пока богатство

выражалось въ предметахъ потребленія, до тѣхъ поръ жажда богатства встрѣчала свои естественныя границы въ ограниченности человѣческой способности къ потребленію. Капитализмъ совершенно разрушилъ эти границы. Богатство получило свое совершенное выраженіе въ капиталѣ, какъ бы одаренномъ способностью къ неограниченному самовозрастанію. А такъ какъ накопленіе капитала есть, въ то же время, условіе самосохраненія капиталистическаго предпринимателя, то всеобщая погоня за обманчивымъ миражемъ богатства стала закономъ жизнедѣятельнаго всего капиталистическаго организма.

При такихъ условіяхъ, не удивительно, что экономическіе интересы именно въ наше время съ особенной яркостью выступили на первый планъ общественной жизни. Никогда политическая борьба не имѣла такого обнаженно экономическаго характера, какъ нынѣ; никогда борьба классовъ не была такъ интенсивна и ожесточенна, какъ при господствѣ капиталистическаго способа производства. «Въ то время, какъ во всѣ предшествовавшіе періоды изслѣдованіе движущихъ силъ исторіи было почти невозможно, вслѣдствіе запутанной и скрытой связи ихъ взаимодѣйствія, переживаемой нами періодъ до такой степени упростилъ эту связь, что загадка могла быть разрѣшена. Со времени распространенія крупной промышленности, т.-е., по крайней мѣрѣ, со времени европейскаго мира 1815 г., въ Англіи не могло быть ни для кого тайной, что вся англійская политическая жизнь вертится вокругъ борьбы за господство двухъ классовъ—землевладѣльческой аристократіи и буржуазіи. Во Франціи тотъ же фактъ обнаружился со времени возвращенія Бурбоновъ; историки эпохи реставраціи, отъ Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно говорятъ объ этой борьбѣ, какъ о ключѣ къ пониманію французской исторіи со времени среднихъ вѣковъ. И съ 1830 г. признается третьимъ участникомъ этой борьбы въ обоихъ странахъ рабочій классъ, пролетаріатъ. Отношенія такъ упростились, что нужно было умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть въ борьбѣ этихъ трехъ великихъ классовъ и въ противоположности ихъ интересовъ движущую силу современной исторіи, по крайней мѣрѣ въ обоихъ названныхъ наиболѣе передовыхъ странахъ» (F. Engels «L. Feuerbach» 46—47).

Такимъ образомъ, капиталистическая организація хозяйства заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, благопріятствующія обостренію экономической борьбы и усиленію значенія экономическихъ интересовъ въ общественной жизни. Но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что поднятіе производительности общественнаго труда имѣетъ само по себѣ тенденцію не усиливать, а ослаблять значеніе въ жизни человѣка чисто экономическихъ мотивовъ. Чѣмъ полнѣе удовлетворяются потребности въ средствахъ къ жизни, тѣмъ менѣе роковой характеръ получаетъ конфликтъ экономическихъ и неэкономическихъ интересовъ. Поэтому, чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ, при

прочихъ равныхъ условіяхъ, меньшую роль въ жизни человѣка должна играть забота о поддержаніи своей жизни; на извѣстной ступени хозяйственнаго развитія, чисто экономическія потребности должны отступить на задній планъ передъ потребностями духовнаго порядка, менѣе настоятельными, но глубже захватывающими нашу душу. Пока человѣкъ голоденъ, до тѣхъ поръ его единственной мыслью и желаніемъ является утоленіе голода; интересы сытаго человѣка могутъ быть направлены на предметы, не имѣющіе ничего общаго съ желудкомъ.

Капиталистическая организація хозяйства подымаетъ производительность труда, а это должно, согласно сказанному, вести къ освобожденію человѣка изъ-подъ власти чисто хозяйственныхъ мотивовъ. Но въ то же время капитализмъ обостряетъ экономическую борьбу и этимъ самымъ усиливаетъ значеніе въ частной и общественной жизни хозяйственнаго момента.

Изъ этихъ двухъ противоположныхъ тенденцій капитализма послѣдняя, несомнѣнно, пока беретъ верхъ, благодаря чему наше время характеризуется, сравнительно съ предшествовавшими историческими эпохами, не ослабленіемъ, а усиленіемъ соціальной роли хозяйства. Тѣмъ не менѣе отмѣченная нами тенденція къ паденію господствующей роли хозяйственнаго момента по мѣрѣ роста производительности труда оказываетъ и теперь свое дѣйствіе, хотя и пересиливаемое дѣйствіемъ противоположной тенденціи; лишь специфическія особенности капитализма, какъ исторически преходящей формы хозяйства, временно выдвигаютъ на первый планъ общественной жизни борьбу за экономическіе классовые интересы. Но вѣдь капитализмъ не вѣченъ. Кромѣ того, и въ нѣдрахъ самого капиталистическаго строя происходитъ многозначительная эволюція, направленная въ сторону смягченія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наиболѣе острыхъ классовыхъ противоположностей. Замѣчаемый повсюду въ предѣлахъ капиталистическаго общества ростъ соціальной силы рабочаго класса ведетъ къ экономическому, моральному и интеллектуальному подъему рабочаго. Рабочій классъ завоевываетъ все бóльшее участіе въ благахъ цивилизаціи, которая составляетъ гордость нашего времени. Сокращеніе рабочаго дня даетъ время рабочему пополнять свое образованіе, а возрастающая доступность книги и иныхъ орудій самообразованія облегчаетъ пріобщеніе рабочаго къ высшимъ благамъ культуры. Повышеніе заработной платы и вообще поднятіе благосостоянія рабочаго класса могущественно дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Все это показываетъ, что основная тенденція соціальнаго прогресса—къ освобожденію человѣчества изъ-подъ власти чисто хозяйственнаго момента—не исчезаетъ и при капиталистической организаціи хозяйства, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что именно капитализмъ чрезвычайно обострилъ экономическую борьбу и усилилъ, благодаря этому, соціальное значеніе хозяйства.

Итакъ, намъ выяснились пока два аргумента въ пользу соціальнаго матеріализма: 1) необходимость хозяйственнаго труда для созданія матеріальной основы всякой иной дѣятельности и 2) наибольшая настоятельность, среди всѣхъ другихъ общественныхъ потребностей, потребности въ средствахъ къ жизни, удовлетворяемой всецѣло хозяйственнымъ трудомъ. Но это не все. Въ пользу матеріалистическаго пониманія исторіи можно привести еще одно, не менѣе существенное соображеніе.

Мы указывали выше, что соціальный матеріализмъ признаетъ господствующимъ моментомъ соціальной жизни не просто хозяйство, но матеріальныя условія хозяйства. И это чрезвычайно важно. Въ одномъ поучительномъ мѣстѣ «Капитала» Марксъ даетъ слѣдующее обоснованіе матеріалистическому пониманію исторіи.

«Трудъ (хозяйственный. *М. Т.-Б.*) есть, прежде всего, процессъ, происходящій между человѣкомъ и природой, процессъ, въ которомъ человѣкъ посредствомъ своей дѣятельности содѣйствуетъ обмѣну веществъ между собой и природой, регулируетъ и контролируетъ его. По отношенію къ данной природой матеріи, онъ самъ выступаетъ, какъ сила природы. Онъ приводитъ въ движеніе присущія его организму естественныя силы, руки, ноги, голову, для того, чтобы присвоить себѣ матерію въ пригодной для него формѣ. Дѣйствуя въ этомъ процессѣ на внѣшнюю природу, измѣняя ее, онъ въ то же время измѣняетъ и свою собственную природу («Капиталъ», т. I, стр. 126).

Итакъ, хозяйственный трудъ есть процессъ, происходящій между человѣкомъ и внѣшней природой; измѣняя внѣшнюю природу человѣкъ измѣняетъ себя самъ. Въ этихъ немногихъ словахъ отмѣчена чрезвычайно важная особенность хозяйства, отличающая его отъ другихъ родовъ соціальной дѣятельности человѣка. А именно, хозяйственный процессъ предполагаетъ двоихъ участниковъ, два полюса: человѣка и внѣшнюю природу. Соціальное хозяйство обнимаетъ собой не только отношенія между людьми, но и отношеніе ихъ къ внѣшней, матеріальной природѣ. Нравы, общественныя учрежденія, политика, вся область права и этики—всѣ эти соціальные моменты выражаютъ собой только взаимныя отношенія между людьми. Они не выходятъ за предѣлы соціальной среды и не имѣютъ никакого смысла по отношенію къ внѣшней природѣ. Напротивъ, соціальное хозяйство, оставаясь соціальной категоріей, имѣетъ въ то же время другую, несоціальную сторону: оно есть одновременно физико-механическій процессъ, въ которомъ принимаетъ участіе, на ряду съ человѣкомъ, матеріальная внѣшняя природа. Именно по этой причинѣ хозяйство можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ—съ соціальной, поскольку оно опредѣляетъ и предполагаетъ отношенія между людьми, и съ технической—поскольку оно есть физико-механическій, матеріальный процессъ, допускающій такое же естественно-

научное, механическое изученіе и объясненіе, какъ и другіе матеріальные процессы природы. Соотвѣтственно этому существуютъ двѣ особыя группы наукъ о хозяйственной дѣятельности человѣка—политико-экономическія науки (теоретическая политическая экономія, экономическая политика, исторія хозяйства, финансовое право и пр.—соціальная группа наукъ) и техническія науки (агрономія, техническая химія, строительное искусство, промышленная технологія и пр., и пр.—прикладная часть естествознанія).

Эта особенность хозяйства создаетъ ему совершенно особое положеніе въ ряду другихъ соціальныхъ моментовъ. Хозяйство есть та связь, которая соединяетъ въ одно цѣлое внѣшнюю матеріальную среду съ внутренней, соціальной средой. Одной своей стороной, своимъ матеріальнымъ полюсомъ, хозяйство выходитъ за предѣлы соціальнаго взаимодѣйствія. Мы уже указывали, что всѣ соціальные моменты взаимно обусловливаютъ и предполагаютъ другъ друга; то же слѣдуетъ сказать и про хозяйство, поскольку оно есть соціальный моментъ. Но хозяйство есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ соціальное явленіе; оно имѣетъ матеріальную сторону, которая стоитъ внѣ сферы соціальнаго взаимодѣйствія. И именно эта матеріальная сторона хозяйства представляетъ собой ту экономическую необходимость, подчиняющую себѣ соціальное взаимодѣйствіе, о которой говорилъ Энгельсъ.

Пояснимъ это примѣромъ. Въ процессѣ историческаго развитія общества измѣняются нравы, политическія и общественныя учрежденія, религіозныя убѣжденія, научныя и философскія мнѣнія, литература, искусство и пр., и пр. Всѣ чисто соціальныя категоріи въ высшей степени пластичны и измѣнчивы. Одинъ и тотъ же народъ можетъ переживать самыя различныя соціальныя состоянія въ различныя эпохи своего историческаго существованія. Мы не знаемъ такихъ соціальныхъ институтовъ, которые были бы исключительной особенностью однихъ народовъ и совершенно недоступны другимъ. Тотъ или другой народъ можетъ быть въ данный моментъ совершенно невѣжественъ и обладать деспотическимъ правительствомъ, однако, мы не заключимъ отсюда, что усвоеніе знанія недоступно этому народу и что онъ навсегда осужденъ быть въ состояніи политическаго рабства; въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи народъ можетъ усвоить знаніе, равно какъ и измѣнить форму правленія. То же слѣдуетъ сказать и о нравахъ, вѣрованіяхъ, литературѣ, философіи, искусствѣ и пр. Мы никогда не возьмемъ на себя смѣлости утверждать, что извѣстныя направленія искусства, или извѣстныя вѣрованія, или извѣстныя состоянія нравовъ присущи однимъ народамъ и совершенно недоступны другимъ. Въ историческомъ развитіи мѣняются вѣрованія, измѣняются направленія искусства, возникаютъ новыя философскія системы, происходятъ глубокіе перевороты въ народномъ міросозерцаніи и народномъ характерѣ. Все содержаніе соціальной жизни, поскольку оно не зависитъ отъ ма-

теріальной внѣшней среды, находится въ процессѣ непрерывнаго измѣненія, и никто не можетъ указать границъ и предѣловъ этимъ перемѣнамъ.

Но есть одна сфера соціальной жизни, относительно которой эти границы и предѣлы намъ отлично извѣстны, относительно которой мы съ полной увѣренностью утверждаемъ матеріальную невозможность тѣхъ или иныхъ явленій, совершенно независимо отъ ступени историческаго развитія народа. Этой сферой является соціальное хозяйство. Народъ живущій вдали отъ моря, *не можетъ* заниматься мореплаваніемъ, каково бы ни было состояніе его знанія, нравовъ, политическихъ учрежденій и пр.; точно также въ странахъ умѣреннаго и холоднаго климата культированіе тропическихъ растеній *не можетъ* быть господствующимъ занятіемъ народа; въ странѣ бѣдной рудами и минералами *не можетъ* развиться горное дѣло и т. д. и т. д. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно, но дѣло ясно и безъ нихъ. Хозяйство, будучи процессомъ между человѣкомъ и природой, находитъ въ свойствахъ внѣшней природы свою естественную границу и предѣлъ. А такъ какъ между всѣми сферами соціальной жизни существуетъ тѣсное взаимодѣйствіе, то матеріальная необходимость даннаго состоянія хозяйства означаетъ собой матеріальную необходимость и другихъ соціальныхъ моментовъ. Такимъ образомъ, въ силу соціальнаго взаимодѣйствія, экономическая необходимость является рѣшающимъ и господствующимъ моментомъ всей соціальной жизни.

Противъ этого главнѣйшаго довода въ пользу соціальнаго матеріализма напрашивается одно возраженіе. Вѣдь человѣкъ не только подчиняется внѣшней природѣ, но и подчиняетъ, измѣняетъ ее; въ измѣненіи внѣшней природы и заключается вся сущность основного хозяйственнаго процесса—производства. Мы говорили выше, что соціальный матеріализмъ слѣдуетъ строго различать отъ направленія, объясняющаго особенности историческаго развитія народовъ свойствами географической среды. Не представляютъ ли собой, однако, вышеприведенныя соображенія уступки этому направленію, которое мы признали несостоятельнымъ?

Отнюдь нѣтъ. Соціальный матеріализмъ не утверждаетъ, что матеріальныя условія хозяйства остаются неизмѣнными въ процессѣ историческаго развитія общества. Разсматриваемая доктрина вполнѣ признаетъ измѣняемость этихъ условій въ зависимости отъ общественнаго развитія. Согласно матеріалистическому пониманію исторіи, матеріальныя условія хозяйственнаго труда зависятъ отъ двухъ моментовъ: 1) отъ объективнаго момента, отъ свойствъ внѣшней матеріальной среды, противостоящей человѣку, какъ нѣчто отъ него не зависящее, и 2) отъ субъективнаго момента, отъ дѣятельности самого человѣка. Такъ какъ послѣдній, субъективный моментъ есть въ то же время моментъ соціальный, исторически развивающійся, то исторически видо-

измѣняется, развивается и матеріальная обстановка хозяйства. Но какъ бы глубоко она ни видоизмѣнилась, она никогда не можетъ освободиться отъ присущаго ей объективнаго момента, стоящаго внѣ соціальнаго взаимодѣйствія и историческаго развитія—внѣшней матеріальной среды. Легко понять, что никакіе успѣхи техники не въ силахъ сдѣлать хозяйство независимымъ отъ этого момента. Поэтому экономическая необходимость (т.-е. зависимость соціальной жизни отъ элементовъ хозяйства, стоящихъ внѣ соціальнаго воздѣйствія) сохраняетъ свое значеніе при всякомъ состояніи техническихъ знаній и при всякомъ уровнѣ производительности труда.

Какъ указано еще Миллемъ, все разнообразіе хозяйственнаго труда человѣка сводится къ механическому передвиженію частицъ матеріи. Матерія и ея силы всегда противостоятъ человѣку, какъ самостоятельный и не зависящій отъ человѣка объектъ хозяйства. И потому творцы соціальнаго матеріализма обнаружили тонкій тактъ, признавъ рѣшающимъ моментомъ соціальнаго развитія не просто соціальное хозяйство (т.-е. человѣческую дѣятельность, подчиняющуюся общему закону соціальнаго взаимодѣйствія), но именно матеріальныя условія соціальнаго хозяйства, т.-е. моментъ, одной своей стороной выходящій за предѣлы соціальнаго взаимодѣйствія.

Мы должны, однако, нѣсколько точнѣе выяснить понятіе экономической необходимости, лежащее во краю угла матеріалистическаго пониманія исторіи. Прежде всего, нужно имѣть въ виду, что понятіе это имѣетъ не положительный, а отрицательный смыслъ. Данныя свойства матеріальной среды исключаютъ возможность опредѣленныхъ видовъ хозяйства, а слѣдовательно, и опредѣленныхъ состояній соціальной жизни вообще. Это такъ. Но отнюдь нельзя сказать обратнаго, чтобы данныя свойства внѣшней среды положительно требовали именно такого, а не иного вида хозяйства. Послѣднее предположеніе, очевидно, невѣрно—та же самая внѣшняя среда допускаетъ чрезвычайное разнообразіе формъ хозяйства и соціальной жизни; достаточно вспомнить, что историческое развитіе, со всей отличающей его смѣной экономическихъ и общественныхъ формъ, происходитъ въ неизмѣняющейся внѣшней средѣ. Слѣдовательно, ограничивая кругъ возможныхъ состояній хозяйства и общественной жизни, внѣшняя среда сама по себѣ отнюдь не опредѣляетъ, какой именно видъ приметъ экономическая структура общества въ данный историческій моментъ. Внѣшняя среда оставляетъ для соціальной жизни широкій и, что особенно важно, все расширяющійся просторъ въ выборѣ возможныхъ формъ этой жизни,* выборъ же этотъ безсознательно дѣлается самимъ соціальнымъ развитіемъ.

Показателемъ экономическаго прогресса является поднятіе производительности хозяйственнаго труда, иначе говоря, увеличеніе власти человѣка надъ природой. Чѣмъ ниже хозяйственное развитіе, тѣмъ

тѣснѣе зависимость человѣка отъ окружающей его внѣшней среды. Исторія развитія хозяйства есть исторія относительнаго освобожденія человѣка изъ-подъ власти внѣшней среды. Конечно, власть эта никогда не можетъ исчезнуть: внѣшняя среда всегда опредѣляетъ кругъ возможнаго для человѣка, и человѣкъ остается всегда замкнутымъ въ этомъ кругу—но радіусъ круга расширяется. Цѣпь, которой экономическая необходимость сковываетъ соціальное развитіе, никогда не порывается, но длина цѣпи все увеличивается, и соціальное развитіе становится относительно свободнѣе въ томъ смыслѣ, что оно все болѣе опредѣляется не внѣшними матеріальными силами, но внутренними соціальными же силами.

Такимъ образомъ, мы опять приходимъ къ выводу, что преобладаніе хозяйственнаго момента въ соціальной жизни должно не возрастать, а падать по мѣрѣ соціальнаго прогресса. Каждый шагъ науки знаменуетъ собой увеличеніе экономической свободы; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ вліяніе на хозяйство другихъ, неэкономическихъ, соціальныхъ факторовъ, хозяйство все тѣснѣе охватывается кругомъ соціальнаго взаимодѣйствія, и такимъ образомъ хозяйственный моментъ утрачиваетъ свое относительное господство.

Мы привели три соображенія въ пользу соціальнаго матеріализма:

1) необходимость хозяйственнаго труда для созданія матеріальной основы всякой иной дѣятельности;

2) наибольшую настоятельность, среди всѣхъ другихъ общественныхъ потребностей, потребности въ средствахъ къ жизни;

3) зависимость соціальнаго хозяйства не только отъ соціальныхъ моментовъ, но и отъ стоящей внѣ соціальнаго взаимодѣйствія матеріальной внѣшней среды.

Анализируя эти соображенія, мы увидѣли, что каждое изъ нихъ, свидѣтельствуя объ исключительной важности въ соціальной жизни хозяйственнаго момента, въ то же время приводитъ къ выводу, что господствующая роль хозяйства въ общественной жизни имѣетъ тенденцію падать по мѣрѣ соціальнаго прогресса. Эта мысль представляетъ собой, конечно, полный разрывъ съ соціальнымъ матеріализмомъ. Однако, она не была совершенно чужда творцамъ этой теоріи. «Если государство,—говоритъ Энгельсъ,—теперь, въ эпоху крупной промышленности и желѣзныхъ дорогъ, есть, въ общемъ, только рефлексъ, въ объединяющей формѣ, экономическихъ потребностей класса, господствующаго въ области производства, то оно должно было имѣть такой характеръ въ еще большей степени тогда, когда люди значительно большую часть своей жизни затрачивали на удовлетвореніе своихъ матеріальныхъ потребностей, были гораздо зависимѣе отъ послѣднихъ, нежели теперь мы». («L. Feuerbach», 50). Итакъ, въ прежнія историческія эпохи люди были «гораздо зависимѣе отъ матеріальныхъ потребностей», чѣмъ нынѣ; другими словами, теперь люди гораздо сво-

баднѣе отъ этихъ потребностей. Энгельсъ признаетъ, слѣдовательно, что соціальный прогрессъ ведетъ къ освобожденію общества отъ подчиненія хозяйственному моменту.

Относительно будущаго Энгельсъ выражается еще рѣшительнѣе. При будущемъ устройствѣ общества борьба за существованіе должна прекратиться между людьми. «Съ этого момента человѣкъ окончательно выходитъ, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ животнаго царства, переходитъ изъ животныхъ условій существованія въ истинно человѣческія. Совокупность жизненныхъ условій, которыя до сихъ поръ владычествовали надъ человѣкомъ, подчиняется съ этого времени контролю и господству людей, впервые дѣлающихся сознательными, истинными господами природы, потому что они стали господами своего собственнаго общежитія. Законы общественной дѣятельности людей, противостоявшіе людямъ до сихъ поръ, какъ чуждые, господствующіе надъ человѣкомъ законы природы станутъ примѣняться людьми съ полнымъ сознаніемъ и, тѣмъ самымъ, будутъ служить человѣку. Общежитіе людей, принудительно возникающее до сихъ поръ подъ вліяніемъ природы и исторіи, становится собственнымъ свободнымъ дѣломъ человѣка. Объективныя, чуждыя силы, которыя до сихъ поръ управляли исторіей, подчиняются контролю самого человѣка. Только съ этого времени люди будутъ сами, съ полнымъ сознаніемъ, дѣлать свою исторію... Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы» (Anti Dühring S. 305—306).

Смыслъ этого знаменитаго мѣста изъ главной работы Энгельса, повидимому, таковъ: человѣческое общество, получивъ контроль надъ соціальнымъ хозяйствомъ, тѣмъ самымъ освободится отъ подчиненія ему. Само собою разумѣется, что, говоря объ обществѣ будущаго, какъ о царствѣ свободы, Энгельсъ не подразумѣвалъ свободы отъ законовъ природы; остается признать, что Энгельсъ имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду освобожденіе общества отъ господства хозяйственнаго момента.

Мысль эту можно было бы признать совершенно правильной, если бы Энгельсъ, слѣдуя своему обычному представленію о генезисѣ новаго общественнаго строя путемъ соціальной катастрофы, не говорилъ о «прыжкѣ» въ царствѣ свободы. На самомъ дѣлѣ человѣчество вступаетъ въ царство свободы отнюдь не путемъ таинственнаго прыжка, который имѣетъ совершиться въ будущемъ; царство свободы медленно, но неуклонно развивается и растетъ въ нѣдрахъ царства необходимости уже многіе, многіе вѣка, и каждый шагъ впередъ на пути соціальнаго прогресса есть лишь новая область свободы, завоеванная человѣкомъ у слѣпой и безжалостной необходимости.

Наша критика соціальнаго матеріализма привела насъ къ признанію, что хозяйственный моментъ играетъ, дѣйствительно, исключительно важную роль среди другихъ моментовъ соціальной жизни.

Оставляя въ сторонѣ доисторическое общество, мы утверждаемъ, что чѣмъ ниже производительность труда, иначе говоря, чѣмъ ниже ступень общественнаго развитія, тѣмъ менѣе подчиняются общественному воздѣйствію силы хозяйства и тѣмъ въ большей мѣрѣ онѣ являются рѣшающей инстанціей соціальнаго развитія. Но этимъ самымъ мы утверждаемъ, что значеніе матеріальнаго, хозяйственнаго момента имѣетъ тенденцію не возрастать, а падать по мѣрѣ развитія общества и освобожденія человѣчества изъ-подъ власти внѣшней природы. Мѣсто хозяйственнаго момента заступаютъ другіе, не матеріальные, а идеальные моменты соціальной жизни, пріобрѣтающіе все большее значеніе въ качествѣ движущихъ силъ общественнаго развитія.

Не трудно понять, что это за моменты. Вся область духовной жизни человѣка относится сюда, и, прежде всего, познаніе, въ особенности же научное познаніе. На первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія самостоятельная потребность познанія имѣется въ человѣкѣ только въ слабыхъ зачаткахъ, и познаніе сохраняетъ вполнѣ утилитарный характеръ. Потребности въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни, дѣйствительныя или воображаемыя практическія нужды опредѣляютъ первоначальное направленіе нашей познавательной способности. Но уже весьма рано познаніе изъ средства къ практической (обыкновенно, экономической) цѣли становится цѣлью само по себѣ. Исторія науки есть исторія постепеннаго освобожденія научнаго познанія отъ подчиненія практическимъ задачамъ жизни. Чѣмъ абстрактнѣе познаніе, тѣмъ дальше оно отъ этихъ задачъ. Первоначально теоретическая наука была подчинена прикладной; затѣмъ прикладная наука становится въ подчиненное отношеніе къ теоретической наукѣ. Таковъ естественный законъ развитія научнаго познанія.

Практическія изобрѣтенія, новые способы матеріальнаго воздѣйствія человѣка на природу, возникаютъ двумя путями. Или практическая жизнь выдвигаетъ для общественнаго сознанія на первый планъ опредѣленную техническую задачу, надъ разрѣшеніемъ которой начинаютъ работать умы многихъ людей. Такимъ путемъ возникли великія техническія изобрѣтенія XVIII вѣка—паровая машина, ткацкая и прядильная машины. Экономическая потребность сыграла особенно большую роль въ изобрѣтеніи ткацкой и прядильной машины, которыя были главными техническими агентами великой промышленной революціи конца XVIII и начала XIX вѣка.

Или же техническое изобрѣтеніе является случайнымъ и непредвидимымъ результатомъ научнаго открытія. Ученый изслѣдователь, интересуясь чистымъ знаніемъ, работая надъ какимъ-нибудь отвлеченнымъ научнымъ вопросомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ практическими задачами жизни, попутно наталкивается на разрѣшеніе практической задачи, которую онъ отнюдь не имѣлъ въ виду и къ разрѣшенію которой онъ отнюдь не стремился. И именно изобрѣтенія этого

послѣдняго типа пріобрѣтаютъ по мѣрѣ успѣховъ научнаго познанія все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе. «Четверть вѣка была употреблена на осуществленіе простой, казалось, цѣли—сжижженія газовъ; наконецъ, это удалось. И что же? Для жизни, для практики это не получило значенія. Понадобилось еще четверть вѣка для разрѣшенія этого вопроса и разрѣшился онъ совсѣмъ неожиданно, когда Линде вдумался въ чисто теоретическій опытъ Томсона и Джоуля, преслѣдовавшій мелкую и пустую по виду цѣль: узнать, насколько газы уклоняются отъ закона Маріотта. Кто могъ думать, что невинный опытъ Гальвани надъ лягушкой послужитъ вскорѣ основаніемъ половины электро-техники, а другой простой и пустой на видъ опытъ Фарадея надъ индукціей создастъ другую половину? Но зачѣмъ намъ идти такъ далеко. Чуть не полвѣка человѣчество видѣло и знало Гейсслеровы трубы, но кому могло придти въ голову искать здѣсь Х- лучи? Еще рѣзче примѣръ мы видимъ въ опытахъ Гертца, имѣвшихъ въ виду рѣшеніе совсѣмъ отвлеченныхъ вопросовъ объ электрическомъ происхожденіи свѣта. Неожиданнымъ послѣдствіемъ опытовъ вышелъ телеграфъ безъ проволокъ. И такъ вездѣ и всегда. «Всѣ практическіе успѣхи,—говоритъ Гельмгольцъ,—выросли совсѣмъ неожиданно изъ изслѣдованій, которыя могли казаться самыми безполезными пустяками для непосвященныхъ, тогда какъ посвященный хотя и видѣлъ тамъ еще скрытое отношеніе причины и дѣйствія, но могъ слѣдить за ними только изъ чисто теоретическаго интереса»... Безъ самодовлѣющей науки an und für sich невозможно достиженіе техническихъ и практическихъ цѣлей» (Д. Гольдгаммеръ. «Столѣтіе физики». «Русская Мысль», 1902 г., II).

Чѣмъ дальше идетъ наука, тѣмъ больше умножаются изобрѣтенія этого типа, отнюдь не вызываемыя потребностями хозяйства, но тѣмъ не менѣе могущественно вліяющія на него. Наука есть, безъ сомнѣнія, самый могущественный факторъ промышленнаго прогресса. Развитіе хозяйства предполагаетъ успѣхи научнаго знанія, безъ которыхъ повышеніе производительности хозяйственнаго труда было бы невозможно. И по мѣрѣ того какъ наука развивается и прогрессируетъ, она все болѣе освобождается отъ подчиненія хозяйству, становится изъ слуги практической жизни ея повелителемъ. Совершенно теоретическое научное открытіе нерѣдко ведетъ къ коренному перевороту промышленной техники и влечетъ за собой экономическія послѣдствія огромной важности; такъ, напр., полученіе знаменитымъ русскимъ химикомъ Н. Зининымъ изъ бензола новаго органическаго основанія, бензидама (анилина), повело къ открытію химическаго синтеза анилиновыхъ красокъ, которыя раньше добывались изъ растеній. Химія уже достигла синтеза множества органическихъ соединеній; не хватаетъ только послѣдняго, вѣнчающаго открытія—синтеза бѣлка; когда оно будетъ сдѣлано, тогда мы будемъ недалеки отъ химическаго синтеза пищи человѣка, что должно составить величайшую эпоху въ исторіи человѣческаго хозяйства. И судя по тому,

чего уже достигла органическая химія, этотъ послѣдній, рѣшающій успѣхъ кажется только вопросомъ времени.

Все это показываетъ, какъ невѣрно подчинять развитіе науки эволюціи хозяйства. Въ своей колыбели наука (какъ и искусство—замѣчательныя изслѣдованія Бюхера показали, что даже музыка порождена условіями хозяйственнаго труда) была создана практическими нуждами человѣка; но уже давно она вышла изъ этого подчиненнаго положенія и стала, въ свою очередь, могучимъ факторомъ хозяйственнаго прогресса.

Познаніе, какъ и хозяйство, есть универсальное условіе всякой дѣятельности человѣка. На этомъ основано взаимодѣйствіе хозяйства и науки: научное познаніе требуетъ матеріальнаго базиса, создаваемаго хозяйствомъ, но и хозяйство предполагаетъ познаніе. Хозяйство есть, слѣдовательно, какъ причина, такъ и продуктъ науки. Но, что особенно важно, роль науки въ этомъ взаимодѣйствіи по мѣрѣ соціальнаго прогресса растетъ, а хозяйство падаетъ. Хозяйство является какъ бы объективнымъ моментомъ соціальнаго развитія, наука—субъективнымъ. И субъективный моментъ, по мѣрѣ прогресса человѣчества, завоевываетъ все болѣе рѣшающую роль въ соціальной жизни и соціальномъ развитіи. Хозяйство становится все болѣе и болѣе не опредѣляющей причиной, а продуктомъ науки.

Экономическая необходимость есть символъ нашей зависимости отъ природы, познаніе же—символъ нашего господства надъ ней; поэтому расширеніе власти человѣка надъ природой, его освобожденіе отъ внѣшней необходимости равносильно побѣдѣ разума надъ матеріей, побѣдѣ субъективнаго, интеллектуальнаго момента въ соціальномъ развитіи надъ моментомъ объективнымъ, хозяйственнымъ. «Не сознаніе людей опредѣляетъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ ихъ сознаніе»—говорилъ Марксъ. Положеніе это, въ своей абсолютной формѣ, безусловно невѣрно. Сознаніе есть, дѣйствительно, продуктъ общественнаго бытія людей, но и это послѣднее есть продуктъ сознанія; и чѣмъ дальше идетъ общество, тѣмъ въ большей мѣрѣ общественный строй, всѣ формы общежитія и даже формы хозяйства становятся продуктомъ свободнаго сознанія людей, заключающаго въ себѣ самомъ свои непреложные законы.

Соціальный матеріализмъ не родился изъ головы Маркса, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Въ работахъ Сенъ-Симона и Фурье Марксъ нашелъ всѣ основные элементы, изъ которыхъ сложилась его собственная доктрина. Идея классовой борьбы, какъ главнѣйшаго содержанія исторіи, принадлежитъ всецѣло Сенъ-Симону; точно также авторъ «Промышленной системы» вполнѣ понималъ значеніе хозяйственнаго развитія, какъ существеннаго момента соціальнаго прогресса. Правда, Сенъ-Симонъ ставилъ, въ качествѣ движущей силы историческаго развитія, на ряду съ хозяйственнымъ моментомъ также и успѣхи зна-

нія. Марксъ упростилъ доктрину, признавъ успѣхи знанія пассивнымъ продуктомъ хозяйственнаго развитія. Но это упрощеніе доктрины мы не можемъ считать ея улучшеніемъ.

У Фурье Марксъ заимствовалъ представленіе о связи великихъ историческихъ эпохъ съ изобрѣтеніемъ новыхъ орудій труда. Такимъ образомъ, оригинальнымъ созданіемъ Маркса слѣдуетъ считать лишь законченную систематическую форму, которую необъединенныя и нерѣдко противорѣчивыя идеи утопистовъ приняли въ геніальныхъ работахъ творца матеріалистическаго пониманія исторіи. Все это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ заслугъ Маркса. Изъ отдѣльныхъ необработанныхъ камней, созданныхъ трудомъ другихъ, онъ построилъ великолѣпное научное зданіе, которое обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ деталяхъ удивительную логическую красоту, изящество и единство плана, смѣлую гармонію частей. Пусть это зданіе (какъ мы не сомнѣваемся) подлежитъ въ настоящее время перестройкѣ заново— все же оно оказало великую пользу наукѣ. Соціальный матеріализмъ не есть полная истина; но и въ качествѣ частичной истины, онъ сыгралъ огромную и плодотворную роль въ развитіи научной мысли и притомъ въ двоякомъ смыслѣ. Съ одной стороны, выдвигая съ чрезвычайной силой значеніе матеріальнаго, хозяйственнаго момента въ соціальномъ развитіи, соціальный матеріализмъ привлекъ вниманіе историковъ къ изученію экономическихъ причинъ историческихъ событій. А такъ какъ причины эти являются, и объективно, чрезвычайно важнымъ и существеннымъ факторомъ историческаго развитія, то внесеніе новой точки зрѣнія въ историческое изученіе открыло фактической исторіи новые горизонты и пролило яркій свѣтъ на многіе историческіе процессы, остававшіеся до того неясными и непонятными. Это— съ одной стороны. Съ другой же стороны, матеріалистическое пониманіе исторіи, будучи геніальной попыткой общаго синтеза историческихъ фактовъ, съ одной вполнѣ опредѣленной точки зрѣнія, дало могучій толчокъ и общей философіи исторіи. Соціальный матеріализмъ выпукло поставилъ передъ научной мыслью задачи, къ разрѣшенію которыхъ должна стремиться философія исторіи; и если рѣшеніе этихъ задачъ марксизмомъ мы должны признать недостаточнымъ и неполнымъ, то все же марксизмъ значительно приблизилъ насъ къ искомому рѣшенію.

III.

Переходимъ теперь къ чисто экономической теоріи Маркса, къ его ученію о природѣ капиталистической организаціи хозяйства. Въ центрѣ всего этого ученія мы находимъ крайне своеобразную теорію цѣнности Маркса.

Своеобразіе этой теоріи заключается въ слѣдующемъ. Всѣ эконо-

мисты, говоря о цѣнности, разумѣютъ подъ этой экономической категоріей приблизительно одно и то же. «Цѣнность есть абстрактное, цѣна же конкретное выраженіе одного и того же явленія—хозяйственной оцѣнки... Такъ какъ конкретныя понятія исторически вообще предшествуютъ абстрактнымъ, то не удивительно, что цѣна и разсужденіе о цѣнѣ въ экономической литературѣ появляются раньше, чѣмъ цѣнность и разсужденія о цѣнности... Экономическая наука, отправляясь отъ болѣе конкретнаго «цѣна», образуетъ мало-по-малу абстрактное понятіе «цѣнность». (Предисловіе П. Струве къ русскому переводу I тома «Капитала»). Такъ, понимали и понимаютъ проблему цѣнности всѣ экономисты, кромѣ Маркса. Наиболѣе характерной отличительной чертой ученія о цѣнности автора «Капитала» слѣдуетъ признать *принципіальное отрицаніе непосредственной связи между цѣнностью и цѣной.*

Это обстоятельство упускается изъ виду большинствомъ какъ последователей, такъ и критиковъ Маркса. Когда появился въ печати III томъ «Капитала», то многіе усмотрѣли въ ученіи о цѣнности I и III тома принципіальное разногласіе: въ первомъ томѣ Марксъ какъ будто утверждаетъ, что среднія цѣны товаровъ регулируются трудовыми затратами, между тѣмъ какъ въ III томѣ онъ категорически отрицаетъ это. На самомъ же дѣлѣ, несмотря на чрезвычайное обиліе частныхъ противорѣчій у Маркса, никакого противорѣчія въ существенномъ содержаніи теоріи цѣнности I и III тома «Капитала» нѣтъ *). Противоположное мнѣніе могло возникнуть только на почвѣ недостаточнаго пониманія ученія о цѣнности Маркса.

Уже въ I томѣ «Капитала» опредѣленно разъяснено, что предметы могутъ имѣть цѣну, не будучи произведены человѣческимъ трудомъ и не имѣя, слѣдовательно, цѣнности (дѣвственная почва, дико растущій лѣсъ и проч.). Въ одномъ весьма важномъ примѣчаніи I тома «Капитала» Марксъ даже утверждаетъ въ общей формѣ, что «среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ величиной цѣнности товаровъ» (стр. 116 русскаго

---

*) Очень важно имѣть въ виду, что изложеніе теоріи цѣнности у Маркса страдаетъ не только кореннымъ противорѣчіемъ, которое выяснится ниже, но и многочисленными частными противорѣчіями. Такъ, напр., на стр. 60 I тома «Капитала» читаемъ, что «цѣна есть денежное названіе овеществленнаго въ товарѣ труда», иначе говоря, цѣнности. На слѣдующей же страницѣ узнаемъ, что предметы, въ которыхъ не овеществлено никакого труда, какъ, напр., необработанная земля, могутъ имѣть цѣну и что вообще «вещь можетъ формально имѣть цѣну не обладая цѣнностью». Оказывается, что цѣна есть нѣчто иное, чѣмъ денежное названіе цѣнности. Подобными противорѣчіями изобилуетъ изложеніе Маркса. Въ предлагаемой вниманію читателя характеристикѣ теоріи цѣнности Маркса мы стремимся показать, какой видъ должна была бы получить эта теорія, если бы всѣ частныя противорѣчія были изъ нея устранены (но, конечно, не основное противорѣчіе, лежащее въ самомъ корнѣ ея). Такъ какъ у самого Маркса эти противорѣчія, однако имѣются, то, очевидно, наше изложеніе не можетъ совпадать со всѣмъ, что говорилъ по поводу цѣнности Марксъ.

перевода). Правда, въ I томѣ своего великаго труда Марксъ не останавливается болѣе детально надъ вопросомъ о соотношеніи цѣнности и цѣны. Но уже изъ его общаго ученія о цѣнности проницательному читателю было не трудно заключить, что даже и среднія товарныя цѣны не могутъ исключительно опредѣляться тѣмъ, что Марксъ называетъ цѣнностью товаровъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ III тома всякія сомнѣнія на этотъ счетъ должны были окончательно исчезнуть. Въ этомъ томѣ подробно доказывается, что не только рыночныя, но и среднія цѣны товаровъ не могутъ, какъ общее правило, совпадать съ цѣнностями и не имѣютъ никакого тяготѣнія къ послѣднимъ. Цѣнность товара отнюдь не есть центръ, вокругъ котораго колеблется товарная цѣна. Регуляторомъ среднихъ цѣнъ являются не цѣнности, а издержки производства товаровъ. Товары съ равными издержками производства должны имѣть въ среднемъ, равную цѣну, каковы бы ни были ихъ относительныя цѣнности. Признавъ это, Марксъ приводитъ свое ученіе о товарной цѣнѣ въ полное согласіе съ ученіемъ Рикардо. «Характеристическая черта капиталистическаго производства—утверждаетъ Марксъ,—въ томъ именно заключается, что, по правилу, товары не обмѣниваются по ихъ цѣнностямъ т. е. въ отношеніи заключеннаго въ нихъ труда... Количество денегъ, даваемое по нормальной цѣнѣ за товаръ, представляетъ вообще совершенно иное количество цѣнности (труда), чѣмъ то, которое содержитъ въ себѣ товаръ. Поэтому возможно, и дѣйствительно довольно часто происходитъ, что цѣну, а слѣдовательно выраженное въ деньгахъ количество цѣнности, даютъ за такія вещи, которыя вообще не имѣютъ никакой цѣнности, какъ, напр., земля, или-же которыя не могутъ быть возсозданы трудомъ, какъ художественныя произведенія древнихъ мастеровъ».

Судя по этому, можно было бы подумать, что Марксъ въ своихъ основныхъ экономическихъ ученіяхъ былъ простымъ послѣдователемъ Рикардо и ничего новаго къ теоріи классической школы не прибавилъ. Но это заключеніе было бы глубоко ошибочно. *Если ученіе Маркса о цѣнѣ, не представляетъ собой дѣйствительно, ничего оригинальнаго, то зато его теорія цѣнности кореннымъ образомъ различна отъ теоріи цѣнности Рикардо.*

Для Рикардо цѣнность есть основа цѣны, абстрактное свойство, конкретно выражаемое въ цѣнѣ товара, въ мѣновомъ отношеніи, въ которомъ одинъ товаръ обмѣнивается на другой. Съ точки зрѣнія Рикардо, предметы, имѣющіе цѣну, но лишенные цѣнности — такой же логическій абсурдъ, какъ сухая влага или холодное тепло. Цѣнность и цѣна представляютъ собой, по существу, одну и ту же экономическую категорію, разсматриваемую въ первомъ случаѣ (цѣнность) со своей абстрактной стороны, во второмъ случаѣ (цѣна) со стороны конкретной. Если предметъ имѣетъ цѣну, то тѣмъ самымъ онъ имѣетъ

и цѣнность; моменты, управляющіе цѣной, управляютъ и цѣнностью товаровъ.

Напротивъ, для Маркса цѣнность и цѣна являются двумя самостоятельными экономическими категоріями, обладающими извѣстной независимостью другъ отъ друга. Цѣнность отнюдь не представляетъ собой простой абстракціи отъ товарной цѣны. Моменты, управляющіе цѣной, не оказываютъ никакого вліянія на цѣнность.

Что же такое цѣнность въ смыслѣ Маркса? Мы знаемъ, что *не есть* цѣнность: цѣнность *не есть* абстрактная основа цѣны. Что же *есть* цѣнность? На этотъ вопросъ Марксъ отвѣчаетъ вполнѣ категорически. Цѣнность товара—это общественно необходимый для его производства трудъ, какъ бы кристаллизованный, застывшій въ матеріальной оболочкѣ товара. «Величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно необходимаго труда или общественно необходимаго для ея производства рабочаго времени... Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или иной полезной вещи... Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ, поэтому, одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени». («Капиталъ», т. I. Стр. 16, 5). Итакъ, цѣнность—товара это застывшее въ немъ рабочее время. Человѣческій трудъ есть не одинъ изъ моментовъ, вліяющихъ на высоту цѣнности, какъ училъ Рикардо; нѣтъ, трудъ образуетъ самое существо, самую субстанцію цѣнности.

Но вѣдь конкретный, человѣческій трудъ такъ же различенъ, какъ различны и продукты труда. Трудъ сапожника, въ своей конкретной формѣ, есть нѣчто иное, чѣмъ трудъ врача. Различные конкретные виды труда столь же несоизмѣримы между собой, какъ и продукты труда въ своей потребительной формѣ. Всѣ разнообразные виды труда становятся, однако, вполнѣ соизмѣримыми другъ съ другомъ, если мы отвлекаемся отъ ихъ конкретной формы и разсматриваемъ ихъ, какъ простое выраженіе абстрактнаго человѣческаго труда, затрату человѣческой рабочей силы вообще. «Трудъ ткача и трудъ портного, хотя качественно они—различныя производительныя силы, оба представляютъ производительную затрату человѣческаго мозга, мускуловъ, нервовъ, рукъ и т. д., и въ этомъ смыслѣ оба они только человѣческій трудъ. Это только два различные способа затрачивать человѣческую рабочую силу».

Сложный, искусный трудъ, требующій обученія со стороны рабочаго, содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простого труда. Въ этомъ смыслѣ всѣ виды труда соизмѣримы между собой и могутъ быть выражены въ однѣхъ и тѣхъ же единицахъ человѣческаго труда въ его абстрактной формѣ. Именно этотъ абстрактный человѣческій трудъ, освобожденный отъ конкретныхъ формъ своего обнаруженія, и образуетъ субстанцію цѣнности.

Такова основная экономическая идея Маркса, на которой покоится вся грандіозная постройка «Капитала». Многіе удивлялись, что Марксъ категорически утверждаетъ, постулируетъ эту идею, вмѣсто того, чтобы ее доказывать. Дѣйствительно, ничего похожаго на ея доказательство мы не встрѣтимъ ни въ одной работѣ Маркса. При недостаточномъ пониманіи системы Маркса, такая необоснованность центральнаго пункта всей системы можетъ казаться необъяснимымъ упущеніемъ со стороны ея великаго автора.

Однако, что же собственно, долженъ доказать Марксъ? То, что товарныя цѣны, мѣновыя отношенія товаровъ, совпадаютъ съ относительными трудовыми затратами на производство соотвѣтствующихъ товаровъ? Но онъ этого отнюдь не утверждаетъ; болѣе того, онъ это категорически отрицаетъ. Поэтому, критики Маркса, пространно перечисляющіе причины, по которымъ трудъ не можетъ быть единственнымъ моментомъ, управляющимъ движеніемъ товарныхъ цѣнъ, по истинѣ тратятъ свои заряды на воздухъ. Марксизмъ можетъ не особенно опасаться этой критики, ибо въ основѣ ея лежитъ недоразумѣніе.

Вѣдь цѣнность въ смыслѣ Маркса есть совсѣмъ не то, что понимаютъ подъ цѣнностью остальные экономисты. Для этихъ послѣднихъ проблема цѣнности сводится къ объясненію моментовъ, управляющихъ мѣновыми отношеніями, цѣнами товаровъ. Для Маркса товарная цѣна не только *можетъ* не совпадать съ цѣнностью товара, но, какъ общее правило, и *должна* не совпадать съ послѣдней. Какое же доказательство правильности своей теоріи цѣнности можетъ представить Марксъ? Вѣдь не долженъ же онъ доказывать реальности хозяйственнаго труда? А если хозяйственный трудъ есть несомнѣнная реальность, если каждый товаръ, производимый людьми, требуетъ для своего производства опредѣленной затраты общественно необходимаго рабочаго времени, то, значитъ, каждый товаръ обладаетъ опредѣленной трудовой стоимостью. Эту послѣднюю экономическую категорію, овеществленную въ товарѣ, Марксъ называетъ цѣнностью товара и кладетъ ее въ основаніе своей экономической системы. Имѣетъ ли Марксъ на это право или нѣтъ, вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ лишь оцѣнкой всей представленной Марксомъ экономической и соціологической системы. Доказательствомъ научной цѣлесообразности теоріи цѣнности Маркса являются всѣ 3 тома «Капитала».

Исходя изъ понятія абсолютной трудовой цѣнности, авторъ «Капи-

тала» послѣдовательно объясняетъ всѣ основныя категоріи капиталистическаго строя. Получается чрезвычайно законченная, стройная научная система, которой, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать въ глубинѣ и логической силѣ. Отымите у этой системы ея основаніе—теорію абсолютной трудовой цѣнности—и она разсыпется, превратится въ груду ничѣмъ не связанныхъ обломковъ. Между тѣмъ, другой системы, столь же глубоко проникающей въ сущность капиталистическаго способа производства, наука не знаетъ. Слѣдовательно, понятіе абсолютной трудовой цѣнности есть постулатъ экономической науки, условіе существованія ея. Отказъ отъ трудовой теоріи цѣнности равносиленъ отказу отъ науки.

Такъ долженъ былъ разсуждать Марксъ, относясь съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ доказательству своей центральной экономической идеи. По его мнѣнію, она была достаточно доказана тѣмъ новымъ и яркимъ свѣтомъ, которымъ ея творецъ освѣтилъ капиталистическую организацію хозяйства.

Итакъ, цѣнность—это кристаллизованный въ товарѣ человѣческій трудъ. Понятно, что, съ точки зрѣнія Маркса, ничего не могло быть нелѣпѣе вопроса о томъ, какое участіе принимаетъ природа въ созданіи цѣнности. «Такъ какъ мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ выражать потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то въ мѣновой цѣнности можетъ содержаться столько же даннаго самой природой вещества, сколько, напр., въ вексельномъ курсѣ» («Капиталъ». т. I стр. 44).

Но цѣнность есть не просто человѣческій трудъ. Хозяйственный трудъ есть необходимый базисъ всякаго хозяйства, независимо отъ исторической формы послѣдняго. Цѣнность же есть историческая, преходящая экономическая категорія, свойственная только опредѣленной исторической формѣ хозяйства—товарному хозяйству.

Экономическая категорія цѣнности предполагаетъ два момента: 1) затрату человѣческаго труда на производство даннаго хозяйственнаго продукта и 2) выраженіе этой затраты не непосредственно въ рабочемъ времени, а посредственно, въ другомъ трудовомъ продуктѣ, обмѣниваемомъ на данный трудовой продуктъ. Представимъ себѣ напр., что общество слагается не изъ товаропроизводителей, обмѣнивающихся продуктами своего или чужого труда, а образуетъ собой ассоціацію, владѣющую сообща средствами производства и производящую предметы своего потребленія общими силами всѣхъ своихъ членовъ. Въ такомъ обществѣ «количество труда, заключеннаго въ продуктѣ, вовсе не потребовало бы для своего опредѣленія окольнаго пути (обмѣна); ежедневный опытъ непосредственно указывалъ бы такому обществу, сколько труда заключено въ продуктѣ. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочихъ часовъ стоила данная паровая машина, гектолитръ пшеницы, сто квадратныхъ метровъ сукна.

Никому не могли бы придти въ голову выражать непосредственно извѣстное количество труда, заключенное въ продуктѣ, въ относительномъ, колеблящемся и недостаточномъ мѣрилѣ,—въ другомъ продуктѣ, а не въ естественномъ, адэкватномъ и абсолютномъ мѣрилѣ труда—времени. Подобнымъ образомъ, химія не стала бы выражать атомный вѣсъ элементовъ косвенно, сравненіемъ ихъ атомовъ съ атомомъ водорода, если бы она была въ силахъ выразить атомный вѣсъ элементовъ абсолютно, въ соотвѣтствующихъ единицахъ вѣса, въ билліонныхъ или квадрилліонныхъ дозахъ грамма. При предположенныхъ условіяхъ общество не придавало бы продуктамъ никакихъ цѣнностей. Оно не стало бы выражать простого факта, что для производства ста квадратныхъ метровъ сукна необходима тысяча рабочихъ часовъ, въ нелѣпой формѣ, что цѣнность этого количества сукна равна тысячѣ рабочихъ часовъ. Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребленія. Оно должно было бы установить общій планъ производства, принимая въ соображеніе полезность разныхъ нужныхъ предметовъ и потребное для ихъ производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто безъ посредства знаменитой цѣнности. Понятіе цѣнности есть, такимъ образомъ, самое общее и всеобъемлющее выраженіе экономическихъ условій товарнаго производства» (Anti-Dühring. S. 335—336).

Итакъ, обмѣнъ продуктовъ труда есть необходимое условіе для возникновенія экономической категоріи цѣнности. Теперь намъ ясно, чѣмъ отличается категорія цѣнности отъ категоріи трудовой затраты. Трудовая затрата есть фактъ всеобщій, не связанный съ историческими особенностями данной формы хозяйства; цѣнность же есть историческій фактъ. Для превращенія трудовой затраты въ цѣнность, требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людямъ выражать трудовую затрату иначе, какъ окольнымъ путемъ, сравненіемъ одного трудового продукта съ другимъ трудовымъ продуктомъ.

Возьмемъ, напр., натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; въ этомъ случаѣ всякій хозяинъ непосредственно знаетъ сколько труда онъ потратилъ на изготовленіе потребляемаго имъ предмета хозяйства. То же слѣдуетъ сказать и о хозяйственной ассоціаціи, сообща владѣющей средствами производства. Но въ товарномъ хозяйствѣ производитель потребляетъ продуктъ не своего, а чужого труда, и потому не можетъ непосредственно знать, сколько труда заключено въ этомъ продуктѣ. Трудовая затрата остается, однако, попрежнему, основнымъ моментомъ хозяйства. Но выражается она въ товарномъ хозяйствѣ не прямо, въ приравниваніи одного количества труда другому количеству труда, а косвенно, въ приравниваніи одного трудового продукта другому трудовому продукту, въ объективированіи труда въ *цѣнности* товара. Поэтому, хотя субстанцію цѣнности обра-

зуетъ человѣческій трудъ, но онъ становится цѣнностью лишь тогда, когда застываетъ въ вещной формѣ товара. «Человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ... Лишь исторически опредѣленная эпоха, дѣлающая затраченный на производство какого-нибудь полезнаго предмета трудъ его «объективнымъ» свойствомъ, т.-е. цѣнностью, превращаетъ продуктъ труда въ товаръ» («Капиталъ», т. I, стр. 16, 25).

Отсюда вытекаетъ та своеобразная особенность товарнаго хозяйства, которую Марксъ называетъ *фетишизмомъ товарохозяйственнаго строя*. Дѣло въ томъ, что основой товарнаго хозяйства, какъ и всякаго иного, остается человѣческій трудъ—взаимная работа членовъ общества другъ на друга. Но эта взаимная работа скрывается въ обществѣ товаровладѣльцевъ подъ совершенно иной категоріи—обмѣна товаровъ. Въ товарномъ хозяйствѣ не трудъ, а продуктъ труда—товаръ—является связующимъ звеномъ между отдѣльными хозяйственными единицами.

Общественныя отношенія объективируются въ товарѣ, который какъ будто одухотворяется и пріобрѣтаетъ самостоятельную жизнь.

Обращеніе товаровъ на рынкѣ есть несомнѣнный результатъ человѣческой дѣятельности. Однако, никакой отдѣльный товаропроизводитель не можетъ управлять этимъ обращеніемъ. Наоборотъ, оно само управляетъ дѣятельностью товаропроизводителя; не человѣкъ господствуетъ надъ товарнымъ рынкомъ, а товарный рынокъ господствуетъ надъ человѣкомъ. Не производитель устанавливаетъ цѣну, а цѣна устанавливаетъ размѣры производства. Товаръ и его цѣна какъ бы совершенно вырываются изъ подъ власти человѣка и становятся его повелителями. Это объективированіе въ сознаніи товаропроизводителей ихъ собственныхъ общественныхъ отношеній—въ отношенія вещей, товаровъ, Марксъ и называетъ фетишизмомъ товарнаго хозяйства.

Товарный фетишизмъ выступаетъ съ наибольшей ясностью въ господствующемъ товарѣ товарнаго міра—въ деньгахъ. Золотой телецъ кажется истиннымъ владыкой капиталистическаго міра. Неудивительно, что первые теоретики товарнаго—хозяйства—меркантилисты признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чемъ основана цѣнность золота? Это кажется рѣшительной загадкой, но фактъ возможности пріобрѣсть на золото все, что угодно, стоитъ у всѣхъ передъ глазами. Отсюда вытекаетъ ненасытная жажда денегъ, характеризующая психологію товаропроизводителя. «Загадка денежнаго фетиша есть таже загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ».

Товарный фетишизмъ коренится въ самой природѣ товара и потому не исчезать изъ сознанія товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара, какъ фетиша, разгадана. Сложныя общественныя отношенія, выраженіемъ которыхъ является товарная цѣна, скрыты отъ

сознанія товаровладѣльца. Отсюда возникаетъ необходимость разсматривать цѣну не какъ общественное отношеніе, но какъ свойство вещи товара. Такимъ образомъ, товаръ какъ бы получаетъ въ придачу къ своимъ физико-химическимъ свойствамъ, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ матеріальнаго тѣла, еще новое общественное свойство—цѣнность. На самомъ же дѣлѣ цѣнность отнюдь не есть свойство товара, какъ матеріальной вещи, а опредѣленное общественное отношеніе, отношеніе затраты человѣческаго труда.

Товарный фетишизмъ коренится въ основной товарохозяйственной категоріи—цѣнности, ибо цѣнность есть *вещное* выраженіе *общественныхъ* отношеній. Фетишизмъ этотъ также неустранимъ изъ сознанія товаропроизводителей, какъ неустранимъ, по ученію Канта, изъ нашего сознанія трансцендентальный миражъ (transcendentaler Schein) —идеи безконечности, свободы, субстанціальности души, послѣдней причины и проч. Философская критика объясняетъ трансцендентальный миражъ, какъ таковой, обнаруживаетъ иллюзорность соотвѣтствующихъ представленій, но не можетъ уничтожить самаго миража, который остается въ нашемъ сознаніи, ибо онъ вытекаетъ изъ природы нашей познавательной способности а не изъ неправильнаго употребленія ея, (подобно логическимъ ошибкамъ). Точно также, экономическая критика вскрываетъ тайну товара, какъ фетиша, объясняетъ происхожденіе товарнаго фетишизма, показываетъ иллюзію, которая лежитъ въ основаніи послѣдняго, но самую иллюзію убить не можетъ. Луна на горизонтѣ кажется намъ большаго діаметра, чѣмъ посреди неба. Мы знаемъ, что это иллюзія, не поддаемся обману чувства, но все наше знаніе безсильно разсѣять иллюзію и измѣнить обманчивыя зрительныя представленія. То же слѣдуетъ сказать и о товарномъ фетишизмѣ, Открытіе закона цѣнности, объясненіе товарнаго фетишизма составляетъ—по словамъ Маркса—«эпоху въ историческомъ развитіи человѣчества, но отнюдь не разсѣиваетъ вещной видимости общественныхъ свойствъ труда. Опредѣленіе величины цѣнности рабочимъ временемъ есть тайна, скрытая подъ явными движеніями относительныхъ цѣнностей товаровъ. Раскрытіе этой тайны устраняетъ видимую случайность въ опредѣленіи величины цѣнности продуктовъ труда, но нисколько не устраняетъ ея вещной формы». («Капиталъ» т. I. стр. 36—37).

Однако, кто понялъ тайну товарнаго фетишизма, того эта иллюзія не можетъ ввести въ обманъ. Иное слѣдуетъ сказать о буржуазной политической экономіи, всецѣло остающейся во власти указанной иллюзіи, порождающей такія проникнутыя фетишизмомъ ученія, какъ ученіе о способности капитала самопроизвольно порождать процентъ, земли—порождать ренту и т. п. Одинъ изъ экономистовъ, находившихся во власти товарнаго фетишизма, даже прямо заявилъ, что «цѣнность есть свойство вещи, богатство же (потребительная цѣнность) есть свойство человѣка... Жемчужина или алмазъ имѣютъ цѣнность, какъ жемчу-

жина или алмазъ». Но — замѣчаетъ по этому поводу Марксъ—«до сихъ поръ еще ни одинъ химикъ не открылъ мѣновой цѣнности въ веществѣ жемчуга или алмаза».

Вещи, самой по себѣ, столь же чужда цѣнность, сколь чужды божескія свойства сдѣланному дикарёмъ деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является цѣнностью, а деревянный чурбанъ для дикаря богомъ, то это лишь потому, что въ средѣ самихъ товаропроизводителей (а отнюдь не вещей) имѣются общественныя отношенія, выражаемыя категоріей цѣнности, а среди дикарей (а не чурбановъ) имѣются условія, заставляющія дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношеніе выражается цѣнностью? Отношеніе общественнаго труда, работы однихъ членовъ общества на другихъ членовъ, и притомъ работы не непосредственной, но при посредствѣ обмѣна продуктовъ труда, становящихся, въ силу этого, товарами. Присущая всякому хозяйству категорія трудовой затраты тѣмъ отличается отъ исторической категоріи цѣнности, что послѣдняя предполагаетъ *матеріальное* выраженіе трудовой затраты въ продуктѣ труда. Отсюда вытекаетъ товарный фетишизмъ, своеобразный общественный миражъ, который исчезнетъ лишь съ паденіемъ товарнаго хозяйства.

«Общественный процессъ жизни т.-е. матеріальный процессъ производства лишь тогда сброситъ съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомѣрный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, которыя, въ свою очередь, являются лишь естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія» («Капиталъ». Т. I. Стр. 41).

Мистическое покрывало окутываетъ собой всѣ соціальныя отношенія, возникающія на почвѣ товарнаго производства. Специфической категоріей капиталистическаго строя является капиталъ. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершенія товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, въ которомъ не только продукты человѣческаго труда, но и самая рабочая сила человѣка становится свободно отчуждаемымъ товаромъ. Что-же такое капиталъ?

Прежде всего, капиталъ не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, какъ цѣнность не есть вещь и не есть свойство вещи.

«Накопленный трудъ, служащій для новаго производства—вотъ что такое капиталъ. Такъ говорятъ экономисты.

«Что такое рабъ-негръ? Человѣкъ черной расы. Одинъ отвѣтъ стоитъ другого.

«Негръ есть негръ. Но только при извѣстныхъ условіяхъ онъ становится рабомъ. Бумагопрядильная машина есть машина для пряденіе хлопка. Но только при извѣстныхъ условіяхъ она становится

капиталомъ. Внѣ этихъ условій она столь же мало капиталъ, сколь мало золото есть само по себѣ деньги» (Marx. «Lohnarbeit und Kapital». 1891. S. 21).

Если бы орудіе труда само по себѣ было капиталомъ, въ такомъ случаѣ капиталистическое хозяйство было бы не исторической, преходящей, а постоянной и неизмѣнной формой хозяйства. Нужно было-бы говорить о капиталистахъ каменнаго періода, когда человѣкъ началъ пользоваться орудіями труда.

Нѣтъ, капиталъ не есть та или иная вещь. Какъ цѣнность есть нѣкоторое общественное отношеніе, скрытое подъ матеріальной товарной оболочкой, такъ и капиталъ есть нѣкоторое общественное отношеніе, объективируемое въ вещахъ.

Коротко говоря, капиталъ есть цѣнность, пріобрѣтающая въ силу извѣстныхъ общественныхъ отношеній способность къ самовозрастанію. Капиталъ есть цѣнность, которая создаетъ нѣкоторый избытокъ цѣнности въ пользу своего собственника. Это приращеніе, этотъ излишекъ цѣнности Марксъ называетъ *прибавочной цѣнностью.*

Существованіе такой прибавочной цѣнности не подлежитъ сомнѣнію. Въ наиболѣе упрощенной формѣ прибавочная цѣнность проявляется въ видѣ ростовщическаго или ссуднаго процента. Ростовщическій капиталъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ древнѣйшихъ формъ капитала. Античному міру была хорошо знакома (и, надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающаго свои деньги и получающаго ихъ обратно съ прибавкой огромнаго процента. Въ ссудномъ капиталѣ загадка прибавочной цѣнности выступаетъ наиболѣе ярко. Капиталистъ бросаетъ въ обращеніе опредѣленную сумму денегъ и черезъ нѣкоторое время сумма эта возвращается къ своему исходному пункту въ увеличенномъ видѣ. Создается прибавочная цѣнность, которая и поступаетъ въ распоряженіе капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная цѣнность? Не порождаетъ ли ее самъ капиталъ, подобно тому, какъ курица кладетъ яйца или какъ на яблонѣ растутъ яблоки?

Въ ссудномъ капиталѣ капиталистическій фетишъ достигаетъ своей наиболѣе законченной формы, подобно тому, какъ товарный фетишъ достигаетъ полноты своего развитія въ деньгахъ. Какъ цѣнность кажется естественнымъ свойствомъ денежнаго металла, такъ и способность создавать процентъ кажется свойствомъ ссуднаго капитала. Мистическая оболочка совершенно скрываетъ въ ссудномъ капиталѣ его общественное содержаніе. Ослѣпленные чудесной способностью ссуднаго капитала порождать процентъ, экономисты доходили иногда въ своихъ разсчетахъ самовозрастающей силы капитала до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Вспомнимъ, напр., знаменитыя соображенія экономиста XVIII вѣка Ричарда Прайса о погашеніи англійскаго національнаго долга.

Достаточно положить на продолжительный срокъ ничтожный капиталъ для возрастанія по сложнымъ процентамъ—и самый огромный долгъ будетъ погашенъ—такъ училъ Прайсъ, ослѣпленный силой самовозрастанія капитала. «Пенни, выданный въ ссуду при рожденіи Спасителя, и возрастающій по сложнымъ процентамъ изъ 5%, превратился бы къ настоящему времени въ сумму денегъ, превосходящую по своимъ размѣрамъ 150 милліоновъ земныхъ шаровъ, состоящихъ изъ чистаго золота» («Das Kapital». III[1] S. 381). Какой бездѣлицей является съ этими фантастическими золотыми мірами англійскій національный долгъ! Нужно только предоставить полный просторъ самовозрастающей силѣ капитала, и труднѣйшіе финансовые вопросы будутъ разрѣшены шутя.

Капиталъ-фетишъ, капиталъ, несущій золотыя яйца, рождающій самъ изъ себя процентъ, находитъ свое наиболѣе яркое и наглядное выраженіе въ ссудномъ капиталѣ. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистическій миражъ, нужно обратиться къ другимъ формамъ капитала. Подобно тому, какъ въ товарѣ скрыта разгадка денежнаго фетиша, такъ и разгадку капитала-фетиша нужно искать не въ ссудномъ, а въ производственномъ капиталѣ. Производственный капиталъ выступаетъ на историческую арену гораздо позже ростовщическаго и торговаго капитала. Торговый капиталъ появляется одновременно съ ростовщическимъ, но эра капиталистическаго способа производства начинается лишь съ XVI вѣка. Несмотря на свое позднее появленіе, производственный капиталъ есть капиталъ по преимуществу. Пока ростовщическій и торговый капиталъ были единственно извѣстными формами капитала, до тѣхъ поръ общій строй народнаго хозяйства не былъ капиталистическимъ. Ростовщикъ и торговецъ представляютъ собой характерныя фигуры хозяйственнаго міра древнихъ и среднихъ вѣковъ, но не онѣ опредѣлили собой типъ античнаго и средневѣковаго хозяйства. Пока ростовщическій процентъ былъ главнѣйшей формой капиталистическаго дохода, до тѣхъ поръ капиталистическій доходъ признавался общественнымъ мнѣніемъ противоестественной и безнравственной формой дохода. И только съ тѣхъ поръ, какъ капиталистическій способъ производства преобразовалъ всѣ основы хозяйства, общественное правосознаніе перестало возмущаться капиталистическимъ доходомъ.

Откуда же возникаетъ прибыль промышленнаго капиталиста? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ рѣшеніе всей загадки прибавочной цѣнности.

Не возникаетъ ли прибавочная цѣнность изъ самого обращенія товаровъ, изъ того, что товары продаются по цѣнамъ, превышающимъ дѣйствительныя цѣнности? Если бы это было такъ, то выигрышъ одного капиталистическаго предпринимателя былъ бы равносиленъ убытку другого. Капиталисты въ своей совокупности, какъ классъ, ничего не выигрывали бы и не проигрывали бы—только отдѣльныя лица класса были бы въ выгодѣ или въ убыткѣ. Но такъ какъ капита-

листы, какъ общественный классъ, извлекаютъ прабавочную цѣнность, то, слѣдовательно, источникомъ прибавочной цѣнности не можетъ быть обращеніе товаровъ, несовпаденіе цѣны и цѣнности товаровъ.

Остается искать источника прибавочной цѣнности въ производствѣ товаровъ. Приступая къ производству, капиталистъ долженъ пріобрѣсти товары двоякаго рода: во-первыхъ, средства производства, которыя не могутъ создать никакой новой цѣнности, а только переносятъ на продуктъ цѣнность, заключенную въ нихъ самихъ; и, во-вторыхъ, рабочую силу человѣка, которая является источникомъ всякой цѣнности. Цѣнность человѣческой рабочей силы опредѣляется на товарномъ рынкѣ такъ же, какъ и всякаго иного товара: трудовая стоимость производства товара—рабочей силы и есть его цѣнность. Пріобрѣтши этотъ товаръ на рынкѣ, капиталистъ пріобрѣтаетъ и право пользованія имъ. Допустимъ, что цѣнность товара рабочей силы равна 6 часамъ въ сутки т. е., что ежедневно потребуется шестичасовой трудъ для поддержанія работоспособности и жизни рабочаго и его семьи. Если рабочій будетъ работать въ пользу капиталиста тѣ же 6 часовъ, то капиталистъ получитъ отъ рабочаго такую же цѣнность, какую онъ самъ выдалъ рабочему въ видѣ заработной платы; иными словами, никакой прибавочной цѣнности не возникнетъ. Но ничто не обязываетъ капиталиста ограничить рабочій день такимъ короткимъ срокомъ. Онъ купилъ право пользованія рабочей силой въ теченіе всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно бо̀льшую выгоду изъ своего права. Если онъ заставитъ рабочаго работать 12 часовъ въ сутки, то это будетъ вполнѣ согласно съ условіями рабочей сдѣлки. Въ 12 часовъ рабочій создастъ въ пользу капиталиста двѣнадцать единицъ цѣнности; расходъ же капиталиста на пріобрѣтеніе рабочей силы выразился 6 единицами цѣнности. Разница въ 6 единицъ цѣнности есть чистый выигрышъ нашего капиталиста, прибавочная цѣнность, извлеченнная имъ изъ капиталистическаго процесса производства.

Итакъ, тайна прибавочной цѣнности раскрыта. Рабочій работаетъ въ пользу капиталиста болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое требуется для возстановленія полученной имъ заработной платы. Этотъ неоплоченный капиталистомъ прибавочный трудъ и есть источникъ прибыли капиталиста.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что прибавочная цѣнность отнюдь не есть созданіе самого капитала. Средства производства существовали всегда съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ возвысился надъ чисто животнымъ состояніемъ; но средства производства превратились въ капиталъ лишь съ того времени, какъ на товарномъ рынкѣ появился новый родъ товаровъ—человѣческая рабочая сила. Для этого же, въ свою очередь, требуются опредѣленныя соціальныя отношенія, возникающія путемъ историческаго развитія. Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочій долженъ быть, во-первыхъ, лично свободенъ, такъ какъ

можно продавать лишь то, на что имѣешь право собственности (рабъ не могъ себя продавать, такъ какъ былъ самъ собственностью господина). Вторымъ условіемъ появленія на рынкѣ товара — рабочей силы является невозможность для рабочаго продавать что-либо, кромѣ своей рабочей силы—отсутствіе у него средствъ производства. Рабочій долженъ быть, слѣдовательно, свободенъ въ двоякомъ смыслѣ: свободенъ лично и свободенъ отъ средствъ къ существованію. Ему противостоитъ капиталистъ, располагающій средствами производства и готовый пріобрѣсть рабочую силу нашего пролетарія, но, конечно, не изъ филантропіи, а съ вполнѣ яснымъ коммерческимъ разсчетомъ—извлечь изъ рабочаго возможно большую сумму прибавочнаго труда.

Капиталистъ начисляетъ свою прибыль на весь затраченный въ производствѣ капиталъ, какъ на ту долю его, которая превратилась въ рабочую силу, такъ и на средства производства. Но средства производства играютъ въ образованіи прибавочной цѣнности пассивную роль—они только переносятъ на готовый продуктъ свою цѣнность, не создавая новой цѣнности; поэтому Марксъ называетъ ихъ *постояннымъ* капиталомъ. Напротивъ, рабочая сила, занятая въ процессѣ производства, создаетъ большую цѣнность, чѣмъ та, которая была потрачена на пріобрѣтеніе рабочей силы; поэтому эту часть капитала Марксъ называетъ *перемѣннымъ* капиталомъ. Только перемѣнный капиталъ создаетъ прибавочную цѣнность, а слѣдовательно, и прибыль капиталиста. Отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу образуетъ собой *уровень прибавочной цѣнности*. Очевидно, уровень прибавочной цѣнности долженъ быть выше процента прибыли (т.-е. отношенія прибавочной цѣнности ко всему затраченному капиталу).

Капиталистическая прибыль есть одна изъ формъ прибавочной цѣнности, но совершенно неправильно отожествлять прибавочную цѣнность съ прибылью. Капиталистическій предприниматель не имѣетъ никакой возможности присвоить себѣ всю прибавочную цѣнность, выкаченную имъ изъ рабочаго. Только часть этой прибавочной цѣнности остается въ рукахъ промышленнаго капиталиста и образуетъ его прибыль; остальная же часть распредѣляется между другими классами общества. Капиталистъ - торговецъ требуетъ своей доли въ прибавочной цѣнности и получаетъ ее, покупая товаръ у промышленнаго капиталиста по пониженной цѣнѣ, сравнительно съ истинной цѣнностью товара; продавая товаръ потребителю по его истинной цѣнности, торговецъ сохраняетъ въ свою пользу разницу въ цѣнѣ и такимъ образомъ реализуетъ свою прибыль. Если капиталистическій предприниматель ведетъ свое предпріятіе при помощи заемнаго капитала, то его кредиторъ, денежный капиталистъ, получаетъ свою долю прибавочной цѣнности въ видѣ ссуднаго процента, который долженъ уплачивать кредитору нашъ предприниматель. Земельная рента есть не что иное, какъ доля прибавочной цѣнности, уплачиваемая землевладѣльцу

арендаторомъ или реализуемая имъ въ цѣнѣ продукта. Точно также налоги, взимаемые государствомъ, представляютъ собой прибавочную цѣнность, присваемую государствомъ; изъ прибавочной же цѣнности черпаются и доходы непроизводительныхъ классовъ общества, т.-е. классовъ, не производящихъ своимъ трудомъ новой цѣнности. Сюда входятъ не только праздныя лица, но и чрезвычайно полезные работники, трудъ которыхъ, однако, не имѣетъ хозяйственнаго характера—какъ, напр., ученые, врачи, судьи, артисты, учителя и пр. Всѣ они живутъ на счетъ прибавочной цѣнности, создаваемой трудомъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ.

Чтобы правильно понимать теорію прибавочной цѣнности, нужно помнить, что она имѣетъ въ виду объяснить распредѣленіе народнаго дохода не между индивидуальными лицами, а между общественными *классами*. Когда мы говоримъ о рабочемъ, промышленномъ капиталистѣ, торговцѣ и пр., то всегда нужно подразумѣвать не отдѣльнаго рабочаго, промышленника, торговца, но *классъ* рабочихъ, *классъ* промышленниковъ и пр. Именно въ этомъ смыслѣ теорія прибавочной цѣнности утверждаетъ, что прибыль капиталиста создается не всѣмъ его капиталомъ, а только перемѣнной частью послѣдняго,—рабочей силой, занятой въ производствѣ. Это можетъ быть вѣрно только въ примѣненіи ко всему классу капиталистовъ, но отнюдь не къ отдѣльному представителю капиталистическаго класса.

Распредѣленіе прибыли между отдѣльными капиталистами подчиняется совершенно инымъ законамъ. Если бы прибыль каждаго капиталиста была пропорціональна создаваемой въ данномъ предпріятіи прибавочной цѣнности, то въ такомъ случаѣ процентъ прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ неминуемо сталъ бы различенъ благодаря различію того, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала т.-е. распредѣленія капитала на постоянную и перемѣнную часть. Чѣмъ бо̀льшую долю капитала составляетъ его перемѣнная часть, тѣмъ выше долженъ бы было быть процентъ прибыли, такъ какъ только перемѣнный капиталъ создаетъ прибавочную цѣнность. Но условія капиталистической конкуренціи не допускаютъ различія процента прибыли—капиталистическія предпріятія должны давать, въ среднемъ, одинаковый процентъ прибыли, какъ бы ни были велики различія органическаго строенія капитала. Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что прибыль индивидуальнаго капиталиста отнюдь не пропорціональна создаваемой въ данномъ предпріятіи прибавочной цѣнности и не опредѣляется только перемѣнной частью капитала. Марксъ представляетъ процессъ образованія прибыли въ отдѣльномъ предпріятіи слѣдующимъ образомъ. Для всего класса капиталистовъ единственнымъ источникомъ прибыли является прибавочная цѣнность, создаваемая производительными рабочими. Но отдѣльные капиталисты распредѣляютъ между собой эту прибыль пропорціонально всему затрачиваемому капиталу, а

не только перемѣнной его чачсти. Капиталисты, въ предпріятіяхъ которыхъ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, побуждается конкуренціей уступать часть создаваемой въ ихъ предпріятіяхъ прибавочной цѣнности тѣмъ капиталистамъ, въ предпріятіяхъ которыхъ преобладаетъ постоянный капиталъ. Такимъ образомъ, путемъ перераспредѣленія прибавочной цѣнности между отдѣльными капиталистами, осуществляется основный капиталистическій законъ равенства прибылей. Прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста зависитъ въ такой же мѣрѣ отъ постояннаго, какъ и перемѣннаго капитала, но для всего капиталистическаго класса трудъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, иначе говоря, перемѣнный капиталъ есть единственный источникъ прибыли.

Теорія прибавочной цѣнности вскрываетъ намъ тайну капитала-фетиша, высшимъ выраженіемъ которой является чудесная способность ссуднаго капитала въ самовозрастанію, къ созданію процента. Если мы обратимся къ хозяйственнымъ эпохамъ, предшествовавшимъ капитализму, то увидимъ тотъ же прибавочный трудъ, но безъ всякаго мистическаго покрывала. «Весь мистицизмъ товарнаго міра, все то волшебство и колдовство, которое окружаетъ продукты труда, производимые на основѣ товарнаго производства, исчезаютъ тотчасъ, какъ только мы обращаемся къ другимъ формамъ производства». Возьмемъ напр., античную организацію хозяйства, покоившуюся на рабскомъ трудѣ. Можетъ ли прійти въ голову господина или раба сомнѣніе, что господинъ живетъ за счетъ труда раба? Тоже слѣдуетъ сказать и о средневѣковомъ хозяйственномъ строѣ, когда рабочій былъ крѣпостнымъ своего сеньёра. «Крѣпостной трудъ такъ же хорошо измѣряется временемъ, какъ и трудъ, производящій товары; но каждый крѣпостной знаетъ, что онъ тратитъ опредѣленное количество своей личной рабочей силы на службѣ своего господина» («Капиталъ», т. I. Стр. 39) Когда три дня въ недѣлю крестьянинъ работаетъ на своемъ полѣ, а три дня на помѣщичьемъ, то существованіе прибавочнаго труда очевидно для всѣхъ.

«Капиталъ не изобрѣлъ прибавочнаго труда. Вездѣ, гдѣ одна часть общества имѣетъ монополію на средства производства, рабочій, свободный или несвободный, долженъ къ рабочему времени, необходимому для поддержанія его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, идущее на производство средствъ существованія для владѣльца средствъ производства, будетъ ли это аѳинскій καλὸς κἀγαθὸς, этрусскій теократъ, римскій гражданинъ (civis romanus), норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валашскій бояринъ, современный лэндлордъ или капиталистъ» («Капиталъ» Т. I. Стр. 175—176). Но капиталъ скрылъ прибавочный трудъ подъ специфической капиталистической категоріей прибавочной цѣнности. Благодаря этому возникла иллюзія, будто капиталистическая прибыль, процентъ на капиталъ, создается

*

не неоплаченнымъ, прибавочнымъ трудомъ рабочаго, но самимъ капиталомъ. Эксплуатація крѣпостного крестьянина помѣщикомъ бросается въ глаза; напротивъ, капиталистъ и рабочій кажутся равноправными участниками гражданской сдѣлки, купли-продажи рабочей силы. Сдѣлка эта юридически вполнѣ подобна всякой другой товарной сдѣлкѣ; и какъ при обмѣнѣ пшеницы на сукно нѣтъ основанія предполагать эксплуатацію одной стороны другой, такъ и при куплѣ-продажѣ рабочей силы эксплуатація рабочаго капиталистомъ совершенно скрывается подъ обманчивой видимостью гражданской равноправности обоихъ контрагентовъ. Но это юридическое равенство есть только правовая оболочка экономическаго неравенства. Капиталистическій способъ производства точно также основывается на присвоеніи прибавочнаго труда, какъ и предшествующіе ему способы производства—рабскій и крѣпостной.

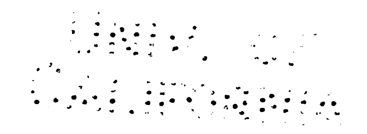
Таково существенное содержаніе теоріи цѣнности и прибавочной цѣнности Маркса. Критику этой теоріи отлагаемъ до слѣдующей книжки.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОПЕЧАТКА: въ іюльской книгѣ, стр. 169, 9-ая строка снизу—напечатано—«министерство *Гюго*», надо—«*Гизо*».

ПОПРАВКА: Въ драмѣ Метерлинка «Монна Ванна», напечатанной въ іюльской книгѣ, просятъ исправить слѣдующія, вкравшіяся при версткѣ, опечатки, искажающія смыслъ: на стр. 202, строка 9 сверху, послѣ словъ «оскорбить его» выпало слово «кощунственнымъ».—На стр. 204, строка 6 сверху, напечатано «нищій, какъ и онъ», надо читать: «нищій, только съ нею».—Стр. 220, строка 15 сверху, напечатано «лучше», надо—«раньше».—Стр. 221, строка 18 снизу, послѣ слова «рѣшетки» пропущена запятая.—Стр. 228, строка 11 снизу, послѣ слова «потому что» выпало «это».—Стр. 229, строка 4 сверху, вмѣсто «Принципаль» надо поставить «Гвидо».



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Нѣчто о «возрожденіи» Россіи.—Знаменія его: «Заря» и «Москва», славянофильскіе сборники.—«Мирный трудъ», журналъ проф. Вязигина.—Что провозглашаютъ новоявленные пророки «возрожденія».—Образчики славянофильской экономики.—Что такое истинный націонализмъ.—Почему проповѣдь современнаго славянофильства мертва.

«Благословите, братцы, старину сказать.

«Въ великой книгѣ Божіей написана судьба нашей родины,—такъ вѣрили въ старину на Руси, и древняя родная мысль наша тревожно и страстно всматривалась въ темныя дали будущаго, тѣ дали, гдѣ листъ за листомъ будетъ раскрываться великая хартія судебъ вселенной...»

Откуда это? Что значитъ этотъ величаво-гаерскій тонъ, смѣсь раешника съ дьячкомъ?—спроситъ изумленный читатель. Это—«благовѣстъ» о «возрожденіи» Россіи, ни больше ни меньше, какъ возвѣщаютъ намъ два сборника, вышедшіе одинъ въ началѣ года, другой недавно—«Заря» и «Москва», въ которыхъ провозглашается всему міру русскому о новомъ чудѣ добромъ и радостномъ, о славянофильскомъ походѣ на всякаго врага и супостата, заполонившаго нынѣ «святую Русь». Ударяя въ бубны и тимпаны, или по-московски, «во всѣ колокола», кучка до сихъ поръ невѣдомыхъ міру славянофиловъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ общаго разгрома, постигшаго (по ихъ словамъ) «святую Русь», собралась вкупѣ и влюбѣ и, «напрягши умъ, наморщивши чело», съ потугами и усильями, отвѣчающими важности задачи, выпустила два сборника, полные предостереженій, мудрыхъ указаній и восторженныхъ откровеній.

Читатели не должны сѣтовать, если міръ, который имъ откроется, покажется имъ страненъ, напомнитъ имъ «чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй»: все надо знать, тѣмъ болѣе свое, родное, въ которомъ какъ никакъ звучатъ несомнѣнно отголоски современности.

Оживленіе славянофильства—вотъ что прежде всего знаменуютъ эти сборники, которые не стоятъ одиноко, но къ нимъ примыкаютъ и другія однозначущія явленія, какъ увидимъ ниже. Признаемся,—мы думали, что славянофильство теперь есть мертвый историческій терминъ, обозначающій давно отжившее историческое явленіе. Оказывается,—это далеко не такъ; оно, по крайней мѣрѣ, само заявляетъ, что живо и несетъ въ себѣ не что-нибудь иное, какъ «воз-

рожденіе Россіи». Уже ради одной этой великой «миссіи», возлагаемой имъ на свои рамена, оно заслуживаетъ если не вниманія, то хотя бы нѣкотораго знакомства. Правда, материалъ для этого, —мы должны предупредить читателей, очень скуденъ. Въ обоихъ сборникахъ фигурируютъ все интересные незнакомцы, скрывающіе свои великія имена подъ многообѣщающими псевдонимами или скромными иниціалами: Апокрифъ, Славяноборъ, Македонецъ, Русскій, Востоковѣдъ, Г. Е. Р. У—скій, В—евъ. Остальныя имена, пропечатанныя полностью, также мало говорятъ уму и сердцу: Недолинъ, Ягодынскій, Москвовцевъ. Къ великому нашему стыду, мы съ ними нигдѣ не встрѣчались въ печати и ничего не можемъ сказать о ихъ дѣятельности. Но, пожалуй, оно и лучше: съ тѣмъ большей свободой могутъ говорить они, не будучи связаны прошлымъ, которое обязываетъ.

И дѣйствительно, прошлаго для нихъ не существуетъ. «Заря». Выпускъ I,—читаемъ на обложкѣ перваго сборника, что знаменуетъ и выпускъ второй, стало быть дѣло, разсчитанное на будущее если не процвѣтаніе, то продолженіе. Открывается сборникъ статьей «Гр. Л. Н. Толстой и вопросъ жизни» Н. Апокрифа, въ которой нѣтъ собственно ничего славянофильскаго. Это довольно обычная критика нѣкоторыхъ положеній Л. Н. Толстого, написанная въ тонѣ сдержанномъ и даже мѣстами весьма почтительномъ, что рѣзко выдѣляетъ эту статью среди другихъ. Не соглашаясь въ основныхъ положеніяхъ, критикъ признаетъ тѣмъ не менѣе великое значеніе дѣятельности Толстого. «Одно уже то, что гр. Толстой заставилъ очень и очень многихъ относиться съ большимъ вниманіемъ и строгостью къ нравственнымъ основамъ своей жизни, требуя осмыслить ее безсмертнымъ смысломъ, онъ заслуживаетъ, чтобы имя его, великое въ изящной литературѣ, было вписано и въ книгу великихъ именъ учителей доброй жизни». И далѣе, отмѣчая «могущественную нравственную проповѣдь» Л. Толстого, авторъ задаетъ вопросъ, что «не заслужитъ ли современемъ гр. Л. Толстой благодарной надгробной надписи, подобной той, которою германскій народъ почтилъ своего великаго національнаго мыслителя: «Кто звалъ къ справедливости, будетъ вѣчно свѣтить, какъ звѣзды». Этотъ необычный тонъ, мало вяжущійся со всѣмъ содержаніемъ сборниковъ, производитъ пріятное впечатлѣніебезпри страстнаго исканія истины даже тамъ, гдѣ авторъ и не надѣется найти ее.

Повторяемъ, эта статья попала сюда по недоразумѣнію, ибо далѣе въ сборникахъ идетъ настоящая славянофильская свистопляска съ обычными для современнаго славянофильства неуклюжими движеніями. Начинаетъ ее г. Недолинъ, обрушиваясь сразу на весь западъ, которому онъ грозитъ «жупеломъ и металломъ», если тотъ во-время не опомнится и не признаетъ добровольно единою «святую русскую правду». Наступитъ моментъ, вопитъ въ восторженномъ порывѣ г. Недолинъ, когда «по пятамъ изгнанныхъ насильниковъ можетъ послѣдовать месть освободившихся народовъ, не менѣе сильныхъ, окрѣпшихъ, но не забывшихъ многовѣковаго рабства. Тогда могла бы наступить такая всемірная революція, такое страшное потрясеніе стараго европейскаго міра, подобнаго чему не видала подлунная. Россія въ тотъ часъ должна быть страшно

сильна и грозна,—грозна гнѣвомъ Бога, чтобы дать народамъ правду, судъ и свободу». Словомъ, трепещите, языцы, и покоряйтесь.

Кто же, однако, эти «рабы» Европы, готовящіеся изгнать насильниковъ и при помощи Россіи прописать на ихъ спинахъ «святую, русскую правду?» Довольно смутно объ этомъ въ статьѣ самого г. Недолина, но изъ дальнѣйшихъ статей сборника можно съ нѣкоторой долей вѣроятности догадываться, что рѣчь идетъ о славянахъ, которыхъ давитъ Европа. Получается нѣсколько странное впечатлѣніе, будто славяне не та же Европа, а Азія, что ли. Ни о какихъ особыхъ утѣсненіяхъ не говорится, приводится только описаніе хозяйства Австріи въ Босніи-Герцеговинѣ. Непохвально, конечно, ведетъ себя Австрія, спору нѣтъ, хотя отсюда еще очень далеко до невиданной въ подлунной революціи. Любопытный вопросъ, между прочимъ, можно бы задать славянофиламъ, — пожелали бы столь оплакиваемые ими славяне вырваться изъ объятій Европы и очутиться въ объятіяхъ Россіи со всей ея «святорусской правдой», которую такъ охотно готовъ прописать на спинѣ Европы г. Недолинъ? Славянъ въ Европѣ мы знаемъ—поляковъ, чеховъ, сербовъ, русиновъ, хорватовъ, болгаръ, черногорцевъ и нѣсколько болѣе мелкихъ племенъ. Что если бы сдѣлать анкету, кто изъ нихъ готовъ отдаться во власть «святорусской правды» теперь же? Смѣемъ думать, что получился бы весьма интересный и назидательный для нашихъ славянофиловъ отвѣтъ.

Но, правду говоря, насъ меньше всего интересуютъ «братушки» и отношеніе къ нимъ славянофильства. Братушки, извѣстно, народъ неблагодарный. Мы всечасно готовы ихъ освободить, а они еще за это на чаекъ просятъ. Мы за нихъ кровь проливаемъ (не говоря уже о массѣ чернилъ), а они намъ Стамбуловыми грозятъ. Словомъ, народъ жестоковыйный и непокорный, и развѣ одинъ г. Вергунъ достоенъ уваженія. Да и онъ изъ русской правды усвоилъ одну только пословицу, что «ласковое теля двухъ матокъ сосетъ», и потому открылъ подписку на свой «Славянскій Вѣкъ» у насъ и въ Вѣнѣ. Гораздо интереснѣе для насъ отношеніе славянофильства къ намъ, живущимъ вмѣстѣ съ ними подъ крыломъ единой святорусской правды. Что-то намъ они обѣщаютъ? Какое-такое «возрожденіе» намъ пророчествуютъ? Братушки—тѣ всетаки въ «Европѣ» обрѣтаются и до нихъ не доберешься, а мы тутъ подъ рукой, и вполнѣ понятно, что практическая программа «святорусской правды» прежде всего должна быть проведена на нашихъ спинахъ. Ясно отсюда, что мы гораздо ближе заинтересованы въ основныхъ положеніяхъ, коими славянофилы нашихъ дней готовятся облагодѣтельствовать своихъ присныхъ.

Сборникъ «Москва» даетъ на это по возможности отвѣтъ обстоятельный. Онъ начинаетъ ab ovo, т.-е. съ школы, затѣмъ переходитъ къ вопросу объ національности и къ печати. Въ томъ же порядкѣ и мы будемъ знакомиться съ основными положеніями современнаго славянофильства.

Въ «Задачѣ современности» г. А. М. У—скій раскрываетъ идею возрожденія славянофильской школы, предупреждая, что «не плакать, не смѣяться, но понимать» надо его статью. Итакъ, воздержимся на время. Хотя статья трактуетъ о школѣ вообще, но рѣчь по существу идетъ о поднятіи «издревле

*

служилаго сословія», или проще—«нашего вѣрнаго дворянства». «Есть серьезныя основанія утверждать, — говоритъ авторъ вначалѣ, — что за освобожденіемъ крестьянъ установившаяся система образованія была главною причиной экономическаго паденія помѣстнаго дворянства». «Въ силу своихъ особенныхъ традицій,—поучаетъ авторъ,—дворянство не имѣло навыка къ трудовому пріобрѣтенію матеріальныхъ средствъ, считая все подобное занятіемъ, не приличествующимъ дворянству, и вслѣдствіе этого, естественно, не имѣло ни надлежащихъ знаній, ни практической подготовки, необходимыхъ для самостоятельнаго, трудоваго пріобрѣтенія средствъ, что требовалось уже новою эпохою». Надо было создать «новое питаніе», путь къ которому долженъ лежать черезъ школу. А для этого надо слѣлать школу «земледѣльческую», такъ какъ дворянство имѣетъ (или имѣло) землю, но не умѣло съ нею обращаться. «Программа русской школы должна быть существенно опредѣлена программой русской жизни: послѣ русской азбуки—азбука землевѣдѣнія; послѣ православнаго катехизиса—катехизисъ земледѣлія, среди молитвъ къ Богу — теплыя молитвы къ землѣ: въ этомъ основаніе національной программы русской школы». Далѣе рекомендуется внушить дворянству «уваженіе къ рублю», который дворянство раньше презирало, теперь же къ оному вожделѣетъ, но недостаточно уважаетъ. Въ заключеніе «вопросъ о правительственномъ поощреніи». Россія страна земледѣльческая, а потому «каждая постановка кѣмъ либо въ Россіи образцоваго, въ смыслѣ экономическомъ и культурномъ, хозяйства... подлежитъ публичной отмѣткѣ тѣмъ или другимъ способомъ въ законодательномъ порядкѣ. Въ большинствѣ случаевъ такіе дѣльные хозяева изъ лучшихъ земскихъ людей отличаются здравымъ умомъ и яснымъ пониманіемъ мѣстныхъ условій экономической жизни и народныхъ нуждъ, и поэтому только черезъ такихъ дѣятелей, людей трезваго сужденія, обширнаго ума и большого опыта, возстановится плодотворная связь между Землей и Властью. Кстати припоминается поучительный для насъ разсказъ. Въ одной старой земледѣльческой странѣ былъ слѣдующій интересный обычай: первый вельможа въ государствѣ при вступленіи своемъ въ должность обязанъ былъ при устроенныхъ въ честь этого событія празднествахъ всенародно пройти борозду въ полѣ съ сохой... Хорошій бы обычай для Россіи», глубокомысленно заключаетъ г. У—скій. Обычай ничего себѣ, замѣтимъ и мы, главное, недорогой и ни для кого не обидный — ни для «бархатника», ни для «пахотника», и сверхъ того символизирующій «плодотворную связь земли съ властью». Хорошо пишутъ господа славянофилы о воспособленіи дворянству: дворянская школа, законодательнымъ порядкомъ отмѣтка и—связь. Въ особенности нравится намъ идея автора внушить дворянскому юношеству уваженіе къ рублю. По времени этотъ совѣтъ важнѣе прочихъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ рублей у насъ становится все меньше и меньше, какъ объ этомъ докладываетъ намъ постоянно тоже «славянофилъ» г. Сергѣй Шараповъ.

Столько о школѣ. Авторъ ни мало не смущается вопросомъ, каковъ долженъ быть «земледѣльческій катехизисъ», что это за земледѣльческая азбука. Все это не суть важно, ибо важно одно—изыскать новый способъ «питанія» для обиженнаго судьбою сословія, которое, по своимъ традиціямъ имѣя склон-

ность къ питанію, не обладаетъ для онаго средствами. Столь же простъ въ разрѣшеніи національнаго вопроса и г. Недолинъ, который полемизируетъ съ Вл. Соловьевымъ объ націонализмѣ. «Не пристало Россіи искать, т.-е. вѣрнѣе заискивать какого-то фантастическаго примиренія съ Европой, какъ это надлежитъ намъ сдѣлать, слѣдуя политическимъ идеямъ Вл. Соловьева,—пора самой Европѣ сознать всѣ свои вины передъ Россіей, а тѣмъ народамъ, которые, давно уже и навсегда побѣжденные Россіей, вошли въ составъ ея населенія, но все еще въ лицѣ шумливыхъ газетныхъ фразеровъ «враждуютъ» съ нами заднимъ числомъ, понять смыслъ своихъ предательскихъ чувствъ, а подчасъ и дѣйствій, по отношенію къ россійскому государству». Любопытнѣе всего въ этой тирадѣ «всѣ вины» Европы. Жаль, что дальше мы не находимъ ихъ перечисленія, а то г. Недолинъ внесъ бы очень полезную графу въ нашу долговую книгу: «а за всѣ вины столько-то». Счетъ этотъ славянофилы ведутъ издавна, со времени Петра, и до сихъ поръ не могутъ подвести итоговъ. Европа съ своей стороны могла бы предъявить болѣе существенный счетъ, въ видѣ нѣсколькихъ милліардовъ рублей, данныхъ ею въ займы на разныя мѣропріятія, въ томъ числѣ и на воспособленіе дворянскому сословію, о нуждахъ котораго современные славянофилы такъ пекутся. Право, за это одно она заслуживаетъ спасиба. Что было бы съ ними, если бы по ихъ желанію Европа снялась съ мѣста и исчезла, какъ щедринскій мужикъ, который улетучился по молитвѣ глупаго помѣщика, ненавидѣвшаго мужичій духъ? Г. Недолинъ, надѣемся, помнитъ, что случилось съ глупымъ помѣщикомъ, котораго и начальство за это не одобрило.

Европу, конечно, пугать можно, но достать ее трудно, и потому г. Недолинъ всю свою энергію направляетъ на чуждыя національности, «давно уже побѣжденныя», и обращается къ евреямъ. Отрицая цѣликомъ мысль Соловьева о необходимости равноправности, авторъ съ паѳосомъ восклицаетъ: «Что же будетъ, если евреи, какъ того требуютъ ихъ защитники, стали бы «равноправными» съ русскимъ народомъ въ русской землѣ, если даже теперь, когда цѣпкія руки евреевъ все-жъ-таки не вполнѣ еще развязаны, они со своимъ геніальнымъ пролазничествомъ забираются всюду, умѣютъ находить самые вліятельныя связи, легко и незамѣтно подбираютъ къ своимъ рукамъ не только богатства русской земли, но, заполняя свободныя профессіи, постепенно, но неуклонно и послѣдовательно захватываютъ и русскую литературу... Наша государственная власть... защищаетъ «малыхъ силъ», русскій народъ, отъ позорнаго еврейскаго ига». Также рѣшаетъ славянофилъ г. Недолинъ и всѣ остальные національные вопросы, все сводя къ «единой святорусской правдѣ»: все, что не русское, да трепещетъ... «Націонализмъ въ политикѣ, національзація гражданской жизни»—альфа и омега, ея же не прейдеши.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о націонализмѣ вообще, остановимся нѣсколько только на «позорномъ еврейскомъ игѣ». Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Восхода» мы нашли очень вѣрную характеристику этого «ига», которую и приводимъ. Говоря о кончинѣ Антокольскаго, родившагося въ одномъ изъ предмѣстій Вильно, «Восходъ» пишетъ:

«Трудовая жизнь виленскихъ предмѣстій, которую Антокольскій изображалъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ 40 лѣтъ тому назадъ, приняла съ тѣхъ поръ трагическія формы. Старые центры промышленной и торговой жизни падаютъ, вырастаютъ новые, но они недоступны евреямъ, они лежатъ внѣ черты осѣдлости, или въ сельскихъ мѣстностяхъ, внѣ черты старыхъ городовъ, у желѣзнодорожныхъ станцій, или около рудниковъ, новыхъ пристаней... Старыя еврейскія профессіи также отживаютъ, а возникающія новыя недоступны евреямъ. Евреи удалены постепенно изъ всей области государственнаго хозяйства, получившаго въ Россіи небывалое развитіе, изъ городскихъ и земскихъ учрежденій и предпріятій, устранены отъ желѣзнодорожной службы, отрѣзаны отъ сельскаго хозяйства, не принимаются на крупныя фабрики. Осталось въ ихъ распоряженіи очень немного профессій, гдѣ новые кадры увеличиваютъ число безработныхъ, и немного мѣстъ для постояннаго жительства, гдѣ они скучились въ страшной тѣснотѣ и грязи, гдѣ царятъ повальныя болѣзни, а нищета доходитъ до крайнихъ размѣровъ. Мирная концентрація евреевъ, ведущаяся съ 1882 года, достигла своего апогея. Идеалъ антисемитовъ—сварить евреевъ въ собственномъ соку, какъ мѣтко выразился П. Боборыкинъ,—теперь достигнутъ. Голодъ чувствуется во всѣхъ движеніяхъ и взглядахъ еврейской толпы на улицѣ—это говоритъ и не очень мягкосердечный сотрудникъ «Новаго Времени», посланный въ прошломъ году для ознакомленія съ виленской еврейской жизнью.

«Что же дальше? Можетъ ли общество, признающее нравственный законъ, смотрѣть равнодушно на участь милліонной массы, запертой въ тѣсныхъ стѣнахъ нѣсколькихъ крупныхъ городовъ, можетъ ли государственный организмъ допустить безъ вреда для своихъ насущныхъ интересовъ такіе очаги нищеты, гдѣ возникаютъ, растутъ и акклиматизируются не только болѣзнетворныя заразы, но и всякіе виды преступленій? Въ государствѣ, какъ въ остальномъ организмѣ, всѣ части тѣсно связаны между собой, и одинъ гніющій или омертвѣвающій очагъ поражаетъ ядовитыми соками все тѣло. Только воспитанная вѣками религіозность, покорность, выносливость и умѣренность давали еще возможность евреямъ спасаться отъ полнаго упадка и разложенія; но деградація продолжается, нищета усиливается, и традиціонныя еврейскія добродѣтели падаютъ, а мѣстами проявляются уже всѣ физическіе и моральные ужасы экономической агоніи. Безшумно страдаютъ многочисленные плѣнники гетто, надъ ними злорадствуютъ антисемиты, о нихъ молчатъ сердобольные либералы. Но сама жизнь напомнила объ этихъ morituri въ тотъ часъ, когда вся Россія чествуетъ ихъ умершаго собрата, принесшаго столько славы своему отечеству. Онъ былъ счастливъ, этотъ геніальный выходецъ виленскаго гетто, онъ началъ работать въ иное время, когда не всѣ еще пути были намъ заказаны».

Имѣютъ ли что возразить авторы «Зари» на эту горькую правду? Говоря о евреяхъ, г. Недолинъ съ братіей имѣютъ въ виду обыкновенно тѣхъ немногочисленныхъ еврейскихъ представителей биржи и капитала, для которыхъ не существуетъ никакихъ ограниченій, и забываютъ о милліонной массѣ,

условія жизни которой такъ краснорѣчиво описываетъ «Восходъ» и которую имѣлъ въ виду, конечно, и покойный Вл. Соловьевъ.

Есть одно достоинство въ современномъ славянофильствѣ, это—его откровенность. Читая статьи обоихъ сборниковъ отнюдь не впадешь въ сентиментализмъ стараго славянофильства, что-то, хотя и смутно, говорившаго объ идеальномъ братствѣ, о единеніи душъ, хотя бы и въ маниловскомъ тонѣ, и проч. Нынѣ всему этому конецъ,—какой-то почти свирѣпой ненавистью ко всему чужому несетъ отъ этихъ рѣчей о приведеніи всѣхъ къ одному знаменателю. Достается жестоко и печати въ статьѣ нѣкоего г. Московцева. Вся печать, если вѣрить этому суровому стражу «національнаго русскаго слова», прогнила, заполонена еврействомъ (и дались имъ эти евреи!) и источаетъ тлетворный ядъ, отъ котораго погибаетъ все истинно-русское. Авторъ даже не задумывается, отчего же, если справедливы его нападки, эта истинно-русская печать, представляемая имъ купно съ братьей, такъ по существу ничтожна, слаба и неподвижна, что можетъ только вопить? Что же мѣшаетъ ей проявить свою силу, коренную русскую мощь, истый духъ, по ихъ словамъ, непобѣдимый и непереносный ни для кого, кромѣ истинно-русскихъ? Кажется, по ихъ же слову, время теперь самое для нихъ распрекрасное: всѣ излюбленныя ими исконныя начала «святорусской правды» въ полномъ ходу, инородцы и иновѣрцы поставлены въ надлежащіе предѣлы, а если Европа еще не повинилась, то все же и не наскакиваетъ. Между тѣмъ, г. Московцевъ вопитъ «караулъ!» и требуетъ «національзаціи русской печати». Опять таки, какъ это сдѣлать, онъ не задумывается, хотя тутъ же, какъ истинно не унывающій россіянинъ, и замѣчаетъ вскользь: «Если наше законодательство не позволяетъ евреямъ занимать мѣста на государственной службѣ, то нѣтъ никакихъ основаній допускать и сосредоточеніе печати въ еврейскихъ рукахъ». И такъ говорятъ и пишутъ люди, осмѣливающіеся считать себя «наслѣдниками» Аксакова, того самаго славянофила, который воспѣлъ гимнъ «свободному слову», который съ чисто религіознымъ паѳосомъ писалъ о свободѣ слова: «Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты, и только разумъ, иначе слово, уподобляетъ человѣка Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ — не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ. Свобода жизни разума и слова—такая свобода, которую по настоящему даже смѣшно и странно формулировать юридически или называть правомъ. Это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условіе самого́ человѣческаго бытія,—при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни, мысли и слова — самое страшное изъ всѣхъ душегубствъ». («День», 23-го января 1863 г.).

Замѣтимъ, однако, въ поученіе г. Московцеву, что русское законодательство нигдѣ не воспрещаетъ евреямъ занимать мѣста на государственной службѣ, такого спеціальнаго закона противъ евреевъ *пока* еще нѣтъ. Что же касается сосредоточенія печати въ еврейскихъ рукахъ, то это чистѣйшій вздоръ, не въ обиду евреямъ будь сказано. Въ столичной ежедневной печати нѣтъ ни одного органа еврейскаго. Правда, есть одна газета, редактировавшаяся евреемъ, но и тотъ, по сообщенію «Московскихъ Вѣдомостей», недавно крестился. Но, охотно уступая этого недавно крещенаго еврея г. Московцеву, все же не можемъ не возразить, что какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ одинъ еврей, притомъ же «немножко» православный, еще не въ силахъ сдѣлать *всю* русскую печать еврейской. Переходя къ журналистикѣ, можемъ констатировать, что въ ней, кромѣ одного спеціально-еврейскаго изданія («Восходъ»), нѣтъ ни одного журнала, издаваемаго или редактируемаго евреемъ. Къ этому можемъ добавить къ вящему утѣшенію г. Московцева, что и громадное число сотрудниковъ въ журналахъ тоже искони-русскіе люди. Поэтому, сѣтовать на сосредоточеніе прессы въ еврейскихъ рукахъ ему нечего, тѣмъ болѣе нечего задумываться объ особыхъ мѣрахъ для огражденія невинности русской печати, которая и такъ достаточно ограждена всякими писанными и неписанными законами.

Да и зачѣмъ? Если вѣрить авторамъ «Зари» и «Москвы», нынѣ это во всякомъ случаѣ излишне, такъ какъ наше время есть моментъ «національнаго возрожденія Россіи». Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только два эти сборника, но... русскія общества, прототипомъ которыхъ служитъ «Русское собраніе» въ «Петроградѣ». Задача этихъ «разсадниковъ» истинно-русскаго духа во вкусѣ современнаго славянофильства понимается слѣдующимъ образомъ: «Путь къ объединенію русскихъ, патріотически настроенныхъ людей лежитъ въ организаціи русскихъ обществъ по примѣру Петербургскаго Русскаго Собранія. Ставя основною задачей поднятіе въ нашемъ обществѣ чувства своего національнаго достоинства, русскія общества разностороннимъ образомъ и публичными чтеніями, и нужною книгой, и патріотической газетой стремились бы освѣтить лучшія черты нашего національнаго характера, выяснить прекрасныя стороны нашей исторіи и быта, освѣтить дѣйствительность, возбуждая среди русскихъ людей энергію и предпріимчивость на пользу русскаго дѣла; публичною отмѣткою антинаціональныхъ теченій въ нашей жизни и литературѣ общества въ самомъ корнѣ подсѣкали бы (!) всякаго рода инородческія интриги; ознакомляли бы болѣе широкіе слои русскаго общества съ мало оцѣненными сокровищами русской религіозной и гражданской мысли». Далѣе идетъ перечисленіе еще цѣлаго ряда задачъ вплоть до поощренія національной русской промышленности. Словомъ, если бы «Русское собраніе» въ «Петроградѣ» прониклось какъ слѣдуетъ важностью своей миссіи, то ему пришлось бы стать чѣмъ-то въ родѣ особаго государственнаго департамента, охватывающаго всѣ стороны и проявленія русской жизни.

Таковы мечты, но, къ счастью для насъ, не имѣющихъ чести состоять членами «Русскаго собранія», послѣднее весьма далеко и отъ сотой части этихъ

задачъ. По крайней мѣрѣ, живя въ «Петроградѣ» и имѣя полную возможность слѣдить за дѣятельностью упомянутаго общества, мы рѣшительно ничего о ней сказать не можемъ. Прошло уже больше года, какъ это общество возникло, и если на первыхъ порахъ еще слышались отголоски его жизни на страницахъ періодической печати, то затѣмъ очень быстро общество со страницъ печати стушевалось. Очень вѣроятно, что члены его услаждаютъ другъ друга душеполезными бесѣдами во вкусѣ вышеприведеннаго рецепта и дѣятельно «подсѣкаютъ въ корнѣ инородческія интриги», но за стѣнами «Русскаго собранія» это не отдается. Мы подчеркиваемъ эту безжизненность Русскаго Собранія, какъ лишнее доказательство того, что почвы для его работы нѣтъ, нѣтъ той дружественной атмосферы внѣ его, которая живо воспринимала бы мысли собранія, такъ или иначе откликалась бы на нихъ, установляя живую связь между Собраніемъ и остальнымъ русскимъ обществомъ. Вѣдь какъ-ни-какъ, а послѣднее все же живетъ, волнуется, работаетъ, но ему рѣшительно все равно до того, чѣмъ занято «Русское собраніе». И выходитъ на дѣлѣ, что послѣднее просто мертворожденный плодъ «любви несчастной» къ исключительному націонализму, всегда чуждому и русскому народу, и русской интеллигенціи.

Редакторы «Зари» и «Москвы» обнадеживаютъ себя, что это лишь пока, а вотъ со временемъ вся Россія покроется цѣлой сѣтью такихъ русскихъ собраній, и тогда «пойдетъ ужъ музыка не та». «Какъ мы слышали,—заявляетъ редакція «Москвы»,—въ Харьковѣ возникаетъ русское общество по почину проф. А. С. Вязигина, редактора «Мирнаго Труда». Эти слова побудили насъ поинтересоваться, что это за журналъ, первый номеръ котораго мы получили еще весною, но дальнѣйшихъ номеровъ такъ и не видѣли, почему и не можемъ съ достаточной достовѣрностью утверждать, что «Мирный Трудъ» въ Харьковѣ продолжается. На обложкѣ этого перваго номера значатся, въ качествѣ сотрудниковъ, чуть не всѣ профессора Харьковскаго университета и около нихъ нѣсколько хотя въ литературѣ и неизвѣстныхъ, но несомнѣнно почтенныхъ именъ, въ «Мирномъ Трудѣ» надѣющихся снискать эту недостающую имъ пока популярность въ мірѣ читателей. Журналъ открывается заявленіемъ отъ редактора, проф. Вязигина, излагающаго profession de foi новаго изданія. Скромно, но твердо, какъ подобаетъ истинному сыну своего отечества, редакторъ провозглашаетъ хвалу родному языку и выражаетъ увѣренность, что народъ, создавшій такой языкъ, не погибнетъ, съ чѣмъ, навѣрное, согласятся всѣ, даже и вольтеріанцы. Далѣе слѣдуетъ заявленіе, что достаточно мы созрѣли и «вошли уже, не какъ этнографическая величина, а какъ полноправный членъ въ среду культурныхъ народовъ». Отсюда слѣдуетъ, что, не отворачиваясь отъ Запада, «страны святыхъ чудесъ», по выраженію Хомякова, намъ слѣдуетъ внимательно изучить то хорошее, что тамъ есть, но главное— оставаться на родной почвѣ. Въ особенности теперь, когда, «къ сожалѣнію, въ наше общество далеко еще не проникли твердые и ясные выводы современной науки. Она еще недостаточно знаетъ свое родное и легковѣрно усваиваетъ обобщенія, безъ дальнихъ доказательствъ, какъ непреложную истину, какъ своего рода откровеніе. Западъ попрежнему остается поставщикомъ вѣя-

ній и идей, заимствуемыхъ безъ провѣрки и порождающихъ только умственный и нравственный сумбуръ. Крайности и извращенія, встрѣчающія стойкій отпоръ и дружное опроверженіе на мѣстѣ своего происхожденія, у насъ принимаются за руководящія начала, за новыя слова, вливающія жизнь въ одряхлѣвшій міръ. Поклонники новизны пытаются водворить у насъ культъ силы, настроенія и страсти, объявляютъ безпощадную войну «обанкротившемуся» разуму и суровой логикѣ, усматриваютъ спасеніе отъ нашихъ болѣзней въ скорѣйшемъ усвоеніи прелестей капитализма и кадятъ передъ новымъ кумиромъ—босяками, выдавая ихъ за носителей обновляющихъ идеаловъ». Такому нежелательному настроенію проф. Вязигинъ желаетъ противопоставить «не пустыя и звонкія слова, не боевые кличи и громкія рѣчи, способныя сладкимъ дурманомъ опьянить юныя головы», а—«Мирный Трудъ», ибо «наше отечество прежде всего нуждается въ скромныхъ труженикахъ, дѣлающихъ свое «маленькое дѣло» ради подъема общаго культурнаго уровня, являющагося слѣдствіемъ настойчивой работы каждаго надъ самимъ собой, а не туманныхъ стремленій къ насильственнымъ и кореннымъ переворотамъ, заранѣе осужденнымъ исторіей на полную неудачу».

Въ первой книжкѣ мы пока мало имѣемъ матеріала для сужденія, какъ новые мирные труженики будутъ работать надъ своимъ маленькимъ дѣломъ. Есть тутъ всего понемножку: капелька оригинальной беллетристики, въ видѣ стихотворенія въ прозѣ и переводовъ изъ Гейне, небольшей повѣстушки о жизни бонны, перевода изъ Клеменса Юноши; есть капелька критики, въ видѣ пересказа «Троихъ» Горькаго и романа Грушецкаго «Побѣжденные»; затѣмъ, какъ оно и подобаетъ журналу профессорскому par excellance—статьи «серьезныя» занимаютъ преобладающее мѣсто. Содержаніе ихъ вполнѣ ясно изъ заголовковъ: «Этика въ дисциплинѣ» проф. Нетушила; «Пробѣлъ въ учебномъ планѣ средней общеобразовательной школы» проф. Зеленогорскаго; «Къ вопросу о преподаваніи синтаксиса въ средней школѣ» проф. Овсянико-Куликовскаго; «Къ исторіи возникновенія «Арзамаса» проф. Халанскаго и т. д.

Какъ видимъ, можно сказать пока одно,—довольно скучная матерія. Мы, конечно, не сомнѣваемся, что «мирные труженики» со временемъ сдѣлаютъ свое «маленькое дѣло» болѣе живымъ и занятнымъ для юныхъ и старыхъ головъ, на которыя разсчитанъ журналъ. Поэтому, воздерживаясь отъ того или иного окончательнаго сужденія, можемъ только одно констатировать, что въ журналѣ отнюдь не чувствуется тотъ специфическій духъ сугубаго націонализма, который давалъ бы право считать его будущимъ ядромъ харьковскаго «Русскаго собранія». Нѣсколько намъ извѣстныхъ почтенныхъ именъ, фигурирующихъ на обложкѣ, какъ, напр., гг. Овсянико-Куликовскій и Радловъ, еще болѣе утверждаютъ насъ въ той мысли, что редакція «Москвы» и «Зари» не туда попала. Хотя, впрочемъ, все возможно, но тогда придется поставить крестъ надъ безвременной могилой новаго журнала, такъ какъ немыслимъ въ Россіи ни *одинъ* журналъ, который могъ бы разсчитывать на успѣхъ среди читателей, если онъ будетъ націоналистическаго направленія.

Тотъ націонализмъ, образчикомъ котораго служатъ «Заря», «Москва» и «Русское собраніе» въ «Петроградѣ», настолько чуждъ нашему обществу, что всякая попытка привить его намъ заранѣе осуждена на смерть. Славянофилы перваго призыва, Хомяковъ, Кирѣевскій, затѣмъ И. С. Аксаковъ, ихъ наиболѣе видный наслѣдникъ, были, дѣйствительно, люди выдающагося ума, таланта и благородной души, и тѣмъ не менѣе ничего не сдѣлали. Они дали нѣсколько интересныхъ образцовъ, лучше сказать попытокъ своеобразной философіи, которыя прошли почти безслѣдно для русской культуры—въ наукѣ, искусствѣ и еще менѣе въ русскомъ общественномъ сознаніи. Думать, что маленькіе эпигоны этихъ дѣйствительно большихъ людей смогутъ болѣе удачно справиться съ задачей обособленія Россіи отъ всего европейскаго, просто смѣшно, когда читаешь «выкликанія» такихъ «мыслителей», какъ всѣ упоминаемые выше гг. Московцы, У—скіе, Славяноборы и Востоковѣды. Могутъ возразить, что время было тогда неблагопріятное для дѣла Хомяковыхъ и Кирѣевскихъ, а теперь именно такой моментъ, когда и общественное мнѣніе болѣе склонно къ націонализму, и условія общія—тоже. Это глубоко ошибочно, такъ какъ условія современной жизни меньше всего могутъ поощрять всякія націоналистическія попытки, и въ этомъ вся суть. Россія такъ тѣсно связана теперь съ общеевропейскими интересами и матеріально, и идейно, что отдѣлить насъ отъ Запада не смогъ бы и второй Петръ Великій, буде такой феноменъ вторично бы повторился въ исторіи. И развѣ только г. Меньшиковъ можетъ договориться до «китайской стѣны» въ своемъ іудушкиномъ пустословіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Нов. Времени» (отъ 14-го іюля) онъ разработалъ даже цѣлую программу «Россіи для русскихъ», обнаруживъ въ ней поистинѣ пошехонское невѣжество въ народномъ хозяйствѣ и финансахъ. Пусть читатели простятъ намъ небольшую выдержку изъ этихъ іудушкиныхъ рѣчей о «Россіи для русскихъ»,—онѣ очень характерны не только для г. Меньшикова.

«Допустимте на минуту,—пустословитъ г. Меньшиковъ,—что это возможно, что это уже случилось, что европейскія границы закрыты для нашего хлѣба. Разъ нѣтъ вывоза—нѣтъ и ввоза; все то, что наше образованное общество получаетъ на Западѣ, оно будетъ вынуждено покупать дома. Какъ вы думаете—будетъ ли это большимъ несчастьемъ?»—вопрошаетъ нововременскій Порфирій Владиміровичъ Головлевъ, и продолжаетъ съ наслажденіемъ пустословить: «Мнѣ кажется, первымъ послѣдствіемъ закрытія границы, будетъ стремительный подъемъ русскихъ производствъ. Къ намъ точно съ неба упадетъ тотъ рынокъ, отсутствіе котораго угнетаетъ всѣ промыслы и котораго мы напрасно ищемъ въ Персіи, Туркестанѣ, Турціи. Къ намъ вернется изъ-за границы нашъ русскій покупатель—все образованное общество, весь богатый клакъ. Спросъ на внутренніе товары подымется на сумму теперешняго ввоза: подумайте, какой это электрическій толчокъ для «предложенія»!..» Что же касается избытка хлѣба, прежде вывозившагося, то «и съ хлѣбомъ не будетъ большой бѣды. Не станутъ его покупать у насъ—хлѣбъ останется дома. Онъ тотчасъ упадетъ въ цѣнѣ и сдѣлается болѣе доступнымъ народной массѣ. Исчезнетъ эта страшная язва—не-

доѣданіе; можетъ быть, исчезнутъ и голодовки: ихъ не было, или они не были столь острыми до той эпохи, когда Россія стала выбрасывать за границу цѣлыя горы зерна. Въ старинныя времена въ каждой усадьбѣ и у каждаго зажиточнаго мужика бывали многолѣтніе запасы хлѣба, иногда прямо сгнивавшіе за отсутствіемъ сбыта. Эти запасы застраховывали отъ неурожаевъ, засухъ, гессенскихъ мухъ, саранчи и т. п... Если вновь появится избытокъ хлѣба въ странѣ, народъ поздоровѣетъ, отъѣстся, говоря грубо, — соберется съ силами для борьбы со стихійными бѣдствіями» и т. д., и т. д.

Можно ли возражать противъ такого безпримѣрнаго пустословія, обезоруживающаго своимъ наивнымъ невѣжествомъ? Въ невинности души своей г. Меньшиковъ увѣренъ, что изъ-за границы Россія получаетъ только дорогія вина, сигары и бархатъ. Только одинъ щедринскій Іудушка могъ бы побѣдоносно выступить противъ и потопить словоизверженіе г. Меньшикова въ собственномъ пустословіи, въ родѣ, напр., такой реплики: «Ахъ, ахъ, ахъ! А я еще думалъ, что вы, г. Меньшиковъ, справедливый человѣкъ, степенный! Ну, а мнѣ-то, скажите, чѣмъ мнѣ-то жить прикажете? Я-то откуда свои расходы долженъ удовлетворить? Вѣдь у меня сколько расходовъ—знаете ли вы? Конца краю, голубчикъ, расходамъ у меня не видно! Я и тому дай, и другого удовлетвори, и третьему вынь да положь! Всѣмъ надо, всѣ Порфирія Владиміровича теребятъ, а Порфирій Владиміровичъ отдувайся за нихъ! Опять и то: кабы я купцу рожь продалъ—я бы денежки сейчасъ на столъ получилъ. Деньги, братъ, святое дѣло. Съ деньгами накуплю я себѣ билетовъ, положу въ вѣрное мѣсто и стану пользоваться процентами! Ни заботушки мнѣ, ни горюшка; отрѣзалъ купончикъ—пожалуйте, денежки. А за рожью-то я еще походи, да похлопочи около нея, да постарайся! Сколько ея усохнетъ, сколько на розсыпь пойдетъ, сколько мышь съѣстъ! Нѣтъ, братъ, деньги какъ можно!» и т. д., и т. д. до безконечности, какъ и г. Меньшиковъ, неутомимо источающій свои рѣчи о мужикѣ, о Россіи для русскихъ и проч.

Столь же основательны и утвержденія нашихъ славянофиловъ современнаго толка объ особомъ національномъ духѣ, который имъ только однимъ удалось узрѣть и, по мѣткому выраженію г. Струве (въ его статьѣ «Въ чемъ же истинный національнизмъ?», напечатанной первоначально въ «Вопросахъ философіи и психологіи»), «снять съ него даже не одну фотографію въ разныхъ позахъ—религіозной, государственной, общественной». Каждый изъ нихъ вкладываетъ въ эти формы свое содержаніе и требуетъ затѣмъ общаго преклоненія, отметая все, что не укладывается въ его формочку, яко ересь, и взывая къ охранѣ. Они желали бы остановить самую жизнь и заковать ее въ излюбленныя оковы «національнаго духа». «Практически это—грубое посягательство на естественное право «исканія»,—говорится въ упомянутой статьѣ, — на право и обязанность человѣка, какъ таковаго, безконечно совершенствовать культуру». Отсюда проистекаетъ та мертвенность, которою отдаютъ всѣ славянофильскія современныя рѣчи. Тамъ, гдѣ все въ движеніи, въ исканіи, въ творчествѣ новыхъ и новыхъ идей, они желали бы внести нѣчто незыблемое, утвердить на вѣки вѣчные нѣкото-

рое status quo, какъ раскольники—букву вмѣсто духа. Между тѣмъ, «національный духъ созидается въ вѣчно творческомъ процессѣ народной жизни, онъ не застываетъ никогда ни въ какую сущность до тѣхъ поръ, пока не прекращается этотъ процессъ; поэтому національный духъ не соизмѣримъ съ тѣми формулами, въ которыя его стремятся втиснуть отдѣльныя лица, направленія и поколѣнія, онъ не тождественъ съ тѣми содержаніями, которыя націоналисты всѣхъ сортовъ такъ старательно пытаются одѣть его соблазнительною, вѣчно юною и пышною тканью. Никто и ничто, никакая формула, ни трехчленная, ни двухчленная, ни одночленная, не можетъ и не имѣетъ права сказать: національный духъ—это я.

«Мы рѣшительно отвергаемъ,—говоритъ г. Струве въ томъ же мѣстѣ упомянутой статьи, — какъ нелѣпое и — да будетъ позволено такъ выразиться— наглое притязаніе присвоить какимъ-нибудь содержаніямъ величество національнаго духа. Но мы знаемъ, какъ можно «въ духѣ и истинѣ» служить этому величеству. Для этого нужно не указывать властной рукой творческому процессу жизни его путей, а пролагать и расчищать ихъ для свободнаго исканія, памятуя, что только свобода творчества обезпечиваетъ національной культурѣ полноту и богатство содержанія, красоту и изящество формы» *).

Свѣжестью повѣяло на насъ отъ этихъ словъ послѣ того, какъ намъ пришлось одолѣть «Зарю» и «Москву» съ ихъ специфическимъ духомъ, отъ котораго, что называется, не продохнешь. Духъ этотъ, однако, не опасенъ, такъ какъ ютится онъ всегда на задворкахъ культуры и, помѣрѣ роста послѣдней, все болѣе и болѣе вытѣсняется за предѣлы общественнаго сознанія. Правда, по временамъ онъ какъ будто оживляется, крѣпнетъ и овладѣваетъ болѣе слабыми умами, какъ, напр., въ недавніе годы во Франціи. Это всегда совпадаетъ съ какимъ-нибудь важнымъ кризисомъ въ ростѣ общества и вмѣстѣ съ минованіемъ его исчезаетъ. Но еще никогда не бывало, чтобы окончательная побѣда принадлежала узкому націонализму, и его непремѣннымъ членамъ — шовинизму, антисемитизму и прочимъ его исключительнымъ качествамъ, — такая побѣда означала бы смерть культурѣ, смерть человѣку, какъ существу, имѣющему право «на самочинное мышленіе и дѣйствованіе».

«Если вѣрно, что «нація есть начало духовное»,—говоритъ г. Струве въ въ заключеніе упомянутой статьи о націонализмѣ,—то истинный націонализмъ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ безусловнымъ уваженіемъ къ единственному реальному носителю и субъекту духовнаго начала на землѣ — къ человѣку. Провозгласить такое уваженіе принципомъ развитія національнаго духа не значитъ бросить громкую фразу. Это значитъ выговорить точное и строгое нравственное правило, вѣрность которому налагаетъ тяжелыя и отвѣтственныя обязательства».

Въ этихъ словахъ лучшій отвѣтъ современнымъ славянофиламъ съ ихъ программой ограничительныхъ мѣръ, образчики которой мы привели выше.

---

*) Цитируемъ по сборнику «На разныя темы», стр. 535 и слѣдующія.

Ростъ личности—вотъ отличительный признакъ нашихъ дней, и ни въ какія рамки больше не уложишь ее, кромѣ тѣхъ, которыя она сама себѣ выберетъ, какъ наиболѣе отвѣчающія именно этому росту. Все, что способствуетъ ему, имѣетъ будущее, — и потому національно; все, что его задерживаетъ—осуждено жизнью на гибель,—и потому противно національному духу, который устами И. С. Аксакова провозгласилъ неотъемлемыми правами всякой личности—свободу слова, мысли и совѣсти. И, по остроумному замѣчанію г. Струве, именно отсутствіе этой свободы прежде всего убило самое славянофильство! «Славянофилитъ «Новое Время», славянофилятъ даже «Московскія Вѣдомости», на разные голоса славянофилитъ «Русское собраніе», но славанофильства и славянофиловъ нѣтъ».

То, что теперь именуется этимъ историческимъ терминомъ, есть грубая поддѣлка, по существу заключающая въ себѣ самый наивный шовинизмъ, съ одной стороны, съ другой—преслѣдованіе узко-сословныхъ интересовъ, преимущественно дворянскихъ. Гдѣ прежній идеализмъ, хотя и туманный, но возвышенный и благородный? Гдѣ прежняя проповѣдь вѣротерпимости и братства по отношенію къ иновѣрцамъ и инородцамъ? Гдѣ прежняя ненависть къ насилію и произволу, ненависть, извлекавшая изъ лиры Хомякова мощные звуки противъ «неправды черной?»

Все это прошло и «быльемъ поросло» для нынѣшнихъ славянофиловъ, а въ лучшемъ случаѣ звучитъ для нихъ горькой насмѣшкой.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Выставка по народному образованію въ Курскѣ. Съ 23-го по 30-е іюня въ г. Курскѣ была открыта устроенная мѣстнымъ губернскимъ земствомъ первая въ Россіи выставка по народному образованію. «Устройство выставокъ,—сказано въ докладѣ коммиссіи курскаго губернскаго земства XXXVII очередному собранію,—является однимъ изъ испытанныхъ средствъ для наиболѣе цѣлесообразнаго направленія и наиболѣе полнаго развитія въ любой отрасли дѣятельности и въ частности въ земскомъ хозяйствѣ. Въ моменты, когда необходимо подсчитать то, что достигнуто, и опредѣлить дальнѣйшіе шаги въ томъ или иномъ кругѣ практическихъ мѣропріятій, выставки являются прекраснымъ способомъ выяснить очередныя нужды, требующія удовлетворенія въ данной области, привлечь къ нимъ, по возможности, широкое общественное вниманіе и освѣтить разрозненныя, на первый взглядъ, мѣры въ цѣльную картину». Таковы задачи выставки. Насколько успѣшно эти задачи были осуществлены, объ этомъ мы можемъ судить по многочисленнымъ отзывамъ, которыми столичная и провинціальная пресса привѣтствовала это въ высокой степени полезное земское начинаніе. Правда, выставка далеко не охватывала всей картины школьнаго дѣла въ Россіи, но и то, что она успѣла дать, представляетъ большую цѣнность, особенно если принять во вниманіе, что предпріятіе курскаго земства—первый опытъ въ этомъ направленіи, и притомъ опытъ, произведенный при крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Ходатайство о разрѣшеніи устроить выставку курское земство направило въ надлежащія учрежденія 19-го декабря 1901 г., а разрѣшеніе на открытіе получено лишь 4-го апрѣля 1902 г. Въ какихъ-нибудь $2^1/_2$ мѣсяца пришлось организовать и и наладить сложное дѣло, которое тѣмъ не менѣе—повторяемъ—надо признать вполнѣ удавшимся. Въ выставкѣ приняли участіе 14 губернскихъ земствъ, 33 уѣздныхъ и, кромѣ того, множество другихъ учрежденій и лицъ, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія.

Открывая выставку, предсѣдатель курской губернской земской управы Н. В. Раевскій обратился къ многочисленнымъ посѣтителямъ съ краткою рѣчью, въ которой, назвавъ выставку праздникомъ народнаго просвѣщенія, указалъ на неожиданный успѣхъ ея. Курское губернское земство опасалось даже за свою губернію, примутъ ли участіе всѣ уѣздныя земства, а оказалось, что на призывъ курскаго земства отозвалась чуть ли не вся земская Россія: на выставкѣ мы видимъ экспонаты и вологодскаго, и вятскаго земствъ, и въ то же время представленъ значительно и югъ Россіи: полтавское уѣздное земство, мелито-

нольское и т. п. Вообще экспонатовъ такъ много, что помѣщеніе выставки, состоящее изъ 15 комнатъ, оказалось тѣснымъ. Это явленіе, несомнѣнно, доказываетъ, что въ такого рода выставкахъ чувствуется потребность, и желательно, чтобы курская выставка была первою ласточкою, чтобы вслѣдъ за нею устраивались выставки въ другихъ мѣстахъ, а затѣмъ и въ такомъ центрѣ, который привлекъ бы всю земскую Россію.

Послѣ этой рѣчи выставка была открыта, и многочисленные посѣтители отправились осматривать выставку подъ руководствомъ объяснителей, имѣющихся въ каждой комнатѣ. Въ теченіе недѣли выставку посѣтило болѣе 5.000 лицъ; было не мало пріѣхавшихъ на выставку изъ Сибири, а два учителя пришли изъ Тверской губерніи пѣшкомъ. Выставка не просто осматривалась, она изучалась,—въ различныхъ углахъ выставочнаго помѣщенія можно было наблюдать народныхъ учителей и учительницъ, дѣлающихъ выборки изъ разнообразныхъ діаграммъ, записывающихъ названія представленныхъ на выставку изданій, внимательно и подробно разспрашивающихъ о тѣхъ предметахъ, которые, по ихъ мнѣнію, можно съ пользою употребить у себя, и т. д.

Изъ діаграммъ, относящихся къ движенію просвѣщенія въ Россіи отмѣтимъ здѣсь діаграммы, выражающія процентъ грамотныхъ новобранцевъ въ Россіи и Курской губ. по сравненію съ Западной Европой. Въ Россіи грамотныхъ новобранцевъ въ 1898 г. было 44 проц., меньше, чѣмъ въ Италіи, на 14 проц., чѣмъ въ Венгріи, на 20 проц.; въ Австріи въ томъ же году было 69 проц. въ Бельгіи 84 проц.; во Франціи 90, въ Голландіи 92, въ Пруссіи 99,9; въ Германіи 99,4; въ Швеціи 99,8; въ Гессенѣ 99,88, а въ Саксоніи, Баварія и Баденѣ 100 проц.

О заслугахъ русскаго земства передъ народной школой ясное представленіе даютъ слѣдующія цифры. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1896 г. проц. учащихся ко всему населенію земскихъ и неземскихъ губерній былъ для земскихъ—2,3. Для неземскихъ губерній: Астраханской, Архангельской, Оренбургской и войска Донского—1,2, для сѣверо-зап. края 1 проц. и для юго-запад. края—0,7.

Если сравнить населеніе этихъ четырехъ районовъ, число школъ и количество населенія, приходящагося на одну школу, то получимъ такую таблицу:

	Населеніе.	Число школъ.	Число жителей на одну школу.
Земскія губерніи........	58.019.328	17.627	3.310
Неземскія: Архангельская, Астраханская, Оренбургская, обл. войска Донскаго	4.949.549	721	6.066
Сѣверо-западн. край.....	8.925.280	1.453	6.143
Юго-западн. край.......	8.704.203	1.021	8.525

Эти данныя подкрѣпляются еще больше діаграммами, свидѣтельствующими о процентѣ грамотныхъ новобранцевъ въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ за рядъ десятилѣтій.

Годы.	Неземск. губерн.	Земск. губер.	Вся Россія.
1878	21,3%	20,81	21,05
1888	25,26	33,05	30,14
1898	36,39	59,02	44,5

Помимо картограммъ и діаграммъ, характеризующихъ развитіе народнаго образованія въ Россіи вообще и въ отдѣльныхъ губерніяхъ и уѣздахъ въ частности, посѣтители выставки сильно интересовались представленными вятскимъ земствомъ работами мастерской учебныхъ пособій. Опытъ вятскаго земства, какъ показала выставка, не остается единичнымъ, такъ, курское земство выставило слѣдующіе экспонаты собственной мастерской музея наглядныхъ пособій: 1) элементарную коллекцію наглядныхъ учебныхъ пособій стоимостью въ 12 руб., выработанную совмѣстно съ с.-петербургскимъ подвижнымъ музеемъ; 2) собраніе наглядныхъ учебныхъ пособій для подвижныхъ школьныхъ музеевъ въ районахъ въ 30 сельскихъ земскихъ школахъ Курской губерніи; 3) химическіе приборы, изготовленные домашними средствами. Особенность такихъ приборовъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ всѣ стклянки сдѣланы изъ бутылокъ отъ «монопольки»: бутылки эти оказались въ данномъ случаѣ особенно пригодны. Что касается подвижныхъ школьныхъ музеевъ, то расходъ на нихъ не превышаетъ 200 рублей. Издатель журнала «Волшебный Фонарь» г. Пашковскій экспонировалъ фонарь-фотоскопъ, благодаря которому является возможность показывать любую иллюстрацію, любую картину, не прибѣгая къ дорого стоющимъ картинамъ на стеклѣ. Пашковскій во время демонстраціи прибора бралъ любую книгу, между прочимъ, оказавшійся подъ рукой иллюстрированный каталогъ и получалъ отчетливое изображеніе физическихъ приборовъ. Окрашенныя картины передаются съ сохраненіемъ всѣхъ красокъ. Еще болѣе поразительный эффектъ получался, когда г. Пашковскій показывалъ, при помощи фотоскопа, на экранѣ, которымъ служила бѣлая стѣна, механизмъ движенія колесъ въ карманныхъ часахъ. Рядомъ съ этимъ большой интересъ возбуждали экспонаты княгини Крапоткиной, представившей свѣтовыя картины для волшебнаго фонаря, изготовленныя посредствомъ дамарнаго лака. Достоинства этого способа—какъ сказано въ объяснительномъ листкѣ, раздававшемся публикѣ—заключается въ дешевизнѣ картинъ и въ томъ, что почти любая картина можетъ быть обращена въ свѣтовую. Въ свѣтовыя картины могутъ быть обращены всякаго рода изображенія на бумагѣ, какъ одноцвѣтныя, такъ и отпечатанныя красками или раскрашенныя отъ руки, хромолитографіи, гравюры, фототипіи, цинкографіи, фотографическіе снимки, рисунки отъ руки, акварельные и простые. Эффектъ достигается тѣмъ, что картины, какъ напечатанныя, такъ и нарисованныя, промазываются дамарнымъ лакомъ. Денежная стоимость картинъ ничтожная, потому что одинъ пузырекъ лака цѣною въ 15 коп. достаточенъ для смазыванія 45 картинъ

Не имѣя возможности сдѣлать здѣсь сколько-нибудь полный и систематическій обзоръ выставки, отмѣтимъ въ заключеніе очень интересный отдѣлъ секретаря курской губернской управы Е. А. Звягинцева, который экспонировалъ «школьные таланты». Онъ обратился во всѣ уголки Курской губерніи съ запросамъ о талантливыхъ дѣтяхъ и предложеніемъ прислать данныя, доказывающія ихъ талантливость. И вотъ, съ разныхъ концовъ г. Звягинцеву прислали рисунки, лѣпныя работы, стихи, разсказы, произведенія ручного труда, доказывающія, что не мало таится талантовъ въ нашихъ медвѣжьихъ углахъ,—талантовъ, которымъ, вѣроятно, придется померкнуть, не расцвѣтши, благодаря убійственнымъ деревенскимъ условіямъ.

Курское губернское земство получило множество привѣтствій и благодарностей за свой добрый починъ, выполненный имъ съ полною добросовѣстностью и любовью. Надо надѣяться, что примѣръ курскаго земства не останется безъ продолженія.

Духовные запросы народнаго земскаго учителя. Учительскій персоналъ земскихъ школъ Самарской губерніи былъ опрошенъ недавно особыми вопросными листками о его матеріальномъ положеніи и духовныхъ потребностяхъ. Сводъ отвѣтовъ, данныхъ по этимъ листкамъ, приведенъ въ «Самарской газетѣ», изъ которой мы и черпаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о духовныхъ запросахъ земскаго учителя.

Среди учительскаго персонала земскихъ школъ Самарской губерніи по возрасту преобладаютъ молодые люди. Группа отъ 18 до 25 лѣтъ дала 125 показаній или 36,3 проц., отъ 25—35 лѣтъ 129 или 37,5 проц.; на остальныя группы лицъ, старѣе 35 лѣтъ, приходятся остальные 26,2 проц. Такимъ образомъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что молодые люди въ возрастѣ до 30 лѣтъ даютъ намъ половину всѣхъ показаній. Занимающихся педагогической дѣятельностью отъ 1 до 5 лѣтъ 136 человѣкъ или 39,5 проц. и отъ 5 до 10 лѣтъ 19,8 проц., старыхъ учителей значитъ 31,7 проц. Несемейныхъ 93 человѣка или 27 проц., имѣющихъ до 3 дѣтей 29,1 проц. и многосемейныхъ 53,5 проц. Что касается матеріальныхъ условій жизни, то лицъ, получающихъ жалованье отъ 180 до 240 руб. числится 49 или 14,2 проц., 240—300 р. 102 или 29,7 проц., отъ 300 до 400 р. 37 или 28,2 проц. и свыше 400 руб. 26,7 проц.

При такомъ невысокомъ матеріальномъ достаткѣ трудно, разумѣется, дѣлать сбереженія на пріобрѣтеніе книжнаго инвентаря, который вообще скудно пополняется русскимъ культурнымъ человѣкомъ средняго типа. Оказывается, тѣмъ не менѣе, что 77 человѣкъ или 22,4 проц. имѣютъ библіотеки въ 50 р., 23—отъ 50 р. до 100 р. и 11 чел. или 3,2 проц. свыше 100 р. Стало быть, почти $^1/_3$ наличнаго педагогическаго персонала считаетъ возможнымъ удѣлить часть своего скромнаго бюджета на покупку книги, а значитъ, книга для нихъ стала не только потребностью, но даже необходимостью. Жаль, между прочимъ, что нѣтъ данныхъ о характерѣ книгъ. 35,5 проц. или 122 челов. выписываютъ періодическія изданія (мы не знаемъ, какія, хотя это было бы

очень желательно), 80,8 проц. или 278 человѣкъ пользуются книгами для чтенія со стороны. Такимъ образомъ, полагая даже, что всѣ имѣющіе свои библіотеки и выписывающіе періодическія изданія не берутъ книгъ со стороны (а этого можетъ и не быть), получимъ, что лишь около $^1/_5$ части не интересуются ничѣмъ внѣ своего мірка. Процентъ все же довольно крупный.

Отвѣты на вопросъ о томъ, по какимъ предметамъ учащіе желали бы пополнить свое образованіе, показали, что больше всего пробѣлы сознаются въ преподаваемыхъ ими предметахъ. Пополнить свое образованіе пожелали: по русскому языку 27, математикѣ 36, педагогикѣ 62 и дидактикѣ 28; въ общей суммѣ это даетъ цифру 153; въ эту же группу можно отнести и чисто прикладныя знанія, какъ-то: сельское хозяйство 4, садоводство и огородничество 31, пчеловодство 13, рукодѣліе 7, ремесла 2, кулинарное дѣло 1 и шелководство 1, а всего 59, что съ прежними составитъ 212 заявленій. Остальные предметы, какъ неимѣющіе прямого отношенія къ педагогической дѣятельности, мы отнесемъ въ другую группу, гдѣ преобладаютъ: естественныя науки 42, психологія 24, исторія 26, географія 24, исторія русской литературы 20, всего 136; далѣе идутъ логика 8, медицина 8, гигіена 7, затѣмъ отъ 1 до 5 требованій на исторію философіи, право, физіологію и др., а всего 49; сюда же можно причислить музыку и пѣніе—27, итого 212.

По мнѣнію «Самарск. Газеты», цифры эти доказываютъ стремленіе учащихъ къ знанію, прежде всего, въ цѣляхъ практическихъ и довольно узкихъ; преобладаютъ запросы на то, что нужно для непосредственнаго жизненнаго обихода въ школѣ, дома, среди крестьянства. Лицъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ и болѣе развитыми умственными запросами сравнительно весьма мало. Составъ учащихъ по образованію даетъ довольно наглядное объясненіе этому, надо признать, естественному при данныхъ условіяхъ явленію. Лицъ, получившихъ полное среднее образованіе въ гимназіяхъ или институтахъ и пр. 49 или 14,3%, окончившихъ спеціально педагогическія заведенія—учительскія семинаріи, земскую школу сельскихъ учительницъ и епархіальныя училища 210 или 58,4% и, наконецъ, довольно много лицъ съ низшимъ образованіемъ—94 или 27,3%. Эти цифры говорятъ сами за себя. Всякій прошедшій среднюю школу на себѣ испыталъ ея недостатки; въ смыслѣ умственнаго развитія и возбужденія умственныхъ интересовъ она не даетъ рѣшительно ничего; всѣ вопіютъ, что она даетъ только кучу знаній, но совершенно не учитъ думать.

Прототипы героевъ «Войны и Мира». Недавно г. Ерошевичъ, на основаніи цѣлаго ряда архивныхъ матеріаловъ доказывалъ въ «Русск. Инв.», что герой «Войны и Мира» Тушинъ—лицо вполнѣ реальное, и что въ немъ выведенъ штабсъ-капитанъ Я. И. Судковъ, стоявшій въ «легкой ротѣ вакантной» 4-го артилерійскаго полка. Теперь «Тифлисскій Листокъ» разсказываетъ, что прототипомъ другого героя этой замѣчательной исторической поэмы точно также послужило дѣйствительно существовавшее лицо. Звали его Руфинъ Ивановичъ Дороховъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ молодого гвардейца съ ясными голубыми

глазами, игрока и бретера, который держалъ съ англичаниномъ Стивенсомъ пари, что выпьетъ бутылку рому, сидя на окнѣ третьяго этажа съ опущенными наружу ногами. Знаменитый романистъ познакомился съ Дороховымъ во время службы своей на кавказской линіи и воспользовался особенностями его характера для художественнаго созданія типа человѣка, который, какъ бы «соскучившись ежедневною жизнью, чувствовалъ временами необходимость какимъ-нибудь страннымъ, большею частью жестокимъ, поступкомъ выходить изъ нея». Дороховъ принадлежалъ именно къ такого рода людямъ. По рожденію, воспитанію и способностямъ онъ могъ разсчитывать на блестящую карьеру, а между тѣмъ едва не половину своей службы провелъ въ солдатской шинели. Послѣ каждаго разжалованія онъ совершалъ подвиги храбрости, чтобы заслужить офицерскіе эполеты, но лишь надѣвалъ ихъ, какъ вновь навлекалъ на себя кару закона. По отзыву близко знавшаго его на Кавказѣ декабриста Гангеблова, это былъ человѣкъ благовоспитанный, пріятный собесѣдникъ, острый и находчивый, но имѣлъ неукротимый характеръ, который нерѣдко проявлялся въ немъ ни съ того, ни съ сего. Въ такія минуты никто и ничто не могло удержать его.

Первое разжалованіе постигло Дорохова въ 1819 году, когда онъ былъ 15-лѣтнимъ прапорщикомъ. Кампанія 1827 года возвратила Дорохову офицерскіе эполеты.

Осенью 1829 г. Дороховъ уже въ чинѣ поручика и съ золотою саблею за храбрость отправился для лѣченія на кавказскія минеральныя воды. Въ Тифлисѣ уговорился онъ ѣхать дальше съ декабристомъ М. И. Пущинымъ. Тотъ, зная нравъ своего спутника, согласился взять его въ свою коляску до первой драки съ кѣмъ бы то ни было. Дороховъ подчинился, но могъ выдержать условіе только до Душета. Здѣсь поколотилъ своего деньщика. Пущинъ бросилъ его, и онъ уѣхалъ одинъ...

Во Владикавказѣ нагналъ его А. С. Пушкинъ, возвращавшійся изъ Эрзерума. Любитель оригинальныхъ характеровъ, поэтъ упросилъ Пущина взять съ собою Дорохова. «Долго я не хотѣлъ на это согласиться,—пишетъ Пущинъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—увѣряя Пушкина, что Дороховъ по натурѣ своей не можетъ не драться. Пушкинъ все свое краснорѣчіе употреблялъ, чтобы меня уговорить согласиться на его просьбу, находя тьму граціи въ Дороховѣ и много прелести въ его товариществѣ. Въ этомъ я былъ совершенно съ нимъ согласенъ и, наконецъ, согласился на убѣдительную его просьбу принять Дорохова въ наше товарищество, но только позволилъ себѣ сдѣлать съ обоими новый уговоръ: во все время нашего слѣдованія въ карты между собою не играть. Скрѣпя сердце, оба дали мнѣ въ этомъ честное слово. Тяжело было обоимъ во время приваловъ и ночлеговъ: одинъ не смѣлъ бить своего деньщика, а другой не смѣлъ заикнуться о картахъ, пытаясь, однако, у меня нѣсколько разъ о сложеніи тягостнаго для нихъ договора».

Послѣ многочисленныхъ и выдающихся подвиговъ, которыми искупались навлекшія кару провинности, Дороховъ собралъ команду удальцовъ, съ которыми совершалъ чудеса храбрости въ стычкахъ съ горцами. Въ 1840 году эту

команду принялъ отъ него Лермонтовъ во время похода въ Чечню. Въ 1841 г., когда Лермонтовъ былъ убитъ, Дороховъ находился въ Пятигорскѣ и чуть не поколотилъ священника, отказывавшагося совершить надъ убитымъ христіанскій обрядъ погребенія.

О смерти Руфина Ивановича газета разсказываетъ:

«Полвѣка тому назадъ, 18-го января 1852 года, въ лѣсистомъ ущельѣ горной рѣчи Готы, въ Малой Чечнѣ, произошла кровавая катастрофа, всѣ подробности которой не выяснены до сихъ поръ: атаманъ кавказскаго казачьяго войска ген.-м. Ф. А. Круковской былъ убитъ чеченцами. Вмѣстѣ съ нимъ пали сопровождавшіе его офицеры и конвойные казаки. Подоспѣвшіе къ мѣсту катастрофы гребенская сотня и баталіонъ куринцовъ нашли только изрубленные и ограбленные трупы. Въ числѣ убитыхъ находился начальникъ ракетной команды хорунжій Руфинъ Ивановичъ Дороховъ».

Гимназическій журналъ. «Крымскій курьеръ» приводитъ интересныя выдержки изъ перваго номера журнала «Разсвѣтъ» (за декабрь прошлаго года), издававшагося учениками VI и VII классовъ Р—ской гимназіи. О задачахъ журнала даетъ представленіе статья, озаглавленная: «Значеніе журнала».

«Живемъ ли мы,—спрашиваетъ редакція полною жизнью,—дышемъ ли мы свободно, учась въ гимназіи? Каждый согласится, что нѣтъ. Гимназическая среда, выработанная общими усиліями классицизма и поколѣніями сухихъ, мертвыхъ, какъ ихъ предметы, формалистовъ, чиновниковъ - педагоговъ, ихъ отношеніемъ къ своему дѣлу, какъ къ непріятной обязанности, къ воспитанникамъ, какъ къ нерадивымъ подчиненнымъ, личнымъ своимъ врагамъ, системы наказаній, являющихся не исправленіемъ, а местью—не есть среда жизненная. Отсутствіе высшихъ интересовъ, незнакомство съ дѣйствительностью и съ возбуждаемыми ею научными, соціальными и литературными вопросами, нежеланіе выходить изъ узкой будничной сферы съ ея заботами объ отмѣткахъ, о томъ, что спросятъ-ли завтра, множество спеціальныхъ гимназическихъ предразсудковъ—вотъ отличительные признаки этой среды. Но, говоря про среду, всего этого нельзя сказать про каждую отдѣльную личность. У всякаго есть интересы, поднимающіеся надъ этой средой. Но замѣтны эти интересы лишь у немногихъ, все время пребыванія въ гимназіи боровшихся напряженно съ рутиной и выдержавшихъ эту борьбу; остальные же, не встрѣчая ни малѣйшаго намека на сочувствіе, подавляемые средой, скрываютъ свои лучшіе порывы въ самихъ себѣ, будучи сами по себѣ не такими, какими привыкли быть и казаться. Пробудить эти порывы и интересы, сообща обсудить ихъ, дать возможность каждому открыто высказать свои убѣжденія, подѣлиться своими знаніями сомнѣніями, впечатлѣніями вотъ цѣль нашего журнала. И въ наше время, время школьныхъ реформъ, когда распадаются ржавыя цѣпи классицизма, когда только и пишутъ, и говорятъ объ увеличеніи значенія средней школы, о необходимости расширенія умственнаго и нравственнаго кругозора учащихся,—не пора ли и намъ самимъ позаботиться о саморазвитіи, знакомствѣ съ ожидающей насъ жизнью и дѣятельностью. И кто сочувствуетъ всякимъ лучшимъ поры-

вамъ, будь то стремленіе впередъ, или реформа нашей школы, или желаніе развиться и познакомиться съ жизнью—тотъ не можетъ не сочувствовать нашему журналу».

Изъ другихъ статей въ первомъ выпускѣ «Разсвѣта» напечатаны: «Очеркъ о Никитинѣ»,—небольшая но тепло и задушевно написанная характеристика поэта-народника, «Нѣчто о Шумовѣ, какъ типѣ гимназической жизни»—типъ гимназиста (героя одного изъ разсказовъ г. Тимковскаго), котораго сгубила гимназическая среда и пошлая домашняя обстановка; «Добролюбовъ и «Московскія Вѣдомости», прекрасная апологическая статья по поводу непристойнаго фельетона г. Басаргина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о Добролюбовѣ. «Изложеніе политической экономіи въ главнѣйшихъ элементахъ» (начало статьи), краткое, но общедоступное изложеніе основныхъ положеній, и нѣкоторыя другія статьи.

На могилѣ Г. А. Мачтета. Нѣкто г. М. У. М—ный «больной житомірецъ, волею судебъ заброшенный въ Ялту», посвящаетъ памяти Г. А. Мачтета въ «Южномъ Курьерѣ» обширное письмо, изъ котораго мы беремъ здѣсь небольшую выдержку, представляющуюся намъ поучительнымъ дополненіемъ къ только что сдѣланной характеристикѣ гимназическаго журнала «Разсвѣтъ». Г. М—ный разсказываетъ о своемъ тяжеломъ настроеніи, въ какое привелъ его унылый видъ заброшенной могилы Мачтета на ялтинскомъ кладбищѣ.

«Посидѣвъ (возлѣ могилы) минутъ десять, я отправился—пишетъ онъ—отыскивать сторожа, чтобы переговорить съ нимъ на счетъ заботъ по уходу за могилкой дорогого намъ человѣка.

«Сторожа не оказалось дома. Вечеромъ, того же дня, гуляя въ саду съ дѣтворой своихъ знакомыхъ, я встрѣтилъ гимназиста VIII-го класса, а затѣмъ студента—обывателей Ялты, представился, передалъ имъ привѣтъ и просьбу отъ житомірской учащейся молодежи смотрѣть за могилой того, кто былъ такъ чутокъ къ ихъ брату, чтобы они передали это и меньшимъ товарищамъ. Гимназистъ и студентъ обѣщали исполнить просьбу. Дѣткамъ, что были со мной (гимназисты и гимназистки), я разсказалъ біографію Мачтета, разсказалъ имъ нѣкоторыя изъ его произведеній; они слушали очень внимательно. На завтра, въ часъ дня, въ сильнѣйшую жару, я отправляюсь снова на кладбище, для переговоровъ со сторожемъ; сторожа снова не застаю дома; отправляюсь на могилу Г. А. и застаю моихъ спутниковъ двухъ гимназистовъ III-го и V-го классовъ двухъ гимназистовъ IV-го класса, съ ножикомъ, леечкой, водой, которые копали землю, садили вокругъ могилки бордюрныя растенія, а въ серединѣ—розы и кактусъ; которые бѣгали за водой, поливали, суетились, которые обѣщали завтра привести и посѣять семена ковровыхъ растеній, пока наступитъ осень и можно будетъ насадить кипарисовъ, магнолій и др. Тутъ же присутствовала и маленькая дѣвочка сторожа, которую я просилъ поливать утромъ и вечеромъ посаженные на могилкѣ зелень и цвѣты. Покончивъ съ работами на дорогой намъ могилкѣ, мы сѣли тутъ же, недалеко, на краю богатаго памятника, окруженнаго стройными кипарисами и чудными магноліями,

тутъ-же я передалъ милымъ дѣткамъ, что зналъ о жизни Мачтета, крѣпко прося ихъ заботиться объ этой могилкѣ, равно передать объ этомъ своимъ товарищамъ и товаркамъ. Молчаніе этихъ скромныхъ, невинныхъ, милыхъ дѣтокъ было порукой за то, что они все исполнятъ. Черезъ полчаса мы тронулись въ городъ, будучи всѣ совершенно довольны, они, что сдѣлали доброе дѣло, а я, что могила дорогого намъ человѣка теперь не заростетъ сорной травой, а будетъ въ зелени и цвѣтахъ, какъ и сосѣднія могилки, ибо она теперь находится подъ охраной и опекой тѣхъ, кто такъ чутокъ ко всему хорошему, кого еще жизнь не успѣла сдѣлать черствыми».

Какъ легко, оказывается, пробудить въ чистой дѣтской душѣ тѣ «лучшіе порывы», о подавленіи которыхъ сухой гимназической рутиной разсказываетъ «Разсвѣтъ». Пришелъ чужой человѣкъ, сказалъ нѣсколько теплыхъ искреннихъ словъ о покойномъ писателѣ, и этого было достаточно, чтобы вызвать въ чуткихъ сердцахъ дѣятельную любовь къ памяти того, о комъ они только что услыхали впервые.

Человѣкъ-звѣрь. Корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ о выходящемъ изъ ряда вонъ преступленіи, совершенномъ въ первыхъ числахъ мая на ст. Тихорѣцкой, Владикавказской желѣзной дороги. Фактъ провѣренъ корреспондентомъ и никакихъ возраженій не вызвалъ.

«1-го мая текущаго года изъ города Екатеринодара по Новороссійской вѣтви выѣхала къ своимъ знакомымъ въ ст. Песчанокопскую молодая 18-ти-лѣтняя барышня, дворянка, дочь чиновника (г-жа Золотова). Въ пути съ ней ѣхалъ въ томъ же вагонѣ судебный слѣдователь со ст. Тихорѣцкой, человѣкъ относительно молодой. Слѣдователю приглянулась очень недурная собой одинокая пассажирка. Въ вагонѣ пассажировъ было мало. Слѣдователь, забывъ всякій стыдъ, сдѣлалъ гнусное предложеніе. Получивъ краснорѣчивый отпоръ, представитель правосудія подъ маской лицемѣрія скрылъ обиду и свои животныя вожделѣнія, но не отказался отъ нихъ. Не доѣзжая ст. Тихорѣцкой, судебный слѣдователь положилъ часть своихъ вещей въ ручной багажъ дѣвушки, а въ Тихорѣцкой обвинилъ несчастную въ воровствѣ и приказалъ арестовать ее. Голословнаго заявленія было достаточно, чтобы, не взирая на слезы и слова оправданія, пассажирка была арестована и заключена въ кордегардію при станціи. И вотъ здѣсь-то надъ лишенной свободы и защиты дѣвушкой слѣдователь произвелъ гнусное насиліе, а затѣмъ опозоренную отдалъ на поруганіе низшихъ чиновъ администраціи поселка. Послѣдніе даже стали торговать несчастной, впуская къ ней за плату казаковъ, которые здѣсь обнаружили достаточную степень массового одичанія. Такъ велось дѣло до 6-го мая. Въ этотъ день З. отравилась, принявъ растворъ карболовой кислоты, и къ вечеру, не приходя въ сознаніе, скончалась. Такъ какъ участниковъ злодѣйскаго поруганія надъ личностью страдалицы было довольно много, то скоро все населеніе поселка узнало ужасную правду. Какъ отнеслось интеллигентное населеніе поселка къ совершенному злодѣйству, я не знаю. Но вотъ на 9-е мая было назначено вскрытіе и погребеніе страдалицы, и здѣсь-то дѣло приняло новый

оборотъ. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо, въ числѣ болѣе 2.000 человѣкъ, явились на кладбище и заявили властямъ, что просятъ имъ выдать насильниковъ, говоря, что они ихъ разорвутъ на куски и закопаютъ въ могилу съ жертвой. Кровавый самосудъ не могъ совершиться, такъ какъ слѣдователь бѣжалъ спустя день послѣ отравленія дѣвушки; урядникъ съ товарнымъ поѣздомъ тоже поспѣшилъ скрыться на ст. Кавказскую, а помощникъ атамана ускакалъ въ станицу Архангельскую. На мѣсто происшествія прибыли прокуроръ и судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Слѣдствіе ведется энергично. Въ поселкѣ попрежнему непокойно. По смерти З. прибыли родители ея; ранѣе они не знали, гдѣ она находится, хотя отъ Тихорѣцкой до Екатеринодара — всего около 100 верстъ, и имѣй несчастная возможность подать роднымъ вѣсть о себѣ,—жизнь ея, вѣроятно, была бы спасена».

Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» находимъ подробныя выдержки изъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за вторую половину 1900 года. Къ половинѣ 1900 г. въ Европейской Россіи и въ Бакинской губерніи было 17.997 промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи. На каждое заведеніе приходилось въ среднемъ около 94 человѣкъ рабочихъ изъ общаго числа 1.666.177 чел. Двѣ трети фабрикъ имѣли не болѣе 50 человѣкъ рабочихъ и лишь 1,3 на сто фабрикъ пользовались трудомъ болѣе чѣмъ 1.000 рабочихъ (всего 238 заведеній). За полгода инспекторами было посѣщено 9.120 заведеній (50,7% всего числа, а всѣхъ посѣщеній было 15.786, т.-е. почти по два (1,7) на каждое изъ посѣщенныхъ заведеній. Хотя ближайшими поводами посѣщеній были общій надзоръ за выполненіемъ законовъ и надзоръ за паровыми котлами, однако, болѣе чѣмъ въ 1/10 случаевъ посѣщенія вызывались жалобами рабочихъ на завѣдующихъ и послѣднихъ на рабочихъ.

Наиболѣе частымъ поводомъ жалобъ завѣдующихъ на рабочихъ былъ самовольный отказъ отъ работы вопреки договору—1.345 изъ числа всѣхъ 2.745 поводовъ, т.-е. 49% случаевъ. Завѣдующіе жаловались всего на 2.697 рабочихъ (0,16% общаго числа), и въ четвертой части случаевъ жалобы оказались неосновательными (540 случаевъ) или подлежащими судебному преслѣдованію самими завѣдующими (108 случаевъ). Миролюбиваго соглашенія инспекціи удалось достигнуть по отношенію къ 787 рабочимъ (29,5% всѣхъ подавшихъ поводъ къ жалобѣ), а 847 рабочихъ были привлечены инспекціей къ судебной отвѣтственности по ст. 54, уст. о наказаніяхъ за самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или при наймѣ на срокъ неопредѣленный безъ предупрежденія за двѣ недѣли.

Жалобы рабочихъ на завѣдующихъ были болѣе многочисленны. Они поступили за отчетное полугодіе съ 4.013 заведеній, въ 8.992 единоличныхъ и 871 коллективныхъ, отъ лица 15.005 рабочихъ. Бо́льшая часть единоличныхъ жалобъ рабочихъ была разобрана тотчасъ же въ канцеляріяхъ (5.163), остальныя же и большинство жалобъ коллективныхъ (67% всего числа) потребовали предварительнаго разслѣдованія на мѣстѣ.

Единоличныя жалобы 2.629 рабочихъ (29,3%) были признаны неосновательными, 5.057 рабочихъ (56,4% жаловавшихся) получили удовлетвореніе вполнѣ (3.755 чел.) или отчасти (1.302 чел.) и только 10,9% жалобщиковъ не могли быть удовлетворены за несостоявшимся соглашеніемъ съ завѣдующими.

Большинство коллективныхъ жалобъ (70,9% отъ лица 11.898 рабочихъ) удовлетворены вполнѣ (480) или отчасти (133). Соглашенія не состоялось по 76 жалобамъ отъ лица 1.089 рабочихъ и въ 163 случаяхъ жалобъ отъ лица 2.410 рабочихъ послѣдовалъ отказъ по неосновательности.

Коллективныя неудовольствія рабочихъ выразились, сверхъ того, въ 77 случаяхъ забастовками, въ которыхъ участвовало 20.281 чел. Недоразумѣнія, однако, улаживались по большей части очень скоро при посредничествѣ фабричныхъ инспекторовъ, такъ что почти половина забастовокъ (36) продолжалась не долѣе 1 сутокъ, 13—до 2 сутокъ и 14—до 3 сутокъ. Остановка работъ на время до 1 недѣли наблюдалась въ 12 случаяхъ и лишь въ 2 случаяхъ—въ Рязанской губерніи 98 человѣкъ и въ Бессарабской 12 человѣкъ—не работали до 2 недѣль.

Табелей взысканій съ рабочихъ за неисправную работу, за прогулъ и за нарушеніе порядка было утверждено инспекторами 1.012 и разрѣшеній на выдачу пособій изъ штрафныхъ капиталовъ фабрикъ дано 16.254.

Обычай штрафовать рабочихъ наиболѣе распространенъ на фабрикахъ Владимірской и Московской губерній, гдѣ раньше всего былъ введенъ законъ 3-го іюня 1886 г.

Въ общемъ, изъ 18.312 заведеній, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи къ концу 1900 года, штрафы взыскивались только на 4.913, т.-е. въ 26,8% фабрикъ.

Сумма всѣхъ штрафныхъ капиталовъ на этихъ фабрикахъ къ 1-му января 1900 г. достигала 2.408.898 р. 58 к., въ теченіе года поступило взысканныхъ штрафовъ и доходовъ съ имѣвшихся на лицо въ % бумагахъ или въ сберегательныхъ кассахъ денегъ — 872.003 р. 46 к. (Въ это число вошли 5.215 р. 95 к., внесенные владѣльцами фабрикъ въ штрафные капиталы въ качествѣ пожертвованія и пр.). Оборотъ всѣхъ кассъ выражался въ концѣ года 3.280.902 р. 4 к. Израсходовано въ теченіе 1900 г. 688.525 р. 48 к. и къ 1-му января 1901 г. осталось на лицо 2.592.376 р. 57 к., изъ которыхъ 2.056.673 р. 28 к. приходятся на долю фабрикъ центральнаго промышленнаго района.

Нарушенія законовъ и различныхъ изданныхъ въ развитіе ихъ правилъ и обязательныхъ постановленій были обнаружены фабричными инспекторами за отчетное полугодіе въ 15.269 случаяхъ, причемъ, однако, въ разсчетъ не принималось число рабочихъ, относительно которыхъ было допущено нарушеніе закона. Такимъ образомъ, напр., неправильное веденіе разсчетныхъ книжекъ или работа малолѣтнихъ, болѣе продолжительная въ теченіе дня, чѣмъ-то допускаетъ законъ, когда такія явленія обнаруживались при посѣщеніи фабрики, считались за одно нарушеніе, хотя бы они имѣли мѣсто по отношенію многихъ рабочихъ.

Только въ 6% случаевъ (922) были составлены протоколы по поводу нарушеній закона, въ остальныхъ же, за отсутствіемъ злой воли, инспектора ограничивались занесеніемъ замѣчаній и предупрежденій въ особую книгу, имѣющуюся въ каждомъ подчиненномъ надзору заведеніи.

Бóльшая часть протоколовъ, составленныхъ по различнымъ нарушеніямъ относительно рабочихъ и устройства и содержанія рабочихъ помѣщеній, была направлена въ присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ (379 изъ 597) и лишь 168 были переданы въ общія судебныя установленія.

За мѣсяцъ. Образованные на основаніи Высочайше утвержденнаго 22-го марта 1902 г. положенія особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности мѣстные комитеты, только что приступивъ къ возложенной на нихъ работѣ, признали, что указанный имъ срокъ для представленія отзывовъ особому совѣщанію—15-е октября 1902 г.—недостаточенъ для обстоятельнаго выясненія мѣстныхъ нуждъ. Въ виду этого, съ Высочайшаго соизволенія, разрѣшено продлить срокъ представленія комитетами отзывовъ особому совѣщанію, но съ тѣмъ, чтобы отзывы комитетовъ были представлены во всякомъ случаѣ, не позднѣе 1-го февраля 1903 г.

Не ожидая поступленія того громоздкаго матеріала, который будетъ доставленъ къ указанному сроку мѣстными комитетами и потребуетъ, вѣроятно, не мало времени для одной только систематической сводки и группировки его, особое совѣщаніе теперь же приступило къ обсужденію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ своей программы по существу.

Обсуждая вопросъ объ организаціи мелкаго народнаго кредита, особое совѣщаніе пришло къ заключенію, что дѣйствующее нынѣ положеніе объ учрежденіи мѣстнаго кредита въ общемъ удовлетворяетъ своему назначенію въ качествѣ закона, нормирующаго этотъ кредитъ; уставы же и правила сельскихъ и волостныхъ банковъ и кассъ, а равно другихъ учрежденій сословнаго типа сохранившихъ прежнюю организацію, требуютъ пересмотра. Предрѣшивъ затѣмъ вопросъ о томъ, въ какихъ вѣдомствахъ надлежитъ сосредоточить учрежденія мелкаго кредита, какія вѣдомства будутъ приглашены къ участію въ этихъ учрежденіяхъ, какія вѣдомства могутъ снабдить эти учрежденія основными капиталами, особое совѣщаніе передало вопросъ объ организаціи кредита въ особую подготовительную комиссію.

Для обсужденія вопроса о желѣзнодорожныхъ перевозочныхъ тарифахъ въ засѣданіе особаго совѣщанія приглашены были свѣдущія лица, въ составѣ наиболѣе видныхъ защитниковъ нынѣ дѣйствующей тарифной системы. При содѣйствіи этихъ лицъ особое совѣщаніе пришло къ заключенію, что существующіе хлѣбные тарифы вполнѣ удовлетворительны и пересмотръ ихъ, тѣмъ менѣе переработка не вызываются интересами сельскаго хозяйства.

Затѣмъ совѣщаніе подвергло подробному и обстоятельному обсужденію вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли стремиться къ увеличенію производства въ Россіи зерновыхъ хлѣбовъ и нельзя ли ожидать, въ случаѣ быстраго возрастанія зерновыхъ продуктовъ, при стремленіи западно-европейскихъ державъ повышать

ввозныя пошлины на хлѣба, перепроизводства ихъ у насъ и паденія цѣнъ, а также не надлежитъ ли признать самое паденіе цѣнъ такимъ важнымъ обстоятельствомъ, что при принятіи мѣръ по развитію сельскаго хозяйства надлежитъ соблюдать особую осторожность.

Совѣщаніе, какъ бы въ предвидѣніи особой продуктивности своей работы, испугалось возможныхъ послѣдствій собственнаго усердія. Въ концѣ концовъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, особое совѣщаніе успокоилось; оно пришло къ заключенію, что въ сущности трудно найти прямое указаніе на то, чтобы возможное при увеличеніи производства хлѣбныхъ продуктовъ паденіе цѣнъ на нихъ могло быть разсматриваемо какъ обстоятельство, которое должно удерживать отъ мѣропріятій по развитію сельскаго хозяйства. При этомъ изъ сужденій совѣщанія выяснилось, что такого рода мѣропріятія слѣдуетъ преимущественно направить по пути насажденія у насъ интенсивнаго хозяйства въ связи съ увеличеніемъ скотоводства. Къ обсужденію этого собственно вопроса, т.-е. *вопроса о развитіи у насъ скотоводства*, совѣщаніе и обратилось. Происходившія по этому вопросу сужденія привели совѣщаніе къ единогласному заключенію,—которое разумѣется, никто оспаривать не станетъ—о желательности поднятія у насъ всѣхъ отраслей животноводства, и въ частности увеличенія количества скота рабочаго, мясного и молочнаго, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Далѣе, по мнѣнію совѣщанія, необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли искать улучшенія сельскохозяйственной промышленности преимущественно въ возбужденіи самодѣятельности сельскихъ хозяевъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ принимать мѣры къ развитію самодѣятельности и устраненію препятствующихъ ей обстоятельствъ, или же надлежитъ преимущественно идти путемъ правительственнаго воздѣйствія. По этому вопросу сужденія членовъ совѣщанія сводились къ признанію невозможности достиженія серьезнаго успѣха безъ широкаго развитія частной и общественной самодѣятельности. Поэтому, и надо стремиться къ возбужденію въ населеніи личной предпріимчивости, которая, какъ показываетъ тотъ же опытъ, является главнымъ и непремѣннымъ условіемъ прочнаго улучшенія хозяйственной дѣятельности. Для объединенія же и поддержки индивидуальныхъ усилій отдѣльныхъ хозяевъ можетъ оказать значительное содѣйствіе организація разнаго рода хозяйственныхъ союзовъ.

Намѣтивъ этотъ путь для направленія своей дальнѣйшей дѣятельности, совѣщаніе не могло не признать правильнымъ сдѣланное въ средѣ его замѣчаніе о томъ, что историческія судьбы и бытовыя условія русскаго народа не даютъ возможности разсчитывать на особенно широкое проявленіе у насъ частной и общественной иниціативы. Поэтому, стремясь, къ развитію такой иниціативы и избѣгая непосредственнаго воздѣйствія и регламентаціи, нельзя, однако, отказываться отъ примѣненія покровительственныхъ мѣръ, въ смыслѣ общаго содѣйствія сельскохозяйственной промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ совѣщаніи было обращено вниманіе на важность сближенія сельскаго населенія съ болѣе образованными и имущими классами, личная иниціатива и примѣръ которыхъ могли бы оказывать весьма благотворное вліяніе на раз-

личныя стороны хозяйственнаго быта сельскаго населенія. Одною изъ формъ такого сближенія могло бы служить возможно широкое распространеніе испольной аренды крестьянами помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ могла бы сгладиться образовавшаяся послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости обособленность ихъ отъ помѣщиковъ.

Начались обсужденія и въ уѣздныхъ комитетахъ, изъ коихъ приводимъ пренія и доклады въ суджанскомъ уѣздномъ комитетѣ. 4-го іюля состоялось первое засѣданіе суджанскаго, Курской губерніи, уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Къ участію въ занятіяхъ комитета предсѣдателемъ были приглашены всѣ уѣздные земскіе гласные, члены земскаго экономическаго совѣта, въ числѣ коихъ было много крестьянъ, преподаватели кучеровской сельскохозяйственной школы, земскій агрономъ. Всего собралось 48 человѣкъ. Въ залу засѣданія была допущена публика. Предсѣдатель А. В. Евреиновъ, открывъ засѣданіе и изложивъ цѣль собранія, между прочимъ объяснилъ, что Высочайше утвержденное положеніе особаго совѣщанія предоставляетъ уѣзднымъ комитетамъ право коснуться въ своихъ сужденіяхъ, помимо вопросовъ чисто сельскохозяйственныхъ и вопросовъ мѣстной жизни, также и вопросовъ, касающихся общаго правопорядка, общаго управленія, по скольку таковые отражаются на сельскомъ хозяйствѣ и мѣстной жизни вообще, что опять-таки вноситъ громадный интересъ въ работы уѣздныхъ комитетовъ.

Затѣмъ совѣщаніемъ единогласно принята программа занятій, составленная г. Евреиновымъ. Содержаніе ея таково: «Каково положеніе сельскаго хозяйства нашей мѣстности? Причины, вліяющія на его безотрадное положеніе, распадаются на вопросы общаго характера—государственнаго значенія—и на вопросы частнаго характера—техническаго. Вопросы общіе: 1) Общій правопорядокъ, нынѣ почти устраняющій общественныя силы отъ дѣятельности, построенной на административно-бюрократическо-полицейскомъ основаніи и общемъ недовѣріи. 2) Правопорядокъ крестьянъ и уклада ихъ жизни: а) опека надъ ихъ дѣятельностью и даже личностью; б) обособленіе ихъ отъ другихъ сословій; в) судъ, обычай и отдѣльные законы; г) приниженность сословія; д) несоразмѣрность взимаемыхъ съ нихъ платежей; е) малоземелье; ж) черезполосность; з) отсутствіе судебной защиты для купленныхъ земель и вообще и) отсутствіе огражденія имущества ихъ; і) натуральныя повинности. 3) Административная опека какъ надъ обществомъ и его дѣятельностью, такъ и надъ отдѣльными лицами. 4) Постоянное требованіе на все разрѣшеній, отсутствіе явочнаго порядка для какой-либо коопераціи или союза. 5) Финансовая политика, построенная не на основаніи главнаго занятія 85% русскаго населенія (налоги, прямые и косвенные). 6) Вытекающая отсюда ненародная экономическая общая политика всего государства, покровительствующая весьма малому меньшинству въ ущербъ огромнаго большинства. 7) Неудовлетворительность нашихъ желѣзныхъ дорогъ. 8) Тарифы и условія перевозки. 9) Непроѣздность гужевыхъ дорогъ (грунтовыхъ) и неподъѣздность къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. 10) Недостатокъ кредита, какъ общаго, такъ и мелкаго. 11): а) роль министерства земледѣлія; б) его средства; в) роль земства при осуществленіи обсуждаемой программы

въ жизни; г) отношеніе министерства земледѣлія и его связь съ мѣстными общественными установленіями; д) кому будетъ предоставлено проведеніе всѣхъ мѣропріятій въ среду населенія: мѣстному ли чиновничеству, или самому населенію чрезъ его представителей. 12) Народное продовольствіе, которое оставлено въ прежнемъ архаическомъ своемъ видѣ, да еще вдобавокъ изъято изъ вѣдѣнія общественныхъ установленій и ведется нынѣ бумажнымъ способомъ чиновниками, довольствующимися уже утратившими смыслъ въ нашей мѣстности хлѣбозапасными магазинами. 13) Существенный вопросъ народнаго образованія въ формѣ всеобщаго обученія, безъ коего немыслимо проведеніе культурныхъ мѣропріятій въ массу. 14) О точномъ собираніи свѣдѣній, какъ по сельскому хозяйству вообще, такъ и по урожаямъ въ частности: а) кто будетъ вѣдать этимъ въ центрѣ; б) кто будетъ работать на мѣстѣ; в) кто даетъ на это средства. 15) Вопросъ о прессѣ, какъ спеціальной, такъ и общей. 16) Относящійся къ вопросу о мѣстномъ правопорядкѣ вопросъ о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ, заставляющаго сторониться православныхъ, тогда какъ по большей части сектанты—самый хозяйственный и домовитый народъ. 17) Вопросъ о сельскомъ духовенствѣ и о зависимости прихода отъ духовной консисторіи и епархіальнаго начальства. 18) Вопросъ о сельской полиціи безопасности. Отсутствіе ея или недостаточность тяжело отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ главнымъ образомъ. 19) Устраненіе безъ всякихъ основаній земскихъ собраній отъ обсужденій вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію особаго совѣщанія. 20) Объ организаціи земскихъ учрежденій внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній. 21) Приближеніе земскихъ учрежденій къ селькому населенію устройствомъ мелкой земской единицы. 22) О необходимой для земскихъ учрежденій самостоятельности и возможная ихъ устойчивость. 23) Рабочій вопросъ.

По прочтеніи и утвержденіи изложенной программы предсѣдателемъ мѣстной уѣздной земской управы кн. П. Д. Долгоруковымъ было внесено заявленіе о необходимости обсужденія всѣхъ вопросовъ, намѣченныхъ комитетомъ, въ уѣздномъ земскомъ собраніи, которое представило бы мнѣнія всего заинтересованнаго населенія уѣзда.

Уѣздный комитетъ, выслушавъ это заявленіе, единогласно постановилъ возбудить предъ министромъ финансовъ чрезъ курскій губернскій комитетъ ходатайство о томъ, чтобы запрошенъ былъ отзывъ суджанскаго уѣзднаго земскаго собранія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію уѣзднаго комитета, дабы послѣдній могъ принять ихъ въ соображеніе при своихъ работахъ.

«Устраненіе земскихъ учрежденій отъ выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности,—сказано въ ходатайствѣ комитета, — является совершенно нежелательнымъ. Если особое совѣщаніе признало, что «едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія», то очевидно, что такое мнѣніе можетъ быть представлено лучше всего земскими учрежденіями, которыя являются единственными представителями всего на-

селенія. Кромѣ того: а) земство имѣетъ въ этомъ отношеніи большой опытъ, и теоретическій, и практическій; б) земство явится въ большинствѣ случаевъ исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, что должно придать его отзывамъ особую жизненность и силу, и в) земство обладаетъ въ лицѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій обширною организаціей, при помощи которой только и возможно болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить задачу—выясненіе сельскохозяйственныхъ нуждъ населенія. То обстоятельство, что земскія учрежденія были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельскохозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года, не можетъ служить причиной не спрашивать эти учрежденія въ настоящее время. Въ то время имѣлось въ виду выяснить преимущественно ближайшія задачи только что возникшаго министерства земледѣлія и основанія для взаимодѣйствія послѣдняго съ мѣстными учрежденіями. Агрономическая и экономическая дѣятельность земствъ почти только что началась въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ и лишь во второй половинѣ ихъ получила свое наибольшее развитіе. Съ другой стороны, неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится сельскохозяйственная промышленность, особенно рельефно обозначились въ послѣднее время, что и было причиной учрежденія особаго совѣщанія, которое съ своей стороны, сознавая, очевидно, измѣнившіяся условія, признало необходимость новаго мѣстнаго опроса».

Для подробной разработки поставленныхъ въ программѣ вопросовъ уѣздный комитетъ учредилъ четыре подготовительнымъ коммиссіи: 1) по вопросамъ общаго правопорядка; 2) по вопросамъ крестьянскаго правопорядка; 3) по вопросамъ юридическимъ и 4) по вопросамъ хозяйственно-агрономическо-техническимъ. Предсѣдателями коммиссій избраны: въ 1-ю—предводитель дворянства А. Е. Евреиновъ, во 2-ю—податной инспекторъ П. П. Пустовитовъ, въ 3-ю—предсѣдатель земской управы кн. П. Д. Долгоруковъ и въ 4-ю—членъ уѣздной земской управы В. В. Усовъ. Всѣмъ предсѣдателямъ коммиссій уѣздный комитетъ предоставилъ полнѣйшее право приглашать, кромѣ избранныхъ комитетомъ членовъ, и другихъ лицъ. Засѣданія коммиссій имѣютъ быть публичными. Въ числѣ другихъ членовъ въ коммиссіи входятъ и крестьяне.

Некрологи. 26-го іюня въ Бадъ-Гамбургѣ скончался нашъ знаменитый скульптотъ *Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій*. Покойный родился въ 1842 г. въ г. Вильнѣ, въ бѣдной еврейской семьѣ. Рано почувствовавшій свое высокое призваніе, Антокольскій только на 21-мъ году получилъ возможность пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ академію художествъ. Здѣсь онъ—по свидѣтельству близко знавшаго его Стасова—въ слѣдующемъ же году обратилъ на себя вниманіе академіи и всей русской интеллигентной публики необыкновенно своеобразными созданіями своими: «Еврей портной» и «Еврей скупой». Это были вещицы маленькія по размѣрамъ, но большія и новыя по содержанію, формамъ и выраженію. Потомъ, скоро послѣ первыхъ своихъ вещицъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ эскизовъ изъ глины: «Споръ о Талмудѣ» и разныя другія еврейскія сценки; наконецъ, выполнилъ большой эскизъ: «Кар-

диналъ инквизиціи, идущій арестовывать евреевъ въ подвалѣ во время празднованія ими праздника Пасхи». Это созданіе его было глубоко трагично, оригинально и ново. Въ 1871 г. Антокольскій выставилъ своего «Ивана Грознаго», за котораго получилъ (помимо правилъ) званіе академика, а среди русской публики сразу сдѣлался знаменитостью. Затѣмъ пошелъ рядъ его крупныхъ chefs d'oeuvre'овъ: «Петръ I» (1872), «Христосъ» (1874), характерный драматическій «Сократъ» (1877), «Спиноза», «Надгробный памятникъ княжны Оболенской» въ Римѣ (1876), «Лѣтописецъ Несторъ», «Ермакъ», другія его скульптуры, между прочимъ проекты большихъ конныхъ статуй для Николаевскаго моста: «В. кн. Ярославъ», «Дмитрій Донской», «Иванъ III», «Петръ Великій» (всѣ 1872 года), а также значительное количество превосходныхъ портретныхъ статуй и бюстовъ.

Послѣднею его работою въ настоящемъ году была его «Инквизиція», та самая, которую онъ первоначально создалъ еще въ 1869 году въ эскизѣ, но которую, вслѣдствіе постоянныхъ и горячихъ настояній г. Стасова въ теченіе долгихъ лѣтъ, онъ принялся, было, снова исполнять теперь въ большомъ маштабѣ.

— 1-го іюля, въ имѣніи Шахматово, Московской губерніи, скончался на 77 году своей жизни выдающійся ученый и видный общественный дѣятель, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, докторъ ботаники *Андрей Николаевичъ Бекетовъ*. Авторъ многочисленныхъ научныхъ сочиненій, естественно-историческихъ изслѣдованій и переводовъ, покойный составилъ себѣ почетное имя среди популяризаторовъ науки. Своей долговременной профессорской дѣятельностью Бекетовъ содѣйствовалъ появленію цѣлаго ряда русскихъ ученыхъ ботаниковъ, многіе изъ которыхъ теперь занимаютъ профессорскія карьеры. Кромѣ университета, А. Н. состоялъ преподавателемъ также на высшихъ женскихъ курсахъ и посвящалъ имъ много заботъ, какъ предсѣдатель комитета для доставленія средствъ курсамъ и какъ завѣдующій ими до ихъ преобразованія въ 1889 году. Весьма дѣятельное участіе онъ принималъ въ работахъ съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и не разъ былъ выбираемъ въ предсѣдатели съѣздовъ. По его почину и при его стараніяхъ устроенъ при университетѣ ботаническій садъ, который теперь можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, и значительно увеличенъ гербарій университета посредсвомъ привлеченія коллекцій со всѣхъ концовъ имперіи.

— Въ пользу школы имени В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ по 20 іюля поступило:

От Правленія О—ва взаимопомощи учащимъ въ начальныхъ училищахъ Курской губеріи. . . . . 58 р. 41 к.

Сестрорѣцкія перчаточницы.

Тѣ бѣлоснѣжныя, равно и цвѣтныя, изящныя замшевыя перчатки, въ которыхъ щеголяютъ наши господа военные, барышни и штатскіе кавалеры на балахъ, парадахъ и гуляньяхъ, многими тысячами изготовляются, между прочимъ, въ селеніи Сестрорѣцкѣ, Петербургской губерніи.

Петръ суровыми мѣрами сооружая здѣсь на Разливѣ оружейный заводъ и водворяя крѣпостныхъ поселенцевъ, вѣроятно, очень мало заботился о перчаткахъ. Тѣмъ не менѣе, нынѣ перчаточнымъ ремесломъ живутъ здѣсь сотни семей. Въ сотняхъ домовъ перчаточное ремесло служитъ поддержкой и подспорьемъ къ тому, что заработаетъ глава семьи на заводѣ; мало того, здѣсь есть много семей, которыя живутъ исключительно этимъ ремесломъ. Это — вдовьи семьи, которыхъ здѣсь великое множество, такъ какъ мужчины, съ ранняго возраста работая на заводѣ, дыша стальной и желѣзной пылью, рано отправляются къ праотцамъ.

Всѣхъ работницъ въ Сестрорѣцкѣ насчитываютъ до 500, но слѣдуетъ замѣтить, что цифра эта неточная, такъ какъ точныхъ свѣдѣній о числѣ сестрорѣцкихъ труженицъ нигдѣ нѣтъ, ибо ихъ участью никто не интересуется. Главный контингентъ работницъ—дѣвушки, сестры и жены мастеровыхъ. Мѣсто сбыта—исключительно петербургскіе перчаточные магазины: Шольца, Кошке, Книгге и др., откуда мастерицы получаютъ и заказы въ видѣ уже скроеннаго товара.

Исторія возникновенія и развитія въ Сестрорѣцкѣ перчаточнаго дѣла весьма любопытна и поучительна. Нынѣ исполнилось четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ Сестрорѣцкѣ поселилась первая перчаточница. Ранѣе здѣсь было развито въ весьма широкихъ размѣрахъ чулочное ремесло. Пока чулки изготовлялись ручнымъ способомъ, работа эта давала сестрорѣцкимъ вязальщицамъ нѣкоторый заработокъ; онѣ получали по 5 коп. съ пары, но съ появленіемъ въ столицѣ машиннаго чулка, плата эта упала ровно вдвое. Если ранѣе средняя мастерица зарабатывала 5—7 коп. въ день, то теперь невозможно стало заработать и этого. Больше одной пары въ день не могла выставить ни одна, самая прилежная работница. Заработокъ въ 3—4 коп. въ день не удовлетворялъ и самыхъ скромныхъ жизненныхъ потребностей сестрорѣцкихъ вязальщицъ, и чулочное ремесло пришлось забросить вовсе. Бѣднота въ селеніи воцарилась неописуемая. Женщины пробивались собираніемъ грибовъ и ягодъ, таская это добро на себѣ за 30 верстъ въ столицу. Между тѣмъ, работы на заводѣ не развивались, а жизнь дорожала. Въ 1872 году селеніе постигло страшное бѣдствіе. Въ одинъ день вспыхнувшимъ пожаромъ смело свыше 400 домовъ. Сгорѣло все, что могло сгорѣть. Люди остались въ чемъ были, безъ крова, безъ пищи, безъ работы... Работы на оружейномъ заводѣ были пріостановлены. Обездоленные погорѣльцы бросились всюду искать работы, дѣтей, дѣвушекъ разсовали по разнымъ мастерскимъ въ Петербургѣ — изъ хлѣба. Обстоятельство это мы отмѣчаемъ потому, главнымъ образомъ, что оно имѣло рѣшающее значеніе, какъ на развитіе перчаточнаго дѣла въ Сестрорѣцкѣ, такъ, что еще главнѣе,—на установленіе размѣра издѣльной платы за трудъ, сохранившейся и до сихъ поръ въ Сестрорѣцкѣ.

Молодежь, частью осталась въ Петербургѣ, частью вернулась въ родной Сестрорѣцкъ. Въ числѣ вернувшихся были и сестры Владиміровы, обучившіеся въ столицѣ шить перчатки. Работа тогда была исключительно ручная, такъ какъ перчаточная машина тогда еще не существовала. Благодаря заведеннымъ связямъ въ Петербургѣ, дѣвушки и въ Сестрорѣцкѣ продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Одна изъ нихъ продолжаетъ дѣло и понынѣ.

Сестры Владимірoвы принесли перчаточное ремесло въ Сестрорѣцкъ, но самое дѣло онѣ мало развили (одна изъ нихъ вскорѣ умерла, другая вышла замужъ и бросила перчаточное ремесло). Главной насадительницей перчаточнаго дѣла въ Сестрорѣцкѣ была первая ученица Владиміровыхъ, предпріимчивая и энергичная дѣвушка, дочь мѣстнаго торговца, Анна Гавриловна Леушина. Обучившись перчаточному ремеслу, г-жа Леушина первая сдѣлала попытку завести и непосредственныя сношенія съ Петербургомъ. Сестрорѣцкъ тогда представлялся петербуржцамъ деревенской глушью и владѣльцы перчаточныхъ магазиновъ не рѣшались отпустить товаръ неизвѣстной дѣвушкѣ. Неутомимая піонерка не опустила рукъ при первой неудачѣ завязать знакомства. Она купила на свой рискъ нѣсколько паръ скроенныхъ перчатокъ, сшила ихъ дома и снова явилась въ Петербургъ съ готовой работой. Работа оказалась настолько изящной и тщательной, что владѣльцы перчаточныхъ магазиновъ сразу оцѣнили г-жу Леушину, и она получила первый заказъ. Работа закипѣла. Многочисленныя товарки Леушиной, видя прибыльность новаго труда, стали просить ее обучить и ихъ ея ремеслу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Леушина обучила до 200 дѣвушекъ, получивъ съ каждой по 5 рублей. Она же имъ доставила и первую работу. Юныя труженицы рады были работать за всякую плату, только бы что-нибудь заработать, только бы какъ-нибудь продержаться дома.

Вотъ при какихъ условіяхъ устанавливалась издѣльная плата за дюжину перчатокъ.

Владимірова съ Леухиной долгое время являлись единственными посредницами между сестрорѣцкими труженицами и петербургскими поставщиками заказовъ. Онѣ были хозяйками всего дѣла. Съ развитіемъ же производства, хозяйки уже не могли справляться съ распредѣленіемъ труда: между ними и работницами образовалась новая посредническая инстанція—подхозяекъ. Хозяйки являлись отвѣтственными предъ заказчикомъ-торговцемъ за доброкачественность работы и срочность исполненія заказовъ; подхозяйки были столь же отвѣтственны передъ хозяйками. Эта форма распредѣленія труда сохранилась и до сихъ поръ, съ тою только разницею, что число самостоятельныхъ хозяекъ съ каждымъ годомъ увеличивается, хотя и незначительно. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что подобное распредѣленіе труда часто измѣняется, принимая самую примитивную форму, чуждую всякаго іерархическаго строя: подхозяйками являются просто мать или старшая сестра въ семьѣ, которыя работаютъ на ряду съ остальными труженицами семьи, безъ раздѣленія заработка; нерѣдко такія семьи принимаютъ въ свою среду дѣвочекъ-ученицъ. Подобныя семейныя рабочія ячейки со временемъ отдѣляются отъ хозяекъ, войдя въ непосредственныя сношенія съ Петербургомъ, но, какъ сказано выше, число ихъ увеличивается очень медленно: во-первыхъ, потому, что владѣльцы перчаточныхъ магазиновъ вообще неохотно заводятъ знакомства, предпочитая вести дѣло съ прежними хозяйками, съ которыми у нихъ съ давнихъ поръ установились прочныя отношенія на почвѣ взаимныхъ выгодъ, во-вторыхъ, какъ показала практика, нѣтъ пока и особенной выгоды стремиться къ отдѣленію.

За все время существованія перчаточнаго ремесла въ Сестрорѣцкѣ, въ самостоятельныя рабочія ячейки отдѣлилось всего какихъ-нибудь 6—10 семей. Прежнія хозяйки, конечно, дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы удержать дѣло въ своихъ рукахъ,—все, включительно до «очерненія» конкурентокъ въ глазахъ заказчиковъ. Хозяйки берутъ работу за одну цѣну, а раздаютъ ее труженицамъ—за другую, сами опредѣляя размѣръ платы съ дюжины, пользуясь, конечно, всей суммой тяжелыхъ условій мѣстной жизни. Сами хозяйки въ настоящее время берутъ заказы издѣльно по 2 рубля съ дюжины, при готовомъ прикладѣ (нитки и пуговицы), а работницамъ платятъ разно: отъ 1 р. 30 к., до 1 р. 50 к., инымъ и нѣсколько больше. Вся разница остается въ ихъ пользу—«за хлопоты», а также въ вознагражденіе за потерю времени и расходовъ по сношенію съ заказчиками. Бракъ, конечно, падаетъ на виновную, и хозяйка рискуетъ лишь въ томъ случаѣ, если убытокъ превыситъ заработокъ труженицы и та не пожелаетъ больше работать на нее. Разсчетъ труженицы получаютъ по сдачѣ работы.

Перчаточное дѣло значительно оживилось въ Сестрорѣцкѣ съ проведеніемъ сестрорѣцкой линіи Приморской желѣзной дороги и особенно съ введеніемъ машиннаго труда. Желѣзная дорога облегчила условія сообщенія съ Петербургомъ, превративъ Сестрорѣцкъ почти въ пригородъ, сильно сокративъ накладные расходы хозяекъ. Машина нарушила установившуюся рутину въ перчаточномъ ремеслѣ и сдѣлала трудъ работницъ почти въ 5—6 разъ интенсивнѣе. Но ни желѣзная дорога, ни машина почти не повліяли на размѣръ издѣльной платы. Всѣ выгоды и отъ проведенія дороги, и отъ введенія машиннаго труда хозяйки обратили въ свою пользу, распорядившись ими самымъ оригинальнымъ образомъ. Издѣльную плату на ручной трудъ (какъ болѣе доброкачественный, хотя и не столь изящный, чѣмъ машинный) онѣ оставили прежнюю, а на машину, какъ, пожирающую слишкомъ много работы, наложили особый налогъ—въ свою пользу. Безъ дальнихъ разсужденій, онѣ понизили издѣльную плату на машинную работу до 1 р., 1 р. 20 к. и ниже съ дюжины, дабы работающія на машинѣ «не слишкомъ зазнавались».

Такъ сестрорѣцкія «фабриканши», какъ здѣсь прозвали хозяекъ-перчаточницъ, обуздали машину съ ея рабочей прытью. Тѣмъ не менѣе машина твердо пролагаетъ себѣ дорогу впередъ. Въ настоящее время въ Сестрорѣцкѣ уже работаетъ свыше 20 машинъ. Торжеству машины надъ ручнымъ трудомъ содѣйствуютъ, кромѣ ея «рабочей прыти», еще два обстоятельства: это изящество машинной работы и способъ пріобрѣтенія самихъ машинъ: въ кредитъ, на выплату. Машины пріобрѣтаются обыкновенно самими хозяйками и затѣмъ отдаются той или иной труженицѣ или чаще всего подхозяйкѣ и тоже на весьма льготныхъ условіяхъ, на отработку, такъ какъ хозяйки, доходность которыхъ въ прямой зависимости отъ оборотовъ дѣла, сами заинтересованы въ расширеніи машиннаго труда.

Главная «фабриканша» Сестрорѣцка М. Г. Леушина сколотила себѣ перчаточнымъ ремесломъ порядочное состояніе. Но сколько же зарабатываютъ этимъ ремесломъ сестрорѣцкія труженицы, какъ онѣ работаютъ и какъ живутъ

Выше мы уже сказали, что хозяйки платятъ работницѣ за ручной трудъ 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. съ дюжины и 1 р.—1 р. 20 к. съ дюжины машинной работы. Такимъ образомъ, ручная работа даетъ мастерицѣ 10—11 к. за пару перчатокъ, машинная—отъ 7 до 9 коп. съ дробями; работающая на машинѣ изъ этой платы еще должна выплачивать по 2 коп. съ дюжины «петельницамъ» за обметку петель и пришивку пуговицъ, такъ что дюжина машинной работы даетъ труженицѣ 60 к.—1 рубль, т.-е. 5—8 коп. съ дробями за пару. Машинная работа цѣнится хозяйками вдвое дешевле ручной, и работающая на машинѣ, такимъ образомъ, чтобы сравняться въ заработкѣ съ работающими «отъ руки», должна совершить двойной трудъ и еще прирабатывать на погашеніе долга по пріобрѣтенію машины *). За работу перчаточница садится въ 7 часовъ утра и работаетъ, не разгибаясь, до 9 час. вечера (а при спѣшкѣ—до 12 ч. и долѣе ночи), т.-е. обычно работаетъ 14 час., изъ коихъ часа $1^1/_2$—2 идетъ на обѣдъ, чай и проч. Обычный рабочій день, значитъ, 12 часовъ. 12 час. усидчиваго, кропотливаго труда въ наклоненномъ положеніи, при постоянномъ напряженіи зрѣнія!.. И за это время самая усердная и искусная труженица можетъ изготовить ручнымъ способомъ всего 3 пары перчатокъ и самое большое $3^1/_2$ пары. Считая кругомъ даже по 11 коп. за пару, выходитъ, что за весь рабочій день въ 12 часовъ труженица можетъ заработать 33 коп. — при своей крартирѣ, на своихъ харчахъ и проч.

Машинный трудъ, при всей его дешевизнѣ, установившейся въ Сестрорѣцкѣ, все же даетъ тройной заработокъ и даже больше. Опытная мастерица на машинѣ въ тѣ же 12 часовъ труда можетъ сработать 15—18 паръ.

Вычитая праздники и «глухое время», т.-е когда магазины не даютъ заказовъ, опытная мастерица «отъ руки» заработаетъ въ годъ въ общемъ 50—60 руб., а на машинѣ, — если работа есть во все рабочее время, что случается не всегда,—150—180 руб. Здѣсь, однако, слѣдуетъ замѣтить, что подсчетъ этотъ скорѣе теоретическій, чѣмъ дѣйствительный. Заработокъ сестрорѣцкихъ перчаточницъ подверженъ постояннымъ колебаніемъ отъ множества причинъ, такъ сказать, «домашняго свойства»: заболѣетъ сама труженица (работницы больше всего страдаютъ глазами и «круженіемъ» головы), заболѣетъ хозяйка или просто закапризничаетъ и не дастъ работы, забракуютъ работу въ магазинѣ,—все это сбиваетъ заработокъ до той «желѣзной нормы», которая даетъ труженицамъ возможность только кое-какъ кормиться, чтобы совсѣмъ не бросить работу.

Машина постепенно, но неуклонно оттѣсняетъ сестрорѣцкихъ труженицъ отъ насиженнаго дѣла. Въ послѣдніе годы число работницъ начало сокращаться, вслѣдствіе прямого недостатка работы, независимо отъ заработной платы. Сокращеніе ручного труда, кромѣ захвата работы машиной, объясняется еще и тѣмъ, что самый спросъ на ручную работу постепенно выводится. Въ на-

*) Машина самой простой конструкціи стоитъ 60—75 руб., усовершенствованная—100—120 рублей (въ продажѣ за наличныя, вѣроятно, дешевле).

*

стоящее время ручная работа принимается только въ двухъ магазинахъ во всемъ Петербургѣ: кажется, Шольца и Копке. Медленно развивается и машинный трудъ, такъ какъ онъ растетъ пока только за счетъ сокращенія ручного труда. Рынокъ сбыта труда остался прежній. Хозяйки не хотѣли или не съумѣли расширить свои операціи. Вѣрнѣе, что то и другое: и не хотѣли, и не съумѣли, не хотѣли, потому что онѣ и теперь едва справляются съ работой и вообще довольны заработкомъ; не съумѣли, потому что устарѣли, погасъ въ нихъ духъ предпріимчивости. Такимъ образомъ, не машина душитъ сестрорѣцкихъ труженицъ, а ихъ собственная непредпріимчивость, старая рутина, неумѣніе выйти изъ опеки своихъ хозяеекъ, оставляющихъ львиную долю ихъ заработка себѣ за посредничество. Что это именно такъ, мы видимъ по тѣмъ, правда, еще немногимъ примѣрамъ, когда наиболѣе предпріимчивыя дѣвушки съумѣли, обзаведясь машиной, установить и непосредственныя сношенія съ Петербургомъ. У нихъ всегда есть и работа, и издѣльную плату онѣ всегда получаютъ полностью—по 2 рубля съ дюжины. Такія самостоятельныя труженицы зарабатываютъ до 2 рублей въ день и свободны отъ всякой опеки и капризовъ хозяекъ и подхозяекъ. На ихъ заработкѣ невыгодно отражаются только частыя поѣздки въ Петербургъ, отнимающія и время, и деньги. Посылать же работу въ Петербургъ съ третьими лицами считается и неудобнымъ, и непрактичнымъ. Работу надо умѣть сдать, какъ надо умѣть и получить заказъ. Отсутствіе этого «умѣнія», безъ сомнѣнія, очень многихъ работницъ понуждаетъ оставаться и въ кабалѣ у хозяекъ, мастерицъ своего дѣла.

Какъ живутъ сестрорѣцкія перчаточницы? Скромный и непреодѣленный заработокъ, какъ и самая профессія ихъ, налагаютъ на нихъ особый отпечатокъ, сказывается и близость столицы. За четверть вѣка выработался особый типъ сестрорѣцкой перчаточницы. Ее можно узнать сразу. Это и не крестьянка, и не мѣщанка, и не фабричная. Опытный глазъ отличитъ перчаточницу даже отъ портнихи, съ которой у нея такъ много общаго. Сестрорѣцкія перчаточницы всѣ безъ исключенія грамотныя, окончившія земскую или церковно-приходскую школу. Каждая кое-что читала: Пушкина, Толстого, Гончарова, Гоголя, Достоевскаго и др. (Въ селеніи Сестрорѣцкъ съ 1896 г. существуетъ народная читальня-библіотека). Многія изъ молодыхъ дѣвушекъ настолько начитаны, что съ большимъ успѣхомъ выступаютъ на подмосткахъ мѣстнаго народнаго театра, иныя выступаютъ даже solo въ дивертиссементѣ. Съ виду, это большею частью худенькіе, блѣдные заморыши, близорукія, сутуловатыя: 12-часовой непрерывный трудъ, конечно, дѣлаетъ свое разрушительное дѣло; но одѣваются всѣ съ претензіей на щегольство—это общая слабость сестрорѣцкихъ перчаточницъ, и вслѣдствіе этого почти всѣ онѣ вѣчно въ долгу у мѣстнымъ модистокъ и портнихъ. Все заказывается на выплату, въ кредитъ. Большинство же очень мало культурны, такъ какъ читать книги частью некогда, частью трудно по причинѣ страшной утомленности глазъ за работой. Идеалъ большинства—выйти поскорѣе замужъ за мѣстнаго рабочаго, хотя, по совѣсти говоря, счастье это небольшое. Сестрорѣцкая рабочая молодежь далеко не завидные женихи. Все это физически слабые и, между тѣмъ, умственно не развитые,

распущенные нравственно, полуграмотные молодые люди. Въ умственномъ и нравственномъ отношеніи «перчаточницы» стоятъ куда выше «заводчины». Конечно, есть и среди молодыхъ рабочихъ счастливыя исключенія, но общій уровень оставляетъ желать очень многаго. Молодежь эта, задавленная нуждой и заводской дисциплиной, очень неприглядна въ нерабочее время. Въ Сестрорѣцкѣ двѣ винныя лавки, изъ которыхъ одна работаетъ на 5.000 руб. въ мѣсяцъ, другая нѣсколько скромнѣе. Есть еще трактиръ, никогда не пустующій. Пустуетъ, къ сожалѣнію, только народная читальня-библіотека. Но молодежь эта имѣетъ за собой одну выгодную для дѣвушекъ сторону. Каждому мѣстному «обывателю» (коренные сестрорѣцкіе жители такъ и пишутся: «обыватель») полагается усадебный надѣлъ и наземныя дрова. У каждаго есть какая-нибудь избенка на курьихъ ножкахъ.

Надо отдать справедливость сестрорѣцкимъ мастерицамъ и въ другомъ отношеніи: ведутъ онѣ себя, при всей своей бѣдности, въ высшей степени скромно, блюдутъ себя. Мѣстные нравы начали портиться лишь въ самое послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Сестрорѣцкъ и его окрестности начали превращаться въ дачную мѣстность, когда на Сестрорѣцкъ пошелъ «баринъ»...

Есть основаніе думать, что сестрорѣцкій курортъ и «господинъ дачникъ-баринъ» скорѣе выкурятъ изъ Сестрорѣцка перчаточное дѣло, чѣмъ всякая машина, вытѣсняющая ручной трудъ.

И. Соколовъ.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русское Богатство». Мартъ, май.—«Русская Мысль». Май, іюнь.—«Русская Старина». Іюнь.—«Вѣстникъ Европы». Іюнь).

Высокій интересъ представляетъ закончившаяся печатаніемъ въ майской (начавшаяся въ мартовской) книжкѣ «Русскаго Богатства» статья г. Пѣшехонова подъ заглавіемъ: «Централизація доходовъ, ея формы и послѣдствія». Эпиграфами къ этой статьѣ авторъ взялъ два изреченія, изъ которыхъ одно принадлежитъ князю Мещерскому и гласитъ, что «ни одинъ русскій министръ финансовъ, даже Канкринъ, не сдѣлалъ въ 9 лѣтъ такъ много для усиленія государственной *власти*, какъ С. Ю. Витте», а другое самому г. Витте: «Если въ биржевой игрѣ одни выигрываютъ, то не можетъ быть, чтобы никто не проигрывалъ». Князь Мещерскій, какъ извѣстно, не блещетъ познаніями въ экономическихъ (да и ни въ какихъ) наукахъ, но и онъ, вмѣстѣ съ массою народа, знаетъ, что «кто богатъ, тотъ и силенъ», и потому, усмотрѣвъ въ результатѣ дѣятельности нынѣшняго руководителя экономической политики Россіи укрѣпленіе ея финансоваго благополучія, заговорилъ, какъ о выводѣ, самомъ по себѣ отсюда вытекающемъ, о безпримѣрномъ усиленіи въ это же время государственной *власти*. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ изреченіе статсъ-секретаря С. Ю. Витте. Противъ него ничего возразить невозможно, ибо оно—сама истина.

Задачей своей статьи г. Пѣшехоновъ поставилъ всестороннее изученіе государственныхъ росписей и всеподданныхъ о нихъ докладовъ министра финансовъ С. Ю. Витте за послѣднія десять лѣтъ. Разумѣется, всѣ эти документы давно извѣстны и служили въ свое время предметомъ обсужденія ихъ въ печати, но разсмотрѣніе всѣхъ ихъ въ *совокупности* еще, кажется, не производилось, а между тѣмъ именно такое разсмотрѣніе и представляетъ выдающійся интересъ.

За послѣднее десятилѣтіе въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ было внесено около 15 милліардовъ рублей, причемъ бюджетъ съ 1892 (965 милліоновъ рублей) возросъ къ 1902 году (1.947 милліоновъ) болѣе чѣмъ вдвое и по абсолютной его цифрѣ приростъ черезъ десять лѣтъ равнялся почти одному милліарду (1.947 м.—965 м.=982 милл.). Чтобы дать возможность читателю представить себѣ нагляднѣе всю коллосальность этихъ цифръ, г. Пѣшехоновъ сводитъ ихъ, такъ сказать, на очную ставку съ другими цифрами, заимствованными изъ того же безусловно оффиціальнаго источника, изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ за 1897 годъ. Въ докладѣ этомъ говорится, что все годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи не превышаетъ *полутора милліарда* рублей, а ежегодное производство горной, заводской и фабричной промышленности нѣсколько превосходитъ *два милліарда.* Противъ послѣдней цифры можно бы представить рядъ вѣскихъ возраженій, но на этомъ мы останавливаться не будемъ, и потому сочтемъ за фактъ установленный, что общая цѣнность ежегодно производимыхъ въ Россіи *всѣхъ* продуктовъ равняется *тремъ съ половиною милліардамъ рублей.* Если теперь съ этою цифрою сопоставить почти *двухмилліардный* бюджетъ послѣдняго года, то отсюда можно получить наглядное представленіе о томъ, какая именно «доля всѣхъ производимыхъ въ странѣ цѣнностей, въ той или иной стадіи своего обращенія, проходитъ черезъ государственную роспись...» Такой бюджетъ превосходитъ бюджеты самыхъ богатыхъ странъ Европы, каковыми являются Англія, Франція и Германія, и указываетъ на такой финансовый блескъ, глядя на который князь Мещерскій почувствовалъ къ руководителю финансоваго вѣдомства родъ суевѣрнаго страха.

Какими же средствами достигнуто такое положеніе? Интересъ этого, самого по себѣ заслуживающаго самаго серьезнаго вниманія, вопроса еще усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что С. Ю. Витте вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ въ 1892 году, т.-е. непосредственно послѣ годины постигшихъ почти всю Россію тягчайшихъ испытаній отъ повсемѣстныхъ голодовокъ. Нѣкоторый ключъ къ загадкѣ даетъ намъ разсмотрѣніе первой же росписи новаго руководителя финансоваго вѣдомства. Изъ нея выяснилось, что «собственно финансовое благополучіе неурожаями 1891 и 1892 года затронуто было очень слабо: государственные доходы за 1892 годъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ категорій ихъ, поступали очень исправно и, въ концѣ концовъ, *превысили* смѣтныя предположенія на 84 милліона рублей». Но какъ же это могло случиться,—спросятъ, пожалуй, люди, не посвященные въ тайны финансовой науки? Развѣ состояніе финансовъ не находится въ самой тѣсной зави-

симости отъ общаго состоянія экономическаго благополучія страны? Если же именно неблагополучіе ея въ этомъ отношеніи явилось фактомъ общеизвѣстнымъ и засвидѣтельствованнымъ оффиціально, то какимъ образомъ изъ неблагополучнаго состоянія всенароднаго хозяйства могло явиться полное благополучіе финансовъ? Здѣсь что-нибудь да не такъ. Такіе вопросы обнаружили бы, конечно, недостаточную компетентность лица, ихъ задающаго, если не въ теоріи, то въ практикѣ финансоваго дѣла. Гдѣ тутъ,—какъ говорятъ нѣмцы,—«Hund begraben», будетъ видно изъ всего послѣдующаго.

Не взирая на вышеуказанное превышеніе въ 1893 году смѣтныхъ предположеній доходовъ на 84 милліона рублей, новый министръ немедленно взялъ обратно внесенный его предшественникомъ въ государственный совѣтъ законопроектъ о подоходномъ обложеніи и вмѣсто того провелъ экстренно рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ дальнѣйшему возвышенію *косвенныхъ* налоговъ. Уже въ ноябрѣ и декабрѣ 1892 года былъ увеличенъ акцизъ на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и спички; эти мѣропріятія въ связи съ нѣкоторыми другими вскорѣ и отразились на увеличеніи обыкновенныхъ доходовъ на 24½ милліона рублей. Изъ этихъ и подобныхъ имъ суммъ, превысившихъ къ 1900 году обыкновенные доходы болѣе чѣмъ на *милліардъ* рублей, составлялись все время такъ называемые «излишки» или «свободная наличность». Вопросы о цѣли и употребленіи этихъ «излишковъ» въ то именно время, когда Россія переживала столько неурожайныхъ лѣтъ, напрашивается, разумѣется, самъ собою и отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, на первый изъ нихъ мы находимъ въ докладѣ о росписи на 1893 годъ въ такихъ словахъ: «Финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на предвидимыя государственныя потребности, и, если, для достиженія таковаго положенія, требовалось бы нѣкоторое напряженіе платежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло бы значеніе, сходственное съ приплатой страховой преміи на случай непредвидѣнныхъ бѣдствій». Такимъ образомъ цѣлью «излишковъ» поставляется мудрое правило гласящее: береги денежку на черный день. Это, конечно, было бы очень хорошо, если бы и здѣсь мы не сталкивались съ одною неясностью. А состоитъ она вотъ въ чемъ: «излишковъ», какъ мы видѣли, накопилось къ 1900 году свыше милліарда. За это время (1892—1900) Россія пережила нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ и китайскую войну. Если даже пройти мимо того обстоятельства, что послѣдняя потребовала нѣкотораго новаго «напряженія» платежныхъ силъ населенія (хотя бы пятирублевый налогъ, присоединенный къ прежнему десятирублевому, не считая гербоваго сбора, на заграничные паспорта, продолжающій дѣйствовать, не взирая на то, что война давно кончилась), то все же изъ «излишковъ» на помощь населенію, страдавшему отъ неурожаевъ, и на китайскую войну истрачено всего 141 милліонъ рублей, т.-е. гораздо меньше, чѣмъ получено излишковъ за одинъ, напр., 1898 (222 милліона) или 1899 (205 милліоновъ) годъ. Такимъ образомъ, особенно, если принять во вниманіе неоднократныя «подкрѣпленія»

излишковъ путемъ займовъ, становится очевиднымъ, что къ 1-му января 1901 года количество такихъ излишковъ должно было бы далеко превышать милліардъ рублей, а между тѣмъ, какъ это явствуетъ изъ отчета государственнаго контроля, именно къ этому времени (къ 1-му января 1901 года) отъ «излишковъ» осталось всего 105 милліоновъ рублей. Отсюда слѣдуетъ то, уже ничѣмъ не могущее быть опровергнутымъ, заключеніе, что, куда бы ни расходовались въ дѣйствительности «излишки», сколь ни было бы высоко полезно ихъ употребленіе, но фактъ тотъ, что ихъ нѣтъ и, слѣдовательно, идея бережливости «про черный день» сама по себѣ, а реальное положеніе вещей само по себѣ.

Однако, на какой же предметъ, въ самомъ дѣлѣ, поступили «излишки»? Дѣло просто: «Благодаря свободной наличности,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—у насъ на ряду съ обычнымъ государственнымъ бюджетомъ успѣлъ вырости и упрочиться другой, внѣсмѣтный, такъ сказать, бюджетъ, въ распоряженіи которымъ министерство финансовъ ничѣмъ почти не связано». Именно изъ этой «свободной наличности» черпались такія суммы, какъ 200—300 милліоновъ въ годъ, которыя дали возможность министерству финансовъ провести, напр., денежную реформу путемъ отдѣльныхъ распоряженій, нерѣдко не проходившихъ и черезъ государственный совѣтъ. Оттого-то тщетно стали бы мы искать какихъ-либо слѣдовъ громадной стоимости нашей денежной реформы въ смѣтныхъ кредитахъ государственныхъ росписей. Она ихъ миновала, и въ этомъ сила нашего финансоваго вѣдомства, централизовавшаго у себя всѣ средства страны. У министерства финансовъ сверхъ средствъ, получаемыхъ имъ на основаніи общей росписи, находятся въ распоряженіи еще другія средства, другой бюджетъ, равняющійся почти 10% бюджета общегосударственнаго, а дѣло извѣстное, что «кто богатъ, тотъ и силенъ».

Еесли, однако, экономическое положеніе Россіи расшатано, если «господинъ урожай» является полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ судебъ милліоновъ крестьянъ и если, какъ это опять-таки фактъ общеизвѣстный, «господинъ урожай» проявляетъ къ намъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ больше гнѣвъ, чѣмъ милость, то какъ же всетаки объяснить «блестящее» состояніе нашихъ финансовъ, не только полное сведеніе концовъ съ концами по росписямъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, но и накопленіе колоссальныхъ «излишковъ», употребляемыхъ финансовымъ вѣдомствомъ въ высшихъ интересахъ Россіи?

Къ отвѣту на этотъ вопросъ мы и имѣемъ теперь намѣреніе перейти, предупреждая, впрочемъ, читателя, что недостатокъ мѣста заставитъ насъ быть болѣе краткимъ, чѣмъ того требуетъ важность дѣла.

Наша финансовая система построена, главнымъ образомъ, на косвенномъ обложеніи. Въ защиту его приводится обыкновенно три довода: косвенные налоги болѣе справедливы, болѣе упруги и взимаются съ бо̀льшею легкостью. «По самой природѣ косвеннаго обложенія, — говоритъ въ первомъ же своемъ докладѣ С. Ю. Витте, — оно въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ *наибольшею* покупною спо-

собностью, а слѣдовательно и вообще распредѣляется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами». Такое положеніе было бы вѣрно при двухъ условіяхъ: во-1-хъ, если бы обложенію подвергались, дѣйствительно, только предметы роскоши, къ которымъ довольно трудно отнести, напр., керосинъ, спички и т. д., и если бы не существовало на бѣломъ свѣтѣ того явленія, которое извѣстно подъ именемъ переложенія налоговъ съ однихъ слоевъ населенія на другіе. Мысль эту г. Пѣшехоновъ иллюстрируетъ такимъ нагляднымъ разсчетомъ: «Ведро водки, напр., обходится заводчику въ 60 коп. + акцизъ 4 руб. 40 коп., а всего 5 руб. Если предположить, что торговый процентъ составляетъ не больше 20%, то потребителю то же ведро обойдется въ 6 руб. Не будь акциза, потребитель, уплативъ тѣ же 20%, отдалъ бы за ведро лишь 72 коп. Въ первомъ случаѣ разница между заводской и розничной цѣной равна 1 руб., во второмъ—она была бы равна лишь 12 коп. Такимъ образомъ за отсрочку въ уплатѣ акциза плательщикъ заплатитъ 88 коп., т.-е. въ полтора раза дороже, чѣмъ стоитъ сама водка. По отношенію къ суммѣ налога это составитъ 20%, тогда какъ пеня при прямыхъ налогахъ взимается въ размѣрѣ лишь 6%. Мы привели самый скромный разсчетъ. Въ дѣйствительности переплаты для мелкаго потребителя, особенно для деревенскаго, значительно выше, такъ какъ нѣкоторые товары доходятъ до него съ надбавкой (въ томъ числѣ и на сумму налога) не въ 20%, а въ 30—40 и даже 100%». Имѣя въ виду эти реальныя условія жизни, приходится усумниться въ той «справедливости», о которой говорилось выше, какъ о первомъ же свойствѣ косвеннаго обложенія, а между тѣмъ, не говоря уже о спиртѣ, ставшій безусловною потребностью во всѣхъ уголкахъ Россіи керосинъ даетъ указаннымъ путемъ финансовому вѣдомству десятки милліоновъ рублей.

Теперь поговоримъ объ «упругости» косвенныхъ налоговъ. Этимъ свойствомъ они обладаютъ, дѣйствительно, въ весьма значительной, хотя, разумѣется, не безпредѣльной степени. Оставимъ на минутку статью г. Пѣшехонова и обратимся къ приложенному не такъ давно къ «Саратовской Земской Недѣлѣ» изслѣдованію д-ра Шингарева подъ заглавіемъ «Село Ново-Животинное и деревня Моховатка въ санитарномъ отношеніи» или, вѣрнѣе, къ замѣткѣ по поводу этого изслѣдованія г. Анненскаго, называющейся «Нѣсколько цыфръ». Расположены деревни Ново-Животинное и Моховатка не гдѣ-нибудь въ тундрахъ, а въ одной изъ плодороднѣйшихъ губерній центра Россіи (Воронежской) и подверглись тщательнѣйшему санитарно-статистическому обслѣдованію не потому, чтобы онѣ бросились въ глаза своею выдающеюся бѣдностью, а по причинѣ случайнаго сосѣдства съ ними д-ра Шингарева и другихъ изслѣдователей. Пара цитатъ изъ работы д-ра Шингарева сразу дадутъ читателю представленіе о положеніи новоживотинцевъ и моховатцевъ. Самая большая изба въ Моховаткѣ, содержащая въ себѣ 229,2 куб. арш. воздуха, вмѣщаетъ въ то же время 22 человѣка семьи, такъ что на каждаго приходится, по выраженію г. Шингарева, чуть не «гробовое» количество воздуха. Оно равняется лишь *9,5 кубическимъ аршинамъ*. Такимъ количествомъ воз-

духа, съ грѣхомъ пополамъ, еще можно обходится лѣтомъ, но зимою, когда всѣ обитатели деревень скучиваются въ избахъ, получается нѣчто, безъ преувеличенія, ужасное. Тогда, — говоритъ д-ръ Шингаревъ «въ избѣ находятся на лицо, помимо людей, еще всякія домашнія животныя: телята, овцы съ ягнятами, поросята, куры. Въ иныхъ случаяхъ даже коровъ загоняютъ въ избы телиться. Животныя не только потребляютъ кислородъ воздуха, но и отправляютъ свои естественныя потребности здѣсь же, окончательно портя воздухъ. Въ большихъ избахъ, гдѣ съ значительнымъ численнымъ составомъ семьи живетъ обыкновенно и больше скотины, порча воздуха достигаетъ крайнихъ предѣловъ». Если прибавить къ этому, — говоритъ д-ръ Шингаревъ, — «что больные, старые, хилые и малолѣтніе также отправляютъ свои нужды въ избѣ, иногда прямо на полъ, что въ этой же избѣ «мычутъ намыка», т.-е. треплютъ мятые стебли конопли, чтобы отдѣлить волокна отъ мелкой кострики, что здѣсь же стряпаютъ, сушатъ одежду, обувь и сбрую, курятъ махорку, то станетъ вполнѣ понятнымъ качество воздуха въ такой избѣ. Когда дверь долго не отворялась, а печка еще не топлена, т.-е. рано утромъ послѣ ночи воздухъ во многихъ избахъ бываетъ такъ плохъ, такъ зловоненъ и переполненъ всевозможными испареніями людей, животныхъ, земляного пола и грязной одежды, что у вошедшаго съ улицы непривычнаго человѣка захватываетъ духъ, начинаетъ кружиться голова и тѣснитъ въ груди чуть не до обморока». А вотъ какъ питаются жители названныхъ деревень: «гречневой крупы не было въ 68 дворахъ (изъ 90) Животиннаго и во *всѣхъ* (70) дворахъ Моховатки; свѣжей капусты не имѣли 36 дворовъ Животиннаго и 10 Моховатки, даже квашеной капусты не имѣлось въ 11 дворахъ; огурцовъ и арбузовъ не ѣли въ 49—58 дворахъ Животиннаго и Моховатки и т. д., и т. д., все тѣ же: «не было», «не ѣли» и относительно мяса, сала, молока и пр. (молока совсѣмъ не видѣли въ теченіе года не только взрослые, но и дѣти почти въ половинѣ (41 изъ 90) семей Животиннаго)». «Цѣлый рядъ дворовъ, не имѣющихъ возможности купить капусты, огурцовъ, мяса, цѣлыя семьи безъ молока въ теченіе цѣлаго года! Да развѣ это, — замѣчаетъ д-ръ Шингаревъ, — не хроническое недоѣданіе, не ужасная постоянная нищета... Не могу здѣсь передать того тяжелаго впечатлѣнія, которое на меня произвелъ опросъ нѣсколькихъ домохозяевъ, гдѣ не было капусты. Что мяса мало ѣдятъ въ деревнѣ, — для меня это было давно извѣстно, что есть семьи, лишенныя молока, предполагалось извѣстнымъ уже priori, но чтобы въ крестьянской семьѣ не было зимой кислой капусты, я уже никакъ не ожидалъ. «Да какъ же вы щи варите?»—невольно вырвался у меня наивный вопросъ, такъ твердо я вѣрилъ, что традиціонныя щи, хотя бы и безъ мяса, должны быть вездѣ. «Щи,—отвѣчалъ мнѣ равнодушнымъ голосомъ старый больной хозяинъ, — да мы ихъ вотъ уже *года полутора* не хлѣбали...»

Тѣмъ не мѣнѣе, и въ этихъ деревняхъ курятъ махорку, освѣщаютъ избы керосиномъ и даже пьютъ чай,—въ какихъ доляхъ это другой вопросъ (на душу населенія приходится $^1/_{35}$ ф. чая и $^1/_5$ ф. сахару въ годъ!), но все таки пьютъ, а за это, въ связи съ другими, обремененными также косвенными нало-

гами, но все же потребляемыми животинцами и маховатцами, товарами они платятъ, по вычисленіямъ д-ра Шингарева, въ казну *около тысячи* рублей въ годъ. Такимъ образомъ маховатцы и животинцы, при всей своей рачительной бѣдности, принимаютъ энергичное участіе въ составленіи того милліарда «излишковъ», о которомъ мы говорили выше. «Упругость» косвенныхъ налоговъ, дѣйствительно, замѣчательное, ихъ свойство, и отражается на данномъ маленькомъ примѣрѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ».

Третье и послѣднее свойство косвенныхъ налоговъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ ихъ способности быть взимаемыми съ наибольшею легкостью. Это тоже чрезвычайно цѣнное свойство. «При косвенномъ обложеніи,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—государство не вступаетъ въ непосредственныя отношенія къ плательщикамъ и освобождается отъ обязанности прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ воздѣйствія на нихъ». Кому не извѣстны, въ самомъ дѣлѣ, тѣ мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ у насъ обыкновенно сборщики прямыхъ налоговъ? Терминъ «выколачиваніе» получилъ на всемъ пространствѣ Руси свой вполнѣ опредѣленный смыслъ, а процессъ, этому термину соотвѣтствующій въ жизни, не можетъ не оставлять извѣстныхъ слѣдовъ и въ психикѣ населенія. Другое дѣло налоги косвенные. Тутъ,—справедливо говоритъ г. Пѣшехоновъ, «обыватель выплачиваетъ потребныя государству суммы, вовсе не отдавая себѣ отчета, кому и на что онъ платитъ. Налогъ доходитъ до него въ видѣ составной части цѣны покупаемаго имъ предмета. Благодаря этому, независимо отъ высоты налоговъ, сохраняются добрыя отношенія между населеніемъ и фискомъ, дѣятельность котораго, при косвенномъ обложеніи, остается такимъ образомъ независимой не только отъ экономическихъ достатковъ, но и отъ психики населенія. Предусмотрительное желаніе не портить отношеній къ плательщикамъ и не напоминать ему безъ нужды о размѣрахъ платимаго имъ налога можно прослѣдить даже въ мелочахъ. На пассажирскомъ билетѣ вы теперь не найдете обозначавшейся прежде суммы государственнаго сбора, на чайной или спичечной бандероли вы не встрѣтите указаній на ея стоимость».

Мы не будемъ останавливаться на сдѣланномъ г. Пѣшехоновымъ прекрасномъ анализѣ причинъ, значенія и послѣдствій винной монополіи, какъ и многихъ другихъ сторонахъ его интересной статьи, и перейдемъ прямо къ тому выводу, который напрашивается уже давно самъ собою. «Блестящее состояніе финансовъ» не только не влечетъ за собою столь же «блестящаго» состоянія экономическаго положенія населенія, а даже наоборотъ. За то оно влечетъ,—и въ этомъ князь Мещерскій совершенно правъ, безпримѣрное усиленіе государственной власти и, прибавимъ мы отъ себя, въ частности власти министерства финансовъ. Послѣдняя, опирающаяся на колоссальные «излишки», достигла, дѣйствительно, полной «независимости», а все это, въ свою очередь, изъ средства для достиженія цѣлей экономическаго благополучія страны превратилось, наконецъ, въ цѣль саму себѣ довлѣющую. Поворотъ нашей экономической политики по иному руслу является потребностью назрѣвшею, а въ общественномъ сознаніи, по справедливымъ словамъ, которыми г. Пѣшехоновъ заканчиваетъ свою статью, «все болѣе и болѣе выясняются условія, при которыхъ это сдѣлается возможнымъ».

Въ майской книжкѣ «Русской Мысли» начата и въ іюньской окончена весьма поучительная статья покойнаго Ивановича (И. И. Свѣдѣнцова) «Несчастіе Кавказа». Статья эта отмѣчена печатью той наблюдательности, вдумчивости и отзывчивости автора на требованія жизни, которыми отмѣчены всѣ другія работы преждевременно скончавшагося писателя. Кавказъ—страна крайне некультурная и по этой причинѣ она не можетъ пользоваться даже тѣми минимальными дозами самоуправленія, которыми пользуется коренная Россія, это одно положеніе, положеніе характера чисто теоретическаго, ибо никакихъ опытовъ для его подтвержденія никогда не производилось. Безъ благъ самоуправленія культура Кавказа нисколько не двигается впередъ, это положеніе второе уже не теоретическое, а самымъ громкимъ образомъ само о себѣ заявляющее въ жизни Кавказа на каждомъ шагу. Кто не слыхалъ, напр., о кавказскихъ разбояхъ? Для борьбы съ этимъ зломъ исчерпаны, кажется, рѣшительно всѣ мѣры, какими только обладаетъ царящій на Кавказѣ большіе десятки лѣтъ строго бюрократическій режимъ, а разбои не только не прекращаются, но не обнаруживаютъ даже тенденціи къ ослабленію, мало того въ глазахъ массы населенія Кавказа разбойники и нынѣ, какъ и десятки лѣтъ тому назадъ, являются героями, у которыхъ мѣстные жители ищутъ «правды» и на могилахъ которыхъ ставятъ памятники, какъ своимъ защитникамъ и «хорошимъ людямъ». Въ подтвержденіе этого Ивановичъ извлекъ изъ мѣстной печати цѣлый рядъ фактовъ. Не дальше, какъ въ 1897 году въ газетѣ «Каспій» разсказано по этому поводу слѣдующее: разбойнику Мамеду-Абузаръ-Оглы подавали жалобы на рѣшенія мирового судьи. Его домъ «походилъ какъ бы на присутственное мѣсто. Тамъ всегда толпился народъ,—одни приносили ему подарки, другіе—жалобы и прошенія. Подарки онъ принималъ и благодарилъ, а просьбы и жалобы разсматривалъ и выслушивалъ» (Отчетъ судебнаго засѣданія по дѣлу объ убійствѣ Абашидзе). На памятникѣ разбойнику Арсену въ Мухетѣ надпись: «здѣсь ты былъ хорошимъ человѣкомъ; тамъ пусть будетъ тебѣ царство небесное». На памятникѣ разбойнику Пухашвили въ Торійскомъ уѣздѣ, между сел. Двани и Цетониси, гдѣ онъ былъ убитъ предателемъ, надпись: «богатыхъ я грабилъ и давалъ бѣднякамъ; никого я не убивалъ, но видишь, что сдѣлалъ измѣнникъ Ломидзе». Въ какую историческую даль переносятъ всѣ эти картины!..

А между тѣмъ, на протяженіи многихъ-многихъ лѣтъ кавказскою администраціею для искорененія разбоя практиковались, — и всегда вполнѣ безуспѣшно,—слѣдующія 18 «мѣропріятій»:

1) Административная высылка подозрѣваемыхъ въ разбоѣ и укрывательствѣ разбойниковъ.

2) Ссылка въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ.

3) Запрещеніе проживать въ городахъ сельчанамъ, подозрѣваемымъ въ преступленіяхъ противъ собственности.

4) Преданіе разбойниковъ военному суду, который прежде приговаривалъ къ каторжнымъ работамъ и шпицрутенамъ отъ 6.000 до 12.000 ударовъ, причемъ многіе умирали отъ этого наказанія, а теперь, съ 1882 года—къ повѣшенію.

5) Арестъ семействъ бѣглыхъ преступниковъ.

6) Арестъ почетныхъ жителей селенія, въ которомъ появились разбойники, но не выданы жителями.

7) Экзекуція.

8) Взаимное поручительство въ уплатѣ стоимости похищеннаго неразысканными разбойниками.

9) Лишеніе права всего сельскаго общества выбирать своихъ старшинъ и назначеніе ихъ правительствомъ.

10) Лишеніе права всего сельскаго общества носить оружіе.

11) Примѣненіе къ данной мѣстности 27-й статьи положенія объ управленіи Кавказскимъ краемъ, предоставляющей главноначальствующему право принимать для возстановленія общественнаго спокойствія и безопасности всякія мѣры, хотя бы внѣ установленнаго порядка, подъ личною его отвѣтственностью.

12) Усиленіе состава полиціи.

13) Поимка разбойниковъ при посредствѣ земской стражи.

14) Наряды изъ населенія для поимки разбойниковъ.

15) Указаніе чрезъ выборныхъ дворянъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ разбоѣ.

16) Преслѣдованіе разбойниковъ при посредствѣ войскъ и казаковъ.

17) Командировки чиновниковъ и офицеровъ.

18) Наставленіе духовенства.

Странно звучитъ *нулевой* результатъ длиннаго списка такихъ, казалось бы, радикальныхъ мѣръ, но въ томъ-то и дѣло, что бюрократическія репрессіи не только никогда не приводятъ къ желаемымъ результатамъ, но даже нерѣдко сказываются совершенно обратными послѣдствіями. Для искорененія разбойничества испробовано, кажется, все, кромѣ того, что слѣдуетъ, и совершенно правъ долго жившій на Кавказѣ, пристально вглядывавшійся въ условія жизни этого края и искренно желавшій ему добра Свѣдѣнцовъ, когда писалъ такія строки:

«Искоренить разбойничество можно только культурными мѣрами: развитіемъ въ населеніи чувства законности, для чего первымъ шагомъ должно быть введеніе суда присяжныхъ и выборныхъ мировыхъ судей, а также отвѣтственность административныхъ агентовъ за нарушеніе закона на общемъ основаніи; широкимъ развитіемъ образованія въ народной массѣ, поднятіемъ ея экономическаго положенія и развитіемъ въ ней самодѣятельности помощью введенія земскихъ учрежденій». О необходимости такихъ реформъ на Кавказѣ раздавались весьма компетентные голоса съ самого Кавказа, на нихъ, какъ на вѣрное средство для устраненія кавказкихъ недуговъ, постоянно указываетъ лучшая часть кавказской прессы, того же желаетъ настоятельно и вся мыслящая часть нашего общества, но кавказская администрація остается въ этомъ дѣлѣ «при особомъ мнѣніи», и разбои продолжаютъ процвѣтать въ этомъ чудномъ уголкѣ земного шара.

Въ іюньской книжкой «Русской Старины» помѣщено продолженіе начавшагося печатаніемъ раньше интереснаго историческаго изслѣдованія г. Слезскин-

скаго подъ заглавіемъ «Фотій и графиня Орлова-Чесменская». Изслѣдованіе это пріобрѣтаетъ особый интересъ именно въ іюньской книжкѣ названнаго журнала и потому на ней мы и остановимъ немного вниманіе читателя. «Слухъ о загадочныхъ отношеніяхъ болѣзненнаго, простого, съ трудомъ окончившаго семинарію, монаха съ богатой аристократкой высшаго круга и о Юрьевомъ монастырѣ, какъ блиставшемъ драгоцѣнностями и великолѣпіемъ, далеко прошелъ по Россіи; монастыремъ интересовались даже за границей. Нѣкоторые иностранные гости, проѣздомъ въ тогдашнія наши военныя поселенія, заглядывали и въ Юрьевъ изъ любопытства, какой такой особенный монастырь, которому настоятель далъ имя «рай земной». Такими словами начинается цитируемая часть статьи г. Слевскинскаго. Спѣшимъ заявить, что насъ интересуютъ собственно не «загадочныя отношенія» монаха къ дамѣ изъ высшаго свѣта, а нѣчто иное. Въ чемъ бы эти отношенія ни состояли и каковы бы ни были ихъ причины, но для насъ важно лишь то, что оставленные ими слѣды въ нынѣ публикуемыхъ г. Слезскинскимъ письмахъ Фотія къ графинѣ Орловой проливаютъ достаточно яркій свѣтъ на во всякомъ случаѣ, получившую историческій интересъ фигуру знаменитаго монаха. Чѣмъ былъ онъ въ глазахъ Аракчеева, а черезъ послѣдняго въ глазахъ Александра Перваго, каковъ былъ онъ въ роли «утѣшителя» всемогущаго временщика послѣ убійства Минкиной,—все это достаточно извѣстно, но и Фотій въ его повседневной, будничной, жизни представляетъ также значительный интересъ. Въ Новгородѣ былъ, напр., губернаторъ Жеребцовъ и къ нему Фотій относился съ большимъ подобострастіемъ, не потому, что Жеребцовъ занималъ постъ губернатора,—что для Фотія были губернаторы,—а потому, что, будучи тестемъ графа Алексѣя Орлова, онъ былъ для Фотія при жизни человѣкомъ, конечно, не безопаснымъ. Но, вотъ, Жеребцовъ кончаетъ самоубійствомъ и, Фотій спѣшитъ аттестовать его въ такихъ, характерныхъ для него, строкахъ: «Жеребцовъ, отецъ жены гр. Алексѣя Орлова, былъ злѣйшій франкъ-масонъ и ложа у него, называемая Георгія Побѣдоносца, и всѣ массонскіе ордена имѣлъ. Такая ему, варвару, и смерть. Злый злѣ и умеръ, смерть грѣшниковъ люта». Относившіеся, въ свою очередь, къ Фотію съ должнымъ «уваженіемъ» не оставались, конечно, въ проигрышѣ. Губернаторъ Денферъ грубо льстилъ Фотію прямо въ глаза, и Фотій писалъ о немъ Орловой: «Прошу тебя и молю, напомни брату Алексѣю объ награжденіи нашего губернатора; ужели и нынѣ ему не будетъ награжденія, онъ уже болѣе 5 лѣтъ губернаторомъ». Когда Денферъ, дѣйствительно, награду получилъ, то Фотій писалъ: «Въ Новгородѣ болѣе 700, а въ Старой Руссѣ болѣе 4.100 забрано поселянъ. Царь самъ навѣсилъ звѣзду Слезкѣ (губернатору Денферу). Вотъ какъ царь милъ и праведенъ. Губернаторъ летаетъ на крыльяхъ радости, какъ птица». И на слѣдующій же день снова: «Вчера прилетѣлъ и нашъ губернаторъ; я его со всею братіею поздравилъ въ залѣ». Когда же возникло дѣло объ удаленіи отъ монастыря Юрьевской слободки, и Денферъ не оправдалъ возложенныхъ на него Фотіемъ надеждъ, то Фотій въ письмахъ всячески его поносилъ. Умильно хлопоталъ Фотій и о повышеніи по службѣ вице-губернатора Смирнова. «Вотъ случай моего писанія самый нужный,—писалъ онъ

17-го апрѣля 1836 года Орловой.—Владимірскій губернаторъ въ отставку выходитъ, и желаетъ поступить туда нашъ *духовный родственникъ* Смирновъ. Буде не поздно, приложи все стараніе... Бога ради, не опоздай, а позови къ себѣ брата и поручи ему все». Такъ-то насаждалъ черезъ Орлову Фотій вездѣ своихъ «духовныхъ родственниковъ», а это, разумѣется, не могло не отражаться на ходѣ общественныхъ дѣлъ.

Чрезвычайно интересны также отношенія Фотія къ петербургскимъ митрополитамъ,—тутъ онъ сказывается во весь ростъ,—но намъ приходится ограничиться лишь указаніемъ на эту часть изслѣдованія г. Слезскинскаго.

Въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» г. Морозовъ далъ небольшой, но очень содержательный очеркъ, озаглавленный «Финская литература въ ея прошломъ и настоящемъ». Знакомство съ исторіей и литературой этого небольшого, но богато одареннаго отъ природы народа распространено у насъ весьма незначительно, финскій языкъ доступенъ однимъ лишь спеціалистамъ да тѣмъ изъ русскихъ, которыхъ судьба закидывала на продолжительное время въ глубину Финляндіи, а между тѣмъ, финны и ихъ литература представляютъ собою весьма интересный предметъ изученія. Вотъ почему статья г. Морозова не можетъ пройти незамѣченною. Она прочтется съ большимъ интересомъ, на ней остановится и вниманіе журнальныхъ обозрѣвателей. Чрезвычайно строгая привязанность финновъ къ своей родинѣ и желаніе послужить ей, кто только чѣмъ можетъ, составляетъ выдающую черту ихъ національнаго характера. Народъ этотъ маленькій, подвергающійся постоянно шведскому вліянію, а посмотрите, какъ упорно хранитъ онъ свою собственную индивидуальность, свой бытъ, свою культуру, сколько прилагаетъ труда для ихъ развитія, сколько приноситъ жертвъ для охраны ихъ отъ всякихъ на нихъ поползновеній! «Каждый болѣе или менѣе образованный финнъ,—говоритъ г. Морозовъ,—считаетъ своимъ патріотическимъ долгомъ взять на себя извѣстную долю участія въ общемъ трудѣ изученія родины и просвѣщенія народа; и эта дружная совмѣстная культурная работа успѣла въ сравнительно короткій срокъ принести весьма замѣтные плоды». А было время, когда шведское вліяніе возымѣло было рѣшительное преобладаніе въ странѣ, но это явленіе встрѣтило еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка столь же рѣшительный отпоръ со стороны нѣсколькихъ, сидѣвшихъ на скамьяхъ абосскаго (впослѣдствіи переведеннаго въ Гельсигфорсъ) университета юношей. Между ними былъ и составившій впослѣдствіи славу финской поэзіи Іоганнъ-Людовигъ Рунебергъ. Начавши собираться періодически по субботамъ, юноши скоро пришли къ мысли о необходимости основать «Финское литературное общество», что и было ими въ 1831 году приведено въ исполненіе. Успѣхи этого общества и вообще ставшей быстро развиваться финской литературы были такъ разительны, что показались опасными шведской партіи («свекомановъ»), которая и стала прибѣгать ради борьбы съ соперникомъ не только къ дозволительнымъ, но и совсѣмъ ужъ недозволительнымъ средствамъ. По интригамъ свекомановъ на юную финскую литературу въ 1850 году внезапно обрушился тяжелый ударъ. Объ этомъ г. Морозовъ разсказываетъ такъ:

«По Высочайшему повелѣнію запрещено было печатать на финскомъ языкѣ какія бы то ни было книги кромѣ духовныхъ и сельскохозяйственныхъ, такъ что даже сочиненія Ѳаддея Булгарина и тѣ не посмѣли бы въ ту пору явиться въ финскомъ переводѣ. Эта строгая мѣра, повидимому, не находившая себѣ никакого основанія въ содержаніи и направленіи только что зарождавшейся финской словесности, объясняется происками свекомановъ, которые, видя невозможность воспрепятствовать развитію ненавистнаго имъ финноманства, грозившаго, между прочимъ, и матеріальному благосостоянію шведскаго чиновничества, рѣшились на крайній шагъ: они воспользовались подозрительностью правительства того времени, возбужденнаго революціоннымъ движеніемъ на Западѣ, и успѣли внушить тогдашнему генералъ-губернатору Финляндіи князю Меньшикову, что національныя стремленія финновъ представляютъ опасность для государственнаго порядка, такъ финноманны стремятся къ созданію независимаго отъ Россіи финскаго государства. На замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ защитниковъ финской народности, князю Меньшикову, что подобная идея можетъ придти въ голову только сумасшедшему, князь глубокомысленно замѣтилъ: «Ma foi, le monde est plein de fous», и запретилъ печатать финскій переводъ Корнелія Непота...» Такое положеніе вещей продолжалось до вступленія на престолъ императора Александра Втораго, когда эти ограниченія пали, и финская литература получила новый толчокъ для своего развитія. Минуя сдѣланныя г. Морозовымъ характеристики нѣсколькихъ финскихъ поэтовъ, сдѣлаемъ пару цитатъ изъ современныхъ любимцевъ финновъ,—Арвида Эрнефельта и Юхани Ахо.

«Насъ одушевляетъ, — говоритъ Эрнефельтъ въ романѣ «Человѣческая Судьба»,—мысль о томъ, что финское племя должно развиться въ особую націю, которая сама опредѣлитъ свою историческую судьбу и создастъ себѣ свою собственную культуру съ помощью своего собственнаго языка. Тотъ, кто не выросъ на этой мысли,—тотъ не въ состояніи насъ понимать. Ибо все коренится въ томъ, что мы вѣримъ въ свой народъ и въ его будущее, что мы любимъ этотъ народъ, его языкъ и его исторію, вѣримъ въ его культурную силу и думаемъ, что онъ необходимъ въ Европѣ. Этой идеей мы и живемъ».

Еще болѣе яркимъ выразителемъ того же настроенія является наиболѣе популярный среди финновъ писатель, вышеупомянутый Юхани Ахо.

«Будущность Финляндіи представляется намъ полною героическаго величія, — говоритъ этотъ писатель въ очеркѣ «Юношеская мечта».

«Финляндія—то же, чѣмъ нѣкогда была Греція, и финскій народъ есть другой греческій народъ! Развѣ нѣтъ у насъ острововъ—такихъ же, какъ греческій архипелагъ? Развѣ мы не такъ же побѣдоносно боролись съ насиліемъ, какъ они? Вѣдь, и у насъ были свои Ѳермопилы и свой Саламинъ,—и мы также спасали западную цивилизацію!

«У нихъ былъ Гомеръ, а у насъ есть Калевала...»

И далѣе:

«Финскій языкъ и богатъ, и силенъ, и благозвученъ не меньше греческаго. И съ помощью этого языка мы создадимъ литературу, которая вытѣснитъ всѣ

прочія, мы создадимъ финскую цивилизацію, новую, свѣжую культуру, которая побѣдитъ всѣ старыя и отжившія. Мы распространимъ нашу идею далеко на западъ, пройдемъ всѣ народы, наши воззрѣнія повліяютъ на ихъ вѣрованія и изъ нашего языка возникнутъ новые языки. Старый міръ разлагается, нуждается въ обновленіи и очищеніи; онъ коченѣетъ въ своихъ формахъ. Мы, финны, создадимъ новыя формы и вдохнемъ въ нихъ новый духъ. И мы совершимъ это, основываясь на нашей древности—на Калевалѣ и Кантелетаръ. Наша страна станетъ мѣстомъ общенія запада и востока; она обогатится и процвѣтетъ; рядомъ со старыми городами возникнутъ новые; на вершинахъ горъ воздвигнутся дворцы, а на мысахъ поставятся памятники народнымъ героямъ...»

Это уже языкъ безконечно влюбленнаго въ предметъ своей страсти... Конечно, и самъ Юхани Ахо знаетъ всю несбыточность подобныхъ мечтаній, но, старѣясь годами и потому умудряясь житейскимъ опытомъ, финскіе писатели не измѣняютъ, тѣмъ не менѣе, руслу, по которому текутъ ихъ чувства къ родинѣ. Ахо говоритъ самъ по поводу вышеприведенныхъ строкъ изъ его «Юношеской мечты» слѣдующее:

«Такъ смотрѣли мы на свою исторію, такъ мы фантазировали съ разгорѣвшимися щеками и твердо вѣрили, что наши фантазіи на самомъ дѣлѣ осуществятся. Заоблачныя глупости!»

«Но эти юношескія мечты и эта дѣтская вѣра все-таки не совсѣмъ исчезли. Бываютъ времена, когда воспоминаніе о нихъ приноситъ утѣшеніе и когда мнѣ такъ хотѣлось бы опять вернуться назадъ, къ этимъ юношескимъ фантазіямъ и къ этой дѣтской вѣрѣ».

По свидѣтельству г. Морозова, настроеніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго является Юхани Ахо, рѣшительно можно назвать господствующимъ въ финской литературѣ, ибо имъ въ большей или меньшей степени проникнуты всѣ сколько-нибудь выдающіяся ея произведенія.

За границей.

Внутреннія дѣла Германіи. Когда императоръ Вильгельмъ въ іюнѣ, объѣзжая рейнскія провинціи, посѣтилъ Крефельдъ, то на пріемѣ у бургомистра онъ шутливо спросилъ барышень, много ли онѣ танцуютъ съ молодыми поручиками. На это дочь бургомистра, краснѣя, отвѣтила ему за всѣхъ, что, «къ сожалѣнію, въ Крефельдѣ нѣтъ поручиковъ, такъ какъ нѣтъ гарнизона».—«Ну, я позабочусь о томъ, чтобы у васъ были кавалеры!» сказалъ императоръ, улыбаясь, и эти слова привели въ восторгъ общество Крефельда. Городъ давно добивается учрежденія гарнизона, но до сихъ поръ всѣ ходатайства были безуспѣшны. Теперь же въ словахъ императора крефельдцы увидѣли обѣщаніе исполнить ихъ завѣтное желаніе. Мѣстная печать выразила по этому поводу удовольствіе, но иначе отнеслись къ этому факту другія газеты. Первымъ выступилъ глава германскихъ прогрессистовъ Евгеній Рихтеръ, возбудившій вопросъ,

не нарушилъ ли императоръ конституціонныхъ принциповъ, пообѣщавъ крефельдскимъ барышнямъ молодыхъ поручиковъ въ качествѣ кавалеровъ? Императоръ дѣйствительно отдалъ приказаніе военному министру обсудить этотъ вопросъ и приготовить квартиры для помѣщенія гарнизона въ Крефельдѣ. Этого было достаточно чтобы въ печати возникла полемика и въ гамбургской газетѣ, которая нѣкогда была привилегированнымъ органомъ Бисмарка, появилась очень рѣзкая статья, подъ заглавіемъ «Личный режимъ», которая можетъ служить подтвержденіемъ, что печать «свободнаго города» не подлежитъ юрисдикціи прусскихъ трибуналовъ. Въ заключеніе авторъ статьи объявляетъ, что рейхстагъ отвергнетъ кредиты, которые правительство вынуждено будетъ потребовать для покрытія расходовъ по переводу гусарскаго полка изъ Дюссельдорфа въ Крефельдъ. Но курьезнѣе всего, что эта же самая газета, которая всегда такъ старательно насаждала милитаризмъ, теперь вдругъ выступаетъ ярой противницей *милитаризаціи* правительства, заявляя что назначеніе генераловъ министрами ведетъ къ уничтоженію всякой иниціативы министерства, которое всегда дѣлаетъ подъ козырекъ и отвѣчаетъ: «чего изволите!» Конечно, эта статья гамбургской газеты, всегда стоявшей на стражѣ консервативныхъ принциповъ, не осталась безъ отвѣта со стороны оффиціозныхъ органовъ германскаго правительства, и «сыръ-боръ загорѣлся». Желаніе крефельдскихъ барышень танцовать съ ловкими и удалыми гусарскими поручиками привело къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ.

Другимъ поводомъ къ ожесточенной полемикѣ служитъ ссора, возникшая между профессоромъ Хрустомъ и вюрцбургскимъ университетомъ, въ сущности носившая чисто мѣстный характеръ, но, благодаря особеннымъ условіямъ, возбудившая общественный интересъ въ Германіи, въ виду того, что вопросъ перенесенъ теперь на почву прерогативы германскихъ университетовъ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Хрустъ, бывшій экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи въ вюрцбургскомъ университетѣ, пожелалъ получить званіе ординарнаго профессора. Но коллеги его, другіе профессора этого университета, не пожелали избрать его, и кандидатура его не прошла. До сихъ поръ, конечно, въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго; университетъ имѣлъ право принять или отвергнуть кандидата и этого права никто не могъ у него оспаривать. Коллегія профессоровъ находила Хруста «слишкомъ клерикальнымъ» и поэтому неудобнымъ съ точки зрѣнія преподаванія исторіи. Хрустъ, однако, протестовалъ противъ обвиненія въ «ультрамонтанскихъ взглядахъ» въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ кёльнской газетѣ. Но такъ или иначе назначеніе его ординарнымъ профессоромъ не состоялось и баварское правительство не сочло возможнымъ навязывать этого профессора университету, который не желалъ его, хотя, быть можетъ, обвиненія университета, что Хрустъ слишкомъ клерикаленъ, и не были справедливы. Но дѣло усложнилось тѣмъ, что въ баварской палатѣ депутатовъ былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ, причемъ министръ просвѣщенія Ландманъ говорилъ такимъ образомъ, что его рѣчь можно было считать прямымъ порицаніемъ, высказаннымъ по адресу ректора и университетскаго сената. Значеніе этихъ словъ министра усиливалось еще тѣмъ, что

онъ, безъ сомнѣнія, раньше заручился сочувствіемъ правительства, желавшаго угодить католическому большинству палаты. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ весь университетскій сенатъ съ ректоромъ во главѣ вышелъ въ отставку. Съ этого момента университетскій конфликтъ получилъ широкій общественный характеръ и первоначальная его причина—кандидатура профессора Хруста—совершенно отступила на задній планъ. Другіе баварскіе университеты объявили себя солидарными съ вюрцбургскимъ университетомъ и вступились за университетскія привилегіи, которыя до сихъ поръ считались неприкосновенными. Нѣмецкіе университеты пользовались до этого времени полнѣйшею независимостью, но въ Пруссіи начали обнаруживаться стремленія ограничить привилегіи университетовъ и подчинить ихъ желаніямъ правительства, эти стремленія рѣзко выражались въ дѣлѣ профессора Дельбрюка, доцента Аронси и профессора Лемана, и поэтому не удивительно, что баварскіе университеты, замѣтивъ, что и въ Баваріи начинаютъ проглядывать такія же тенденціи, не на шутку всполошились. Печать подхватила это дѣло, уже послужившее поводомъ къ цѣлому ряду демонстрацій противъ баварскаго министра просвѣщенія. Мѣстный баварскій конфликтъ получилъ общій характеръ, благодаря тому, что въ полемикѣ приняли участіе берлинскія газеты. Спеціальный научный журналъ, органъ баварскихъ медицинскихъ факультетовъ, «Münchener Medicinische Wochenschrift», выступилъ съ категорическимъ требованіемъ отставки министра просвѣщенія Ландмана. Въ обвинительномъ актѣ противъ этого министра медицинскій журналъ, между прочимъ, указываетъ на всѣмъ извѣстное желаніе министра Ландмана навязать медицинскому факультету вюрцбургскаго университета профессора гомеопата.

Какъ бы то ни было, но дѣло приняло настолько рѣзкій оборотъ, что правительство очутилось передъ альтернативой: либо пожертвовать министромъ просвѣщенія, либо вступить въ открытый конфликтъ со всѣми баварскими университетами. Послѣднее показалось правительству опаснѣе, и поэтому въ газетахъ напечатано было извѣщеніе, что «министръ Ландманъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, беретъ продолжительный отпускъ». Конечно, для всѣхъ было ясно, что это лишь «замаскированная отставка», и печать такъ и отнеслась къ этому сообщенію. Въ Германіи этотъ фактъ произвелъ большую сенсацію, такъ какъ то, что министръ вынужденъ былъ уступить, не парламентской волѣ, а резолюціямъ профессоровъ, представляетъ совершенно небывалый случай. Газеты предсказываютъ, что баварскій католическій центръ отомститъ за это всему министерству, которое не захотѣло отстоять своего коллегу министра просвѣщенія и принесло его въ жертву гнѣву университетскихъ корифеевъ.

Берлинскій союзъ для устройства дѣтскихъ народныхъ кухонь въ столицѣ (Verein für Kinder Volkskuchen) опубликовалъ отчетъ о своей дѣятельности, изъ котораго видно, что въ Берлинѣ были устроены имъ десять такихъ дѣтскихъ кухонь, кормившихъ ежедневно до 3.000 дѣтей. Изъ этого числа не болѣе 500 были въ состояніи заплатить пять пфениговъ за обѣдъ, остальные получали его даромъ. Въ отчетѣ напечатано кромѣ того и меню этихъ кухонь. Дѣти получали два раза въ недѣлю мясное, два раза—молочную рисовую

кашу съ сахаромъ и два раза другія каши. Вообще администрація этихъ кухонь старалась по возможности разнообразить столъ, соображаясь со средствами союза и временемъ года. Средства союза заключались въ членскихъ взносахъ, составившихъ 12.000 марокъ, и въ 36.000 марокъ, полученныхъ посредствомъ сборовъ. Кромѣ того городская администрація выдаетъ союзу ежегодную субсидію въ 1.500 марокъ. Союзъ надѣется въ будущемъ году расширить свою дѣятельность и вызвать организацію подобныхъ же дѣтскихъ столовыхъ въ разныхъ другихъ городахъ Германіи. Между прочимъ Дрезденъ уже послѣдовалъ примѣру Берлина въ этомъ отношеніи.

Религіозныя теченія въ Англіи. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ такой приверженности къ стариннымъ традиціямъ и обычаямъ, какъ англичане, несмотря на весь современный складъ ихъ жизни и прогрессивное направленіе. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о королевской коронаціи, которая не состоялась, были извлечены изъ подъ спуда всѣ старинныя традиціи, относящіяся къ этой церемоніи, и все было предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей, такъ какъ англичане не допускали никакого отступленія отъ увѣковѣченнаго обычая.

Англійская коронація составляетъ чисто религіозную церемонію. Кентерберійскій епископъ, первый духовный лордъ верхней палаты и примасъ англиканской церкви, долженъ возложить корону на главу короля и помазать его на царство и король возсѣдаетъ затѣмъ на священномъ камнѣ, который привезенъ былъ Эдуардомъ I изъ Шотландіи и согласно преданію, представляетъ тотъ самый камень, на которомъ покоилась голова Іакова, когда онъ видѣлъ во снѣ лѣстницу, спускавшуюся съ неба. Этотъ священный камень былъ привезенъ изъ Іудеи въ Испанію, изъ Испаніи въ Ирландію и изъ Ирландіи въ Шотландію. Всѣ шотландскіе короли въ давнія времена короновались на этомъ камнѣ, и шотландская нація связывала съ нимъ свою судьбу. Много разъ шотландцы пытались отнять этотъ камень у англичанъ, но тщетно. Онъ представляетъ въ настоящее время драгоцѣнную реликвію вестминстерскаго аббатства; плоскій прямоугольный камень (египетскій сіенитъ) прочно вдѣланъ въ сидѣніе королевскаго трона, и Эдуардъ VII долженъ будетъ также возсѣдать на этомъ камнѣ во время коронаціонной церемоніи.

Съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ, подобныя реликвіи и вся сопряженная съ этимъ обрядность уживаются въ наисовременнѣйшемъ конституціонномъ государствѣ, которое повидимому ставитъ выше всего принципъ свободы и богатства, но никакія либеральныя учрежденія и законы, никакія грандіозныя промышленныя предпріятія и спекуляціи, Chartered Company и т. п. не вліяютъ на религіозныя вѣрованія англичанъ, которыя отъ времени до времени даютъ себя чувствовать. Трудно, напримѣръ, представить себѣ, чтобы такая война, какъ трансваальская, въ основу которой заложены были чисто меркантильные разсчеты, могла получить религіозное объясненіе. А между тѣмъ, на многихъ митингахъ и даже въ нѣкоторыхъ серьезныхъ органахъ англійской печати высказывалось мнѣніе,

что «Богъ собралъ англійскій народъ для того, чтобы онъ покорилъ себѣ другіе народы». Это убѣжденіе, безъ сомнѣнія гораздо болѣе содѣйствовало тому, что народъ не противился войнѣ, нежели всѣ рѣчи Чэмберлена. Заключеніе мира передъ самою коронаціей только утвердило это убѣжденіе, и въ одной изъ главныхъ церквей въ Уэльсѣ былъ даже пропѣтъ священный гимнъ собственнаго сочиненія, въ которомъ заявлялось, что «всякій народъ, подчиняющійся Англіи, выполняетъ этимъ волю Христа!»

Подобно старому Крюгеру, президенту бывшей трансваальской республики тысячи англичанъ читаютъ Библію и находятъ въ ней указанія какъ относительно прошлой такъ относительно и будущей исторіи англійскаго народа. Въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній, писемъ и объявленій въ большой лондонской политической гатетѣ «Standart» постоянно можно найти апокалипсическія предсказанія, и въ Англіи это никого не удивляетъ. Кромѣ того, «British Israel Association» распространяетъ во всевозможныхъ брошюрахъ и книгахъ, въ еженедѣльномъ и ежемѣсячномъ органѣ, которыя расходятся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, вѣрованіе, что старинныя израильскія пророчества относительно благословенія Авраамова сбываются буквально въ современной англійской націи. Тысячи англичанъ состоятъ членами «British Israel Association», подписываются на еженедѣльный журналъ «The Banner of Israel», а читая Библію, справляются въ руководствѣ «British Israel Fruth», ища въ немъ объясненій и указаній. Во всякомъ случаѣ, почти всѣ благочестивые англичане, состоятъ ли они членами этой ассоціаціи или нѣтъ, вѣрятъ болѣе или менѣе въ то, что пророчества Ветхаго Завѣта спеціально относятся къ англійскому народу, и видятъ доказательства этого въ изумительномъ распространеніи англо-саксонской рассы по всей землѣ и въ постоянномъ расширеніи ея владѣній. Въ 1878 г. маркизъ Лорнъ, генералъ-губернаторъ Канады, принимая депутацію французскихъ канадцевъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы господствуемъ надъ французами въ Канадѣ и на островѣ Маврикія, надъ испанцами въ Тринидадѣ и Гибралтарѣ, надъ итальянцами въ Мальтѣ, надъ нѣмцами въ Гельголандѣ, надъ голландцами въ Южной Африкѣ, надъ китайцами въ Гонконгѣ, не говоря уже о милліонахъ другихъ азіатскихъ народовъ. Но укажите вы мнѣ хотя бы самую крошечную полосу земли, гдѣ бы англосаксонцы подчинялись чужеземному флоту и чужеземнымъ законамъ и жили бы подъ управленіемъ чужеземныхъ губернаторовъ?»

Въ этихъ словахъ бывшаго канадскаго генералъ-губернатора сказывается гордая увѣренность англичанъ, что они призваны управлять міромъ — увѣренность, явившаяся источникомъ современнаго имперіализма. Но «British Israel Association» заходитъ еще дальше и доказываетъ, что выполненіе пророчества Ветхаго Завѣта относительно англійскаго народа было бы невозможно, если бы англичане сами не происходили отъ древнихъ израильтянъ. Большинство англійскаго народа не соглашается съ этими умозаключеніями, но тѣмъ не менѣе весьма многочисленные читатели «Banner of Israel» и ежемѣсячнаго журнала «The Covenant people» раздѣляютъ и этотъ взглядъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникла даже весьма серьезная полемика по этому вопросу въ англій-

скихъ газетахъ, въ которой приняли участіе многіе духовныя лица, восклицавшіе: «Если не мы тотъ народъ, который избранъ Богомъ и выполняетъ въ мірѣ Его волю, то гдѣ же онъ? Мы проповѣдуемъ Евангеліе міру, мы посылаемъ своихъ миссіонеровъ во всѣ области земного шара и поэтому мы должны быть израилемъ и насъ не должно смущать то, что всѣ континентальные народы насъ ненавидятъ!»

Таково убѣжденіе огромнаго числа благочестивыхъ англичанъ въ настоящее время. Покоряя другіе народы, расширяя владѣнія англосаксонской расы, англичане, по ихъ мнѣнію, выполняютъ только свою миссію, и никакія обвиненія въ алчности, меркантильныхъ цѣляхъ и т. п. не должны вліять на нихъ и не могутъ заставить ихъ отказаться отъ выполненія своего назначенія. Такіе взгляды высказываются теперь многими англійскими проповѣдниками и оправдываютъ въ глазахъ вѣрующихъ поведеніе Англіи въ бурской войнѣ.

Колоссальное мошенничество. Дѣло о миѳическомъ стомилліонномъ наслѣдствѣ Крафорда или такъ называемое дѣло Эмберъ продолжаетъ волновать общественное мнѣніе Франціи. Судебное слѣдствіе раскрыло такія подробности, которыя заставляютъ придти къ заключенію, что дѣйствительность зачастую превосходитъ всякій вымыселъ. Невольно вызываетъ изумленіе то обстоятельство, что дѣло Эмберъ только теперь обратило на себя общественное вниманіе, хотя оно продолжается уже почти четверть вѣка и въ теченіе этого изряднаго періода времени многіе французскіе суды занимались этимъ дѣломъ, множество компетентныхъ лицъ и въ томъ числѣ бывшій министръ-президентъ Вальдекъ Руссо изощряли свои умы и проницательность на раскрытіе этого таинственнаго дѣла о наслѣдствѣ, и только недавно было окончательно установлено, что все это дѣло представляетъ самое колоссальное мошенничество, какое когда-либо было занесено въ судебную хронику, и по своей фантастичности и невѣроятнымъ подробностямъ, не уступаетъ любому сенсаціонному роману, печатающемуся въ фельетонахъ бульварной газеты. Тутъ есть и убійство, и самоубійство, подлогъ, переодѣваніе, ловкій обманъ, несуществующіе милліоны и т. д., и если оно не можетъ имѣть такого серьезнаго общественнаго значенія и такихъ важныхъ послѣдствій, какъ дѣло Дрейфуса, то, во всякомъ случаѣ, его можно поставить на ряду съ знаменитымъ панамскимъ дѣломъ. И тутъ, и тамъ замѣшаны лица, занимающія высокіе общественные посты, и ярко выступаютъ наружу недостатки административной системы. Раскрытіе этого дѣла только началось и въ будущемъ надо ожидать много сенсаціонныхъ разоблаченій. Но эти разоблаченія уже вызвали переполохъ въ разныхъ лагеряхъ. Націоналисты и антисемиты въ особенности заволновались. Какъ только началось дѣло Эмберъ, въ ихъ лагерѣ раздались крики: «Новое дѣло Дрейфуса, хотя и гражданское!» Но вскорѣ имъ пришлось прикусить язычокъ, такъ какъ причастнымъ къ этому дѣлу оказался адвокатъ Дюбюи, глава національной партіи парижскихъ адвокатовъ и націоналистъ, выказавшій себя однимъ изъ безпощадныхъ враговъ Золя во время его процесса. Клерикальная партія также имѣетъ прикосновеніе къ этому дѣлу, и хотя гг. реакціонеры всячески желаютъ

свалить вину на разныхъ республиканскихъ дѣятелей и даже обвиняютъ Вальдека Руссо въ томъ, что онъ не сдѣлалъ ничего къ раскрытію этого дѣла, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ и выражалъ сомнѣніе въ существованіи стомилліоннаго наслѣдства, сказавъ, что «это быть можетъ, самое колоссальное мошенничество XIX-го вѣка»,—но имъ приходится волей-неволей соблюдать осторожность въ своихъ обвиненіяхъ, такъ какъ на первомъ планѣ все-таки фигурируютъ клерикалы. Дѣло вызвало сильнѣйшую перебранку между газетами разныхъ партій, и замѣшанныя въ этомъ дѣлѣ лица грозятъ разоблаченіями, опасными для республики. Но уже теперь можно сказать, что эти разоблаченія окажутся болѣе опасными для враговъ республики, не разъ уже пытавшихся пользоваться для своихъ цѣлей подобнаго рода дѣлами, какъ Панама и дѣло Дрейфуса.

Раскрытіе этого колоссальнаго мошенничества произошло все-таки благодаря печати. Какъ мы уже говорили, почти цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ морочила г-жа Эмберъ, жена адвоката и бывшаго депутата и невѣстка бывшаго министра юстиціи, французскую публику, эксплуатируя разсчетливость и жадность своихъ соотечественниковъ, желавшихъ попользоваться крохами отъ ея милліоновъ въ видѣ громадныхъ процентовъ за ссуду денегъ подъ эти милліоны. Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Эмберъ выказала геніальную находчивость и пониманіе людей, но ей помогло также то, что она занимала видное общественное положеніе и что ея тесть пользовался репутаціей человѣка неподкупной честности, который въ свое время усиленно занимался въ качествѣ министра юстиція и вице-президента государственнаго контроля, раскрытіемъ разныхъ злоупотребленій и преданіемъ суду виновныхъ. Трудно въ нѣсколькихъ словахъ охарактезировать дѣятельность этой замѣчательной мошенницы, придумывавшей легенду о стомилліонномъ наслѣдствѣ для выманиванія денегъ у своихъ легковѣрныхъ и жадныхъ къ наживѣ соотечественниковъ. Она ограничилась не только одними займами подъ это наслѣдство и уклоненіемъ отъ платежей, но она основала банкъ и газету, устроила факторію въ Мадагаскарѣ, разныя учрежденія въ Тунисѣ и наконецъ, съ благословенія папы, но въ сообществѣ со многими выдающимися массонами, организовала «общество пожизненной ренты» и кассу страхованія престарѣлыхъ священниковъ. Она покупала и продавала брилліанты, картины, замки, земли и всѣ эти операціи ей удавалось дѣлать, благодаря вѣрѣ въ ея стомилліонное наслѣдство, существованіе котораго основывалось лишь на ея словахъ.

Откуда же взялась легенда о наслѣдствѣ? Ловкая героиня колоссальной мистификаціи выказала въ этомъ отношеніи удивительную изобрѣтательность. Вотъ что гласитъ эта легенда: нѣкій американецъ Робертъ-Генри Крафордъ, умершій гдѣ-то въ Америкѣ или въ Европѣ, между 1878 и 1883 года, оставилъ завѣщаніе, написанное въ Ниццѣ, въ 1877 году, которымъ объявлялъ своей наслѣдницей нѣкую Терезу Дориньякъ, крестьянку изъ Тулузы, вышедшую замужъ въ это время за депутата Фредерика Эмберъ. Конечно прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ, была ли знакома Тереза Дориньякъ съ американскимъ милліонеромъ и что побудило его завѣщать ей свои мил-

ліоны? Легенда объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: однажды у дверей магазина матери Терезы Дориньякъ (она содержала лавочку разныхъ туалетныхъ принадлежностей и лентъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ Франціи) упалъ одинъ богатый путешественникъ иностранецъ, которому вдругъ сдѣлалось дурно на улицѣ. Его внесли въ магазинъ, привели въ чувство и мать и дочь самоотверженно ухаживали за нимъ, пока онъ не выздоровѣлъ. Послѣ этого онъ уѣхалъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ получено было извѣстіе о его смерти и о томъ, что благодарный американецъ завѣщалъ Терезѣ Дориньякъ все свое состояніе. Какъ это ни странно, но завѣщанія этого никто не видѣлъ въ оригиналѣ, а только копію. Ни одинъ нотаріусъ не провѣрялъ инвентаря полученнаго наслѣдства и казна не взимала слѣдуемаго налога. Все это выяснилось теперь и, конечно, должно было возбудить большое изумленіе по поводу упущенія всѣхъ этихъ формальностей, казалось, неизбѣжныхъ при полученіи всякаго наслѣдства.

Но, г-жа Эмберъ, счастливая наслѣдница милліоновъ, едва успѣла вступить во владѣніе наслѣдствомъ, какъ уже явились новые претенденты, два племянника умершаго Крафорда, которые опротестовали завѣщаніе своего дяди. Начались переговоры, длившіеся около года, и, наконецъ, въ декабрѣ 1884 г. состоялось соглашеніе, по которому Крафорды отказались отъ всякихъ претензій на наслѣдство, подъ условіемъ полученія каждымъ изъ нихъ по три милліона отъ г-жи Эмберъ. Казалось, всѣ затрудненія были устранены, и г-жа Эмберъ могла воспользоваться наслѣдствомъ. Но не тутъ-то было. Крафорды отказались исполнить послѣднюю юридическую формальность, и дѣло снова затянулось. Г-жа Эмберъ возбудила противъ нихъ процессъ, который длился шесть лѣтъ и въ теченіе этого времени она занимала деньги въ счетъ своего наслѣдства въ 100 милліоновъ. Вообще, Крафорды обнаружили необыкновенное сутяжничество; они то соглашались, то снова придумывали какія-нибудь увертки и всячески старались затянуть дѣло до настоящаго времени, хотя въ январѣ 1890 года парижскій судъ и утвердилъ г-жу Эмберъ въ правахъ наслѣдства. Такъ, больше двадцати лѣтъ тянулось дѣло, и г-жа Эмберъ, вмѣсто проблематическихъ милліоновъ, получала настоящіе милліоны отъ разныхъ людей, осторожныхъ, разсчетливыхъ и жадныхъ, надѣявшихся попользоваться отъ ея милліоновъ. Банкиры, купцы, промышленники, фабриканты охотно давали взаймы г-жѣ Эмберъ, продавали ей имѣнія, замки, картины, брилліанты—и все въ счетъ миѳическихъ милліоновъ. Въ общемъ, по приблизительному вычисленію, она получила за это время около сорока милліоновъ франковъ. Случалось, что кредиторы, терявшіе терпѣніе, возбуждали противъ нея процессъ, но г-жа Эмберъ ловко изворачивалась и выплачивала нѣкоторымъ изъ нихъ, благодаря новымъ займамъ, а иногда она самолично являлась въ собраніе кредиторовъ и такъ смѣло нападала на нихъ, что они смущались и уступали ей. Если же и находились между ними болѣе храбрые люди, осмѣливавшіеся требовать раскрытія истины, то на ихъ заявленія никто не обращалъ вниманія. Нашелся, однако, одинъ изъ кредиторовъ, который напечаталъ брошюру, заключавшую въ себѣ разоблаченія относительно наслѣдства г-жи Эмберъ и разослалъ эту брошюру всѣмъ сенато-

рамъ и депутатамъ, но никто на нее не обратилъ вниманія, считая ее клеветой на уважаемую семью Эмберовъ. Такимъ образомъ, г-жа Эмберъ могла продолжать свою комедію съ наслѣдствомъ. Загадочныхъ Крафордовъ никто не видѣлъ; за нихъ дѣйствовали ихъ повѣренные и нотаріусы, и по закону никто не имѣлъ права требовать приведенія Крофордовъ въ судъ или открытія кассы, въ которой хранились милліоны. Этимъ и воспользовалась г-жа Эмберъ. Между прочимъ, одинъ изъ братьевъ Крофордъ ставилъ условіемъ своего отказа отъ наслѣдства бракъ съ сестрой г-жи Эмберъ, Маріей Дориньякъ. Но Марія упорно отказывалась и поэтому милліоны оставались неприкосновенными въ желѣзномъ сундукѣ г-жи Эмберъ. Когда же явилась, наконецъ, необходимость показать Крафордовъ, то г-жа Эмберъ не остановилась и передъ этимъ. Она показала одного изъ нихъ у себя въ Парижѣ, на званомъ обѣдѣ; въ провинціи же видали обоихъ братьевъ. Кто игралъ роль Крафордовъ—пока не установлено.

Такъ тянулось дѣло и протянулось бы, вѣроятно, еще дольше, если бы въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ не начали появляться настойчивыя статьи, говорившія о мистификаціи и требовавшія энергичнаго разслѣдованія, дѣйствительно ли существуютъ Крафорды и стомилліонное наслѣдство. Подозрѣніе было возбуждено, благодаря этимъ статьямъ, и общественное мнѣніе заинтересовалось дѣломъ, такъ что, наконецъ, по жалобѣ одного изъ кредиторовъ, начато было слѣдствіе, и власти явились въ квартиру г-жи Эмберъ, чтобы арестовать ее. Но «гнѣздо оказалось пустымъ»; г-жа Эмберъ, ея мужъ, дочь, сестра и братья—всѣ скрылись одновременно, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ и вмѣстѣ съ этимъ разлетѣлись въ пухъ и прахъ всѣ мечты о стомилліонномъ наслѣдствѣ, такъ какъ въ денежномъ сундукѣ не найдено ничего, кромѣ вышедшей изъ употребленія мѣдной монеты и какихъ-то пустяковъ!

Вслѣдъ за этимъ посыпались разоблаченія и аресты. По словамъ газетъ, существуютъ документы, указывающіе на прикосновенность къ дѣлу многихъ лицъ, занимавшихъ высокое общественное положеніе, бывшихъ министровъ, президентовъ и т. д. Но первымъ дѣломъ арестованы оба нотаріуса: Пармантье—нотаріусъ миѳическихъ Крафордовъ, Дюморъ—видѣвшій «собственными глазами» милліоны въ денежномъ сундукѣ г-жи Эмберъ, и Ланглуа, тоже нотаріусъ; затѣмъ арестованъ одинъ дѣлецъ, по имени Делашери, черезъ котораго г-жа Эмберъ занимала деньги у Шатманса, своего главнаго кредитора. Этотъ Шатмансъ былъ найденъ убитымъ въ вагонѣ. Его видѣли на вокзалѣ вмѣстѣ съ братомъ г-жи Эмберъ Дориньякомъ, который, однако, не призналъ личности убитаго, когда увидѣлъ его трупъ, хотя долженъ былъ хорошо знать Шатманса, такъ какъ его часто видѣли съ нимъ на вокзалѣ. Слѣдствіе ничего тогда не открыло, но теперь оно снова возобновлено, такъ какъ полагаютъ, что убійство это находится въ связи съ пресловутымъ милліоннымъ наслѣдствомъ. Арестованные нотаріусы Пармантье и Ланглуа угрожаютъ разоблаченіемъ, адвокатъ Дюбюи, чтобы избѣжать настоящаго суда, обращается къ суду товарищей и, конечно, также постарается, посредствомъ сенсаціонныхъ разоблаченій, отвлечь общественное вниманіе отъ собственной особы, но взволнованная общественная совѣсть Франціи, во всякомъ случаѣ, успокоиться не можетъ и

громко требуетъ пролитія свѣта на это темное дѣло. Все громче и громче раздаются голоса противъ судебныхъ нравовъ и недостатковъ въ законодательствѣ, благодаря которымъ такое дѣло могло тянуться столько лѣтъ. Газеты говорятъ о проектахъ реформъ, которыя будутъ внесены въ самомъ началѣ парламентской сессіи. Дѣло Эмберъ послужило уже предметомъ нѣсколькихъ запросовъ въ палатѣ и обсуждалось въ сенатѣ, но такъ какъ слѣдствіе еще продолжается, то министерство ограничилось только заявленіемъ, что оно намѣрено принять всѣ мѣры къ разслѣдованію и выясненію виновности разныхъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ этому колоссальному мошенничеству.

Распродажа съ аукціона имущества, оставшагося послѣ бѣжавшихъ Эмберовъ, т.-е. картинъ, книгъ, мебели и т. д., еще разъ подтвердила то видное положеніе, которое занимали Эмберы во французскомъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, въ библіотекѣ, состоящей изъ 2.500 томовъ, большинство книгъ было съ надписями, посвященными г-жѣ Эмберъ. Между прочимъ, на одной изъ книгъ стояла подпись Феликса Фора, бывшаго президента республики. Его дочь, Люси Форъ, также подарила г-жѣ Эмберъ книгу о кардиналѣ Ньюманѣ, собственное сочиненіе, съ весьма нѣжною надписью. Поль Дешанель, бывшій президентъ палаты, также фигурируетъ въ числѣ лицъ, подносившихъ свои собственныя или чужія сочиненія г-жи Эмберъ. Какъ извѣстно, онъ былъ въ числѣ близкихъ друзей геніальной мошенницы и былъ всегда желаннымъ гостемъ въ ея салонѣ. Ходили слухи, что онъ добивался руки ея дочери Евы, по крайней мѣрѣ, сама г-жа Эмберъ говорила это и огорчалась, что Ева не соглашается принять его предложеніе. Дружба съ Дешанелемъ, какъ и со многими другими высокопоставленными лицами, служила для нея хорошимъ оплотомъ противъ всякихъ подозрѣній въ ея честности и оказывала вліяніе на колеблющихся кредиторовъ. Благодаря этимъ близкимъ отношеніямъ, которыя существовали между г-жею Эмберъ и разными общественными и политическими дѣятелями, многіе изъ этихъ послѣднихъ чувствуютъ себя теперь не по себѣ и со страхомъ ожидаютъ дальнѣйшихъ разоблаченій.

Сѣверный женскій конгрессъ. Въ Христіаніи, лѣтомъ этого года, происходилъ скандинавскій женскій конгрессъ, занимавшійся вопросомъ о правахъ женщинъ въ фабричномъ законодательствѣ. Однимъ изъ интересныхъ докладовъ по этому вопросу было докладъ г-жи Гансенъ о датскомъ фабричномъ законѣ 1901 г., который является результатомъ совмѣстной работы феминистовъ и ремесленныхъ женскихъ рабочихъ союзовъ. Докладчица особенно подчеркивала то, что между представительницами женскаго движенія въ Даніи и работницами установились самыя тѣсныя отношенія. «Наше дѣло,—сказала докладчица,—не можетъ имѣть успѣха, если мы не найдемъ у работницъ поддержки и помощи». Эти слова докладчицы вызвали очень горячія пренія, бросающія нѣкоторый свѣтъ на классовыя разногласія, которыя обнаруживаются въ средѣ женскаго движенія въ скандинавскихъ странахъ. Нѣкоторыя изъ ораторшъ конгресса горячо осуждали, что поборницы женской эмансипаціи не стараются вступить въ союзъ съ работницами и не ищутъ съ ними сближенія. На это г-жа Блеръ,

жена министра въ Норвегіи, возразила: «Мы сдѣлали все возможное, чтобы сблизиться съ ними, но большинство работницъ отвергло наши попытки къ сближенію. Конечно, мы должны привлечь къ себѣ этихъ женщинъ и въ особенности женщинъ низшихъ классовъ, такъ какъ скорѣе всего надо помогать именно тѣмъ, которыя экономически не обезпечены. Лучше было бы даже, еслибъ женское движеніе началось снизу, а не наоборотъ, такъ какъ теперь, когда мы вступаемъ въ споръ съ работницами относительно какого-нибудь вопроса, то получаемъ въ отвѣтъ, что мы — женщины высшихъ классовъ, не можемъ понимать ихъ!»

Другая ораторша, г-жа Анна Брюннъ, изъ Копенгагена, сказала по этому поводу слѣдующее: «Прежде всего, женщины высшихъ классовъ должны выучиться понимать то, что онѣ также нуждаются въ совмѣстной работѣ съ женщинами низшихъ классовъ, какъ и эти послѣднія. Здѣсь высказанъ былъ упрекъ, что для сближенія между тѣми и другими сдѣлано очень мало. Но тутъ никто не виноватъ, причина лежитъ глубоко. Съ давнихъ временъ уже существуетъ глубокая пропасть между различными слоями населенія, и мы не можемъ сказать заранѣе, какой мостъ можно будетъ построить черезъ эту пропасть, но, во всякомъ случаѣ, мы должны стремиться къ тому, чтобы ее перейти...»

На конгрессѣ были также и представительницы крайне отсталыхъ взглядовъ, рѣчи которыхъ вызвали весьма горячія пренія, причемъ одна изъ присутствовавшихъ заявила, что конгрессъ не можетъ высказываться по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся работницъ, потому что эти послѣднія не имѣютъ на конгрессѣ своихъ представительницъ, «но тѣмъ не менѣе,—сказала она,—сторонницы расширенія правъ женщины, должны были бы взять подъ свою защиту работницъ и помочь имъ достигнуть лучшаго заработка. Между тѣмъ, онѣ этого не дѣлаютъ, и въ Ставангерѣ, напримѣръ, когда работницы на фабрикѣ консервовъ выступили со своими требованіями повышенія заработной платы на весьма ничтожную сумму (10 öръ), то члены женскаго союза ничего не сдѣлали, чтобы помочь имъ, и это очень повредило ихъ дѣлу».

Такія рѣчи, конечно, вызвали цѣлый рядъ горячихъ возраженій съ другой стороны, и, наконецъ, была вотирована резолюція о необходимости болѣе тѣснаго единенія съ женщинами рабочихъ классовъ. Послѣ этого, докладчица Анна Брюннъ прочла интересный докладъ о соціальной дѣятельности датскихъ женщинъ. Въ заключеніе былъ возбужденъ вопросъ о регламентаціи проституціи. Докладчица по этому вопросу высказала мнѣніе, что положеніе дѣлъ не измѣнится до тѣхъ поръ, пока всѣмъ будутъ руководить взгляды мужчины. Необходимо возстановить равновѣсіе и поставить женщину рядомъ съ мужчиной, дать ей одинаковыя права, для того, чтобы ея взгляды служили противовѣсомъ. Только тогда возможно будетъ всестороннее обсужденіе этого важнаго въ соціальномъ отношеніи вопроса, когда въ парламентѣ будутъ принимать участіе женщины; въ противномъ же случаѣ всякое сюда относящееся законодательство будетъ носить односторонній характеръ.

Относительно этого вопроса конгрессъ выказалъ полное единодушіе, и рѣчь

докладчицы была покрыта сочувственными аплодисментами, вслѣдъ за которыми была вотирована резолюція, требующая расширенія избирательныхъ правъ женщинъ и участія ея въ парламентскихъ выборахъ. Кромѣ того, конгрессъ постановилъ резолюцію объ организаціи норвежскаго женскаго совѣта.

Причины войнъ. Общество мира въ Соединенныхъ Штатахъ опубликовало статистику войнъ со временъ Константина Великаго, распредѣляя войны по ихъ происхожденію и причинамъ. Получилась слѣдующая таблица:

Войны, имѣвшія цѣлью увеличеніе территоріи	44
Войны съ цѣлью взиманія дани	22
Войны съ цѣлью репрессалій	24
Войны, вызванныя вопросами чести и прерогативъ	8
Войны, вызванныя территоріальными спорами	6
Войны, мотивированныя династическими претензіями	41
Войны съ цѣлью вмѣшательства	31
Войны, вызванныя борьбою политическихъ вліяній	23
Войны коммерческія	5
Войны гражданскія	55
Войны религіозныя, включая крестовые походы противъ турокъ и еретиковъ	28

Въ эту таблицу вошли только историческія войны. Экспедиціи противъ разныхъ дикихъ народовъ, повидимому, слишкомъ многочисленны, и поэтому ихъ трудно было регистрировать. Но благодаря этому исключенію безчисленнаго множества военныхъ экспедицій, цифра войнъ за періодъ 16 вѣковъ получилась весьма небольшая. Миролюбивые американцы приходятъ, на основаніи этой таблицы къ довольно оптимистическимъ выводамъ, но нѣкоторыя изъ серьезныхъ американскихъ органовъ критикуютъ эти выводы. Во всякомъ случаѣ, ужъ одно исключеніе изъ этой таблицы разныхъ военныхъ экспедицій, которыя не считаются войнами, но въ сущности носятъ тотъ же самый характеръ, составляетъ большой пробѣлъ. Такого рода экспедиціи еще скорѣе указываютъ на развитіе воинственнаго духа, нежели большія войны. Одинъ изъ американскихъ журналистовъ говоритъ по этому поводу, что конецъ XIX-го вѣка и начало XX вѣка ознаменовались большими кровопролитіями. Кровь лилась повсюду, и если большинство этихъ кровопролитныхъ столкновеній и не могутъ быть подведены подъ извѣстную рубрику, то, во всякомъ случаѣ, они указываютъ на присутствіе и развитіе воинственнаго духа націй. Очень часто тѣ причины, которыя выставляются оффиціально какъ поводъ къ войнѣ, въ дѣйствительности служатъ лишь для прикрытія истинныхъ причинъ и стремленій. Въ прошломъ было больше войнъ, въ настоящемъ больше военныхъ экспедицій. Можно ли это считать признакомъ развитія миролюбія въ современномъ человѣчествѣ? Американское общество мира отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и считаетъ несомнѣннымъ признакомъ прогресса то, что гражданскія войны, столь многочисленныя въ прошломъ, съ теченіемъ времени возникаютъ все рѣже и рѣже.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Статья Д. Роша о Рѣпинѣ.—Жестокости американцевъ.—Положеніе въ Испаніи.—Трестъ разоруженія.

Въ іюньской книжкѣ французскаго журнала «Revue Illustrée» помѣщена весьма обстоятельная статья г. Дениса Роша объ И. Е. Рѣпинѣ, со снимками съ его наиболѣе извѣстныхъ картинъ и бюста (какъ извѣстно, единственнаго въ своемъ родѣ) гр. Л. Н. Толстого. Въ сжатыхъ, но сильныхъ и мѣткихъ выраженіяхъ авторъ характеризуетъ особенности многосторонняго таланта нашего великаго художника, котораго онъ называетъ безподобнымъ работникомъ (un ouvrier magistral), замѣчая, что со времени появленія «Бурлаковъ» вопросъ о томъ, достигнутъ ли русскіе такой же оригинальности въ изобразительныхъ искусствахъ, которой они уже достигли въ литературѣ, былъ сразу рѣшенъ утвердительно: живопись догнала литературу. При оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній Рѣпина, авторъ считается съ мнѣніями русскихъ критиковъ, обнаруживая значительную начитанность въ современной русской литературѣ. Тѣмъ удивительнѣе нѣкоторый промахъ, допущенный имъ, при разъясненіи послѣдней картины Рѣпина—«Искушеніе»: фразу, какъ извѣстно, приведенную художникомъ въ славянскомъ текстѣ—«иди за Мною, сатана», французскій критикъ толкуетъ, какъ «остроумный варіантъ» на тему объ искушеніи Христа сатаною, и переводитъ ее: «*слѣдуй за Мной,* сатана (Suis moi, satan!)». Въ оправданіе этого недосмотра г. Роша можно, правда, напомнить, что славянскій текстъ ввелъ въ заблужденіе и многихъ русскихъ журналистовъ и даже вызвалъ газетную полемику, въ которую пришлось вмѣшаться и самому художнику. Спѣшимъ прибавить, что г. Рошъ уже имѣлъ не одинъ случай высказать свое основательное знаніе и пониманіе русскаго языка, выступивъ талантливымъ переводчикомъ по-французски произведеній Ант. Чехова, Вл. Короленко, М. Горькаго и др. Недавно исполненъ имъ и переводъ знаменитой брошюры А. Ѳ. Кони о докторѣ Гаазѣ (въ журналѣ «Le Carnet», Paris, Emile Paul, editeur).

Общественное мнѣніе американскаго союза сильно взволновано разоблаченіями дѣйствій американскихъ солдатъ на Филиппинахъ. Слѣдствіе обнаружило такіе факты, которые невольно вызываютъ содроганіе. Американскіе солдаты и офицеры совершали на Филлиппинахъ жестокости, достойныя среднихъ вѣковъ, и хотя они и стараются оправдать себя тѣмъ, что имѣли дѣло съ туземцами, которые также совершали жестокости и поэтому репрессаліи были необходимы, тѣмъ не менѣе общественная совѣсть возмущается и требуетъ примѣрнаго наказанія виновныхъ.

Къ удивленію, европейская печать какъ-то мало обратила вниманія на эти факты, ложащіеся пятномъ на цивилизованное человѣчество, и въ европейскихъ газетахъ лишь вскользь упоминалось о поступкахъ американскихъ воиновъ, вводившихъ методы инквизиціи въ современную войну, но въ Соеди-

ненныхъ Штатахъ они все-таки вызвали взрывъ негодованія. «Избіеніе индѣйцевъ дальняго Запада (Far West) — говоритъ по этому поводу «Revue des Revues», представляетъ въ анналахъ американской исторіи такую печальную страницу, которую, по замѣчанію одного изъ безпристрастныхъ историковъ той эпохи (Dunn), нельзя читать безъ слезъ, и чтеніе этихъ страницъ должно вызывать краску стыда на лицѣ каждаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Факты, которые произошли на Филлиппинахъ, принадлежатъ къ тому же разряду, точно у потомковъ Пенна, Вашингтона и Франклина сохранилась привычка поступать подобнымъ образомъ. Такіе поступки ложатся пятномъ на честь американской арміи и останутся такими же неизгладимыми, какъ и тѣ, которыми ознаменовалась война съ краснокожими. Они указываютъ кромѣ того, что для нѣкоторыхъ людей, опьяненныхъ запахомъ пороха, прогрессъ, право и человѣчество становятся пустымъ звукомъ, какъ только начинается война. Эта теорія, хотя и несовмѣстимая съ цивилизаціей, оправдывается на каждомъ шагу. Не только на Филиппинахъ, но въ Африкѣ, въ Конго, въ области Чада, въ Трансваалѣ, а также въ Китаѣ, солдаты грабили, убивали и истязали со всею жестокостью разнузданнаго звѣря въ человѣкѣ. Совершая утонченныя жестокости и низкіе поступки, люди оправдываютъ ихъ тѣми особенными условіями, которыя создаютъ традиціи войны. Война пробуждаетъ въ человѣкѣ дикую жестокость, которую сдерживали общественныя требованія во время мира. Принципы доброты и справедливости уступаютъ мѣсто непримиримой ненависти къ врагу, сопротивленіе котораго считается нужнымъ сломить во что бы то ни стало, какимъ бы то ни было способомъ. Философы пробовали возставать противъ такихъ воззрѣній, но ничего не могли сдѣлать до сихъ поръ».

Въ мартѣ 1901 г. въ американской газетѣ «Northampton Herold», издающейся въ Массачусетсѣ, появилось письмо сержанта Ролея, разсказывавшаго о «пыткѣ водой», которой былъ подвергнутъ предводитель одного племени тагаловъ на островѣ Панай. «Онъ не хотѣлъ отвѣчать на наши вопры,—пишетъ сержантъ. Его связали, повалили на спину и потащили къ колодцу. Тамъ ему начали вливать воду въ ротъ, который насильственно держали открытымъ, въ то время какъ одинъ изъ насъ растиралъ ему животъ, чтобы онъ не умеръ во время этой операціи Это ему развязало языкъ. Старый «плутъ» скоро попросилъ пощады и сознался. Когда его снова допросили и потребовали отъ него болѣе точныхъ указаній, то пришлось опять закатить ему вторичную порцію воды, чтобы добиться отъ него свѣдѣній. Въ воду бросали соли, чтобы сдѣлать ее болѣе дѣйствительной...»

Это письмо сержанта Ролея обошло всю американскую печать. Вождь, котораго подвергли пыткѣ, пользовался уваженіемъ своего племени и притомъ былъ уже старъ. Отъ него хотѣли узнать число инсургентовъ въ округѣ, количество оружія у нихъ и позиціи, которыя они занимаютъ. Сержантъ, описывавшій это, повидимому, находилъ вполнѣ естественнымъ такіе поступки и называлъ «дѣйствительнымъ» такой способъ веденія войны. Вслѣдъ за письмомъ сержанта Ролея появились въ газетахъ письма другихъ американскихъ

солдатъ, подтверждавшихъ такой взглядъ на войну. Авторы этихъ писемъ описывали жестокости и пытки, которымъ американцы подвергали несчастныхъ туземцевъ. «Я былъ свидѣтелемъ болѣе двадцати разъ примѣненія пытки водой,—разсказываетъ другой сержантъ.—Я видѣлъ, какъ вливали туземцу отъ двухъ до трехъ ведеръ воды и тѣло его распухало на глазахъ, становясь вдвое или втрое больше своего нормальнаго объема, затѣмъ человѣка катали, чтобы вылить изъ него воду и послѣ этого возобновляли пытку. Туземецъ, конечно, сопротивлялся и солдаты зачастую раздирали ему ротъ до крови, насильственно вставляя горлышко отъ разбитой бутылки, служившее воронкой? По окончаніи пытки плѣнниковъ обыкновенно разстрѣливали, и если казнь происходила внѣ города, среди холмовъ, то трупъ казненнаго предоставляли собакамъ...»

Сержантъ, кромѣ того, разсказывалъ въ своемъ письмѣ о нападеніи на опустѣлую деревню, гдѣ были найдены только семь стариковъ, которые и были разстрѣляны. Американское военное министерство положила эти оба письма въ папку и не дало имъ никакого хода. Разоблаченіе подобныхъ фактовъ считалось антипатріотичнымъ поступкомъ. Но число писемъ, полныхъ ужасающихъ подробностей пытокъ, возрастало, такъ что, въ концѣ концовъ, нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Однако, военное министерство все-таки колебалось, пока не вмѣшался президентъ Рузевельтъ, потребовавшій, чтобы было произведено серьезное разслѣдованіе. Военное правосудіе должно было подчиниться волѣ президента, и нѣсколько офицеровъ были препровождены въ военный судъ, который, однако, оказался простою комедіей. Между прочимъ, въ числѣ обвиняемыхъ находился майоръ Воллеръ, который безъ всякаго суда разстрѣливалъ и истреблялъ туземцевъ. На судѣ онъ привелъ въ свое оправданіе слѣдующее:

«Подъ моею командою находились пятьдесятъ человѣкъ и я вмѣстѣ съ ними производилъ рекогносцировки внутри острова. Мы сильно страдали. Десять человѣкъ не выдержали изнуренія и скончались, нѣкоторые сошли съ ума подъ вліяніемъ палящаго солнца. Дѣйствительно, мы убивали туземцевъ, но вѣдь они не хотѣли указать намъ, гдѣ мы можемъ найти съѣстные припасы... Мы были вынуждены обращаться сурово съ туземцами. Во многихъ случаяхъ намъ приходилось привязывать ихъ къ дереву и примѣнять къ нимъ «прогрессивное наказаніе»...

Это «прогрессивное наказаніе» заключалось въ томъ, что разъ или два въ день въ привязанныхъ стрѣляли, направляя выстрѣлы въ руки или ноги. Это было медленное истязаніе. Раненый такимъ образомъ человѣкъ мучился иногда нѣсколько дней и умиралъ. Майоръ Воллеръ говорилъ о такомъ способѣ слѣдующее: «Это было жестоко, но необходимо. Притомъ же намъ было приказано не проявлять состраданія. Генералъ Смитъ далъ мнѣ инструкціи грабить и поджигать. «Чѣмъ больше вы будете убивать, тѣмъ болѣе я буду доволенъ», сказалъ онъ. Я не долженъ былъ брать въ плѣнъ и долженъ былъ распространять опустошенія въ Самарѣ, обращая его въ ужасную пустыню. Я спросилъ генерала Смита, долженъ ли я щадить подростковъ и въ какомъ возрастѣ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Не щадить никого старше десяти лѣтъ». Я пере-

далъ это приказаніе капитану Портеру, прибавивъ, что «невозможно превращать войну въ избіеніе женщинъ, дѣтей и стариковъ».

Однако, майоръ Воллеръ все-таки убивалъ, такъ какъ этого требовала военная дисциплина.

Военный совѣтъ оправдалъ майора Воллера и поручика Дэя, который служилъ подъ его начальствомъ. Противъ такого приговора протестовалъ только одинъ человѣкъ въ военномъ мірѣ—генералъ Чэффи, руководившій филиппинскою экспедиціею. Чэффи призналъ, что майоръ Воллеръ находился во время самарскихъ избіеній въ такомъ нравственномъ и физическомъ состояніи, которое до нѣкоторой степени дѣлало его невмѣняемымъ. Притомъ же онъ уступилъ приказаніямъ генерала Смита и давленію своихъ солдатъ только тогда, когда лихорадка довела его до изступленія. Разумѣется, эти обстоятельства смягчаютъ его вину, но все-таки полное оправданіе является, по мнѣнію генерала Чэффи, крупною ошибкой со стороны военнаго совѣта.

Президентъ Рузевельтъ потребовалъ препровожденія въ военный совѣтъ генерала Смита. Это было сдѣлано. Но военный совѣтъ оправдалъ и его!

Филиппинская кампанія еще не кончена, несмотря на всѣ увѣренія американской желтой прессы, возвѣстившей побѣду. Президентъ филиппинской коммиссіи Шхорманъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на положеніе дѣлъ: «Вы не найдете во всемъ архипелагѣ ни одного филиппинца, — говоритъ онъ,—который бы относился благопріятно къ колоніальному преобладанію Соединенныхъ Штатовъ. Если филиппинцы убѣдятся въ томъ, что наши джинго и имперіалисты служатъ выразителями взглядовъ американскаго народа, то они поступятъ, какъ буры, и будутъ сражаться до послѣдней крайности. При такихъ условіяхъ наша побѣда должна будетъ повести за собою полное истребленіе. Филиппинцы единодушно требуютъ независимости. Филиппинцы-христіане на Люцонѣ и Визайскихъ островахъ составляютъ шесть съ половиною милліоновъ. Прежде они дѣлились на общины, которыя соперничали между собой, но теперь, подъ вліяніемъ послѣднихъ войнъ, они прочно соединились, и національное сознаніе, только недавно пробудившееся у нихъ, громко и непрестанно требуютъ независимости. Они имѣютъ всѣ права на это и, благодаря своему теперешнему единенію, могутъ добиться независимости. Въ образованномъ классѣ филиппинскаго общества найдется столько же просвѣщенныхъ людей и хорошихъ политиковъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы и Америки. У этой христіанской демократіи есть уже намѣченные вожди. Американцы же не могутъ быть у себя дома демократами, а въ малайской землѣ деспотами!»

Въ числѣ людей, протестующихъ противъ американской политики на Филиппинахъ, находится, между прочимъ, и знаменитый милліардеръ Эндрью Карнеджи. Онъ громко высказывается въ пользу независимости Филиппинъ. «Какою славою покрыла бы себя американская нація въ исторіи, еслибъ она основала на Филиппинахъ первую республику Востока!» восклицаетъ онъ. Но, къ сожалѣнію, Карнеджи не занимаетъ никакого мѣста ни въ военномъ департаментѣ Соединенныхъ Штатовъ, ни въ политическомъ мірѣ.

«North American Review» печатаетъ статью о положеніи въ Испаніи. По мнѣнію автора статьи, Брукса, Испанія не можетъ найти спасенія въ обыкновенномъ конституціонномъ правительствѣ и никакое измѣненіе партій не принесетъ пользы народу. Конституціонализмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ Испаніи, представляетъ не что иное, какъ «организованное нападеніе на карманы народа». Заурядный испанецъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соглашается доставить себѣ безпокойство и принять участіе въ выборахъ. Если онъ принадлежитъ къ образованному классу, то смотритъ на политиковъ съ недовѣріемъ, а если это крестьянинъ или мелкій торговецъ, то онъ видитъ въ выборахъ, не болѣе какъ предлогъ, которымъ пользуется полиція, чтобы причинить ему непріятности.

Испанія въ настоящее время стремится къ децентрализаціи. Это требованіе имѣетъ практическое значеніе, такъ какъ промышленные каталонцы, составляющіе всего одну десятую часть населенія Испаніи, вынуждены платить четверть всѣхъ налоговъ. По сравненію съ каталонскимъ движеніемъ карлистское движеніе сущій вздоръ. Въ настоящее время испанское дворянство покинуло карлизмъ и онъ сдѣлался жертвою религіозныхъ и финансовыхъ спекуляторовъ. Правительство все-таки достаточно сильно для того, чтобы карлистское возстаніе не могло имѣть успѣха. Но единственнымъ элементомъ, придающимъ все-таки значеніе карлистскому движенію, служитъ то, что карлисты поддерживаютъ децентрализацію и автономію провинцій. Главную опасность для Испаніи представляетъ экономическое недовольство, которое можетъ привести къ возстанію. Авторъ не думаетъ, чтобы династія въ Испаніи держалась крѣпко. Королева-регентша не привлекла къ себѣ испанскихъ сердецъ, а король слишкомъ юнъ и ничего о немъ неизвѣстно. Династія, во всякомъ случаѣ, сдѣлала большую ошибку, вступивъ въ союзъ съ клерикалами. По мнѣнію автора, судьба Испаніи находится въ рукахъ генераловъ, и армія является рѣшающимъ факторомъ. Въ настоящее же время армія воплощается въ образѣ генерала Вейлера, который и является настоящимъ «господиномъ положенія», какимъ нѣкогда былъ маршалъ Примъ. Генералъ Вейлеръ богатъ и энергиченъ; въ противоположность большинству испанцевъ, онъ говоритъ мало, но много дѣлаетъ, поэтому легко можетъ произойти вторичное бѣгство Бурбоновъ и появленіе генерала Вейлера въ образѣ военнаго диктатора. Очень возможно, что это будетъ лишь временное разрѣшеніе вопроса, но все-таки можно допустить и другой исходъ, и «pronunciamento» превратитъ Испанію въ полувоенную республику, достаточно сильную, чтобы подавить всякія попытки къ возстанію, гарантирующую провинціальную автономію и заботящуюся о матеріальномъ развитіи страны. При такихъ только условіяхъ положеніе Испаніи можетъ окрѣпнуть. Во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ кризисъ надвигается, и разрѣшеніе его неизбѣжно.

Въ «Atlantic Monthly» напечатана остроумная шутка подъ заглавіемъ «The Disarmament Trust» (Трестъ разоруженія), въ которой разсказывается, какъ Питеру Моргану удалось добиться всеобщаго разоруженія на чисто дѣловыхъ

основаніяхъ. Разумѣется, дѣйствіе происходитъ въ будущемъ. Въ 1903 году, когда всѣ европейскіе курорты были обращены въ синдикатъ, организованный и финансированный Питеромъ Морганомъ, этотъ послѣдній встрѣтился въ Гамбургѣ со Стэдомъ и изложилъ ему свой планъ организаціи великаго международнаго «трёста разоруженія». Вмѣсто того, чтобы устроить новую конференцію въ Гаагѣ, Морганъ пригласилъ всѣхъ нужныхъ ему монарховъ, уполномоченныхъ, генераловъ и адмираловъ на пароходъ «Deutschland», который былъ названъ имъ «Allgemeines Land» (Всеобщая земля), и поплылъ съ ними въ нейтральныя и тихія воды Саргассова моря. Тамъ онъ угощалъ ихъ превосходными обѣдами и затѣмъ изложилъ имъ свой планъ такого распредѣленія территорій, оккупированныхъ или свободныхъ, которое уничтожило бы всѣ препятствія ко всеобщему разоруженію. «Мой главный клеркъ,—сказалъ Морганъ,—уже составилъ меморандумъ насчетъ правильнаго и обязательнаго распредѣленія острововъ, провинцій, протекторатовъ, анитерландовъ и сферъ вліянія; и тогда будетъ устранено единственное величайшее препятствіе ко всеобщему разоруженію. Крѣпости Страсбургъ и Бельфоръ будутъ сохранены какъ историческая рѣдкость, нѣчто въ родѣ музея археологіи, а входная плата послужитъ для покрытія процентовъ по военнымъ долгамъ. Ружейные стволы будутъ сплавлены и металлъ употребленъ для обшивки судовъ. Казармы могутъ быть обращены въ склады и фабрики и «Steel Trust», конечно, будетъ радъ принять отъ державъ большинство изъ нихъ для своихъ потребностей. Что касается военнаго флота, то вѣдь онъ можетъ быть полезенъ, какъ торговый флотъ. Когда же мои планы достаточно созрѣютъ, то я въ состояніи буду взять флоты всего міра для образованія «корабельнаго трёста» (Shipping Trust) и дать хорошій барышъ разнымъ націямъ.

«— Но,—возразилъ ему статсъ-секретарь Гей, — какъ же вы думаете совладать съ общественнымъ мнѣніемъ.

«— О!—воскликнулъ Морганъ.—Развѣ вы не знаете нравственнаго вліянія рекламы. Prospectus нашего трёста разоруженія появится на первой страницѣ всѣхъ руководящихъ газетъ всего міра и увѣряю васъ, что это будетъ самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ въ пользу нашего плана».

Планъ Моргана былъ одобренъ и вскорѣ въ нью-іоркскихъ газетахъ появилось объявленіе объ образованіи трёста съ цѣлью пріобрѣтенія армій и флотовъ всѣхъ странъ. «Financial international Disarmament Trust» обладаетъ капиталомъ въ 200.000.000 долларовъ, и любая страна имѣетъ право получить за каждые сто долларовъ своего военнаго бюджета акцію трёста. Непосредственнымъ результатомъ этого должно быть образованіе въ каждой странѣ свободнаго капитала, который прежде расходовался для цѣлей національной обороны, и $2^1/_2$ милліона годныхъ людей вернутся въ каждой странѣ къ промышленному труду. Трёстъ постарается устроить такимъ образомъ, чтобы добавочныя акціи выдавались державамъ за каждые 100.000 человѣкъ распущеннаго войска. Ненужные флоты будутъ куплены по коммерческой расцѣнкѣ.

«Такимъ образомъ, въ виду несомнѣнныхъ выгодъ этого предпріятія,—гласитъ объявленіе—и тѣхъ, которыя будутъ обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ

будетъ прогрессировать дѣло разоруженія, мы можемъ рекомендовать публикѣ покупать акціи трѣста разоруженія, цѣнность которыхъ будетъ все возрастать».

И такъ, если въ дѣло вмѣшается Питеръ Морганъ, мечтающій превратить весь міръ въ одинъ грандіозный синдикатъ, то мы можемъ надѣяться, что идея разоруженія будетъ осуществлена, но, также какъ и всѣ его затѣи, она осуществится на коммерческихъ основаніяхъ.

Борьба за національность.

(Письмо изъ Берлина).

I.

Однимъ изъ сложнѣйшихъ и наиболѣе жгучихъ вопросовъ германской или, точнѣе, прусской политики является такъ называемый вопросъ польскій. Почти цѣлое столѣтіе (съ 1815 г.) Пруссія владѣетъ польскими провинціями, почти столѣтіе она старается обратить мятежныхъ поляковъ въ добрыхъ и мирныхъ пруссаковъ—цѣли своей она еще далеко не добилась. Скорѣй наоборотъ. Многіе склонны думать, что Пруссія своей неумѣлой, то въ одну, то въ другую сторону колеблющейся, политикой не только не уменьшила, а скорѣе увеличила существующій антагонизмъ. Польское населеніе, увѣряютъ они, не германизировалось, а еще интенсивнѣе прежняго чувствуетъ свою національную обособленность, еще энергичнѣе стремится къ достиженію самостоятельнаго національнаго и политическаго существованія. И дѣйствительно, послѣднія событія, нашумѣвшій во всемъ цивилизованномъ мірѣ врешенскій процессъ, демонстраціи по поводу него во Львовѣ и Варшавѣ, демонстрація въ берлинскомъ университетѣ противъ враждебнаго полякамъ нѣмецкаго историка, усиленный бойкотъ нѣмецкихъ фабрикатовъ—всѣ эти и многіе другіе факты даютъ право думать, что Польша еще не умерла.

Польское населеніе Пруссіи насчитываетъ всего около трехъ милліоновъ человѣкъ. Эти три милліона живутъ главнымъ образомъ на восточной окраинѣ прусскаго королевства, населяя провинціи Познань, западную Пруссію, восточную Пруссію и Верхнюю Силезію. Исторія этихъ провинцій и ихъ населенія не одинакова, неодинаковы также и ихъ религіозныя, національныя и соціальныя традиціи. Раньше другихъ подъ владычество нѣмцевъ попала *Силезія* и теперь она почти вполнѣ нѣмецкая провинція. Польское населеніе говоритъ тамъ на такъ называемомъ «водянистомъ» польскомъ жаргонѣ (Wasserpolnisch)—смѣсь польскаго языка съ нѣмецкимъ. Дворянства тамъ почти вовсе нѣтъ, главный контингентъ составляютъ крестьяне.

Протестантизмъ является господствующимъ исповѣданіемъ, что служитъ къ увеличенію розни между поляками-протестантами Верхней Силезіи и поляками католиками Познани и западной Пруссіи. Однако и здѣсь подъ вліяніемъ довольно энергичной агитаціи и вслѣдствіе давленія со стороны нѣмецкаго на-

*

селенія и неудачныхъ «мѣропріятій» правительства, національное самосознанї обостряется и антагонизмъ между нѣмецкой и польской народностями съ каждымъ днемъ растетъ. Также незначительно пока польское движеніе въ *Восточной Пруссіи.* Здѣшніе мазуры, потомки прежняго польскаго населенія, какъ и верхне-силезцы, исповѣдуютъ преимущественно протестантизмъ и почти потеряли національную связь съ польской народностью.

Но если въ помянутыхъ раньше прусскихъ областяхъ польское движеніе еле чувствуется, то нельзя того же сказать объ остальныхъ двухъ восточныхъ провинціяхъ, Западной Пруссіи и Познани. Здѣсь мы находимъ центральный очагъ польскаго движенія и главное поле ожесточенной войны нѣмецкой и польской національностей. Здѣсь сосредоточено большинство польскаго населенія, здѣсь оно еще сохранило въ чистотѣ свой языкъ, здѣсь оно еще живо сознаетъ свои историческія традиціи, свою польскую національность, исповѣдуя вдобавокъ не протестантизмъ, а католицизмъ, что еще болѣе увеличиваетъ рознь между польскимъ католическимъ и нѣмецкимъ протестантскимъ населеніемъ. Къ розни національной присовокупляется рознь на религіозной основѣ и примиреніе противоположныхъ интересовъ становится крайне затруднительнымъ и сложнымъ. Соотвѣтственно этому, главное вниманіе прусскаго правительства, главныя заботы его въ смыслѣ германизаціи направлены именно на эти двѣ провинціи. Если здѣсь удастся задушить гидру полонизма, то тогда ужъ не трудно будетъ справиться съ слабыми національными теченіями въ остальныхъ частяхъ королевства.

Что же дѣлаетъ прусское правительство для достиженія своихъ цѣлей, какія мѣры предпринимаетъ оно, чтобы изъ польскихъ націоналистовъ, враговъ всего нѣмецкаго, въ особенности всего прусскаго, сдѣлать вѣрныхъ прусскому трону подданныхъ, обратить поляковъ въ друзей нѣмецкой культуры, заставить ихъ бросить мысль о возрожденіи польской самостоятельности?

II.

Le styl, говорятъ, c'est l'homme. Для цѣлой націи языкъ составляетъ то же, что для отдѣльнаго лица стиль. Языкъ—это стиль націи. Это не значитъ, конечно, что онъ составляетъ необходимое условіе національной принадлежности. Евреи различныхъ странъ говорятъ на различныхъ языкахъ, что не мѣшаетъ, однако, и имъ самимъ, и ихъ гонителямъ считать всѣ разбросанныя части чѣмъ-то единымъ, еврейской націей, еврейскимъ народомъ. Но чѣмъ бы ни опредѣлялась принадлежность людей къ той или другой націи—несомнѣнно, что языкъ также играетъ въ этомъ не послѣднюю роль. Несомнѣнно также, что этотъ языкъ дорогъ для каждаго члена націи и онъ не легко отъ него откажется. Въ особенности если приходится отказаться не по собственной волѣ, а въ силу давленія извнѣ, со стороны другой господствующей національности. Вотъ почему всѣ мѣры прусскаго правительства стѣснить употребленіе польскаго языка встрѣчаютъ рѣзкій отпоръ со стороны поляковъ.

Въ общемъ, прусскіе поляки обладаютъ правомъ употреблять свой языкъ,

когда и гдѣ имъ заблагоразсудится. Но, благодаря различнымъ административнымъ предписаніямъ, это право значительно ограничивается. Полякамъ разрѣшено, напримѣръ, говорить на польскихъ собраніяхъ по-польски, но полиція часто подъ предлогомъ непониманія наблюдающими чинами польскаго языка (въ Пруссіи, какъ извѣстно, каждое публичное политическое собраніе происходитъ подъ наблюденіемъ одного или двухъ полицейскихъ чиновъ) распускаетъ такія собранія. Полиція поступаетъ такъ, несмотря на то, что высшая судебная инстанція нѣсколько разъ высказалась въ томъ смыслѣ, что по закону такіе поводы для распущенія собранія недопустимы. Поэтому прусскіе шовинисты («гакатисты» на здѣшнемъ жаргонѣ) требуютъ, чтобы существующее законодательство было измѣнено и на мѣсто толерантности былъ поставленъ принципъ нетерпимости, чтобы на публичныхъ польскихъ собраніяхъ польскій языкъ *по закону* уступилъ мѣсто нѣмецкому. При существующемъ положеніи вещей, при наличности данной парламентской комбинаціи и настроеніи монарха, такіе проекты не невозможны. Насъ ничуть не удивитъ, если въ ближайшую сессію такой проектъ будетъ внесенъ на обсуженіе ландтага и будетъ принятъ парламентскимъ большинствомъ.

Не меньшее раздраженіе и недовольство возбуждаетъ въ польской средѣ обученіе польскихъ дѣтей на нѣмецкомъ языкѣ. Поляки увѣряютъ, что дѣти не понимаютъ этого языка, что имъ мучительно трудно заниматься такимъ неестественнымъ образомъ и что школа для польскихъ дѣтей является поэтому не храмомъ просвѣщенія, а инквизиторскимъ застѣнкомъ. Въ особенности сильное впечатлѣніе производитъ на поляковъ стремленіе прусскаго министерства народнаго просвѣщенія вводить и преподаваніе Закона Божьяго на нѣмецкомъ языкѣ. Эти стремленія дали матеріалъ для извѣстной врешенской вспышки. По совѣту родителей, дѣти отказались отъ урока Закона Божьяго. Тогда учитель подвергъ ихъ общей поркѣ. Возмущенные родители и родственники наказанныхъ дѣтей цѣлой толпой явились въ школу и оскорбили учителя. Въ результатѣ громкій судебный процессъ, въ которомъ 24 человѣка присуждены къ тюремному заключенію отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до $2^1/_2$ лѣтъ. Процессъ и приговоръ вызвали во всемъ польскомъ народѣ взрывъ негодованія и въ различныхъ мѣстахъ были устроены демонстраціи противъ прусскаго режима. Устроили подписку для осужденныхъ и въ короткое время было собрано свыше 100.000 марокъ. Въ парламенты поступили запросы правительству и послѣднему пришлось выслушать не мало сомнительныхъ комплиментовъ. Нужно согласиться, что правительство ихъ заслужило. Какъ бы ни относиться къ религіи, но несомнѣнно, что для вѣрующаго это одна изъ интимнѣйшихъ и наиболѣе дорогихъ сторонъ душевной жизни. И понятно, что всякому вѣрующему отцу и всякой вѣрующей матери (а таковыхъ большинство среди польскаго крестьянства и мѣщанства) должно быть неизмѣримо тяжело отъ того, что, благодаря безтолковому преподаванію на непонятномъ для дѣтей нѣмецкомъ языкѣ, дорогія слова молитвы и священнаго писанія въ дѣтской головкѣ принимаютъ какой-то непостижимо дикій смыслъ и значеніе. Одинъ польскій депутатъ приводилъ въ ландтагѣ нѣсколько интересныхъ слу-

чаевъ такого коверканія. «Сегодня, мама,—говоритъ дитя своей матери,—мы учили на память нѣсколько нѣмецкихъ словъ: во имя Отца, Сына, *скрипки»*. Скрипка по-нѣмецки Geige, и ребенокъ смѣшалъ это слово со словомъ «Духъ»—Geist или, быть можетъ, «святой»—heilige. Другой ребенокъ, придя изъ школы домой, разсказалъ, что учитель объяснилъ имъ сегодня, какъ Матерь Божія сидѣла въ тюрьмѣ! Отсюда понятны жалобы одной обвиняемой въ врешенскомъ процессѣ. Предсѣдатель суда спрашиваетъ ее, не все ли равно, на какомъ языкѣ дитя обучается Закону Божьему. «О, нѣтъ!—отвѣчаетъ она.—Дѣти не понимаютъ Закона Божьяго на нѣмецкомъ. Въ этомъ я убѣдилась на своихъ. Религія для насъ, бѣдныхъ людей, вся наша радость, все счастье наше, наше богатство, все, все, вся наша надежда на лучшее будущее.

«Когда раньше дѣтей обучали по-польски,—продолжала она,—я знала, чему они учились. И наибольшей радостью для меня было вечеромъ поговорить съ дѣтьми о томъ, чему ихъ учили изъ катехизиса и священной исторіи. Сердце прыгало у меня отъ радости.

«Дѣти все хорошо понимали и я также. Теперь ни я, ни дѣти не понимаемъ того, чему ихъ учатъ».

III.

Борьба нѣмецкой и польской національностей не ограничивается областями языка и школы. Съ еще бóльшимъ ожесточеніемъ она ведется на экономической почвѣ. Крупнѣйшей мѣрой въ этой области является выкупъ польскихъ земель и перепродажа ихъ въ нѣмецкія руки. При Бисмаркѣ въ 1886 г. была образована такъ называемая «колонизаціонная коммиссія» (Ansiedelungskommission), въ распоряженіе которой былъ предоставленъ фондъ въ 100 милліоновъ марокъ. Слѣдующіе 100 милліоновъ были предоставлены этой коммиссіи въ 1898 году и, наконецъ, въ нынѣшнемъ 1902 г. правительство потребовало и получило для коммиссіи отъ ландатага дальнѣйшіе 250 милліоновъ. Всѣ эти деньги идутъ «на укрѣпленіе нѣмецкаго элемента въ провинціяхъ Познани и Западной Пруссіи», что должно совершиться посредствомъ «поселенія (въ этихъ провинціяхъ) нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ». Для этой цѣли коммиссія слѣдитъ за мобилизаціей польскихъ земель и, гдѣ возможно, старается пріобрѣсть продаваемыя съ аукціона польскія имѣнія. Затѣмъ эти земли предоставляются нѣмецкимъ крестьянамъ, привозимымъ обыкновенно изъ западныхъ, чисто нѣмецкихъ областей Германіи.

Шестнадцатилѣтній періодъ дѣятельности колонизаціонной коммиссіи далъ въ результатѣ совершенно неожиданные итоги. Неожиданные собственно для тѣхъ, кто затѣялъ всю эту антипольскую кампанію. Для болѣе вдумчивыхъ и дальнозоркихъ эти результаты оказались совершенно естественнымъ слѣдствіемъ проводимыхъ мѣропріятій. Произошло собственно вотъ что. Когда на аграрный рынокъ была брошена первая, а затѣмъ вторая сотня милліоновъ, предназначенная спеціально для покупки земель и земель исключительно польскихъ, то естественно, что цѣны на эти земли поднялись въ гору. Ибо что

означали эти сотни милліоновъ? Они означали увеличеніе спроса при неизмѣнномъ предложеніи. Такое положеніе вещей всегда ведетъ къ повышенію цѣнъ данныхъ предметовъ, что сказалось также и въ данномъ случаѣ. Имѣніе, стоящее раньше, скажемъ, 10.000 руб., отчуждалось теперь владѣльцемъ за 12—15 и болѣе тысячъ. Почти обанкрутившійся польскій помѣщикъ, готовый продать свою землю за низшую цѣну, получалъ теперь за нее высшую. Въ то же время цѣна земли нѣмецкихъ аграріевъ оставалась на томъ же уровнѣ, что и раньше. Польскій помѣщикъ, продавшій свою землю за высшую цѣну, могъ пріобрѣсть теперь такое же имѣніе у обанкрутившагося сосѣда-нѣмца за цѣну ниже той, которую онъ получилъ самъ за свое имѣніе. Такимъ образомъ, благодаря коммиссіи, онъ получалъ такое же имѣніе, какое имѣлъ раньше да вдобавокъ у него еще оставались капиталы для дальнѣйшаго хозяйничанья и для уплаты долговъ. Въ результатѣ такой удивительно хитрой политики прусскаго правительства оказалось, что польскій элементъ въ восточныхъ провинціяхъ не ослабѣлъ, а усилился, что вмѣсто того, чтобы сумма польскихъ земель уменьшилась, она увеличилась. По оффиціальнымъ даннымъ, «нѣмецкая рука» потеряла за послѣднія пять лѣтъ 31.000 гектаровъ (гектаръ = = $^{11}/_{12}$ десятины), несмотря на то, что въ то же время коммиссія пріобрѣла 164.494 гектаровъ. И прусское правительство, огорченное неудачей своей хитро задуманной политики, требуетъ для поправленія своего горя... еще 250 милліоновъ. Клинъ вышибаютъ клиномъ, и прусское правительство не задумывается одну глупость исправить посредствомъ другой бо́льшаго размѣра.

IV.

Помимо правительства, нѣкоторые элементы нѣмецкаго общества самостоятельно, за свой собственный рискъ, предприняли походъ противъ польскаго врага. Въ 1894 году основался, съ одобренія Бисмарка, извѣстный союзъ гакатистовъ, названный такъ по начальнымъ буквамъ ихъ основателей: Hausemann'а, Kulemann'а и Tiedemann'а. Слово «гакатистъ» такъ привилось теперь къ нѣмецкому языку, что оно, пожалуй, вскорѣ вытѣснитъ французское «шовинистъ». Союзъ гакатистовъ ставитъ себѣ цѣлью бороться всевозможными средствами съ «польской опасностью». Онъ устраиваетъ различныя собранія, пропагандируетъ повсюду необходимость энергичной борьбы съ польскими элементами, старается поддержать нѣмцевъ въ ихъ конкурренціи съ поляками, раздаетъ для этой цѣли всякія ссуды, стипендіи и т. д. Особенно сильно дѣйствующимъ средствомъ является пропагандированіе и организація торгово-промышленнаго бойкота.

«Не покупайте у поляковъ»—вотъ лозунгъ, который на всякіе лады проповѣдуется союзомъ. Недавно въ газетахъ былъ помѣщенъ интересный документъ, показывающій, какимъ путемъ союзъ старается воздѣйствовать на нѣмецкую публику. Этотъ документъ, между прочимъ не писанный, а гектографированный, что указываетъ на частоту его употребленія,—былъ присланъ одной берлинской фирмѣ и гласитъ: «М. Г.! Въ здѣшнихъ польскихъ газетахъ

мы находимъ объявленіе Вашей почтенной фирмы. Быть можетъ, оно попало туда помимо Вашей воли, черезъ посредство какого-нибудь *бюро объявленій.* Мы считаемъ поэтому нашей обязанностью просить Васъ взвѣсить ниже приводимыя соображенія и затѣмъ соотвѣтствующимъ образомъ распорядиться.

«Польская политическая пресса, къ которой принадлежитъ каждый польскій органъ, появилась не вслѣдствіе существующей въ ней потребности, а исключительно ради агитаціонныхъ стремленій поляковъ націоналистовъ. Конечной цѣлью этихъ стремленій является отпаденіе восточныхъ областей Пруссіи и образованіе польскаго государства. Каждый нѣмецъ, помогающій польской прессѣ, посредствомъ ли подписки или же помѣщеніемъ объявленій, поддерживаетъ въ то же время и національно-политическую агитацію, прибѣгающую къ помощи неслыханныхъ по отношенію къ нѣмцамъ выраженій—«Gazeta Grudziondska», напр., назвала пруссаковъ «чумой», Pestluft—сѣющую ненависть противъ всего нѣмецкаго и стремится экономически и политически погубить защитниковъ нѣмецкой культуры.

«Истинный характеръ польской прессы, читатели которой, между прочимъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ низшимъ, не обладающимъ большими покупными средствами слоямъ народа, очевидно, не очень извѣстенъ въ нѣмецкомъ отечествѣ, ибо иначе господа промышленные дѣятели, купцы и т. д., вѣроятно, не доставляли бы этой прессѣ никакой поддержки. Нѣмецкія газеты вполнѣ достаточны для объявленій и для сбыта товара etc. среди населенія, дѣйствительно обладающаго покупными средствами.

«На основаніи этого, мы очень просимъ Васъ не объявлять впредь въ польскихъ газетахъ. Мы будетъ очень рады, если въ ближайшемъ времени будемъ имѣть возможность услышать, что Ваша фирма полагаетъ важнымъ принадлежать къ числу защитниковъ нѣмецкой культуры.

Намъ неизвѣстно, какъ поступила эта фирма. Но горе ей, если она держится противоположнаго мнѣнія, если она не сочла «важнымъ считаться въ числѣ защитниковъ нѣмецкой культуры!..» Ей пришлось, вѣроятно, тогда выдержать организованный бойкотъ и понести значительные убытки. Поступая такъ, гакатисты, однако, ничуть не стѣсняются изливать свое негодованіе на поляковъ, когда тѣ, въ свою очередь, бойкотируютъ нежелательныя для нихъ предпріятія. Они твердо помнятъ старинную мудрость: quod licet Iovi, non licet bovi.

Не ограничиваясь пропагандой посредствомъ собраній, писемъ и т. д., гакатистскій союзъ ежемѣсячно выпускаетъ нумеръ своего журнала, спеціально посвященнаго травлѣ поляковъ. «Die Ostmark»—такъ называется этотъ журналъ—безпрестанно, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ трубитъ о ростѣ «польской опасности», стараясь внушить вліятельнымъ лицамъ необходимость рѣшительной и энергичной борьбы съ польской гидрой. Благодаря этому крику и близости членовъ гакатистскаго союза съ правительственными сферами, имъ удается направлять иногда правительственную политику на путь такихъ обоюдоострыхъ мѣръ, какъ уже помянутая выше колонизаціонная

коммиссія. Въ результатѣ получается не желанное примиреніе и ассимиляція, а большій антагонизмъ и ростъ полонизма.

Къ нему-то мы теперь и перейдемъ.

V.

«Какъ аукнется, такъ и откликнется», говоритъ русская пословица. И вѣрные ей поляки стараются надлежащимъ образомъ откликнуться на всякое нѣмецкое «ауканье». На каждое нападеніе со стороны нѣмецкаго общества и нѣмецкаго правительства они стараются отвѣтить тѣмъ же оружіемъ.

Нѣмцы стараются изгнать польскій языкъ изъ публичныхъ собраній и школы—поляки отвѣчаютъ тѣмъ бо̀льшимъ культивированіемъ своего языка дома, между собой и въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Въ виду ихъ большинства въ провинціяхъ это удается имъ очень легко. Они стараются говорить по-польски даже тогда, когда ихъ собесѣднику трудно понимать этотъ языкъ и когда они сами свободно владѣютъ нѣмецкимъ. «Нѣмцы часто безъ всякой надобности говорятъ съ своими польскими служащими по-польски,—жалуется одинъ прусскій генералъ (между прочимъ, польскій выходецъ),—поляки же никогда не разговариваютъ съ своими рабочими по-нѣмецки даже тогда, когда у нихъ всѣ рабочіе—нѣмцы».

Нѣмцы подвергаютъ польскихъ дѣтей тѣлесному наказанію—польскіе школьники нападаютъ на своего учителя и дубасятъ его палками. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщалось на-дняхъ въ газетахъ.

Нѣмцы бойкотируютъ поляковъ—поляки съ тѣмъ бо̀льшей энергіей и съ несомнѣнно бо̀льшимъ успѣхомъ бойкотируютъ нѣмецкія предпріятія. «Многіе нѣмцы,—говоритъ тотъ же генералъ,—покупаютъ у поляковъ, послѣдніе никогда, однако, у нѣмцевъ». Это, конечно, немного преувеличено, но все-таки недалеко отъ истины. Поляки бойкотируютъ не только нѣмцевъ, но и поляковъ, которые имѣютъ сношенія съ нѣмецкимъ дѣловымъ міромъ.

Прусское правительство старается выкупить польскія земли—поляки организуютъ собственныя кассы ссудъ, земледѣльческіе банки, различные союзы взаимопомощи и въ результатѣ польскій элементъ и польскія владѣнія не уменьшаются, а увеличиваются. Они бойкотируютъ всякаго поляка, осмѣливающагося продать землю коммиссіи и въ своихъ газетахъ клеймятъ ихъ, какъ «измѣнниковъ».

Нѣмцы стараются вытѣснить сильно возрастающее польское среднее сословіе—послѣднее не только не уменьшается, но все больше и больше идетъ впередъ и расширяется. Среднее сословіе вообще является самымъ энергичнымъ и боевымъ элементомъ польскаго народа. Оно болѣе другихъ классовъ защищаетъ національныя традиціи и сильнѣе другихъ протестуетъ противъ всякой ассимиляторской попытки. Стороннему наблюдателю можетъ показаться, что вообще «польскій вопросъ»—это вопросъ о существованіи польскаго мелкобуржуазнаго элемента. Бо̀льшая подвижность его и болѣе интенсивное стрем-

леніе къ государственной независимости связано у этихъ элементовъ съ общимъ экономическимъ кризисомъ средняго сословія. Погибая, или во всякомъ случаѣ, сильно терпя подъ давленіемъ крупнаго капитала своей національности, оно стремится наверстать теряемое въ вытѣсненіи средняго конкурента чуждой національности. Этимъ собственно объясняются такія явленія, какъ антисемитизмъ и сіонизмъ. Въ этомъ главная суть теперешняго польскаго и антипольскаго теченій. Недаромъ же правительственные органы особенно подчеркивали ростъ польскаго средняго сословія. Имперскій канцлеръ, напр., приводилъ въ одной своей рѣчи выписки изъ отчетовъ оберъ-президентовъ Познани и Западной Пруссіи. Въ нихъ указывались данныя, рисующія побѣдное шествіе польскаго средняго сословія, его успѣхи въ смыслѣ вытѣсненія среднихъ слоевъ нѣмецкой національности. Отчетъ познанскаго оберъ-президента отъ 4-го января 1902 года особенно отмѣчаетъ переходъ нѣмецкихъ аптекъ въ польскія руки. Лѣтъ десять тому назадъ изъ 125 существующихъ въ провинціи аптекъ, 98 находилось въ рукахъ нѣмцевъ, остальныя 27 въ рукахъ поляковъ. Теперь число аптекъ возросло до 134, но изъ нихъ въ рукахъ нѣмецкихъ аптекарей находится всего 85, поляки же владѣютъ 49. Такимъ образомъ, за десять лѣтъ поляки повысили число своихъ аптекъ на 15%, нѣмцы же столько же % потеряли. Также неблагопріятно положеніе нѣмецкаго ремесла. Въ началѣ прошлаго столѣтія поляки еще не имѣли широко развитого ремесленнаго сословія. Только сапожничество имѣло среди нихъ нѣкоторый успѣхъ. Главный контингентъ ремесленниковъ составляли евреи, затѣмъ нѣмцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ преобладающимъ элементомъ въ ремесленномъ сословіи были нѣмцы. Теперь не то. Хотя, какъ отмѣчаетъ тотъ же отчетъ, по числу нѣмецкіе ремесленники и не уступаютъ польскимъ, но имъ недостаетъ соотвѣтствующаго прироста. Въ строительномъ промыслѣ, лѣтъ десять тому назадъ совершенно нѣмецкомъ, насчитываютъ теперь 133 нѣмецкихъ мастера съ 508 подмастерьями и 131 ученикомъ, противъ которыхъ стоятъ 137 мастеровъ-поляковъ съ 1.212 подмастерьями и 309 учениками. Въ Познани (городѣ) 715 нѣмецкимъ мастерамъ съ 1528 подмастерьями и учениками противустоятъ 1.365 мастеровъ-поляковъ съ 3.686 подмастерьями и учениками.

На ряду съ ремесломъ польское среднее сословіе стремится захватить въ свои руки и торговлю. Крупная торговля пока равносильна какъ въ нѣмецкомъ, такъ и польскомъ лагеряхъ. Совсѣмъ другое въ области мелкой. Здѣсь польскій торговецъ, благодаря большимъ связямъ *), имѣетъ гораздо большій успѣхъ въ конкуренціи и число польскихъ мелкихъ предпринимателей растетъ.

О такихъ же успѣхахъ польскаго средняго сословія сообщаетъ и оберъ-

---

*) Поляки покупаютъ у поляковъ. Нѣмцы остаются поэтому часто безъ покупателей и обанкручиваются. Въ виду этого прусское правительство посылаетъ въ мѣста съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ нѣмецкіе гарнизоны. Солдаты и офицера естественно покупаютъ тогда у нѣмцевъ и поддерживаютъ ихъ въ экономической борьбѣ съ поляками.

президентъ Западной Пруссіи. Число польскихъ адвокатовъ, врачей и аптекарей растетъ постоянно и въ его провинціи. Даже въ Данцигѣ горько жалуется президентъ—число польскихъ врачей и адвокатовъ постоянно увеличивается. Для того, чтобы поставить польское населеніе внѣ зависимости отъ нѣмецкихъ торговопромышленниковъ, поляки основали въ провинціи большіе торговые дома и потребительныя общества. Они конкурируютъ и очень успѣшно съ нѣмецкими предпріятіями и часто принуждаютъ противную сторону къ сдачѣ: нѣмецъ-торговецъ прекращаетъ свою торговлю и удаляется изъ провинціи. Въ 1873 г. было въ провинціи всего 43 общества съ резервнымъ фондомъ въ 74.396 марокъ и 3.739.302 депозита. Черезъ 28 лѣтъ (1901 году), число обществъ поднялось до 126, которыя владѣли уже 2.869.579 м. резервнаго фонда и 53.559.698 м. депозитнаго.

VI.

Съ перваго взгляда кажется, будто поляки выступаютъ въ борьбу сплошной сомкнутой массой. Кажется, всѣми владѣетъ одна мысль и только,—мысль о необходимости защитить свою національность, сохранить свои историческія традиціи и завоевать свою независимость. Но, присматриваясь ближе, вы замѣчаете, что кажущаяся вначалѣ сплошная масса на самомъ дѣлѣ пестритъ различными партіями, лигами, фракціями и т. д. Всѣ они отстаиваютъ свои особые интересы и борятся не только съ германизмомъ, но и другъ съ другомъ. Нѣсколько штриховъ дадутъ вамъ представленіе, если не о всѣхъ, то о нѣкоторыхъ партіяхъ.

Было время, когда главнѣйшую роль въ польскомъ движеніи играла такъ называемая *придворная партія*. Времена измѣнились и она потеряла и свою руководящую роль. Отъ нея отказался народъ, отпали даже бывшіе вожаки ея. Главный контигентъ ея состоитъ изъ представителей высшаго духовенства и крупнаго дворянства.

Въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ она является вполнѣ лойяльной партіей и выражаетъ полную преданность гогенцоллернскому дому. Нѣмцы, однако скептически относятся даже и къ ней и не совсѣмъ довѣряютъ ея лойяльности. Насколько этотъ скептицизмъ основателенъ, судить трудно...

Рядомъ съ ней борется *національная партія*. Она состоитъ изъ отпавшаго лѣваго крыла придворной партіи и, по своей программѣ, менѣе ея консервативна. Она болѣе, чѣмъ придворная партія, склонна къ борьбѣ за самостоятельность, но всегда готова пойти съ правительствомъ на какіе угодно компромиссы. Національная партія—это партія умѣренныхъ либераловъ.

Наиболѣе сильной въ количественномъ отношеніи является *польская народная партія*. Она считается рѣшительнымъ противникомъ придворной партіи и представляетъ главнымъ образомъ интересы средняго сословія. Она стремится освободить его отъ опеки дворянства и духовенства и борется противъ

всякой политики примиренія съ германизмомъ: «мы не хотимъ и не въ состояніи ее хотѣть».

Въ самое послѣднее время порядочные успѣхи дѣлаетъ среди польскихъ рабочихъ демократическое теченіе. Примыкая по своей программѣ къ демократіи нѣмецкой, она въ то же время борется еще за спеціальные интересы польскаго населенія и проявляетъ большую подвижность и энергію.

Мнѣ остается еще коснуться отношенія различныхъ нѣмецкихъ политическихъ партій къ польскому движенію.

Въ общемъ, можно сказать, ни одна нѣмецкая партія, будь то самая реакціонная или самая радикальная, не желаетъ отдѣленія польскихъ провинцій отъ Пруссіи. Но ихъ отношеніе къ польскому вопросу, мотивы, по которымъ та или другая партія не желаетъ такого отдѣленія, различны. *Консервативная* и *націоналъ-либеральная* партіи вполнѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія правительственной политики, вполнѣ поддерживаютъ каждый правительственный законопроектъ и часто даже являются иниціаторами тѣхъ или другихъ мѣропріятій. Ими руководитъ шовинистская идея, по которой Deutschland должна быть uber alles, uber alles in der Welt. Тяготѣніе этихъ правыхъ элементовъ къ «міровой политикѣ» (Weltpolitik) даетъ еще особый толчокъ къ энергичной борьбѣ съ полонизмомъ, который своимъ распространеніемъ грозитъ ослабить германскую имперію. И они не перестаютъ агитировать и агитировать противъ «польской опасности». Въ членскихъ рядахъ помянутаго уже гакатистскаго ферейна большинство составляютъ консервативные и отчасти націоналъ-либеральные элементы.

Консерваторы и націоналъ-либералы безусловные враги полонизма. Относительно католической партіи *центра* этого сказать нельзя. Эта ловкая партія, какъ и во многихъ другихъ соціально-политическихъ вопросахъ, играетъ и здѣсь двойственную роль. Ей хочется и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Въ польскомъ вопросѣ центру приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что большинство поляковъ католики. Выступи онъ совершенно противъ польскихъ стремленій, онъ рисковалъ бы потерять тамъ свое вліяніе надъ единовѣрцами-католиками. Такихъ потерь центръ не любитъ. Но, съ другой стороны, ему также нежелательно порвать съ правительствомъ и выступить въ качествѣ пособника антигосударственныхъ теченій. И вотъ онъ мечется между Сциллой и Харибдой и, кажется, успѣваетъ и тамъ, и тутъ. Эти господа вообще очень ловкій и изворотливый народъ и всюду умѣютъ въ мутной водицѣ выловить надлежащую рыбку.

Говоря словами Евгенія Рихтера, *свободомыслящіе* также желаютъ ассимиляціи поляковъ съ нѣмецкимъ элементомъ. Мы—говорилъ онъ недавно—далеки отъ того, чтобы благопріятствовать какимъ-либо стремленіямъ, направленнымъ къ созданію польскаго государства или даже къ признанію федеративнаго начала въ польскихъ провинціяхъ. Свободомыслящіе,—продолжалъ онъ, того мнѣнія, что восточныя провинціи во чтобы то ни стало должны остаться составной частью прусскаго королевства и германской имперіи. Но именно

поэтому, прибавляетъ Рихтеръ, мы полагаемъ также, что населенію этихъ провинцій, на какомъ бы языкѣ оно ни говорило, слѣдуетъ дать одинаковыя политическія права. Законы же въ родѣ того, которымъ государство ассигнуетъ милліоны на выкупъ польскихъ имѣній, издаются не для всѣхъ обитателей восточныхъ провинцій. Эти законы направлены къ тому, чтобы на деньги, получаемыя отъ польскихъ налогоплательщиковъ, были пріобрѣтаемы земли, отъ пользованія которыми поляки принципіально устраняются. Такіе законы являются исключительными законами. Свободомыслящіе же враги всякаго исключительнаго законодательства и опытъ показалъ, что правда на ихъ сторонѣ. Исключительными законами зло не уничтожается, а, наоборотъ, растетъ. Рихтеръ предлагаетъ вспомнить исключительный законъ противъ соціалистовъ. Этотъ законъ такъ сомкнулъ германскую соціалъ-демократическую партію, что она является теперь сильнѣйшей, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ. Вспомните культуркампфъ — тамъ тѣ же результаты. Центръ не былъ бы теперь самой могущественной партіей въ странѣ, если бы не было исключительныхъ законовъ противъ ультрамонтановъ.

Наконецъ, соціалъ-демократическая партія. Эта, понятно, рѣшительно противъ всякихъ исключительныхъ мѣропріятій. Ея депутаты всегда энергичнѣйшимъ образомъ протестуютъ противъ всякаго покушенія на ограниченія правъ польскихъ согражданъ.

S.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Работы экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на Шпицбергенѣ въ 1901 году.

Описаніе работъ экспедиціи въ теченіи 1899—1900 годовъ, включая сюда и зиму, проведенную на Шпицбергенѣ, было уже напечатано въ «М. Б.» за прошлый годъ. Ограничусь лишь упоминаніемъ, что вся программа наблюденій, которыя должно было произвести во время зимовки русскихъ въ Горнзундѣ, закончена была съ полнымъ успѣхомъ. Къ концу 1900 года положеніе работъ русской экспедиціи по градусному измѣренію на Шпицбергенѣ находилось въ слѣдующемъ видѣ. Наблюденія на горѣ Кейльхау и на Геджехогѣ были закончены; Уолесъ Хедъ, мысъ Ли и Сванбергъ требовали лишь дополнительныхъ наблюденій. Кромѣ наблюденій на сѣверныхъ пунктахъ тріангуляціи, оставалась также основная задача по измѣренію базиса и базисной сѣти и по связи этой сѣти съ общей сѣтью треугольниковъ, подлежавшихъ измѣренію русской экспедиціи.

Шведская экспедиція за два года ограничилась измѣреніемъ базиса въ заливѣ Трейренбергъ около горы Гекла-Гукъ и наблюденіями лишь на двухъ пунктахъ—на горѣ Гекла-Гукъ и на горѣ Цельзіуса.

Снаряженіе экспедиціи въ 1901 г. было улучшено согласно опыту бывшихъ двухлѣтнихъ работъ. Геодезическіе инструменты были взяты въ такомъ комплектѣ, чтобы можно было одновременно наблюдать не менѣе, чѣмъ на четырехъ пунктахъ. Кромѣ того, пріобрѣтенъ былъ въ Потсдамѣ новый усовершенствованный приборъ для производства качаній маятниковъ, дающій возможность учесть движеніе штатива—обстоятельство, по большей части игнорировавшееся до сихъ поръ при производствѣ аналогичныхъ наблюденій.

Къ веснѣ 1901 года составъ экспедиціи окончательно опредѣлился слѣдующій: астрономы В. В. Ахматовъ, А. С. Васильевъ, А. П. Ганскій, А. А. Кондратьевъ и А. Д. Педашенко; топографы Главнаго Штаба П. П. Емельяновъ, М. М. Зигель и А. В. Клементьевъ; зоологъ М. Н. Михайловскій и художникъ В. А. Щуко. Общее руководство всей экспедиціей, по просьбѣ коммиссіи, принялъ на себя я. Кромѣ того, по просьбѣ же коммиссіи, согласился отправиться на Шпицбергенъ академикъ О. А. Баклундъ, которому предполо-

жено было ввѣрить руководство одной изъ самыхъ деликатныхъ работъ—базиснымъ измѣреніемъ. Экспедиціонными судами, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, были транспортъ «Баканъ» и «Ледоколъ 2-й» Либавскаго порта; первый подъ командой капитана 2-го ранга С. П. Степанова, командиромъ же второго былъ И. К. Якимовичъ, уже въ третій разъ шедшій въ составѣ экспедиціи на Шпицбергенъ. До половины іюня, на случай тяжелыхъ льдовъ, въ распоряженіе экспедиціи былъ отданъ ледоколъ «Ермакъ», а для подвоза угля и свѣжей провизіи и для почтоваго сообщенія между Шпицбергеномъ и Тромзö былъ нанятъ шведскій пароходъ «Рюрикъ», подъ командой капитана Экстрема, столь доблестно послужившаго на пользу русской экспедиціи въ 1900 году.

2-го іюня въ 9 час. вечера «Баканъ», «Ледоколъ 2-й» и «Ермакъ» отправились изъ Тромзö на Шпицбергенъ. «Рюрикъ» спустя нѣсколько дней прослѣдовалъ прямо къ Уолесъ-поэнту.

По выходѣ въ океанъ мы встрѣтили свѣжій NW, разведшій большую зыбь, не стихавшую болѣе двухъ сутокъ. Но 5-го числа въ 2 часа утра волненіе ослабѣло, около 4-хъ часовъ утра показались первыя льдины, а съ 8-ми часовъ ледъ сталъ настолько густъ, что «Ермакъ» пошелъ впередъ, прокладывая путь для остальныхъ судовъ. На сѣверъ по нашему курсу ледъ лежалъ сплошной массой, и было очевидно, что въ этомъ направленіи будетъ затруднительно пробиться къ Уолесъ-поэнту. Вскорѣ, однако, мы замѣтили, что вдоль западнаго берега Стурфіорда, который былъ виденъ, какъ на ладони, тянется широкая полоса полоса свободной воды въ эту полосу мы и вошли, чтобы воспользоваться безпрепятственнымъ проходомъ хотя бы до Уолесъ-Хеда.

Ставъ на якорь въ бухтѣ Бетти, мы уже съ моря замѣтили, что пирамида на г. Кейльхау скрыта подъ снѣгомъ. Для расчистки ея отправились Кейльхау В. В. Ахматовъ, А. П. Ганскій студентъ Баклундъ и 8 мезенскихъ поморовъ. Обойдя ледникъ, спускающійся съ горы Кейльхау, они пристали у ея подножія, невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ въ 1900 году были сложены маятники. Несмотря на возможно тщательное устройство склада, послѣдній оказался разореннымъ, брезенты, которыми были закутаны ящики, разорванными. Были очевидные слѣды хозяйничанья бѣлаго медвѣдя, къ счастью, однако, не могшаго одолѣть крѣпкихъ ящиковъ, въ которыхъ были запакованы инструменты. Очистка пирамиды заняла всю ночь, и только къ полудню наши путешественники вернулись на суда. Въ тотъ же день 6-го іюня мы перешли на сѣверъ къ Уолесъ-бай, гдѣ и стали на якорь въ $10^1/_2$ час. вечера. По опыту прежнихъ лѣтъ я зналъ, что Уолесъ-Хедъ одинъ изъ лучшихъ обсерваціонныхъ пунктовъ въ Стурфіордѣ, и потому немедля съѣхалъ на берегъ, чтобы при ясной погодѣ осмотрѣть состояніе льдовъ. Результатъ осмотра былъ утѣшительный. Часть залива Жиневры была уже свободна отъ льда, а также вся сѣверная часть Стурфіорда. Около Уолесъ-поэнта видна была полоса чистой воды. Наиболѣе плотный ледъ былъ въ той части Стурфіорда, гдѣ мы пересѣкли его по пути къ Уолесъ-Хеду. Въ виду такого состоянія льда, я рѣшилъ оставить Баканъ до встрѣчи съ «Рюрикомъ» по западную сторону Стурфіорда, а оба ледокола, со всей экспедиціей, направить

къ Уолесъ-поэнту. Вечеромъ 7-го іюня мы достигли этого пункта. Хотя у береговъ еще держался толстый припойный ледъ, а въ глубинѣ бухточки, съ которой мы начинали подъемъ на Уолесъ-поэнтъ въ 1899 году, стоялъ еще нетронувшійся зимній ледъ, высадка могла совершиться безъ особыхъ затрудненій. На берегу снѣгъ уже сильно стаялъ, и базисныя работы могли быть начаты немедленно. Условія такія были вполнѣ неожиданны, такъ какъ по плану, составленному зимой въ Петербургѣ, предполагалось, что базисныя работы можно будетъ начать не ранѣе конца іюня. Низина, прилегающая къ Уолесъ-поэнту, единственное мѣсто въ Стурфіордѣ, пригодное для базисной сѣти. Въ этой части Стансъ-форeланда отъ сильно изрѣзаннаго берега тянется слегка волнистая мѣстность, окаймленная съ востока краемъ плато, поднимающагося до 300—400 метровъ надъ уровнемъ моря. Съ сѣвера плато замыкаетъ низину обрывисто спускающейся къ моры горой Зигеля, а съ юга Уолесъ-поэнтомъ. Плато изрѣзано рядомъ широкихъ долинъ, по которымъ спускаются съ общаго покрова материковаго льда языкообразные ледники, нижній край которыхъ, однако, не достигаетъ упомянутой низины. Къ востоку же отъ горы Зигеля и съ востока отъ Уолесъ-поэнта къ низинѣ подходятъ широкія долины, богатый моховый покровъ которыхъ служитъ прекраснымъ пастбищемъ для многочисленныхъ дикихъ оленей. Въ этомъ году ихъ оказалось особенно большое количество и притомъ совершенно не боявшихся приближенія охотниковъ. Объясненіе этому можно найти лишь въ томъ, что въ 1900 году Стансъ-форeландъ былъ недоступенъ изъ-за массы льда, и два поколѣнія оленей не видали людей. По всей низменности, ширина которой не превышаетъ 8 километровъ, наблюдаются сопочки, сложенныя изъ діабаза, разбитаго вертикальной отдѣльностью на живописные столбы. На этихъ сопочкахъ, относящихся, несомнѣнно, къ одному обширному покрову діабаза, до высоты метровъ 20 надъ уровнемъ моря, залегаетъ сѣрая песчаная постиліоценовая глина, содержащая большое количество раковинъ моллюсковъ. Берега низменности по бо́льшей части сложены изъ тѣхъ же діабазовъ и, благодаря ихъ изрѣзанности, а также присутствію съ запада цѣлой серіи мелкихъ острововъ, образуется рядъ бухтъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доступны лишь для мелкихъ судовъ, но частью представляютъ и хорошо защищенную стоянку для судовъ большого размѣра. Описываемая мѣстность изрѣзана цѣлой сѣтью мелкихъ рѣчекъ, питаемыхъ изъ-подъ ле́дниковъ, и пестритъ небольшими озерами. У самаго берега и съ востока, у подножія плато, почва суше, въ средней же части болота, хотя и неглубокія, должны были значительно затруднить измѣреніе базиса.

Считаю не лишнимъ пояснить вкратцѣ, какъ было предположено измѣрить базисъ. Обычные способы измѣренія, примѣнявшіеся при прежнихъ тріангуляціяхъ, требовали большой затраты времени и при томъ краткомъ сезонѣ, въ теченіе котораго возможно производство работъ на Шпицбергенѣ, едва ли были бы примѣнимы. Помимо этого, самыя вышеописанныя почвенныя условія дѣлали эти методы совершенно неприложимыми. Можно сказать, что вопросъ о градусномъ измѣреніи на Шпицбергенѣ только и могъ осуществиться, когда вве-

денъ былъ въ геодезическую науку превосходный базисный приборъ Іедерина, приспособленный какъ для быстрой, такъ и весьма точной работы. Самую существенную часть этого прибора составляютъ проволоки, отъ 24 до 25 метровъ длиной, изъ особаго не расширяющагося при измѣненіи температуры металлическаго сплава. Чтобы получить увѣренность въ неизмѣняемости длины проволокъ со времени ихъ перевоза отъ Пулкова до начатія базиснаго измѣренія, рѣшено было какъ передъ этимъ измѣреніемъ, такъ и послѣ него, произвести эталонированіе проволокъ на вспомогательномъ базисѣ, который долженъ былъ быть измѣренъ одновременно нѣсколько разъ жезлами Струве и приборомъ Іедерина. Эта вспомогательная работа должна была начаться въ ближайшемъ времени послѣ выгрузки приборовъ на берегъ, и одновременно предполагалось начать рекогносцировки для выбора мѣста, подходящаго для измѣренія главнаго базиса.

11-го іюня вечеромъ оставилъ насъ Ермакъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать въ Тромзö. Дальнѣйшія услуги его оказались излишними.

13-го іюня начались настоящія измѣренія на вспомогательномъ базисѣ, длиной въ 175 метр. Еще наканунѣ я долженъ былъ покинуть экспедицію съ тѣмъ, чтобы идти на «Ледоколѣ» въ бухту Агарда, гдѣ долженъ былъ возобновить сигналъ, повалившійся зимой 1899—1900 года и высадить А. В. Клементьева, который долженъ былъ начать топографическую съемку окрестностей названной бухты и затѣмъ подвигаться непрерывной съемкой къ леднику Негри въ заливѣ Жиневры.

13-го іюня Ледоколъ подошелъ къ бухтѣ Агарда. Снарядившись налегкѣ, мы отправились на вершину плато Агарда. Добравшись до вершины, мы нашли сигналъ, сломаннымъ посрединѣ штанги; но пята этой штанги и штаги, ее поддерживавшія, всѣ оказались на мѣстѣ.

Мы начали было сооружать пирамиду, принявъ за ось ея вертикально поставленной остатокъ штанги, но вскорѣ убѣдились, что и мѣсто для сигнала было выбрано въ 1899 году неудачно: съ него нельзя было видѣть ни мысъ Недоразумѣнія, ни плато Гельвальда. Пришлось новый сигналъ поставить на сѣверной оконечности плато Агарда послѣ того, какъ мы убѣдились, что съ этого пункта отчетливо видна вся сѣверная сѣть тріангуляціи. Работать новую пирамиду было очень тяжело, такъ какъ приходилось таскать камень за 75—100 сажень, да еще при леденящемъ, порывистомъ, сбивавшемъ съ ногъ людей, Nw-ѣ.

Къ 15-му іюня работы на вспомогательномъ базисѣ были окончены. Равнымъ образомъ, прибывшій на «Ледоколъ» М. М. Зигель сообщилъ, что имъ закончена съемка сѣверной части плато, прилегающаго къ базисной низинѣ, и что онъ собирается теперь идти непрерывной съемкой до мыса Ли. По словамъ Зигеля, ушедши въ ночь съ 8-го на 9-ое іюня въ бухту Бакана, онъ засталъ ее покрытой неразломаннымъ зимнимъ льдомъ, и лишь вдоль берега нашелъ узкую полынью, по которой и пробрался на своей лодкѣ до исходнаго пункта его работъ.

Въ теченіи 15-го и 16-го іюня была окончена рекогносцировка главнаго ба-

зиса. Начинаясь въ верстахъ полутора отъ южнаго берега бухты Бакана и у подножія діабазовыхъ сопочекъ, окаймляющихъ море, провѣшенная линія базиса уходитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ подножію горъ, окаймляющихъ базисную низину съ востока. Съ юго-западнаго конца базиса невидимъ сигналъ на Уолесъ-поэнтѣ; поэтому пришлось поставить вспомогательный сигналъ въ метрахъ 100 отъ главнаго и линію ихъ точно провѣсить по сигналу, поставленному на горѣ Зигеля и долженствовавшему составить сѣверную точку базисной сѣти. Къ сожалѣнію, желаніе выиграть возможно большее разстояніе въ увеличенномъ базисѣ (Зигель—Уолесъ-поэнтъ) заставило поставить сигналъ на скатѣ горы Зигеля, и обстоятельство это впослѣдствіи надѣлало не мало хлопотъ при наблюденіяхъ на этотъ сигналъ съ Уолесъ-Хеда, такъ какъ пирамида проектировалась не на небо, а на фонъ горы.

Въ 1 ч. 45 мин. ночи, съ 16-го на 17-ое іюня, начинались измѣренія главнаго базиса. Погода стояла чудная: ясное небо и полное отсутствіе вѣтра. До 6 ч. 30 м. измѣрено 89 промежутковъ между штативами и былъ заложенъ временный центръ на твердой скалистой почвѣ. Та же часть базиса была измѣрена въ обратномъ направленіи съ 10-ти часовъ вечера до 2-хъ часовъ утра 18-го іюня. Обратное измѣреніе, такимъ образомъ, сдѣлано на 45 мин. быстрѣе. Въ 11 ч. 45 м. вечера отъ того же временнаго центра начато измѣреніе второй части базиса, оконченное въ 5 ч. 52 мин. утра 19-го числа. Обратное измѣреніе того же участка начато въ 9 ч. 30 м. вечера 19-го и окончено въ 3 ч. утра 20-го. И въ данномъ случаѣ обратное измѣреніе сдѣлано на 37 м. быстрѣе. Въ тотъ же день, т. е. 20-го числа, были сдѣланы подсчеты произведенныхъ измѣреній и для всего базиса получена разница въ двухъ измѣреніяхъ 14,4 мил., а такъ какъ базисъ имѣетъ длину 6227 метровъ, то вѣроятная ошибка его измѣренія не превышаетъ $\frac{1}{800,000}$ его длины, или въ 16 разъ меньше допущенной по инструкціи, выработанной въ соединенныхъ коммиссіяхъ. Чтобы покончить съ измѣреніями базиса, осталось эталонировать вточично проволоки на вспомогательномъ базисѣ.

Къ этому времени А. П. Ганскимъ были закончены качанія маятниковъ на Уолесъ-поэнтѣ; надо было пользоваться благопріятнымъ временемъ и по возможности скорѣе занять сѣверные пункты нашей сѣти. Въ виду этого, помянутые ученые переселились со мной и студентомъ Баклундомъ на Баканъ, который въ ночь съ 21-го на 22-ое іюня пошелъ въ заливъ Жиневры, съ тѣмъ, чтобы попытаться высадить на мысѣ Недоразумѣнія А. Д. Педашенко и А. П. Ганскаго, а А. С. Васильева и студента Баклунда на край ледника Негри, откуда они должны были начать работы внутри Шпицбергена, т. е. выставить новый сигналъ на плато Гельвальда, дополнительный сигналъ на Сванбергѣ и затѣмъ произвести всѣ требуемыя наблюденія на Сванбергѣ, горѣ Баклунда и горѣ Чернышева.

Утромъ 22-го іюня мы при входѣ въ заливъ Жиневры встрѣтили разбитый, густой ледъ, который, однако, не помѣшалъ намъ въ тотъ же день высадить на мысъ Недоразумѣнія партію Педашенко и Ганскаго. Подъемъ къ

этому сигналу одинъ изъ самыхъ легкихъ, и при помощи 10-ти мезенскихъ поморовъ и 37-ти матросовъ Бакана всѣ инструменты и запасы, въ общемъ до 80-ти пудовъ, были доставлены въ $2^1/_2$ часа. Съ этимъ сигналомъ дѣло обстояло тоже плохо. Поставленный ни дайкѣ діабаза, неправильные куски котораго послужили матеріаломъ для постройки въ 1899 году, сигналъ этотъ наполовину развалился, и пришлось его переложить сызнова, сохранивъ лишь центральную часть, наружную же оболочку сдѣлать изъ плитъ песчаника, выступающаго ниже по скату мыса.

На слѣдующій день, 23-го іюня, послѣ неудачныхъ попытокъ высадить партію А. В. Васильева и студента Баклунда на ледникъ Негри, пришлось стать на якорь посреди залива Жиневры, на глубинѣ 20 саж., а 24-го іюня, вслѣдствіе сильнаго напора льда, и совсѣмъ сняться съ якоря и идти къ югу на чистую воду. Ночью мы прибыли обратно въ бухту «Баканъ». Къ этому времени работы на вспомогательномъ базисѣ были окончены.

Чтобы обезпечить высадку партіи А. С. Васильева на ледникъ «Негри», рѣшено было отправить ее на «Ледоколѣ,» который и вышелъ по назначенію утромъ 26-го Іюня. Съ этого же дня начаты были наблюденія горизонтальныхъ угловъ на концахъ главнаго базиса для связи его съ сигналомъ Зигеля и вспомогательной пирамидой на Уолесъ-поэнтѣ.

На югозападный конецъ базиса высадился А. А. Кондратьевъ, а на сѣверовосточный—П. П. Емельяновъ. 28-го іюня вернулся «Ледоколъ». Ему тоже не удалось высадить партію Васильева на ледникъ Негри, изъ-за невозможности пробить широкій поясъ не тронувшагося льда.

Къ ночи 28-го іюня партія Ахматова была снята съ Уолесъ-поэнта и доставлена на «Баканъ». Работы на этомъ пунктѣ можно было считать оконченченными, за исключеніемъ связи обѣихъ пирамидъ, что рѣшено было сдѣлать при помощи проволокъ Іедерина. Любопытно, что съ Уолесъ-поэнта на гору Кейльхау, отстоящую на 130 километровъ, Ахматову удалось получить наблюденія уже на третій день, между тѣмъ какъ въ 1900 г. обратныя наблюденія потребовали почти 80 дней. Этотъ примѣръ лучше всего говоритъ о тѣхъ случайностяхъ, отъ которыхъ зависѣла тріангуляція на Шпицбергенѣ.

Ночью 29-го іюня «Ледоколъ» ушелъ вторично въ заливъ Жиневры. Инструкція, данная А. С. Васильеву, была такова, что ему самому, прежде всего, по высадкѣ на ледникъ Негри, поручалось пройти въ обходъ горы Эдлунда на плато Гельвальда и выставить тамъ сигналъ, а студенту Баклунду съ половиной имѣющагося числа собакъ надлежало добраться до Сванберга и выставить новую пирамиду на условномъ пунктѣ, съ котораго видна гора Баклунда. Послѣ выставки сигнала на Гельвальдѣ, А. С. Васильевъ долженъ былъ отработать этотъ пунктъ и затѣмъ идти на Сванбергъ доканчивать наблюденія 1900 года. На «Ледоколѣ», для драгировки въ заливѣ Жиневры, ушелъ и М. Н. Михайловскій.

Изъ-за непогодъ только 2-го іюля удалось высадить партію Кондратьева на вершину Уолесъ-Хеда для наблюденій на сигналы Агардъ и Зигеля.

Уже прошло три недѣли со времени высадки Клементьева въ бухтѣ Агарда и ухода Зигеля къ мысу Ли, и судьба обоихъ начинала меня безпокоить. По-

*

этому я ушелъ на сѣверъ къ Агарду, гдѣ, согласно условію, мы встрѣтили «Ледоколъ». Послѣдній былъ отправленъ къ мысу Ли, «Баканъ» же пошелъ вдоль западнаго береги Стурфіорда, такъ какъ по найденной запискѣ Клементьева его надо было искать къ сѣверу отъ Агарда. Найти Клементьева намъ удалось на слѣдующій день къ сѣверу отъ бухты Мона, рекомендованной Норденшельдомъ, какъ хорошая стоянка для судовъ. Въ настоящее время картина этой бухты совершенно измѣнилась. Ледникъ Гейесъ, около сорока лѣтъ тому назадъ доходившій лишь до восточнаго берега бухты, въ настоящее почти совершенно ее выполнилъ, уйдя въ море верстъ на 5, въ видѣ длиннаго языка, по обѣ стороны котораго остались лишь узкія полоски воды. Поверхность этого ледника поражаетъ своей изломанностью и съ вершины горы кажется форменной ледяной щеткой. Очевидно, ледникъ этотъ и въ настоящее время сильно наступаетъ и благодаря изломанности сильно «телится», давая массу огромныхъ и живописныхъ айсберговъ, по обилію которыхъ впослѣдствіи, даже и и въ густомъ туманѣ, мы легко узнавали приближеніе къ этому леднику. Замѣчу кстати, что разрѣзы возвышенностей къ сѣверу отъ бухты Мона представляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ пунктовъ налеганія богато палеонтологически охарактеризованныхъ юрскихъ слоевъ на тріасъ.

А. В. Клементьевымъ была уже закончена съемка до ледника Негри; поэтому партію его забрали на «Баканъ» съ тѣмъ, чтобы высадить на мысѣ Недоразумѣнія, откуда предполагалось начать съемку залива Жиневры.

10-го іюля удалось снять Ахматова съ горы Зигеля и Емельянова съ Уолесъ-поэнта. Въ тотъ же день мы перешли въ Уолесъ-бай и высадили тутъ Емельянова, которому была поручена съемка окрестностей Уолесъ-Хеда, а затѣмъ двинулись къ Агарду, у сигнала котораго долженъ былъ начать наблюденія В. В. Ахматовъ. Плато Агарда принадлежитъ къ наиболѣе возвышеннымъ пунктамъ Стурфіорда, и во всѣхъ направленіяхъ съ него открывается широкій горизонтъ, съ амфиладой тѣснящихся одна за другой вершинъ, между которыми спускаются къ морю, на подобіе громадныхъ рѣкъ, могучіе ледники. Частая шапка тумана, окутывающая Агардъ, и обиліе сигналовъ, которые должны были быть наблюдены съ этого плато, давали поводъ считать этотъ пунктъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ въ нашей тріангуляціи и поэтому, высаживая на него Ахматова, мы полагали, что ему придется просидѣть на немъ не менѣе мѣсяца.

Встрѣтивъ въ гавани Андерсона «Ледоколъ», я узналъ, что студентъ Баклундъ вернулся со Сванберга, гдѣ поставилъ дополнительный сигналъ.

Сигналъ на Гельвальдѣ стоитъ. Васильеву, значитъ, удалось добраться до вершины этого плато. Работы А. Д. Педашенко на мысѣ Недоразумѣнія только въ послѣднее время пошли успѣшно. Несмотря на относительно небольшую абсолютную высоту, наблюденія на этомъ сигналѣ были очень затруднены метеорологическими условіями: вѣтеръ, туманъ и снѣгъ въ различной послѣдовательности почти непрерывно пестрятъ въ журналѣ Педашенко за первыя двѣ недѣли его пребыванія на мысѣ Недоразумѣнія.

Все вышесказанное было далеко отъ розовыхъ надеждъ на положеніе дѣлъ внутри Шпицбергена, и поэтому на «Ледоколѣ» я пошелъ къ леднику Негри,

гдѣ разсчитывалъ получить какія-либо свѣдѣнія о Васильевѣ и студентѣ Баклундѣ. 14-го іюля «Ледоколъ» подошелъ къ леднику и бросилъ якорь въ прекрасной бухтѣ, образованной моренымъ островомъ и выступами самого ледника. Послѣдній принадлежитъ къ числу наиболѣе любопытныхъ ледниковъ Шпицбергена, и всѣ явленія, связанныя съ материковымъ льдомъ, выражены на немъ, какъ на модели. Надо замѣтить, что ледникъ Негри достигаетъ до 30 верстъ ширины и весьма полого спускается къ морю, открывая огромный горизонтъ внутрь страны. Даже съ палубы судна видны всѣ послѣдовательные нунатаки или вершины, выступающія изъ материковаго льда. Справа виднѣются горы Верблюжьи, а затѣмъ къ западу рядъ округленныхъ нунатакъ, ведущихъ къ Сванбергу и къ горѣ Баклунда. Противъ самой стоянки «Ледокола» начинается широкая, мощно развитая морена, далеко уходящая внутрь страны по направленію къ Верблюжьей горѣ. У самаго моря морена достигаетъ ширины не менѣе 2-хъ верстъ и представляетъ рядъ характерныхъ холмовъ, среди которыхъ стекаетъ масса рѣчекъ, соединяющихся въ нѣсколько крупныхъ потоковъ, впадающихъ въ море. Здѣсь можно видѣть всѣ своеобразныя формы, получающіяся при стаиваніи льда, образованіе моренныхъ озеръ, оригинальныхъ столбовъ глины, при усыханіи распадающихся на параллелопипеды, строеніе самихъ холмовъ, ядро которыхъ состоитъ изъ льда, а оболочка толщиной не болѣе метра, изъ различной формы валуновъ и глины, и т. п. явленія, повторяющіяся на всѣхъ отмирающихъ ледникахъ. Для исторіи вѣковыхъ колебаній береговъ Шпицбергена, безъ сомнѣнія, представятъ большой интересъ наблюдавшіеся нами факты нахожденія въ матеріалѣ морены, на абсолютной высотѣ до 100 метровъ, постпліоценовыхъ морскихъ раковинъ, кусковъ довольно свѣжаго дерева и китовыхъ костей. Поверхность ледника лишена почти трещинъ, но зато изборождена цѣлой сѣтью ледниковыхъ ручьевъ, протекающихъ въ болѣе или менѣе глубокихъ желобкахъ. Вблизи вышеописанной срединной морены рѣчки спускаются рядомъ каскадовъ, исчезая въ глубокихъ ущельяхъ, уходящихъ подъ моренный покровъ. Студенту Баклунду на пути къ Гельвальду пришлось наблюдать ледниковый фонтанъ, совершенно такого же типа, какой наблюдался Норденшельдомъ въ Гренландіи. Къ сожалѣнію, густой туманъ не позволилъ его снять. Когда мнѣ пришлось быть въ этомъ пунктѣ, то фонтанъ почти исчезъ, благодаря тому, что ледниковый потокъ нашелъ себѣ новый путь подъ мореной. Способъ отдѣленія айсберговъ у такихъ ледниковъ, какъ Негри, совершенно иной, чѣмъ у изломанныхъ и наступающихъ: у первыхъ происходитъ не обрушеніе краевъ, какъ у вторыхъ, а цѣлыя поля внезапно отдѣляются отъ массы льда и затѣмъ всплываютъ на подобіе гигантскихъ столовыхъ горъ. Въ августѣ истекшаго лѣта такого рода айсберги отдѣлялись въ огромномъ количествѣ отъ ледника Негри, и на наше обычное якорное мѣсто въ Ледяной бухтѣ приходилось попадать нерѣдко лавируя между многочисленными обмелѣвшимися ледяными громадами.

На ледникѣ, у склада провизіи, мы встрѣтили А. С. Васильева и студента Баклунда. По словамъ перваго, походъ къ плато Гельвальда стоилъ гораздо

больше времени, чѣмъ мы предполагали. Идя по бóльшей части въ туманѣ, онъ добрался до сильно изломаннаго ледника съ запада отъ Гельвальда и здѣсь былъ принужденъ остановиться, такъ какъ дальнѣйшее странствованіе среди зіяющихъ трещинъ было очевиднымъ безуміемъ. Но при первой открывшейся возможности, преодолѣвая большія трудности и опасности, наши смѣльчаки въ ночь съ 9-го на 10-е іюля добрались до вершины, и пирамида была сооружена. Убѣдившись, что съ этого пункта будутъ видны всѣ сигналы, не исключая Тумбъ-поэнта въ Гинлопенѣ, Васильевъ пошелъ въ обратный путь. Въ ночь съ 14-го на 15-е іюля Васильевъ ушелъ на Сванбергъ.

19-го іюля А. П. Ганскій, закончившій наблюденія маятниковъ на мысѣ Недоразумѣнія, перешелъ на Уолесъ-Хедъ, а въ ночь съ 23-го на 24-ое іюля А. Д. Педашенко, также выполнившій задачу на томъ же мысу, былъ поднятъ со всѣмъ грузомъ къ сигналу Гельвальда.

24-го и 25-го іюля стояли штормовыя погоды, и намъ не удалось высадить Клементьева у Геджехога, гдѣ онъ долженъ былъ связать съемку Емельянова съ сѣвера со съемкой Зигеля, доведенной въ 1900 году до бухты Бетти. Это удалось сдѣлать лишь два дня спустя.

Между тѣмъ, дѣла у Кондратьева шли не блестяще. Окончивъ всѣ остальные сигналы, онъ отчаялся въ возможности видѣть сигналъ на горѣ Зигеля. Предвидя такой непріятный сюрпризъ, я уже заранѣе замѣнилъ геліографиста Томкевича, бывшаго до сихъ поръ у А. Д. Педашенко, боцманматомъ Пряхинымъ, а перваго взялъ на «Баканъ», чтобы въ случаѣ надобности, прибѣгнуть для наблюденія пирамиды Зигеля къ геліографу. П. П. Емельяновъ предложилъ отправиться съ Томкевичемъ на гору Зигеля и устроить свѣтовую сигнализацію къ Уолесъ-Хеду. Отвѣтный геліографъ былъ оставленъ Кондратьеву и Ганскому. Окончательно условившись въ подробностяхъ сигнализаціи, мы вышли 26-го іюля въ $2^1/_2$ ч. дня къ бухтѣ Бакана. Въ $8^1/_4$ час. вечера Баканъ стоялъ уже на якорѣ, а въ 11 ч. вечера Емельяновъ и его спутники были на вершинѣ горы Зигеля. Черезъ полчаса былъ посланъ первый сигналъ на Уолесъ-Хедъ и отъ Кондратьева послѣдовалъ отвѣтъ: «ясно вижу». Дѣло съ этимъ сигналомъ было устроено и нѣсколько часовъ солнечной погоды было достаточно для окончанія работъ на Уолесъ-Хедѣ. Какъ потомъ оказалось, несмотря на 65 километровъ, отдѣляющихъ оба пункта, свѣтовой сигналъ съ горы Зигеля былъ виденъ Кондратьеву очень отчетливо и въ трубу наблюдался въ видѣ звѣздочки, не уступающей по яркости полярной звѣздѣ.

30-го іюля былъ снятъ съ Агарда Ахматовъ, а 1-го августа закончены были наблюденія Кондратьева и Ганскаго на Уолесъ-Хедѣ. Съ высадкой Кондратьева на мысъ Ли можно было считать, что судьба всѣхъ прибрежныхъ пунктовъ тріангуляціонной сѣти обезпечена. Единственно о работахъ Васильева внутри Шпицбергена не было никакихъ извѣстій.

Мы должны были выполнить послѣдній пунктъ нашей программы—попытаться пройти въ Гинлопенъ и отнаблюдать Тумбъ-поэнтъ. Въ составъ партіи, шедшей на Тумбъ-поэнтъ, вошли Ахматовъ и Ганскій. Сопровождать ихъ отправился и я. Только на «Ледоколѣ» могли мы пробиться сквозь густой ледъ къ этому пункту утромъ 5-го августа. На условномъ мѣстѣ на островѣ Іедерина,

окаймленомъ толстымъ, но изъѣденнымъ водой припойнымъ льдомъ, мы нашли записку де-Гера, въ которой сообщалось, что шведы 11-го іюля высадили астронома Цейпеля на Тумбъ-поэнтъ и сами ушли къ Черной горѣ. Такимъ образомъ, условіе наше о занятіи шведами, по возможности, сѣверныхъ пунктовъ было нарушено, и шведы заняли Тумбъ-поэнтъ, даже не сдѣлавъ попытки добраться до этихъ пунктовъ. Очевидно было также, что на Черной горѣ, пунктѣ, болѣе легкомъ, наблюденія закончены. Намъ не оставалось иного исхода, какъ идти обратно на соединеніе съ Баканомъ, ожидавшимъ насъ въ Тимень-стритѣ. Я послалъ «Ледоколъ» къ леднику Негри за вѣстями о Васильевѣ, а самъ пошелъ къ леднику Инглефейльда, къ сѣверу отъ бухты Уолесъ, чтобы высадить тутъ Емельянова, которому предстояло связать своею съемку со съемкой Клементьева къ югу отъ бухты Агарда.

У бухты Мона мы сошлись съ Ледоколомъ, снявшимъ съ ледника Негри М. М. Зигеля, закончившаго работы около Сванберга и привезшаго письмо Васильева весьма неутѣшительнаго содержанія. Пробывъ на Сванбергѣ съ 18-го по 28-ое іюля, Васильевъ не могъ почти ничего сдѣлать изъ-за плохихъ погодъ и состоянія атмосферы. Изображенія сигналовъ, по его словамъ, невозможно плохи. Весь горизонтъ затянутъ маревомъ. Васильевъ убѣдился также что съ горы Баклунда сигналъ Агардъ не можетъ быть видимъ, и что за сигналъ на горѣ Баклунда принята была одна изъ остроконечныхъ вершинъ на гребнѣ этой горы. Обстоятельства наблюденій и на горѣ Баклунда остаются неблагопріятны, поэтому, при желаніи навѣрняка окончить работы внутри Шпицбергена, необходимо послать кого либо изъ освободившихся астрономовъ для наблюденія сигналовъ на Сванбергѣ.

Порѣшивъ, что на Сванбергъ отправится В. В. Ахматовъ, мы забрали изъ гавани Андерсона всѣхъ собакъ, остававшихся тамъ на излеченіи, и затѣмъ пошли къ леднику Негри. 9-го августа Ахматовъ, имѣя въ упряжкѣ 20 наименѣе пострадавшихъ собакъ, двинулся къ Сванбергу. Чтобы облегчить наведеніе на пирамиду мыса Недоразумѣнія, проектирующуюся при наблюденіяхъ какъ со Сванберга, такъ и съ горы Баклунда на темный фонъ діабазовъ, я высадилъ у этой пирамиды студента Баклунда и геліографиста Томкевича для посылки свѣтовыхъ сигналовъ на означенные пункты внутри Шпицбергена, а также поручилъ имъ перекрасить пирамиду въ розовый цвѣтъ.

Оставалось высадить Ганскаго съ маятниками на плато Гельвальда. 10-го августа вечеромъ весь грузъ былъ положенъ на двое саней, который тянули 16 матросовъ съ Бакана. Уже на высотѣ 150 метровъ мы попали въ густой туманъ, и лишь у вершины плато тучи стали проноситься. Открылась чудная картина восходящаго солнца, окруженнаго краснымъ и зеленымъ ореоломъ. Съ восходомъ солнца картина горъ оживилась, и на самомъ плато, у сигнала, можно было любоваться отчетливо выступавшими вершинами цѣпи Хиденіуса, горъ Чернышева, Баклунда и Сванберга, возвышавшимися надъ молочными клубами тумана, скрывавшаго всю поверхность материковаго льда. Въ ясную погоду картина, открывающаяся съ вершины Гельвальда, еще болѣе величественна: на сѣверъ взоръ теряется среди обширнаго покрова льда, саваномъ окутавшаго весь Шпицбергенъ, и среди многочисленныхъ отдѣльныхъ вершинъ, выступаю-

щихъ на ослѣпительно бѣлой поверхности; а съ юга—передъ глазами вся панорама залива Жиневры и островов Гелисъ-Зунда, за которыми разстилается безпредѣльная даль океана, уходящаго къ землѣ Короля Карла. Работы Педашенко приходили къ концу. Единственное затрудненіе представляла пирамида на горѣ Чернышева, которую трудно было разсмотрѣть въ трубу инструмента Траутона. Палатка Васильева на горѣ Баклунда была видна. Въ 7 часовъ утра я и докторъ Волковичъ вернулись на Баканъ. Теперь нужно было только часовъ восемь ясныхъ, чтобы на всѣхъ занятыхъ пунктахъ были окончены наблюденія.

Съ 12-го числа начались утренніе морозы, а съ ними появились замѣчательная прозрачность и покой воздуха. Надежды на окончаніе работъ стали все болѣе обрисовываться. Съ 14-го августа начали постепенно снимать съ береговъ партіи топографовъ, закончившихъ съемки.

20-го августа на «Ледоколѣ» я отправился къ мысу Ли за М. М. Зигелемъ, снявшимъ весь Тименъ-стритъ, а затѣмъ пошелъ въ заливъ Жиневры къ леднику Негри. Задержанные туманомъ, мы только 21-го утромъ вошли въ Ледяную бухту, и тутъ насъ ждалъ болѣе чѣмъ радостный сюрпризъ. На складѣ стояли палатки Васильева и Ахматова. Первый пришелъ къ складу уже 18-го числа, а второй—19-го. Всѣ работы внутри Шпицбергена окончены. На горѣ Чернышева заложены въ мѣдной коробкѣ максимумъ и минимумъ термометръ и водруженъ сдѣланный на Баканѣ изъ желѣза русскій національный флагъ. Къ 11 часамъ утра того же дня все со склада было перевезено на «Ледоколъ», а въ $3^1/_2$ часа пополудни мы уже стояли на якорѣ около Гельвальда. Васильевъ съ двумя рабочими немедленно отправились на вершину плато, захвативъ съ собою сильную трубу для розысканія пирамиды на горѣ Чернышева, если ее до сихъ поръ не удалось пронаблюдать А. Д. Педашенко. Ночью прибылъ Ганскій съ извѣстіемъ, что искомая пирамида усмотрѣна, и что къ сигналу надо отправить приборъ Бамберга при 16-ти рабочихъ, которые утромъ могутъ спустить съ плато всѣ грузы.

Въ 12 часовъ дня 22-го августа вернулись Васильевъ и Педашенко. Пирамиду Чернышева удалось пронаблюдать. Тріангуляція фактически была окончена!

У ледника Негри въ Ледяной бухтѣ мы встрѣтились съ Баканомъ.

Въ ту же ночь 22 го августа «Баканъ» и «Ледоколъ» разошлись, назначивъ встрѣчу либо въ бухтѣ Бетти, либо въ Горнзундѣ. Ледоколъ пошелъ къ Уолесъ-поэту, для высадки Ахматова, Ганскаго, Емельянова и Клементьева, которымъ поручено было сдѣлать еще разъ опредѣленіе разстоянія между главной и вспомогательной пирамидой на Уолесъ-поэнтѣ, я же съ М. М Зигелемъ предполагали высадиться у Зюдъ-Капа, гдѣ я хотѣлъ сдѣлать дополнительныя геологическія изслѣдованія этой въ высшей степени интересной части Шпицбергена. Къ сожалѣнію, штилевыя погоды, бывшія до сихъ поръ, смѣнились штормами, и намъ до 25-го августа пришлось отстаиваться въ бухтѣ Бетти при вѣтрѣ, порывы котораго доходили до 10 балловъ. Высадиться у Зюдъ-Капа при этихъ условіяхъ было немыслимо; поэтому вмѣстѣ съ пришедшимъ къ намъ «Ледоколомъ» мы пошли въ Горнзундъ. По пути намъ досталась поря-

дочная трепка и только 26-го августа мы пришли къ нашей зимовкѣ. Все въ ней мы нашли въ порядкѣ. Очевидно, никто не пользовался оставленными въ дому запасами. По нашемъ приходѣ настала чудная погода: ни одно облачко не затуманивало живописныхъ альпійскихъ вершинъ, окружающихъ Горнзундъ, и онъ еще разъ оправдалъ репутацію самаго величественнаго и красиваго фіорда Шпицбергена. Ахматовъ и Ганскій произвели наблюденія маятниковъ. 28-го августа утромъ мы вышли изъ Горнзунда. По пути мы встрѣтили сильную зыбь и туманъ. «Ледоколъ» прошелъ прямо въ Тромзö, «Баканъ» же, снесенный нѣсколько къ сѣверо-востоку, направился въ Гаммерфестъ.

31-го августа мы пришли въ Тромзö, а на слѣдующее утро туда уже прибыло судно шведской экспедиціи «Антарктикъ» шедшее уже къ югу въ то время, когда мы еще направлялись въ Горнзундъ. Шведами окончены всѣ сигналы въ Гинлопенѣ до горы Цельзіуса, но три сѣверныхъ трехугольника остались недодѣланными. Въ общемъ работами шведской и русской экспедиціи окончено измѣреніе дуги въ $3^1/_2{}^0$, изъ которыхъ на долю русскихъ работъ приходится дуга около $2^1/_2{}^0$. Принимая во вниманіе исключительныя условія производства градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ, успѣхъ этой работы лучше всего можно оцѣнить, если сопоставить время, затраченное русской экспедиціей на Шпицбергенѣ, при измѣреніи дуги въ $2^1/_2{}^0$, съ тѣми сроками, въ которые закончены отдѣльныя части дуги при скандинаво-русскомъ измѣреніи. Если взять только тѣ части дуги, которыя были измѣрены наиболѣе быстро, то и тутъ получимъ, что подольско-волынская дуга въ 5°8′ потребовала пяти лѣтъ работы, лапландская въ 3°4′—7 лѣтъ и финляндская въ 1°56′—5 лѣтъ.

Въ настоящее время идетъ дѣятельная обработка научныхъ матеріаловъ, собранныхъ экспедиціей, и, надо думать, потребуется не одинъ годъ упорнаго труда прежде, чѣмъ будутъ опубликованы всѣ результаты наблюденій и сборовъ экспедиціи. Безспорно, единственный въ своемъ родѣ матеріалъ составятъ топографическія съемки восточнаго Шпицбергена, исполненныя въ масштабѣ 2-хъ верстъ въ дюймѣ и съ горизонталями черезъ 10 саженъ. На такомъ обширномъ пространствѣ и подобныхъ съемокъ въ полярныхъ странахъ до сихъ поръ никогда не производилось. Съемки эти послужатъ драгоцѣннымъ матеріаломъ при изученіи особенностей материковаго льда и его движенія, а также для рѣшенія вопроса объ общемъ увеличеніи или уменьшеніи ледяного покрова Шпицбергена.

Въ заключеніе небольшая справка изъ исторіи полярныхъ изслѣдованій. 135 лѣтъ тому назадъ окончилась неудачная экспедиція Чичагова, посѣтившаго, между прочимъ, западный Шпицбергенъ, и съ тѣхъ поръ до средины прошлаго столѣтія только русскіе поморы были посѣтителями суровыхъ береговъ Груманда, на которыхъ основали цѣлый рядъ временныхъ зимовьевъ—поселеній, опоясывающихъ весь Шпицбергенъ по западную и восточную сторону. Остатки разрушившихся избъ и рядъ могилъ остались единственными памятниками предпріимчивости русскаго человѣка. За это время изъ другихъ странъ, по преимуществу изъ Скандинавіи, на ряду съ промышленниками, пришли и научные изслѣдователи, добывшіе богатую жатву на болѣе доступныхъ частяхъ Шпицбергена. Организовавъ экспедицію 1899—1901 года,

Россія внесла крупную лепту въ общую сокровищницу полярныхъ изслѣдованій и выполнила значительный пробѣлъ въ познаніи этихъ островов, а тотъ смѣльчакъ, который дойдетъ до русскаго флага, развивающагося на одной изъ высшихъ точекъ внутри Шпицбергена, лучше всего оцѣнитъ трудности, которыя преодолѣла русская экспедиція.

Акад. Ѳ. Чернышевъ.

---

† Андрей Николаевичъ Бекетовъ.

Русскую науку и русское общество постигла тяжелая утрата: 1-го іюля въ имѣніи Шахматово, Московской губ., скончался заслуженный профессоръ петербургскаго университета, извѣстный ботаникъ Андрей Николаевичъ *Бекетовъ*. Покойный происходилъ изъ старой дворянской семьи и родился въ с. Алферьевкѣ Пензенской губ. 26-го ноября 1825 г.; среднее образованіе получилъ въ 1-ой Спб. гимназіи; по окончаніи ея, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, на факультетъ восточныхъ языковъ, но со 2-го курса вышелъ и въ 1842 г. опредѣлился юнкеромъ въ л. гв. егерскій полкъ. Впрочемъ, увлеченіе военной службой было непродолжительно и вскорѣ уже мы видимъ Андрея Николаевича вольнослушателемъ на естественномъ факультетѣ казанскаго университета, тогда славившагося своими научными силами. Въ 1849 г., по окончаніи университета, А. Н. Бекетовъ уѣзжаетъ въ Тифлисъ, гдѣ беретъ мѣсто учителя естественныхъ наукъ въ гимназіи; педагогическая дѣятельность не помѣшала чисто научнымъ занятіямъ: въ 1853 г., въ петербургскомъ университетѣ Бекетовъ защищаетъ диссертацію на степень магистра: «Очеркъ тифлисской флоры, съ описаніемъ лютиковыхъ, ей принадлежащихъ», а въ 1858 г. московскій университетъ удостоиваетъ его степени доктора ботаники за работу: «О морфологическихъ отношеніяхъ листовыхъ частей между собою и стеблемъ». Эти научные труды быстро выдвинули молодого ботаника и въ 1859 г. его приглашаютъ занять каѳедру ботаники въ харьковскомъ университетѣ, а черезъ два года онъ переходитъ на ту же каѳедру въ петербургскій университетъ; съ этимъ послѣднимъ была связана вся дальнѣйшая дѣятельность Андрея Николаевича. То было время, когда на университетъ не смотрѣли, какъ на зданіе, въ которомъ выдаютъ дипломы, жалованье и чины, Университетъ былъ или, по крайней мѣрѣ, стремился быть духовнымъ орденомъ, гдѣ всякій членъ работаетъ подъ общимъ знаменемъ науки и просвѣщенія. Съ университетомъ сживались и сливались.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей такого отношенія къ университету былъ покойный ученый. Вся жизнь его въ теченіе 35-ти слишкомъ лѣтъ была посвящена петербургскому университету. Работы было много и работы самой разнообразной. Нужно было еще создавать русскую университетскую науку: не было еще университетскихъ курсовъ, не было и благоустроенныхъ лабораторій и кабинетовъ; нужно было создавать и отношенія между профессорами и студентами и бороться и отстаивать созданное съ такимъ трудомъ. Во всемъ этомъ самое дѣятельное участіе принималъ Андрей Николаевичъ. Уже въ 1862 г. появляется 1-й томъ его капитальнаго и въ то время единствен-

наго по полнотѣ и тщательной обработкѣ труда, озаглавленнаго «Курсъ ботаники для университетскихъ слушателей»; 2-я часть этого курса вышла въ 1871 г. Также не мало энергіи и труда пришлось потратить покойному ученому при устройствѣ университетскаго ботаническаго сада и при расширеніи гербарія; много времени отдавалъ онъ своимъ ближайшимъ ученикамъ—спеціалистамъ ботаникамъ и воспиталъ цѣлую плеяду «молодыхъ ботаниковъ», изъ которыхъ теперь многіе уже сдѣлались извѣстными учеными и профессорами. Общая внутренняя жизнь университета брала тоже много силъ: въ 70-е годы Андрей Николаевичъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета, а затѣмъ около 7 лѣтъ (1876—1883) несъ тяготы ректорской должности. Сколько нужно было энергіи, такта, а главное беззавѣтной любви къ alma mater и къ молодежи, чтобы въ теченіе 7 лѣтъ въ то острое время простоять на этомъ опасномъ посту и не оставить въ памяти студентовъ ни одного темнаго пятнышка, ничего, кромѣ уваженія и любви! Домъ его всегда былъ открытъ для молодежи, тамъ въ тяжелую минуту каждый искалъ совѣта и помощи.

Удивительно, какъ при такой кипучей дѣятельности въ университетѣ у Андрея Николаевича оставалось еще время и на многое другое. Онъ принималъ горячее участіе въ организаціи высшихъ женскихъ курсовъ и былъ тамъ не только профессоромъ, но и предсѣдателемъ комитета для доставленія средствъ курсамъ, былъ также однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ съѣздовъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ вольно-экономическаго общества, гдѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ состоялъ секретаремъ и редакторомъ трудовъ Общества.

Какъ всѣ большіе люди 60-хъ годовъ Андрей Николаевичъ понималъ, что постановка и организація высшаго образованія въ Россіи неразрывно связаны съ просвѣщеніемъ массъ, что это послѣднее заслуживаетъ вниманія и само по себѣ, и потому нашъ маститый ученый не мало своего времени отдавалъ и популяризаціи естествознанія. Такъ, появились слѣдующія его книги и статьи: «О землѣ и тваряхъ на ней живущихъ», «Бесѣды о звѣряхъ», «Ботаническіе очерки», «Изъ жизни природы и людей», «О питаніи человѣка въ настоящемъ и будущемъ», «Главнѣйшіе съѣдобные и вредные грибы» и нѣкоторыя другія. Многія изъ этихъ книгъ имѣли крупный успѣхъ и разошлись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Кромѣ того, Андрей Николаевичъ перевелъ самъ или былъ редакторомъ многочисленныхъ и крупныхъ сочиненій западно-европейской научной литературы (Шлейдена, Гексли, Росмесслера, Гризебаха и другихъ).

Эта разносторонняя и плодотворная дѣятельность говоритъ намъ, что въ лицѣ покойнаго ученаго мы потеряли рѣдкаго, особенно у насъ въ Россіи человѣка, трудившагося и въ сферѣ научной мысли и на поприщѣ общественной жизни и не утерявшаго при этомъ сердечной и дѣятельной доброты.

Въ этомъ краткомъ некрологѣ мы не пытались, конечно, дать полной характеристики обаятельной личности покойнаго, надѣемся, что это сдѣлаютъ люди, болѣе близко знавшіе Андрея Николаевича.

В. Аг.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Нѣкоторыя условія химическаго взаимодѣйствія. — «Красное море».—Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ змѣй.—† Фай.

Нѣкоторыя условія химическаго взаимодѣйствія. Извѣстно, что многія вещества реагируютъ другъ на друга только въ присутствіи нѣкотораго количества воды; если же эти вещества абсолютно сухи, то реакціи не происходитъ. Такъ напр., можно перегонять фосфоръ въ атмосферѣ кислорода, если то и другое вещество не содержатъ и слѣдовъ воды. До сихъ поръ указывали только на одно исключеніе; утверждали, что кислородъ и водородъ, даже абсолютно сухіе, все же соединяются другъ съ другомъ и образуютъ воду. Недавно этимъ вопросомъ занялся *В. Баксъ*. Прежде всего онъ поставилъ себѣ задачу—получить совершенно чистые кислородъ и водородъ. Послѣ разныхъ опытовъ авторъ избралъ для этой цѣли электролитическое разложеніе чистаго ѣдкаго барита. Получивъ совершенно чистые кислородъ и водородъ и высушивъ ихъ совершеннѣйшимъ образомъ (въ теченіе 10 дней надъ фосфорнымъ ангидридомъ), онъ заключилъ ихъ въ соотвѣтственномъ количествѣ въ запаянныя трубки и подвергъ дѣйствію высокой температуры въ 600°; при обычныхъ условіяхъ полученія водорода и кислорода такой температуры совершенно достаточно, чтобы произошла бурная реакція и газы эти съ взрывомъ соединялись, образуя воду. Въ трубкахъ, въ которыхъ были заключены водородъ и кислородъ, подвергавшіеся высушиванію всего въ теченіи 2-хъ дней, реакція образованія воды шла, но медленно и постепенно, безъ взрыва. Если же въ трубкахъ находились газы, не подвергавшіеся подобному высушиванію, то происходила обычная реакція со взрывомъ.

Авторъ утверждаетъ, что абсолютно сухіе водородъ и кислородъ не соединяются даже при дѣйствіи температуры въ 1.000° Ц., въ чемъ онъ удостовѣрился, нагрѣвая въ такихъ трубкахъ, при помощи электрическаго тока, серебряную проволоку до температуры ея плавленія, т.-е. до 1.000° Ц. Но если вмѣсто серебряной проволоки взять при этихъ же условіяхъ платиновую, то реакція происходитъ съ сильнымъ взрывомъ; авторъ приписываетъ это каталитическому дѣйствію самой платины.

«Красное море». Б. Торрей описываетъ въ «American Naturalist» интересное явленіе «краснаго моря», наблюдавшееся прошлымъ лѣтомъ на берегу Калифорніи у порта Санъ-Педро. 7-го іюля на поверхности воды у входа въ этотъ портъ, было замѣчено удлиненное пятно краснаго цвѣта. Въ теченіе слѣдующихъ дней пятно это постепенно приближалось къ берегу, измѣняя форму и дробясь на болѣе мелкія пятна, изъ которыхъ каждое занимало поверхность въ нѣсколько десятинъ. 16-го іюля «красное море» достигало берега. Оказалось, что красный цвѣтъ воды днемъ и сильная фосфоресценція ночью происходили отъ того, что вода въ данномъ мѣстѣ была переполнена особыми жгу-

тиковыми инфузоріями—перидиніями, по мнѣнію г. Торрея, вѣроятно, изъ рода *Gonyolax*. По прошествіи 4-хъ дней, 20-го іюля, съ моря, все еще краснаго, пошелъ крайне непріятный запахъ, 21-го онъ сталъ невыносимымъ и ночью на берегъ было выброшено большое количество различныхъ мертвыхъ морскихъ животныхъ — голотурій, скатовъ, рыбъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ запахъ исчезъ, хотя прибрежная полоса воды оставалась еще красной и на берегъ все еще порой выкидывало мертвыхъ животныхъ.

Эта усиленная смертность морскихъ животныхъ была вызвана смертностью передиНій. Но что было причиной послѣдней? Вѣроятно нагрѣваніе воды вдоль берега и недостатокъ кислорода. Перидиніи погибали, главнымъ образомъ, вдоль берега. «Красное море» тянулось, по крайней мѣрѣ, на 320 километровъ вдоль берега, и ширина этой полосы воды, переполненной перидиніями, достигала многихъ километровъ. Только въ концѣ іюля исчезли перидиніи, вѣроятно, истребленныя ноктилуками. Откуда появились въ такомъ громадномъ количествѣ перидиніи? Опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ затруднительно. Очень можетъ быть, что морское теченіе вынесло ихъ на поверхность изъ болѣе глубокихъ слоевъ моря.

Многолѣтнее голоданіе нѣкоторыхъ змѣй. Въ неволѣ многія змѣи одного и того же вида продолжаютъ принимать пищу, тогда какъ другія съ упорствомъ отказываются отъ нея и по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени околѣваютъ. Подобные факты давно уже наблюдались въ звѣринцѣ пресмыкающихся парижскаго музея естественныхъ наукъ. Такъ, Огюстъ Дюмериль разсказываетъ объ одной гремучей змѣѣ (Crotalus durissus L.), которая начала ѣсть только послѣ 26-ти мѣсячнаго поста, другой наблюдатель упоминаетъ объ одномъ пифонѣ (Pyhon Sebac D. B.), постившемся въ теченіи 28 мѣсяцевъ. *Пеллегрэнъ* сообщалъ о смерти двухъ змѣй отъ истощенія послѣ голоданія, продолжавшагося въ одномъ случаѣ три, а въ другомъ четыре года. Недавно этотъ же ученый докладывалъ парижскому зоологическому обществу о пифонѣ, околѣвшемъ послѣ $2^1/_2$ лѣтъ полнаго голоданія. Въ данномъ случаѣ поразителенъ не этотъ срокъ (какъ мы видѣли, наблюдались случаи и болѣе поразительные въ этомъ отношеніи), а громадная потеря въ вѣсѣ животнаго (около $^2/_3$ первоначальнаго вѣса).

Давно уже женевскій ученый Шосса производилъ опыты, главнымъ образомъ надъ теплокровными животными, и показалъ, что смерть, независимо отъ другихъ причинъ, наступала, когда животное теряло отъ 40% до 50% первоначальнаго своего вѣса. Пеллегрэнъ пришелъ къ подобнымъ же результатамъ, производя опыты надъ ужами. Онъ нашелъ, что индивидуумы, которые были лишены не только твердой пищи, но и воды, умирали, когда потеря въ вѣсѣ достигала 38% первоначальнаго вѣса, индивидуумы же, лишенные только твердой пищи, жили втрое дольше, и смерть наступала у нихъ только тогда, когда потеря въ вѣсѣ достигала 43% первоначальнаго вѣса. Мы видимъ, что упомянутый выше случай съ пифономъ является въ данномъ отношеніи исключительнымъ.

17-го ноября 1899 г. въ парижскій музей естественныхъ наукъ посту-

пилъ великолѣпный экземпляръ пифона изъ Японіи (Python reticulatus Schneid.); онъ имѣлъ въ длину 6,45 метра, обладалъ виликолѣпной окраской и отличался необыкновенной живостью движеній. Ему была предложена самая разнообразная добыча: барашки, зайцы, гуси, утки, куры, но онъ не пожиралъ ничего. Случалось, что онъ душилъ въ своихъ кольцахъ одно изъ этихъ животныхъ, но оставлялъ трупъ нетронутымъ; время отъ времени онъ купался въ бассейнѣ, имѣвшемся въ его клѣткѣ. По мѣрѣ голоданія пифонъ все болѣе и болѣе уменьшался въ объемѣ; его вначалѣ блестящая окраска стала тусклой и сѣрой. Къ началу 1902 года онъ такъ похудѣлъ, что буквально представлялъ скелетъ, обтянутый кожей; вялый и инертный онъ лежалъ безъ движенія, свернувшись въ клубокъ въ углу своей клѣтки. Дѣлались попытки питать этого пифона искусственно, но было уже поздно. Тѣло животнаго покрылось язвами, постепенно отпадали куски гангренозной кожи, и отъ него шелъ невыносимый запахъ. Такимъ образомъ частичная смерть предшествовала общей, которая наступила 20-го апрѣля 1902 г., т.-е. послѣ 2-хъ лѣтъ, 5-ти мѣсяцевъ и 3-хъ дней голоданія. Пифонъ, вѣсившій при поступленіи въ звѣринецъ 75 кило, теперь вѣсилъ только 27 кило; во время голоданія онъ потерялъ, слѣдовательно, 48 кило, почти $^2/_3$ первоначальнаго своего вѣса.

Эти случаи сознательнаго голоданія животныхъ имѣютъ, по нашему мнѣнію, большое значеніе не только для общей физіологіи, но и для сравнительной психологіи.

---

† Фай. 4 іюля с. г. въ Парижѣ на 88-мъ году жизни скончался знаменитый астрономъ Фай. Съ Фаемъ сошелъ въ могилу послѣдній изъ учениковъ школы Араго. Фай занимался не только астрономіей, но и геодезіей и метеорологіей. Сначала онъ былъ адъюнктомъ парижской обсерваторіи, затѣмъ членомъ и президентомъ совѣта ея, одновременно читалъ лекціи по астрономіи въ политехнической школѣ, а въ 1847 г. былъ избранъ членомъ парижской академіи наукъ. Кромѣ того, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ Фай былъ президентомъ «Bureau des Longitudes» и въ блестящемъ возрожденіи въ 60-е годы французской геодезіи покойный ученый занималъ видное мѣсто, но, конечно, главныя работы его были въ области астрономіи, причемъ работы эти носили чрезвычайно разносторонній характеръ, то касаясь тонкостей астрономическихъ, измѣреній, то захватывая такія широкія темы, какъ строеніе солнца и система міровъ.

Въ 1843 г. Фай открылъ періодическую комету, носящую нынѣ его имя. Открытіе это и интересныя формы кометныхъ хвостовъ натолкнули его на цѣлый рядъ новыхъ соображеній. Фай начинаетъ развивать, мысль, что на ряду съ ньютоновской силой притяженія необходимо еще признать существованіе отталкивательной силы, испускаемой поверхностью свѣтящихся тѣлъ и по отношенію къ разрѣженной матеріи могущей оказаться сильнѣе силы тяготѣнія. Эта мысль вызвала цѣлый потокъ работъ, какъ чисто математическихъ, такъ и опытныхъ. Читатели «Міра Божьяго» знаютъ, что въ самое послѣднее время прямое измѣреніе этой силы свѣтовой энергіи далъ нашъ соотечественникъ проф. Лебедевъ. Такимъ образомъ, гипотеза Фая получила фактическое обо-

снованіе. Размышляя объ источникѣ этой отталкивательной силы, Фай былъ приведенъ къ разсмотрѣнію строенія солнца. Въ это время преобладающее большинство ученыхъ предполагало, что вся свѣтовая и тепловая энергія солнца сосредоточена въ его тонкой оболочкѣ. Солнечныя пятна разсматривались, какъ случайные разрывы этой оболочки, открывавшіе темное ядро. Фай приходитъ къ совершенно противоположному взгляду. По его мнѣнію солнце, если не все цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, на большую глубину, газообразно. Сильные токи возбуждаютъ солнечную массу и заставляютъ ее всю цѣликомъ принимать участіе въ лучеиспусканіи. Солнечныя пятна—это вихри, происшедшіе отъ встрѣчи двухъ слоевъ фотосферы, владѣющихъ различными скоростями; такой вихрь втягиваетъ въ себя сверху болѣе холодные газы, которые и стремятся внизъ образовавшейся такимъ образомъ воронки. Спектральныя изслѣдованія подтверждаютъ такое объясненіе природы солнечныхъ пятенъ. Гипотеза знаменитаго французскаго астронома о происхожденіи міровъ можетъ быть выражена въ слѣдующихъ краткихъ словахъ. Онъ исходитъ изъ существованія темной и холодной туманности; вслѣдствіе взаимнаго притяженія частицъ, туманность эта начинаетъ сжиматься, матерія нагрѣвается, появляется слабый свѣтъ; по различнымъ направленіямъ въ этой туманности носятся «потоки» матеріи, иногда эти потоки сталкиваются и образуютъ благодаря этому спиральныя туманности, а затѣмъ и различныя звѣздныя системы. Планетныя системы, по мнѣнію Фая, рѣдкое исключеніе. Какъ извѣстно, по этой гипотезѣ земля и внутреннія планеты старше солнца, но послѣднее старше Урана и Нептуна, чѣмъ и объясняется обратное вращеніе послѣднихъ. Изслѣдованіе этихъ міровыхъ проблемъ натолкнуло Фая на разсмотрѣніе аналогичныхъ явленій, происходящихъ на земномъ шарѣ и отъ изученія небесныхъ вихрей пытливый умъ переходитъ къ земнымъ—къ циклонамъ. И здѣсь, благодаря анализу большого числа наблюденій, Фаю удалось выяснить нѣкоторыя законности этихъ явленій. Но неба и воздуха было мало спекулятивному уму знаменитаго астронома и онъ обращаетъ свое вниманіе на самый земной шаръ. Чѣмъ объяснить аномаліи, наблюдаемыя при измѣреніяхъ тяжести, болѣе сильное притяженіе, обыкновенно наблюдаемое на берегахъ морей и на островахъ, и относительное ослабленіе его вблизи горъ? Такимъ анализомъ Фай доказываетъ, что объясненіе можно найти, предположивъ неодинаковую скорость отвердѣванія земной коры въ частяхъ, занятыхъ океаномъ, и въ частяхъ материковыхъ.

Въ заключеніе нужно прибавить, что всѣ эти разнообразныя работы Фая были изложены всегда увлекательно и блестяще.

Внѣшняя жизнь покойнаго, какъ и большинства современныхъ ученыхъ, не блистала событіями, или, лучше сказать, «событія» были связаны съ наукой. Всѣ друзья и коллеги покойнаго считали необходимымъ отмѣтить удивительно счастливую семейную жизнь Фая. Съ женой, пережившей его, онъ прожилъ 50 лѣтъ, она была «идеаломъ» жены ученаго и «освобождала» его отъ всѣхъ мелочей жизни, которыя могли бы потревожить олимпійски-дѣтское спокойствіе жреца науки. Исторія и общественная жизнь, вѣроятно, также спокойно шли мимо.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Августъ 1902 г.

Содержаніе: Критика и исторія литературы и искусствъ.—Исторія всеобщая и русская.—Соціологія.—Политическая экономія.—Философія.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Н. И. Новиковъ. «Трутень»; «Живописецъ»; «Кошелекъ».—«Жизнь П. И. Чайковскаго.

Н. И. Новиковъ. «Трутень»; «Живописецъ»; «Кошелекъ». Спб. Изд. А. С. Суворина. Заканчивая первый годъ изданія «Трутня», Новиковъ вполнѣ искренно писалъ: «Притчи г. Сумарокова какъ нынѣ безпримѣрны, такъ и у потомковъ нашихъ останутся неподражаемыми; а «Трутень» и прочія подобныя же ему бездѣлки нынѣ есть и впредь останутся бездѣлками-жъ». Но «потомки» отнеслись къ притчамъ Сумарокова и сатирическимъ журналамъ Новикова совершенно иначе. Притчи русскаго Лафонтена, Виргилія, Расина и Вольтера, какъ называлъ Сумарокова Новиковъ, давно забыты, а такія «бездѣлки», какъ «Трутень» и «Живописецъ», выдержали не одно изданіе еще при жизни ихъ издателя, были перепечатаны въ полномъ видѣ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ и, наконецъ, въ началѣ XX вѣка появились въ дешевомъ изданіи, предназначенномъ для самаго широкаго распространенія. «Живописецъ», напримѣръ, съ 1772 до 1864 года выдержалъ семь изданій, причемъ въ нѣкоторыя изъ этихъ изданій вошли лучшія статьи «Трутня», отдѣльно выдержавшаго три изданія. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Почти всѣ пороки и недостатки русской общественной жизни, противъ которыхъ было направлено жало новиковской сатиры—крѣпостное право съ его ужасными злоупотребленіями, «неправда черная въ судахъ», казнокрадство, французоманія, сословные предразсудки, подслуживаніе лицамъ вмѣсто службы дѣлу—долго не исчезали съ лица земли русской и давали обильный матеріалъ для сатиры вплоть до эпохи великихъ реформъ. Достаточно вспомнить Фонвизина съ его комедіями, Крылова съ его сатирическими журналами, комедіями и баснями, Капниста съ «Ябедой», Грибоѣдова съ «Горемъ отъ ума», Гоголя съ «Ревизоромъ» и «Мертвыми душами», наконецъ, Щедрина съ «Губернскими очерками», не говоря уже о болѣе мелкихъ явленіяхъ русской сатирической и обличительной литературы, чтобы видѣть, какіе замѣчательные писатели шли по стопамъ Новикова и какіе перлы русской словесности создались подъ вліяніемъ неустройствъ и несправедливостей русской жизни, которыя бичевались еще въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ».

Конечно, съ теченіемъ времени сатира Новикова значительно устарѣла и перестала уже удовлетворять верхи русской интеллигенціи. Но зато еще при жизни Новикова его журналы пришлись по вкусу «нашимъ мѣщанамъ» и

пріобрѣли популярность въ той средѣ русскихъ читателей, которая пробавлялась «Письмовникомъ» Курганова и даже гораздо худшимъ матеріаломъ для чтенія. Въ этой средѣ сатира Новикова долго сохраняла животрепещущій интересъ и долго нравилась не только обличеніями взяточниковъ, казнокрадовъ и ябедниковъ, но и тѣмъ демократическимъ духомъ, который въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» такъ рѣзко выдѣляется на фонѣ аристократическаго вѣка Екатерины II. «Не порода,—говоритъ Новиковъ,—но добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія честныхъ людей». «Не чины человѣка украшаютъ, но добродѣтели». «Порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія». Теперь это трюизмы и дѣтская, прописная мораль, но для разнаго рода Змѣяновъ, Стозмѣевъ, Злорадовъ, Безрассудовъ, Пролазовъ и т. п. это были революціонныя формулы, за которыя рекомендовалось познакомить смѣлаго журналиста съ мѣстами болѣе или менѣе отдаленными.

Со времени реформъ императора Александра II сатира Новикова имѣетъ почти исключительно историческое значеніе, и, какъ выдающійся фактъ развитія русскаго самосознанія, она давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе историковъ русской литературы и русскаго просвѣщенія. О Новиковѣ и о его журналахъ въ истекшее полстолѣтіе появилась цѣлая литература. Но, къ сожалѣнію, и до настоящаго времени какъ личность знаменитаго журналиста, такъ и литературная его дѣятельность все еще остаются недостаточно выясненными. Въ частности, до сихъ поръ не опредѣлена степень личнаго участія Новикова въ издаваемыхъ имъ сатирическихъ журналахъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ указанія на несомнѣнное или вѣроятное сотрудничество въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» цѣлаго ряда писателей XVIII вѣка, въ томъ числѣ даже императрицы Екатерины II и Радищева; съ другой—имѣется такое заявленіе проф. Незеленова, автора цѣлой—книги о Новиковѣ: «Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что издатель Трутня, Живописца и Кошелька былъ ихъ авторомъ». Что касается самого Новикова, то онъ въ предисловіи къ «Трутню» обѣщалъ писать «очень мало» и печатать *всѣ* присылаемыя ему письма, сочиненія и переводы, въ особенности же статьи сатирическія и критическія, «ко исправленію нравовъ служащія» И дѣйствительно, Новикову присылали массу разнаго рода оригинальныхъ и переводныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, такъ что, когда рѣзкія сатиры вызывали недовольство власть имѣющихъ, издатель могъ отводить грозу разнаго рода невинными былями, притчами и сказками, сентиментальными пѣсенками, высокопарными одами, беззубыми сатирами Буало и даже рѣчами архіереевъ. Едвали можетъ подлежать сомнѣнію, что личное участіе Новикова въ издаваемыхъ имъ журналахъ было очень невелико и ограничивалось, главнымъ образомъ, редакціонными трудами, сокращеніемъ и исправленіемъ рукописей, печатными возраженіями своимъ сотрудникамъ и оппонентамъ и т. д. Въ журналахъ Новикова не мало намековъ на эту черную редакторскую работу. Въ одномъ письмѣ въ редакцію «Трутня» даже говорится, что редакторъ «присылаемыя къ нему пьесы исправлялъ и своимъ хорошимъ вкусомъ и остроуміемъ изъ худыхъ писателей дѣлалъ хорошихъ авторовъ». Въ какой степени эта похвала относится къ самому Новикову, конечно, судить трудно. Точно также трудно опредѣлить, какія изъ напечатанныхъ въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» писемъ были дѣйствительно присланы въ редакцію и какія были составлены самимъ Новиковымъ.

Но какъ бы ни было ограниченно личное участіе Новикова въ сочиненіи сатирическихъ статей, его выдающіяся заслуги въ качествѣ издателя и его гражданское мужество не подлежатъ сомнѣнію и спору. Сочувствіе Екатерины II сатирической дѣятельности Новикова—вопросъ спорный, а сильное неудовольствіе, возбужденное его журналами въ довольно вліятельныхъ сферахъ,—несомнѣнный фактъ. Самъ издатель отлично понималъ, въ какое опас-

ное положеніе ставитъ его «пристрастіе къ неучтивой истинѣ», и не разъ вынужденъ былъ кривить душой. Какъ ни трудна была для него, по собственному его признанію, «наука ласкательства», тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ очень грубо, по современнымъ понятіямъ, льстить не только императрицѣ, но и ея приближеннымъ и искать себѣ покровительства у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, у Воеводскаго и Нарышкина, которымъ посвященъ «Трутень». Можетъ быть, «Трутень» и «Живописецъ», посвященный комедіи «О, время!», т.-е. Екатеринѣ II, только имѣя такихъ покровителей, и могли просуществовать болѣе года, тогда какъ «Кошелекъ», посвященный «Отечеству», погибъ на девятомъ номерѣ. Во всякомъ случаѣ, Новиковъ испыталъ едва ли не весь трагизмъ журналиста по призванію, одушевленнаго самыми высокими стремленіями, но встрѣчающаго на каждомъ шагу препятствія,—журналиста, которому суждено было пережить и прекращеніе своихъ изданій, и равнодушіе публики, вызванное независящими отъ него обстоятельствами.

Новое изданіе сатирическихъ журналовъ Новикова представляетъ собою воспроизведеніе первыхъ ихъ изданій, съ заглавными листами, виньетками, орѳографіей и даже съ опечатками. Говорить о пользѣ общедоступнаго изданія этихъ журналовъ, отдѣльныя статьи которыхъ будутъ всегда перечитываться съ интересомъ и удовольствіемъ, нѣтъ надобности. Но нельзя не пожалѣть, что вступительныя статейки о «Трутнѣ», «Живописцѣ» и «Кошелькѣ» черезчуръ кратки и сообщаютъ не всегда вѣрныя свѣдѣнія. Автору этихъ статеекъ, очевидно, неизвѣстны изданія «Трутня» и «Живописца», сдѣланныя въ 60-хъ годахъ г. Ефремовымъ. Изъ этихъ изданій можно было бы позаимствовать и необходимыя примѣчанія, безъ которыхъ многое въ текстѣ журналовъ останется для большинства читателей непонятнымъ. Можно было бы раскрыть и нѣкоторые иниціалы и псевдонимы, выставленные подъ отдѣльными статьями.

С. Ашевскій *).

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго, т. II-ой (вып. VIII—XVI-й). Всего будетъ 3 тома. Ц. по подпискѣ 6 р. Второй томъ **) жизнеописанія П. И. Чайковскаго обнимаетъ собою время съ 1877 по 1884-й годъ (П. И. родился въ 1840 г.). Въ творческой дѣятельности Чайковскаго этотъ періодъ начинается созданіемъ оперы «Евгеній Онѣгинъ» и IV-й симфоніи и оканчивается фортепіаннымъ «Тріо» и 3-й Сюитой.

6-го іюля 1877 года произошло событіе, имѣвшее роковыя послѣдствія въ жизни Чайковскаго, событіе, едва не стоившее ему жизни и приведшее его въ состояніе, близкое къ безумію. Событіе это была его женитьба на А. И. Милюковой.

Въ письмѣ къ близкому другу, Н. Ф. фонъ-Меккъ, Чайковскій такъ описываетъ, какъ онъ сдѣлался женихомъ. «Я получилъ (въ началѣ мая) письмо отъ одной дѣвушки, которую зналъ и встрѣчалъ прежде. Изъ этого письма я узналъ, что она давно удостоила меня своей любовью... Въ одинъ прекрасный вечеръ, я отправился къ моей будущей супругѣ, сказалъ ей откровенно, что не люблю ее, но буду ей, во всякомъ случаѣ, преданнымъ и благодарнымъ другомъ... Засимъ я спросилъ ее—желаетъ ли она быть моей женой. Отвѣтъ былъ, разумѣется, утвердительный». Таково было сватовство П. И. Послѣ свадьбы, 15-го іюля П. И. пишетъ: «Я не могу еще рѣшить, счастливъ я или наоборотъ», а 26-го іюля, уѣзжая къ роднымъ въ деревню, П. И. пи-

---

*) *Поправка*: Въ іюльской книгѣ, въ библіографическомъ отдѣлѣ на стр. 85, строка 18-ая снизу, должно быть *раскольникамъ* вмѣсто *ремесленникамъ*; на стр. 86, строка 15-ая сверху, вмѣсто *внушительной* должно быть *вступительной*.

С. А.

**) О первомъ томѣ см. «М. Б.» 1901 г., дек.

шетъ: «Я ѣду черезъ часъ. Еще нѣсколько дней и, клянусь вамъ, я бы съ ума сошелъ».

Проживъ въ деревнѣ, Чайковскій въ началѣ сентября вернулся къ женѣ въ Москву, а 24-го сентября уѣхалъ въ Петербургъ, «въ состояніи, близкомъ къ безумію» *). Его встрѣтилъ братъ Анатолій и отвезъ въ гостинницу, гдѣ съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ, послѣ котораго П. И. два дня былъ въ безсознательномъ состояніи. Послѣ этого, по настоянію врачей, братъ увезъ П. И. за границу, въ Кларанъ, и на цѣлые семь лѣтъ П. И. сдѣлался человѣкомъ, совершенно неспособнымъ переносить жизнь въ обществѣ вслѣдствіе крайняго нервнаго разстройства.

Разстройство это выражалось, прежде всего, въ чрезвычайномъ повышеніи душевной чувствительности, вслѣдствіе котораго обычныя сношенія людей между собою, основанныя, главнымъ образомъ, на неискренности и притворствѣ, называемыхъ умѣньемъ держать себя, сдѣлались для П. И. невыполнимыми. Въ то же время одиночество было для П. И. невыносимымъ вслѣдствіе душевной тоски, «жгучей, сумасшедшей тоски», не покидавшей нѣкоторые дни П. И. ни на одну минуту. Эта мучительная тоска не находилась въ связи съ внѣшними обстоятельствами жизни П. И. и была въ немъ, такъ сказать, органическая; она уступала только музыкальному творчеству, которое было въ этотъ періодъ жизни П. И. его истиннымъ спасеніемъ.

Уѣзжая въ такомъ состояніи за границу, П. И. былъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ своего жалованья профессора московской консерваторіи. Родные его также не могли много ему помочь. Казалось бы, что П. И., написавшій уже 2 симфоніи, 2 оперы, считавшійся уже звѣздой среди русскихъ композиторовъ, могъ разсчитывать на матеріальную поддержку со стороны общества въ моментъ столь тяжкаго нервнаго заболѣванія, въ особенности имѣя личнаго друга въ лицѣ директора московской консерваторіи, Николая Рубинштейна.

Но это только казалось. Николай Рубинштейнъ, обладавшій колоссальнымъ нервнымъ здоровьемъ, не могъ понять, что бы изъ-за какого-то нервнаго разстройства можно было избѣгать людей. Поэтому, отыскивая матеріальныя средства для П. И., онъ остановился на мысли поручить П. И. представительство отъ русской музыки на парижской всемірной выставкѣ, за что П. И. получилъ бы извѣстное вознагражденіе. Когда П. И., совершенно неспособный въ это время имѣть дѣло съ кѣмъ либо изъ людей, не считая ближайшихъ къ нему братьевъ, отказался отъ этого представительства, то Н. Рубинштейнъ въ письмѣ къ нему слишкомъ открыто обнаружилъ то свойство человѣческой дружбы, которое Пушкинъ такъ хорошо охарактеризовалъ словами «покровительства позоръ». Этимъ письмомъ П. И. былъ ужасно обиженъ и отвѣчалъ на него очень рѣзко.

Во всякомъ случаѣ, заботы о матеріальныхъ средствахъ были для П. И. въ это время совершенно не по силамъ, и весьма возможно, что онъ бы погибъ, не создавъ «Онѣгина» и позднѣйшихъ своихъ твореній, если бы не пришла къ нему на помощь, и притомъ съ необыкновенной, чисто женской, деликатностью Н. Ф. фонъ-Меккъ, вдова милліонера.

---

*) О причинахъ, породившихъ семейное несчастье П. И., издатель говоритъ слѣдующее: «Я не смѣю изложить въ подробностяхъ всю грустную исторію послѣдствій этой женитьбы, во-первыхъ, не обладая нужнымъ для этого безпристрастіемъ, во-вторыхъ, не имѣя въ рукахъ не только свидѣтельства altera pars, но и возможности въ будущемъ когда-либо имѣть его, въ-третьихъ, не желая затрогивать законную щепетильность многихъ лицъ, живущихъ и понынѣ».

Самъ П. И. говорилъ, что оба они «противъ воли обманули другъ друга во всемъ», и что жена его «поступала честно и искренно, и была причиной самаго глубокаго и сильнаго несчастья мужа противъ желанія и безсознательно».

*

Этотъ эпизодъ въ жизни П. И. настолько интересенъ, что заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ здѣсь. Надежда Филаретовна фонъ-Меккъ была въ это время уже матерью одиннадцати дѣтей и ей было 46 лѣтъ. Она была преданной поклонницей таланта П. И. и черезъ скрипача Котекъ, съ которымъ она музицировала и который былъ близокъ къ П. И., она имѣла самыя подробныя свѣдѣнія о жизни П. И. Зная о стѣсненномъ матеріальномъ положеніи П. И., Н. Ф. уже въ 1876 черезъ Котека пробовала ему помогать, заказывая переложенія его сочиненій для скрипки съ фортепіано и платя за нихъ очень щедро. Весною 1877 года, заказывая П. И. одно сочиненіе, Н. Ф. проситъ его прислать ей свою фотографію, и при этомъ пишетъ: «Было время, что я очень хотѣла познакомиться съ вами: теперь же, чѣмъ больше я очаровываюсь вами, тѣмъ больше я боюсь знакомства». На это П. И. отвѣчалъ: «Вы совершенно правы. Я чувствую, что при болѣе близкомъ ознакомленіи со мной, вы бы не нашли того соотвѣтствія, той полной гармоніи музыканта съ человѣкомъ, о которой мечтаете».

Узнавъ о болѣзни П. И. и его затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, Н. Ф. предложила ему 6.000 рублей въ годъ до того времени, пока онъ не будетъ въ состояніи опять приняться за профессуру въ Москвѣ. Пособіе это должно было остаться въ тайнѣ между ними. П. И. принялъ даръ Н. Ф., и между ними установилась самая тѣсная и нѣжная дружба, къ которой наиболѣе подходитъ возвышенное понятіе Платонической любви, потому что оба они, состоя другъ съ другомъ съ этихъ поръ въ подробнѣйшей перепискѣ, а позже даже встрѣчаясь въ толпѣ или въ театрѣ, умерли, *никогда въ жизни не слыхавъ голоса другъ друга.*

Объясненіе этого интереснаго, быть можетъ, единственнаго въ исторіи, факта пока мало доступно, такъ какъ, по словамъ издателя, письма самой Н. Ф. еще не подлежатъ опубликованію. Во всякомъ случаѣ письма П. И. къ ней переполнены сильнѣйшими выраженіями нѣжнѣйшей дружбы и любви, и несомнѣнно, что именно Надеждѣ Фил. мы обязаны спасеніемъ П. И. отъ грозившей ему психической гибели. Н. Ф. окружила его нѣжнѣйшей заботливостью, освобила его совершенно отъ безпокойствъ о своей матеріальной жизни, и въ то же время предоставила ему абсолютную свободу въ выборѣ мѣстожительства и окружающихъ людей, а это было для него важнѣйшее.

Всѣ эти семь лѣтъ П. И. прожилъ, главнымъ образомъ, въ деревнѣ Каменкѣ, Кіевской губ., у сестры, бывшей замужемъ за Давыдовымъ, или за границей. Ближайшими къ нему людьми были слуга Алексѣй и братъ Модестъ. Отношенія къ другимъ людямъ, даже близкимъ ему и любимымъ имъ, были ему тяжелы, а жизнь въ обществѣ, когда ему по случаю постановки его оперъ приходилось бывать въ столицахъ, была для него буквально невыносима, и кончалась нервнымъ разстройствомъ. Только въ концѣ 1884 года П. И. настолько оправился, что въ немъ пробуждается потребность въ личномъ сношеніи съ обществомъ, и это совпало съ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое доставила ему опера «Онѣгинъ», только съ этого времени ставшая популярной, несмотря на ярыя нападки прессы (въ Петербургѣ «Онѣгинъ» былъ поставленъ на Императорской сценѣ 19-го октября 1884 г.).

Но не только устраненіемъ отъ него матеріальныхъ заботъ сыграла такую роль въ жизни П. И. его «невидимый геній», «его фея», какъ называлъ Надежду Фил. П. И. Еще важнѣе были для него ея нравственная поддержка, духовное единеніе съ ней. въ то время, когда П. И. чувствовалъ себя нравственно разбитымъ и одинокимъ, такъ что даже вѣра въ свой талантъ нерѣдко въ немъ угасала. П. И. писалъ Надеждѣ Филаретовнѣ почти ежедневно и о самыхъ интимныхъ сторонахъ своей жизни, и эти письма и составляютъ главное содержаніе II-го тома его біографіи.

Благодаря этой перепискѣ мы имѣемъ не только точныя данныя о жизни П. И. за этотъ перiодъ времени, но мы имѣемъ крайне интересную книгу, заключающую въ себѣ мнѣнiя П. И. о главныхъ событiяхъ и лицахъ не только музыкальной жизни этихъ лѣтъ, но отчасти и политической, а также мнѣнiя его о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ религiозныхъ и философскихъ вопросахъ.

Письма П. И. не только интересны, какъ принадлежащiя перу человѣка, творившаго въ музыкальной области, но они написаны превосходнымъ литературнымъ языкомъ и поражаютъ подчасъ глубиной и важностью своего содержанiя. Читая этотъ томъ, почти исключительно состоящiй изъ писемъ П. И., я испытывалъ иногда иллюзiю, точно читаешь повѣсть въ письмахъ Тургенева или «Безъ догмата» Сенкевича, до того выпукло и интересно вырисовывается личность П. И. въ этой перепискѣ.

Наибольшую важность фактическiй матерiалъ, заключающiйся въ этой перепискѣ, имѣетъ для интересующихся музыкой и психологiей творчества.

По послѣднему вопросу мы находимъ здѣсь чрезвычайно важное и подробное описанiе своего процесса творчества Чайковскимъ, и того состоянiя духа, какое потребно для творческой работы. Особенно важно такое показанiе со стороны истиннаго художника, какимъ былъ П. И., съ тѣхъ поръ, какъ Л. Толстой въ своей статьѣ «Что такое искусство?» по своему обыкновенiю ребромъ поставилъ вопросъ о томъ, что долженъ чувствовать художникъ, когда онъ создаетъ свои произведенiя.

По этому вопросу Чайковскiй, между прочимъ, пишетъ слѣдующее. «Для артиста въ моментъ творчества всегда необходимо полное спокойствiе. Въ этомъ смыслѣ художественное творчество всегда объективно, даже и музыкальное. Тѣ, которые думаютъ, что творящiй художникъ въ минуты аффектовъ способенъ посредствомъ средствъ своего искусства выразить то, что онъ чувствуетъ,— ошибаются. И печальныя, и радостныя чувства выражаются всегда, такъ сказать, ретроспективно. Не имѣя особенныхъ причинъ радоваться, я могу проникнуться веселымъ творческимъ настроенiемъ, и наоборотъ, среди счастливой обстановки произвести вещь, проникнутую самыми мрачными и безнадежными ощущенiями».

«Словомъ, артистъ живетъ двойною жизнью: общечеловѣческою и артистическою, причемъ обѣ эти жизни текутъ иногда не вмѣстѣ» *).

Во время творчества, говоритъ Чайковскiй далѣе: «Душа трепещетъ отъ какого то совершенно непостижимаго и невыразимо сладкаго волненiя, рѣшительно не успѣваешь слѣдовать за ея порывомъ куда-то, время проходитъ буквально незамѣтно. Въ этомъ состоянiи есть что-то сонамбулическое. On ne s'entend pas vivre». И еще далѣе: «Находясь въ нормальномъ состоянiи духа, я могу сказать, что сочиняю всегда, въ каждую минуту дня и при всякой обстановкѣ».

Во II-мъ томѣ мы находимъ массу отзывовъ П. И. о музыкальныхъ произведенiяхъ и музыкантахъ, отзывовъ, крайне интересныхъ и важныхъ, но подчасъ на столько рѣзкихъ, что невольно является вопросъ, достаточно ли своевременно появленiе въ печати такихъ отзывовъ о живущихъ еще людяхъ со стороны Чайковскаго, который всю свою жизнь являлся образцомъ деликатности въ сношенiяхъ съ людьми. *Викторъ Вальтеръ.*

---

*) Рискуя быть нескромнымъ, не могу все же отказать себѣ въ удовольствiи указать на совпаденiе этихъ словъ съ тѣмъ, что я писалъ по этому же вопросу въ брошюрѣ «Въ защиту искусства». С.-Пб. 1899 г.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Нибуръ. «Рабство, какъ система хозяйства».—*Н. М. Павловъ.* «Русская исторія до новѣйшихъ временъ».

Г. І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства. Этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Стр. 431. Цѣна 2 руб. (Москва. 1902). Кромѣ чрезвычайно плохой книги о рабствѣ Ингрэма и совершенно поверхностной «Эволюціи рабства» Летурно, не только у насъ, но и въ Западной Европѣ почти не существуетъ *общей* исторической сводки данныхъ, касающихся этого важнаго института (книги, напр., Турмана о рабствѣ—«Histoire de l'esclavage ancien et moderne» и о крѣпостномъ состояніи «Histoire du servage» страдаютъ не только безпорядочностью и отсутствіемъ критики въ чемъ упрекаетъ первую книгу Нибуръ, но и неполнотою и случайностью въ выборѣ фактовъ). Вотъ почему книга Нибура можетъ привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ, занимающихся соціологіею или соціально-экономическою исторіею. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она не обманетъ читателя, а въ другихъ—обманетъ.

Остановимся сначала на ея недостаткахъ, къ сожалѣнію, довольно крупныхъ. Книга Нибура занимаетъ (безъ библіографіи) 402 страницы, изъ которыхъ первыя 47 и послѣднія 50 заняты нѣкоторыми теоретическими соображеніями о рабствѣ, какъ особомъ соціальномъ институтѣ, а остальныя 305 почти сплошь заняты изложеніемъ этнографическихъ данныхъ, и, въ лучшемъ случаѣ попытками ихъ классификаціи. Это дѣлаетъ книгу на шесть седьмыхъ совершенно неудобочитаемою, что особенно досадно въ виду цѣлой массы интересныхъ и многозначительныхъ данныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ по монотоннымъ этнографическимъ описямъ, наполняющимъ работу. Во-вторыхъ, распредѣленіе излагаемыхъ матеріаловъ чрезвычайно произвольно. Между главою объ экономическихъ отношеніяхъ въ Океаніи и положеніемъ женщинъ въ Меланезіи, на Ново-Соломоновыхъ, Ново-Гебридскихъ и другихъ островахъ, находимъ ни съ того, ни съ сего три главы о сельскихъ классахъ Англіи и Германіи въ средніе вѣка. Связи между этими главами и окружающимъ ихъ контекстомъ ни малѣйшей нѣтъ, и быть не можетъ (да авторъ ее и не устанавливаетъ, а, просто, какъ будто постороннее лицо вставило эти ненужныя главы, спокойно продолжаетъ прерванный разсказъ объ Океаніи). Такихъ неожиданностей весьма много. Акад. Янжулъ въ одной старой своей статьѣ упрекаетъ англичанъ въ «слабости классификаціи». Быть можетъ, изъ всѣхъ когда-либо высказанныхъ огульныхъ приговоровъ—этотъ наиболѣе близокъ къ истинѣ: англичане и американцы слишкомъ часто грѣшатъ въ этомъ отношеніи, и Нибуръ исключенія ни въ какомъ случаѣ не составляетъ.

Третьимъ недостакомъ работы Нибура мы считаемъ его односторонность въ собираніи матеріаловъ: этнографія у него—исчерпывающая, но исторію онъ эксплуатируетъ чрезвычайно мало и поверхностно. «У варуа на похоронахъ вождя убиваютъ рабовъ, но это еще не доказываетъ, чтобы рабство было здѣсь соціальнымъ установленіемъ». «Адума и ошебо работорговцы, но про домашнее рабство у нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній».—«Авторы описывающіе ваніоро не упоминаютъ про рабство, но относящіеся сюда указанія не достаточно подробны, чтобы можно было сдѣлать выводъ объ отсутствіи здѣсь рабства». Такихъ никчемныхъ сообщеній въ книгѣ Нибура болѣе, нежели достаточно. Для «адума» и «ваніоро» (о которыхъ ровно ничего положительнаго въ данномъ вопросѣ неизвѣстно) у автора нашлось мѣсто, а для римлянъ не нашлось. Кромѣ бѣг-

лыхъ, случайныхъ пятистрочныхъ упоминаній (очень немногочисленныхъ) мы ровно ничего о римлянахъ тутъ не нашли. Ученое коллекціонерство слишкомъ увлекло автора,—и читатель отъ этого остался въ прямомъ проигрышѣ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ книга Нибура (снабженная превосходнымъ указателемъ) имѣетъ большую цѣнность, какъ *единственный* справочный трудъ по вопросу о рабствѣ; мало того, — замѣчательно богатая библіографія этнографическихъ первоисточниковъ и литературы предмета—дѣлаетъ книгу совершенно необходимою для всякаго, занимающагося изученіемъ рабства и сопредѣльныхъ соціально-юридическихъ вопросовъ (мы встрѣтили тутъ, между прочими—и Петрова—изслѣдователя Аляски, и Миклуху-Маклая, и Ковалевскаго и Иславина,—и другихъ русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; судя по библіографіи Нибура, русскимъ путешественникамъ присуща довольно упорная тенденція къ изученію именно полярныхъ странъ,—мезенской тундры, Камчатки и другихъ мѣстъ, столь отдаленныхъ, что никакіе этнографы другой національности не дѣлаютъ имъ тамъ никакой конкуренціи).

Помимо своего справочнаго и библіографическаго значенія книга Нибура любопытна по нѣкоторымъ не вполнѣ ясно доказаннымъ, но остроумнымъ и правдоподобнымъ обобщеніямъ, касающимся связи между различными способами національнаго хозяйства и невольничествомъ. Ходъ рабовладѣльческой эволюціи представляется Нибуромъ въ такомъ видѣ.

Первые рабы—вѣроятно плѣнники, взятые на войнѣ. «На древнѣйшихъ стадіяхъ культуры съ рабами, въ общемъ, обращаются мягко и разница между молодыми рабами и свободными дѣтьми—невелика». «Постепенно число рабовъ возрастаетъ, начинается работорговля». Простонародье, видя въ рабахъ орудіе аристократіи, начинаетъ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и ненавистью». Затѣмъ «дальнѣйшее развитіе рабства можетъ идти двумя различными путями: въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ вывозятся масло, хлопокъ и тому подобное продукты, рабство принимаетъ огромные размѣры. Обширныя плантаціи могутъ лучше всего обрабатываться рабами, такъ какъ промышленныя издѣлія ввозятся, то трудъ рабовъ долженъ не только прокормить хозяина, но и снабдить его предметами роскоши; нужды рабовладѣльца, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе его къ расширенію рабства становятся безграничными». Что же касается странъ, гдѣ разводятся зерновые хлѣба и продукты земледѣлія не вывозятся въ очень большихъ размѣрахъ,—то тамъ хозяинъ не заинтересованъ въ безпредѣльномъ увеличеніи численности рабовъ,— и «рабы, за исключеніемъ немногихъ, приставленныхъ къ домашнимъ работамъ, скоро получаютъ позволеніе жить довольно независимо, оставаясь обязанными только доставлять опредѣленное количество земледѣльческихъ продуктовъ» и исполнять нѣкоторыя другія обязанности. При свѣтѣ этихъ (впрочемъ, не совсѣмъ новыхъ) соображеній,—особенно ясно становится, почему, напр., у древнихъ германцевъ, при всей ихъ дикости, рабамъ жилось въ тацитовскія времена гораздо лучше, нежели у утонченныхъ соотечественниковъ Тацита, и почему какой-нибудь рабъ гурона или даже ирокеза далеко не всегда оказался бы въ выигрышѣ, если бы изъ вигвама своего хозяина онъ попалъ въ крѣпостные въ усадьбу иного русскаго помѣщика эпохи Бѣлинскаго и Грановскаго. Если гдѣ и показываетъ себя «желудокъ» и только онъ одинъ—«царемъ исторіи»,—то именно въ эволюціи рабства: можетъ быть, исторія рабства и носитъ такой безпросвѣтно мрачный колоритъ,—между многимъ прочимъ,—и по этой причинѣ.

Переводъ исполненъ литературно, но тяжело; неудобныя выраженія попадаются довольно часто. Замѣтимъ переводчику, что англійское moral science, въ примѣненіи къ этнологіи, никакъ нельзя переводить словами «моральная наука» (стр. 4). Единственный переводъ, вѣрно передающій не звукъ, а смыслъ подлинника, былъ бы: «общественная наука». Ученый міръ прочтетъ Нибура, если

еще не читалъ его на англійскомъ языкѣ, а средній читатель едва ли одолѣетъ эту работу. *Евг. Тарле.*

Н. М. Павловъ. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія (1362—1862). Томъ первый. М. 1902. in 8-vo. Стр. 4 нен. + 448. Ц. 1 р. 50 к. Книга Н. М. Павлова — удивительная книга! Когда одну за другой перелистываешь ея немудреныя страницы, то испытываешь ужасное чувство утраты связи съ дѣйствительностью: какъ будто поднимаешься быстро, быстро на какія-то надземныя высоты, съ которыхъ ежеминутно рискуешь упасть на землю и разбиться безъ смысла и безъ цѣли. Современный читатель такъ привыкъ къ болѣе или менѣе серьезному историческому изложенію, что архаическое созданіе г. Павлова, отлившееся въ форму стараго лѣтописнаго сказанія, прямо поражаетъ своимъ чисто дѣтскимъ содержаніемъ и необычайно выдержанною наивностью. Хочется думать, что авторъ шутитъ: откопалъ гдѣ-то старую рукопись XVIII вѣка, пообчистилъ отъ пыли, тиснулъ, да и пустилъ гулять среди русской публики подъ видомъ своего сочиненія, а самъ посмѣивается: пусть-де злятся присяжные критики.

Мы не будемъ злиться на автора, прежде всего, по той причинѣ, что серьезно критиковать его «русскую исторію» нельзя; немного пожурить его стоитъ, ибо не мѣшало бы нѣсколько съ бо́льшимъ уваженіемъ относиться къ нашему читателю, который, во всякомъ случаѣ переросъ историческое міровоззрѣніе Пимена. Мало того: писаніе г. Павлова не имѣетъ даже той цѣны, какую имѣетъ трудъ Пимена, какъ современника или очевидца описываемыхъ имъ событій. Припомните порученіе Пимена Григорію:

«. . . . . Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и міръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны».

Г. Павловъ тоже описываетъ управу государей, войну и міръ и пр., но онъ описываетъ, конечно, не какъ очевидецъ, «не мудрствуя лукаво», а по напередъ созданной имъ дѣтской схемѣ. Исторія московскаго періода превращена у него въ семейную исторію сыновей и внуковъ Ивана Калиты; эта семейная исторія описана чисто внѣшнимъ образомъ: живыя лица на фонѣ современной имъ обстановки отсутствуютъ; все это какіе-то герои внѣ времени и пространства, герои безъ опредѣленной физіономіи, наряженные въ износившіеся театральные костюмы. Отъ времени до времени вспыхиваетъ въ книгѣ русскій народъ; онъ призывается авторомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, наскучивъ безъ толку нагораживать событія, авторъ испытываетъ желаніе пофилософствовать. Авторъ и философствуетъ отъ имени народа, который такимъ образомъ играетъ у него роль хора въ античной трагедіи. Герои сами по себѣ, народъ самъ по себѣ: между ними отсутствуетъ всякая связь, и авторъ спѣшитъ создать ее, вставляя морализирующія сентенціи и словесныя украшенія. Сужденія автора обыкновенно абсолютны и безапелляціонны: читатель долженъ ему *вѣрить* на слово, ибо къ доказательствамъ авторъ не прибѣгаетъ; все въ русскомъ прошломъ ясно, просто, никакихъ контроверзъ. Возсоздавать русское прошлое путемъ критическаго анализа историческихъ источниковъ нельзя; только *горячая вѣра* и *безграничная фантазія* автора могутъ чудодѣйственно извлечь изъ мрака вѣковъ нашу исторію. Шутка ли: тысячу лѣтъ прожили, поучаетъ г. Павловъ. А ума не нажили, вертится на языкѣ читателя, который умиляется надъ такою фразой г. Павлова: «Пусть еще и въ наши дни всѣ мы, русскіе люди, повторяемъ подчасъ то самое изреченіе, которымъ новгородцы звали къ себѣ на помощь Рюрика. Тѣмъ не менѣе, однако,

въ отвѣтъ на разные совѣты о *государственномъ нарядѣ* (курсивъ принадлежитъ автору) новѣйшихъ византійцевъ (sic!) ежечасно мы и возражаемъ: «нѣтъ, боюсь грѣха! Да не будетъ. Русь свои обычаи имутъ», точь-въ-точь какъ Владиміръ... слово въ слово даже до сегодня». Это разсужденіе призвано въ книгѣ доказать большую, пребольшую истину, что русскій народъ «нерушимо сохранилъ въ нѣдрахъ своихъ вѣрность собственному историческому призванію». А въ чемъ же заключается это «собственное историческое призваніе»? Прежде чѣмъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, читатель долженъ ознакомиться съ другимъ положеніемъ г. Павлова, которое мы, не рискуя впасть въ преувеличеніе, признаемъ классическимъ: «Замѣчательно, что народъ, издревле сохранившій наиболѣе другихъ свою первобытную цѣльность,—помнящій себя въ человѣчествѣ еще съ библейскихъ временъ (?!!), а подъ настоящимъ своимъ именемъ выступившій на свѣтъ также изстари,—наконецъ, увлекшись подражаніемъ славолюбію прочихъ, насчитавшій въ 1862 году цѣлое тысячелѣтіе своей славы (чему воздвигнутъ даже монументъ въ Новгородѣ!)—этотъ самый народъ, по всеобщему признанію, почитается еще недостигшимъ совершеннолѣтія: въ общей семьѣ европейскихъ народовъ слыветъ младшимъ противъ другихъ и моложе всѣхъ. Но если этотъ свыше чѣмъ тысячелѣтній народъ, а по своей принадлежности къ славянству и вовсе незапамятный сторожилъ Европы, кажется въ ней моложе всѣхъ, нужны ли еще другія свидѣтельства въ доказательство живости нашей многовѣковой старины и цѣльности самой исторіи нашей». Пока авторъ убѣждаетъ читателя въ томъ, что мы призваны быть вѣчно несовершеннолѣтними и на всѣ совѣты объ установленіи порядка отвѣчали «боюсь грѣха», отмѣтимъ одну, двѣ оригинальныхъ мысли въ русской лѣтописи почтеннаго автора. Татарщина, по мнѣнію г. Павлова, внесла много порчи въ народный бытъ: «татарство страшно огрубило нравы, особливо же повредило именно тѣмъ, что рабство, котораго вовсе не знала древняя Русь, стало у насъ какъ бы роднымъ явленіемъ, и глядѣло напослѣдокъ какъ бы даже отечественною стариною». Какъ же это такъ: г. Павловъ утверждаетъ, что древняя Русь вовсе не знала рабства, а *Русская Правда* думаетъ совсѣмъ иначе: она перечисляетъ различные источники холопства; да и церковныя проповѣди говорятъ о томъ, чтобы господа миловали рабовъ своихъ. Автору не мѣшало бы предварительно справиться съ «Русскою Правдой», прежде чѣмъ писать приведенную выше смѣлую фразу. На Петербургъ авторъ золъ: названіе это «антинаціонально» и «нескладно». Ростъ московскаго государства есть «возвращеніе русской державы въ свои древніе предѣлы». Калита, по словамъ автора, не былъ «творцомъ небывалаго на Руси «*государственнаго права*» (курсивъ и ковычки принадлежатъ автору) и заводчикомъ небывалыхъ порядковъ». Въ русскомъ прошломъ, къ счастью, не было государственнаго права, а былъ «старинно-патріархальный взглядъ князей». Вся древняя Русь у автора называется страной «удѣльно-вѣчевого уклада»... Стоитъ ли и прилично ли утомлять вниманіе читателей выписками всѣхъ оригинальностей нашего историка. На ряду съ дурнымъ тономъ изложенія, на ряду съ фальшивой фразистостью авторъ проводитъ грубо-пристрастную точку зрѣнія на Москву: все вездѣ плохо, только въ Москвѣ все прекрасно... Позвольте привести еще только одну выдержку, чтобы покончить съ указаніями на историческіе пріемы г. Павлова. Вотъ начало параграфа объ «общепризнанномъ первенствѣ московскихъ князей»: «Такъ ужъ къ этому времени опустились по своему быту и упали во мнѣніи народа измельчавшіе князья — всѣ вообще, кромѣ московскихъ. Одни они только въ этомъ отношеніи составляли исключеніе: не къ упадку клонились, а шли въ гору. И самъ народъ видѣлъ въ томъ свою славу: величался и любовался ихъ возвышеніемъ. Прозваніе «Гордый», утвердившееся въ народѣ за Симеономъ Іоанновичемъ, ошибочно было бы по-

нимать въ томъ худомъ смыслѣ, будто онъ держалъ себя высокомѣрно съ прочими князьями и превозносился, какъ спѣсивецъ или гордецъ, надъ всею братіей. Напротивъ, любуясь несравненнымъ достоинствомъ своего великаго князя — его чудеснымъ, ровнымъ со всѣми обхожденіемъ и прирожденнымъ вѣжествомъ, свойственнымъ высокому рожденію и его положенію—народъ далъ ему такое имя не по враждѣ къ нему, а изъ расположенія...»

Но довольно... Что можно сказать о несчастной литературѣ, которая въ началѣ XX вѣка терпитъ подобныя творенія? Въ какое положеніе попадаетъ читатель, взявшій въ руки сію *новую* книгу по русской исторіи? Исторія — не баллада, оговоркой «въ ней большія чудеса, очень мало складу» не оправдаешься, а въ русской исторіи г. Павлова такъ «мало складу», что мало-мальски образованному читателю становится неловко за ея автора.

В. Николаевъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Г. Тардъ. «Соціальные этюды».

Г. Тардъ. Соціальные этюды: Соціальные законы.—Толпа и публика.—Преступность толпы.—Трансформація власти.—Переводъ І. Гольденберга. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. (366+VI стр. 8°). Цѣна 1 р. 50 к.

Работы Тарда уже отчасти извѣстны русской читающей публикѣ. Извѣстна, вѣроятно, и довольно оригинальная физіономія этого автора, какъ соціологическаго писателя. Если кто хоть немного познакомится съ произведеніями такого писателя, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія произведеннаго на него его словами, но именно *впечатлѣнія*, а самое содержаніе его мыслей можетъ очень скоро забыться; даже болѣе того—трудно себѣ дать точный отчетъ въ содержаніи его работъ. Тардъ обладаетъ, повидимому, черезчуръ живымъ характеромъ: представленія и мысли ассоціируются у него самымъ причудливымъ образомъ, и читатель, слѣдя за авторомъ, нерѣдко можетъ удивляться, любоваться, даже восхищаться самымъ неожиданнымъ выводомъ, самымъ смѣлымъ парадоксомъ. Читатель чувствуетъ, что онъ никогда такихъ выводовъ сдѣлать не можетъ, не можетъ и повѣрить справедливости его парадоксовъ, но всѣ эти прыжки мысли такъ изящны и выполняются авторомъ съ такой легкостью и увѣренностью въ себѣ, что читатель невольно заинтересовывается: хочется посмотрѣть, что будетъ дальше. Но, когда закроешь книгу и захочешь дать отчетъ себѣ въ томъ, къ какимъ результатамъ привелъ тебя авторъ, то оказывается, что, кромѣ сомнѣній, не остается ничего. Конечно, сомнѣніе само по себѣ—вещь не дурная; въ настоящее время оно даже считается очень цѣннымъ въ наукѣ, и отъ него, говорятъ, ведетъ начало вся новѣйшая философія; но сомнѣніе, возбуждаемое чтеніемъ произведеній Тарда, это—сомнѣніе совершенно особаго рода. Тардъ, какъ соціологъ, имѣетъ свою особую доктрину. Эту доктрину онъ и хочетъ обосновать своими работами. Всѣ соціальныя явленія, которыхъ касается Тардъ, освѣщаются и толкуются имъ съ точки зрѣнія этой доктрины. Тотъ, кто вѣритъ въ эту доктрину, конечно, будетъ со всѣмъ соглашаться, но для того, кто не вѣритъ, всѣ эти толкованія не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ въ нихъ онъ не можетъ найти *доказательствъ*, которыя бы могли его *убѣдить*. Тардъ, повидимому, и самъ это очень хорошо чувствуетъ. Въ своемъ предисловіи къ русскому изданію «Этюдовъ» онъ говоритъ, что эти его статьи представляютъ «примѣненіе къ одной изъ отраслей соціальной науки, въ данномъ случаѣ къ политикѣ, основной соціологической концепціи, которая формулирована мною въ моихъ «Соціальныхъ законахъ»

и которая сама находитъ себѣ конечное объясненіе въ извѣстнымъ образомъ понимаемой психологіи. Эта спеціальная психологія,—психологія коллективная, если хотите,—*скорѣе угадывается, чѣмъ точно формулируется* въ набросках «Толпа и публика» и «Преступность толпы». Такимъ образомъ, по признанію самого Тарда, «конечное объясненіе» или основа его доктрины «скорѣе угадывается, чѣмъ точно формулируется». Поэтому, оказывается, что его доктрина въ сущности нигдѣ не излагается, а только иллюстрируется. И самъ Тардъ, повидимому, этимъ нисколько не смущается. Вмѣсто того, чтобы доказать тѣ основныя положенія, съ которыми онъ на каждомъ шагу оперируетъ, Тардъ ихъ просто навязываетъ читателю: въ одномъ мѣстѣ онъ такую истину называетъ «къ несчастію, слишкомъ очевиднымъ обстоятельствомъ» (75), въ другомъ предлагаетъ читателю «проникнуться той очень простой истиной, что всѣ *факты* исторіи въ самомъ началѣ своемъ были *вопросами*» (275) и т. д. Бѣда въ томъ, что эти «истины» либо оказываются настолько пустыми, что въ нихъ даже и содержанія нельзя никакого открыть (почему не называть, напр., *факты* исторіи, если угодно, *вопросами*?); либо, если въ нихъ вкладывать то содержаніе, которое желаетъ вложить Тардъ, оказываются вовсе не такими нетребующими доказательства аксіомами, какъ это хочетъ представить авторъ. «Передъ крестовыми походами—продолжаетъ Тардъ,—былъ вопросъ о походахъ; передъ торжествомъ христіанства въ римской имперіи тамъ существовалъ вопросъ христіанскій, подобно тому, какъ существуетъ теперь вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи...» Согласитесь, читатель, что такъ аргументировать нельзя: вѣдь самъ Тардъ говоритъ, что «вопросы» предшествуютъ «фактамъ», и вдругъ эта «очень простая истина» подтверждается тѣмъ вопросомъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи, который существуетъ теперь. Но вѣдь мы же не можемъ знать, какому «факту» долженъ предшествовать этотъ «вопросъ»; въ настоящую же минуту мы знаемъ только то, что этотъ «вопросъ» возникъ *послѣ* извѣстнаго историческаго «факта», когда Эльзасъ и Лотарингія отошли къ Германіи. Выходитъ, стало быть, что иллюстраціи Тарда говорятъ какъ разъ противоположное тому, что онъ признаетъ «очень простой истиной», которой и предлагаетъ читателю проникнуться.

Но меня могутъ упрекнуть въ пристрастной подтасовкѣ неудачныхъ фразъ изъ сочиненій Тарда, и потому лучше хотя бы кратко разсмотрѣть содержаніе перваго этюда, «Соціальныхъ законовъ», гдѣ, по признанію самого автора, формулирована его «основная соціологическая концепція». Этотъ этюдъ состоитъ изъ трехъ главъ. Первая озаглавлена «Повтореніе явленій», вторая—«Противоположеніе явленій» и третья—«Приспособленіе явленій». Какъ видитъ читатель, заголовки ничѣмъ не указываютъ на то, что въ этихъ главахъ трактуются соціологическія темы; и это вовсе не случайно. Тардъ въ этомъ этюдѣ хочетъ показать, что повтореніе, противоположеніе и приспособленіе—это три закона, которые господствуютъ во всѣхъ наукахъ, а слѣдовательно, и въ соціологіи. Этимъ путемъ онъ хочетъ «показать, чѣмъ должна быть соціологія, если она желаетъ заслужить имя науки» (стр. 6). Постановка вопроса, характерная не для одного только Тарда. Есть много соціологовъ, которые стараются доказать, что соціологія—тоже наука, и даже настоящая наука; но доказывается это чрезвычайно страннымъ способомъ. Если дѣйствительно три указанные Тардомъ закона (что́ подъ ними разумѣется, это пока для насъ безразлично) имѣютъ такое широкое значеніе, что всѣ науки подчинены имъ, то эти законы никоимъ образомъ не могутъ быть названы соціальными законами, потому что съ тѣмъ же правомъ можно было бы ихъ назвать и законами зоологическими, ботаническими и т. д. Слѣдовательно, такія доказательства оказываютъ медвѣжью услугу соціологіи, такъ какъ совершенно логично можно было бы сдѣлать изъ этихъ соображеній слѣдующій выводъ: если соціо-

логія обладаетъ только такими законами, которые есть и въ другихъ наукахъ, то нѣтъ никакого основанія признавать ее особою наукою. Самое большее, что можно было бы вывести изъ этихъ законовъ, это то, что соціологія *можетъ быть* наукою, потому что у нея есть съ науками нѣкоторые общіе признаки. Но Тардъ хочетъ доказать, что это-то и есть соціальные законы, и такимъ образомъ доказываетъ, что его соціологія не можетъ «заслужить имени» особой науки.

Мы знаемъ уже, что «конечное объясненіе» «основной соціологической концепціи» Тарда заключается «въ извѣстнымъ образомъ понимаемой психологіи». Интересно поэтому прослѣдить, какимъ путемъ приходитъ Тардъ къ своей «психологіи коллективной», или «между-мозговой». Зачатки серьезной разработки соціологическихъ вопросовъ Тардъ видитъ въ работахъ лингвистовъ, миѳологовъ и особенно экономистовъ. «Эти спеціалисты соціологіи—говоритъ онъ,—усмотрѣли не мало интересныхъ отношеній между послѣдовательными и совмѣстными фактами, отношеній, которыя ежеминутно повторяются въ предѣлахъ изучаемой области». Это подобіе безчисленныхъ человѣческихъ дѣйствій, выражаются ли послѣднія въ произношеніи гласныхъ или согласныхъ, въ покупкахъ или продажахъ, въ производствѣ или потребленіи извѣстныхъ товаровъ и т. д. Правда, когда лингвисты или экономисты пытались формулировать на основаніи этихъ подобій законы, то эти самыя подобія дали поводъ къ построенію законовъ несовершенныхъ, примѣнимыхъ лишь къ толкованію большинства случаевъ; но объясняется это тѣмъ, что ихъ поспѣшили провозгласить раньше, чѣмъ выдѣлили изъ этихъ частичныхъ истинъ ту дѣйствительно общую истину, которую онѣ включаютъ въ себѣ, элементарный соціальный фактъ, который соціологія ищетъ въ темнотѣ и который она должна найти для того, чтобы выйти на свѣтъ. Въ поискахъ за этимъ общимъ объясненіемъ, распространяющимся одновременно на законы или псевдо-законы—экономическіе, лингвистическіе миѳологическіе, часто высказывалось то соображеніе, что объясненіе это можетъ дать психологія (стр. 12—13). Это понялъ уже Стюартъ Милль, но ошибка его заключалась въ томъ, что для него психологія была только индивидуальной. Между тѣмъ «за элементарными соціальными фактами слѣдуетъ обращаться не къ этой исключительно внутренно-мозговой психологіи, а прежде всего къ психологіи между-мозговой, которая изучаетъ, какъ именно входятъ между собою въ сознательныя отношенія индивидуумы, прежде всего два индивидуума. Соприкосновеніе между двумя умами порождаетъ совершенно непредвидѣнныя душевныя состоянія, которыхъ физіологическая психологія не можетъ объяснить». Эти особыя душевныя состоянія наблюдаются особенно при «опытахъ гипнотическаго внушенія и внушенія въ состояніи бодрствованія». Такимъ образомъ Тардъ приходитъ къ основному соціологическому факту, къ подражанію, вызываемому внушеніемъ. Такъ какъ для подражанія необходимы два индивидуума, то Тардъ и кладетъ въ основу всего «элементарную соціальную пару». «Я утверждаю,—говоритъ онъ,—что отношеніе между этими двумя лицами составляетъ единый и необходимый элементъ соціальной жизни, и что въ первоначальномъ видѣ онъ есть подражаніе одного лица другому» (17). И здѣсь опять Тардъ вѣренъ себѣ: онъ старается по возможности твердо *внушить* это читателю. «Необходимо хорошо понять это во избѣжаніе *тщетныхъ* и *поверхностныхъ* возраженій». Боясь того, что мои возраженія будутъ поверхностны и тщетны, я пока не буду возражать противъ послѣдняго утвержденія Тарда. Но, вѣдь это его положеніе относительно «элементарной соціальной пары» подражающихъ другъ другу людей есть выводъ изъ всей предшествующей аргументаціи, если только можно это назвать аргументаціей. Поэтому, прежде чѣмъ высказывать свои сомнѣнія относительно вывода, разсмотримъ разсужденіе Тарда. Первыми соціологами Тардъ называетъ лингвистовъ, миѳологовъ и экономистовъ.

Мы должны сказать, что это не вѣрно, ни исторически, ни по существу (конечно, мы не говоримъ объ экономистахъ, которые никогда не переставали быть соціологами, занимаясь *общественнымъ* хозяйствомъ). Конечно, и про миѳологовъ и лингвистовъ можно было бы сказать, что они занимаются изслѣдованіемъ такихъ продуктовъ человѣческой культуры, которые могли создаться только въ обществѣ; но въ этомъ смыслѣ къ соціологіи можно отнести еще множество другихъ наукъ. Исторически невѣрно это утвержденіе Тарда потому, что ни лингвисты, ни миѳологи, формулируя свои законы, никогда не думали распространять ихъ на всѣ соціальныя науки, что же касается совершенства лингвистическихъ законовъ, къ которому такъ скептически относится Тардъ, то эти законы въ настоящее время по своей точности превосходятъ законы какой либо другой исторической науки. Никогда также не пускались ни лингвисты, ни миѳологи, ни насколько мнѣ извѣстно, экономисты въ поиски за общимъ объясненіемъ экономическихъ, лингвистическихъ и миѳологическихъ фактовъ. Если дѣйствительно для объясненія многихъ фактовъ жизни языка современное языкознаніе пользуется данными психологіи, то въ настоящее время ни одинъ языковѣдъ не скажетъ, чтобы психологіей объяснялось въ языкознаніи все, напротивъ, въ настоящее время и уже давно усердно разрабатывается такъ называемая физіологія звука, о которой и самъ Тардъ кое-что знаетъ. Однимъ словомъ во всемъ этомъ очень много поклеповъ на лингвистовъ и миѳологовъ. Общаго объясненія всѣмъ этимъ фактамъ ищетъ Тардъ, а не лингвисты и миѳологи, и ему во что-бы то ни стало нужно добыть «элементарный соціальный фактъ». Почему это ему нужно? Трудно сказать, но кажется, здѣсь дѣло не обошлось безъ вліянія естествознанія, которое доискалось во многихъ случаяхъ до подобныхъ элементовъ. Тардъ чувствуетъ однако, что опираясь на психологію индивидуума, физическаго элемента общества, ни къ чему нельзя придти, такъ какъ въ единицѣ уже нельзя найти никакого слѣда общественности. Поэтому ему необходимо, чтобы «элементарный соціальный фактъ» былъ, такъ сказать, больше единицы; но для элементарности этого факта необходимо, чтобы единицъ было по меньше,—отсюда и получается тардовская пара. Но приходя къ своей парѣ, Тардъ видитъ, что губитъ индивидуальную психологію: она уже не можетъ служить основою для соціологіи въ его парѣ, такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ относительно психологіи пары. Слѣдовательно, для соціологіи нужна особая психологія: это и есть психологія «между-мозговая», къ ней относятся явленія внушенія, и далѣе теорія Тарда уже легко приходитъ къ «внушенію—подражанію». Такимъ образомъ Тардъ, повидимому, принадлежитъ къ школѣ соціологовъ-психологовъ, но идетъ дальше ихъ, отрицая индивидуальную психологію. Къ сожалѣнію, другой психологіи, кромѣ индивидуальной, до сихъ поръ не существуетъ, а психологія «между-мозговая» самимъ Тардомъ «скорѣе угадывается, чѣмъ точно формулируется».

Читатель видитъ уже, сколько во всей этой теоріи произвольнаго, совершенно недоказаннаго, и изъ такихъ произвольныхъ утвержденій она состоитъ отъ начала до конца. Такъ напр., разсматривая «элементарную соціальную пару», Тардъ говоритъ: «но что же можетъ быть передано одною душой другой при ихъ психологическомъ общеніи? Чувства ли ихъ, привязанности? Нѣтъ, это ни въ какомъ случаѣ не сообщаемо. Все, что два субъекта могутъ сознательно сообщать другъ другу это ихъ понятія и хотѣнія, ихъ сужденія и намѣренія». Невольно спрашиваешь, почему чувства и привязанности ни въ какомъ случаѣ невозможно сообщить другому, а можно сообщить понятія, хотѣнія? Отвѣта на это нѣтъ. Вообще вся книжка Тарда составлена изъ афоризмовъ, которые нерѣдко отличаются остроуміемъ, но которые были бы пригодны развѣ только для эпиграфовъ, если бы были нѣсколько глубже. Напр.: «Если существуютъ народы и классы, у которыхъ религіозная вѣра растетъ, тогда

какъ у другихъ народовъ или классовъ она падаетъ, то потому, что каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ возможность усиленія и ослабленія вѣры» (38), или: «Любовь мужчины къ женщинѣ не можетъ одновременно расти и падать, это возможно лишь поперемѣнно; но мужчина можетъ одновременно любить и ненавидѣть одну и ту же женщину,—антиномія сердца, выражающаяся въ стольких преступленіяхъ, вызываемыхъ страстями» (37) и т. д.

Намъ, конечно, нѣтъ возможности сообщить и разобрать все содержаніе книги Тарда, а потому приходится даже отказаться отъ разъясненія того, что это за всеобщіе законы повторенія, противоположенія и приспособленія, о которыхъ я упоминалъ выше: это слишкомъ увеличило бы объемъ рецензіи. Поэтому я ограничусь краткимъ указаніемъ содержанія слѣдующихъ далѣе этюдовъ. Сравнительная характеристика «Толпы и Публики» сводится въ сущности къ выясненію понятія публики. Подъ публикой Тардъ разумѣетъ, такъ сказать, культурную толпу, объединенную вокругъ какого либо центра; напр., читатели одной и той же газеты. «Публика, въ концѣ концовъ, есть лишь родъ коммерческой кліентуры» (94). Весь этюдъ сводится къ установленію различныхъ видовъ толпы и публики: мужской, женской, толпы выжидающей, внимающей, манифестирующей и т. д. Слѣдующій этюдъ трактуетъ о преступленіяхъ толпы и старается выяснить, почему толпа совершаетъ иногда такія дѣянія, на которыя не способны отдѣльные ея члены. Наконецъ, обширный этюдъ о «Трансформаціяхъ власти» касается многихъ весьма интересныхъ соціологическихъ вопросовъ, какъ напр., объ источникахъ власти, о благородныхъ сословіяхъ, о возникновеніи городовъ и столицъ, о борьбѣ партій, о войнѣ и дипломатіи, о политическомъ искусствѣ и политической морали. Мы даже и не пытаемся передать содержаніе всѣхъ этихъ этюдовъ, такъ какъ главное ихъ содержаніе заключается въ самомъ способѣ трактованія предмета, о которомъ мы постарались дать читателю нѣкоторое представленіе.

Тардъ раздѣляетъ со многими соціологами тотъ недостатокъ, что часто доказательство ведется путемъ сравненія. Сравненія эти берутся по преимуществу изъ области естественныхъ наукъ. Такъ Тардъ говоритъ напр. объ «интерференціи подражательныхъ лучей» (стр. 27, 28, 79 слл.), о «двухъ подражательныхъ изученіяхъ» (69). Употребленіе такихъ «физическихъ метафоръ» (27) и «гидравлическихъ сравненій» (84) нисколько не уясняютъ существа дѣла, а скорѣе вредятъ, придавая неопредѣленной мысли слишкомъ опредѣленную видимость. Иногда это стремленіе къ внѣшней точности ведетъ къ математическимъ формулировкамъ законовъ, совершенно недоказаннымъ. Такъ на стр. 26 говорится о распространеніи примѣра въ группѣ по геометрической прогрессіи, если группа однородна. Это—несомнѣнное злоупотребленіе точностью: я думаю, что даже теоретически невозможно доказать справедливости этого. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что знаменатель этой прогрессіи самъ долженъ убывать (не знаю, въ какой прогрессіи). Немного ниже, правда, Тардъ говоритъ о стремленіи къ геометрической прогрессіи, но зачѣмъ же такъ играть точными математическими терминами?

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить скромности Тарда. На стр. 21 онъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ свою собственную концепцію: «Этому взгляду суждено произвести въ соціологіи такія же измѣненія, какія произвело въ математикѣ введеніе анализа безконечно малыхъ». *Д. Кудрявскій.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Тотоміанцъ. «Муниципализація промышленныхъ предпріятій».—*Парвусъ.* «Торговопромышленный кризисъ и профессіональные союзы». *Рихардъ Эренбергъ.* «Большія состоянія».

В. Ѳ. Тотоміанцъ. Муниципализація промышленныхъ предпріятій. Москва. 1902. 174 стр. Ц. 1 р. 50 коп. Быстрый ростъ большихъ городовъ, представляющій одно изъ наиболѣе яркихъ явленій новѣйшой стадія культурнаго развитія необычайно расширилъ и усложнилъ сферу дѣятельности города. Уже давно городъ началъ играть крупную роль въ организаціи и экономіи народнаго хозяйства, и все современное крупно-капиталистическое развитіе было бы немыслимо безъ роста большихъ городовъ Но до послѣдняго времени города рѣдко и неохотно выступали въ качествѣ самостоятельнаго хозяйствующаго субъекта, въ качествѣ предпринимателя.

Въ настоящее время эта сторона дѣятельности быстро и широко развавается западно-европейскими, въ особенности англійскими муниципалитетами.

Западно-европейскіе муниципалитеты выступаютъ въ роли финансистовъ, покупая цѣнныя бумаги, главнымъ образомъ государственную ренту, содержатъ свои ломбарды и банки, свои собственныя страховыя общества, имѣютъ собственные рестораны (Бреславль), аптеки, прачешныя, пекарни, не говоря уже о водоснабженіи, освѣщеніи и передвиженіи. Исходя изъ той мысли, что все растущія финансовыя нужды городовъ требуютъ созданія прочнаго и постояннаго источника городскихъ доходовъ и что города дешевле и лучше сумѣютъ удовлетворить нужды городского населенія, чѣмъ частные предприниматели, западно-европейскіе муниципалитеты одно за другимъ стали сосредоточивать въ своихъ рукахъ крупныя городскія предпріятія. Такъ какъ рука объ руку съ этимъ шло на западѣ неуклонное расширеніе избирательныхъ правъ городскихъ обывателей и этимъ путемъ городское управленіе все болѣе демократизировалось, все болѣе точно выражало интересы большинства населенія, то понятно, что расширеніе и улучшеніе муниципальныхъ промышленныхъ предпріятій было направляемо въ сторону желательную для этого большинства.

Безъ этихъ предварительныхъ условій демократизаціи городского управленія и широкой гласности его функціонированія, расширеніе муниципальныхъ промышленныхъ предпріятій само по себѣ могло дать весьма печальные результаты; нельзя поэтому не пожалѣть, что, задавшись цѣлью выяснить успѣхи муниципализаціи промышленныхъ предпріятій, г. Тотоміанцъ совершенно отказался отъ задачи выяснить ту правовую обстановку, въ которой эта дѣятельность на западѣ совершается, а безъ выясненія этой обстановки совершенно нельзя понять въ чемъ кроется успѣхъ западно-европейскихъ муниципальныхъ предпріятій.

Поразительные успѣхи муниципальныхъ промышленныхъ предпріятій совершенно незамѣтнымъ образомъ, такъ сказать, ниже порога сознанія, революціонизировали міровоззрѣніе многихъ ярыхъ индивидуалистовъ и сторонниковъ свободной конкуренціи. Извѣстный англійскій экономистъ Сидней Веббъ превосходно обрисовалъ этотъ процессъ:

«Практическій человѣкъ,—говоритъ онъ,—презирающій всѣ теоріи соціальной организаціи, подчиняется измѣнившимся условіямъ жизни и идетъ по пути коллективизма, не признавая въ то же время соціализма. Англійскій гласный — индивидуалистъ шагаетъ по муниципальной мостовой, поливаемой муниципальной водой; онъ смотритъ на муниципальные часы, возвышающіеся надъ муниципальномъ рынкомъ, чтобы во время встрѣтить своихъ дѣтей, вы-

ходящихъ изъ муниципальной школы, рядомъ съ которой находится муниципальный госпиталь; онъ садится на муниципальный трамвай и ѣдетъ въ муниципальную библіотеку, чтобы подготовиться тамъ къ рѣчи о необходимости перехода въ руки государства каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Во время этой рѣчи въ городской думѣ онъ не преминетъ воскликнуть: «соціализмъ, господа гласные, не стоитъ того, чтобы человѣкъ практически разбирался въ его фантазіяхъ и абсурдѣ. Индивидуальное дѣйствіе, самопомощь—вотъ что возвеличило нашъ городъ!»

Эти удивительные успѣхи муниципализаціи промышленныхъ предпріятій внимательно зарегистрированы въ книгѣ г. Тотоміанца. Книга эта написана нѣсколько сухо, хотя собранныя въ ней фактическія данныя весьма краснорѣчивы. Авторъ, по его собственнымъ словамъ, руководился принципомъ, выраженнымъ американскимъ соціологомъ Уордомъ въ словахъ: «Большая часть всего цѣннаго въ наукѣ есть результатъ разсужденія о собранныхъ фактахъ». И поэтому «больше всего посвятилъ времени сбору мелкихъ и крупныхъ фактовъ, разсѣянныхъ во множествѣ городскихъ отчетовъ, проектовъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, брошюръ и книгъ». (Предисловіе). Но вѣдь американскій соціологъ говоритъ не о сыромъ сборѣ фактовъ, а о «результатѣ разсужденія», и намъ думается, что большія старанія автора, направленныя на разработку этой стороны изслѣдованія, много бы могли содѣйствовать оживленію и большей систематичности его интересной работы.

Первая глава труда г. Тотоміанца носитъ общій характеръ, будучи посвящена выясненію состава и значенія муниципальныхъ промышленныхъ предпріятій. Авторъ, какъ мы уже упомянули, ограничилъ, къ сожалѣнію, свою задачу изслѣдованіемъ промышленной дѣятельности муниципалитетовъ только съ финансовой стороны, оставивъ въ сторонѣ правовыя нормы, ее регулирующія. По его выраженію, онъ считаетъ своею задачею «представить промышленную область муниципалитетовъ какъ источникъ доходовъ въ то время, когда коммунальные расходы все увеличиваются и увеличиваются и городской долгъ не перестаетъ рости».

Переходя затѣмъ къ описанію удивительно богато разросшейся промышленной дѣятельности западно-европейскихъ и американскихъ городовъ, авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ подробно разсматриваетъ эту дѣятельность со стороны городского фиска, въ то же время недостаточно выясняетъ ея обще-культурное значеніе, ея значеніе для городского потребителя. Авторъ даже считаетъ, что «муниципалитеты въ общемъ не должны браться за предпріятія, финансовые результаты которыхъ сомнительны» (39). Съ этимъ едва ли можно вполнѣ согласиться, намъ думается, что муниципалитеты должны взять на себя цѣлый рядъ предпріятій, «финансовые результаты которыхъ сомнительны», имѣя при этомъ въ виду цѣли просвѣщенія или улучшенія матеріальнаго положенія малоимущихъ слоевъ городского населенія. Едва ли правильно, какъ это дѣлаетъ авторъ, разсматривать всѣ промышленныя предпріятія лишь съ точки зрѣнія фиска и предоставлять всѣ не приносящія дохода предпріятія частнымъ предпринимателямъ. Намъ думается, что не фискальныя соображенія, а заботы о здоровьи городского населенія должны заставить муниципалитеты взять въ свои руки тѣ предпріятія, отъ доброкачественности и дешевизны продуктовъ которыхъ зависитъ здоровье населенія, и при этомъ вся получаемая прибыль должна цѣликомъ идти на удешевленіе и улучшеніе этихъ продуктовъ, а не на улучшеніе финансовъ города. Говоримъ, конечно, лишь объ опредѣленныхъ отросляхъ промышленныхъ предпріятій городовъ, а не о нихъ всѣхъ. Въ книгѣ г. Тотоміанца мы находимъ интересныя данныя о положеніи рабочихъ въ муниципальныхъ предпріятіяхъ, о безконечно раз-

личныхъ формахъ этихъ предпріятій, объ отношеніи къ нимъ кооперативнаго движенія и т. д.

По свѣжести и полнотѣ фактическихъ данныхъ книга г. Тотоміанца заслуживаетъ полнаго вниманія. *П. Берлинъ.*

Парвусъ. Торгово-промышленный кризисъ и профессіональные союзы. (Parvus. Handelskrisis und Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den achtstündigen Normalarbeitstag. Verlag: M. Ernst. München) Промышленный міръ переживаетъ теперь тяжелый хозяйственный кризисъ. Экономическій подъемъ, наблюдаемый въ Германіи съ 1895 года, смѣнился въ 1900 году цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ банкротствъ. Множество заводовъ и фабрикъ или совсѣмъ прекратили свою дѣятельность, или значительно сократили ее. Десятки и сотни тысячъ рабочихъ потеряли заработокъ, сотни тысячъ семействъ лишились средствъ къ поддержанію жизни. По послѣднимъ *приблизительнымъ* разсчетамъ во всей германской имперіи насчитывается свыше пятисотъ тысячъ безработныхъ.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь помочь бѣдствующимъ рабочимъ, нѣкоторые муниципалитеты принуждены были предпринять различныя работы и такимъ путемъ доставить безработныхъ возможность перебиться. Въ то же время профессіональные союзы рабочихъ опустошали свои кассы для поддержки товарищей, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію.

Въ періодъ промышленнаго подъема профессіональные союзы сдѣлали порядочные успѣхи. Число членовъ съ 252.044 въ 1894 году поднялось въ 1900 г. до 680.427. Членскіе взносы съ 2,7 милл. марокъ повысились до 7,7; расходы съ 2,1 милл. поднялися до 6,5 милл. (По послѣднему отчету, число членовъ понизилось въ 1901 г. до 677.510, хотя касса отъ этого не пострадала: приходы повысились до 9.722.720 марокъ, расходы—до 8.967.168 м. Р. О.).

Итакъ, развитіе профессіональныхъ союзовъ несомнѣнно. Это развитіе слѣдуетъ приписать, съ одной стороны, промышленному подъему, съ другой—существованію сильно сплоченной соціалъдемократіи. Безъ нея вносимые въ парламентъ реакціонные законопроекты стали бы законами и тормазили бы расцвѣтъ профессіональныхъ союзовъ. Это положеніе—одинъ изъ главныхъ тезисовъ Парвуса. Въ то время какъ нѣкоторые политики—въ родѣ Зомбарта, Кулемана и др.—полагаютъ, что демократія точно свинцомъ давитъ на союзы и мѣшаетъ ихъ успѣшному развитію, Парвусъ утверждаетъ противное. Профессіональные союзы заняты лишь экономической борьбой и для успѣха въ ней они нуждаются въ политическомъ представительствѣ. Безъ таковаго они лишились бы подъ давленіемъ реакціи всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя даютъ возможность организоваться, бороться и побѣждать.

Въ періодъ промышленнаго расцвѣта рабочіе организаціи успѣли добиться нѣкоторыхъ выгодъ. Тогда это было нетрудно. При измѣнившейся конъюктурѣ трудно ожидать отъ борьбы какихъ-либо успѣховъ. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать союзамъ? Нельзя же оставлять ихъ въ бездѣйствіи. Бездѣйствіе ведетъ къ дезорганизаціи. И Парвусъ рекомендуетъ поэтому заняться упроченіемъ союзовъ путемъ дисциплинированія ихъ членовъ. Дальше онъ рекомендуетъ заняться организаціей статистистическихъ изслѣдованій экономическаго положенія той или другой профессіи, чтеніемъ рефератовъ о значеніи профессіональныхъ организаціи и т. д.

Особенно важна агитація въ пользу законодательнаго ограниченія рабочаго дня. Уменьшенный рабочій день повыситъ спросъ на рабочихъ и заработная плата поэтому не падетъ изъ-за конкуренціи безработныхъ. Чтобы изъ области теоретическихъ соображеній перейти къ практикѣ, Парвусъ приложилъ къ своему сочиненію проектъ закона о введеніи нормальнаго рабочаго дня.

Этимъ мы исчерпали главное содержаніе книжки.

Изложеніе Парвуса пересыпано различными теоретическими соображеніями и замѣчаніями относительно кризисовъ, концентраціи капитала, значенія личнаго начала въ промышленности и т. д. Его утвержденія по этимъ вопросамъ крайне общи и въ своей общности безусловно невѣрны. Мѣсто, однако, не позволяетъ намъ подробнѣе коснуться этихъ побочныхъ соображеній. Впрочемъ, для главныхъ положеній автора они не важны. *Р. Ольгинъ.*

Рихардъ Эренбергъ. Большія состоянія. Ихъ возникновеніе и значеніе. Фуггеры, Ротшильды, Круппъ. (Richard Ehrenberg. Grosse Vermögen. Ihre Entstehung und ihre Bedeutung. Die Fugger, Rotschild, Krupp. Jena. Verlag von Gustav Fischer). Существуетъ мнѣніе, по которому всякій самъ кузнецъ своего «счастья». Не «судьба», не какія-либо внѣшнія силы или условія опредѣляютъ ростъ богатствъ *отдѣльнаго* человѣка, а онъ самъ, его трудолюбіе, энергія, способности. Это мнѣніе исповѣдуется счастливцами, которымъ тѣмъ или другимъ путемъ удалось овладѣть порядочнымъ состояніемъ или завоевать значительное и прочное положеніе на соціальной лѣстницѣ. Въ своей абсолютности и общности это мнѣніе нелѣпо и противорѣчитъ ежедневному опыту.

Существуетъ и противоположное мнѣніе, которое провозглашаетъ ничтожество человѣческой индивидуальности и всемогущество объективныхъ условій. Въ экономической борьбѣ побѣждаетъ не человѣкъ, не энергія, не талантъ, предусмотрительность и т. д., а исключительно большее количество капитала. Человѣкъ ничто, капиталъ все. Это мнѣніе исповѣдуется всѣми обиженными судьбой, оттолкнутыми отъ пользованія жизненными радостями, униженными и оскорбленными. Ортодоксальные марксисты также раздѣляютъ его. Однако, не трудно видѣть, что и это мнѣніе нелѣпо и противорѣчитъ тому, что мы вокругъ насъ наблюдаемъ.

Истина лежитъ посрединѣ. Однѣ личныя качества безъ соотвѣтственныхъ объективныхъ условій часто оказываются безсильными въ экономической борьбѣ. Но, съ другой стороны, большій или меньшій капиталъ можетъ служить только *условіемъ*, но ни въ коемъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ въ дѣлѣ достиженія богатствъ.

Книга роштокскаго профессора можетъ послужить прекраснѣйшей иллюстраціей къ высказанному нами мнѣнію. Исторія средневѣковыхъ купцовъ Фуггеровъ, банкировъ Ротшильдовъ и заводчика Круппа—это не исторія развитія бездушнаго капитала, а живыхъ людей, ихъ способностей, таланта, энергіи. Фуггеры, Ротшильды, Круппъ стали богатыми не потому, что обладали крупными капиталами—съ ними конкурировали часто люди болѣе богатые,—а потому, что были надѣлены извѣстными талантами и энергіей. Но понятно, что безъ нѣкоторыхъ объективныхъ условій всѣ субъективныя качества ихъ пропали бы даромъ, и Эренбергъ тщательно отмѣчаетъ всѣ эти условія.

Какое значеніе имѣетъ крупный капиталъ? На этотъ вопросъ у Эренберга нельзя найти опредѣленнаго отвѣта. Онъ рисуетъ меценатство Фуггеровъ, указываетъ на благотворительную дѣятельность Ротшильдовъ, но въ этомъ, конечно, не можетъ заключаться все значеніе крупныхъ капиталовъ. Въ общемъ можно сказать, что они способствуютъ обогащенію нашей культуры, что они развиваютъ ее, расширяютъ; обогащеніе это достается однако не даромъ: море пота и крови нужно отдать за него. Такова ужъ судьба человѣчества: милліонами жизней приходится ему пожертвовать для того, чтобы жизнь другихъ милліоновъ была хоть немного облегчена и украшена. Но развѣ нельзя уменьшить число жертвъ, приносимыхъ Молоху-культурѣ? Мы думаемъ, что можно, и ихъ нужно у него отвоевать.

Книга Эренберга написана на основаніи архивныхъ данныхъ, исключая однако монографіи о Круппѣ. Къ сожалѣнію, у него не было матеріала для

исторiи какой-нибудь латифундiи. Было бы интересно сопоставить рядомъ съ торговымъ и промышленнымъ капиталомъ капиталъ земледѣльческiй.

Р. Ольгинъ.

ФИЛОСОФIЯ.

Карлейль. «Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека».

Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека. Въ трехъ книгахъ. Т. Карлейля. Переводъ съ англiйскаго Н. Горбова. Москва. 1902.

Почти одновременно появились двѣ книги: первый русскiй переводъ карлейлевскаго «Sartor Resartus'а» и новое нѣмецкое изданiе (двадцать шестая тысяча за восемнадцать мѣсяцевъ) лекцiй проф. Адольфа Гарнака *), читанныхъ имъ студентамъ берлинскаго университета. Эти двѣ книги—и старая, и новая—останавливаютъ и надолго задерживаютъ вниманiе читателя и просятся на сопоставленiе не только потому, что ихъ послѣднiя изданiя появились одновременно, и не только потому, что Гарнакъ упоминаетъ о Карлейлѣ и сочувственно на него ссылается. Въ разной постановкѣ своей ихъ занимаетъ одинъ и тотъ же вопросъ, въ разномъ смыслѣ—они оба дѣти какъ будто одной эпохи и, даже, вопреки бiографической хронологiи, Карлейль, подобно современнику своему, Эдгару Поэ, часто кажется человѣкомъ временъ скорѣе Бельше и Верлэна, нежели Джона Стюарта Милля и Льюиса (который посвятилъ ему свой трехтомный трудъ о Гёте). Лихорадочно разбрасывающiйся анализъ, неустанно работающая и подчиняющая себѣ всего автора фантазiя, капризный, но не кокетничающiй и не ломающiйся стиль—все это роднитъ не только настроенiе, но и нѣкоторыя основныя мысли Карлейля съ нашей, а не съ его эпохой, съ началомъ двадцатаго вѣка, а не съ первой половиной девятнадцатаго, когда былъ написанъ столь характерный для него «Sartor Resartus». Какъ дышатъ вчерашнимъ и сегодняшнимъ нашимъ литературнымъ днемъ, интересами этого дня, такiя, напримѣръ, его строки: «Въ символѣ заключается скрытность, но также и откровенiе; такимъ образомъ здѣсь, съ помощью молчанiя и рѣчи, дѣйствующихъ совмѣстно, получается двойная значительность. И если, съ одной стороны, рѣчь сама по себѣ возвышенна, а молчанiе, съ другой, благопристойно и благородно—какъ выразителенъ будетъ ихъ союзъ! Такъ, во многихъ нарисованныхъ девизахъ или простыхъ эмблемахъ на печатяхъ самая обыкновенная истина появляется передъ нами возвѣщенной съ совершенно новымъ эмфазомъ. Ибо именно здѣсь фантазiя съ ея мистическимъ царствомъ чудесъ проникаетъ въ тѣсную прозаическую область чувства и соединяется съ нимъ. Собственно въ символѣ, въ томъ, что мы можемъ назвать символомъ, заключается всегда, болѣе или менѣе ясно и прямо, нѣкоторое воплощенiе и откровенiе безконечнаго; безконечное съ помощью его сливается съ конечнымъ, является видимымъ и, такъ сказать, досягаемымъ. Символами, вслѣдствiе этого, человѣкъ руководится, управляется, дѣлается счастливымъ, дѣлается несчастнымъ. Повсюду видитъ онъ себя окруженнымъ символами, признаваемыми за таковые или непризнаваемыми: вселенная есть только обширный символъ Бога, и, если ты этого хочешь, что такое самъ человѣкъ, какъ не символъ Бога?.. Развѣ все, что онъ дѣлаетъ, не символично,—откровенiе чувству мистической, Богомъ данной силы, которая заключается въ немъ, благовѣстiе свободы, которое онъ, мессiя природы, проповѣдуетъ, какъ можетъ, словомъ и дѣломъ? Онъ не строитъ ни одной лачуги, которая не была бы видимымъ во-

---

*) «Das Wesen des Christentums». Leipzig. 1902.

*

площеніемъ мысли, которая не носила бы видимаго воспоминанія о невидимыхъ вещахъ, которая не была бы въ трансцендентальномъ смыслѣ символична столько же, сколько и реальна». Много, очень много у Карлейля такихъ, забѣжавшихъ впередъ, не его, а нашей эпохѣ современныхъ, страницъ, но мы не будемъ загромождать ими настоящую замѣтку; о Карлейлѣ можно написать книгу и о Гарнакѣ—другую книгу, если бы стремиться къ тщательной и полной ихъ характеристикѣ, къ анализу ихъ произведеній и причинъ ихъ шумнаго успѣха. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь одну, наиболѣе сближающую этихъ двухъ писателей, черту; для цѣлей такого сопоставленія изъ нѣсколькихъ сочиненій Гарнака мы считаемъ наиболѣе пригоднымъ изданіе его лекцій, а изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ, написанныхъ Карлейлемъ, тотъ томъ, который занятъ нынѣ переведеннымъ на русскій языкъ «Sartor Resartus'омъ». Карлейля поглощаютъ всѣ главныя проблемы соціальной и духовной жизни, которыя съ такою неотступностью стоятъ предъ нашими послѣдними поколѣніями; кромѣ приведенной тирады о символахъ, очень многое у него кажется написаннымъ вчера или сегодня, но мы остановимся лишь на одной изъ этихъ проблемъ.

Абсолютное, абсолютная истина въ мірозданіи и въ морали—вотъ что всегда влекло къ себѣ Карлейля и вотъ что нѣмымъ сфинксомъ выступаетъ изъ каждой страницы «Sartor Resartus'а». Не поиски абсолютнаго,—Карлейль его не ищетъ, а оно само, размышленіе о немъ, точнѣе благоговѣніе предъ нимъ. Карлейль согласился съ такою характеристикою своего міровоззрѣнія, сдѣланною Джономъ Стерлингомъ: «Міръ, съ человѣкомъ, какъ его главнымъ предметомъ, весь есть область чуда и тайны; но, чтобы быть понятыми, они требуютъ, прежде всего, благоговѣнія къ себѣ». Онъ считаетъ религію высочайшею формою отношеній человѣка къ міру и полагаетъ, что внѣ ея—удѣлъ человѣка—незнаніе, и тутъ же (въ одобренной имъ характеристикѣ его воззрѣній) читаемъ: «Впрочемъ, въ концѣ концовъ, мы неизмѣримо невѣжественны. Вокругъ насъ полнота жизни, то слышная въ звукахъ, то видимая въ формахъ; но мы не можемъ измѣрить ея объема или исчислить и изслѣдовать ея безконечныхъ силъ». Нельзя смущаться тѣмъ, что Карлейль очень часто какъ будто противорѣчитъ себѣ и иной разъ, казалось бы, изображаетъ себя обладающимъ тою истиною, познать которую, по его же многообразнымъ утвержденіямъ, представляется столь труднымъ; онъ былъ поэтомъ въ душѣ, а поэзію считалъ главнымъ выраженіемъ «чувства божественнаго», «высочайшей формою божественнаго въ человѣческомъ существованіи, свободнѣйшимъ признаніемъ божественнаго во всемъ».

Тайна абсолютнаго не проясняется отъ этихъ восторговъ предъ поэзіею,—ни для читателей, ни для Карлейля, и не сбивчивость мысли, а патетическая сила языка часто виновата въ видимыхъ, кажущихся его противорѣчіяхъ. Что такое означаютъ слова «Sartor Resartus»? Заштопанный портной. А чему посвящена озаглавленная такимъ страннымъ образомъ книга? Яко бы изложенію мыслей нѣмецкаго философа герра Тейфельсдрека о «философіи одежды». На самомъ же дѣлѣ это—хаотическое, капризное, раскидчивое трактованіе вѣчныхъ вопросовъ о происхожденіи міра, объ устройствѣ вселенной, о соціальныхъ неустройствахъ. Герръ Тейфельсдрекъ, обрисованный въ видѣ умозрительнаго нѣмецкаго мыслителя старыхъ временъ, изображенъ Карлейлемъ въ тѣхъ теплыхъ, мягкихъ, добродушно ироническихъ тонахъ, которые указываютъ на любовное отношеніе автора къ выводимому имъ типу. Уже исчезающій образъ стараго, разсѣяннаго, «не отъ міра сего» нѣмецкаго ученаго, имѣвшій такъ много въ себѣ симпатичнаго, выступаетъ, несмотря на бѣглость штриховъ, очень рельефно. Комическія внѣшнія черты этого лица еще болѣе оттѣняютъ всю выразительность хотя бы такого крика отчаянія, влагаемаго

авторомъ въ его уста: «кто я? что такое это я? Голосъ, движеніе, внѣшность; нѣкоторая воплощенная, получившая образъ, мысль Вѣчнаго Ума? Cogito, ergo sum. Увы, бѣдный мыслитель, это мало подвигаетъ насъ впередъ. Конечно, я есмь и еще недавно не былъ; но откуда, какъ, для чего? Отвѣтъ лежитъ вокругъ; онъ написанъ всѣми красками и почерками; онъ произносится на всѣ тоны восторга и воплей въ тысячеликой, тысячегласой гармонической природѣ; но гдѣ тотъ острый глазъ, то чуткое ухо, для которыхъ это Богомъ написанное откровеніе выскажетъ раздѣльно свою мысль? Мы пребываемъ какъ бы въ безконечной фантасмагоріи, въ пещерѣ грезъ, безконечной, ибо самая слабая звѣзда, самый отдаленный вѣкъ лежатъ не ближе нашего къ предѣламъ; звуки и многоцвѣтные образы летаютъ вокругъ нашихъ чувствъ; не Его, недремлющаго, чье твореніе—и греза, и грезящій, Его—мы не видимъ, и даже не подозрѣваемъ, кромѣ рѣдкихъ минутъ полубодрствованія. Твореніе, скажутъ, находится передъ нами, какъ великолѣпная радуга; но солнце, ее произведшее, находится сзади насъ и скрыто отъ насъ. И въ этомъ странномъ снѣ какъ цѣпляемся мы за тѣни, какъ будто бы онѣ—сущности; и мы спимъ крѣпче всего тогда, когда мнимъ себя наиболѣе бдящими! Какая изъ вашихъ философскихъ системъ есть что нибудь иное, чѣмъ теорема грезъ,—одно частное, принятое на вѣру, когда и дѣлимое, и дѣлитель неизвѣстны? Ваши національныя войны, съ ихъ бѣгствомъ изъ Москвы, ваши кровавыя, полныя ненависти революціи, что все это какъ не сомнамбулизмъ больныхъ спящихъ? И эти сновидѣнія, этотъ сомнамбулизмъ есть то, что мы называемъ на землѣ жизнью; и большинство бродитъ въ этомъ, не смущаясь, какъ будто можетъ отличить правую руку отъ лѣвой, а между тѣмъ мудръ только тотъ, кто знаетъ, что онъ ничего не знаетъ!» Это отчаяніе умѣряется нѣсколько характернымъ для времени Карлейля, для первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, соціальнымъ оптимизмомъ. Несмотря на «чувства острой печали и тяжкаго негодованія», отъ которыхъ по мнѣнію Карлейля никогда вполнѣ не отрѣшится тотъ, кто «взвѣшиваетъ должнымъ образомъ положеніе міра»,—онъ вѣритъ въ добро и въ конечное торжество его. «Первая пригоршня селитры, сѣры и угля выбросила пестикъ изъ ступки монаха Шварца сквозь потолокъ; но что сдѣлаетъ послѣдняя? Она довершитъ окончательное и безпорное преклоненіе силы предъ мыслью, животнаго мужества предъ духовнымъ». Но нѣтъ у него столь же свѣтлой вѣры въ конечное торжество познающаго ума въ области вѣчныхъ тайнъ: подобно Шопенгауэру, онъ считаетъ *удивленіе* естественнымъ состояніемъ философа, «всемірное удивленіе» и, судя по остальнымъ его словамъ, *вѣчное* удивленіе... Христіанскую религію онъ считаетъ «высшимъ, до чего достигала человѣческая мысль». На той же страницѣ читаемъ, что «всѣ вещи, даже небесныя свѣтила... имѣютъ свой періодъ возрастанія, періодъ кульминаціонный и періодъ упадка»; религіи и все прочее: «торъ, эдды, африканскіе мумбоджумбо, индѣйскіе Пауау» должны будутъ исчезнуть...

Какая же черта бросается, прежде всего, въ глаза, когда мы знакомимся съ работою карлейлевской мысли надъ проблемами бытія? Глубокое, проникновенное и грустное сознаніе страшной трудности задачи и страшной слабости силъ, съ которыми приходится приступать къ ея разрѣшенію. Это сознаніе бросаетъ необыкновенно привлекательный колоритъ на всю книгу Карлейля, въ которой и тѣни нѣтъ задорнаго и крикливаго провозглашенія, что вотъ вчера еще я не позналъ истины, а сегодня она—у меня въ карманѣ,—нѣтъ и тѣни наивнаго самообольщенія прозелита, примкнувшаго къ вѣковой традиціи, но полагающаго, что этимъ самымъ открылъ ни вѣсть какую Америку и что другіе, прежніе его единомышленники просто недогадливы,—не болѣе,—если остаются «на побѣгушкахъ» у сомнѣнія... Много потрудилась западная

наука надъ вѣчными вопросами,—и Карлейль, одинъ изъ самыхъ могучихъ ея представителей, тоже много и тоже безплодно мучился ими.

И въ наше время эта сторона его дѣятельности, пожалуй, еще больше привлечетъ къ себѣ вниманіе общества, нежели семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Потребности религіознаго чувства ищутъ себѣ того или иного удовлетворенія— и разно удовлетворяются (и не удовлетворяются) въ современномъ обществѣ, но пробужденіе и оживленіе ихъ въ послѣдніе годы—несомнѣнны. И если справедливо, что въ извѣстномъ вопросѣ двадцатый вѣкъ знаетъ столько же, сколько зналъ Анаксагоръ, то что же удивительнаго, что послѣднія семьдесятъ лѣтъ были въ этомъ отношеніи такъ же безплодны, какъ предшествующія тысячелѣтія? Толпы берлинскихъ студентовъ, слушавшія профессора Гарнака, десятки тысячъ людей, прочитавшихъ потомъ его лекціи въ книжкѣ, въ извѣстномъ смыслѣ могли быть также мало удовлетворены, какъ и читатели «Sartor Resartus'а, если бы пришли къ нему съ вопросами, на которые только вѣра даетъ свои опредѣленные отвѣты. Но книжка его такъ же мало возбуждаетъ чувства разочарованія, какъ и работа Карлейля. Секретъ Гарнака тотъ же, что и секретъ Карлейля: искренность, вдумчивость, серьезная забота о большой задачѣ и малыхъ средствахъ,—все это и здѣсь производитъ впечатлѣніе, самое выгодное и для автора, и для его цѣли. А цѣль его—послужить дѣлу познанія и душевнаго мира (насколько, прибавимъ, это возможно безъ *окончательныхъ* отвѣтовъ)... Профессоръ Гарнакъ *) еще до своихъ прогремѣвшихъ въ Германіи лекцій написалъ большую «Исторію древнехристіанской литературы», издалъ творенія нѣкоторыхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько большихъ изслѣдованій по церковному устройству первыхъ вѣковъ, издалъ и снабдилъ примѣчаніями цѣлую массу весьма важныхъ для исторіи церкви—произведеній. Во всеоружіи всего, что только можетъ теперь дать избранная имъ отрасль исторической науки, онъ приступилъ къ анализу существа религіи и необыкновенно сильно и талантливо исполнилъ свою задачу. «Господа»,—такъ закончилъ онъ свой курсъ: «религія, то-есть любовь къ Богу и къ ближнему, даетъ жизни смыслъ; наука этого не можетъ дать. Говорю по собственному своему опыту, какъ человѣкъ, который тридцать лѣтъ надъ этими предметами трудился: дивна чистая наука и горе тому, кто низко ее цѣнитъ и заглушаетъ въ себѣ склонность къ познанію! Но на вопросы: откуда? куда? и зачѣмъ? она (наука) отвѣчаетъ теперь такъ же мало, какъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ. Правда, она учитъ насъ о фактическомъ, вскрываетъ противорѣчія, связываетъ явленія, исправляетъ обманы нашихъ чувствъ и представленій. Но гдѣ и какъ начинается линія міра и линія нашей собственной жизни, та линія, которой лишь одну часть она, наука, намъ показываетъ, и куда ведетъ эта линія,—объ этомъ наука насъ не учитъ». Но, заключаетъ Гарнакъ, изученіе собственнаго внутренняго міра и исторіи человѣчества, можетъ привести не къ упадку духа и не къ тоскѣ, а къ сознанію, что Богъ есть. Какъ бы ни отнесся читатель къ заключенію книги Гарнака, онъ всегда долженъ будетъ признать внутреннюю силу и красоту за этою дисциплиною мысли, за этимъ свѣтлымъ духомъ умственной свободы и независимости, который позволяетъ ученому служить наукѣ и ей одной, не фальсифицировать ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обращаться къ ней съ ругательствами только за то, что въ извѣстныхъ вопросахъ она совсѣмъ безсильна. Что онъ сохранилъ свою вѣру—это его личное счастье; что онъ остался въ своихъ лекціяхъ ученымъ, и только

*) Онъ—благоговѣйный почитатель «des grossten Schtrifstellers» нашего времени, Толстого.

ученымъ, что онъ сдержалъ данное въ предисловіи обѣщаніе представить «чисто-историческую» постановку вопроса —въ этомъ его важная заслуга.

Гарнакъ знаетъ Карлейля и ссылается разъ на него; Карлейль, навѣрное, съ своей стороны полюбилъ бы соотечественника своего миѳическаго профессора, если бы былъ современникомъ Гарнака. Оба они слишкомъ серьезно относятся къ вопросу о Богѣ и вѣрѣ, оба признаютъ за вѣрой послѣднее слово въ этомъ вопросѣ, хотя и понимаютъ, что оно доказательно только для вѣрующихъ, оба всю жизнь служили наукѣ и проникнуты духомъ научнаго изслѣдованія, хотя и не закрываютъ глазъ на сравнительную ограниченность предѣловъ научнаго вѣдѣнія, и, вслѣдствіе всего этого, оба равно далеки отъ внезапныхъ открытій религіозныхъ Америкъ и отъ истерически-нетерпѣливыхъ и раздражительныхъ приглашеній всѣхъ и каждаго въ эти Америки неотлагательно слѣдовать. Были у насъ славянофилы, претендовавшіе на полное познаніе не въ примѣръ прочимъ русскаго народнаго духа, и дождались они ядовитыхъ словъ отъ всегдашняго врага своего Тургенева, считавшаго русскій народъ сфинксомъ: «Увы! не довольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о всероссійскій сфинксъ!» Живи теперь этотъ неисправимый западникъ, онъ могъ бы сказать по аналогіи: «Увы! недостаточно придти въ восторгъ отъ нѣсколькихъ произведеній искусства, чтобы разгадать твою тайну, о всемірный сфинксъ!» Онъ бы такъ сказалъ, посмотрѣлъ бы на Карлейля и Гарнака съ одной стороны, потомъ на иныхъ новѣйшихъ отечественныхъ Колумбовъ съ другой стороны, и, боимся, остался бы по прежнему западникомъ...

Рекомендуемъ «Sartor Resartus'а» вниманію читателей съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что переводъ выполненъ г. Горбовымъ весьма тщательно и литературно. Г. Горбовъ любовно относится къ Карлейлю (которому онъ посвятилъ маленькое, но прекрасно написанное предисловіе) и это любовное отношеніе къ автору выгодно отразилось на переводѣ. Замѣтимъ только, что «our fitnes» (цитируемъ англійское изд. London 1858, стр. 7) лучше было бы перевести словами «наша способность» или «наша пригодность», а не словами «наше внутреннее право» (русск. перев., стр. 11); переводъ «it tailorises us» (англ. изд., стр. 34) словами «приводитъ насъ въ портновское настроеніе»— неуклюжъ; лишнее было перевести слово «the man» (англ изд., стр. 127) словами «нашъ ученый мужъ» (русс. перев., стр. 230), въ переводѣ получился оттѣнокъ ироніи, именно въ этой фразѣ отсутствующій въ подлинникѣ (да и, вообще, прибавлять слова отъ себя всегда излишне); слова «thougha sansculottist (англ. изд., 146) г. Горбовъ перевелъ словами: «хотя и санкюлоттъ» (рус. пер. стр. 264), тогда какъ надо было оставить безъ измѣненія карлейлевскій терминъ, обозначающій *не санкюлотта, а защитника санкюлоттовъ*; «diseases of the nerves» (англ. изд., стр. 159) сильнѣе, нежели просто «разстройство нервовъ» (рус. перев., стр. 288), это выраженіе слѣдуетъ передать словами: «нервныя болѣзни».

Эти и очень немногія (2—3) грубыя неточности перевода не помѣшаютъ, конечно, намъ признать, что г. Горбовъ превосходно справился со своею труднѣйшею задачей: ибо невозможно себѣ представить болѣе причудливаго и головоломнаго стиля, нежели стиль Sartos Resartus'а. Очень кстати переводчикъ перевелъ и часть характеристики Джона Стерлинга, отсутствующей во всѣхъ извѣстныхъ намъ изданіяхъ этой книги. Жаль только, что онъ сохранилъ и чудаческую типографскую особенность Sartor'а: большія буквы для цѣлой массы обыкновеннѣйшихъ нарицательныхъ словъ (Призрачное Существованіе, Шапка, Природа, Искусство, Реальное, Душа, Фейерверкъ, Желудокъ, Ласточка, Домикъ, Разносчикъ и т. д. и т. д. до безконечности); этою странностью Карлейль, очевидно, хотѣлъ усилить нѣмецкій «couleur locale» повѣствованія о геррѣ

Тейфельсдрекѣ, но на русскомъ языкѣ все это вышло неловко и ненужно, и большія буквы, пестря въ глазахъ, развлекаютъ вниманіе.

Издатели исполнили свое дѣло такъ же добросовѣстно, какъ и переводчикъ: изданіе чрезвычайно опрятно и даже щеголевато. *Евг. Тарле.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

А. Никитинъ. «Пассажирскіе пароходы на Волгѣ въ санитарномъ отношеніи».— *Г. Хлопинъ.* «Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья».—*Г. Хлопинъ.* «Загрязненіе проточныхъ водъ».—*В. Лунцъ.* «Пища и болѣзни желудка».—*Филипповъ.* «Гигіена дѣтей».

А. Ф. Никитинъ. Пассажирскіе пароходы на Волгѣ въ санитарномъ отношеніи. Спб. 1902. Цѣна не обозначена. На Волгѣ насчитывается, кромѣ мелкихъ пароходовъ, предназначенныхъ для перевозки пассажировъ на небольшія разстоянія и съ одного берега на другой, большихъ пассажирскихъ пароходовъ до 400, на которыхъ за время навигаціи, т.-е. почти за полугодіе перевозится нѣсколько милліоновъ людей. Такіе огромные размѣры пассажирскаго движенія на волжскихъ пароходахъ оправдываютъ интересъ къ этому движенію и съ санитарной точки зрѣнія. Не останавливаясь на устройствѣ помѣщеній для пассажировъ первыхъ двухъ классовъ и даже третьяго, очень далекихъ во многихъ отношеніяхъ отъ благоустройства, приведемъ только сдѣланное авторомъ описаніе поистинѣ безобразнаго 4-ого класса, гдѣ тысячи людей нерѣдко проводятъ одну или двѣ недѣли времени.

Этотъ 4-ый классъ устраивается на нижней палубѣ, гдѣ расположены нары либо въ два яруса, либо вдоль боковыхъ стѣнъ парохода. Вслѣдствіе отсутствія переборокъ между нарами, пассажиры размѣщаются на нихъ вповалку, безъ различія пола и возраста, плотно прижимаясь другъ къ другу. При такой тѣснотѣ создается возможность передачи не только паразитовъ, но и заразныхъ болѣзней. Но и такія нары не обязательны для пароходовъ, среди которыхъ имѣются и такіе, гдѣ пассажиры ѣдятъ, отдыхаютъ и спятъ прямо на грязной палубѣ. Число пассажирскихъ мѣстъ 4-го класса доходитъ до 1.000, но такъ какъ палуба предназначается и для товара, то въ зависимости отъ количества послѣдняго находится и пространство, остающееся для пассажировъ.

Если мы къ этому прибавимъ, что для животныхъ тоже отводится мѣсто на этой же палубѣ, то станетъ понятно, въ какихъ условіяхъ совершаетъ свое путешествіе неприхотливый русскій мужичокъ. Чтобы пройти мимо лошадей, сообщаетъ г-нъ Никитинъ, надо или самому наклониться, или взять морду животнаго и отвести ее въ сторону. Всѣ изверженія животныхъ ручьями разливаются по палубѣ, гдѣ живутъ и ѣдятъ люди....

Еще болѣе несчастными, чѣмъ эти пассажиры, являются арестанты, которыхъ иной разъ въ количествѣ 100 человѣкъ, перевозятъ въ товарномъ трюмѣ.

Если таково главное помѣщеніе пассажировъ, то нечего говорить о всѣхъ дополнительныхъ мѣстахъ, которыя только дополняютъ общую картину.

Такъ какъ пароходный буфетъ по своимъ цѣнамъ совершенно недоступенъ пассажирамъ 4-го класса, то они запасаются провизіей во время стоянокъ пароходовъ и въ суетѣ и торопливости имъ не приходится останавливаться на качествахъ предлагаемой имъ пищи.

Читая все это, не знаешь, чему больше удивляться: выносливости ли и терпѣнію русскаго человѣка, или наглости тѣхъ, которыя позволяютъ себѣ такимъ образомъ обращаться съ людьми. *Врачъ В. И. Б—къ.*

Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья. Составлено проф. Г. В. Хлопинымъ и докторами: В. В. Гориневскимъ, О. А. Литинскимъ. А. В. Погожевымъ, М. И. Покровской, Н. Я. Пясковскимъ, М. А. Раскиной и А. И. Скибневскимъ. Подъ редакціей проф. Г. В. Хлопина. Введеніе Ф. Ф. Эрисмана. Въ 4-хъ томахъ, съ рисунками въ текстѣ. Томъ I. Безплатное приложеніе къ журналу «Спутникъ Здоровья» за 1902 годъ. Популярное руководство по гигіенѣ, которое напутствовалъ своимъ введеніемъ проф. Ф. Ф. Эрисманъ, представляетъ большой интересъ. Въ прекрасно написанномъ, доступномъ большому кругу читателей предисловіи профессоръ устанавливаетъ разницу между гигіеной индивидуальной и общественной, наглядно показывая, что успѣхи первой не могутъ дать существенныхъ результатовъ, если будетъ въ загонѣ общественная гигіена и санитарія. А развитіе послѣдней возможно только при общемъ просвѣщеніи и улучшеніи матеріальнаго благосостоянія массъ. «И такъ какъ,—говоритъ Ф. Ф. Эрисманъ, развитіе народовъ, въ этомъ отношеніи, совершается лишь медленно, шагъ за шагомъ, то и уменьшеніе заболѣваемости и смертности, путемъ оздоровленія страны, составляя часть общаго культурнаго движенія, происходитъ лишь постепенно, и его нельзя форсировать искусственными, придуманными за кабинетнымъ столомъ и въ канцеляріяхъ мѣрами. Здѣсь нуженъ упорный многолѣтній трудъ, упорная борьба противъ невѣжества, гдѣ бы оно ни показывалось, нужна строгая послѣдовательность въ мѣропріятіяхъ, нужна—last not least—сердечная любовь къ непросвѣщенному, темному народу. И только тотъ, кто сознаетъ все это своимъ разумомъ, только тотъ, кто чувствуетъ эту любовь къ ближнему въ своемъ сердцѣ—только тотъ будетъ настоящимъ борцомъ за общественное здоровье».

Въ вышедшемъ пока первомъ томѣ помѣщены работа редактора книги проф. Г. В. Хлопина «Фальсификація пищевыхъ продуктовъ и простѣйшіе способы ея распознаванія» и женщины-врача М. А. Раскиной «Повальныя болѣзни, ихъ источники, способы распространенія и борьба съ ними».

Имя редактора изданія вполнѣ гарантируетъ солидность и богатое содержаніе помѣщаемыхъ въ немъ трудовъ.

Въ концѣ своего изслѣдованія проф. Г. В. Хлопинъ указываетъ на необходимость общественной и государственной борьбы съ достигшей колосальныхъ размѣровъ фальсификаціей продуктовъ, а эта борьба будетъ плодотворна только при существованіи спеціальнаго закона противъ фальсификаціи пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ,—закона, изданіе котораго составляетъ у насъ въ Россіи насущную потребность.

Статья д-ра М. А. Раскиной о повальныхъ болѣзняхъ, написанная, очевидно, знатокомъ дѣла, читается съ большимъ интересомъ.

Если послѣдующіе томы будутъ также хорошо составлены, какъ вышедшій первый, то руководство это явится одной изъ лучшихъ у насъ книгъ по популярной медицинѣ и гигіенѣ. *Врачъ В. И. Б—ъ.*

Проф. Г. В. Хлопинъ. Загрязненіе проточныхъ водъ хозяйственными и фабричными отбросами и мѣры къ его устраненію. Юрьевъ. 1902 г. Цѣна 65 коп. Тотъ фактъ, что теоретическая гигіена не можетъ еще въ настоящее время съ положительностью высказаться о значеніи повсемѣстно наблюдаемаго загрязненія естественныхъ водоемовъ, въ значительной мѣрѣ объясняетъ отсутствіе у насъ и повсюду твердыхъ и ясныхъ законоположеній, гарантирующихъ чистоту разныхъ водовмѣстилищъ. Въ то время какъ т. наз. контагіонисты съ Кохомъ во главѣ требуютъ строгаго охраненія питьевыхъ водъ отъ загрязненія, локалисты, имѣвшіе во главѣ нынѣ уже покойнаго Петтенкофера, отстаиваютъ важное значеніе чистоты почвы, которая (чистота) можетъ быть куплена, если въ этомъ представится надобность, даже цѣною загрязненія питьевыхъ водъ.

Представителямъ промышленныхъ интересовъ и городовъ на руку послѣднее воззрѣніе, представители же интересовъ населенія, вынужденнаго пользоваться для питья и хозяйственныхъ нуждъ грязной водой, стоятъ, конечно, на точкѣ зрѣнія контагіонистовъ.

Не имѣя возможности касаться здѣсь тѣхъ сторонъ изслѣдованія проф. Г. В. Хлопина, которыя представляютъ интересъ для спеціалистовъ, скажемъ только, что, какъ видно изъ работы профессора, и въ европейскихъ государствахъ законы объ охраненіи водъ отъ загрязненія далеки отъ совершенства, между прочимъ, и въ Англіи, славящейся своимъ санитарнымъ законодательствомъ. По словамъ проф. Хлопина, въ европейскихъ странахъ загрязненіе водъ зашло такъ далеко, что законы о чистотѣ ихъ являются уже до извѣстной степени запоздалыми.

Тѣмъ больше основаній, говоритъ онъ, поспѣшить съ законодательной разработкой этого вопроса въ Россіи, гдѣ загрязненіе рѣкъ и другихъ водоемовъ пока не зашло такъ далеко и гдѣ, поэтому, еще возможно цѣлесообразными мѣропріятіями парализовать возникающій отъ загрязненія вредъ.

Книга проф. Р. В. Хлопина, хотя и написана для спеціалистовъ, будетъ съ пользой прочтена лицами, такъ или иначе принимающими участіе въ рѣшеніи вопросовъ общественнаго здравохраненія. *В. И. Б—ъ.*

Д-ръ мед. В. Л. Лунцъ. Пища и болѣзни желудка. Популярно-научныя бесѣды съ рисунками въ текстѣ. Спб., 1902 г. Цѣна 80 к. Прекрасно изданная и хорошо написанная книжка д-ра Лунца знакомитъ читателей какъ съ физіологической дѣятельностью желудка, такъ и съ нѣкоторыми патологическими явленіями въ области этого органа. Первая глава книги посвящена выясненію значенія пищевыхъ веществъ и оцѣнкѣ питательности пищевыхъ продуктовъ.

Такъ какъ число лицъ, въ той или иной степени страдающихъ болѣзнями желудка, очень велико, то и кругъ читателей книжки д-ра Лунца долженъ быть обширный и съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что въ главахъ, посвященныхъ діэтѣ при болѣзняхъ желудка, идетъ рѣчь о такихъ діэтетическихъ пріемахъ, которые доступны если не только богатымъ, то во всякомъ случаѣ зажиточнымъ классамъ, а было бы важнѣе дать діэтетическія указанія и для тѣхъ, кто объ устрицахъ и трюфеляхъ только слыхалъ—вѣдь они-то составляютъ большинство. *Врачъ В. И. Б—ъ.*

Гигіена дѣтей. А. Н. Филиппова, прив.-доц. дѣтскихъ болѣзней въ московскомъ университетѣ. Съ 32 рисунками. Ц. 2 р. 1902. Книга эта составлена изъ лекцій, читанныхъ авторомъ студентамъ и предназначается для интеллигентныхъ матерей. Прекрасной рекомендаціей ей служитъ предисловіе покойнаго профессора Филатова, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Предлагаемое руководство, основываясь на современныхъ научныхъ данныхъ и оставляя въ сторонѣ всякія сомнительныя гипотезы и недоказанныя теоріи, выводитъ гигіеническіе правила и законы, причемъ при выборѣ гигіеническихъ мѣръ и предписаній отдаетъ предпочтеніе средствамъ, наиболѣе практичнымъ, по возможности дешевымъ и общедоступнымъ». И дѣйствительно, можно смѣло рекомендовать эту книгу, необходимую въ каждой семьѣ, чѣмъ болѣе, что къ достоинствамъ, упомянутымъ выше проф. Филатовымъ присоединяется толковое и ясное изложеніе. Нужно только замѣтить, что врядъ ли удачна мысль автора одну и ту же книгу предназначить и студентамъ, и «интеллигентнымъ матерямъ»: для первыхъ многія объясненія являются излишними, для вторыхъ—слишкомъ спеціальными и даже совершенно непонятными. Что, напр., «интеллигентная мать» не врачъ вынесетъ изъ слѣдующихъ строкъ: «Легкое не дышавшаго ребенка представляетъ особенное состояніе спаденія, совершенно безвоздушнаго, и потому это состояніе въ отличіе отъ ателектаза называется

anectasia.» (стр. 31.); или: «У здоровыхъ дѣтей, особенно во время сна, наблюдаются явленія такъ называемаго *Хейнъ-Штоксова* дыханія» (стр. 33). Или: «У новорожденныхъ иногда наблюдаются неправильности серцебіенія: аритмія, перебои, pulsus bigeminus» (раздвоенный).» (стр. 24). Также совершенно излишни для матерей описаніе результатовъ перкуссіи груди ребенка. Лучше бы вмѣсто этого 22-хъ строчекъ мелкаго шрифта (стр. 37 и 38) г. Филипповъ объяснилъ, почему «частые насморки ведутъ къ хроническому катарру слизистой оболочки носа и смежныхъ областей зѣва, гортани и уха»... такъ какъ для непосвященныхъ совершенно непонятна эта связь носа и уха, а также и лобныхъ пазухъ, о которыхъ говорится нѣсколькими строками ниже (стр. 29). Къ слову замѣтить, намъ кажется совершенно излишней боязнь автора выносить грудныхъ дѣтей на воздухъ зимой. Г. Филипповъ разрѣшаетъ такія прогулки только въ «невѣтреные, морозные дни до 5° R на короткое время (до 5—8 минутъ) подъ густой вуалью» (стр. 61). Здоровыя 9—10-мѣсячныя дѣти отлично выносятъ температуру и болѣе низкую, такъ что ихъ смѣло можно выносить и до 10° мороза по R безъ всякой густой вуали (которая только раздражаетъ ихъ) и притомъ въ теченіе не 5—8 мин., а и 2—3-хъ часовъ, конечно, не подъ рядъ, а съ промежутками въ теченіе дня. Можетъ быть, главнымъ образомъ, оттого у насъ на сѣверѣ и встрѣчаются такъ часто блѣдныя, анемичныя дѣти, даже у состоятельныхъ людей, что ихъ, изъ боязни простудить, такъ старательно лишаютъ воздуха. Да и много ли на сѣверѣ на всю зиму придется дней съ 5° R, да еще безвѣтреныхъ? Мы, конечно, не хотимъ сказать, что не нужно остерегаться выносить дѣтей въ сильный вѣтеръ и дождь.

Затѣмъ позволимъ себѣ еще два маленькихъ замѣчанія. Во-первыхъ, намъ кажется, лучше всего совѣтовать мыть ребенка не губкой, а простой мягкой тряпочкой, которую гораздо легче содержать въ чистотѣ, чѣмъ губку. Во-вторыхъ, почему авторъ совѣтуетъ купать ребенка послѣ года только разъ въ недѣлю? Вѣдь не только ребенку, который пачкается гораздо больше, но и взрослому ежедневное купаніе ничего, кромѣ пользы, принести не можетъ.

Выше мы говорили, что языкъ разбираемой книги въ общемъ вполнѣ толковый, простой и ясный, но все же должны отмѣтить, что мѣстами встрѣчаются выраженія въ родѣ «натура», «ирритменты», послѣднее даже довольно часто.

Несмотря на указанные нами недосмотры, все же «Руководство по гигіенѣ» г. Филиппова является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу по данному предмету, и книгу эту можно смѣло рекомендовать каждой «интеллигентной матери».

Врачъ С.

Опечатка: Въ іюльской книгѣ, въ рецензіи на книгу Шурца, на стр. 95, строка 25 снизу, вмѣсто «*нелишнія*», напечатано «*излишнія*». *Ред.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го іюня по 15-ое іюля 1902 г.).

Т. Гексли и Г. Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Изд. Б-ки для Самообразованія. Мск. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

М. Нордау. Новые парадоксы. Изд. Павленкова. Спб. 1902 г. Ц. 75 коп.

Князьковъ. Какъ начался расколъ русской церкви. Изд. С. Курнинъ и К°. Мск. 1902 г. Ц. 35 к.

Брюнгесъ. Рескинъ и библія. Изд. Посредника. Мск. 1902 г. Ц. 90 к.

В. Вундтъ. Введеніе въ философію. Изд. «Образованія». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Степановъ и Базаровъ. Обществ. отношенія во Франціи XVII и XVIII вв. Изд. «Образованія». Спб. Ц. 50 к.

Галицкій. Гг. Читателямъ и гг. писателямъ. Спб. Ц. 50 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XIX т. III. Юргенсонъ. Мск. 1902 г.

Лазурскій. Западно-европейскій романтизмъ и романтизмъ Жуковскаго. Рѣчь пр. въ Новороссійскомъ У-тѣ.

Глѣбовскій. О дѣйствіи свѣта вольтовской дуги на волчанку. Изслѣд. при медико-хир. акад.

Гр. Новополинъ. Въ сумеркахъ литературы и жизни. Изд. Головиной. Харьк. 1902 г. Ц. 1 р.

Бертинъ. Разсказы. Изд. О-ва «Трудъ». Спб. Ц. 1 р.

Ф. Лангманъ. Бартель и Туразеръ. Изд. Головкиной. Харьк. 1902 г. Ц. 30 к.

Шнитцлеръ. Поручикъ Густль. Изд. то же. Ц. 25 к.

Пружанскій. Въ разгарѣ страстей. Изд. Т-ва «Народная Польза». Спб. Ц. 1 р. 25 к.

М. Серао. Сестра Джіована. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. Ц. 1 р.

Загоскинъ. Юрій Милославскій. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

Писаревскій. Горошки. Изд. Германа. Одесса. Ц. 1 р.

Андаевъ. Стихи прозаика. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Думы и грезы. Павлоградъ. Ц. 45 к.

А. Переводчикова. Стихотворенія. Саратовъ. Ц. 50 к.

П. Н. Полевой. Какъ мы поселились въ деревнѣ. Изд. Девріена. Спб. 1902 г.

Р. Киплингъ. По склонамъ Нагорья и трущобамъ Калькуты. Изд. Вс. Попова. Кіевъ. 1902 г. Ц. 65 к.

А. Луговой. Умеръ талантъ. Изд. Маркса. Спб. Ц. 60 к.

Жуковскій. Собраніе сочиненій. Съ иллюстр. 2 т. Изд. Сытина. Мск. Ц. 7 р.

И. Забѣлинъ. Исторія г. Москвы. Изд. гор. думы. 1902 г. Т. I.

Гамбаровъ. Двадцать пять лѣтъ дѣятельности госуд. имперск. банка въ Германіи.

Гофштетеръ. Пожарно-страховое дѣло въ земскихъ губ. Спб. Ц. 2 р.

А. Бычковъ. Очерки Якутской области. Ирк. Макушина. 1902 г.

Маренинъ. Албанія и албанциты. Изд. «Военн. журн.» Софія. 1902 г. Ц. 1 р.

Отчетъ совѣта вятск. о-ва землед. колоній и ремесл. пріютовъ за 1901 г.

Деригманъ. Практич. совѣты для сохраненія жизни. Изд. о-ва «Помощь». Спб. Ц. 50 к.

Конанъ-Дайль. Война въ Южной Африкѣ. Изд. газ. «Торісв» Одесса. Ц. 25 к.

О. Н. Попова. Родной міръ. Изд. 2-ое. Спб. Ц. 25 к.

Народная библіотека при Раменской м-рѣ (каталогъ и обозрѣніе дѣятельн.). Ц. 20 к.

Матеріалы для оцѣнки фабр. зав. и друг. промышл. завед. Нижег. губ.

Дерновъ. Другъ пчеловода. Календарь. Спб. 1902 г.

Пономаревъ. Сборникъ задачъ по элемент. физикѣ. Харьк. 1902 г. Ц. 1 р.

Македоновъ. Хозяйственное положеніе стан. Барыкаевской, Каменномыской и Севастопольской. Воронежъ. 1901 г.

Отчетъ Иваново-Вознесенской общ. Б-ки за 1901 г. Г. Владиміръ 1902 г.

Радцигъ. Производство и потребленіе овса на всемъ. Изд. т-ва «Народная Польза». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Пермская губ. въ сельскохоз. отнош. Пермь. 1902 г.

Обзоръ податнаго состоянія Курской губ. за 1900 г.

Отчетъ нижегор. общественной б-ки за 1901 г.

Н. И. Ильминскій и просвѣщ. инородцевъ. Изд. «Русской Школы». Спб. Ц. 35 к.

Ляссъ. Таблицы вычисленія 5% госуд. налога. Двинскъ. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Fields of Ethics» by prof. George Herbert Palmer. Boston (Houghton Miffin and C°). (*Область этики*). Въ книгѣ заключаются шесть лекцій профессора Гарвардскаго университета Пальмера. Авторъ называетъ свои лекціи «введеніемъ въ этику» и говоритъ, что онъ не имѣетъ въ виду въ этихъ лекціяхъ излагать главные принципы нравственной науки или анализировать волю и говорить о происхожденіи нравственнаго чувства и о тѣхъ отдаленныхъ идеалахъ, къ которымъ долженъ стремиться человѣкъ. Авторъ хочетъ, прежде всего, опредѣлить то мѣсто, которое занимаетъ этика «въ раціональной схемѣ вселенной» (in a rational scheme of universe), указать границы, отдѣляющія ее отъ другихъ областей знанія и установить характеръ нравственнаго человѣка. По его словамъ, этика—«это наука, которая учитъ человѣка, какъ жить полною жизнью». Авторъ старается доказать это въ своей книгѣ, главнымъ достоинствомъ которой, помимо содержательности, является простота изложенія, благодаря чему книга доступна большому кругу читателей, не получившихъ спеціальнаго философскаго образованія. (Daily News).

«The Origin of Thought» by Res. d. Nicherson (Kegan Paul). (*Происхожденіе мысли*). Авторъ заявляетъ, что онъ написалъ свою книгу для «мыслящихъ молодыхъ женщинъ и мужчинъ, получившихъ хорошее общее образованіе, но не читавшихъ философскихъ сочиненій». Онъ знакомитъ своихъ читателей со взглядами разныхъ философовъ, приводитъ собственныя наблюденія и дѣлаетъ выводы. Множество цитатъ, которыми изобилуетъ книга, указываютъ на обширную эрудицію ея автора. (Athaeneum).

«Lamarck, the Founder of Evolution: his Life and work» by Alphens S. Packard (Longmans). (*Ламаркъ, основатель эволюціи; его жизнь и труды*). Въ исторіи естественныхъ наукъ Ламаркъ занимаетъ исключительное мѣсто. Какъ систематикъ натуралистъ, въ особенности въ томъ, что касается растеній и моллюсковъ, онъ до сихъ поръ не имѣетъ соперниковъ. Но въ настоящее время онъ привлекаетъ всеобщее вниманіе не столько своими научными изслѣдованіями, сколько своими смѣлыми выводами относительно превращенія организмовъ. При его жизни, взгляды его на органическую эволюцію не встрѣтили должной оцѣнки, его осмѣивали и имъ пренебрегали. Величайшій натуралистъ того времени очень невеликодушно отнесся къ Ламарку и не выказалъ должнаго вниманія его трудамъ. Находя, что памяти Ламарка до сихъ поръ еще не оказано должной справедливости, авторъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ въ 1899 г. и постарался собрать разбросанный и довольно скудный матеріалъ, касающійся жизни Ламарка, для того, чтобы написать его біографію и обзоръ его трудовъ. На основаніи этого матеріала, авторъ доказываетъ, что Ламаркъ черпалъ свое вдохновеніе непосредственно изъ природы и не основывалъ своихъ смѣлыхъ выводовъ на какихъ-либо наблюденіяхъ или трудахъ своихъ предшественниковъ. (Athaeneum).

«The Lesson of Evolution» by Frederick Wollaston Hutton (Duckworth and C°). (*Урокъ эволюціи*). Въ этой небольшой книгѣ заключаются двѣ публичныя лекціи: одна о «прогрессѣ науки», другая «о прогрессѣ жизни». Послѣдняя заключаетъ въ себѣ ясное и сжатое изложеніе доктрины эволюціи. Обѣ лекціи составлены очень популярно и поэтому доступны весьма широкому кругу читателей, интересующихся біологическими и философскими вопросами. (Athaeneum).

«The Study of Religion» by Murris Gastrow (Walter Scott). (*Изученіе религіи*). Авторъ въ теченіе многихъ лѣтъ подготовлялъ свой трудъ, включенный въ серію изданій подъ общимъ заглавіемъ «Contemporary Science Series». Онъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ исторію религіи и вліяніе различныхъ факторовъ, этики, философіи, миѳологіи и т. д., на ея изученіе. Библіографическій указатель подтверждаетъ громадную эрудицію автора. (Bookseller).

«L'Education des jeunes filles» par Henri Marion (Armand Colin). Paris (*Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ*). Очерки женской психологіи покойнаго профессора Маріона пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Въ этой книгѣ профессоръ Маріонъ разсматриваетъ вопросы воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, какъ нравственнаго, такъ и физическаго, и такъ какъ онъ, читая лекціи въ Сорбоннѣ, пріобрѣлъ большую опытность въ этихъ вопросахъ, то его взгляды, конечно, заслуживаютъ вниманія. По его мнѣнію, будущее общества вообще, и въ особенности будущее французскаго общества, находится въ зависимости отъ разрѣшенія проблемы женскаго воспитанія. (Journal des Débats).

«Le Monde invisible» par Jules Bois. Paris (Flammarion). (*Невидимый міръ*). Авторъ излагаетъ ученіе теософовъ, оккультистовъ, спиритовъ и т. д., не стараясь

нисколько вліять на читателя въ пользу той или другой доктрины и оставаясь объективнымъ. Онъ хорошо знакомъ съ предметомъ. Онъ посѣщалъ засѣданія теософовъ, лично зналъ полковника Олькотта, американскаго теософа и его ученицу Анну Безантъ. Два года тому назадъ онъ ѣздилъ въ Индію спеціально для того, чтобы познакомиться съ Махатмой, великимъ жрецомъ теософовъ. Онъ былъ приверженцемъ оккультизма, но вернулся изъ Индіи съ сомнѣніями въ душѣ. Въ своей книгѣ онъ дѣлаетъ обзоръ всѣмъ оккультическимъ явленіямъ. Блестящій и остроумный стиль, свойственный автору, увеличиваетъ интересъ книги, которая снабжена предисловіемъ, написаннымъ Сюлли Прюдомомъ. (Journal des Débats).

«Der Untergang der Erde und die kosmischen katastrophen» von D-r Wilhelm Meyer. Betrachtungen über die zukünftigen Schicksale unserer Erdenvelt. Berlin (Allgemeiner Vereinfür Deutsche Literatur). (Гибель земли и космическія катастрофы). Талантливый популяризаторъ Вильгельмъ Мейеръ изслѣдуетъ въ этой книгѣ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся гибели земли. Рядомъ съ строго научнымъ изслѣдованіемъ въ книгѣ отводится также довольно значительное мѣсто фантазіи. Авторъ разсматриваетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія гипотезы о гибели земли и опредѣляетъ ихъ вѣроятность на основаніи существующихъ познаній въ геофизикѣ и астрофизикѣ. Землетрясенія и вулканическія катастрофы, имѣвшія мѣсто недавно въ различныхъ областяхъ земного шара, придаютъ особенный интересъ той главѣ, которая занимается этими вопросами. Авторъ говоритъ о потопахъ и землетрясеніяхъ. Что потопъ не былъ легендой, а является историческимъ фактомъ — это подтверждается многочисленными историческими и геологическими изысканіями. Явленіе это повторяется и въ наше время, но только въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ. Великія наводненія, поражающія ту или другую область, конечно, представляютъ потопъ въ миніатюрѣ. Подобный потопъ, напримѣръ, наблюдался въ 1887 году въ Китаѣ, когда Хоанго вышла изъ береговъ и залила 20.000 квадратныхъ километровъ, причемъ погибло полтора милліона людей. По словамъ автора, условія гибели земли безконечно разнообразны; земля можетъ погибнуть различными способами, но изслѣдуя исторію земли, авторъ приходитъ къ оптимистическому выводу, что катастрофы обыкновенно только поражаютъ какую-нибудь часть земли и не вся жизнь на землѣ погибаетъ отъ нихъ. (Berliner Tageblatt).

«Elements d'une Psychologie politique du peuple Américain» par Emill Boutmy (Элементы политической психологіи американскаго народа). (Armand Colin). Paris. Тѣ, кто уже знакомъ съ предшествовавшими работами автора, признаютъ его авторитетомъ въ вопросахъ политической и соціальной характеристики англо-саксонской расы. Это новое сочиненіе является какъ бы дополненіемъ его характеристики англійскаго народа. Авторъ изслѣдуетъ въ немъ различныя фазы американской жизни съ философской и политико-экономической точки зрѣнія. Послѣдняя глава, посвященная развитію имперіализма въ Соединенныхъ Штатахъ, представляетъ спеціальный интересъ. (Journal des Débats).

«Fatalism, True and False» by W. Henry Miller (Greeming and C°). (Истинный и ложный фатализмъ). Очень интересная и смѣло написанная маленькая книга, могущая заинтересовать каждаго читателя. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ законъ необходимости, который, по его мнѣнію, управляетъ вселенной и отрицаетъ безнравственность и преступность этой доктрины. (Daily News).

«Educated Working Women» by Clara G. Collet (King and Son). (Образованныя работницы). Въ этихъ очеркахъ обсуждается важная соціальная проблема, касающаяся положенія образованныхъ работницъ въ современномъ обществѣ. Авторъ доказываетъ необходимость измѣненія существующихъ условій и повышенія заработной платы женщинъ, для того, чтобы работа образованныхъ женщинъ была болѣе полезной, какъ для нихъ самихъ, такъ и для общества. (Daily News).

«Last Letters of Martyred Missionaries. Edited by Marchall Broomhall (Morgan and Scott). (Послѣднія письма замученныхъ миссіонеровъ). Въ этой книгѣ собраны послѣднія письма миссіонеровъ, погибшихъ во время кризиса 1900 года, указывающія, что вѣкъ христіанскаго героизма и самоотверженія еще не миновалъ. Письма дополняются иллюстраціями и портретами. (Bookseller).

«Among Hills and Valleys in Western China» by Hannoh Davies. (Partridge and C°). (Среди холмовъ и долинъ западнаго Китая). Въ предисловіи къ своему дневнику миссъ Дэвиссъ говоритъ, что она не предназначала его для печати, но событія послѣднихъ двухъ лѣтъ заставили ее измѣнить свое намѣреніе. Дѣйствительно, ея очерки китайской жизни и характера очень интересны. Миссъ Дэвиссъ имѣла возможность изучить китайцевъ, занимаясь въ теченіи многихъ лѣтъ миссіонерскою дѣятельностью внутри Китая. Книга иллюстрирована. (Bookseller).

«Central and South America» Vol. 2. With Maps and Illustrations. By A. H. Keane delited by sir Clements Markham (Центральная и южная Америка). Позднѣйшія открытія и изслѣдованія въ южной и центральной Америкѣ потребовали значительнаго расширенія первоначальнаго

изданія. Въ этихъ двухъ томахъ заключаются самыя подробныя географическія и др. свѣдѣнія объ этихъ странахъ, изслѣдуются политическія перемѣны и обсуждается вліяніе желѣзныхъ дорогъ и прорытіе междуокеанскаго канала. Много вниманія удѣляется въ этомъ сочиненіи европейскимъ колоніямъ въ Южной Америкѣ. Кромѣ прекрасныхъ картъ, въ обоихъ томахъ помѣщено много иллюстрацій.

(Bookseller).

«The Criminal» by Havelock Ellis (Walter Scott). (Преступникъ). Эта книга входитъ въ составъ библіотеки «Contemporary Science Series» и вышла теперь третьимъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ. Авторъ сдѣлалъ своею спеціальностью изученіе преступниковъ и произвелъ уже много изслѣдованій въ области криминологіи. Онъ дѣлаетъ вполнѣ опредѣленныя и рѣзкія различія между случайнымъ, привычнымъ и профессіональнымъ преступникомъ. Въ книгѣ заключается до пятидесяти иллюстрацій, преимущественно портретовъ различныхъ психически ненормальныхъ субъектовъ. (Bookseller).

«Une sorcière au XVIII siècle.—Marie Anne de La Ville (1680 — 1725) par M. Coynard. (Колдунья XVIII вѣка). Это историческое сочиненіе, увлекательное какъ романъ, основано на точныхъ научныхъ данныхъ и представляетъ въ высшей степени интересную монографію, въ которой отражается цѣлая эпоха. Исторія героини этой монографіи является въ то же время и исторіей вѣка и можетъ приковать вниманіе не однихъ только профессіональныхъ психологовъ, которыхъ должна заинтересовать личность героини, но и всѣхъ образованныхъ читателей, знакомыхъ съ исторіей вѣка.

(Journal des Débats).

«La vie universitaire dans l'ancienne Espagne» par Gustave Regnier (Университетская жизнь въ старой Испаніи). Авторъ не имѣетъ въ виду дать въ своей книгѣ исторію высшаго образованія въ Испаніи; онъ хочетъ только представить въ цѣломъ рядѣ очерковъ и картинъ университетскую жизнь въ отдаленные времена. Профессора и студенты и вся шумная и восторженная испанская молодежь дефилируетъ передъ глазами читателя въ этихъ очеркахъ изъ вѣка въ вѣкъ. Послѣ дней славы — дни упадка. Авторъ такъ живо рисуетъ сцены университетской жизни, что воображеніе читателя переносится въ старинные испанскіе университеты. Во всѣхъ подробностяхъ своихъ очерковъ авторъ обнаруживаетъ чрезвычайно основательное знакомство съ предметомъ и обширную эрудицію.

(Journal des Débats).

«Le Merveilleux au XVIII siècle» par Ernest d'Hauterive (Чудесное въ XVIII вѣкѣ). Восемнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ ученыхъ и философовъ, но въ то же время онъ былъ вѣкомъ суевѣрія. Ни въ одной эпохѣ не существовало такой массы предразсудковъ, такого обилія нелѣпыхъ и ложныхъ вѣрованій. Колдовство и магія, теософія и спиритизмъ—всѣ эти спиритуалистическія доктрины находили вездѣ массу самыхъ горячихъ адептовъ, чѣмъ и пользовались умные и ловкіе шарлатаны въ родѣ Каліостро и Сенъ-Жермена. Авторъ изображаетъ эту любопытную эпоху въ своей книгѣ, которая читается съ большимъ интересомъ, такъ какъ бросаетъ новый свѣтъ на исторію общества и нравовъ XVIII вѣка.

(Journal des Débats).

«L'Introduction à l'étude de la figure humaine» par le docteur Paul Richar (Введеніе къ изученію человѣческой фигуры). Книга служитъ введеніемъ къ цѣлому ряду изслѣдованій человѣческой фигуры. Авторъ высказываетъ въ ней свои взгляды на отношенія искусства къ наукѣ и на нѣкоторыя проблемы эстетики. Онъ предполагаетъ издать нѣчто въ родѣ энциклопедіи по морфологіи человѣка и многіе ученые и художники обѣщали ему свое содѣйствіе.

(Journal des Débats).

«The Varieties of Religious Experience». A study in Human Nature, by William James, professor of Philosophy at Harvard University (Longman). (Разнообразіе религіознаго опыта). Авторъ цитируетъ взгляды на религію философовъ, какъ Августинъ, Кантъ, Лессингъ и Гегель, мистиковъ, піетистовъ, скептиковъ, литераторовъ, ученыхъ, католическихъ и протестантскихъ святыхъ, мучениковъ и чудотворцевъ, спиритуалистовъ и др. и стремится найти общіе элементы въ этомъ необыкновенномъ разнообразіи религіозныхъ взглядовъ. Для изучающихъ философію религій и психологовъ книга эта можетъ представить очень цѣнный источникъ, такъ какъ матеріалъ, собранный авторомъ, очень великъ. (Daily News).

«Personal idealism» Philosophical Essays by Eight Members of Oxford University. Edited by Henry Stuart (Личный идеализмъ). Въ этихъ очеркахъ восемь различныхъ авторовъ высказываютъ свои философскіе взгляды, отличающіеся смѣлостью и оригинальностью. (Daily News).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

влюбленные и отличаются отъ законнаго супруга.

— Питеръ,—спросила Леонора, когда они поднимались по лѣстницѣ.—Говорили ли вы какой-нибудь другой дѣвушкѣ свои политическіе секреты?

Дороти шла какъ разъ сзади ихъ и дотронулась вѣеромъ до плеча Питера. Когда онъ обернулся, она сказала ему однимъ движеніемъ губъ: «скажите да».

Питеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ Леонорѣ.

— Нѣтъ, вы единственный человѣкъ, съ которымъ я люблю говорить о политикѣ.

«О!» мысленно воскликнула Дороти, «какой ты большой, нелѣпый, старый дуракъ! Я только что все такъ славно подстроила!»

Когда взаимныя привѣтствія были окончены, Дороти дѣйствительно оказала Питеру большую услугу.

— Предложите мнѣ руку, Питеръ,—сказала она ему,—я хочу познакомить васъ съ одной барышней.

— Питеръ танцуетъ этотъ вальсъ со мной!—быстро сказала Леонора.

Питеръ блаженствовалъ впродолженіи двухъ минутъ, но послѣ этого она имѣла жестокость сказать ему:

— Довольно! вы отвратительно танцуете.

Питеръ отвелъ ее къ матери и сказалъ:

— Извините меня, мнѣ надо поговорить съ Дороти.

— Я такъ и знала, что вы будете ухаживать за замужними дамами. Всѣ мужчины вашего возраста занимаются этимъ,—съ необъяснимой жестокостью уколола его Леонора.

Питеру больше не хотѣлось говорить съ Дороти. Онъ сѣлъ рядомъ съ Леонорой и болталъ съ нею, пока какой-то изящный, но, навѣрное, никуда не годный юноша не похитилъ его сокровища. Только тогда Питеръ направился къ Дороти.

— Зачѣмъ вамъ понадобилось, чтобы я отвѣтилъ «да»?—спросилъ онъ.

Дороти только вздохнула.

— Я думала, что вы не поймете меня, но вы еще наивнѣе, чѣмъ я предполагала. Ничего, теперь дѣло уже сдѣлано. Питеръ, сдѣлаете вы мнѣ одолженіе?

— Съ удовольствіемъ.

— Здѣсь миссъ Биддль изъ Филадельфіи. Она почти никого не знаетъ изъ мужчинъ и не танцуетъ. Если я представлю васъ, вы постараетесь, чтобы ей не было скучно?

— Конечно,—довольно угрюмо отвѣтилъ Питеръ.

— Только пожалуйста не покидайте ее, какъ только къ ней кто-нибудь подойдетъ. Это можетъ навести ее на мысль, что вы желаете избавиться отъ нея, а миссъ Биддль очень чувствительна. Говорю вамъ прямо, потому что знаю, что вы не захотите ее обидѣть.

«Ну, сударыня моя» мысленно прибавила Дороти, «попробуйте теперь обижать моего стараго Питера»!

— Кто эта барышня, съ которой говоритъ м-ръ Стерлингъ?—спросила Леонора у своего кавалера.

— А это милліонерша миссъ Биддль изъ Филадельфіи. Говорятъ, она до сихъ поръ не нашла себѣ супруга, который былъ бы достоинъ ея, поэтому она заморозилась до самой своей смерти, надѣясь встрѣтить достойнаго ея на небесахъ. Она завидный призъ.

— Какъ она хороша!—замѣтила Леонора.

— Вы находите? Многіе такъ думаютъ, только не я; я не люблю блондинокъ.

Когда Леонора танцовала уже съ четвертымъ кавалеромъ, она спросила:

— Что за особа миссъ Биддль?

— Она просто ослѣпительна,—былъ отвѣтъ,—всѣ мужчины по ней съ ума сходятъ, но она умѣетъ ихъ держать на благородномъ разстояніи.

— Она умна?

— Умна ли? Вотъ въ томъ-то и горе, что умна! Она не желаетъ и слышать о человѣкѣ, если онъ не уменъ. Посмотрите на нее сегодня! Ей удалось поймать на удочку крупную рыбу, и она положительно прогоняетъ прочь всѣхъ, кто рѣшается подойти къ ней. Она такого сорта дѣвушка, что если что задумаетъ, такъ ужъ своего добьется.

— Какую крупную рыбу она поймала?—спросила Леонора, прикидываясь непонимающей.

— Да этого молчаливаго великана-Стерлинга. Онъ тоже важничаетъ и находитъ, что всѣ для него не хороши, кромѣ Пеллей, Де-Во и Огденовъ. Не знаю, что они въ немъ нашли. Я какъ-то этой весной сидѣлъ противъ него у Вилльяма Пелля, и за весь обѣдъ онъ сказалъ только три слова. А вѣдь онъ сидѣлъ рядомъ съ такой умной дѣвушкой, какъ миссъ Уинтропъ.

Послѣ пятаго вальса къ Леонорѣ подошла Дороти.

— Дѣло идетъ великолѣпно, — сказала она. — Вы замѣтили, какъ Питеръ повернулся спиной ко всей залѣ? Я слышала, какъ кто-то сказалъ, что миссъ Биддль замораживаетъ каждаго, кто отваживается нарушить ихъ tête-a-tête. Надо что-нибудь устроить на этой недѣлѣ, чтобы они имѣли возможность встрѣчаться почаще. Хотите мнѣ помочь?

— Я очень занята на этой недѣлѣ,— отвѣтила Леонора.

— Какъ мнѣ жаль? Ну да ничего, я сама съумѣю добыть Питера. Постойте-ка! Она великолѣпно ѣздитъ верхомъ! Вѣдь Питеръ привелъ своихъ лошадей?

— Одну только, — отвѣтила Леонора съ скрытымъ неудовольствіемъ.

— Сейчасъ устрою это,—сказала Дороти, боясь, что Питеръ начинаетъ терять терпѣніе.

— Мама,—замѣтила Леонора,—какъ миссисъ Ривингтонъ постарѣла!

— Я этого не замѣчаю, милочка,— отвѣтила мать.

Дороти подошла къ своей парочкѣ и сказала:

— Питеръ, вы бы показали миссъ Биддль оранжереи! Онѣ очень любопытны.

Питеръ вѣжливо поднялся, но лицо его было крайне безучастно.

— Вотъ что еще, Питеръ,—продолжала Дороти жалобнымъ голосомъ,—не поведете ли вы меня къ ужину? Ни одинъ изъ кавалеровъ не сдѣлалъ мнѣ чести пригласить меня.

— Хорошо.

— Мы сядемъ вмѣстѣ,—сказала Дороти, обращаясь къ миссъ Биддль.

Когда Питеръ садился въ экипажъ, онъ былъ въ очень мрачномъ настроеніи.

«Мнѣ достался только одинъ вальсъ», думалъ онъ», а я весь вечеръ не видалъ ее».

— Что миссъ Биддль дѣйствительно такъ умна, какъ про нее говорятъ? — спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Миссъ Биддль—незаурядная дѣвушка, я рѣдко встрѣчалъ такихъ образованныхъ женщинъ, какъ она.

— Я тоже могу сказать это,—замѣтилъ Уаттсъ. — За нашимъ столикомъ она все время вела остроумный и живой разговоръ. Вотъ дѣвушка, такъ дѣвушка! Я хотѣлъ поговорить съ ней послѣ ужина, но оказалось, что она даетъ урокъ итальянскаго языка Питеру.

— Какимъ образомъ?—спросила миссисъ Д'Аллуа.

— Видите ли,—объяснялъ Питеръ,—ко мнѣ приходитъ три раза въ недѣлю итальянецъ къ завтраку, чтобы говорить со мной на своемъ языкѣ, которому я стараюсь выучиться. Дороти сказала объ этомъ миссъ Биддль, и она предложила мнѣ для практики говорить съ нею по-итальянски. У нея великолѣпный выговоръ, и съ ея стороны было очень мило предложить мнѣ это, потому что я говорю очень плохо и едва ли могъ доставить ей удовольствіе.

— Зачѣмъ вамъ понадобился итальянскій языкъ?

— Чтобы привлечь итальянцевъ-избирателей.

— Охъ ты, лиса!—сказалъ Уаттсъ. Онъ обернулся къ Леонорѣ. — Отчего моя Крошка замолкла?

— О,—отвѣтила Леонора утомленнымъ голосомъ,—я слишкомъ много танцовала и устала!

— Ты подольше спи завтра,—сказалъ Уаттсъ.

— До завтра все пройдетъ; я собираюсь пораньше поѣхать верхомъ.

— И мы съ Питеромъ тоже,—замѣтилъ Уаттсъ.

— Я долженъ извиниться,—сказалъ Питеръ.—Я обѣщалъ сопровождать миссъ Биддль и Дороти.

— Ага! — засмѣялся Уаттсъ.—Для практики итальянскаго языка?»

И Питеръ, и Леонора были очень мрачны, когда разошлись по своимъ комнатамъ.

Леонора, вздыхая, говорила раздѣвавшей ее горничной:

— О, Мари, я такъ устала! Не будите меня до второго завтрака!

А Питеръ ворчалъ, ни къ кому не обращаясь:

— И вечеръ, и утренняя прогулка пропали! И какъ это Дороти не понимаетъ! Не хорошо съ ея стороны быть такой навязчивой!

Очевидно, поведеніе Дороти заслуживало порицанія. А между тѣмъ она мирно укладывалась спать и, засыпая, думала: «У каждаго влюбленнаго долженъ быть ангелъ-хранитель, и я буду имъ для Питера».

Глава LIII.

Вмѣшательство.

Когда Питеръ вернулся со своей прогулки на другое утро, онъ засталъ Леонору въ большой гостиной за чтеніемъ газетъ. Она привѣтствовала его ледянымъ: «здравствуйте», но тотчасъ же смягчилась настолько, чтобы сказать ему, что на его имя получена телеграмма и лежитъ на каминѣ.

Она не просила его прочитать полученную депешу, напротивъ, развернула новую газету и, казалось, съ особымъ интересомъ погрузилась въ чтеніе. Газета была коммерческая, и страница, приковавшая къ себѣ вниманіе Леоноры, была наполнена объявленіями о цѣнахъ на кофе, хлопокъ, муку, патоку, бобы, масла и прочими столь же интересными свѣдѣніями.

Питеръ взялъ депешу, но не торопился читать ее. Онъ посмотрѣлъ на своего «друга», такъ демонстративно скрывавшагося за развернутой газетой. Онъ видѣлъ, что Леонора умышленно не желаетъ обращать на него вниманія, но послѣ минутнаго колебанія все-таки замѣтилъ:

— Неужели вы думаете, что я буду читать эту депешу одинъ?

Молчаніе.

— Вѣдь это отвѣтъ на то, что мы написали имъ вчера, и я не рѣшусь отвѣчать безъ вашего совѣта.

Молчаніе.

Питеръ хладнокровно взялъ газету и отвелъ ее въ сторону, чтобы видѣть лицо Леоноры. Леонора посмѣивалась за газетой и теперь поспѣшила принять серьезное выраженіе и строго взглянула на Питера. Но Питеръ сказалъ:

— Попались,—и разсмѣялся. За нимъ разсмѣялась и Леонора, и они вплоть до завтрака занялись дешифрированіемъ депеши и сочиненіемъ отвѣта.

Какъ только кончился завтракъ, Питеръ спросилъ:

— Теперь вы мнѣ дадите урокъ танцевъ?

— Нѣтъ.

— Почему же нѣтъ?

— Потому что не стоитъ тратить время на ученіе человѣка, который не желаетъ танцовать.

— Мнѣ вчера страшно хотѣлось танцовать.

— Такъ что же вы не танцовали?

— Дороти просила меня сдѣлать ей одно одолженіе.

— Я очень низкаго мнѣнія о мужчинахъ, которые позволяютъ женщинамъ командовать собою.

— Мнѣ хотѣлось доставить удовольствіе Дороти. Мнѣ вѣдь все равно было разговаривать съ одной барышней или съ другой. Такъ какъ вы нашли, что я отвратительно танцую, то я думалъ, что вы больше не захотите танцовать со мной, не то меня не удержали бы никакими канатами.

— Я тоже умѣю говорить по итальянски,—вдругъ заявила Леонора, хотя, казалось, между этимъ заявленіемъ и предыдущимъ разговоромъ не было никакой логической связи.

— Хотите говорить со мной по итальянски? Видите, въ моемъ участкѣ теперь появилось много итальянцевъ, которые часто попадаютъ въ бѣду, благодаря своему невѣжеству и незнакомству съ англійскимъ языкомъ. Мнѣ бы хотѣлось подучиться, чтобы я могъ помогать имъ, не прибѣгая къ переводчику.

*

Питеръ уже научился мотивировать свои просьбы пользой ближнихъ, а не собственными желаніями.

— Хорошо,—сказала очень любезно Леонора.—Я даже готова дать вамъ еще одинъ урокъ танцевъ. Весело ли вы катались?

— Я люблю Дороти, и миссъ Биддль мнѣ очень нравится, но я мечталъ о другой прогулкѣ.

Темно-сѣрые глаза посмотрѣли на него очень ласково. Леонора завела музыкальный ящикъ и обученіе началось. По окончаніи урока Леонора сказала:—Вы сдѣлали большіе успѣхи

— Достаточные, чтобы танцовать съ вами?

— Да,—отвѣтила Леонора,—я сжалюсь надъ вами, если только вы не предпочтете разговаривать съ другими барышнями.

Питеръ тихонько улыбнулся.

— Питеръ,—сказала Леонора, когда они пили чай,—вы считаете меня только легкомысленной бабочкой?

— Вы хотите знать, что я объ васъ думаю?—спросилъ Питеръ.

— О нѣтъ!—быстро отвѣтила Леонора.—Скажите мнѣ: вы считаете меня только свѣтской дѣвушкой?

— Да,—сказалъ Питеръ; его лицо и голосъ свидѣтельствовали, что онъ говоритъ искренно.

Леонора надула губки.

— Я считаю васъ свѣтской дѣвушкой, — продолжалъ Питеръ, — потому что съ вами всегда пріятно проводить время.

Леонора такъ и просіяла.

— Питеръ, хотите доставить мнѣ удовольствіе?

— Конечно, хочу.

— Скажите Дороти, что я помогала вамъ разбирать депеши и отвѣчать на нихъ.

Питеръ былъ очень удивленъ, но отвѣтилъ:

— Хорошо.

Однако онъ плохо справился со своей задачей, по мнѣнію Леоноры. Встрѣтивъ Дороти на пикникѣ на слѣдующій день и, едва успѣвъ поздороваться съ нею, онъ прямо сказалъ:— Дороти, миссъ Д'Аллуа помогаетъ мнѣ разбирать и писать шифрованныя депеши.

Дороти въ первую минуту казалась пораженной при этомъ сообщеніи, но, взглянувъ на Леонору, стоявшую съ торжествующимъ видомъ рядомъ съ Питеромъ, вдругъ раскатилась самымъ веселымъ, заразительнымъ смѣхомъ.

— Что съ вами?—спросилъ Питеръ.

— Вотъ славная шутка!—захлебывалась Дороти.—Вотъ умора-то!

Леонора перестала торжествовать и густо покраснѣла, и когда кто-то заговорилъ съ Дороти и отвлекъ ея вниманіе, Леонора сердито сказала Питеру:

— Можно ли быть такимъ неловкимъ! Развѣ я этого хотѣла!

Питеръ вздыхалъ про себя:—Я просто болванъ! Я старался сдѣлать то, что ей хотѣлось, а она разсердилась и теперь весь день, вѣроятно, будетъ не въ духѣ. Что такое политика въ сравненіи съ женщиной!

Но Леонора не мстила Питеру и была съ нимъ очень мила, несмотря на свое неудовольствіе.

— Отчего это Дороти не можетъ оставить меня въ покоѣ?—мысленно спрашивалъ себя Питеръ. — Что она вмѣшивается въ мои дѣла? Очень это мнѣ нужно!

Питеръ неоднократно повторялъ это, вздыхая, всѣ слѣдующіе дни. Дороти постоянно вмѣшивалась въ его дѣла, но все-таки эти дни были еще сравнительно счастливыми. Леонора почти все время была мила, хотя крайне неровна въ обращеніи, такъ что Питеръ никогда не могъ предвидѣть, какъ она будетъ обращаться съ нимъ черезъ часъ. Иногда онъ чувствовалъ, что Леонора считаетъ его не лучше той травы, которую давятъ на лугу ея ножки. Потомъ вдругъ она становилась нѣжна и и даже ухаживала за нимъ.

Разъ за обѣдомъ, когда Питеру пришлось сидѣть между миссъ Биддль и Леонорой, Питеръ былъ готовъ повѣрить, что настало золотой вѣкъ, такъ Леонора была очаровательна, но на слѣдующее утро она заявила:

— Вотъ скука была вчера! Ни съ кѣмъ, кромѣ васъ, и поговорить не удалось!

Къ счастью для Питера, Д'Аллуа были новые люди въ Ньюпортѣ, и Леонора еще не выѣзжала. Однако, черезъ недѣлю Питеръ сталъ замѣчать, что разные кавалеры мѣшаютъ ему не меньше Дороти. Они являлись утромъ, днемъ и вечеромъ, устраивали пикники, поѣздки, катанья на яхтахъ.

Онъ считалъ себя счастливымъ, когда ему удавалось выпить чашку чаю съ Леонорой, даже если кругомъ сидѣло нѣсколько постороннихъ мужчинъ. Питеръ теперь понялъ, что подразумѣвала миссъ Де-Во, когда говорила, что трудно видѣть свѣтскую дѣвушку такъ часто, чтобы успѣть полюбить ее и сказать ей это.

Въ церквахъ молились о дождѣ, потому что стояла засуха, и Питеръ каждый разъ съ особымъ усердіемъ говорилъ «аминь».

Двѣ недѣли прошли, и однажды Питеръ грустно объявилъ, что долженъ уѣхать.

— Вздоръ,—сказала Уаттсъ.—Ты собирался прогостить мѣсяцъ.

— Я надѣюсь, что вы еще останетесь,—сказала миссисъ Д'Аллуа.

Питеръ подождалъ, не скажетъ ли чего-нибудь еще кто-нибудь, но никто больше ничего не сказалъ.

— Я думаю, что мнѣ нужно ѣхать,—сказалъ онъ, наконецъ.—Не то, что бы я хотѣлъ этого, но меня ждутъ въ Сиракузахъ.

Питеръ говорилъ такимъ голосомъ, точно въ Сиракузахъ его ожидала пытка.

— Вамъ необходимо тамъ быть?—спросила Леонора.

— Необходимости нѣтъ, но мнѣ лучше поѣхать.

Вечеромъ Леонора сказала:

— Я рѣшила, что вамъ незачѣмъ ѣхать въ Сиракузы. Вы мнѣ нужны здѣсь, чтобы объяснить все, что происходитъ.

И эти холодныя, оскорбительныя слова наполнили душу Питера счастьемъ.

— Я рѣшилъ остаться еще на недѣлю,—заявилъ онъ миссисъ Д'Аллуа.

Никакіе вопли и призывы не могли заставить его измѣнить это рѣшеніе, хотя телеграфъ работалъ во всю, и депеши такъ и летали между Ньюпортомъ, Нью-Іоркомъ и Сиракузами.

Черезъ два дня послѣ этого Леонора съ Питеромъ собирались ѣхать на вечеръ.

— Мама всегда увозитъ меня тотчасъ послѣ ужина,—жаловалась Леонора,—и мнѣ никогда не удается танцовать котильонъ, а это самое веселое.

— Сколько вальсовъ вы мнѣ оставили?—освѣдомился Питеръ, тщательно осматривая свой бальный костюмъ.

— Я буду танцовать съ вами первый,—сказала Леонора,—а если вы сядете рядомъ со мной, я вамъ сдѣлаю знакъ, когда ко мнѣ будетъ подходить кавалеръ, который мнѣ не нравится. Вы тогда скорѣе приглашайте меня, и я буду танцовать съ вами.

Питеръ просіялъ.

«Какъ хорошо», думалъ онъ, «что я не поѣхалъ въ Сиракузы, и какая досада, что есть другіе танцы, кромѣ вальсовъ».

Но послѣ второго вальса, Питеръ подслушалъ, что говорилъ своей дамѣ пятнадцатилѣтній кавалеръ.

«Вотъ умный мальчикъ», подумалъ Питеръ. «Какъ это мнѣ самому не пришло въ голову!»

Онъ дождался, когда Леонора вернулась на свое мѣсто, и подошелъ къ ней.

— Не хотите ли просидѣть со мной этотъ танецъ?—спросилъ онъ.

Леонора, казалось, была удивлена.

«Какъ онъ поумнѣлъ!»,—подумала она, не подозрѣвая, что Питеръ повторилъ ей чужія слова, т. е. его «умъ» оказался умомъ попугая.

Леонора прислушалась къ тому, что заигралъ оркестръ, и убѣдившись, что начинается кадриль, т.-е. самый скучный танецъ, осчастливила Питера согласіемъ.

— Не выйдемъ ли мы на веранду?—предложилъ Питеръ.

— О чемъ же вы будете со мной говорить?—спросила Леонора, усаживаясь на плетеный диванчикъ, при мягкомъ свѣтѣ китайскихъ фонариковъ.

— Мнѣ хочется разсказать вамъ нѣчто, случившееся, какъ мнѣ теперь кажется, чуть не сто лѣтъ назадъ,—на-

чалъ Питеръ.—Но я боюсь, что надоѣмъ вамъ.

— Начинайте, а если мнѣ не понравится, я прерву васъ,—сказала Леонора, обезпечивая себѣ отступленіе, съ ловкостью, достойной германской арміи.

— Не знаю, какъ вы къ этому отнесетесь,—колебался Питеръ.—Мнѣ кажется, что я не съумѣю объяснить вамъ такъ, чтобы вы поняли, какъ я самъ понимаю. Но вы должны знать это, потому что это... этого требуетъ справедливость.

Леонора очень нѣжно смотрѣла на Питера, но онъ этого не видѣлъ, такъ какъ она сидѣла спиной къ свѣту. Она же хорошо видѣла его сконфуженное и грустное лицо, и когда онъ снова замялся, она тихонько сказала:

— Вы хотите... разсказать мнѣ... про маму?

Питеръ вздрогнулъ:

— Да, а развѣ вы знаете?

— Да,—кротко сказала Леонора.—Потому-то я и вѣрила вамъ, еще не зная васъ, и хотѣла подружиться съ вами.

Питеръ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Я такъ этого боялся! Она сама вамъ сказала?

— Да, т.-е. миссъ Де-Во первая сказала, что у васъ было разочарованіе; тогда я спросила маму, знаетъ ли она эту дѣвушку. И она мнѣ все разсказала. Я рада, что вы заговорили объ этомъ, потому что мнѣ хочется спросить васъ...

— Что?

— Не потому ли вы не хотѣли идти къ намъ?

— Нѣтъ.

— Отчего же мама говорила, что вы придете?

— Когда Питеръ ничего не отвѣтилъ, Леонора продолжала:

— Я знала, т.-е. чувствовала, что что-то неблагополучно. Но что именно?

— Я не могу сказать вамъ:

— Нѣтъ можете,—очень рѣшительно сказала Леонора.

Питеръ колебался.

— Она была недовольна мной, пока я не извинился.

— А когда вы извинились?

— Она сама пригласила меня гостить.

— Значить она даромъ сердилась?

— Она не поняла меня

— Скажите, что это было?

— Миссъ Д'Аллуа, я знаю, вы не хотите меня огорчить, хотя мнѣ это очень больно. Я не могу сказать вамъ этого ни за что на свѣтѣ.

— О Питеръ, простите меня, — воскликнула Леонора.—Я не подумала!

— Вы не сердитесь на меня за то, что я любилъ вашу мать, и не могу вамъ сказать того, что вамъ хочется знать?—спросилъ Питеръ голосомъ, внушающимъ всякія опасенія.

— Нѣтъ, — сказала Леонора, вставая.—А теперь пойдемте танцовать.

— Еще минуточку,—умолялъ Питеръ.

Но Леонора уже стояла въ дверяхъ.

— Идете вы?—спросила она.

— Можно васъ просить на этотъ вальсъ?—спросилъ Питеръ, стараясь получить хоть что-нибудь.

— Нѣтъ, я уже обѣщала м-ру Рутгерсу.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ хозяинъ дома.

— Поздравляю васъ, м-ръ Стерлингъ.

Питеру хотѣлось ударить его, но онъ удержался.

— Позвольте и мнѣ поздравить васъ,—сказалъ другой.

— Съ чѣмъ? спросилъ Питеръ, ничего не понимая.

— О, Питеръ!—воскликнула Дороти, подбѣгая къ нему.—Какъ я рада! Какой пріятный сюрпризъ!

— Какъ, развѣ вы не знаете?—спросилъ хозяинъ.

— О!—закричала Леонора, — вѣрно что-нибудь произошло въ избирательномъ собраніи!

— Да,—подтвердилъ хозяинъ.—Мансерсъ только что пріѣхалъ изъ клуба. Тамъ получена телеграмма, что ваша кандидатура была предложена собранію въ девять часовъ, и васъ избрали единогласно, не прибѣгая даже къ баллотировкѣ. Всѣ точно громомъ поражены.

— Всѣ, кромѣ меня!—сказалъ свѣжій голосокъ.—Я это давно знала!

Всѣ разсмѣялись, кромѣ Дороти, которая подозрѣвала, что это правда. Но

она не сказала этого, напротивъ, насмѣшливо улыбнулась:

— Какой вздоръ! Станетъ Питеръ повѣрять вамъ свои тайны! Пойдемте со мной, Питеръ, миссъ Биддль хочетъ поздравить васъ.

— Питеръ пригласилъ меня на этотъ вальсъ,—объявила Леонора.—О, мръ Рутгерсъ, простите меня! Я уже раньше обѣщала м-ру Стерлингу.

Питеръ почувствовалъ, что есть съ чѣмъ поздравлять его.

«Я не собираюсь выходить за него замужъ», думала Леонора, «но я не хочу, чтобы моихъ друзей женили противъ моей воли. Не совѣтую пробовать, миссисъ Ривингтонъ!»

Вмѣшательство Дороти начинало приносить плоды.

А еще мужчины находятъ женщинъ неспособными къ политикѣ!

Глава IIV.

Упрямство.

На слѣдующее утро Питеръ увидѣлъ, что его молитва о дождѣ услышана, и спустился къ завтраку въ самомъ радужномъ настроеніи.

— Посмотрите, какъ сіяетъ будущее превосходительство,—замѣтилъ Уаттсъ, этимъ возгласомъ напоминая Питеру о житейской прозѣ. Питеръ напрасно надѣялся провести день вдвоемъ съ Леонорой: не успѣли они сѣсть за столъ, какъ Пелль зашелъ поздравить его, а вслѣдъ за нимъ всѣ знакомые сочли своимъ долгомъ сдѣлать то же самое, и каждый старался посидѣть подольше, по причинѣ дождя.

Питеръ горько сожалѣлъ, что не назначили собраніе двумя днями раньше или двумя днями позже.

— Надѣюсь, вы никого не пригласили на ленчъ?—спросилъ Питеръ миссисъ Д'Аллуа, отозвавъ ее въ сторону.

— Почему?—былъ вопросъ.

Питеръ не зналъ, что отвѣтить, наконецъ жалобно сказалъ.

— Мнѣ... мнѣ надо работать!

Ложь тотчасъ же получила достойное возмездіе, такъ какъ въ эту минуту лакей доложилъ о приходѣ Дороти, миссъ Де-Во, миссъ Биддль, Рея и Огдена.

Дороти вошла со словами:

— Мы всѣ остаемся завтракать, если насъ пригласятъ.

— О Питеръ! — сказалъ Рей, когда они сѣли за столъ. — Видѣлъ ты сегодняшній номеръ «Голоса Труда?» Они гдѣ-то выкопали старую школьную пѣсню Уаттса и напечатали ее, какъ доказательство того, что ты въ университетѣ пьянствовалъ. Вотъ она, и ноты приложены и заглавіе выдумано: «Кабацкій Питъ».

— Послушай, Рей, намъ надо написать письмо въ редакцію съ изложеніемъ истины,—сказалъ Уаттсъ.

— Никогда не слѣдуетъ писать опроверженія въ ту газету, въ которой напечатана ложь, — засмѣялся Питеръ. — Надо написать въ другую газету, и тогда онѣ поругаются. Но, по моему, теперь не стоитъ съ ними связываться. Оппозиція, навѣрное, только скажетъ: «Конечно, друзья м-ра Стерлинга обязаны были приписать пѣснѣ такое происхожденіе. Ихъ поступокъ дѣлаетъ имъ честь».

— Отчего вы сами не опровергнете эту клевету?—съ безпокойствомъ спросила Леонора.—Это ужасно, что васъ могутъ считать пьяницей!

— Если бы я опровергалъ все, что про меня сочиняютъ, у меня ни на что больше не хватило бы времени. Никто не вѣритъ такимъ сплетнямъ, кромѣ тѣхъ, кому выгодно имъ вѣрить, а они не повѣрили бы мнѣ, сколько бы я ни опровергалъ. Если вы считаете человѣка негодяемъ, вы не повѣрите его честному слову.

— Однако, Питеръ,—сказала миссисъ Д'Аллуа, вамъ необходимо опровергнуть эту гадость для будущаго. Когда вы и ваши друзья умрете, публика начнетъ рыться въ старыхъ газетахъ, чтобы узнать, какъ думали о васъ современники, и она неправильно будетъ судить о васъ.

— Этого я не боюсь. Врядъ ли моя особа оставитъ глубокій слѣдъ въ исторіи, если же я буду знаменитъ, всѣ эти мелкія нападенія не повредятъ мнѣ. Самого Вашингтона современныя ему га-

зеты называли убійцей, предателемъ и тираномъ, а Линкольна обливали такими помоями, какихъ теперь даже выдумать не съумѣютъ. Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ сильнѣе клевета.

— Зачѣмъ газеты называютъ васъ «Питъ?» — взволнованно спрашивала Леонора. — Я люблю имя Питеръ, но «Питъ»—ужасно!

— Чтобы доказать, что я не гожусь въ губернаторы.

— Вы это серьезно?—спросила миссъ Биддль.

— О да. Съ ихъ точки зрѣнія умышленное опущеніе буквы «р» должно непремѣнно убѣдить избирателей, что я мужикъ и негодяй.

— Имъ это не удастся! — объявила Леонора авторитетнымъ тономъ.

— Я думаю. Даже если они будутъ настаивать и убѣдятъ тѣхъ избирателей, которые позволятъ убѣдить себя подобными аргументами, я все-таки буду избранъ.

— Почему?—спросила миссисъ д'Аллуа.

— Потому что интеллигентные люди не допустятъ ввести себя въ заблужденіе такими аргументами и будутъ только возмущены ими, а невѣжественный народъ, котораго можно заставить повѣрить всему, что про меня распускаютъ, будетъ считать меня именно такимъ человѣкомъ, за котораго имъ пріятно подать голосъ.

— Какъ это возможно, что бы газеты такъ ругали тебя!—волновался Уаттсъ.— Вѣдь всѣ редакторы тебя знаютъ!

— О да, я знакомъ со всѣми, кто только причастенъ къ нью-іорской прессѣ.

— Такъ они всѣ лично знаютъ тебя?

— Несомнѣнно, но изъ партійныхъ соображеній они принуждены писать именно то, что пишутъ.

— Значитъ, газеты сознательно лгутъ, чтобы ввести въ заблужденіе народъ?— спросила миссъ Биддль.

— Собственно говоря, понятіе объ этомъ всегда бываетъ противорѣчивымъ. Я не думаю, чтобы пишущая братія имѣла болѣе низкія нравственныя понятія, чѣмъ люди другихъ профессій. Въ принципѣ они всегда готовы стоять за высокое и прекрасное, пока оно безпартійно, и многіе изъ тѣхъ, которые сегодня стараются смѣшать меня съ грязью, помогали мнѣ прежде болѣе, чѣмъ я съумѣлъ бы сказать, и даже въ эту минуту—мои личные друзья.

— Какъ это безчестно!

— Я не рѣшусь этого сказать. Если лучшіе и честнѣйшіе государственные мужи Европы и Америки лгутъ и надуваютъ другъ друга безпредѣльно, прикрываясь тѣмъ, что это «дипломатія», и получаютъ похвалы и награды отъ своего правительства и своей страны за низости, если только онѣ имѣли успѣхъ, слово «безчестно» мнѣ кажется слишкомъ сильнымъ, когда имъ клеймятъ чисто партійную прессу. Вѣрно одно, что партійная пресса прекратила бы завтра же свое существованіе, если бы ее не поддерживали узость и мелочность читателей.

— Вызванныя ею же, — замѣтилъ Огденъ.

— Постольку же, поскольку кабакъ создаетъ пьяницу, пища вызываетъ голодъ, а книги дѣлаютъ читателей.

— А все таки, сознайся, они попали не въ бровь, а прямо въ глазъ, когда назвали тебя другомъ кабатчиковъ,— смѣялся Уаттсъ.

— Да, я ихъ другъ, но только на выборахъ—въ этомъ вся разница.

— М-ръ Стерлингъ, почему вы защищаете «салоны»?—спросила миссъ Биддль.

— Я не защитникъ «салоновъ». Мое самое горячее желаніе, чтобы настала тотъ день, когда люди перестанутъ находить удовольствіе въ пьянствѣ, и когда всѣ кабаки и «салоны» исчезнутъ. Но пока этотъ день не насталъ, пока человѣчество не воспиталось и нравственно не возвысилось, я хочу, чтобы поступали справедливо.

— Что вы хотите сказать?

— Богатый человѣкъ можетъ имѣть запасъ вина у себя, можетъ пойти въ клубъ или ресторанъ и во всякое время получить то, что хочетъ. Не справедливо, что человѣкъ въ карманахъ котораго вмѣсто золотыхъ—мѣдяки, не пользуется тѣмъ же правомъ. Вотъ почему я всегда защищаю «салоны» и

допущеніе въ нихъ торговли по воскресеньямъ. Вы знаете, какъ я самъ смотрю на воскресные дни, какъ я отношусь къ вину. Но если я требую для себя права проводить воскресенье, какъ я хочу, и никогда не пить вина, я долженъ и другимъ предоставить подобное же право вести себя, какъ они хотятъ. Если человѣкъ, въ какое ему угодно время, хочетъ выпить, кто уполномочилъ меня запрещать ему это?

— Но вѣдь люди обращаются въ скотовъ,—сказалъ Уаттсъ.

— Процентъ спившихся шампанскимъ болѣе значителенъ, чѣмъ процентъ спившихся водкой, соотвѣтственно количеству людей, пьющихъ то или другое. Но человѣка, который напьется шампанскимъ отправляютъ домой на извозчикѣ и укладываютъ въ постель, а тотъ, кому средства не позволяютъ напиться столь дорогимъ способомъ, и кто лишится разсудка отъ ядовитой и фальсифицированной водки, фальсифицированной благодаря нашему непомѣрно высокому акцизу, рискуетъ попасть въ полицію. Въ этомъ и заключается позоръ нашего, такъ называемаго, законодательства трезвости. Оно основывается на несправедливомъ вмѣшательствѣ, въ личную свободу человѣка и потворствуетъ тому, у кого есть деньги. Если богачъ въ правѣ имѣть свой клубъ оставьте бѣдняку его «салонъ».

— Какъ много лучше было бы совсѣмъ запретить продажу спиртныхъ напитковъ сказала миссисъ Д'Аллуа.

— Это и невозможно и не законно. Вы не можете воспитывать человѣка, связывая ему руки. Ему нужно быть свободнымъ, чтобы стать сильнымъ. Я много думалъ объ этой задачѣ, и знаю только одинъ честный и практическій способъ улучшить наше теперешнее положеніе. Но хотя газеты и называютъ меня «боссомъ», я недостаточно силенъ, чтобы заставить принять его.

— А что это за способъ, Питеръ? — спросила Дороти.

— До тѣхъ поръ, пока пьющій человѣкъ не мѣшаетъ другимъ, мы не имѣемъ права останавливать его. Но въ ту минуту какъ онъ начнетъ угрожать спокойствію окружающихъ, каждый имѣетъ право защищать себя свою семью и обуздать его, какъ обуздываютъ воровъ, убійцъ и драчуновъ. По моей мысли слѣдовало бы выдавать патентъ, въ родѣ собачьихъ свидѣтельствъ, каждому, кто его потребуетъ, и эти патенты каждый долженъ предъявлять для того, чтобы получить желаемый напитокъ. Если человѣкъ во второй разъ попадетъ въ полицейскій судъ за пьянство или по жалобѣ родственниковъ, у него должны отобрать патентъ и подъ угрозой крупнаго штрафа, навсегда запретить не только продавать ему спиртные напитки, но даже угощать его.

— О! засмѣялся Уаттсъ.—Ты просто безподобенъ! Вы только представьте себѣ хозяина дома, говорящаго за обѣдомъ своимъ приглашеннымъ: «дорогіе друзья, прежде чѣмъ начнутъ наливать вино, потрудитесь предъявить ваши патенты».

— Смѣйся, Уаттсъ,—сказалъ Питеръ. А между тѣмъ мой способъ спасъ бы многихъ юношей отъ погибели, а общество отъ частыхъ случаевъ, которые удалось видѣть даже мнѣ, съ моей малой свѣтской опытностью. Всѣ очень скоро привыкли бы къ своимъ патентамъ и предъявляли бы ихъ такъ же просто, какъ мы предъявляемъ билетъ на право верховой ѣзды у воротъ парка. Благодаря этому задача объ искорененіи пьянства была бы рѣшена, а это все, о чемъ мы имѣемъ право мечтать, пока человѣчество... И Питеръ замолчалъ, съ улыбкой глядя на Леонору.

— Что человѣчество? —спросила она.

— Остальное—шифръ,—сказалъ Питеръ,—но если бы онъ кончилъ свою фразу, онъ бы сказалъ: «Пока человѣчество не станетъ хоть въ половину такъ совершенно, какъ вы».

Когда послѣдніе гости разошлись, полилъ такой проливной дождь, что Питеръ снова началъ надѣяться. Онъ бродилъ по комнатамъ въ погонѣ за счастьемъ и вдругъ увидѣлъ, что его счастье спускается по широкой лѣстницѣ въ охотничьей фуражкѣ и макинтошѣ.

— Вы собираетесь выйти въ такую погоду?—спросилъ Питеръ.

— Да, у меня не было моціону сегодня, и я хочу прогуляться.

— Вѣдь льетъ, какъ изъ ведра!— воскликнулъ Питеръ.

— Знаю.

— Вы насквозь промокнете!

— Надѣюсь. Я люблю гулять подъ дождемъ.

Питеръ взялся за ручку выходной двери.

— Вы не должны выходить.

— Нѣтъ, пойду,—сказала Леонора, которая всегда становилась особенно упряма, когда ей что-нибудь запрещали.

— Пожалуйста, не ходите,—умолялъ Питеръ.

— Пропустите меня, — рѣшительно заявила Леонора.

— Вашъ отецъ знаетъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Вы должны спросить его. Вамъ нечего гулять въ такую погоду.

— Я не стану его спрашивать.

— Такъ я спрошу,—и Питеръ быстрыми шагами направился въ библіотеку.

— Уаттсъ, — сказалъ онъ, — дождь льетъ потоками, а Леонора имѣетъ желаніе идти гулять. Пожалуйста, запрети ей.

— Ладно,—отвѣтилъ Уаттсъ, не отрываясь отъ книги.

Но и этого было довольно, и Питеръ поспѣшилъ обратно въ переднюю.

Она была пуста. Питеръ заглянулъ еще въ двѣ комнаты—тоже никого. Онъ открылъ входную дверь. Вдали онъ увидѣлъ знакомую ему фигурку въ макинтошѣ. Питеръ схватилъ съ вѣшалки первую попавшуюся фуражку и бросился въ погоню. Леонора быстро шла впередъ, но черезъ нѣсколько секундъ Питеръ догналъ ее.

— Отецъ велѣлъ вамъ передать, что запрещаетъ вамъ выходить.

— Теперь уже поздно, я вышла, — отвѣтила Леонора.

— Но вы должны сейчасъ же вернуться.

— И не подумаю.

— Будете ли вы слушаться отца?

— Онъ никогда не запретилъ бы, еслибъ вы не вмѣшались. Это ваше приказаніе, а не его. И я все-таки буду гулять.

— Вы сейчасъ же вернетесь домой.

Леонора остановилась и посмотрѣла ему въ лицо: «Это становится забавнымъ», подумала она. «Посмотримъ, кто кого переупрямитъ», и громко спросила:

— Кто это говоритъ?

— Я говорю.

— А я говорю—нѣтъ.

Питеръ сознавалъ свою безпомощность:

— Пожалуйста, вернитесь.

Леонора внутренно смѣялась.

— Не желаю.

— Такъ мнѣ придется заставить васъ.

— Какъ?—спросила Леонора.

Дѣйствительно, это была задача. Питеръ былъ бы въ меньшемъ недоумѣніи, если бы имѣлъ передъ собой запутанный юридическій вопросъ.

— Я заставлю васъ,—снова повторилъ онъ, не зная, что сказать.

— Можетъ быть, вы возьмете веревку и потащите меня?—спросила Леонора съ насмѣшкою на лицѣ и въ голосѣ.

Питеръ казался олицетвореніемъ безпомощности.

— Пожалуйста, торопитесь, и скажите — какъ,—продолжала Леонора,— потому что мнѣ хочется скорѣе пройти на скалы. Здѣсь на травѣ очень мокро. Можетъ быть, вы понесете меня, какъ малолѣтняго ребенка, на рукахъ?

Она мучила его, какъ только женщина умѣетъ мучить, и Питеръ видѣлъ, что она права: онъ сознавалъ свое безсиліе. Но пока Леонора говорила, выраженіе лица его измѣнилось. Леонора говоритъ, что трава мокрая! Она простудится, получитъ воспаленіе легкихъ и умретъ! Въ этихъ предположеніяхъ было такъ мало логики, что школьникъ постыдился бы высказать ихъ, не только такой знаменитый юристъ.

Но Питеру въ данный моментъ все это казалось возможнымъ, и онъ думалъ: «Я долженъ заставить ее вернуться, даже если она никогда не проститъ мнѣ». Питеръ не колебался и сдѣлалъ шагъ впередъ. Леонора была поражена. Ея вызывающій взглядъ вдругъ сталъ испуганнымъ, она повернулась и быстро побѣжала по лугу. Питеръ побѣжалъ за нею, и хотя могъ бы догнать ее черезъ десять секундъ, онъ не сдѣлалъ этого.

Онъ думалъ: «Пусть запыхается, тогда она будетъ меньше сердиться, или, по крайней мѣрѣ, не будетъ въ состояніи говорить. Какъ она граціозно бѣжитъ!»

Какъ только Леонора увидѣла, что Питеръ не собирается хватать ее, она замедлила свой бѣгъ. Питеръ тотчасъ поравнялся съ ней.

— Вернетесь вы теперь? — спросилъ онъ.

Леонора съ трудомъ переводила дыханье, но не хотѣла, чтобы Питеръ замѣтилъ, какъ она запыхалась, и потому она ничего не отвѣчала.

— Вы не туда идете, — продолжалъ Питеръ, дотрогиваясь до ея руки. Такъ какъ она продолжала молчать, Питеръ взялъ ее за руку и остановился.

— Пустите меня,—сказала она еще запыхавшимся голосомъ.

— Вы должны вернуться.

Молніеносный взглядъ былъ отвѣтомъ. Глаза Леоноры сверкали отъ негодованія.

— Пустите меня!—повторила она.

Питеръ былъ въ ужасномъ положеніи, но все-таки сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Вы знаете, какъ мнѣ больно оскорблять васъ. Я никогда не думалъ, что осмѣлюсь дотронуться до васъ безъ вашего разрѣшенія, но ваше здоровье мнѣ слишкомъ дорого, ради него я не побоюсь вашего гнѣва. Вы должны вернуться домой.

Леонора чувствовала, что Питеръ рѣшился поставить на своемъ. Она повернулась и медленно пошла къ дому. Питеръ тотчасъ же выпустилъ ея руку и пошелъ рядомъ съ нею. Напрасно онъ старался поймать ея взглядъ:

Леонора смотрѣла передъ собой и держалась прямо, какъ солдатъ. Актеръ, которому нужно было бы изображать оскорбленное достоинство, могъ бы вынести изъ этого шествія нѣсколько драгоцѣнныхъ наблюденій.

Питеръ чувствовалъ себя почти преступникомъ, но и почти счастливымъ. Онъ спасъ Леонору отъ безвременной могилы, а это что-нибудь да значило. Кромѣ того, онъ могъ смотрѣть на нее, а это тоже что-нибудь да значило.

Щеки Леоноры разгорѣлись отъ бѣга, дождевыя капли, какъ бриліанты, дрожали на растрепавшихся локонахъ.

Питеру казалось, что она никогда не была такъ прелестна. Ему такъ хотѣлось взять ее въ свои объятія, что онъ начиналъ жалѣть, зачѣмъ она согласилась вернуться. Но Питеръ чувствовалъ, что она глубоко оскорблена, и если ему не удастся скоро помириться, онъ будетъ въ немилости, по крайней мѣрѣ, цѣлый день.

Цѣлый день невниманія! Цѣлый день не видѣть ласковаго взгляда и улыбки!

Питеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы пробовать заговорить теперь же. Онъ ждалъ, пока они вернулись домой.

Питеръ, который шелъ сзади нея, на крыльцѣ обогналъ ее и вошелъ первымъ.

— Миссъ Д'Аллуа, сказалъ онъ, загораживая ей дорогу,—простите меня, если я обидѣлъ васъ.

Леонорѣ предстоялъ выборъ: остановиться молча или, оттолкнувъ Питера, пройти мимо. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ея позиція была неприступна. Но женщины инстинктивно предпочитаютъ нападать или защищаться словами, а не дѣйствіями. Поэтому она сказала, не глядя на Питера:

— Вы не имѣли никакого права и поступили очень грубо.

— Мнѣ это было гораздо больнѣе, чѣмъ вамъ.

Тонъ Питера доставилъ Леонорѣ удовольствіе, но она боялась сдаться и потому сказала:

— Дайте мнѣ пройти, пожалуста.

Питеръ неохотно подвинулся ровно настолько, чтобы она могла пройти. Онъ чувствовалъ, что не сказалъ и половины того, что ему хотѣлось, но боялся снова оскорбить ее.

Оказалось, что онъ сдѣлалъ именно то, что было лучше всего: проходя около него, Леонора воскликнула:

— Вѣдь ваше платье насквозь промокло!

— Это ничего не значитъ,—сказалъ Питеръ, оборачиваясь на голосъ. Ея большіе темные глаза теперь прямо смотрѣли на него, и въ нихъ не было гнѣва. Леонора остановилась.

— Вотъ какъ глупо было идти подъ дождь,—сказала Леонора.

— Да, вы правы,—отвѣтилъ Питеръ, осмѣливаясь слегка улыбнуться.

Леонора быстро поняла намекъ, заключавшійся въ словахъ Питера.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—сказала она.— На мнѣ были калоши и макинтошъ, а вы этого не надѣли, хотя дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Я привыкъ,—возразилъ Питеръ.— Мнѣ никогда не повредитъ, если я промокну.

— Я тоже привыкла. Я часами гуляла подъ дождемъ въ Швеціи, въ Норвегіи и на Оркнейскихъ островахъ. Только я одѣвалась, какъ слѣдуетъ. Идите и сейчасъ же переодѣньтесь.

Питеръ и самъ собирался сдѣлать это, но онъ видѣлъ выгоду своего положенія и не хотѣлъ уступить ее.

— Не стоитъ.

— Никогда я не видала подобнаго упрямства! — воскликнула Леонора.— Жаль мнѣ вашу жену, если вамъ когда-нибудь удастся найти ее! Она будетъ очень страдать отъ васъ!

Подобные взгляды вовсе не нравились Питеру, но онъ не терялъ надежды получить хоть какую-нибудь милость отъ Леоноры, и потому сказалъ:

— Переодѣваться слишкомъ большая возня. Но если вы дадите мнѣ чашку чаю, это спасетъ отъ простуды.

Было уже почти пять часовъ, и Питеру не хотѣлось лишаться обычнаго получасового разговора за чайнымъ столикомъ. Леонора снисходительно согласилась.

— Когда вы переодѣнетесь, я напою васъ чаемъ,—и стала подниматься по лѣстницѣ.

Когда она поднялась во второй этажъ то остановилась, перевѣсилась черезъ перилы и позвала: «Питеръ!»

—Я!—отвѣтилъ Питеръ, снизу любуясь ею.

Леонора весело улыбалась и съ торжествомъ заявила:

— А все-таки я сдѣлала по своему и прогулялась! — она вошла въ свою комнату съ очень побѣдоноснымъ видомъ.

Питеръ пошелъ къ себѣ, улыбаясь: «Только тотъ юристъ хорошъ» сообщалъ онъ своему зеркалу, «который умѣетъ увѣрить обѣ стороны въ ихъ правотѣ». Питеръ быстро переодѣлся и бѣгомъ сбѣжалъ внизъ, къ чайному столу.

Леоноры еще не было. Питеръ спокойно ждалъ пять минутъ, съ почти нечеловѣческимъ терпѣніемъ. Затѣмъ онъ сталъ волноваться. Онъ бѣгалъ по комнатамъ впродолженіи двухъ минутъ и, наконецъ, пришелъ въ отчаяніе:

— Я думалъ, что она простила меня!—громко сказалъ онъ.

— Что?—спросило съ порога очаровательное видѣніе.

Женщины сказали бы, что главная прелесть его заключалась въ парижскомъ платьѣ, но Питеръ лучше зналъ. Онъ простилъ ей, что она такъ долго заставила его ждать, видя, что она принарядилась для него.

— Не налить ли мнѣ вамъ въ чай немного рому?--спросила Леонора.

— Кладите въ чай все, что хотите, кромѣ сахарныхъ щипцовъ,—и Питеръ завладѣлъ ими.

Какъ же я положу сахаръ?

— Пальцы выдумали прежде щипцовъ,—поучалъ Питеръ. — Вѣдь не дадите же вы мнѣ чаю безъ сахару?

— Слѣдовало бы дать, въ наказаніе,—сказала Леонора, опуская пальчиками сахаръ въ чашку.

«Я не могу ждать пять лѣтъ!» думалъ Питеръ». «Я не могу ждать пяти мѣсяцевъ, недѣль, дней, минутъ, сек...»

Глава LV.

Подарокъ.

Леонора скоро убѣдилась, что ей не легко быть строгой съ Питеромъ. Въ первый же вечеръ она заявила ему, что ѣдетъ въ гости и не возьметъ его съ собой.

— Прекрасно, значитъ мнѣ удастся во время лечь спать, былъ спокойный отвѣтъ.

Леонора этого не ожидала. На слѣдующее утро, возясь съ цвѣтами, она замѣтила Питеру, который стоялъ рядомъ и смотрѣлъ на нее.

— Миссъ Уинтропъ помолвлена. Какъ

это глупо со стороны дѣвушки, которая только что начала выѣзжать! Еще и повеселиться не успѣла, а уже стремится къ скучной замужней жизни!

Она держала въ рукахъ розу и собиралась оживить ею Питера, если доза яда окажется слишкомъ сильной для одного пріема, но когда она взглянула на него, онъ только счастливо улыбнулся.

— Что вы скажете?—спросила Леонора съ неодобреніемъ.

— Простите меня,—отвѣтилъ Питеръ.— Я не разслышалъ. Вы сказали, кажется, что миссъ Уинтронъ вышла замужъ?

— Почему вы улыбаетесь? — спросила Леонора тѣмъ же тономъ.

— Я думалъ о... о... Питеръ замялся и разсмѣялся.

— О чемъ?

— Лучше не спрашивайте!—смѣялся Питеръ.

— О чемъ вы думали?

— О рѣсницахъ,—сознался Питеръ.

«Это ужасно!» мысленно разсуждала Леонора. «Я больше не могу ничѣмъ пронять его, сколько ни стараюсь!»

По правдѣ сказать, Питеръ теперь мало обращалъ вниманія на то, что Леонора говорила ему. Онъ просто наслаждался ея обществомъ. Онъ былъ вполнѣ счастливъ и въ то же время вполнѣ несчастливъ. Счастливъ своей надеждой и несчастливъ отъ неизвѣстности. Говоря парадоксально, онъ вѣрилъ, что она любитъ его, и въ то же время не былъ въ этомъ увѣренъ.

Онъ чувствовалъ, что ему необходимо объясниться, и не смѣлъ приступить къ этому. Настоящее было такъ опредѣленно, а будущее покрыто мракомъ!

Вотъ почему онъ впродолженіи двухъ дней только ходилъ за Леонорой, наслаждаясь ея присутствіемъ и терпѣливо снося ея щелчки и капризы.

Питеръ былъ очень молчаливъ и разсѣянъ, но его молчаливость и разсѣянность не приносили облегченія Леонорѣ, напротивъ только еще болѣе пугали ее. Питеръ не спускалъ съ нея глазъ, и его безмолвное обожаніе и нѣжность были такъ очевидны, что Леонора чувствовала, какъ нелѣпы были ея старанія не замѣчать ихъ. Когда онъ говорилъ: «миссъ д'Аллуа», звукъ его голоса и взглядъ говорили: «моя дорогая».

Леонора терялась и не знала, какъ заставить его вести себя приличнѣе, хотя бы для общества. Два раза онъ даже нечаянно сказалъ просто «Леонора», и тѣмъ страшно сконфузилъ обладательницу этого имени. Каждый разъ ей хотѣлось оборвать его и хорошенько проучить, но не хватало храбрости.

Леонора сознавала, что ходитъ надъ заряженной миной, но не могла заранѣе знать, какое ея слово или жестъ вызоветъ взрывъ.

«Что же я тогда отвѣчу ему?» спрашивала она себя.

Роковая минута настала.

Питеръ сошелъ внизъ «въ полномъ парадѣ», готовый ѣхать на балъ. Въ большой гостиной стояла Леонора, въ бальномъ платьѣ, и положивъ руку на мраморную доску камина, задумчиво смотрѣла въ огонь. Онъ остановился въ дверяхъ и молча наблюдалъ прелестную картину.

Потомъ тоже подошелъ къ камину. Леонора прервала молчаніе.

— Я думаю, пора ѣхать.

Она чувствовала себя неловко подъ его пристальнымъ взглядомъ.

— Еще только десять часовъ,—сказалъ Питеръ.

Снова наступило молчаніе. Черезъ нѣсколько времени Леонора снова прервала его.

— Скажите что нибудь.

— Что нибудь? Что же вы хотите?

— Если вы собираетесь только молчать, то гораздо лучше будетъ поѣхать къ Перди, чѣмъ стоять здѣсь. Не пойдемъ ли мы въ библіотеку къ папѣ и къ мамѣ?

Леонора начинала волноваться. Питеру эта мысль не улыбалась, поэтому онъ сказалъ:

— Попробую позабавить васъ. Постойте, я разскажу вамъ что-то очень интересное про себя самого: завтра день моего рожденія.

— О!—воскликнула Леонора,—отчего же вы раньше этого не сказали? Я бы приготовила вамъ подарокъ.

— Я этого то и боялся.

— Вы развѣ не хотите, чтобы я подарила вамъ что нибудь?

— О да!—Руки Питера дрожали, и онъ сказалъ, съ трудомъ выговаривая слова:—я хочу, чтобы вы мнѣ подарили... поцѣлуй!

— Питеръ! — воскликнула Леонора, отступая отъ него съ негодующимъ и оскорбленнымъ видомъ. Не думала я, что вы можете сказать мнѣ это! Вы!

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть.

— Но обидѣли! — Леонора готова была плакать.

— Но я, право, не хотѣлъ обидѣть васъ. Питеръ никакъ не могъ подобрать словъ, заикался и путался. Если бы я считалъ васъ такой дѣвушкой, которая готова поцѣловать каждаго, кто ее попроситъ, я бы не просилъ у васъ поцѣлуя. Но я знаю, что вы совсѣмъ другая.

Питеръ съ отчаяніемъ безпомощно оглядывался, точно надѣясь что нужныя ему слова написаны по стѣнамъ.

— Я смотрѣлъ на васъ, мечталъ о васъ и полюбилъ васъ, и все - таки не знаю васъ! Знаю только, что вы не дадите поцѣлуя, если сердце не подскажетъ вамъ. Лицо его приняло отчаянное выраженіе, и онъ быстро продолжалъ: —Я спросилъ безъ всякой надежды. Вы такъ прелестны, а я... я никогда не нравился женщинамъ. Я такъ старался понравиться вамъ, такъ старался, что, можетъ быть, ввелъ васъ въ заблужденіе. Можетъ быть, я именно таковъ, какъ про меня говорятъ! Если для васъ я былъ иной, то это потому, что вы не такая, какъ всѣ.

Потокъ безсвязныхъ словъ прервался, и Питеръ забѣгалъ по комнатѣ. Глядя на него можно было подумать, что онъ готовъ покончить съ собой. Вдругъ его лицо и голосъ стали менѣе безумны, и онъ нѣжно сказалъ:

— Мнѣ нечего говорить вамъ, какъ я васъ люблю! Вы это давно знаете, а если не знаете—не поймете, какъ бы я ни старался сказать вамъ. Моя любовь проситъ у васъ поцѣлуя. Я жду его, и знаю, что вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, если только я получу его, вы отдадите мнѣ и ваше сердце.

Леонора не поднимала глазъ съ горящихъ угольевъ въ каминѣ, но исподтишка слѣдила за Питеромъ и думала: «Бѣдный, милый! Вѣдь онъ и вправду мучится. Вотъ мечется! Точно дикій звѣрь въ клѣткѣ!»

Наступило молчаніе. Питеръ остановился противъ Леоноры и сказалъ:

— Поцѣлуете вы меня, миссъ Д'Аллуа? въ его голосѣ слышалась горячая мольба: «не отказывай мнѣ, моя любовь!»

— Да,—тихонько отвѣтила Леонора, я поцѣлую васъ въ день вашего рожденія,—и отступила назадъ, точно боясь, что Питеръ сейчасъ потребуетъ обѣщаннаго. Питеръ увидѣлъ ея движеніе и понялъ его. Онъ продолжалъ спокойно стоять и только сказалъ:

— Не съумѣю выразить вамъ, какъ я счастливъ!

Леонора посмотрѣла ему въ лицо. Если бы она не прочла въ его глазахъ желанія обнять ее, она бы никогда не простила ему. Но теперь, видя что онъ уступаетъ изъ опасенія испугать и обидѣть ее, она еще больше любила его. Леонора довѣрчиво положила ручку въ руку Питера и сказала:

— И я счастлива!

Они нѣсколько времени стояли молча. Леонора снова смотрѣла на огонь, а Питеръ на Леонору. Наконецъ, Питеръ сказалъ:

— Хотите сдѣлать мнѣ большое удовольствіе?

— Нѣтъ, — отвѣтила Леонора,—на сегодня довольно. А впрочемъ, можете сказать, чего вы хотите?

— Посмотрите на меня.

— Зачѣмъ?—спросила Леонора, быстро поднявъ на него взглядъ.

— Я хочу видѣть ваши глаза.

— Для чего? опять спросила Леонора, еще быстрѣе опуская глаза.

— Я всю жизнь мечталъ объ однихъ глазахъ и теперь хотѣлъ бы видѣть, похожи ли мои мечты на дѣйствительность.

— Какая удивительная просьба, коварно замѣтила Леонора. Вы давно могли видѣть ихъ. Вотъ фантазія влюбиться въ дѣвушку, не зная какіе у нея глаза!

— Вы такъ мало показывали мнѣ

ваши глаза, что я никогда не могъ разглядѣть ихъ.

— Вы разглядывали ихъ каждый разъ, какъ я смотрѣла на васъ. Иногда это было очень неловко. А теперь вдругъ я покажу ихъ вамъ, а вы найдете, что они не такіе, о какихъ вы мечтали?

— Я никогда не теряю времени на обсужденіе невозможнаго.

Покажите вы мнѣ ихъ или нѣтъ?

— Сколько вамъ нужно времени на это?

— Я скажу вамъ, когда увижу ихъ, осторожно отвѣтилъ Питеръ.

— Мнѣ кажется, у меня слишкомъ мало времени сегодня вечеромъ, попрежнему коварно, но съ довольной улыбкой сказала Леонора.

Питеръ молчалъ, что бы дать Леонорѣ время самой устыдиться своей жестокости, наконецъ сказалъ: Если бы я зналъ, что могу чѣмъ нибудь доставить вамъ удовольствіе, я не заставилъ бы дважды просить себя.

— Это совсѣмъ другое дѣло. А впрочемъ смотрите!

И Леонора полу-насмѣшливо, полуробко подняла глаза на Питера.

Питеръ молча сталъ изучать ихъ, и изучалъ такъ долго, что Леонора, которая чувствовала себя неловко подъ его пристальнымъ взглядомъ, но не хотѣла показать этого, спросила:

— Нравятся они вамъ?

— Да, отвѣтилъ Питеръ.

— Это все, что вы можете сказать? Другіе люди говорили о нихъ разныя пріятныя вещи!—сказала Леонора, дѣлая видъ, что она обижена, но втайнѣ очень польщенная восторженнымъ тономъ, какимъ было сдѣлано это краткое восклицаніе.

— Я думаю,—отвѣтилъ Питеръ,—что мнѣ пришлось бы придумывать новыя слова для выраженія моего восхищенія.

Леонора опустила глазки, улыбаясь довольной улыбкой.

Снова наступило молчаніе. Питеръ продолжалъ держать маленькую ручку, которая довѣрчиво лежала въ его рукѣ.

Вдругъ онъ опустилъ свободную руку въ карманъ на груди и вынулъ небольшое саше.

— Дважды я сдѣлалъ нѣчто, что самъ считаю дурнымъ дѣломъ. Можетъ быть, теперь вы простите меня.

Онъ вынулъ изъ саше перчатку и маленькій носовой платочекъ и показалъ ихъ Леонорѣ.

Леонора посмотрѣла и серьезно спросила:

— Это та самая перчатка, которую я потеряла въ домѣ миссисъ Костелль?

Питеръ молча кивнулъ головой.

— А платокъ тотъ самый, который исчезъ у васъ въ кабинетѣ, послѣ второго обѣда?

Питеръ опять молча кивнулъ головой.

— И оба раза вы помогали мнѣ искать ихъ?

Питеръ въ третій разъ утвердительно кивнулъ головой.

Онъ чувствовалъ себя въ положеніи преступника на допросѣ.

— Я все время знала, что они у васъ, — разсмѣялась Леонора. — Было ужасно смѣшно, какъ вы старательно искали ихъ, а ваше лицо выдавало васъ. Вотъ потому-то я такъ настойчиво требовала, чтобы непремѣнно нашли.

Питеръ почувствовалъ то, что чувствуетъ обвиняемый, когда присяжные говорятъ: «не виновенъ».

— Но откуда взялись эти дырки?— спросила Леонора. — Развѣ у васъ водятся мыши?

Питеръ вынулъ изъ саше исковерканную золотую монету.

— Посмотрите,—сказалъ онъ.

— Ахъ, это моя счастливая монета!— воскликнула Леонора.—Какъ вы ее испортили! О, какой вы небрежный мальчикъ!

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ,—для меня она не испорчена. Знаете ли вы, что пробило дырки и согнуло золотой?

— Что?

— Пули.

— Питеръ!

— Да, если бы ваша счастливая монета не задержала пули, меня бы не было теперь здѣсь съ вами. Я хочу возвратить ее вамъ.

— Нѣтъ, не надо. Я хочу, чтобы мое счастье осталось у васъ.

— Да оно и останется моимъ, даже если я отдамъ вамъ монету.

— Какимъ образомъ?

— Я велю сдѣлать изъ нея гладкое золотое кольцо, и когда дамъ его вамъ, все ваше счастье станетъ моимъ.

Наступило молчаніе.

Наконецъ, Питеръ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, почему вы все говорили о пяти годахъ?

— О! право, Питеръ, я это думала. Я сама не знала... Право! Вы вѣрите мнѣ?

Леонора говорила такимъ торопливымъ и вспуганнымъ голосомъ, точно ее обвиняли въ убійствѣ.

Питеръ улыбнулся. Онъ охотно вѣрилъ каждому ея слову.

Его готовность вѣрить ей заставила Леонору почувствовать нѣсколько укоровъ совѣсти. Она сказала:

— Видите ли... Питеръ... я и прежде рѣшила... что если когда-нибудь выйду замужъ... то только... за васъ... но я думала... что это будетъ не такъ скоро. Какъ вы думаете? Не лучше ли подождать? Это было бы... благоразумнѣе...

— Я и такъ долго ждалъ.

— Бѣдный, милый!

Леонора положила и другую ручку въ руку Питера. Питеръ былъ въ такомъ восторгѣ, что не могъ найти словъ для выраженія его. Онъ только сказалъ:

— Я люблю ваши ручки почти больше, чѣмъ ваши глаза.

— Это очень пріятно,—сказала Леонора лукаво.

— И я ужасно люблю, какъ вы говорите «милый». Вы не скажете ли еще разъ?

— Нѣтъ, я терпѣть не могу повторять одно и то же.

Настала снова длинная пауза.

— Нельзя всего сказать словами,— замѣтилъ, наконецъ, Питеръ.

— Вы правы.

И оба снова замолчали, какъ бы подтверждая высказанную истину. Вдругъ дверь растворилась.

— Алло!—сказалъ голосъ Уаттса.— Уже вернулись? Весело провели вечеръ?

— Чрезвычайно! — спокойно, но съ большимъ выраженіемъ сказалъ Питеръ.

— Пустите мою руку, Питеръ, пожалуйста! — шепнулъ умоляющій голосокъ. — Ради Бога! Я не могу сегодня! О, пожалуйста, пустите!

— Скажите «милый»,—коварно шепнулъ Питеръ.

— Пожалуйста, милый,—покорно повторила Леонора, и когда Питеръ пустилъ ее, бѣгомъ выбѣжала изъ комнаты.

— Неужели ты спать, Крошка?

— Я... мнѣ пора.

— Питеръ, пойдемъ покуримъ, —сказалъ Уаттсъ, направляясь къ библіотекѣ.

— Сейчасъ, — отвѣтилъ Питеръ и, выйдя на лѣстницу, сказалъ поднимающейся Леонорѣ:

— Пожалуйста, дорогая!

— Въ чемъ дѣло?—спросила она.

Питеръ тоже поднялся на первую площадку.

— Пожалуйста!—повторилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не сегодня,—сказала Леонора,—но вотъ вамъ моя рука.

Питеръ повернулъ нѣжную ручку ладонью кверху и поцѣловалъ ее. А потомъ, забывъ Уаттса и его сигары, ушелъ въ свою комнату и долго, долго думалъ о завтрашнемъ подаркѣ.

Глава LIX.

«Собирайте розы, пока онѣ цвѣтутъ».

Если Питеръ безпокойно метался по комнатамъ въ только что описанный нами вечеръ, то на слѣдующее утро онъ казался еще безпокойнѣе. Всталъ онъ чрезвычайно рано, хотя повидимому никакой надобности въ этомъ не было, и все время безцѣльно бродилъ изъ передней въ залу и обратно, каждый разъ по нѣсколько времени останавливаясь въ передней у лѣстницы.

Какъ могла Леонора сойти изъ своей комнаты въ садъ, безъ того, чтобы Питеръ замѣтилъ ее? онъ съ изумленіемъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, когда, бросивъ случайно взглядъ въ окно, увидѣлъ, что она собираетъ розы. Однако у него не было времени изслѣдовать этотъ вопросъ: онъ прекратилъ свою прогулку по комнатамъ и быстро направился въ садъ.

— Доброе утро, — сказала Леонора

привѣтливо, но не поднимая глазъ на Питера и не прерывая своего занятія.

Питеръ сначала ей ничего не отвѣтилъ, но черезъ нѣсколько секундъ спросилъ: это все?

— Я не знаю, что вамъ еще нужно? возразила Леонора съ невиннымъ видомъ.—Кромѣ того, насъ могутъ видѣть изъ окна.

Питеръ спокойно отобралъ у Леоноры корзинку:

— Я понесу вамъ ее.

— Прекрасно, — отвѣтила Леонора. Только совершенно лишнее держать меня за руку,—я не младенецъ и не калѣка.

— Я думалъ, что помогаю вамъ.

— Вы мнѣ только мѣшаете. Если желаете помогать, несите корзину, и будетъ съ васъ.

— Хорошо, покорно отвѣтилъ Питеръ.

— Знаете, вы совсѣмъ не такъ настойчивы, какъ про васъ говорятъ, сказала Леонора, срѣзая розы и бросая ихъ въ корзинку, которую Питеръ держалъ передъ ней.

— Не обольщайтесь, пожалуйста, на мой счетъ.

— Не бойтесь! Я хотѣла только сказать, что вы не всегда настаиваете, чтобы сдѣлали по вашему.

— Я только тогда отступаю отъ своихъ намѣреній, когда вижу, что это мнѣ выгоднѣе. Въ этомъ отношеніи я дѣйствительно не настойчивъ.

— Предположимъ, вы будете продолжать рѣзать розы съ этихъ кустовъ, а я пойду домой дѣлать букеты?

— Предположимъ,—спокойно отвѣтилъ Питеръ, не выказывая ни малѣйшаго энтузіазма.

— Значитъ вы согласны?

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Почему?

— Предложеніе отложить дѣло никогда не требуетъ объясненія.

— Знаете ли, что вы очень дурно начинаете?

— Я самъ это думалъ съ той минуты, какъ подошелъ къ вамъ.

— Почему же вы не уходите?

— Зачѣмъ ухудшать то, что уже плохо?

— Видите,—сказала Леонора,—благодаря разговору съ вами, я чуть не обрѣзала палецъ.

— Покажите. Питеръ протянулъ руку

— Мнѣ некогда.

— Знаете ли, что у васъ цѣлую недѣлю не будетъ розъ, если вы срѣжете всѣ бутоны? Вы и такъ срѣзали розъ вдвое больше, чѣмъ обыкновенно.

— Такъ я пойду и поставлю ихъ въ воду. А вы побѣгайте по лугу съ Дурачкомъ.

— Я никогда не бѣгаю до завтрака. Доктора говорятъ, что это вредно

Питеръ пошелъ за Леонорой въ комнаты. Она была необыкновенно занята размѣщеніемъ цвѣтовъ, а Питеръ былъ необыкновенно занятъ созерцаніемъ ея.

— Оставьте мнѣ одну розу, сказалъ онъ.

— Возьмите,—отвѣтила Леонора.

— Мое правило никогда самому не брать того, что могутъ мнѣ дать. Не можете же вы отказать приколоть розу мнѣ въ петлицу, принимая во вниманіе, что сегодня день моего рожденія.

— Если мнѣ нужно что нибудь сдѣлать, я предпочитаю сдѣлать это сейчасъ а не откладывать въ долгій ящикъ.

— Леонора выбрала розу и приколола ее въ петлицу Питеру. Но когда она хотѣла отойти отъ него, ея руки оказались въ плѣну и такъ крѣпко прижатыми къ его груди, что она чувствовала біеніе его сердца.

— Ай, пустите!—умоляла она, а щечки ея стали краснѣе розы.

— Вы можете не давать мнѣ его, если не хотите,—покорно сказалъ Питеръ. Но вчера вечеромъ я сидѣлъ и мечталъ объ немъ, ночью видѣлъ его во снѣ, и утромъ проснулся съ мыслью о немъ. И теперь думаю все о томъ же. Я могу подождать, но я уже такъ долго ждалъ!

Леонора, съ горящими щеками, очень робко протянула Питеру губки.

— Однако, замѣтила она, принимаясь за цвѣты, разъ вы столько ждали, что же вы теперь, такъ долго возились?

— Мнѣ очень жаль, что я такъ плохо это сдѣлалъ,—виновато сознался Питеръ. Я такой медлитель! Я еще разъ попробую?

— Нѣтъ, не надо.

— Такъ покажите мнѣ вы.

— Нѣтъ.

— Кто теперь упрямится?

— Конечно, вы, — быстро сказала Леонора,—и это мнѣ вовсе не нравится.

— О, Леонора, если бы знали, какъ я счастливъ!

Леонора забыла, что только что обвинила его въ упрямствѣ.

— И я тоже, — сказала она. — Я больше не буду упрямой.

— Лучше было теперь? — спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ, это было бы невозможно! Но вамъ нужно столько времени! Я не буду въ состояніи давать вамъ больше одного въ день, такъ это долго!

— Тогда я буду еще медленнѣе!

— А я буду цѣловать васъ черезъ день!

— А я буду возиться еще дольше!

— О, да,—вздохнула Леонора, — вы все таки ужасно настойчивы!

Такъ прошло время до завтрака. Оба были счастливы. Не стоитъ трудиться описывать слѣдующую недѣлю.

Всѣ слова и дѣйствія влюбленныхъ кажутся постороннимъ зрителямъ безсмысленными и страшно скучными, только для нихъ самихъ они полны значенія и прелести, которыхъ нельзя передать никакими описаніями.

Леонора первая нарушила очарованіе. Каждый день Питеръ получалъ отъ лидеровъ партіи умоляющія письма и телеграммы, надъ которыми только смѣялся и которыя часто оставлялъ безъ отвѣта. Но однажды м-ръ Пелль сообщилъ Леонорѣ нѣчто, заставившее ее сказать Питеру:

— Правда, что вы обѣщали говорить въ Нью-Іоркѣ 15-го?

— Да, но я написалъ Грину, что не стану.

— А вы собирались впродолженіи недѣли говорить рѣчи по всему штату?

— Да, но у меня теперь нѣтъ времени.

— Нѣтъ, время найдется. Вы должны ѣхать завтра же.

— Не могу,—заворчалъ Питеръ.

— Должны!

— Кто это сказалъ?

— Я! Пожалуйста, Питеръ. Мнѣ такъ хочется, чтобы вы побѣдили. Я никогда не прощу себѣ, если, благодаря мнѣ, вы потерпите пораженіе.

— Но цѣлую недѣлю! — продолжалъ ворчать Питеръ.

— Вѣдь мы переѣзжаемъ 18-го, и, конечно, вамъ пришлось бы уѣхать наканунѣ Такъ что разница не велика.

— Ну что же,—вздохнулъ Питеръ.— Если я сдѣлаю по вашему, вы дадите мнѣ до отъѣзда тѣ семь, которые я теряю?

— Боже мой, Питеръ, вы и требовать этого не должны, разъ я отсылаю васъ для вашей же пользы. Вы никогда не довольны и ко всему придираетесь.

— Я получалъ бы ихъ, если бы остался. И такъ по одному въ день ужасно мало! Мнѣ кажется, разъ я дѣлаю вамъ одолженіе и уѣзжаю, не слѣдовало бы заставлять меня страдать больше, чѣмъ необходимо.

— Я буду звать васъ ворчуномъ,— сказала Леонора, поглаживая его по щекѣ. Потомъ она прижалась личикомъ къ его щекѣ. — Спасибо вамъ, милый. Вѣдь и мнѣ тоже тяжело.

Поэтому Питеръ надѣлъ латы, взялъ оружіе и вышелъ на арену.

Хорошо или плохо онъ говорилъ, мы предоставляемъ судить тѣмъ, кто его слышалъ. Не лишнее будетъ замѣтить, что одна особа, вполнѣ безпристрастная, прочтя его первую рѣчь, произнесенную въ «Союзѣ Купера», писала ему: «Позорная клевета звать васъ молчальникомъ. Ваша рѣчь просто великолѣпна! Какъ бы я хотѣла слышать и видѣть васъ, мой дорогой! Я чувствую себя очень одинокой, и Дурачокъ, и Дымка тоже. Цѣлый день мы безцѣльно бродимъ по комнатамъ, ожидая вашихъ писемъ и газетъ».

Задумавшись надъ этимъ письмомъ, Питеръ заставилъ три тысячи народу въ Бруклинъ-Ринкѣ ожидать цѣлыхъ десятъ минутъ! Но когда онъ, наконецъ, покончилъ съ письмомъ и взошелъ на каѳедру, то превзошелъ самого себя. Современные ораторы обыкновенно, когда говорятъ, больше думаютъ объ отсутствующихъ, чѣмъ о присутствующихъ. Въ описываемый вечеръ Питеръ поступалъ также. Онъ говорилъ только для одной особы, а между тѣмъ, за всю компанію эта рѣчь была самая блестящая.

Ровно недѣлю спустя Питеръ звонилъ у дверей дома на 57-й улицѣ.

Онъ былъ одѣтъ для верховой ѣзды.

— Господа завтракаютъ, — сказалъ ему лакей.

Питеръ поспѣшилъ положить шляпу и хлыстъ на столъ въ передней и хотѣлъ идти въ столовую, когда навстрѣчу ему съ салфеткой въ рукахъ выбѣжала Леонора.

— Я знала что это вы, — сказала она, чинно подавая ему руку (откуда Леонора знала, что звонокъ въ 9 час. утра обозначалъ Питера—исторія о томъ умалчиваетъ).

— Я сомнѣвалась, найдете ли вы дорогу въ столовую. Мама послала меня звать васъ завтракать.

Питеръ держалъ ея ручку въ своихъ рукахъ дольше, чѣмъ это требуется закономъ свѣтскихъ приличій, но спросилъ весьма вѣжливо:—Какъ поживаютъ ваши родители и... въ это время лакей вышелъ, и Питеръ пересталъ интересоваться родителями.

— Какъ могли вы придти такъ поздно,—спросила Леонора. — Я цѣлый часъ караулила васъ у окна.

— Поѣздъ опоздалъ! Росписаніе на этой дорогѣ—просто издѣвательство,— отвѣтилъ Питеръ. Между тѣмъ, именно эта дорога самая благоустроенная и аккуратная, и поѣздъ Питера опоздалъ только на семь минутъ.

— Однако, вы уже катались верхомъ!

— Нѣтъ, я уговорился ѣхать послѣ завтрака съ одной пренепріятной дѣвицей, поэтому одѣлся заранѣе.

— А если непріятная дѣвица откажется или скажетъ, что никакого уговора не было?

— Не посмѣетъ,—сказалъ Питеръ.— Хотя этотъ пунктъ въ контрактъ не внесенъ, однако законъ признаетъ его внѣ всякаго сомнѣнія. Леонора засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Для кого эти фіалки?

— Мнѣ пришлось побывать въ четырехъ мѣстахъ, чтобы достать ихъ въ это время года. Скверныя дѣвочки доставляютъ очень много хлопотъ своими капризами. Что вы мнѣ дадите за нихъ?

— Нѣсколько цвѣточковъ, сказала Леонора и получила весь букетъ. Кто послѣ этого посмѣетъ сказать, что у женщинъ нѣтъ коммерческихъ способностей и проницательности?

Правда, она поцѣловала цвѣточки, прежде чѣмъ приколола ихъ въ петлицу Питера, а это возбуждаетъ вопросъ—кто получилъ большую выгоду?

— Я за занавѣсомъ и ничего не вижу сказалъ голосъ изъ за двери, и потому не пугайтесь, мнѣ только любопытно знать, желаете ли вы завтракать?

Черезъ нѣсколько дней Питеръ снова поднимался по знакомой лѣстницѣ 57-й улицы. Онъ такъ часто продѣлывалъ это, что его извозчикъ, не дальше какъ сегодня утромъ, сказалъ ему: «Все туда же, баринъ?»

Какъ Питеръ умудрялся находить время—просто непостижимо, если принять во вниманіе, что его адвокатская практика стала, какъ говорили, еще обширнѣе, и политическія дѣла не сократились.

Съ лѣстницы Питеръ перешелъ въ переднюю, изъ передней въ комнату и прямо попалъ въ чьи то объятія.

— Хвала Создателю, что ты наконецъ явился,—замѣтилъ Уаттсъ. Крошка положительно отказалась дать мнѣ чаю, пока ты не придешь.

— Я былъ въ главной квартирѣ, и они говорили, говорили безъ конца. Я просто потерялъ съ ними терпѣніе. Можно подумать, что судьба рода человѣческаго зависитъ отъ этой кампаніи!

— Ворчунъ сейчасъ получитъ чаю и придетъ въ лучшее настроеніе,—сказала Леонора усаживаясь на кушетку около чайнаго столика.

— Я уже началъ, замѣтилъ Питеръ, занимая мѣсто у ногъ Леоноры.

— Сдается мнѣ, что вы сейчасъ же начнете попрошайничать. Не люблю я дѣтей, которыхъ надо закупать, чтобы они не капризничали. Хорошіе мальчики никогда не бываютъ не въ духѣ.

— Я былъ не въ духѣ оттого, что мнѣ мѣшали идти къ вамъ, шепнулъ Питеръ. Мнѣ кажется, этого достаточно, чтобы самаго кроткаго человѣка привести въ убійственное настроеніе.

— Ну, чего же вамъ нужно отъ меня?—смилостивилась Леонора.

— Что бы вы всѣ пріѣхали ко мнѣ послѣ обѣда. Меня предупредили, что сегодня, въ 9 часовъ, мнѣ даютъ серенаду, и я думаю, что вы захотите послушать ее.

— Какъ весело!—воскликнула Леонора. Конечно мы придемъ! Вы будете говорить.

— Нѣтъ, мы только будемъ сидѣть у окна и слушать.

— Сколько будетъ народу?

— Это зависитъ отъ того, какую газету вы будете читать. «Свѣтъ» вѣроятно скажетъ, что было десять тысячъ, «Трибуна» три тысячи, а «Голосъ Труда» горсточка.

Да, кстати, я принесъ вамъ теперь «Голосъ». Питеръ подалъ Леонорѣ газету, которую вынулъ изъ кармана.

Это было просто безсовѣстно съ его стороны. Онъ зналъ, что Леонора бывала съ нимъ еще нѣжнѣе каждый разъ, какъ газеты обрушивались на него, въ особенности, если онъ прикидывался, что ихъ нападки и ругательства огорчаютъ его. По этому онъ постоянно приносилъ Леонорѣ газету рабочей партіи, которая ядовитѣе всѣхъ нападала на него, и дѣлалъ огорченное лицо, чтобы Леонора утѣшала его.

— О, Боже? — сказала Леонора. Опять эту ужасная газета! Просто читать не хочется. Очень бранятся сегодня?

— Не читалъ еще,—улыбнулся Питеръ. Я никогда не читаю... Питеръ закашлялся, сразу принялъ грустный видъ и продолжалъ: тѣхъ статей, въ которыхъ не говорится обо мнѣ.

— «Это вѣдь не ложь», оправдывался онъ передъ самимъ собой, «вѣдь я дѣйствительно не читаю этой газеты».

Но онъ все таки чувствовалъ себя виноватымъ. Было ясно, что Питеръ начиналъ и змѣнять свой обычной правдивости.

— Я не думаю, чтобы они могли выдумать еще что нибудь худшее послѣ того, какъ говорили, что вы отказались отъ иска противъ Больмана, потому что онъ обѣщалъ помогать вамъ въ политикѣ,—сказала Леонора, опуская своими пальчиками два куска сахару въ чашку. Она помѣшала чай и попробовала его. Такъ хорошо?—спросила она, передавая чашку Питеру.

— Великолѣпно,—отвѣтилъ Питеръ, сіяя отъ удовольствія. но тотчасъ спохватился, что выходитъ изъ своей роли, и грустно вздохнулъ. Сознаюсь, все это глубоко огорчаетъ меня. Зачѣмъ люди такъ несправедливы!

— Бѣдненькій!—шепнулъ милый голосокъ. Вы получите сегодня одинъ сверхъ счета.

Ну можно ли было огорчаться ругательствами американской газеты, имѣя въ виду такое вознагражденіе?

Правда что слово «одинъ» очень неопредѣленное. Можетъ быть, Леонора думала о стаканѣ чаю? Но этого Питеръ никогда не узналъ, потому что онъ не успѣлъ еще приняться за чай, какъ Леонора громко вскрикнула. Она такъ порывисто вскочила съ кушетки что толкнула столикъ, и чашки со звономъ посыпались на полъ.

— Леонора!—воскликнулъ Питеръ,—что случ...

— Питеръ,—перебила она его,—скажите, что это неправда!

Страшно было видѣть, какое страданіе исказило ея личико, и какое отчаяніе звучало въ голосѣ.

— Дитя мое, что случилось?—спросила мать.

— Это не можетъ быть! Мама! Папа!—кричала Леонора.—Скажите, вѣдь это неправда?

— Что моя дорогая?—спросилъ Питеръ, поддерживая ее.

— Вотъ это!—глухо сказала Леонора, протягивая газету.

Миссисъ Д'Алуа схватила ее.

— Бѣдная моя дѣвочка!—воскликнула она, пробѣжавъ развернутую статью.—Зачѣмъ я допустила это! Питеръ! Питеръ! Неужели вамъ было мало своего позора, что вы рѣшились заставить страдать отъ него мою несчастную дѣвочку!

Она оттолкнула Питера и страстно обняла Леонору.

— Мама!—закричала Леонора.—Не говори такъ! Не смѣй! Я знаю, что онъ не могъ сдѣлать этого! Это невозможно!

Питеръ вырвалъ газету. На первой страницѣ крупными буквами было напечатано:

«Сознавайтесь Стерлингъ!
Кто этотъ мальчикъ?
Сыщикъ Пельтеръ открылъ воспитанника, о которомъ опекунскій совѣтъ не имѣетъ понятія, и мы въ правѣ требовать объясненій отъ
НЕПОРОЧНАГО СТЕРЛИНГА».

Безполезно приводить всю статью. Она была такъ подтасована, что должна была навести на самыя грязныя и гнусныя подозрѣнія, хотя опредѣленнаго ничего сказано не было.

— Голубка моя!—говорила миссисъ Д'Аллуа.—Ты имѣешь право убить меня за то, что я допустила его въ нашъ домъ послѣ того, какъ онъ во всемъ сознался мнѣ! Я... Не дрожи такъ, радость моя! О, Уаттсъ, мы убили ее!

Питеръ съ минуту держалъ газету, потомъ передалъ ее Уаттсу. Онъ сказалъ только: «Уаттсъ?!» но въ этомъ словѣ звучалъ призывъ о помощи и пощадѣ, столь же ужасный, какъ крикъ Леоноры минуту тому назадъ.

— Ну понятно, дружище!—воскликнулъ Уаттсъ.—Леонора, дорогая, ничего нѣтъ! Ты не должна думать! Питеръ хорошій человѣкъ, лучше насъ всѣхъ! Ты не должна вѣрить!

— Молчи! — крикнула Леонора. — Дайте мнѣ говорить! Мама, Питеръ сказалъ тебѣ, что это правда?

Всѣ молчали.

— Мама! скажи что - нибудь! Папа! Питеръ! Отвѣчайте!

— Леонора, не сомнѣвайтесь во мнѣ,—началъ Питеръ.—Вѣрьте мнѣ, я...

— Скажите мнѣ,—перебила его Леонора,—это была причина, почему вы не хотѣли идти къ намъ? О, я понимаю теперь! Мама знаетъ это. Такъ вотъ что огорчало васъ? А я-то думала, что любовь къ...—Леонора застонала.

— Любовь моя! — въ отчаяніи воскликнулъ Питеръ.—Не смотрите на меня такъ! Не говорите...

— Не троньте меня! Не смѣйте!—закричала Леонора.—Уходите!

Леонора бросилась на коверъ и разразилась страшными рыданіями.

— Это невозможно! — сказалъ Питеръ.—Уаттсъ, это убьетъ ее.

Но Уаттсъ исчезъ изъ комнаты.

— Уходите скорѣй!—рыдала Леонора.—Уходите, вамъ нечего здѣсь дѣлать, уходите!

Питеръ нагнулся, нѣжно поднялъ съ полу Леонору и положилъ ее на диванъ. Онъ прижалъ къ губамъ подолъ ея платья.

— Да, мнѣ больше ничего не остается!—тихо сказалъ онъ.—Прощай, моя любовь! Я ухожу.

Онъ оглянулся кругомъ съ безумнымъ видомъ, затѣмъ быстро прошелъ всѣ комнаты, шатаясь, какъ пьяный, спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Онъ толкнулъ кого-то и на сердитое восклицаніе: «что за невѣжа!» машинально сказалъ «извините». Черезъ минуту онъ снова наткнулся на что-то и снова извинился, а двѣ хорошо одѣтыя дѣвушки громко разсмѣялись, глядя, какъ господинъ безъ шляпы извиняется передъ фонарнымъ столбомъ. Питеръ пошелъ дальше, но не успѣлъ пройти десяти шаговъ, какъ чья-то рука опустилась на его плечо.

— Потише, красавчикъ,—произнесъ чей-то голосъ.—Позвать вамъ извощика или мнѣ проводить васъ домой? Куда васъ доставить?

— Извините,—сказалъ Питеръ.

— Идемте,—продолжалъ полисменъ, встряхивая его.—Гдѣ вы живете? Боже мой, да это м-ръ Стерлингъ! Что случилось, сэръ?

— Мнѣ кажется, я убилъ ее,—сказалъ Питеръ.

«Вотъ такъ угостился!» подумалъ полисменъ. «И это онъ—онъ! Никто не узнаетъ». Полисменъ остановилъ проѣзжавшаго извозчика, подсадилъ Питера, сказалъ адресъ и самъ сѣлъ. На другой день его оштрафовали за то, что онъ «самовольно отлучился съ поста безъ уважительныхъ причинъ», но онъ ни за что не хотѣлъ сказать, гдѣ былъ.

Доѣхавъ до дому Питера, полисменъ помогъ ему войти въ элеваторъ, довелъ его до двери и позвонилъ. Никто не отворялъ; занятія въ конторѣ уже кончились, а Джениферъ, знавшій, что баринъ не обѣдаетъ дома, ушелъ по своимъ дѣламъ.

Полисменъ, уже обшарившій раньше карманы Питера, чтобы заплатить извозчику, повторилъ эту операцію и оты-

скалъ ключъ. Онъ открылъ дверь, довелъ Питера до кабинета, усадилъ его въ кресло, положилъ на письменный столъ кошелекъ и ключъ, и съ большимъ трудомъ написалъ на клочкѣ бумаги: «М-ръ Стерлингъ, я взялъ 2—50, чтобы заплатить извозчику. Джонъ Матти, полисменъ 22-го участка», положилъ написанное рядомъ съ кошелькомъ и ключами. Потомъ онъ вернулся на свой постъ.

Что же дѣлалъ Питеръ, оставшись одинъ? Онъ старался думать, а его глаза болѣли и горѣли, точно ихъ жгли раскаленнымъ желѣзомъ. Вдругъ онъ всталъ и пошелъ ходить по комнатѣ, натыкаясь на столы и стулья. Онъ продолжалъ думать, по временамъ выкрикивая безсвязныя слова:

— Если бы я могъ понять! Я ничего не вижу! Что говорилъ мнѣ докторъ Пильцеръ про ея глаза? Или онъ говорилъ про мои глаза? Онъ мнѣ далъ лекарство. Не могу вспомнить! Развѣ оно поможетъ ей? Почему я не могу думать? Господи, какая боль въ ея головѣ и глазахъ! Почему такъ темно кругомъ, только боль пронизываетъ всю голову! Она сверкаетъ какъ молнія, я вижу ее. Почему я не могу думать? Какія у нея ужасные глаза! Онъ далъ мнѣ какое-то лекарство, но оно не поможетъ ей. Она прогнала меня! Если бы только эта агонія кончилась! Какъ она страдаетъ, и ея страданія увеличиваются каждую минуту! Не могу вспомнить, гдѣ лекарство? Вотъ опять идетъ! Теперь я знаю, что это не молнія, а керосинъ.

— Скорѣе ребята! Развѣ вы не слышите воплей моей малютки? Это ужасно? Если бы я только могъ вспомнить.— Что говорилъ французскій докторъ, если это вернется? Нѣтъ, давай рельсы!» — Питеръ бросился къ окну.— Еще одно усиліе, товарищи! Слышете ея вопли? Ломайте двери!

Питеръ схватилъ горшокъ съ цвѣтами и бросилъ его въ окно, и стекла со звономъ посыпались на полъ и на улицу.

— Если бы я могъ видѣть! Но все темно кругомъ. Это свѣтъ? Нѣтъ, слишкомъ поздно! Я не могу спасти ее!

Такъ безумствовалъ Питеръ, страдая и физически, и нравственно.

Вдругъ звуки военной музыки ворвались въ разбитое окно.

— Впередъ!—закричалъ Питеръ! — Поддсъ, не позволяйте обижать ее. Спасите ее! О, спасите ее! Почему я нигдѣ не могу найти ее? Не задерживайте меня!—кричалъ онъ натыкаясь на стулъ. Онъ схватилъ его и съ такой силой швырнулъ въ стѣну, что стулъ разлетѣлся на куски, вдребезги разбивъ нѣсколько рамъ съ картинами.

— Я не позволю отталкивать меня!— кричалъ онъ съ безумнымъ отчаяніемъ.— Она — все, что я имѣю! Я былъ такъ одинокъ столько лѣтъ! Оставьте, я убью васъ! Я не могу видѣть ея страданій, это убиваетъ меня! Было бы не такъ ужасно, если бы не я самъ сдѣлалъ это! Если бы я не такъ любилъ ее! Но самъ, самъ! Я не могу! Ребята, хотите постоять за меня и помочь мнѣ спасти ее?

Оркестръ смолкъ. Наступило минутное молчаніе, потомъ съ улицы раздалось пѣніе пяти тысячъ голосовъ на мотивъ марша: «Мы идемъ черезъ Георгію»:

Собирайтесь вокругъ вождя, ребята,
Собирайтесь вокругъ голубого знамени,
Сразимся за нашего кандидата,
За нашего сильнаго Стерлинга.
Сразимся за честное правительство, ребята!
Побѣдимъ безсовѣстную шайку!
Подавайте голоса за свободу и за Стерлинга!
Ура! Ура! За храбраго и честнаго Стерлинга!
Ура! Ура! За Стерлинга, который всегда правъ!
Подавайте голоса одинъ за другимъ,
Двѣсти тысячъ голосовъ
За свободу и Стерлинга!

— Я не могу побѣдить стольнихъ! Двѣсти тысячъ! У меня нѣтъ оружія! Я не стрѣлялъ въ нихъ, нѣтъ! Я только командовалъ. Мнѣ больно, но я не думалъ что и ей такъ больно! У меня никого нѣтъ, кромѣ нея. Неужели вы думаете, что я хотѣлъ убить ее? Нѣтъ! Нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ для нея. А вы мнѣ говорите о баллотировкѣ! Двѣсти тысячъ голосовъ! Я такъ старался для нея! Я не хотѣлъ дѣлать ей больно. Я разыскалъ ихъ семьи, я всѣхъ навѣстилъ! Если бы я могъ знать! Если бы я могъ думать.

Она слишкомъ страдаетъ! Я не могу думать, пока она лежитъ на коврѣ и такъ дрожитъ. Смотрите, какія молніи проходятъ сквозь ея голову! Не прячь свое личико въ коверъ.

— Нечего удивляться, что такъ темно! Подумай только, и все будетъ хорошо.

Съ улицы снова донеслась пѣсня на мотивъ: «Жили были три вороны»:

Стивенъ Магиръ замышлялъ, чтобы
его выбрали 4-го ноября.
Свивенъ Магиръ замышлялъ, чтобы
его выбрали 4-го ноября,
Стивенъ Магиръ замышлялъ да
замышлялъ,
Только всѣ его замыслы вылетѣли
въ трубу!
А народъ будетъ кричать «Ура—
ра—ра—ра!»
А народъ будетъ кричать «Ура—
ра—ра—ра!»
Потому, что Питера Стерлинга вы-
берутъ 4-го ноября!
Потому, что Питера Стерлинга вы-
берутъ 4-го ноября.
Питера Стерлинга выберутъ
А Стивенъ Магиръ останется въ
дуракахъ.
И весь народъ будетъ кричать:
«Ура—ра- -ра—ра!»
И весь народъ будетъ кричать
«Ура—ра—ра—ра!»

— Это Стивенъ Магиръ! Онъ всегда былъ измѣнникомъ. Если бы онъ попался мнѣ!—Питеръ схватилъ стулъ.

— Кто это? А! Это вы! Вы ее убили! Вотъ вамъ! И второй стулъ съ такой силой перелетѣлъ черезъ комнату и ударился въ дверь, что сорвалъ ее съ петель, и она съ трескомъ полетѣла на полъ.

— Я убилъ его!—вскрикнулъ Питеръ.—Я... нѣтъ, я убилъ мою голубку! У меня больше никого нѣтъ на свѣтѣ!

Такъ безумствовалъ Питеръ. Онъ спотыкался, падалъ, вставалъ, опять со стономъ падалъ, въ то время какъ факельное шествіе привѣтствовало его громкими, восторженными криками и пѣніемъ.

Питеръ дико боролся со своимъ несчастьемъ, когда два посѣтителя, которые долго и тщетно звонили, пока вернувшійся Дженниферъ не открылъ имъ, остановились передъ тѣмъ, что прежде было дверью.

— Боже мой!—закричалъ одинъ изъ вошедшихъ.—Онъ съума сошелъ! Уйдемъ скорѣе!

Но другая особа, ничего не отвѣчая и не выказывая ни малѣйшаго страха, прямо подошла къ бѣснующемуся человѣку и взялъ его за руку. Питеръ сразу остановился.

— Я не могу думать! Я не могу думать, пока она лежитъ на коврѣ! Какъ ея глаза горятъ!

— Пожалуйста, сядьте, Питеръ. Пожалуйста, милый, для меня. Вотъ вамъ стулъ. Пожалуйста, сядьте.

Питеръ упалъ въ кресло.

— Я говорю вамъ, что не могу думать. Они все жгутъ! Это керосинъ!

Онъ хотѣлъ вскочить, но чьи-то нѣжныя ручки удержали его, и онъ снова упалъ въ кресло.

— Вотъ, барышня, ради самого неба, смочите этимъ глаза барину,—сказалъ Дженниферъ умоляющимъ голосомъ, весь въ слезахъ, появляясь съ пузыркомъ въ рукахъ.—Докторъ далъ это ему, когда у него болѣли глаза.

Леонора опустилась на колѣни передъ Питеромъ, и смочивъ пальцы примочкой, стала тихонько гладить его вѣки.

Было ли это дѣйствіе лекарства, или въ тонкихъ пальчикахъ заключалась цѣлебная сила, но рѣзкія черты страданія исчезли съ лица Питера, и онъ спокойно откинулся въ креслѣ. Лицо Питера постепенно измѣнялось: оно сначала стало спокойнѣе, потомъ выраженія напряженной мысли, страха и сомнѣнія, но не страданія, быстро смѣнились одно другимъ, наконецъ, онъ протянулъ руку и сознательно схватилъ руку Леоноры.

— Вы пришли ко мнѣ?—сказалъ Питеръ.—Онъ сказалъ вамъ?

— Кто, что?—спрашивала Леонора.

— Вы все еще думаете, что я могъ.... вскричалъ Питеръ.—Зачѣмъ же вы пришли?—Питеръ безумно вскинулъ глазами и вскочилъ бы, если бы Леонора, все еще стоявшая передъ нимъ на колѣняхъ, не удержала его.

— Не волнуйтесь, Питеръ!—умоляла она.—Не будетъ говорить объ этомъ теперь. Вамъ нужно успокоиться.

— Скажите мнѣ, я хочу знать!—Питера волновало больше присутствіе Леоноры, чѣмъ ея слова.

— О Питеръ! Я просила папу привести меня сюда, потому что... О, Боже! Я хотѣла просить васъ сдѣлать что-то ради меня!

— Что такое?

— Я хотѣла просить васъ....—Леонора заплакала:—жениться на ней.... Тогда я всегда буду думать, что вы такой... какимъ я такъ любила васъ, а не....—Леонора опустила головку на колѣни Питера и горько плакала.

Питеръ обнялъ ее и поднялъ ея головку на свое плечо:

— Дорогая моя,—сказалъ онъ,—вы любите меня?

— Люблю!—рыдала Леонора.

— Вы вѣрите, что я люблю васъ?

— Вѣрю.

— Загляните въ самую глубину своего сердца, могли бы вы солгать мнѣ?

— Нѣтъ.

— И я не могу лгать вамъ. Не я отецъ этого мальчика, не я опозорилъ его мать.

— Но вы сказали....—всхлипывала Леонора.

— Я солгалъ вашей матери, дорогая.

— Зачѣмъ? — Леонора подняла головку. Въ глазахъ ея мелькнула надежда вмѣстѣ съ сомнѣніемъ.

— Потому что тогда ложь была лучше правды. Уаттсъ подтвердитъ вамъ, что я тогда солгалъ.

— Папа?

— Да, Крошка. Милый, старый Питеръ говоритъ тебѣ правду.

— Но если вы солгали мамѣ, почему я могу знать, что вы не лжете и мнѣ?

— Я не могу лгать вамъ, Леонора. Я говорю вамъ правду. Вѣрите ли мнѣ?

— Вѣрю! — вскричала Леонора.— Я чувствую, что вы говорите правду! Я вижу ее на вашемъ лицѣ, слышу въ голосѣ!

Въ ту же минуту ея руки обвились вокругъ его шеи, горячія губки прижались къ его губамъ.

Въ это время кто-то изъ участниковъ факельнаго шествія закричалъ: «Что случилось со Стерлингомъ?»

И тысячи веселыхъ голосовъ закричали: «Все благополучно!»

Глава LX.

Загадка.

М-ръ Пирсъ собирался говорить. М-ръ Пирсъ обыкновенно всегда говорилъ, но за послѣдніе три часа онъ былъ принужденъ молчать и могъ произнести только нѣсколько словъ, обращенныхъ къ случайнымъ слушателямъ. Но наконецъ, м-ру Пирсу показалось, что вожделѣнный мигъ насталъ, и что аудиторія у него будетъ подходящая.

По первому взгляду можно было думать, что предположеніе м-ра Пирса небезъосновательно: въ большой гостинной собралось около двадцати человѣкъ, и видъ у всѣхъ былъ очень утомленный: они съ видимымъ удовольствіемъ усаживались по диванамъ и по кресламъ. Судя по измученному виду всѣхъ собравшихся и по царствовавшему въ гостиной безпорядку, такъ какъ вся мебель была сдвинута со своихъ мѣстъ, можно было заподозрить, что здѣсь только что происходило сраженіе, но масса цвѣтовъ и нарядные костюмы отвергали эту мысль и ясно доказывали, что безпорядокъ и утомленіе были вызваны совсѣмъ другимъ.

Однако, ожиданіямъ м-ра Пирса не суждено было осуществиться всѣ присутствующіе въ гостиной, все близкіе друзья, сошлись здѣсь для того, чтобы поговорить о только что совершившемся событіи, и вовсе не были расположены выслушивать разглагольствованія почтеннаго джентльмена.

Мистеръ Пирсъ прочистилъ горло и началъ:

— Развитіе брачныхъ обычаевъ и церемоній отъ первыхъ временъ весьма любопытно...

— Какая была прелестная свадьба!— сказала Дороти, вздохнувъ отъ удовольствія и отъ усталости.

— Неправда ли? хоромъ подхватили всѣ, кромѣ м-ра Пирса, съ неодобреніемъ покосившагося на виновницу перерыва.

— Какъ я уже замѣтилъ... снова началъ м-ръ Пирсъ.

— Лучше всего были подарки отъ «шестого», снова перебилъ на этотъ разъ Уаттсъ. М-ръ Моріерти сказалъ: «Ей Богу,

трудно было бы сыскать другую такую киску!» И онъ вполнѣ правъ подобнаго безобразія трудно сыскать!

— Возвращаясь къ предмету... попробовалъ опять м-ръ Пирсъ.

— Леонора сказала, что именно этотъ подарокъ ей дороже всѣхъ остальныхъ, сказала молоденькая, прелестно одѣтая дѣвушка.

— О, она была въ такомъ восторгѣ отъ всѣхъ подарковъ «участка» и «политическихъ друзей», что на наши и вниманія не обратила,—засмѣялся Уаттсъ. Гдѣ ужъ намъ поспѣть... за «сѣрыми»! Она стала такой же поклонницей народа, какъ и самъ Питеръ.

— Не думаю, чтобы ей было до нихъ какое нибудь дѣло,—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей,—она обожаетъ ихъ за то, что они обожаютъ его.

— Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ! вздохнулъ Лиспенардъ.—Этого счастливаго смертнаго обожаютъ всѣ, начиная съ любого ирландца-кабатчика и кончая Леонорой! А между тѣмъ взгляните на меня какой я умный, кроткій, ласковый человѣкъ, и никто меня не обожаетъ! Никто даже думать обо мнѣ не хочетъ, и считаютъ меня годнымъ только на то, чтобы быть шаферомъ болѣе счастливыхъ людей. А Питеръ, посмотрите на Питера онъ добился любви очаровательнѣйшей дѣвушки, которая чуть не молится на него. Я никогда не видѣлъ подобной идеализаціи!

— Значитъ, вы не наблюдали Питера,—вмѣшалась миссисъ Д'Аллуа, которая, въ качествѣ нѣжной матери, не желала, чтобы кто нибудь подумалъ, что Леонора любитъ больше, чѣмъ любима.

— Взявъ за основаніе современный бракъ... снова попробовалъ м-ръ Пирсъ.

— О!—засмѣялась Дороти,—развѣ можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что они идеальная парочка. И я очень горжусь, потому что я устроила это!

— Кукуреку!—закричалъ Рей.

— Конечно, я и мой собственный мужъ не имѣетъ права набрасывать тѣнь сомнѣнія на мои слова!

— Только онъ одинъ посмѣлъ,—сказалъ Огденъ.

— А все таки я настаиваю на своемъ. Леонора никогда не обратила бы вниманія на такого молчаливаго, серьезнаго человѣка, какъ Питеръ если бы я не показала ей, какъ смотрятъ на него другіе.

— Мнѣ кажется, что виновникомъ всего является самъ Питеръ,—замѣтилъ Ле-Гранъ.

— Впрочемъ, какъ холостякъ, я не могу ожидать, чтобы мое мнѣніе было принято.

— Напротивъ, онъ чуть не испортилъ все дѣло своимъ смиреніемъ, сказала Дороти. Ни одна дѣвушка не станетъ считать человѣка достойнымъ вниманія, если онъ позволяетъ ей дурно обращаться съ собою.

— Но каждой дѣвушкѣ чрезвычайно лестно, когда мужчина обращается съ ней такъ, точно она одна существуетъ на свѣтѣ, а Питеръ доходилъ въ этомъ до абсурда,—сказалъ Лиспенардъ. Просто смѣхъ разбиралъ, при видѣ, какъ милъ и любезенъ становился старый отшельникъ, стоило ей только появиться, и какъ его глаза неотступно слѣдили за ней. Ужъ одно то, что онъ выучился танцовать, показываетъ, какъ обстояло дѣло!

— Онъ началъ гораздо раньше, когда вамъ это и не снилось, замѣтила миссисъ Д'Аллуа. Не такъ ли Уаттсъ?

— Безъ сомнѣнія,—смѣялся Уаттсъ. Да и она тоже. Я никогда раньше не видѣлъ, чтобы она съ кѣмъ нибудь обращалась такъ, какъ съ Питеромъ, съ самаго начала. Помню, какъ она вернулась домой послѣ своего приключенія, просто въ дикомъ восторгѣ отъ Питера, и объявила мнѣ: «О, я такъ счастлива! Я пріобрѣла новаго друга, и мы всегда будемъ съ нимъ такими друзьями».

— Приходится задать тотъ вопросъ, который задалъ одинъ ирландецъ во время уличной драки: «А кто первый бросилъ послѣдній камень?» со смѣхомъ сказалъ Огденъ.

— Право, если бы только это не казалось такой безмыслицей, я бы сказалъ, что они оба начали въ ту минуту, какъ встрѣтились, заявилъ Уаттсъ.

— Мнѣ это вовсе не кажется безсмыслицей,—сказала сѣдая, изящная дама, которая казалась наименѣе взволнованной, а можетъ быть, была слишкомъ

хорошо воспитанной, чтобы выказывать свои чувства.—Я даже думаю, что они начали тогда, когда еще и не встрѣчались. Леонора была уже почти влюблена въ Питера еще въ Европѣ, а Питеръ, хотя ничего не зналъ о ней, именно такой человѣкъ, который выдумываетъ себѣ идеалъ и любитъ его. Случилось только, что она подходила подъ этотъ идеалъ.

— Право, миссъ Де-Во,—сказалъ м-ръ Пирсъ,—вы слишкомъ ошибочно судите о немъ. Хотя Питеръ теперь мой внукъ, я все-таки могу судить, что онъ такое. Онъ вовсе не такого сорта человѣкъ, чтобы увлекаться идеалами.

— Я не обольщаюсь, что знаю Питера. Онъ не позволяетъ людямъ заглядывать въ свою душу,—отвѣтила миссъ Де-Во.—Но въ одномъ я твердо увѣрена: все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ такъ, какъ ему подсказываетъ сердце, и въ душѣ онъ идеалистъ.

— О!—закричали многіе.

— Это очень странное мнѣніе,—сказалъ м-ръ Пирсъ.—Я не знаю человѣка, въ которомъ бы было меньше чувствительнаго и идеальнаго. Идеалистъ—человѣкъ мечтаній и романовъ. Питеръ слишкомъ уменъ, чтобы быть идеалистомъ. Въ немъ нѣтъ ничего героическаго и романическаго.

— Пустяки,—paternus, — вступился Уаттсъ.—Вы совсѣмъ не знаете моего пріятеля. Вы видѣли въ немъ только холоднаго, умнаго юриста. Если ваше прежнее опредѣленіе романтизма, какъ «любви и борьбы добра со зломъ» справедливо, то въ Питерѣ этого романтизма больше, чѣмъ во всѣхъ насъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ,—возразилъ м-ръ Пирсъ.—Вы видѣли, какъ Питеръ влюбился, и всѣ рѣшили, что онъ романтикъ. Но это неправда. Онъ хладнокровный человѣкъ, никогда не дѣйствующій, заранѣе не взвѣсивъ своихъ поступковъ, и въ этомъ весь секретъ его успѣха. Онъ спокойно намѣтилъ свой жизненный путь и идетъ имъ, несмотря по сторонамъ. Онъ не обращаетъ вниманія на то, что не сообразно съ его цѣлями, и пользуется всѣмъ, что можетъ способствовать достиженію ихъ. Много лѣтъ тому назадъ, когда онъ только что сошелъ со школьной скамьи, я предсказывалъ ему крупный успѣхъ только на основаніи изученія его умственнаго склада, и я оказался пророкомъ! Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной ошибки въ юридическомъ, политическомъ или общественномъ отношеніи. Идеалистъ, человѣкъ романическій и пылкій, никогда не достигъ бы того успѣха, котораго достигъ Питеръ только благодаря полному отсутствію въ немъ чувствительности. Хотя...

— Я не могу согласиться съ вами,—перебила его Дороти.—Вы не понимаете Питера! Онъ крайне чувствительный человѣкъ. Вспомните его рѣчь объ отравленныхъ дѣтяхъ! Подумайте о его отношеніяхъ къ матери, пока она была жива, о добротѣ и участіи къ бѣднякамъ! Рей говорилъ мнѣ, что въ послѣдніе годы онъ отказывался отъ одного выгоднаго дѣла за другимъ, чтобы имѣть время даромъ заниматься дѣлами бѣдняковъ своего участка. Если бы...

— Это пріобрѣтало ему голоса, — вставилъ м-ръ Пирсъ.

— А помните, когда Костелль умеръ бѣднякомъ, Питеръ выкупилъ его имѣньице въ Вестчестерѣ и подарилъ его вдовѣ? — продолжала Дороти, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Что же, онъ это сдѣлалъ тоже для выборовъ? Если бы я только могла сказать вамъ, что онъ сдѣлалъ лично для меня, вы бы перестали утверждать, что въ немъ нѣтъ чувства!

— Я не сомнѣваюсь, что есть много его поступковъ, которые съ перваго взгляда возбуждаютъ восторгъ и кажутся только слѣдствіемъ сердечной доброты,— кротко возразилъ м-ръ Пирсъ.—Но если ихъ внимательно разобрать, то всегда можно найти, что Питеръ имѣлъ извѣстный интересъ поступить именно даннымъ образомъ. Конечно, услуга, оказанная имъ миссисъ Ривингтонъ, ни въ какомъ случаѣ не могла повредить ему. Покупка имѣнія Костелля несомнѣнно доставила удовольствіе друзьямъ покойнаго лидера. Мнѣ очень непріятно бороться противъ вашихъ розовыхъ взглядовъ на Питера, но, зная его такъ хорошо, я долженъ сдѣлать это во имя справедливости. Въ немъ нѣтъ чувствительности, и благодаря этому, онъ не

дѣлаетъ ошибокъ, и никакія чувства никогда не заставили его хоть на шагъ отступить отъ его честолюбія.

— А я говорю вамъ, что секретъ его успѣха въ его любящемъ и отзывчивомъ сердцѣ,—горячо возразила Дороти

— Я думаю, — вмѣшался Пелль, — что успѣхъ Питера основывается на его способности пріобрѣтать друзей. Эта способность просто поразительна! Я имѣлъ возможность наблюдать его въ обществѣ и на политической аренѣ. Казалось, онъ никогда ни въ комъ не возбуждалъ ни зависти, ни горечи. Всѣ любятъ его, всѣ вѣрятъ ему, но никто его не понимаетъ. Поэтому онъ всѣхъ интересуетъ, но не возбуждаетъ въ нихъ враждебныхъ чувствъ. Я слышалъ, какъ многіе увѣряли, что Питеръ неинтересный, заурядный человѣкъ, а между тѣмъ, его не забывалъ никто, кто хоть разъ встрѣтилъ его. Я увѣренъ, мы всѣ чувствуемъ, что, какъ говоритъ миссъ Де-Во, у Питера въ душѣ есть что-то, чего онъ никому не показываетъ. Я никогда не могъ сказать, почему онъ сдѣлалъ то и не сдѣлалъ другое; однако, все, что онъ ни дѣлаетъ,—хорошо. Онъ напоминаетъ мнѣ одну француженку, которая говорила своей сестрѣ: Не знаю почему, но я не встрѣчала никого, кромѣ меня самой, кто бы былъ всегда правъ».

— Вы попали совершенно вѣрно,— сказалъ Огденъ, и я могу доказать, что вы правы, передавъ, какъ самъ Питеръ объясняетъ свой успѣхъ. Разъ какъ то мнѣ пришлось говорить съ нимъ объ очень странномъ расположеніи аргументовъ въ одномъ дѣлѣ, и вотъ, что онъ сказалъ мнѣ: «Огденъ, я строю свою защиту такимъ образомъ потому, что судья Поттеръ именно такъ смотритъ на вещи. Если вамъ надо убѣдиться въ чемъ нибудь самому, выбирайте тѣ доказательства, которыя для васъ убѣдительнѣе всего. Если же вамъ приходится имѣть дѣло съ судьями и присяжными, выбирайте только тѣ факты, которые доступны ихъ пониманію. Люди толкуютъ о моихъ необыкновенныхъ успѣхахъ въ защитѣ, а причина ихъ, что я не увѣренъ въ томъ, что нѣтъ другихъ аргументовъ и другихъ взглядовъ, кромѣ моихъ. Я близко изучилъ всѣхъ судей, поэтому знаю, какъ надо говорить съ каждымъ изъ нихъ, и въ каждомъ дѣлѣ стараюсь выдвинуть ту сторону, которая можетъ наиболѣе заинтересовать присяжныхъ. Но что гораздо важнѣе всякаго изученія, это то, что я могу понять, какъ взглянетъ на данный вопросъ заурядный человѣкъ. Видите ли, я самъ сынъ простыхъ людей; я встрѣчаюсь съ разными людьми, слушаю, что они говорятъ, и стараюсь стать на ихъ точку зрѣнія. Я никогда не старался обособиться отъ людей, рѣшать, что хорошо для другихъ, и потомъ тратить время на то, чтобы доказывать имъ это. Я имѣю успѣхъ потому, что я нормальный и заурядный человѣкъ, и потому меня понимаютъ нормальные и заурядные люди, т. е., говоря другими словами, меня понимаетъ большинство».

— Но м-ръ Стерлингъ вовсе не заурядный человѣкъ, — сказала одна изъ нарядныхъ барышенъ.—Онъ очень молчаливъ, и то, что онъ говоритъ, не блещетъ остроуміемъ, но онъ совсѣмъ особенный и очень интересный.

— И все таки я считаю, что онъ правъ,—возразилъ Огденъ.—Онъ умѣетъ угадывать, что думаетъ или чувствуетъ большинство о данномъ вопросѣ. Въ этомъ и заключается секретъ его успѣха, а вовсе не въ томъ, чувствителенъ онъ или нѣтъ.

— Никто изъ васъ не разгадалъ истинную тайну успѣха Питера,—заявилъ Рей.—Онъ лежитъ въ его удивительной способности къ труду. Эта способность просто чудесна въ глазахъ такого лѣнтяя, какъ я. Я видѣлъ, какъ Питеръ работалъ съ девяти часовъ утра до часу ночи, едва дѣлая перерывы, чтобы только поѣсть.

— Однако, онъ не кажется честолюбивымъ человѣкомъ, — сказалъ Де-Гранъ.—Онъ не заботится объ успѣхахъ въ обществѣ, до сихъ поръ упорно не принималъ ни одной должности и постоянно отказывался отъ веденія дѣлъ, которыя могли доставить ему денегъ.

— Да,—сказалъ Рей,—Питеръ много потрудился и на политической, и на юридической аренѣ, но не искалъ ни

почестей, ни денегъ. Онъ много разъ могъ сдѣлаться судьей, и Костель хотѣлъ, чтобы онъ искалъ губернаторства уже шесть лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ году онъ выставилъ свою кандидатуру противъ своего личнаго желанія. Онъ придаетъ также мало значенія деньгамъ или своей репутаціи адвоката, какъ и свѣтскимъ успѣхамъ, и очень часто кончалъ мирнымъ путемъ дѣла, которыя покрыли бы его славой если бы онъ довелъ ихъ до разбирательства. Питеръ былъ бы вдвое богаче, чѣмъ теперь, если бы онъ употреблялъ свои деньги въ дѣло, а не раздавалъ бы ихъ въ долгъ бѣднякамъ или на устройство рабочихъ союзовъ. Я много разъ говорилъ съ нимъ объ этомъ, но онъ только отвѣчалъ, что ему некогда возиться съ деньгами, что онѣ теряютъ свою цѣну, когда о нихъ слишкомъ заботятся. Мнѣ кажется, что онъ работаетъ только ради самого труда.

— Вотъ это дѣйствительно похоже на Питера,—замѣтила миссъ Де-Во. Его единственная мечта—помогать другимъ. У него нѣтъ жажды славы и денегъ, и онъ не стремится увеличить ихъ.

— Помяните мое слово,—вмѣшался Лиспенардъ,—съ нынѣшняго дня не будетъ предѣловъ въ его стремленіяхъ добывать и то, и другое!

— Ну, ужъ больше стараться, чѣмъ Стерлингъ старался добыть политическое вліяніе — невозможно, — сказалъ одинъ изъ присутствующихъ сановниковъ.— Должно быть, ему очень важно было пріобрѣсти это вліяніе, если онъ такъ много времени проводилъ въ кабакахъ. и «салонахъ». Не могли же ему нравиться тѣ люди которыхъ онъ тамъ встрѣчалъ.

— Я говорилъ съ Питеромъ также и объ этомъ, и доказывалъ ему, что ему нечего тратить времени на нихъ, сказалъ Огденъ.—Но онъ сказалъ мнѣ, что ему нѣтъ дѣла до чужихъ денегъ и за славой онъ не гонится, а если ему нравится заниматься политикой, то это его личное дѣло и больше никого не касается.

— Я какъ-то спросила Питера, какъ можетъ онъ, со своими привычками и вкусами, ходить по «салонамъ» и проводить время съ политиканами и грубымъ, необразованнымъ народомъ его участка, — сказала миссъ Де-Во. — Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Это мой способъ стараться дѣлать добро, и мнѣ доставляетъ удовольствіе выручать людей изъ бѣды или предупреждать политическія несправедливости. Я беру міръ и человѣчество такими, какіе они есть, и дѣлаю, что могу, не оплакивая и не критикуя ихъ грѣховъ и недостатковъ. Я восхищаюсь людьми, которые стоятъ за благородныя утопіи, но свою жизнь я посвятилъ на служеніе дѣйствительности. Я не говорю, что избралъ благую часть, потому что я работникъ, а не проповѣдникъ. И именно потому, что я готовъ всегда дѣлать то, въ чемъ нуждается міръ, я пріобрѣлъ власть и успѣхъ, и могу сдѣлать еще больше». Я увѣрена, — прибавила миссъ Де-Во, — что успѣхъ пришелъ къ Питеру потому, что онъ не стремился къ нему.

— Всѣ вы неправы, — ворчалъ Лиспенардъ. — Я люблю Питера не меньше, чѣмъ собственныхъ родственниковъ, — да простятъ мнѣ эти слова тѣ изъ нихъ, которые здѣсь присутствуютъ, — но я долженъ сказать, что всей своей карьерой онъ обязанъ только самому дурацкому счастью, какое я только видѣлъ!

— Счастью! — воскликнула Дороти.

— Да, счастью, удачѣ, называйте какъ хотите. Судите сами: вышелъ онъ на дорогу, какъ и всѣ мы. А тутъ Фортуна приглашаетъ его взглянуть, какъ умираетъ больной котенокъ. Кажется, что въ этомъ особеннаго? Санитарное управленіе констатируетъ сотню подобныхъ случаевъ. Но Фортуна знаетъ, что дѣлаетъ, и приглашаетъ Питера именно къ такому котенку, о которомъ можно сказать длинную рѣчь. Онъ говоритъ рѣчь, обливая гнѣвомъ и топча въ грязь извѣстнаго милліонера-пивовара. И что же, — пивоваръ борется съ нимъ? Нисколько. Фортуна вмѣшивается, пивоваръ бросается на грудь Питера и клянется въ вѣчной любви. Моя сестрица пишетъ ему, а онъ даетъ ей щелчокъ. Что же, она уничтожаетъ его, какъ уничтожила бы другого? Нѣтъ. Опять вмѣшалась Фортуна—и они лучшіе друзья.

— Лиспенардъ! — Миссъ Де-Во попробовала съ негодованіемъ прервать его, но Лиспенардъ спокойно продолжалъ:

— Подождите, пока я кончу. Каждому его очередь. Ну-съ, Фортуна устраиваетъ, что Питеръ фуксомъ попадаетъ въ избирательное собраніе, и Питеръ вотируетъ вопреки желаніямъ Костелля. Что же происходитъ? Костелль принимаетъ его подъ свое крыло и толкаетъ впередъ, сколько силъ хватаетъ. Питеръ машетъ рукой на общество, и общество рѣшаетъ, что онъ необыкновенный человѣкъ, и начинаетъ ухаживать за нимъ! Онъ отказывается говорить и всѣ въ голосъ заявляютъ: «Какъ онъ интересенъ»!

Питеръ добивается должности. Что же, противная партія борется съ нимъ? И не думаетъ. Она сейчасъ же выставляетъ противъ него мошенника демагога и ничтожество, который воображаетъ, что можно привлечь избирателей, разгуливая въ одной рубашкѣ безъ сюртука. Поэтому Питера выбираютъ губернаторомъ неслыханнымъ прежде большинствомъ. Вы думаете, Фортуна удовлетворена? Нѣтъ. Она заставляетъ всѣхъ и каждаго предсказывать, что онъ черезъ два года будетъ президентомъ, если только захочетъ. Другъ или врагъ, нарочно или нечаянно, всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчается, содѣйствуютъ его успѣху. Теперь посмотрите на меня: никто не заботится обо мнѣ. Нѣтъ, это просто немыслимое, дурацкое счастье!

— А то, что произошло сегодня утромъ—тоже дурацкое счастье?—спросилъ дружка.

— Безусловно, — вздохнулъ Лиспенаръ.—И еще какое счастье! Я всегда говорилъ, что Питеръ никогда не женится, потому что слишкомъ серьезно смотритъ на женщинъ, а кромѣ того, такъ боится ихъ и такъ это показываетъ, что онѣ думаютъ будто онъ чувствуетъ къ нимъ отвращеніе. Но Фортуна не можетъ допустить подобныхъ отношеній. О, нѣтъ! Ей даже мало того, чтобы Питеръ женился, какъ всѣ мы грѣшные. Сто былъ бы для него слишкомъ большой рискъ. И вотъ она выбираетъ прелестнѣйшую дѣвушку, возитъ ее по всей Европѣ, чтобы у нея не было друзей, и чтобы она не знакомилась съ другими мужчинами. Она заботится, чтобы поклонницы Питера вскружили голову дѣвушкѣ своими разсказами, въ которыхъ выставляли его задумчивымъ, несчастнымъ героемъ, вмѣсто того удачливаго человѣка, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Настоящій заговоръ, чтобы обмануть неопытную дѣвушку! Затѣмъ, прежде чѣмъ дѣвушка успѣла узнать свѣтъ, Фортуна переноситъ ее сюда. Что же, она знакомитъ ихъ на балу, гдѣ Питеръ всегда неловокъ и молчаливъ? О, нѣтъ! Она сажаетъ его на лошадь, гдѣ онъ эффектнѣе всего. Она устраиваетъ романическое спасеніе, гдѣ они знакомятся прежде, чѣмъ дѣвушка видѣла другихъ мужчинъ. Счастье, и больше ничего! Все равно, чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни говорилъ Питеръ,—Фортуна все обращаетъ въ его пользу, онъ всегда получаетъ всѣхъ козырей.

— Нѣтъ тутъ никакого счастья! — воскликнулъ м-ръ Пирсъ.—Онъ всѣмъ обязанъ своей ловкости и дальновидности. Онъ заранѣе обдумалъ каждый ходъ, а потомъ только передвигалъ шахматы. Да взгляните только на его женитьбу! Развѣ онъ влюбился въ молодости и всю жизнь возился съ какой-нибудь неизвѣстной барышней? Нѣтъ! Онъ ждалъ пока достигнетъ положенія, которое позволило бы ему выбрать изъ лучшихъ лучшую, и такъ и поступилъ, говорю смѣло, хотя она моя внучка.

— Вотъ такъ штука, — сказалъ Уаттсъ,—мы всѣ знаемъ Питера достаточно долго, чтобы разобрать, что онъ за птица, а между тѣмъ, всѣ разошлись во мнѣніяхъ. Что это значитъ? Что мы всѣ дураки или Питеръ обманщикъ?

— Онъ самый откровенный человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю, — замѣтила миссъ Де-Во.

— Но онъ ничего не говоритъ,—добавилъ кто-то.

— Да, онъ удивительно молчаливъ,— замѣтилъ дружка.

— Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ ораторствуетъ,—вставилъ Рей.

— А Леонора увѣряетъ, что онъ любитъ шутить,—сказалъ Уаттсъ.

— Я никогда не видѣла, чтобы женщина такъ заблуждалась насчетъ мужчины, — сказала Дороти. — Это просто ужасно! Какъ вы думаете, что она заявила мнѣ сегодня?

— Что же?

— Она говорила о ихъ планахъ послѣ возвращенія изъ свадебнаго путешествія и сказала: «Я хочу, чтобы Питеръ сохранилъ свою холостую квартиру».—«А онъ согласенъ?» спрашиваю я. «Я еще не говорила съ нимъ, но онъ, конечно, согласится». Я ей говорю: «Леонора, всѣ женщины увѣрены, что управляютъ своими мужьями, но это невѣрно, и Питеръ меньше позволитъ командовать собой, чѣмъ кто бы то ни былъ». Какъ вы думаете, что она мнѣ отвѣтила?

— Да не томите насъ!

— Она сказала: «Никто изъ васъ никогда не понималъ Питера, а я понимаю». Каково! Этотъ цыпленокъ, знающій Питера вдвое меньше мѣсяцевъ, чѣмъ я знаю его лѣтъ, и говоритъ это мнѣ!

— Право, не знаю,—вздохнулъ Лиспенардъ.—Однако, видя какъ влюбленъ Питеръ, на котораго, казалось, ни одна женщина не производила впечатлѣнія, я готовъ повѣрить, что каждый знаетъ его лучше, чѣмъ я. Я не хочу рисковать своей репутаціей, разсуждая о такомъ несложномъ вопросѣ, какъ характеръ Питера. Теперь я скажу вамъ два слова и вы всѣ найдете, что всѣ правы, и всѣ неправы.

— Да онъ хуже Леоноры!—воскликнула Дороти.

— Ну-съ,—сказалъ Уаттсъ, —мы всѣ слушаемъ. Что такое Питеръ?

— Онъ—особый типъ людей, изрѣдка встрѣчающійся у насъ, но иностранцы его не понимаютъ, а американцы—понимаютъ рѣдко.

— Но кто же онъ, наконецъ?

— Питеръ—практическій идеалистъ.

Глава UXI.

Теорія Леоноры.

Для насъ гораздо важнѣе того, что думали о Питерѣ его друзья и общество, мнѣніе его собственной жены.

Была ли она права, говоря, что одна понимаетъ его?

Или она, какъ и самъ Питеръ когда то создала себѣ идеалъ и любила его, думая что любитъ Питера?

Всегда является загадкой, любимъ ли мы человѣка за тѣ достоинства, которыя есть въ немъ, или за тѣ, которыя ему приписываетъ наша любовь.

Была молодая дѣвушка, не знакомая со свѣтомъ и съ людьми, и она съ радостью соединила свою жизнь съ жизнью человѣка, котораго, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, знала по наслышкѣ. Но она, повидимому, полюбила его на всю жизнь, на радость и горе, до самой смерти.

Любовь ея вынесла тяжелое испытаніе, и она повѣрила Питеру.

Правда, она видѣла, какъ мало значенія придавали позорной статьѣ порядочные люди какъ ее замалчивали честныя газеты но она такъ же видѣла, что Питеръ не оправдывался публично и отказалъ въ объясненіи даже ей. Вѣрила ли она Питеру слѣпо, или все таки сомнѣвалась? Знала она его или нѣтъ? Можетъ быть, разговоръ, происходившій между ними недѣлю спустя послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ, послужитъ отвѣтомъ на эти вопросы.

Разговоръ происходилъ на палубѣ парохода. Въ послѣдній разъ мы видимъ Питера тамъ же, гдѣ познакомились съ нимъ. Но какая разница въ обстановкѣ.

Судно не качается лѣниво на волнахъ, но быстро несется по направленію на югъ точтно торопится скорѣе достигнуть этой сказочной страны.

Хотя дже половина ноября, но въ воздухѣ ласкающая температура тропиковъ. Ни море, ни небо не напоминаютъ застывшаго свинца. Море фосфорисцируетъ кажется расплавленнымъ золотомъ и полная луна наполняетъ воздухъ серебромъ.

Питеръ не ходитъ по палубѣ взадъ и впередъ съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Онъ сидитъ на кормѣ на сверткѣ снастей, удобно прислонившись къ борту. На колѣняхъ у него Леонора.

— Отчего ты не куришь?—спрашиваетъ она.

— Я слишкомъ счастливъ,—говоритъ

Питеръ, и тонъ его не позволяетъ сомнѣваться въ его словахъ.

— Хочешь, я откушу кончикъ?—продолжаетъ искусительница.

— Очень хочу, но моей правой рукѣ такъ удобно, что она отказывается шевелиться.

— Такъ и не шевелись. Я знаю гдѣ сигары, и даже гдѣ спички.

И Питеръ не шевелился пока Леонора обыскивала его карманы. Ему было очень пріятно, что маленькая ручка шарила по карманамъ.

— Ну вотъ и готово. Ты въ самомъ дѣлѣ счастливъ?

— Не знаю, есть ли кто въ мірѣ счастливѣе меня. Я думаю, что это невозможно!

— Милый, я хочу поговорить съ тобой.

— Такъ значитъ, наши желанія взаимны. А что же мы дѣлали всѣ эти шесть дней?

— Мы разсказывали другъ другу все какъ должны были.

— Но теперь я буду просить о двухъ одолженіяхъ, дорогой мой.

— Не думаю, чтобы это было необходимо. Просто скажи, чего ты хочешь.

— Нѣтъ, это одолженія. Хотя я увѣрена, что ты согласишься.

— Въ чемъ дѣло?

— Во первыхъ, я хочу, чтобы ты сохранилъ свою холостую квартиру.

— Голубка моя, когда мы вернемся изъ нашей поѣздки, намъ придется на три года переселиться въ Альбани, а когда мы возвратимся въ Нью-Іоркъ, мы конечно, купимъ домъ.

— Да, но я все таки хочу, чтобы ты сохранилъ свою прежнюю квартиру, потому что я люблю ее. Я не думаю, чтобы я могла такъ любить другую Намъ будетъ очень удобно имѣть ее, когда мы будемъ наѣзжать изъ Альбани. И потомъ вѣдь тебѣ нельзя прерывать отношеній съ участкомъ.

— Но вѣдь не думаешь же ты, когда мы вернемся въ Нью-Іоркъ что я стану жить здѣсь, а ты на другомъ концѣ города?

— О, нѣтъ, конечно нѣтъ, Питеръ! Какой ты смѣшной! Но я буду заходить туда. Мы иногда будемъ тамъ давать маленькіе обѣды, самымъ близкимъ друзьямъ, а когда намъ захочется уйти отъ людей, мы будемъ обѣдать тамъ вдвоемъ и иногда ночевать. Тогда, если тебѣ надо будетъ зайти въ «салоны» или на предварительное голосованіе мы вмѣстѣ пообѣдаемъ, ты уйдешь, а я буду ждать тебя. А иногда, когда я поѣду за покупками, я забѣгу къ тебѣ завтракать. Я обѣщаю не надоѣдать тебѣ. Ты будешь работать, а я займусь цвѣтами или книжками, пока ты не кончишь и потомъ мы вмѣстѣ вернемся домой.

— Лиспенардъ на дняхъ испугалъ меня, а ты еще больше пугаешь.

— Какъ такъ?

— Лиспенардъ сказалъ, что въ тридцать лѣтъ ты будешь еще очаровательнѣе, чѣмъ теперь.

— И это тебя испугало?—разсмѣялась Леонора.

— Ужасно. Если это случиться, мнѣ придется бросить адвокатуру и политику, чтобы только любоваться тобой.

— Что же общаго между этимъ и моимъ желаніемъ завтракать съ тобой?

— Ты думаешь, я могу работать, зная, что ты въ сосѣдней комнатѣ?

— Значитъ, ты не хочешь, чтобы я приходила? А я такъ славно придумала.

— Нѣтъ, очень хочу. Если и другое одолженіе, о которомъ ты хочешь просить, тоже въ этомъ родѣ, я не съумѣю и отвѣтить тебѣ. Я буду умолять, чтобы ты еще что-нибудь попросила.

— Это совсѣмъ другое дѣло. Постарайся понять меня!

— Я, во всякомъ случаѣ, пойму, что лучше тебя нѣтъ никого на свѣтѣ.

— Голубчикъ, я должна вспомнить объ этомъ ужасномъ времени; только на минуточку, дорогой. Ты не долженъ думать, что я не вѣрю твоимъ словамъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я вѣрю каждому твоему слову и въ доказательство никогда больше не упомяну объ этомъ. Но когда ты убѣдишься, что я вѣрю тебѣ безусловно, какъ-нибудь вечеромъ, въ бурную погоду, когда мы пообѣдаемъ на твоей квартирѣ, когда я налью тебѣ кофе и откушу кончикъ сигары, я усажу тебя у камина, сяду къ тебѣ на колѣни, какъ сижу теперь, и прижмусь вотъ такъ щекой къ твоей щекѣ, и тогда я

хочу, чтобы ты самъ, безъ моихъ вопросовъ, разсказалъ, зачѣмъ ты солгалъ тогда мамѣ.

— Радость моя,—сказалъ Питеръ—я не могу сказать тебѣ этого, я далъ слово.

— Оно, вѣдь, не касается твоей жены, мой дорогой. Кромѣ того, друзья должны все говорить другъ другу, а вѣдь мы самые лучшіе друзья,—не правда ли?

— А если я не скажу этого даже моему лучшему другу.

— Я никогда больше не упомяну объ этомъ, Питеръ, но я знаю, что иногда, когда я останусь одна, я буду плакать. Не потому, чтобы я сомнѣвалась въ тебѣ, милый, но потому, что ты не довѣряешь мнѣ.

— Знаешь ли ты, любовь моя, что я не могу перенести этой мысли?

— Знаю, голубчикъ, потому то я и сказала тебѣ это.

— Откуда ты могла знать?

— Оттого, что я понимаю тебя. Я знаю тебя, и, кромѣ меня, тебя никто не знаетъ.

— Скажи же мнѣ, кто я?

— Я думаю, дорогой, что въ жизни твоей случилось что-то, что сдѣлало тебя очень несчастнымъ и убило всѣ твои надежды, все твое честолюбіе. Поэтому, вмѣсто того, чтобы добиться высокаго положенія и богатства, ты сталъ дѣлать добро другимъ. Ты нашелъ, что больше всего добра можно сдѣлать бѣднымъ людямъ, и сталъ работать среди нихъ. Потомъ ты увидалъ, что тебѣ нужны деньги, чтобы помогать, и началъ зарабатывать ихъ. Наконецъ, ты нашелъ, что ты можешь еще больше помочь, если займешься политикой, и занялся ею. Ты старался пріобрѣсти вліяніе, чтобы употребить его съ пользой. Я знаю, тебѣ не всегда нравилось то, что приходилось дѣлать. Ты бы предпочелъ сидѣть у камина и читать, чѣмъ ходить по «салонамъ». Ты охотнѣе держался бы въ сторонѣ отъ нечестныхъ людей, а тебѣ приходилось просить ихъ и принимать ихъ помощь. Но ты жертвовалъ своими чувствами и принципами, потому что сознавалъ, что ихъ нельзя принимать во вниманіе, если ты можешь помочь своимъ ближнимъ. А такъ какъ надъ тобой смѣялись и не понимали тебя, ты, молчаливъ и нелюдимъ, избѣгалъ общества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ты считалъ, что твое появленіе въ свѣтѣ можетъ помочь тебѣ дѣлать добро.

— Какая ты маленькая идеалистка!

— Подожди, милый, это еще не все, что нашла въ тебѣ маленькая идеалистка! Она еще кое-что знаетъ. Она знаетъ, что ты всю жизнь ждалъ и мечталъ, чтобы кто-нибудь понялъ тебя, чтобы ты могъ разсказать кому-нибудь про свои мечты и надежды, и вотъ, наконецъ, ты встрѣтилъ ее, и она постарается вознаградить тебя за всѣ твои несчастья, за всѣ жертвы, которыя ты принесъ. Ты не долженъ думать, мой дорогой, что я задавала тебѣ столько вопросовъ изъ одного пустого любопытства. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ хотѣлось, чтобы ты отвѣчалъ мнѣ, потому что я чувствовала, что ты не открываешь другимъ свою душу, а когда ты все говорилъ мнѣ, ты хотѣлъ, чтобы я знала, каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему я знала, что въ ту ужасную ночь ты говоришь мнѣ правду. Вотъ почему я чувствую, что, рано или поздно, ты скажешь мнѣ, почему ты солгалъ мамѣ.

Что бы ни думалъ Питеръ, онъ не сталъ отрицать справедливости теоріи Леоноры о мотивахъ его прошлой жизни или о его будущемъ поведеніи. Онъ только крѣпко поцѣловалъ нѣжную щечку, прижавшуюся къ нему съ такимъ довѣріемъ и любовью, и сказалъ:

— Мнѣ нравятся твои мысли обо мнѣ, моя безцѣнная Крошка!

— Я очень рада, — отвѣтила Леонора. — Ты какъ-то сказалъ, что легко сказать хорошую рѣчь о прекрасномъ предметѣ. Это справедливо также относительно мыслей, мой дорогой.

КОНЕЦЪ.

отвлечено отъ этихъ мрачныхъ размышленій поразительно красивою здѣсь природою. На берегу сновало безчисленное множество песчаныхъ крабовъ, которые по своей окраскѣ были чрезвычайно похожи на сѣровато-бѣлый коралловый песокъ, при каждомъ шагѣ разлетались въ стороны жуки изъ рода *Cicindela*. Надъ кустарниками порхали пестрыя бабочки, а въ лѣсу цикады и какія-то удивительно каркающія птицы воспроизводили свой вечерній концертъ. Мѣстами волны набросали здѣсь цѣлыя банки изъ обломковъ коралловъ, раковинъ, плавучаго дерева и различныхъ плодовъ, и банки эти прерывались лишь тамъ, гдѣ скалы и гроты подходили къ самой водѣ. Дремучій дѣвственный лѣсъ находился на заднемъ планѣ, уступая береговую полосу особой береговой растительности, которая почти космополитически распространена по всѣмъ берегамъ тропическихъ странъ. Здѣсь баррингтоніи съ огромными листьями, терминаліи и цвѣтущія эритрины прикрывали собою наружную полосу береговаго лѣса, образованную небольшими деревцами *Tournefortia argentea* и *Scaevola Koenigii*, и перемѣшанную съ огромными розетками ароматически пахнущаго *Crinum asiaticum*. Надъ всѣми этими растеніями высоко выдавались стволы пандануса съ ихъ дихотомическими вѣтвями и жесткими узкими листьями.

Мы остановимся теперь нѣсколько на результатахъ нашихъ зоологическихъ глубоководныхъ изслѣдованій во впадинѣ Ментавей. Богатые сборы, поднимавшіеся нашими тралами во время нашихъ зигзагообразныхъ рейсовъ между островами, держали насъ все время въ самомъ напряженномъ состояніи и развернули передъ нами неожиданно богатѣйшую картину типичной глубоководной фауны. Уже при входѣ во впадину Ментавей 21-го января намъ бросилось въ глаза, что тралы наши приносили со значительныхъ глубинъ такихъ рыбъ, которыя были извѣстны до тѣхъ поръ лишь изъ описаній предшествовавшихъ глубоководныхъ экспедицій. Надежда, что при болѣе подробномъ изслѣдованіи этой впадины намъ удастся заполнить пробѣлы, существовавшіе въ прежнихъ работахъ по фаунѣ глубинъ Индійскаго океана, не обманула насъ. Интересныхъ животныхъ было добыто такое множество, что нѣтъ возможности описать ихъ здѣсь всѣхъ, и мы удовольствуемся лишь бѣглыми указаніями на наиболѣе выдающихся представителей ментавейской глубоководной фауны.

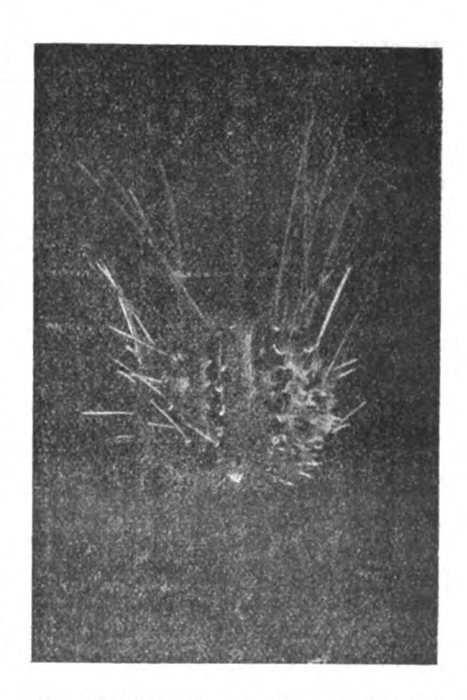


Рис. 66. Морской ежъ. *Dermatodiadema indicum* Död.

Изъ низшихъ животныхъ здѣсь встрѣчалось большое количество стеклянныхъ губокъ гексактинеллидъ, роговыхъ коралловъ, морскихъ

перьевъ и изидей; нерѣдки были также и каменные кораллы, при томъ не только колоніальныя, но и одиночныя формы ихъ. Между послѣдними особый интересъ представляли виды *Flabellum* со сплюснутой съ боковъ чашечкой необыкновенно крупныхъ размѣровъ.

Особенно обильны и интересны были собранныя нами иглокожія. Здѣсь мы нашли извѣстную до тѣхъ поръ лишь изъ сѣверныхъ морей морскую звѣзду *Brissinga* и множество глубоководныхъ голотурій, офіуръ и морскихъ ежей. Между послѣдними особенно бросались въ глаза покрытые мягкой кожей и снабженные ядовитыми шипами представители рода *Phormosoma*. Въ Сѣверномъ Ніасскомъ проливѣ къ нимъ присоединились многочисленные представители рода *Palaeopneustes*, являющіеся одною изъ наиболѣе интересныхъ находокъ въ Индійскомъ океанѣ: они были восхитительно окрашены, огромные желтые

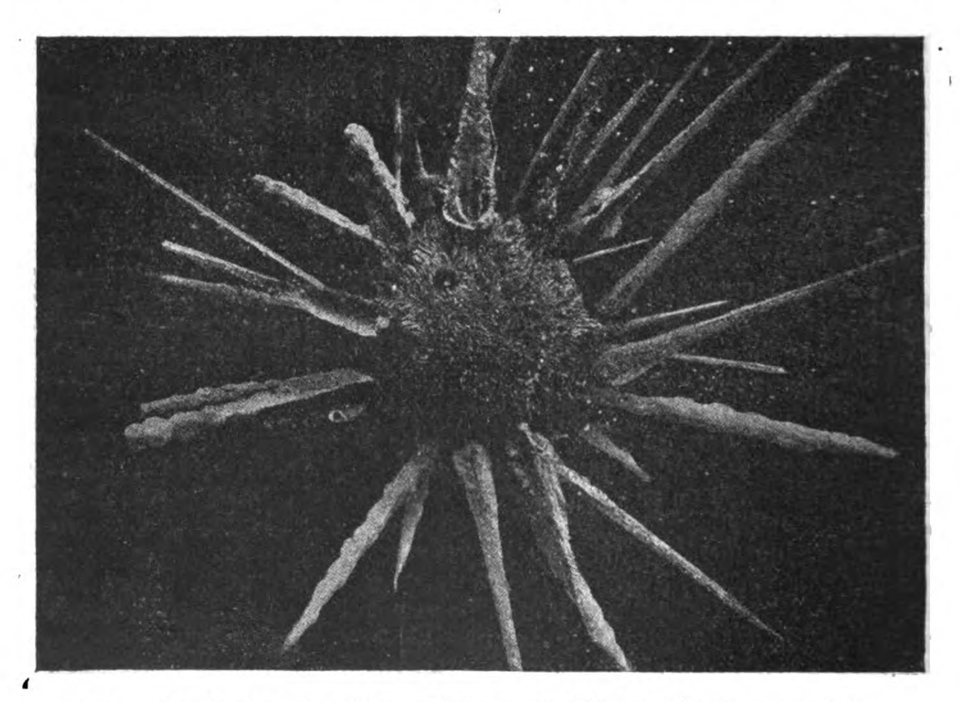


Рис. 67. Морской ежъ *Stereocidaris sp.* изъ Южнаго Ніасскаго пролива.

спинные шипы ихъ составляли замѣчательный контрастъ съ темнофіолетовымъ цвѣтомъ всего тѣла. Далѣе были нами найдены небольшіе ежи изъ семейства діадемовыхъ и превосходные представители индійскихъ родовъ *Porocidaris*, *Dorocidaris* и *Stereocidaris* съ огромными трехгранными шипами, на которыхъ поселяется обыкновенно цѣлый микрокозмъ низшихъ организмовъ. Пріятнымъ сюрпризомъ для насъ было также нахожденіе четырехъ новыхъ представителей морскихъ лилій,—они относятся къ родамъ *Pentacrinus* и *Metacrinus*.

Между ракообразными мы встрѣтили также огромное количество формъ, не попадавшихся ранѣе. Прежде всего здѣсь встрѣчались глубоководныя креветки изъ рода *Nematocarcinus* съ чудовищно удлиненными ногами, нерѣдко блещущія самыми яркими цвѣтами. Попадались и креветки съ усиками длиною въ 10 и даже 12 разъ болѣе

длины тѣла (*Aristaeus Aristaeopsis*). Къ нимъ присоединялись многочисленные крабы, въ особенности представители рода *Lithodes*, усаженные цѣлымъ лѣсомъ острыхъ шиповъ. Раки отшельники, водящіеся здѣсь на глубинахъ, прячутъ своё нѣжное брюшко, за отсутствіемъ подходящихъ раковинъ, въ пустые кусочки дерева или же въ коническія раковинки моллюска зубовика (*Dentalium*) длиною въ палецъ. На ряду съ ракообразными, обладающими огромными пурпурно-красными блестящими глазами, какъ, напримѣръ, *Nephrops andamanicus*, встрѣчались и раки съ выродившимися стебельчатыми глазами. Въ меньшей степени сказывается отсутствіе пигмента и редукція глаза у родовъ *Munida* и *Munidopsis*, тогда какъ у рода *Nephropsis*, похожаго на нашего рѣчного рака и выловленнаго здѣсь къ нашему не малому изумленію, (до сихъ поръ онъ былъ добытъ лишь въ Тихомъ океанѣ) глаза оказались уже сильно уменьшенными. Наконецъ, у рода *Pentacheles*, принадлежащаго къ семейству эріонидъ, глаза совершенно отсутствовали. Особый интересъ возбудила затѣмъ находка гигантскаго усоногаго, близкаго къ роду *Scalpellum* и замѣчательнаго своими огромными размѣрами.

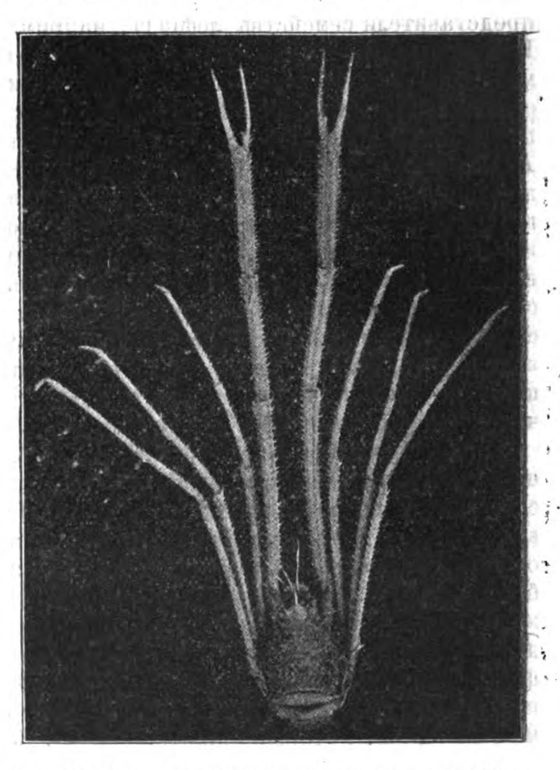


Рис. 68. Ракъ *Munidopsis sp.* изъ Южнаго Ніасскаго пролива.

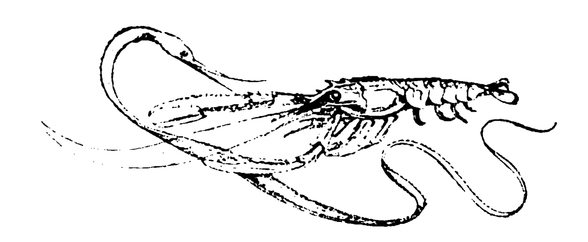
Между моллюсками находились представители многихъ характерныхъ для глубокихъ водъ типовъ, при томъ въ такихъ безподобныхъ экземплярахъ, какіе до сихъ поръ положительно никому не попадались. Мы нашли здѣсь, напр., моллюска, относящагося къ роду *Xenophora* и обладающаго замѣчательнымъ обыкновеніемъ прикрѣплять къ своимъ раковинамъ пустыя раковины другихъ моллюсковъ, при томъ располагая ихъ очень правильно. Можно положительно подумать, что раковины эти прикрѣплены нарочно какою-либо искусною рукою.

Что касается до головоногихъ, то здѣсь мы сдѣлали лишь одну находку, но зато необыкновенно цѣнную. Когда мы подняли на поверхность нашъ тралъ въ Южномъ Ніасскомъ проливѣ съ глубины 594 метровъ, то оказалось, что онъ не попалъ на дно, но зато въ сѣти его нашелся превосходно сохранившійся экземпляръ головоногаго *Spirula*. Раковины его, изогнутыя, какъ почтовый рогъ, прибиваются мѣстами во множествѣ къ берегу, но, какъ это ни странно, экземпляры *Spirula* съ хорошо сохранившимся мягкимъ тѣломъ принадлежатъ къ величайшимъ рѣдкостямъ. Экспедиція «Чэлленжера» и амери-

канская экспедиція «Блэкъ» добыли лишь по одному живому экземпляру *Spirula*: можно было себѣ представить, какъ мы были обрадованы, что и намъ удалось добыть это драгоцѣнное животное!

Наконецъ, что касается рыбъ, то должно упомянуть, что мы выловили огромное количество такихъ видовъ, которые были уже получены во время изслѣдованій Индійскаго океана судномъ «Инвестигаторъ». Особенно часто попадались крупные представители рода *Lamprogrammus* и глубоководные угри рода *Congromuraena*, снабженные пурпуровыми глазами. Къ нимъ присоединялись часто курьезные представители семейства лофіидъ, напримѣръ *Chaunax* и *Dibranchus*. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ будутъ нами разсмотрѣны еще позднѣе, когда мы будемъ говорить о развитіи ихъ удивительныхъ органовъ осязанія на концѣ морды. Попадались и чрезвычайно своеобразныя по своимъ внѣшнимъ формамъ представители скопелидъ (*Neoscopelus*, *Echiostoma* и др.), снабженные свѣтящимися органами. Какъ между живущими на днѣ, такъ и между плавающими въ глубокихъ слояхъ воды, намъ бросались въ глаза виды, положенія которыхъ въ системѣ мы совершенно не могли опредѣлить. Когда же мы у острововъ Баніакъ подняли съ глубины 1.143 метровъ черную бархатистую рыбу около 50 сант. длины съ голою, слегка голубоватою кожею съ необыкновенно широкой головой, огромными глазами, расположеніемъ плавниковъ, какъ у карпа, и отростками по бокамъ—изумленію нашему не было границъ, и мы даже и не пытались опредѣлить это чудовище по имѣвшейся у насъ литературѣ.

Намъ бросилось въ глаза, что здѣсь на глубинахъ около Суматры царитъ замѣчательное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ организмовъ,—совершенно не наблюдалось того преобладанія опредѣленныхъ видовъ въ томъ или другомъ уловѣ, какъ это замѣчается въ Атлантическомъ океанѣ. Богатство формъ, скучивающихся здѣсь на сравнительно небольшомъ пространствѣ, заставляетъ думать, что притокъ пищи долженъ быть необыкновенно обиленъ. Изслѣдованіе планктона во впадинѣ Ментавей показало, дѣйствительно, присутствіе очень богатой флоры низшихъ организмовъ. Характерныя для открытаго моря формы поверхностныхъ слоевъ большею частью отсутствовали и были замѣщены видами, которые привязаны къ берегамъ. Въ особенно большомъ количествѣ попадались спирально свернутыя водоросли изъ рода *Oscillaria*, которыя при относительно крупной величинѣ окрашивали воду на большомъ протяженіи и иногда являлись главною составною частью той массы планктона, которую приносили наши вертикальныя сѣти. Что касается до грунта дна, то онъ имѣлъ оливково-зеленую окраску, иногда переходящую въ сѣрые или коричневые тона, какъ это встрѣчается и на глубинахъ Бенгальскаго залива и какъ было найдено голландской экспедиціей также въ Малайскомъ архипелагѣ.



ГЛАВА XV.

Глубоководныя изслѣдованія.—Никобарскіе острова.—Туземцы.—Корабль духовъ.

Можно было думать уже a priori, что добытыя нами во впадинѣ Ментавей представители глубоководной фауны будутъ во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовать тому, что было получено индійскимъ промѣрнымъ судномъ «Инвестигаторъ» въ Бенгальскомъ заливѣ. На дѣлѣ, однако, оказалось столь значительное отличіе, что являлось желательнымъ связать наши изслѣдованія съ индійскими, которыя простирались до Андаманскихъ острововъ и продолжить наши работы до Никобарскихъ острововъ. Надо сказать, что въ то же время голландская экспедиція «Сибога» произвела обстоятельное изслѣдованіе въ глубоководномъ районѣ восточнаго Малайскаго архипелага, и можно думать, что результаты всѣхъ трехъ экспедицій дадутъ если и не вполнѣ законченную, то все же довольно полную картину глубоководной фауны этой части океана.

Рядъ траловъ, поднятыхъ нами 7-го и 8-го февраля съ глубины 300—800 метровъ, послѣ того, какъ мы покинули Суматру, показалъ намъ, что мы все еще находимся на классической глубоководной почвѣ Кромѣ того, что было уже добыто во впадинѣ Ментавей, насъ поразило здѣсь прежде всего богатство стеклянными губками гексактинеллидами, которыя даже на относительно небольшихъ глубинахъ попадались въ видѣ великолѣпны экземпляровъ. Представители родовъ *Pheronema*, *Hyalonema*, *Aphrocalistes* и экземпляръ *Semperella* вышиною почти въ 80 сант. богато вознаградили насъ за всѣ наши старанія. Кромѣ другихъ находокъ, можно указать еще спеціально на крабовъ, между которыми оказалось не только множество новыхъ формъ, но и порядочное количество интереснѣйшихъ представителей, добытыхъ ранѣе экспедиціей «Чэлленжеръ». Такъ былъ добыта извѣстная до сихъ поръ лишь по одному поломанному экземпляру *Cyrtomaria Suhmi* и крупный крабъ *Platymaia Wyville-Thomsoni* (рис. 69). Въ отчетахъ экспедиціи «Чэлленжера» послѣдній видъ отмѣчается, какъ одно изъ интереснѣйшихъ открытій экспедиціи—онъ былъ найденъ въ одномъ лишь экземплярѣ въ Тихомъ океанѣ, тогда какъ намъ удалось у Никобарскихъ острововъ добыть ихъ не менѣе 25 и большею частью въ прекрасномъ состояніи. Между экземплярами этого краба, замѣчательнаго своими сплющенными и курьезно видоизмѣненными ногами, которыя вооружены спереди огромными шипами, намъ попались и молодыя формы около одного сантиметра длиною, такъ что мы имѣемъ возможность выяснить до нѣкоторой степени исторію развитія этого курьезнаго обитателя глубинъ.

Грунтъ дна и здѣсь былъ образованъ иломъ оливково-зеленаго цвѣта, который въ окрестностяхъ средней группы Никобарскихъ островов имѣлъ оригинальную особенность. Когда мы на западъ отъ острова Кахаля измѣрили глубину въ 805 метровъ, лотъ не принесъ никакого грунта и спущенный нами тралъ вернулся сильно изорваннымъ и наполненнымъ огромными кусками бѣловато-сѣрой сцементовавшейся массы. Этотъ своеобразный глубоководный илъ намъ приходилось разрубать топоромъ, чтобы добывать оттуда многочисленныхъ, сидѣвшихъ въ немъ зеленоватыхъ червей гиферей, принадлежащихъ къ роду *Phascolosoma* и продѣлывавшихъ въ этой массѣ ходы около сантиметра шириною. Такъ какъ намъ казалось опаснымъ продолжать работу на этомъ грунтѣ, столь гибельномъ для сѣтей, хотя, по всей вѣроятности, и обильномъ стеклянными губками, мы рѣшили отправиться далѣе, но предварительно высадились въ гавани острова Нанкаури.

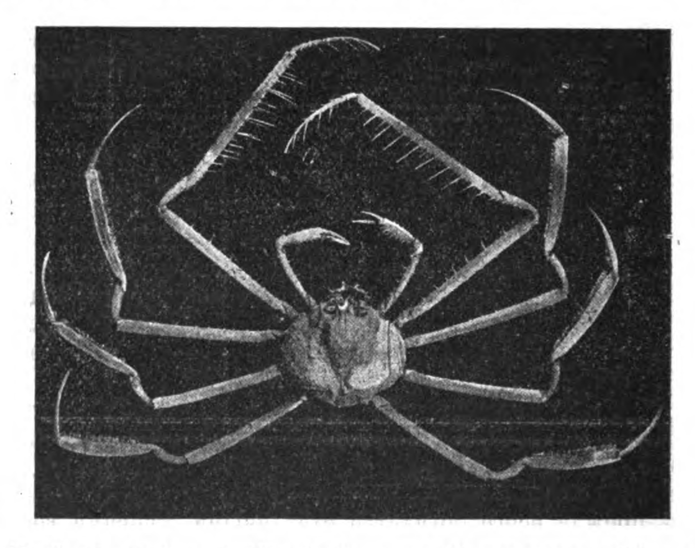


Рис. 69. Крабъ *Platymaia Wyville-Thomsoni M.* съ глубины 269 метровъ.

Никобарскіе острова дѣлятся на три группы, изъ которыхъ самая южная образована большимъ и малымъ Никобарскимъ островомъ. Первый сильно вытянутъ въ длину, покрытъ густымъ лѣсомъ и обладаетъ горными хребтами, поднимающимися до 600 метровъ въ вышину. Между обоими островами находится проливъ св. Георгія, гдѣ мы вечеромъ 7-го февраля стали на якорь подъ защитою маленькаго островка, носящаго названіе Кандуль. Съѣхавъ на берегъ на этотъ островъ, мы убѣдились, что онъ совершенно необитаемъ. Песчаный берегъ былъ покрытъ обломками коралловыхъ рифовъ и въ пескѣ его возились безчисленные крабы съ прямостоячими вальковатыми глазами. На берегу снова мы нашли типичную береговую флору, привязанную къ солоноватой почвѣ и состоящую изъ баррингтоній съ ихъ огромными плавающими плодами, безчисленныхъ пандануcовъ, пальмъ, принадлежащихъ къ роду *Cycas* и казуаринъ, покрывавшихъ своею красивою зеленью крутые обрывы. Летучія собаки висѣли по деревьямъ и производили положительно адскій концертъ.

Средняя группа Никобарскихъ острововъ состоитъ изъ трехъ боль-

шихъ острововъ Кахаль, Нанкаури и Карморта. Когда мы обошли покрытый лѣсомъ Кахаль, передъ нами открылся видъ на болѣе оголенный островъ Карморта съ его зелеными холмами. Онъ такъ близко располагается отъ острова Нанкаури, что между ними остается лишь узкій извилистый проходъ — хорошо защищенная, но необыкновенно жаркая и пользующаяся дурною славою изъ-за частыхъ заболѣваній маляріей гавань Нанкаури. Окрестности ея необыкновенно живописны: дѣвственный лѣсъ подходитъ здѣсь къ самому берегу и хижины туземцевъ рѣзко вырисовываются на темномъ фонѣ листвы. При самомъ нашемъ входѣ въ гавань наше вниманіе привлекли къ себѣ красновато-коричневые нагіе туземцы, стоявшіе на скалахъ съ гарпунами и охотившіеся на рыбъ. Хотя въ руководствахъ къ мореплаванію обитатели Никобарскихъ острововъ и изображаются какъ морскіе разбойники и потому рекомендуется осторожность при посѣщеніи острововъ, виднѣвшіяся селенія такъ привлекали наше любопытство, что мы не могли удержаться отъ искушенія, и, ставъ на якорь противъ одного изъ селеній, называемаго Иту, спустили лодку и съѣхали на берегъ.

Никобарское поселеніе производитъ такое оригинальное впечатлѣніе, что воспоминаніе о немъ никогда не изгладится изъ памяти. Шесть большихъ хижинъ располагалось въ полосѣ прилива на высокихъ столбахъ, причемъ сами хижины имѣли видъ соломенныхъ ульевъ. Чудный дѣвственный лѣсъ, образованный роскошными экземплярами *Calophyllum* съ его пахучими бѣлыми цвѣтами, деревьями *Heritiera litoralis* съ оригинальными корнями, эритринами и понгаміями, надъ которыми возвышаются перистые пучки кокосовыхъ, ротанговыхъ и пинанговыхъ пальмъ, тѣснымъ кольцомъ окружаетъ селеніе. Послѣднее уже издали бросается въ глаза, благодаря тому обстоятельству, что передъ нимъ торчатъ изъ воды огромныя бамбучины, къ которымъ на одинаковыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого привязаны 5—7 огромныхъ пучковъ сухихъ листьевъ. Мы насчитали шесть такихъ стволовъ, укрѣпленныхъ ротанговыми веревками, чтобы не упали отъ вѣтра; несомнѣнно, они свидѣтельствовали о суевѣріи жителей и представляли изъ себя «деревья духовъ». Высадка на берегъ затрудняется коралловыми банками, по которымъ ползаютъ черныя голотуріи и извивающіяся офіуры. Какой-то молодой туземецъ, одѣтый въ бѣлую куртку и саронгъ, кричалъ намъ съ берега на ломанномъ англійскомъ языкѣ, гдѣ лучше пристать, и завѣрялъ насъ, что мы будемъ радушно приняты. Потомъ оказалось, что онъ много лѣтъ провелъ на Андаманскихъ островахъ и былъ настолько отполированъ культурою, что могъ на своемъ трудно понятномъ англійскомъ языкѣ дать намъ кое-какія разъясненія. Хотя мы пробыли въ селеніи Иту лишь нѣсколько часовъ, быть можетъ, все же будетъ не безынтересно сказать нѣсколько словъ о туземцахъ, живущихъ здѣсь положительно съ такою же простотою, какъ въ раю.

Первый разъ въ жизни мнѣ пришлось увидѣть дикарей, ходившихъ совершенно нагими, если не считать тонкаго шнурка вокругъ поясницы. Это были два старика, которые вышли къ намъ навстрѣчу и радушно пожимали намъ руки. «Ничто не можетъ быть цѣломудреннѣе и приличнѣе чистой природы»,—сказалъ когда-то Лессингъ, и слова его невольно приходили на умъ при видѣ этихъ людей безо всякаго смущенія привѣтствовавшихъ насъ и приглашавшихъ войти въ ихъ жилища, хотя на нихъ не было никакого костюма. Остальные туземцы имѣли, повидимому, время облачиться въ кое-какія принадлежности туалета

не столько изъ чувства стыда, сколько, вѣроятно, изъ желанія похвастаться своимъ богатствомъ. У однихъ былъ одѣтъ саронгъ, у другихъ короткіе штаны или куртка и лишь мальчишки бѣгали совсѣмъ голыми за исключеніемъ бѣлой или красной повязки вокругъ поясницы, конецъ которой они кокетливо перебрасывали черезъ плечо. Первое, что намъ бросилось въ глаза у стариковъ было ужаснѣйшее перерожденіе зубовъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго жеванія бетеля. Десны у нихъ были распухшими и переднихъ зубовъ совершенно не хватало или отъ нихъ имѣлись лишь обломки — это придавало лицу довольно отталкивающее выраженіе, къ которому надо было привыкнуть. Всѣ предшествовавшіе путешественники сообщаютъ единогласно, что никобарцы принадлежатъ къ наиболѣе некрасивымъ первобытнымъ племенамъ. Я не могу согласиться съ этимъ заключеніемъ — оба старика, которые насъ первые встрѣтили, были хорошо сложены, сильны и коренасты, и если не обращать вниманія на обезображенный ротъ, производили совсѣмъ ужъ не такое отталкивающее впечатлѣніе. Между молодыми встрѣчались люди, хотя и нельзя сказать чтобы особенно красивые, но все же высказывавшіе довольно хорошее сложеніе, мальчишки же производили впечатлѣніе премилыхъ шалуновъ. Туземцы охотно согласились позировать передъ камерой, и потому мы можемъ предложить читателю нѣсколько снимковъ съ натуры. Если физіономіи туземцевъ кажутся нѣсколько серьезными и недовѣрчивыми, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ того невольнаго сомнѣнія, которое возбуждаетъ во всѣхъ таинственный фотографическій аппаратъ. Цвѣтъ кожи никобарцевъ нѣсколько темнѣе, чѣмъ у малайцевъ, и имѣетъ явственный красновато-коричневатый оттѣнокъ, который особенно бросался въ глаза у туземцевъ, занимавшихся на берегу рыбною ловлею—онъ напомнилъ намъ краснокожихъ Сѣверной Америки. Въ среднемъ никобарцы болѣе крупнаго роста, чѣмъ малайцы—ростъ ихъ около 1,6 метра и подходитъ къ росту европейцевъ. Скулы ихъ сильно выдаются, носъ сплюснутъ и углы широкаго рта нѣсколько приподняты. Косого расположенія глазъ ни у одного изъ нихъ не было замѣтно: глаза лежатъ обыкновенно глубоко подъ сильно развитыми надбровными дугами и верхнее вѣко нѣсколько прикрыто заходящей за него кожною складкою.

Рис. 70. Старый никобарецъ.

Приплюснутая форма затылка, которая, по сообщенію прежнихъ путешественниковъ, вызывается у дѣтей искусственно, но бросалась въ глаза. Черные волосы густы и длинны, у одного изъ стариковъ спускались до самыхъ плечъ густые сѣдоватые локоны, придерживаемые ободомъ. У другихъ мужчинъ мы замѣтили волоса то сильно волнистые, то жесткіе и короткіе. У двоихъ, и между прочимъ у нашего переводчика, между ними имѣлся проборъ и волоса были сильно смазаны кокосовымъ масломъ, мальчишки же ходили коротко остриженными. Ни у одного туземца не было и признаковъ бороды. Тѣло у всѣхъ было пропорціонально сложено и, за исключеніемъ болѣе пожилыхъ, уже склонныхъ къ ожиренію субъектовъ, проявляло сильную мускулатуру и рѣзко выдающіеся кровеносные сосуды. У обоихъ стариковъ въ продырявленныхъ ушахъ торчали кусочки бамбука, которые при отсутствіи одѣянія играли до нѣкоторой степени роль кармановъ—туда они втыкали сигары, которыя принимали отъ насъ съ большою охотою. Татуировки не было замѣтно ни удного изъ туземцевъ. Въ видѣ украшенія мужчины носили серебряные браслеты и кольца. Въ языкѣ ихъ поражали, какъ сообщалось уже и прежними путешественниками, особые гортанные звуки, которые, впрочемъ, меньше свойственны были молодымъ. Относительно женщинъ я могу, къ сожалѣнію, только сообщить, что болѣе старыя были поразительно безобразны со своими сильно выдающимися скулами, плоскими носами и исковерканнымъ, благодаря жеванію бетеля, ртомъ. Было очень трудно убѣдить ихъ выйти изъ ихъ закопченныхъ хижинъ для позированія передъ камерой. Когда же онѣ появились, то все мужское населеніе было поражено, повидимому, ихъ необыкновенно парряднымъ одѣяніемъ: съ волосъ ихъ такъ и капало кокосовое масло, а тѣло было облечено въ бумажные платки невѣроятно яркихъ красокъ и въ кофты, либо совершенно незастегнутыя, либо застегнутыя на выворотъ.

Изъ шести хижинъ, три имѣли у основанія квадратныя очертанія, и какъ мы скоро замѣтили, являлись лишь амбарами для провіанта. Для той же цѣли служила небольшая восьмая хижина, выстроенная нѣсколько поодаль и какъ бы спрятанная среди пальмъ. Хижины, служившія для обитанія имѣютъ такую форму, какой не встрѣчается болѣе нигдѣ на всемъ Малайскомъ архипелагѣ, за исключеніемъ острова Энгано—именно онѣ круглы и издали напоминаютъ огромные соломенные ульи. Поселеніе располагается исключительно въ полосѣ прилива, причемъ заботятся, чтобы хижины были по возможности защищены отъ юго-западнаго муссона и открыты для прохладнаго сѣверо-восточнаго. Всѣ онѣ располагаются на высокихъ столбахъ, сдѣланныхъ изъ обтесанныхъ бревенъ. Округлыя хижины покоятся приблизительно на 18 столбахъ, поставленныхъ по окружности и подпертыхъ мѣстами косо направленными подставками. Внутри наружныхъ столбовъ, встрѣчается еще нѣкоторое количество внутреннихъ столбовъ, которые подпираютъ крестообразно положенные стволы бамбука. Полъ хижины располагается на 2 — $2^1/_2$ метрахъ надъ землею, такъ что по нимъ легко можно пройти. Между столбами, подпирающими полъ, остается пространство, которымъ пользуются для сохраненія различныхъ запасовъ, они помѣщаются или на особыхъ подставкахъ, или на площадкахъ, подвѣшенныхъ на ротанговыхъ веревкахъ. Куполообразная крыша, увѣнчанная фигурно вырѣзаннымъ столбомъ, круто поднимается и покрыта снаружи волокнами пальмы нипа. Стѣны жилого помѣщенія устраиваются изъ досокъ и, какъ было видно, по крайней мѣрѣ, на

двухъ хижинахъ, покрываются либо пальмовой корою, либо пальмовыми листьями. Къ четырехъугольному входу въ хижину, закрываемому сплетеннымъ изъ пальмовыхъ волоконъ пологомъ, ведетъ лѣстница.

При посѣщеніи такой хижины бросается, прежде всего, въ глаза то огромное количество людей, которое въ ней обычно помѣщается;—я замѣтилъ по крайней мѣрѣ 10 душъ, бо́льшею частью старыхъ женщинъ съ обнаженною верхнею частью тѣла,—онѣ были заняты разрываніемъ банановыхъ листьевъ для приготовленія «корабля духовъ», о которомъ рѣчь будетъ ниже. Посрединѣ хижины висѣла ярко раскрашенная четыреугольная доска, обвѣшанная зелеными гирляндами изъ расщепленныхъ листьевъ. Первоначально я подумалъ, что это тоже украшеніе корабля духовъ, но затѣмъ узналъ, что такая доска имѣется въ каждой хижинѣ и вѣнкамъ листьевъ, повѣшеннымъ на ней, приписывается чудодѣйственная сила. Эти вѣнки изъ листьевъ раскладываются вокругъ дома во время празднествъ для защиты отъ злыхъ духовъ и потому, миссіонеры называютъ ихъ «вѣнками пьянства». Противъ самаго входа располагается низкій очагъ, окруженный камнями, и на немъ въ одной изъ хижинъ старикъ жарилъ разрѣзанную пополамъ курицу, причемъ топливомъ ему служили сухіе пальмовые листья. Наравнѣ съ разнообразными украшеніями, платками, шнурами бусъ и круглыми плетеными корзинами, висѣвшими на потолкѣ, бросались въ глаза курьезныя фигуры фетишей, разставленныя по стѣнамъ—это были изображенія почти въ ростъ человѣка, съ повязкою вокругъ поясницы и съ оружіемъ въ неуклюже вытянутыхъ рукахъ. Положительно, мнѣ никогда не приходилось видѣть чего-либо болѣе курьезнаго, какъ эта забавная коллекція примѣрно изъ 15 фетишей, между которыми находились также фигуры, напоминавшія до нѣкоторой степени европейцевъ въ цилиндрѣ.

Пребываніе въ хижинѣ, наполненной дымомъ и запахомъ отъ скучившихся людей, не особенно пріятно, но оно несомнѣнно, для туземцевъ цѣлесообразно—москиты, обусловливающіе заболѣваніе маляріей, никоимъ образомъ не могутъ сюда проникнуть. Не подлежитъ сомнѣнію, что свойственное малайскимъ и папуасскимъ племенамъ характерное для нихъ обыкновеніе строить хижины на столбахъ или на деревьяхъ обусловливается не столько боязнью нападенія, сколько вѣковымъ опытомъ, передаваемымъ по традиціи и убѣждающимъ въ томъ, что такія жилища лучше защищаютъ отъ маляріи. Москиты поднимаются на воздухѣ не особенно высоко, и итальянскіе пастухи Кампаньи, спящіе на высокихъ помостахъ, подъ которыми они разводятъ сильно дымящійся огонь, защищаются отъ лихорадки сходнымъ же способомъ, какъ дикари, скучивающіеся въ наполненныхъ дымомъ и почти герметически запирающихся хижинахъ на высокихъ столбахъ.

Изъ домашнихъ животныхъ мы замѣтили черныхъ свиней, большое количество куръ и довольно кроткихъ собакъ средней величины. Свинья даетъ никобарцу жаркое въ праздникъ, въ обыкновенное же время объ его трапезѣ заботится богатая окружающая растительность. Любимымъ кушаньемъ никобарцевъ является особое тѣсто, приготовляемое изъ плодовъ одного изъ пандануcовъ (*Pandanus mellori*), которое замѣняетъ хлѣбъ. Мы находили всюду большіе запасы собранныхъ плодовъ пандануса. Вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ обильное питаніе никобарцу и обычный другъ человѣка подъ тропиками—кокосовая пальма. Послѣ того, какъ мы походили по берегу подъ жгучими лу-

чами солнца, туземцы поднесли намъ разбитые кокосовые орѣхи, водянистое содержимое которыхъ показалось намъ положительно нектаромъ. Надрѣзая почки и черешки листьевъ пальмы, никобарцы добываютъ свое пальмовое вино или «тодди», которое сохраняется въ бамбуковыхъ сосудахъ. Изъ саговой пальмы (*Cycas Rumphii*) приготовляется особое крахмалистое печенье и, кромѣ того, въ пищу употребляются бананы, папайи, плоды манго и ананасы.

Кромѣ того, и море предлагаетъ туземцамъ свои обильныя сокровища. Всѣ наблюдатели согласны съ тѣмъ, что никобарцы превосходные рыболовы,—своими острогами хорошей работы, а также и своими сѣтями и вентерями они добываютъ самыхъ разнообразныхъ и очень вкусныхъ рыбъ. Менѣе наклонностей, повидимому, проявляютъ туземцы къ охотѣ, но все же иногда они охотятся съ дротиками на дикихъ свиней и, собираясь въ большія общества, рѣшаются предпринимать охоты даже на буйволовъ. Подобно всѣмъ дикимъ народамъ, никобарцы отъ природы обладаютъ большою наблюдательностью, прекрасно различаютъ растенія и животныхъ и даютъ имъ особыя названія.

Успѣшному рыболовству ихъ содѣйствуетъ превосходное устройство лодокъ. Онѣ приготовляются изъ стволовъ *Calophyllum*, снабжены двумя боковыми поплавками изъ бревенъ, мачтой и парусами, сдѣланными изъ листьевъ ротанга или изъ вымѣнянной парусины. Передняя часть оканчивается красиво изогнутымъ носомъ, множество скамеечекъ позволяютъ помѣщаться въ лодкѣ большому числу гребцовъ, которые гребутъ веслами съ удлиненными лопастями, сдѣланными изъ краснаго дерева и дикаго мангустана. Мнѣ удалось вымѣнять одну такую лодку отъ туземцевъ, пріѣхавшихъ къ намъ, и она украшаетъ теперь собою лейпцигскій этнографическій музей. Въ тихихъ заводяхъ вдоль берега я видѣлъ еще туземцевъ, ловившихъ рыбу стоя, съ очень небольшихъ челночковъ.

Случаю угодно было, чтобы мы застали туземцевъ за занятіемъ, о которомъ прежніе путешественники, даже проводившіе болѣе долгое время, знали лишь по наслышкѣ. Именно, они усердно трудились надъ приготовленіемъ своеобразнаго судна, которое играетъ большую роль въ ихъ вѣрованіяхъ и является какъ бы *кораблемъ духовъ*. До сихъ поръ существовало лишь достовѣрное описаніе такого корабля духовъ, вышедшее изъ-подъ пера датскаго наблюдателя де-Рёпсторффа, который былъ убитъ на островѣ Карморта, впрочемъ, не никобарцами, а однимъ изъ сипаевъ. Въ виду этого, будетъ, быть можетъ, небезынтереснымъ, если мы опишемъ то, что намъ удалось видѣть, и, на основаніи сообщеній миссіонеровъ и знатоковъ даннаго племени, попробуемъ охарактеризовать религіозныя воззрѣнія туземцевъ. При этомъ мы будемъ слѣдовать даннымъ, сообщаемымъ австрійскимъ морскимъ врачомъ Свобода, пробывшимъ нѣкоторое время на Никобарскихъ островахъ.

Какъ и у всѣхъ первобытныхъ народностей, основой религіозныхъ представленій является вѣрованіе въ злыхъ духовъ, въ особенности въ духовъ умершихъ—«иви», которые снова стремятся войти въ какое-нибудь тѣло и вселиться въ кого-нибудь изъ живыхъ. Духъ умершаго остается безъ родины, безъ собственности и безъ какихъ-либо радостей и пытается отдѣлиться отъ мертваго тѣла и завладѣть кѣмъ-либо изъ оставшихся въ живыхъ. Если ему это удается, то тотъ, кѣмъ духъ завладѣлъ, начинаетъ испытывать различныя несчастья—прежде всего уже заболѣваетъ лихорадкой. Чтобы защититься отъ

этого и сдѣлать пребываніе «иви» въ мертвомъ тѣлѣ болѣе пріятнымъ, умершему кладутъ въ гробъ все, что онъ считалъ особенно цѣннымъ во время своей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственники отказываются на долгое время отъ всѣхъ радостей и наслажденій, въ особенности отъ жеванія бетеля, чтобы примирить съ собою душу умершаго. Имя его болѣе не упоминается, и всякія отношенія къ нему прерываются уже тѣмъ, что всѣ родственники отказываются отъ наслѣдства. Такимъ образомъ, суевѣріе получаетъ даже перевѣсъ надъ алчностью: всѣ украшенія кладутся вмѣстѣ съ трупомъ, а домашняя утварь и оружіе ставится связаннымъ или сломаннымъ надъ могилой. Туземцы привели насъ къ расположенному рядомъ съ послѣдней хижиной кладбищу—маленькому, живописно спрятанному между кокосовыми пальмами мѣстечку, вокругъ котораго стояло нѣсколько невысокихъ столбовъ. Здѣсь мы увидѣли два связанныхъ между собою пучка различныхъ вещей, причемъ одинъ изъ нихъ висѣлъ на перекладинѣ, положенной между двумя деревьями. Посрединѣ между обоими пучками находился еще свертокъ связанныхъ дротиковъ и гарпуновъ для ловли рыбы. Что содержится въ туго завязанныхъ и завернутыхъ снаружи обрывками матерій пакетахъ, я не могъ разобрать—въ одномъ пучкѣ висѣла скорлупа отъ кокосовыхъ орѣховъ, въ другомъ—тщательно завернутый узелокъ На землѣ лежали плетеныя корзинки, изломанныя глиняныя чашки, молотокъ и, кромѣ того, были повѣшены цѣлыя гирлянды кокосовыхъ скорлупъ на веревкѣ изъ ротанговой пальмы.

Несмотря на всѣ принимаемыя мѣры, иви все же часто возвращаются въ хижины и, чтобы оградиться отъ нихъ, туземцы устраиваютъ выше упомянутые деревья духовъ, торчащіе изъ воды. Репсторффъ считалъ эти деревья за вѣхи, выставляемыя для указанія мѣста, гдѣ можно пристать къ берегу, другіе наблюдатели считаютъ ихъ предметами, связанными съ вѣрованіемъ въ злыхъ духовъ. Это послѣднее предположеніе является, несомнѣнно, болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ туземцы превосходные рыболовы и не нуждаются въ этихъ курьезныхъ украшеніяхъ для того, чтобы оріентироваться въ хорошо извѣстномъ имъ фарватерѣ. Если я считаю эти деревья духовъ приспособленіями, которыя должны оградить отъ нашествія иви, то основываю это мнѣніе на томъ обстоятельствѣ, что, съ одной стороны, такіе стволы, украшенные пучками листьевъ, устраиваются надъ могилами, съ другой же—подобные, но болѣе короткіе столбы съ однимъ лишь пучкомъ листьевъ на верхушкѣ, находились противъ каждой изъ трехъ хижинъ. Эти послѣдніе столбы совершенно напоминали столбы, выставляемые на могилахъ и считающіеся превосходнымъ чудодѣйственнымъ средствомъ противъ иви; на тѣхъ и на другихъ столбахъ были навязаны также кокосовыя скорлупы.

Подобно тому, какъ деревни и отдѣльныя хижины защищаются отъ вреднаго дѣйствія иви, такъ и каждый изъ туземцевъ старается вооружиться хорошимъ талисманомъ, который бы отгонялъ и пугалъ злыхъ духовъ. Для этой цѣли служатъ особые фетиши или «кареау» туземцевъ, вырѣзаемые изъ мягкаго дерева и разставляемыя по стѣнамъ жилищъ; благодаря подражанію европейскому одѣянію, фетиши эти получаютъ иногда поразительно курьезную форму. Въ литературѣ мнѣ не приходилось встрѣчать никакихъ указаній на присутствіе подобныхъ идоловъ у никобарцевъ, и потому будетъ, пожалуй, небезынтересно привести здѣсь изображеніе такого фетиша (рис. 71), котораго съ удовольствіемъ продали мнѣ за бутылку виски. Это, несомнѣнно, идолъ

женскаго пола, моделью для коего служила, надо полагать, бабушка самого дьявола и, по всей вѣроятности, онъ дѣйствительно можетъ внушить всѣмъ забирающимся въ хижину иви достаточный ужасъ и отвращеніе. Физіономія его выкрашена въ красный цвѣтъ, свѣшивающіяся груди вымазаны кровью, а глаза сдѣланы изъ перламутра. Когда я его осторожно положилъ на песокъ, сейчасъ же подошелъ одинъ изъ стариковъ, поднялъ и снова поставилъ его вертикально.

Если послѣ погребенія умершаго родственники испытываютъ какія-либо несчастья или заболѣваютъ лихорадкой, то тогда принимаются различныя мѣры для изгнанія иви. Устраивается особое празднество, зарѣзывается свинья, выпивается въ изобиліи пальмовое вино, выкуривается много табаку и въ то же время женщины завываютъ страшнымъ образомъ и приносятъ въ жертву духу различные предметы своего обихода и пищевые запасы. Особые волшебники или «манлоенэ», обладающіе способностью видѣть въ пьяномъ состояніи иви и укрощать ихъ, постепенно приходятъ все въ большее и большее возбужденіе и производятъ заклинанія; они начинаютъ жалобную пѣснь, бѣгаютъ за иви, чтобы поймать его, посадить его въ особую корзинку для духовъ и помѣстить на кораблѣ духовъ. Какъ разъ за приготовленіемъ такого корабля мы и застали населеніе Иту. Основу корабля образуютъ три длинныхъ ствола, связанные въ плотъ пятью перекладинами, находящимися на равныхъ между собою разстояніяхъ. Корабль снабженъ двумя мачтами изъ бамбука и бугшпритомъ, который находится на переднемъ концѣ, обращенномъ къ водѣ. Отъ мачтъ идутъ веревки изъ ротанговой пальмы, увѣшенныя гирляндами изъ расщепленныхъ пальмовыхъ листьевъ; на задней мачтѣ гирлянды образовывали нѣчто въ родѣ паруса и, кромѣ того, обѣ мачты были украшены еще расщепленными банановыми листьями. Въ заднемъ отдѣлѣ корабля находится столъ, покрытый кокосовыми циновками и отъ него идутъ деревянныя палки къ бугшприту. На этомъ столѣ, по словамъ Репсторффа, кладется пища для иви на три дня и, кромѣ того, вѣшаются корзинки для духовъ, служащія для помѣщенія иви. Очевидно также для украшенія корабля духовъ стояли приготовленныя около одной изъ хижинъ бамбучины съ пучками листьевъ, совершенно напоминавшія тѣ, которыя были воткнуты въ землю передъ хижинами. Не берусь сказать, были ли плоды пандануеовъ и косовые орѣхи, лежавшіе на особомъ помостѣ около корабля и большая плетеная корзинка, также предназначены для иви.

Рис. 71. Фетишъ никобарцевъ.

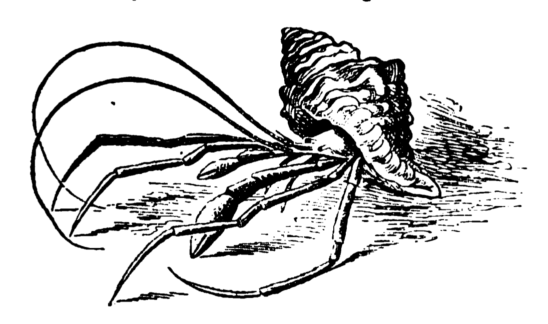
Корабль духовъ берется затѣмъ на буксиръ и выводится въ открытое море, гдѣ его предоставляютъ волѣ вѣтра и волнъ. Этимъ, однако, еще не заканчиваются мѣры, принимаемыя для умиротворенія душъ усопшихъ. Три мѣсяца спустя послѣ смерти какъ болѣе близкіе, такъ и болѣе отдаленные родственники устраиваютъ особый праздникъ мерт-

ныхъ, при свѣтѣ факеловъ, и, наконецъ, часто еще по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ устраивается болѣе грандіозный праздникъ, при которомъ поминаются и всѣ позднѣе умершіе. Празднества эти связаны съ большими расходами, такъ какъ на нихъ собираются и приглашенные изъ сосѣднихъ деревень, ожидающіе, что хозяева не будутъ скупиться на питія и яствa, и прежде всего на свиное жаркое и пальмовое вино. Потому еще задолго до праздника свиньи помѣщаются въ бамбуковыя стойла и ихъ начинаютъ откармливать кокосами и пандаиусами, причемъ охраняютъ отъ вселенія въ нихъ иви вырѣзанными изъ дерева свиными фетишами — это основывается на томъ, что свиньи также страдаютъ отъ лихорадки. По прошествіи многихъ дней, проведенныхъ въ пѣніи и пляскѣ, въ закалываніи свиней и торжественныхъ пирахъ, устраивается общее оплакиваніе и трупъ вырывается. Черепъ очищается и его несутъ торжественной процессіей въ хижину, причемъ мужчины фехтуютъ особыми палками и въ особыхъ колпакахъ. Въ хижинѣ на черепъ одѣвается особая шляпа. Всѣ родственники кладутъ себѣ его на колѣни, ласкаютъ его и помѣщаютъ затѣмъ на алтарь, ставя передъ нимъ бетель, сигаретки и праздничный ужинъ. Когда мертвецъ достаточно проникнется убѣжденіемъ, что оставшіеся въ живыхъ сильно опечалены его смертью, черепъ снова зарывается въ землю. Наконецъ, сжигаются сухіе листья украшеній на могилѣ, причемъ туземцы голые перескакиваютъ черезъ огонь, чтобы предохранить себя «отъ холода», т.-е. отъ лихорадки. Послѣ того, какъ при помощи факеловъ иви оказываются окончательно изгнанными изъ хижинъ, передъ хижиной вѣшается особая доска и тогда только для семьи начинается новая эра существованія, уже свободная отъ преслѣдованій злыхъ духовъ.

Вѣроятно, у многихъ читателей разсказъ этотъ вызоветъ сожалѣніе къ суевѣрнымъ заблужденіямъ дикарей, благодаря которымъ отравляется значительная часть ихъ существованія. Положительно кажется, что туземцы живутъ въ постоянной атмосферѣ ожиданія несчастья и вѣчно думаютъ о томъ, какъ бы отклонить неминуемую бѣду, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы только спастись отъ нея. Заботы о предохраненіи себя отъ злыхъ духовъ ведутъ нерѣдко къ самой утонченной жестокости, но иногда обусловливаютъ такъ же и появленіе обычаевъ, не лишенныхъ нѣкотораго поэтическаго оттѣнка. Къ такимъ обычаямъ должно причислить приготовленіе корабля духовъ—этого курьезнаго судна, которое должно умиротворить души усопшихъ тѣмъ, что будетъ предоставлено посреди моря волѣ рока. Вполнѣ ясно, однако, что первобытный человѣкъ, обитающій въ этихъ зараженныхъ лихорадкою мѣстностяхъ, подпадаетъ сильнѣе помрачающему его умъ чувству страха, чѣмъ обитатели болѣе здоровыхъ горныхъ странъ. Въ гавани Нанкаури старанія всѣхъ многочисленныхъ миссіонеровъ оставались безплодными, несмотря на все ихъ самопожертвованіе. Устроенная здѣсь въ 1889 году англійско-индійскимъ правительствомъ колонія для преступниковъ должна была быть уничтожена изъ-за лихорадки—лишь туземцы могутъ здѣсь выдержать, да и то они не застрахованы отъ этой болѣзни. Всѣ помыслы и всѣ старанія туземцевъ направлены къ тому, чтобы предохранить себя отъ этого, подкарауливающаго ихъ въ густыхъ джунгляхъ бѣдствія, и продолжительный опытъ научилъ ихъ, какъ оградиться отъ «иви»—слово, которое можно перевести почти прямо маляріей. Положимъ, не малую роль тутъ играютъ и пустые предразсудки, но кажется, что

никобарцы съумѣли все же соединить пріятное съ полезнымъ, и въ ихъ тризнахъ, фехтованіи на палкахъ, галлереяхъ предковъ, корабляхъ духовъ, опьяненіи пальмовымъ виномъ и поѣданіи свинины, не мало такого, что ихъ дѣйствительно предохраняетъ отъ иви—маляріи. Фетишизмъ заключается въ томъ, что какому-либо изъ вещественныхъ предметовъ придаются сверхъестественныя свойства. Нашему просвѣщенному образу мыслей противно допущеніе такой связи естественнаго со сверхъестественнымъ, но оно вполнѣ согласуется съ наивнымъ міровоззрѣніемъ простого народа. Послѣднее сплошь проникнуто фетишистическими воззрѣніями, благодаря чему является иногда поразительный параллелизмъ съ міромъ идей первобытнаго человѣка. Какъ тамъ, такъ и здѣсь встрѣчаются вѣрованія во вліяніе духовъ, которыхъ стараются сдѣлать для себя благосклонными при помощи амулетовъ, реликвій, разрисованныхъ и вырѣзанныхъ фетишей, или же пробуютъ изгнать при помощи заклинателей или колдуновъ.

Вѣрованія никобарцевъ, несмотря на всѣ параллели съ другими фетишистическими представленіями малайскихъ народностей, проявляютъ все же столько своеобразныхъ чертъ, что всѣ наблюдавшіе эту народность невольно задаются вопросомъ,—откуда она произошла? На сѣверныхъ островахъ она уже болѣе пришла въ соприкосновеніе съ культурой, чѣмъ на среднихъ и южныхъ, и именно на самомъ южномъ изъ островов, на Большомъ Никобарскомъ, сохранились внутри острова и въ нѣкоторыхъ береговыхъ мѣстечкахъ въ наиболѣе чистомъ видѣ первобытныя условія. Тамъ обитаетъ племя «жомпенъ», которое по сообщенію Рёпсторффа, и бывшаго начальника колоніи преступниковъ Мана, является наиболѣе примитивнымъ между остальными никобарцами. Для выясненія вопроса о происхожденіи никобарцевъ слѣдовало бы подвергнуть обстоятельному этнографическому изслѣдованію этихъ наиболѣе первобытныхъ обитателей островов и ознакомиться подробнѣе съ ихъ внѣшностью, языкомъ и обычаями. Взгляды Рёпсторффа, который относитъ никобарцевъ къ монгольской рассѣ, встрѣтили мало сочувствія. Для тѣхъ же, кто считаетъ ихъ принадлежащими къ заключающей такіе разнородные элементы малайской рассѣ, можетъ служить подтвержденіемъ не только типъ туземцевъ, но и то не маловажное обстоятельство, что округлыя хижины, совершенно неизвѣстныя на всемъ Малайскомъ архипелагѣ, встрѣчаются снова очень далеко отъ Никобарскихъ островов на островѣ Энгано, самомъ южномъ изъ островов Ментавейской впадины. И дѣйствительно, Джигліоли удостовѣряетъ, что многочисленныя фотографіи, которыя были получены безстрашнымъ путешественникомъ Модигліани, выказываютъ необыкновенное сходство между обитателями острова Энгано и никобарцами.



ГЛАВА XVI.

Отъ Никобарскихъ островов до Цейлона.—Островъ Цейлонъ.—Малединскіе острова.

Вечеромъ 9-го февраля съ заходомъ солнца мы покинули идиллическую гавань Нанкаури. Мирно отражались въ морѣ хижины, окаймленныя темной зеленью, туземцы махали намъ руками съ лодокъ, посылая прощальный привѣтъ. Быстро наступила темнота и на безоблачномъ небѣ заблистали въ зенитѣ Оріонъ и Сиріусъ, и съ радостью привѣтствовали мы давно не виданное созвѣздіе Большой Медвѣдицы—признакъ того, что мы находились уже на 8° сѣвернѣе экватора. Мы взяли курсъ на Цейлонъ и, благодаря попутному вѣтру и теченію, быстро прошли черезъ южную часть Бенгальскаго залива. Два промѣра, давшіе глубины въ 3.974 и 3.692 метра, показали намъ, что глубоководный илъ все еще такой же зеленоватый, какой былъ нами найденъ при приближеніи къ Суматрѣ.

Въ виду того, что эта область была уже изслѣдована индійской глубоководной экспедиціей, мы не производили работъ траломъ и ограничивались ловомъ вертикальными сѣтями, которые здѣсь, какъ и ранѣе въ Атлантическомъ океанѣ, дали намъ необыкновенно богатые результаты.

На поверхности мы встрѣтили такую же микроскопическую фауну, какъ и въ тропическихъ частяхъ Атлантическаго океана — она характерна для всѣхъ тропическихъ морей. Шарообразные *Pyrocystis*, рицосоленіи, цератіи съ длинными отростками и упомянутые выше превосходные представители перидиніевыхъ (*Amphisolenia, Ornithocercus, Ceratocorys, Goniodoma*), а также встрѣчавшіеся на большихъ глубинахъ *Planktoniella, Halosphaera, Asteromphalus*, являлись характерными формами нашихъ уловов.

Между тѣмъ, палуба «Вальдивіи» превратилась мало-по-малу въ зоологическій садъ. Каждый изъ нашихъ матросовъ не преминулъ обзавестись въ Падангѣ обезьяной и свободные отъ занятій часы проводилъ съ нею вмѣстѣ въ нѣжномъ tête-à-tête. Когда поднимался глубоководный тралъ, то постоянно десятка два четверорукихъ шныряли вокругъ и около и, вполнѣ раздѣляя воодушевленіе, охватывавшее зоологовъ при поимкѣ замѣчательной добычи, старались утащить исподтишка какого-нибудь глубоководнаго рака, взобраться съ нимъ на ванты и тамъ разобрать его по суставчикамъ. Намъ пришлось привя-

зать всю эту компанію на веревку, и обезьяны мстили намъ за лишеніе свободы тѣмъ, что если кто-нибудь проходилъ неосторожно мимо, старались укусить его за ногу. Одна изъ крупныхъ мартышекъ какъ то оторвалась и во время усердной погони за ней упала за бортъ при полномъ ходѣ судна. Хотя она и проявляла удивительную антипатію къ нѣкоторымъ изъ ученыхъ изслѣдователей, она была, тѣмъ не менѣе, любимцемъ всей команды, и ея жалкая участь возбудила всеобщее сожалѣніе. Мы, однако, слишкомъ преждевременно оплакивали ее и не приняли во вниманіе той ловкости и присутствія духа, которыя свойственны обезьянамъ: въ послѣдній моментъ она схватилась за нашъ лагъ, постоянно тащившійся за пароходомъ, уцѣпилась за него, несмотря на то, что онъ вертѣлся, и была поднята на лаглинѣ на бортъ, гдѣ вмѣсто благодарности за спасеніе стала тотчасъ же скалить на насъ зубы. Врядъ ли какое-либо другое животное или хотя бы даже человѣкъ могъ повторить такую удивительную штуку!

Вечеромъ 12-го февраля мы замѣтили южный маякъ Цейлона, подернутаго, несмотря на совершенно безоблачное небо, голубоватымъ туманомъ. Когда мы снова на другое утро оказались посреди роя сингалезскихъ лодокъ въ обширной гавани Коломбо и сразу перенеслись въ суетню океаническаго пароходнаго сообщенія и дѣловое оживленіе большого торговаго города, намъ положительно взгрустнулось о тѣхъ мирныхъ и тихихъ фіордахъ и бухтахъ, гдѣ приходилось останавливаться за послѣднее время. Никто, однако, не можетъ противустоять волшебной красотѣ этого знаменитаго тропическаго острова, даже и въ томъ случаѣ, если передъ нимъ ранѣе развертывались картины болѣе богатой растительности! Правда, съ погруженными въ постоянную влажность лѣсами Камерунскаго пика и зарослями западной Суматры врядъ ли можетъ сравниться какая-либо тропическая растительность, но зато Цейлонъ представляетъ въ своихъ священныхъ баньянахъ (*Ficus religiosa*) съ ихъ лѣсомъ столбообразныхъ корней, свѣшивающихся съ вѣтвей и укореняющихся въ землѣ, въ своихъ пальмахъ талипо (*Corgpha umbracnlifera*), несущихъ огромныя кисти цвѣтовъ и, наконецъ, въ величественныхъ бамбукахъ ботаническаго сада Пераденіи такія растительныя формы, которыя свидѣтельствуютъ о необыкновенной мощности силъ тропической природы.

На горномъ плато Суматры Агамъ, быть можетъ, также жила народность, культура которой теряется въ не менѣе сѣдой древности, чѣмъ культура сингалезовъ — завоевателей Цейлона, но тамъ отсутствуетъ исторически провѣренное преданіе. Когда же посѣтитель вступаетъ на почву Цейлона и совершаетъ поѣздку въ прежнюю сингалезскую столицу Кэнди, его охватываетъ историческая атмосфера. Посѣщеніе буддійскаго храма, заключающаго въ себѣ реликвію, священную для многихъ милліоновъ людей—именно зубъ Будды, менѣе привлекательно, но зато поразительное удовольствіе доставляетъ поѣздка по окружающимъ хребтамъ, во время которой можно вдоволь налюбоваться на великолѣпные виды. Въ горной котловинѣ располагается тамъ тихое озеро, окаймленное храмами, виллами и цѣлымъ лабиринтомъ домиковъ города; съ другого пункта открывается видъ на долину Махавелли-Ганга и на центральную группу горъ острова съ выдающимися на югѣ вершинами; между ними особенно выдѣляется прославленная въ легендахъ и сказаніяхъ остроконечная Адамова гора.

Проѣзжая черезъ густо населенную и усѣянную чайными плантаціями страну, приходится познакомиться съ коричневыми сингалезами

и позднѣйшими пришельцами томилами, и надо отдать справедливость какъ тѣмъ, такъ и другимъ, что своимъ тѣлосложеніемъ, граціозностью и красотою они положительно выдѣляются изъ другихъ племенъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться. Быть можетъ, у нихъ также есть свои недостатки и, пожалуй, въ смыслѣ энергіи и національнаго самосознанія они стоятъ ниже многихъ другихъ народностей, все же, однако, эти почитатели Сивы и сингалезскіе буддисты производятъ всегда самое симпатичное впечатлѣніе.

Мы здѣсь лишь бѣгло говоримъ о Цейлонѣ, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду, что у этого тропическаго острова уже достаточно бытописателей болѣе компетентныхъ. Тотъ, кому удалось пробыть лишь нѣсколько дней въ Коломбо, Кэнди и въ ботаническомъ саду Пераденіи, подавленъ сразу такимъ количествомъ новыхъ впечатлѣній, что едва въ состояніи переработать ихъ, не говоря уже о томъ, что не можетъ дать достаточно яркой картины.

Благодаря стараніямъ нашего консула, одинъ изъ мѣстныхъ молодыхъ врачей, м-ръ Г. Гэй, согласился сопровождать насъ во время дальнѣйшаго плаванія. Взявъ его на бортъ, мы 16-го февраля утромъ подняли якорь и направились мимо длиннаго ряда пароходовъ, свидѣтельствовавшихъ о торговомъ значеніи Коломбо. Пройдя по гладкой, какъ зеркало бухтѣ къ выходу, мы взяли направленіе на юго-западъ, къ Малединскимъ коралловымъ островамъ, расположеннымъ неподалеку отъ экватора. Снова принялись мы за правильные промѣры, такъ какъ находились въ части моря, мало или совершенно не изслѣдованной въ океанографическомъ отношеніи. 17-го и 18-го февраля были найдены значительныя глубины въ 4.454 и 4.133 метра. Зеленоватый глубоководный илъ, который по выходѣ изъ впадины Ментавей постоянно встрѣчался намъ, былъ здѣсь замѣненъ желтовато-сѣрымъ глобигериновымъ иломъ. Температура на глубинахъ была 1,4° и температурныя серіи показывали, что лишь верхніе слои воды, самое большее толщиною въ 100 метровъ, оказываются сильно прогрѣтыми, затѣмъ же слѣдуетъ быстрый скачокъ и вплоть до дна температура сильно понижается.

Тогда какъ до сихъ поръ мы, благодаря вліянію сѣверо-восточнаго муссона, ощущали очень сильное теченіе къ западу, которое даже мѣшало намъ во время работъ съ сѣтями и термометрами, 18-го февраля мы вступили въ область, совершенно не имѣющую теченій. Мы воспользовались этими благопріятными условіями и съ ранняго утра до вечера занимались различными океано-графическими и зоологическими работами.

Особенно поразили насъ здѣсь результаты, полученные при примѣненіи вертикальныхъ сѣтей. Обиліе организмовъ, свободно плавающихъ въ болѣе глубокихъ слояхъ, здѣсь поразительно; сѣти приходили нерѣдко совершенно наполненными черными глубоководными рыбами, прозрачными головоногими, пестрыми раками сергестидами, фіолетовыми глубоководными медузами (*Atolla*) и различными формами червей, между которыми особенно бросались въ глаза ведущіе пелагическій образъ жизни немертины (*Pelagonemertes*). Не менѣе интереса возбудила также находка одного изъ киленогихъ моллюсковъ изъ рода *Carinaria* длиною въ 53 сант.,—настоящаго великана между своими сородичами.

На поверхности также царила богатая жизнь. Особенно много встрѣчалось здѣсь акулъ, которыя вообще появились снова, какъ только мы оставили антарктическія широты. Мы не рѣшались болѣе спускать во

время остановокъ парохода лодку для лова на поверхности, послѣ того какъ однажды акула при такомъ случаѣ схватила за весло. 17-го февраля мы при обычномъ оживленіи, охватывающемъ все судно, поймали не менѣе 7 акулъ, на которыхъ держались многочисленныя рыбы-прилипалы (*Echeneis*). Постепенно мы научились также убивать акулъ и изъ ружья, что удавалось лишь тогда, когда ей бросали предварительно бутылку, которую она пробовала схватить, приподнимая надъ водою голову. Если пуля попадала въ мозгъ, то чудовище съ силою ударяло хвостомъ по водѣ и затѣмъ исчезало въ глубинѣ.

Особенно интересна была находка, сдѣланная 17-го февраля на поверхности моря. Вблизи нашего судна мы замѣтили плывущую раковину наутилуса, которая, повидимому, содержала еще живого моллюска. Намъ удалось выловить ее, но при этомъ оказалось, что въ жилой камерѣ находится не головоногое, а рыбки, которыя въ нее прятались, Около судна мы замѣтили и еще нѣсколькихъ рыбокъ, плававшихъ то въ ту, то въ другую сторону,—мы бросили имъ еще разъ пустую раковину и замѣтили, что всѣ онѣ снова направились къ ней и спрятались въ ней. Рыбокъ этихъ мы нѣкоторое время держали еще въ нашемъ большомъ резервуарѣ—это были представители семейства баллистидъ, но съ точностью опредѣлить мы могли лишь одинъ видъ (*Glyphidodon bengalensis*). Большой шипъ спинного плавника прячется у нихъ въ особый желобокъ и при приближеніи человѣка онѣ стараются поскорѣе попасть въ жилую камеру раковины, обросшей гидроидами и водорослями, и плотно прижимаются къ ея боковымъ стѣнкамъ. Хвостовый плавникъ у нихъ, какъ у плохихъ пловцовъ, развитъ очень слабо. Удивительно, какъ быстро онѣ могли мѣнять при возбужденіи свою окраску: на сѣромъ фонѣ выступали у нихъ свѣтлыя пятна или же самый фонъ становился голубоватымъ и покрывался иногда бѣлымъ мраморнымъ узоромъ.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ экватору, тѣмъ сильнѣе заволакивалось небо и въ то же время поднимался западный вѣтеръ. Никогда намъ не приходилось видѣть болѣе красивыхъ солнечныхъ закатовъ, какъ здѣсь, посреди тропическаго Индійскаго океана; богатство и яркость красокъ кроваво-красныхъ облаковъ съ золотистыми каймами и своеобразный свинцовый цвѣтъ воды, въ которомъ отражались красные лучи, врядъ ли могъ бы быть переданъ какимъ либо живописцемъ. Мы имѣли въ виду произвести кое какія изслѣдованія вблизи экватора, и потому подъ вечеръ 19-го февраля направились къ одному изъ коралловыхъ атолловъ группы Малединскихъ островомъ,—именно, къ атоллу Суадива, гдѣ встали на якорь, недалеко отъ рифа, на глубинѣ около 10 саженъ, у островка, названнаго на картѣ Кандухулуду. Малединскіе острова представляютъ изъ себя, какъ извѣстно, вытянутый въ длину рядъ коралловыхъ атолловъ, простирающійся отъ 0°42′ южн. шир. до 7° 6′ сѣв. шир., слѣдовательно, на протяженіи около 8 градусовъ широты. Въ общей сложности здѣсь, по всей вѣроятности, около 20 крупныхъ атолловъ, которые въ политическомъ отношеніи дѣлятся султаномъ, имѣющимъ свою резиденцію на островѣ Мале, на 12 группъ. Атоллы раздѣляются между собою глубокими и широкими проливами, по которымъ могутъ свободно проходить даже крупные океаническіе пароходы. Наиболѣе широкимъ проливомъ является экваторіальный проливъ, между атоллами Суадива и Аду; именно въ этомъ проливѣ мы и имѣли въ виду произвести изслѣдованія.

Атоллы круто спускаются какъ на западѣ, такъ и на востокѣ въ

море, имѣющее здѣсь болѣе 4.000 метровъ глубины. Проливы между атоллами, за исключеніемъ восьмиградуснаго и экваторіальнаго пролива, еще не промѣрены; въ первомъ имѣются глубины до 1766 метровъ, въ послѣднемъ мы получили подъ самымъ экваторомъ глубину въ 2.253 метра. Рельефъ дна производитъ такое впечатлѣніе, какъ еслибы здѣсь находился подводный хребетъ, на вершинахъ котораго и разрослись коралловые рифы, образовавъ тѣ огромные кольцеобразные атоллы, которые такъ характерны для Мальдивскихъ острововъ.

Атоллъ Суадива имѣетъ въ своемъ продольномъ поперечникѣ съ сѣвера на югъ не менѣе 45 морскихъ миль и является еще и въ томъ отношеніи типичнымъ мальдивскимъ атолломъ, что не образуетъ совершенно замкнутаго кольца, а прерванъ болѣе чѣмъ сотнею проливовъ. Такимъ образомъ онъ разбитъ на огромное количество маленькихъ островковъ, каждый изъ которыхъ окруженъ плоскимъ краевымъ рифомъ. Внутренняя часть атолла также занята нѣкоторымъ количествомъ островковъ и обладаетъ относительно небольшими глубинами, не свыше 80 метровъ. Въ проливахъ между островами замѣчается во время приливного или отливного теченія довольно сильное движеніе воды. Въ проливѣ, передъ которымъ мы стали на якорь, наблюдалось вечеромъ сильное направленное на юго-востокъ теченіе изнутри атолла, а на слѣдующее утро замѣчалось теченіе въ обратномъ направленіи. Тогда какъ сѣверные атоллы подвергаются еще дѣйствію Индійскихъ муссоновъ, южные стоятъ уже внѣ таковаго—здѣсь направленіе вѣтра и погода перемѣнчивы, часто бываютъ дожди и сильныя бури.

Вскорѣ послѣ того какъ мы встали на якорь, къ намъ подошла большая плоскодонная лодка, на которой гребли около 20 человѣкъ. Люди эти производили впечатлѣніе мирныхъ жителей и мы позволили имъ подняться къ намъ на бортъ. Это былъ старшина селенія Кандухулуду, славный добродушный старикъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ односельчанъ, чтобы привѣтствовать насъ. Мы были поражены красотою, ловкостью и статнымъ сложеніемъ туземцевъ, которые съ любопытствомъ, но и съ нѣкоторой недовѣрчивостью осматривали наше судно. Очень скоро завязалась оживленная бесѣда. Человѣкъ вездѣ остается человѣкомъ, и выраженія наиболѣе простыхъ чувствъ и желаній при помощи пантомимы удивительно легко понимается всѣми на всемъ земномъ шарѣ, будь это негры, ніасцы, никобарцы или мальдивцы. Сношенія были облегчены еще тѣмъ обстоятельствомъ, что старикъ зналъ словъ 6 на ломанномъ англійскомъ языкѣ. Онъ представилъ мнѣ своего брата и пригласилъ меня провести ночь въ своемъ жилищѣ на сушѣ. Предложеніе это я отклонилъ, но обѣщалъ ему завтра утромъ навѣстить его и вымѣнять у него съѣдобныхъ черепахъ—пособіемъ при этомъ объясненіи служилъ рисунокъ черепахи.

Между тѣмъ, мы имѣли полную возможность познакомиться ближе со своеобразнымъ типомъ южныхъ мальдивцевъ (рис. 72)—онъ совершенно отличенъ отъ малайскаго и указываетъ скорѣе на связь съ индійскими или даже арабскими племенами. Выраженіе лица довольно умное, глаза большіе и выразительные, губы толстыя и мясистыя, носъ то широкій, то совершенно арійскаго типа. Между болѣе молодыми туземцами намъ бросались въ глаза субъекты совершенно свѣтло-коричневые. Почти всѣ носили на головѣ, въ противоположность мальдивцамъ сѣверныхъ атолловъ, тюрбанъ изъ бѣлой или пестрой матеріи. Верхняя часть тѣла у молодыхъ обыкновенно голая, старые же носили разноцвѣтныя куртки. Поверхъ невысокихъ панталонъ у нихъ былъ одѣтъ въ родѣ са-

ронга кусокъ матеріи, придерживавшійся поясомъ, за которымъ торчалъ ножъ.

Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, я отправился съ нѣкоторыми изъ спутниковъ ко входу въ атоллъ. Грести намъ было легко, такъ какъ теченіе было попутное, но вблизи острова намъ сильно помѣшалъ береговой рифъ. Насъ замѣтили, однако, съ берега собравшіеся тамъ туземцы, одинъ изъ нихъ сѣлъ въ лодку и провелъ насъ по извилистому фарватеру къ берегу. Тамъ насъ встрѣтило все мужское населеніе острова, и прежде всего насъ повели къ огромнымъ черепахамъ, лежавшимъ на спинахъ въ числѣ около 30 на берегу—

Рис. 72. Старшина и жители острова Кандухулуду.

это были морскія черепахи (*Chelonia viridis*), которыхъ намъ продали за недорогую цѣну. Нѣсколько далѣе внутрь острова располагалось спрятанное между кокосовыми пальмами, бананами, манго и гранатовыми деревьями, селеніе. Вѣтви деревьевъ были оживлены огромнымъ количествомъ летучихъ собакъ и воронъ, мы подстрѣлили одну изъ нихъ и впослѣдствіи оказалось, что найденный тамъ видъ вороны—новый. Почти на каждой пальмѣ бросались въ глаза маленькіе навѣсы или же западни, сдѣланныя для защиты орѣховъ отъ кокосовыхъ крысъ.

Само селеніе состояло изъ низкихъ прямоугольныхъ хижинъ, которыя всѣ цѣликомъ были сдѣланы изъ матеріаловъ, доставляемыхъ

кокосовой пальмой; усыпанныя бѣлымъ коралловымъ пескомъ дорожки, равно какъ и хижины, поражали своею чистотою и опрятностью. Нашъ любезный путеводитель, старшина деревни, привелъ насъ въ свою хижину и съ гордостью показалъ стѣнные часы, горящій свѣтильникъ и фарфоровую посуду. Когда я увидѣлъ чистыя кровати и блещущій чистотою полъ, покрытый плетеными циновками, я даже пожалѣлъ нѣсколько, что не принялъ его приглашенія переночевать здѣсь. Тѣнистая дорожка ведетъ отсюда мимо нѣсколькихъ цистернъ къ небольшому кладбищу, затѣненному кокосовыми пальмами и цвѣтущими *Plumiera*, оно прилегаетъ къ очень скромной на видъ мечети. Наши спутники начали читать здѣсь молитвы, мы же за это время разсмотрѣли надгробные памятники изъ кораллового известняка, испещренные арабесками и арабскими надписями. На семейной могилѣ старшины селенія были выставлены многочисленные бѣлые флажки, на другихъ малединскихъ могилахъ висѣли куски кисеи.

Когда мы вернулись въ деревню, постепенно и дѣти стали относиться къ намъ довѣрчивѣе и вмѣстѣ съ женщинами и дѣвушками рѣшились, наконецъ, приблизиться къ намъ. Съ гордостью представилъ старикъ свою дочь, которая была окружена очень красивыми дѣвушками. У всѣхъ у нихъ спускалась до колѣнъ розовая верхняя одежда, изъ-подъ которой была видна пестрая юбка. Шея и грудь у нихъ были прикрыты изящными вышивками съ серебромъ и золотомъ, и еще болѣе поразили насъ богатыя украшенія ихъ на шеѣ въ видѣ золотыхъ ожерелій, золотые браслеты и украшенія изъ монетъ; несомнѣнно, здѣсь населеніе пользуется извѣстнымъ благосостояніемъ, на что указывало и убранство хижинъ. Серебряныя монеты, которыя я имъ давалъ, они принимали очень охотно, отъ мѣдныхъ же отказывались. Они, очевидно, очень были изумлены, что мы не носимъ никакихъ украшеній, и выражали самую наивную радость, когда замѣчали у насъ хотя золотыя обручальныя кольца. Населеніе острова произвело на насъ впечатлѣніе настоящей идилліи—все добродушные и красивые люди съ большимъ любопытствомъ, но и съ нѣкоторой сдержанностью разсматривавшіе чужестранцевъ и не безъ гордости разрѣшавшіе имъ познакомиться со своимъ внутреннимъ бытомъ.

Мужчины проводили насъ до судна, нагрузивъ свои лодки курами и черепахами. Гребутъ они сидя, длинными веслами, у которыхъ очень короткія лопасти, и пользуются парусомъ изъ черехъугольной цыновки или треугольнаго куска парусины. Вокругъ «Вальдивіи» царило сильное оживленіе при нашемъ отходѣ, когда малединцы въ своихъ семи лодкахъ, содержащихъ каждая по 20—30 человѣкъ, окружали пароходъ и прощались съ нами громкими криками.

Довольно трудно выяснить этнографическій характеръ населенія малединскихъ острововъ, тѣмъ болѣе, что историческія данныя захватываютъ очень небольшой промежутокъ времени. Первый, кто посѣтилъ Мaледивы и пробылъ здѣсь болѣе долгое время, именно полтора года, былъ знаменитый арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута. Уроженецъ Танжера онъ по стопамъ Марко Поло посѣтилъ Бухару, переднюю Индію, Тибетъ, Китай и, наконецъ, въ 1343 году прибылъ на Малединскіе острова. Тамъ онъ женился на дѣвушкѣ, принадлежавшей къ знатному семейству, и заслужилъ большое уваженіе туземцевъ, такъ что былъ даже назначенъ министромъ; въ концѣ концовъ, однако, его стало томить желаніе побывать на родинѣ, и онъ уѣхалъ снова съ острововъ. Особенно подробное описаніе острововъ далъ позднѣе фран-

цузскій дворянинъ Пираръ-де-Лаваль. Въ немъ жилъ, очевидно, неукротимый духъ предпріимчиваго нормана, побудившій его пуститься изъ Сенъ-Мало вокругъ мыса Доброй Надежды и черезъ Мадагаскаръ для отысканія прославленныхъ своимъ богатствомъ индійскихъ земель. Онъ претерпѣлъ кораблекрушеніе у Маледивскихъ острововъ и содержался тамъ въ плѣну не менѣе 5 лѣтъ, причемъ съ нимъ обращались, однако, очень хорошо. Освободился онъ, благодаря нападенію на острова бенгальскаго царька, въ 1607 году и послѣ многихъ приключеній вернулся во Францію.

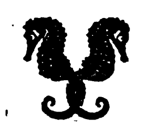
Изъ сообщеній обоихъ путешественниковъ ясно, что, во всякомъ случаѣ, съ того времени, когда они были на островахъ, этнографическій характеръ народности по сію пору не измѣнился.

Въ болѣе новыя времена Маледивскіе острова были посѣщены лишь немногими путешественниками, несмотря на то, что обычный путь въ Индію и на востокъ Азіи ведетъ мимо нихъ. Наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія сообщаютъ англійскіе морскіе офицеры, командированные англійскимъ правительствомъ для промѣровъ и изслѣдованія острововъ въ 1834—36 годахъ. Топографическія съемки атолловъ были произведены капитаномъ Моресби и его офицерами и представляютъ изъ себя примѣръ самой точной и добросовѣстной картографической работы; для изученій коралловыхъ образованій онѣ тѣмъ болѣе цѣнны, что позднѣе, руководствуясь данными картами, можно будетъ легко прослѣдить происшедшія, благодаря поднятію или опусканію, измѣненія. Если принять во вниманіе, что всѣ офицеры и команда ихъ болѣли сильнѣйшей маляріей, то можно положительно лишь удивляться ихъ выносливости и энергіи. Извлеченія изъ ихъ описанія острововъ, дополненное собственными наблюденіями, было опубликовано Белломъ и въ недавнее время Россетомъ, который побывалъ на островѣ Малэ, гдѣ живетъ султанъ. При нижеслѣдующихъ краткихъ замѣчаніяхъ мы будемъ придерживаться данныхъ, сообщаемыхъ послѣднимъ изслѣдователемъ.

Есть основаніе предположить, что Маледивскіе острова были первоначально заселены съ острова Цейлона и лишь позднѣе къ сингалезской крови примѣшалась арабская съ Малабарскаго берега; кромѣ того, въ составъ населенія вошелъ и чернокожій элементъ съ африканскаго побережья. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ отнюдь не чистую рассу, но смѣшеніе, притомъ весьма счастливое—индо германскихъ, хамитическихъ и семитическихъ народовъ. Вліяніе ислама сказывается здѣсь, повидимому, уже съ VIII вѣка, и несомнѣнно, что въ XII вѣкѣ, когда маледивцы находились подъ властью возникшаго на берегу Индіи магометанскаго королевства, они были приверженцами ислама. Когда съ началомъ XVI столѣтія владычество надъ міромъ перешло къ португальцамъ, маледивцы подпали подъ ихъ власть. Съ того времени и на этихъ далеко выдвинутыхъ въ море атоллахъ отражается тотъ огромный переворотъ, который сказался въ переходѣ владычества надъ міромъ отъ португальцевъ сперва къ голландцамъ и затѣмъ, послѣ занятія Цейлона въ 1796 году—къ англичанамъ. Разумѣется, при этомъ дѣло не обошлось безъ жестокостей и чувствительныхъ ударовъ со стороны завоевателей. Впрочемъ, и до сихъ поръ маледивскіе султаны, имѣющіе свою резиденцію на самомъ крупномъ изъ атолловъ, именно на островѣ Малэ, умѣютъ сохранять нѣкоторую независимость.

Въ исторіи отмѣченъ цѣлый рядъ энергичныхъ, дѣятельныхъ и высоко одаренныхъ правителей, которые, мудро сознавая свое безсиліе въ борьбѣ противъ могущественнаго европейскаго вліянія, отпра-

вляютъ ежегодно съ 1645 года къ губернатору Цейлона посольство, принимаемое тамъ обыкновенно съ большими почестями. Жестокія распри, происходящія обыкновенно при магометанскихъ дворахъ, какъ слѣдствіе недостаточно урегулированнаго права престолонаслѣдія, происходили, впрочемъ, и на Малединскихъ островахъ, и если онѣ тамъ сказывались въ болѣе мягкой формѣ, то это зависитъ отъ мягкаго и, несмотря на сильную приверженность къ мусульманству, терпимаго образа мыслей туземнаго населенія.



ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

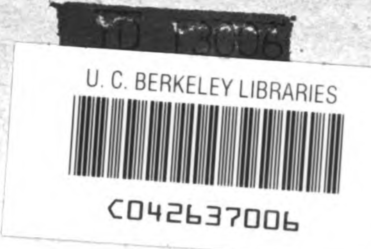
Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.


U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042637006